ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2026, Том 9, №5

Подписано к публикации: 21.07.2026

Главный редактор журнала

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек)– доктор исторических наук, профессор
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г.,РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: hb-journal@yandex.ru
Сайт: https://hb-journal.ru

© Исторический бюллетень, 2026

Содержание

Шавлохова Е.С., Зозуля А.М., Синцова З.О., Азаров А.А.
Зарождение конституционных идей в России XVI-XVII вв.:
от Земских соборов к современному парламентаризму 6-11

Грязнова Е.В., Булычев И.И., Гончарук А.Г.
Благочиние как полицейский участок в истории российского государства:
специфика функций и деятельности 12-17

Иванов А.А.
Экономические причины изменения характера иконописного промысла в конце
XIX – начале XX веков и создание Комитета попечительства о русской иконописи 18-23

Курков В.В., Азеева А.А.
От республиканизма и лаицизма Ататюрка к неоосманизму Эрдогана:
к вопросу о векторе развития идеологии Турецкой Республики в XXI веке 24-31

Муртазаев А.О., Исаева К.Ш.
Проблема черноморских проливов в системе российско-османских
военно-политических отношений (1878-1914 гг.) 32-37

Пацула И.И.
Формирование и развитие химической промышленности на Донбассе
в контексте послевоенного восстановления региона 38-44

Шавлохова Е.С., Бучина А.О., Срыбная Ю.И., Сутченко А.Е.
Эвакуация промышленности в 1941-1942 гг.: организационные механизмы 45-50

Рожина А.В.
Противопожарное страхование недвижимости духовного ведомства
в Онежском уезде Архангельской епархии в 1910-1917 гг. 51-60

Толчинская Т.И.
Идеологические установки оценки исторических реалий Русско-Кавказской войны XIX в. 61-67

Хизриев А.Х., Магомедов М.З.
Начало формирования «восточного вектора» внешней политики СССР в 1920-1930-е годы 68-75

Середа С.П.
Институциональное оформление тюрьмоведения в России во второй половине
XIX – начале XX в.: от частных инициатив к государственной политике 76-82

Хошев А.Ю.
Об исторической роли русской творческой мысли в оформлении концепции
храма св. Саввы в Белграде и его внутреннего мозаичного благоукрашения 83-92

Чельцов Б.В.
Программные установки и партийная идентичность немецких
христианско-демократических партий 93-103

Антонова Л.А.
Сохранение русских образовательных традиций за рубежом: деятельность
Донского Мариинского института в городе Белая Церковь (1920-1941 гг.) 104-111

Жайбалиева Л.Т.
Культурно-просветительная работа на селе в 1960-е гг. (на материалах Оренбуржья) 112-117

Мусаева С.И., Алиева Х.Х.
Нерчинский договор 1689 года и его значение в становлении русско-китайских отношений 118-123

Никитин А.К.
Реабилитация Н.М. Карамзина в советской историографии: этапы, механизмы, границы 124-129

Оганян В.А.
Клиометрика в российской историографии: от количественных методов к современным вызовам 130-135

Середа С.П.
Эволюция российской пенитенциарной мысли в трудах М.Н. Гернета
и его современников (конец XIX – первая половина XX в.) 136-142

Стегнюшин А.А.
Ссылка в Сибирь как инструмент колонизации окраин в дискурсе лидеров
сибирского областничества (вторая половина XIX – начало XX вв. 143-149

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., Яснитский Н.А.
Военно-мемориальная деятельность по сохранению памятников воинской славы
как фактор формирования исторической памяти и гражданской идентичности молодежи 150-157

Зарюта Д.А.
Charte de coutumes: основы городской идентичности в бастидах XIII-XIV вв. 158-165

Зубарев Н.С.
Апрельская Конституция 1935 г. и трансформация правовой системы
второй Речи Посполитой в 1926-1935 годах 166-174

Вурал Мюжган
Азербайджан: геополитическое «яблоко раздора» между Золотой Ордой и Ильханами 175-183

Колосова С.В.
Журнал «Русский архив» о жизни каторжных в Восточной Сибири 184-191

Кутищев А.В.
Кампания 1705 года на Рейне. Война за испанское наследство (1701-1714 гг.). 192-204

Муртазаев А.О., Омаров Х.С.
Политика Османской империи и османо-иранское соперничество
за Восточный Кавказ в конце XVII – в первой половине XVIII века 205-211

Костылева В.Р., Хаяров Д.Г., Гашенко В.А., Сотникова Е.В.
Номенклатура отечественных оптических приборов в 1930-1940 гг. Исторический анализ 212-217

Меднис С.С.
Исторические формы и эволюция английской коронационной церемонии X-XIV вв. 218-224

Алексеева С.А.
К вопросу об этнической истории алдано-майских и аяно-охотских тунгусов: некоторые
результаты Тунгусской этнографической экспедиции Комиссии
Якутской республики 1926-1928 гг. 225-231

Вурал Чагатай
Браслеты как индикаторы социального статуса, пола и идентичности
в ряде курганов скифского периода на Северном Кавказе 232-240

Герман Р.Э.
Сетевой подход как методология исследования истории
присоединения и освоения окраин Российской Империи 241-248

Власов А.Е., Штепа А.В.
«Не имеющие ни исторического, ни современного значения»: практика уничтожения
секретных дел в Калужском губернском жандармском управлении (1900-1915 гг.) 249-255

Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Чепурнова Н.А.
Эволюция теологического образования в России 256-261

Жила Ю.В.
Общественная деятельность студентов Ульяновского государственного
педагогического института в годы Великой Отечественной Войны 262-266

Курков В.В., Трошин А.С.
Операция «Шторм-333» в оценках ее участников и современных исследователей:
к вопросу об использовании мемуарных источников в изучении афганской войны СССР 267-273

Супренков А.А.
О достижениях и проблемах археологии в восточном Крыму с момента воссоединения 274-288

Юдин И.А.
Образ Турции в переводе-адаптации эпистолярного сборника
«Wielkiego Turka listy» Шимона Старовольского 289-296

Ястржембский П.Н.
СМИ в Бахрейне как зеркало политической системы 297-302

Власов А.Е., Штепа А.В.
Деятельность Калужского губернского жандармского управления
по производству политических дознаний (1909-1917 гг.) 303-312

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (342.41)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-6-11

Зарождение конституционных идей в России XVI-XVII вв.: от Земских соборов к современному парламентаризму

[1] *Шавлохова Е.С.,*
[1] *Зозуля А.М.,*
[1] *Синцова З.О.,*
[1] *Азаров А.А.,*
[1] *Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина*

Аннотация: история формирования парламентаризма в России представляет собой одну из наиболее дискуссионных тем в отечественном конституционализме. Это обусловлено тем, что именно в XVI–XVII вв. сформировались предпосылки для перехода от сословной монархии к абсолютной. В указанный период Земские соборы представляли собой уникальный институт, обладающий элементами народного представительства. На Земских соборах происходило обсуждение государственных дел. Поэтому исследование данной темы является неотъемлемой частью при изучении формирования российского парламентаризма. Актуальность исследования обусловлена не только отсутствием комплексных историографических работ, посвященных Земским соборам. Актуальность исследования связана также с современным контекстом, в котором происходят дискуссии о преемственности традиций представительной власти в России. Исследование особенностей формирования и проведения Земских соборов позволяет переосмыслить историю российского парламентаризма.

Ключевые слова: конституционные идеи, Земский Собор, парламентаризм

Для цитирования: *Шавлохова Е.С., Зозуля А.М., Синцова З.О., Азаров А.А. Зарождение конституционных идей в России XVI-XVII вв.: от Земских соборов к современному парламентаризму // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 6 – 11. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-6-11*

Поступила в редакцию: 2 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The emergence of constitutional ideas in Russia in the XVI-XVII centuries: from Zemstvo Councils to modern parliamentarism

[1] *Shavlokhova E.S.,*
[1] *Zozulya A.M.,*
[1] *Sintsova Z.O.,*
[1] *Azarov A.A.,*
[1] *Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin*

Abstract: the history of the formation of parliamentarism in Russia is one of the most controversial topics in Russian constitutionalism. This is due to the fact that it was in the XVI–XVII centuries that the prerequisites for the transition from estate monarchy to absolute monarchy were formed. During this period, the Zemsky Sobors represented a unique institution with elements of popular representation. State affairs were discussed at the Zemstvo

councils. Therefore, the study of this topic is an integral part of the study of the formation of Russian parliamentarism. The relevance of the research is due not only to the lack of comprehensive historiographical works devoted to the Zemsky Cathedrals. The relevance of the research is also related to the modern context in which discussions about the continuity of the traditions of representative government in Russia are taking place. The study of the features of the formation and conduct of Zemstvo Councils allows us to rethink the history of Russian parliamentarism.

Keywords: constitutional ideas, Zemsky Sobor, parliamentarism

For citation: *Shavlokhova E.S., Zozulya A.M., Sintsova Z.O., Azarov A.A. The emergence of constitutional ideas in Russia in the XVI-XVII centuries: from Zemstvo Councils to modern parliamentarism. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 6 – 11. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-6-11*

The article was submitted: May 2, 2026; Approved after reviewing: June 1, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Формирование предпосылок конституционных идей в России XVI-XVII вв. неразрывно связано с процессом объединения русских земель, который был завершен в XV-XVI вв. После Куликовской битвы 1380 г. и падения Золотой Орды Московское великое княжество под руководством Ивана III и Василия III проводило политику по централизации власти. В соответствии с заданным курсом были интегрированы в единую государственную систему удельные княжества, а также Новгородская земля. Данный процесс сопровождался государственным развитием от удельно-вечевого строя к сословно-представительной монархии. Власть великого князя опиралась не только на личный авторитет. Она была обусловлена согласованием с феодальными элитами и городским населением. Это послужило основой для формирования простейших моделей парламентаризма. В XV в. традиции коллективного обсуждения государственных дел уходили корнями в церковные соборы. Следует вспомнить стоглавый собор 1551 г., на котором духовенство и бояре совместно решали вопросы веры, права и политики. Таким образом, был сформирован принцип «соборности» как формы достижения согласия по основным вопросам государственного развития [1, с. 80].

Одновременно свою деятельность осуществляли Боярская дума, которая представляла собой постоянный совещательный орган при великом князе. Боярская дума эволюционировала из княжеских советов XIV в., в которые входили бояре, духовенство, дьяки. На совете проводилось совместное осуждение законодательства, вопросов внешней политики, земельные дела. К середине XVI в. сложилась основа сословно-представительной монархии, где царская воля предусматривала получение сословного согласия. Это отражало переход к публично-правовым механизмам демократии.

Материалы и методы исследований

Особую роль в формировании предпосылок российского парламентаризма сыграла сословно-представительная монархия при Иване IV Грозном. Эпоха его правления ознаменовалась сознательным использованием соборных форм для укрепления власти под видом поддержки народного представительства. В условиях опричнины и Ливонской войны Иван IV сознательно обращался к представителям сословий, чтобы нейтрализовать боярскую оппозицию. Это привело к созданию первых земских соборов, которые рассматривались как инструмент легитимации реформ. Сословно-представительная монархия не стала проявлением демократии, а служила механизмов обеспечения баланса сил. Царь делегировал обсуждение фискальных и судебных вопросов представителям «средних» сословий, дворянству и посадским людям. Тем самым он ослаблял власть бояр, формируя идеи разделения властей и ответственности монарха. Рассматриваемая модель отражала специфику российской власти. Соборность выступала в качестве религиозно-правового принципа, власть монарха освящалась соборным собранием [2, с. 88].

Первый Земский собор, проведенный в 1549 г., стал реализацией перечисленных предпосылок. Он ознаменовал начало формирования российского парламентаризма. Созванный по инициативе молодого царя Ивана IV и митрополита Макария после крымских восстаний собор включал делегатов, среди которых были бояре, дворяне, духовенство, гости, черные сотни. На соборе проводилось обсуждение «наказов» от воевод и городов. Обсуждение фиксировалось в разрядных книгах и приговорах. Судебная реформа, по итогам которой был издан Судебник 1550 г., установила единообразие судопроизводства, ограничение местничества. Кроме того, она наделила иммунитетами посадских людей, установила ответственность воевод.

Таким образом, на конституционном уровне был закреплен принцип законности и равенства сословий перед законом. Финансовая реформа, устанавливала подворное обложение, узаконив его соборным согласием. Тем самым были введены элементы представительного контроля за бюджетом. Данные меры не только обеспечивали стабильность государства, но и привели к тому, что Земский собор стал рассматриваться в качестве законодательного органа, который способен оказать влияние на царскую волю. В XVI в. прослеживается формирование и развитие парламентаризма[3, с. 185].

Результаты и обсуждения

Институт земских соборов, возникший в системе сословно-представительной монархии Московского царства в XVI-XVII вв, следует рассматривать как наиболее отчетливое проявление парламентаризма перед преобразованиями государства. Его структура и функции отражали постепенную эволюцию государственного устройства, от архаичных традиций соборности к зачаткам парламентаризма. Состав собора формировался строго на основе сословного принципа. В соответствии с данным принципом в состав Собора входили представители различных сословных групп. Это подчеркивало их статус как органа «всей земли». Данное понятие опиралось на представление о том, что земля выступает в качестве общей публичной собственности.

Духовенство также входило в состав собора. Оно состояло из митрополита или патриарха, архиереев и игуменов. Духовенство составляло примерно 10-15 процентов от общего числа делегатов. Наличие в составе Земского собора духовенства является следствием наследования соборной традиции церковных собраний XIV-XV вв. Далее следовали бояре и дворяне, т.е. лица, которые обладали дворцовыми чинами, а также являлись выборными представителями государевых слуг. Их количество насчитывало по сто человек от Москвы и провинциальных уездов. Они формировали законодательное ядро и обеспечивали баланс сословных интересов. Горожане и посадские люди являлись представителями сотенных и слободских общин. Черносотенцы на соборах отстаивали торгово-финансовые интересы и вносили практические наказы от городских низов [4, с. 48].

Процесс выборов носил локальный характер. Уездные и городские чины избирали делегатов на основании письменных «наказов» т.е. инструкций с жалобами и предложениями. Они фиксировались в разрядных книгах и соборных листах. Это служило проявлением первых элементов демократии, ограниченной сословными цензами. Однако низшие слои вроде крестьян и холопов полностью исключались из числа участников. Такая структура создавала собрание, аналогичное европейским сословным органам, в котором каждый слой населения имел голос при коллегиальном обсуждении.

Чтобы сформировать полное понимание институциональной природы Земских соборов, необходимо установить их виды, в зависимости от периодичности и поводов для созыва. Это позволяет проследить последовательное развитие от единичных мероприятий до регулярных собраний. В рассматриваемый период преобладали внеочередные или чрезвычайные соборы. Они созывались в момент острых кризисов, например, в случае военных неудач, фискальных затруднений или прерывания династии. Наряду с ними существовали периодические или обычные соборы. Они стремились к системности. Однако отсутствие строгих сроков, процедуры роспуска и финансирования не позволило им стать регулярными. Эта двойственность подчеркивает переходный характер соборов, от эпизодических советов к элементам парламентаризма [5, с. 372].

Функциональные полномочия соборов развивались поэтапно. Изначально они осуществляли исключительно консультативную роль, выражали мнение «о делах земских». Затем они участвовали в обсуждении законодательных актов, которые охватывали широкий спектр государственных вопросов. Главным направлением было утверждение монархов. На соборе 1547 г. была узаконена коронация Ивана IV, а на соборе 1598 г. узаконено воцарение Бориса Годунова, на собор 1613 г. признано законным воцарение Михаила Романова. Таким образом, царская власть освящалась «приговором» как коллективным актом суверенитета. Это стало предпосылкой идей народного избрания.

Полномочия Земского собора были также связаны с утверждением налогов и повинностей. На соборе 1571 г. вводился «полоняничный» налог на выкуп пленных. На соборе 1653 г. был одобрен медный двор, т.е. установление соборного контроля за фискальной политикой. Помимо двух указанных сфер на Земском соборе обсуждались внешнеполитические решения. Кроме того, Земский собор оказал влияние на судебно-правовые реформы, например, в 1648 г. было принято Соборное уложение, в котором были систематизированы сословные права. Данный правовой акт действовал до 1832 г., и стал вершиной соборного законодательства. Формально Земский собор не подчинялся монарху, все решения выносились коллегиально, однако в то же время все решения зависели от его воли, в том числе, решение о созыве [6, с. 121].

В период событий 1610-1613 г., в эпоху Смутного времени, фактически была воплощена модель парламентской республики. На Соборе 1610 г., собралось около 700 делегатов. По итогам его проведения был отрешен от престола царь Василий Шуйский и приглашен на правление королевич Владислава под условием «Семибоярщины» и «великого посольства». Таким образом, были введены ограничения полномочий царя. Последующий собор 1612-1613 гг. избрал Михаила Романова, обязав его править «со всем миром». Эти решения легитимизировали династию Романовых, собор становился верховным арбитром, способным корректировать монархическую волю.

В начале XVII в. наблюдает пик активности Земских соборов, однако данный период постепенно сменяется упадком. Данный процесс стал следствием внутренних противоречий сословно-представительной монархии, и нарастания абсолютной монархии [7, с. 6].

Упадок соборов во второй половине XVII века, связан с комплексом социально-экономических, политических и институциональных факторов. Они подорвали легитимность соборов и снизили их практическую роль. К 1660-1670-м гг. количество созывов резко сократилась. После собора 1648 г., на котором было принято Соборное уложение, проводились только эпизодические собрания. Затем институт фактически прекратил существование. Причинами стали фискальная перегрузка государства в условиях Русско-польской войны, Медный бунт и Соловецкое сидение. Сословия, измотанные налогами, утратили доверие к соборам. Царь Алексей Михайлович и его преемники предпочли централизованное управление через приказы и Боярскую думу. Усиление роли патриаршества и рост влияния «новых» дворян сместили акценты [8, с. 113].

Однако в рассматриваемый период прослеживались попытки установления регулярного парламентаризма. Они были связаны со стремлением преодолеть узаконить представительство. Прежде всего, следует выделить проект Ивана Бутурлина 1634 г., который был разработан дьяком И. Г. Бутурлиным по поручению царя Михаила Федоровича в период между соборами 1620-х и 1640-х годов. Данный проект предусматривал создание постоянного органа «Совета всей земли» с двухпалатной структурой. Верхняя палата состояла был из 52 членов, включая бояр, дьяков, патриарших чинов, а нижняя состояла бы из 112 выборных от дворянства и городов, которые собирались бы ежегодно для обсуждения вопросов, связанных с налогами, законами и внешней политикой. При формировании проекты во внимание принимались прецеденты соборов 1619 и 1632 гг. В частности, были предложены фиксированные квоты, наказная система и протоколы приговоров. Таким образом, были узаконены элементы регулярности и разделения функций. Несмотря на то, что проект не был реализован из-за сопротивления Боярской думы и фискальных нужд Смоленской войны, он служит отражением идеи перехода от чрезвычайных соборов к постоянному парламенту [9, с. 258].

О развитии идей парламентаризма говорит также ранний конституционный акт – Подкрестовная запись 1606 г. Речь идет о документе Смутного времени, который был принят на Первом земском соборе как прототип конституционного договора, содержащий ограничения власти царя. Составленная казачьими и земскими представителями под крестом в Москве, эта запись включала 17 пунктов обязательств для претендента на престол. Например, запрещались самовольные налоги, объявление войн, амнистия бунтовщикам. За нарушения царь нес ответственность. Подписанная Лжедмитрием под присягой, Подкрестовная запись вводила принцип ограниченной монархии, где власть становится законной при наличии народного согласия. Хотя запись была аннулирована после убийства Лжедмитрия, ее идеи отозвались на соборах 1610–1613 г. и в проекте Бутурлина [10, с. 59].

К концу XVII в. Боярская дума, эволюционировавшая из княжеских советов в постоянный орган, фактически поглотила функции соборов. На заседаниях думы продолжились обсуждения указов, дипломатии и финансов, однако в отсутствие сословного представителя. Петр I упразднил соборы, заменив Сенатом, который стал высшим органом надзора. Взамен Боярской Думы был создан Кабинет министров, что исключило выборность участников.

Связь земских соборов XVI-XVII вв. с современным российским парламентаризмом проявляется в преемственности институтов. Анализ функций позволяет оценить вклад в развитие парламентаризма. Земские соборы опирались на сословно-территориальный принцип с выборными делегатами от дворянства, духовенства и горожан, что обеспечило представительство всего населения [11, с. 15].

Выводы

Земские соборы XVI-XVII вв. имели сходство с парламентами Англии и Испании. Вместе с тем, принципиальные различия в механизмах представительства и ограничения монархической власти подчеркивают специфику российской соборности. Представительство в земских соборах осуществлялось через представителей дворянства, духовенства и горожан. Аналогичный принцип действовал в Генеральных Кортесах Кастилии, где присутствовали клирики, дворяне и представители городов. В Англии парламент эволюцио-

нировал от сословной модели. Палата лордов включала представителей высшей знати, а Палата общин включала представителей дворянства и буржуазии.

Земские соборы ограничивали власть монарха, путем утверждения налогов, царей, принятие Соборного уложения 1648 г. Вместе с тем, участники Земского собора не имели права вето или надзора. Напротив, английский Билль о правах 1689 г. закрепил парламентский суверенитет, ввел запрет произвольных налогов, установил регулярные выборы. Испанские Кортесы действовали на основании хартии, ограничивавшей королевскую власть.

Роль земских соборов в формировании и развитии российского парламентаризма заключается в том, что они заложили модель представительного органа. Эта линия продолжилась в XIX в., найдя свое отражение в проекте М.М. Сперанского 1809 г. о Государственной думе.

Таким образом, по результатам исследования, возможно, установить зарождения конституционных идей в России. Они прослеживаются в соборных традициях Древней Руси, в сословно-представительной монархии Ивана IV. Преемственность связана с сохранением механизма легитимации власти. Существенные ограничения земских соборов не позволили им стать парламентским институтом. Это было связано с отсутствием регулярности созывов, фиксированных сроков, процедуры выборов и роспуска. Это привело к тому, что соборы стали зависимыми от воли монарха.

Список источников

1. Аристархова М.А. Исторические этапы становления парламентаризма в России: зарождение представительных органов в России // Вестник науки. 2025. № 3 (84). С. 79 – 85.

2. Циунчук Р.А. Истоки российского парламентаризма: генезис и исторические особенности развития идеи народного представительства (XVIII-XIX вв.) // ВЭПС. 2008. № 4. С. 77 – 89.

3. Степаненко Т.В. К вопросу о периодизации российского конституционализма // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С. 184 – 189.

4. Керимов А.А. Ретроспективный взгляд на эволюцию теории и практики парламентаризма в России // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2018. № 54. С. 45 – 52.

5. Реутов В.П. Население и его представители во власти: эволюция отношений (историко-правовой аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. №4 (34). С. 367 – 378.

6. Будаев А.М. Народное представительство на местном уровне: история вопроса и современные реалии // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 5. С. 104 – 128.

7. Дорохов Н.И. Российский парламентаризм: особенности зарождения и современность // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2017. № 2 (11). С. 3 – 10.

8. Михеев В.А. Этапы развития российской государственности в контексте социально-политической мысли // Социология власти. 2012. № 2. С. 112 – 119.

9. Астрахан В.И. Формы народного представительства в контексте российской политической традиции // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 250 – 261.

10. Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Парламентский дискурс на страницах региональной периодики как детерминанта формирования общественного сознания в России начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 57 – 68.

11. Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм: история и современность // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 5 – 21

References

1. Aristarkhova M.A. Historical stages of the formation of parliamentarism in Russia: the emergence of representative bodies in Russia. Vestnik nauki. 2025. No. 3 (84). P. 79 – 85.

2. Tsiunchuk R.A. The origins of Russian parliamentarism: genesis and historical features of the development of the idea of popular representation (18th-19th centuries). VEPS. 2008. No. 4. P. 77 – 89.

3. Stepanenko T.V. On the issue of periodization of Russian constitutionalism. Vestnik OSU. 2012. No. 3 (139). P. 184 – 189.

4. Kerimov A.A. Retrospective look at the evolution of the theory and practice of parliamentarism in Russia. Vestnik Tomsk. state University. History. 2018. No. 54. P. 45 – 52.

5. Reutov V.P. The Population and Its Representatives in Government: The Evolution of Relations (Historical and Legal Aspect). Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2016. No. 4 (34). P. 367 – 378.

6. Budaev A.M. Popular Representation at the Local Level: The History of the Issue and Modern Realities. Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 5. P. 104 – 128.

7. Dorokhov N.I. Russian Parliamentarism: Features of its Origin and Modernity. Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2, Legal Sciences. 2017. No. 2 (11). P. 3 – 10.

8. Mikheev V.A. Stages of Development of Russian Statehood in the Context of Sociopolitical Thought. Sociology of Power. 2012. No. 2. P. 112 – 119.

9. Astrakhan V.I. Forms of Popular Representation in the Context of Russian Political Tradition. Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2012. No. 3. P. 250 – 261.

10. Sidorenko N.S., Nizhnik N.S. Parliamentary Discourse on the Pages of Regional Periodicals as a Determinant of the Formation of Public Consciousness in Russia at the Beginning of the 20th Century. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (90). P. 57 – 68.

11. Gaman-Golutvina O.V. Russian Parliamentarism: History and Modernity. Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2007. No. 1. P. 5 – 21

Информация об авторах

Шавлохова Е.С., доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, 520637@mail.ru

Зозуля А.М., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

Синцова З.О., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 350044, Краснодарский край, город Краснодар, улица им. Калинина, дом 13

Азаров А.А., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 350044, Краснодарский край, г. Краснодар, улица им. Калинина, д. 13

© Шавлохова Е.С., Зозуля А.М., Синцова З.О., Азаров А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.24
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-12-17

Благочиние как полицейский участок в истории российского государства: специфика функций и деятельности

[1] Грязнова Е.В.,
[1]Булычев И.И.,
[1]Гончарук А.Г.,
[1] Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация: в истории церковно-государственных отношений в России имел место синодальный период, в рамках которого на определенном этапе характерным являлось подчиненное положение церкви относительно полицейского государства. Понятие «полицейское государство» в России синодального периода можно определить, как систему государственного управления, характеризующуюся приоритетом задач обеспечения общественного порядка, безопасности и благосостояния населения. Важную роль в реализации этих задач играло понятие «благочиние», которое отождествлялось с деятельностью полиции и стало неотъемлемой частью законодательства Российской империи. Поэтому благочиние становится органом власти и отождествляется с полицией, что характерно для полицейского типа государства.

Однако специфика деятельности благочиния, находящегося в подчиненном положении относительно государтсвенной власти отличалась благопристойностью, что вызывало противоречия между моралью и законом в системе социального управления. Изучение специфики деятельности благочиния в этот непростой для страны период необходимо для выработки новых современных путей развития партнерских отношений между церкуовью и государством в условиях глобализации и социальной напряженности в мире. Это становится актуальной задачей в деле укрепления российской государственности и духовного возрождения страны.

Ключевые слова: церковь, государство, синодальный период, церковно-государственные отношения, благочиние, полицейское государство

Для цитирования: *Грязнова Е.В., Булычев И.И., Гончарук А.Г. Благочиние как полицейский участок в истории российского государства: специфика функций и деятельности // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 12 – 17. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-12-17*

Поступила в редакцию: 3 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Deanery as a police station in the history of the Russian state: specifics of functions and activities

[1] *Gryaznova E.V.,*
[1] *Bulychev I.I.,*
[1] *Goncharuk A.G.,*
[1] *Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin*

Abstract: in the history of church-state relations in Russia, there was a synodal period in which, at a certain stage, the subordinate position of the church relative to the police state was characteristic. The concept of a "police state" in Russia of the Synodal period can be defined as a system of public administration characterized by the priority of ensuring public order, safety and well-being of the population. An important role in the implementation of these tasks was played by the concept of "deanery", which was identified with the activities of the police and became an integral part of the legislation of the Russian Empire. Therefore, the deanery becomes an authority and is identified with the police, which is typical of the police type of state.

However, the specifics of the activities of the deanery, which was in a subordinate position relative to the state authority, differed in decency, which caused contradictions between morality and law in the system of social governance. Studying the specifics of the deanery's activities during this difficult period for the country is necessary to develop new modern ways of developing partnership relations between the church and the state in the context of globalization and social tension in the world. This is becoming an urgent task in strengthening Russian statehood and the spiritual revival of the country.

Keywords: church, state, synodal period, church-state relations, deanery, police state

For citation: *Gryaznova E.V., Bulychev I.I., Goncharuk A.G. Deanery as a police station in the history of the Russian state: specifics of functions and activities. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 12 – 17. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-12-17*

The article was submitted: May 3, 2026; Approved after reviewing: June 1, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Концепция «полицейское государство» не является чисто российским новшеством. Первые идеи подобного типа государственного устройства зарождаются в Западной Европе еще в шестнадцатом веке [7]. Однако становление полицейского государства отмечается историками семнадцатым веком. Необходимость этого вида управления страной была связана с укреплением абсолютной монархической власти. Данная политика была востребована в основном в сельскохозяйственных странах и опиралась в большей степени не на законодательное право. В ней присутствовала административная или полицейская власть, т.е. меры пресечения и наказания.

Российский правовед Б.А. Кистяковский вслед за И. Кантом отмечает, что такой тип государства как полицейское является деспотичным по своей сущности [4]. По его мнению, полицейское государство нарушает права человека, вмешиваясь в его личную жизнь. В своих трудах он описывает Россию начала двадцатого века, считая, что она именно к этому времени вступила в эпоху полицейского уклада государственной власти.

Интересен в этом смысле другой подход к пониманию полицейского государства, основанный на идеях Д. Кола, М. Фуко и др. о пастырской власти. Наш современник, проводящий исследования в сфере церковной истории Н.С. Майорова отмечает: «Систематизация идей и построение теоретической конструкции полицейского государства были осуществлены Николя де Ла Маром в «Трактате о полиции» (1707-1738), Иоганном Генрихом Готлибом фон Юсти в работе о полиции (1756), Йозефом Зоненфельсом в труде «Начальные основания полиции или благочиния» (1765-1776) и др.» [5]. Анализ этих и многих трудов, посвященных идеям полицейского государства позволил автору выявить ряд сущностных положений, отражающих специфику данной концепции. Во-первых, подобный тип государства может быть создан только под руководством политического лидера, который способен соблюдая законность, лишить граждан свободы. Во-вторых, основным органом регулирования жизни граждан в таком государстве является полиция. В-третьих, основной приоритет государственной власти – это экономическое благополучие страны через удо-

влетворение жизненных потребностей населения. В-четвертых, это обеспечение строгой дисциплины и порядка в жизни граждан.

В истории России в период построения полицейского государства церковь в лице благочиния выполняла функции социального управления. В этой связи возникает вопрос: данные функции были столь же «деспотичны» как и со стороны государственной власти или же она выполняла их иными способами?

Целью данной статьи является изучение деятельности благочиния как полицейского участка в истории российского государства.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели в статье необходимо было решить ряд задач. Во-первых, важно изучить специфику церковно-государственных отношений синодального периода создания в России «полицейского государства». Этот период был связян с той сложной ситуацией, которая сложилась в государстве Российском того времени. Требовалась охрана не только представителей церкви, но и прихожан, участвующих в различных массовых церковных практиках. Но самое главное заключалось в том, что в охране нуждалось само православное учение. Для государства было очень важным сохранить господство православия в стране, не допускать инакомыслия. Именно такой подход отличал Российское самодержавие, утверждение абсолютной монархии от государственного управления западного образца. Под контролем государства должны были быть все сферы общественной жизни, включая и духовную [6].

В сфере полицейского права предпринималась попытка описать и типологизировать возможные отношения церкви и государства. Сегодня выделяются следующие типы таких отношений: церковь и государство совпадают и не разделены; совпадают лишь представители обеих властей; религиозные организации существуют независимо от государства; государство вмешивается в деятельность церкви и регулирует ее; имеет место господство одной церкви относительно иных церквей.

Российская империя семнадцатого века соответствовала согласно данной типологии виду взаимоотношений полного вмешательства государства в жизнь церкви. Этот факт подтверждается деятельностью Петра первого в плане подчинения церкви интересам государства. Согласно свидетельствам историков церкви явления церковной жизни, начиная с первой четверти восемнадцатого века полностью попадают под власть государства и церковь становиться одним из органов управления в стране [9].

Во-вторых, необходимо было изучить основные виды деятельности благочиния как полицейского участка. Для подобных целей был создан и специальный орган Святейший правительствующий Синод, а также устав, регламентирующий его деятельность, получивший название «Духовный регламент». Политическое государство в качестве управления людьми наследует христианское пастырство, которое ставит перед собой цель: спасение человеческой души посредством постоянного контроля и заботы о человеке [2].

В результате сочетания политической и пастырской власти появилось совершенное западное государство. Петр I и Екатерина II стремились построить свое государство. Так, Екатерина II, будучи императрицей-иностранкой, старалась подвязать язык Устава к исторически прижившимся понятиям. Екатерина II не впервые пользовалась такими методами, пытаясь поставить себя, как исконно русскую правительницу. Поэтому устав имел в себе два сложных слова – это «благочиние» и «полицейский».

В качестве основных методов в исследовании применялись методы исторического анализа, обобщения и сравнения.

Результаты и обсуждения

Понятие благочиние было введено в оборот правовой мысли при Екатерине Второй [1, 8]. При городских управлениях с тысяча семьсот восемьдесят второго года создавались новые для того времени органы управления, получившие название «управы благочиния». Однако не стоит забывать и факт того, что изначально термин благочиние употреблялся как «поддержание порядка» еще при Алексее Михайловиче. При Петре Первом оно приобретает смысл «сыска и контроля». В этой связи следует отметить, что интеграция светской и религиозной власти на базе благочиния привела к возникновению противоречий между правовым и моральным компонентом в законодательстве [3]. Устав благочиния в этом смысле отражал идеи просвещения.

С момента зарождения государства как явления и органа социального управления в его обязанности входила функция обеспечения безопасности жизни своих граждан. Именно эта взаимосвязь и видится в понятиях порядок и благочиние. Петр Первый ввел в государственную власть исполнительный орган, который и получил название полиция. В этом аспекте видится тесная взаимосвязь между государством и церко-

вью в деле социального управления. Кроме того, такое взаимодействие отражает и специфику церковно-государственных отношений того времени.

При анализе трансформации исполнительных органов власти следует отметить, что понятие благочиния как церковной структуры и правоохранительного органа отличались между собой. Согласно богословскому подходу под благочинием понимался порядок и благопристойное поведение. Нормами такого поведения были нормы церковного права. С точки зрения правовой науки, благочиние понималось как обеспечение правопорядка и безопасности. Эти понятия пересеклись, когда новый орган – полиция стал выполнять функции по обеспечению безопасности самой церкви. По мнению многих исследователей именно тогда произошел синтез понятий церковного и правоохранительного понятий благочиния. «Специфические обязанности полиции, направленные на обеспечение религиозного порядка и благочиния во время проведения различных религиозных мероприятий, требовали от полицейских служащих принятия не только не совсем традиционных сил, средств и методов обеспечения порядка, но и дополнительных знаний духовного уклада различных вероисповеданий. Без этого не виделось возможности принятия целенаправленных, уважительных, обоснованных, законных мер, которые к тому же не унижали бы достоинство верующих» [10, с. 16].

Для охраны канонических основ церковного права был разработан и «Устав благочиния или полицейский», который издан был в тысяча семьсот восемьдесят втором году. Этот акт стал результатом полицейской реформы. Данный документ регламентировал не только деятельность по охране порядка и исполнению наказаний, но и регулировал отношения верующих и внутрицерковные отношения.

Устав предписывал «Управе благочиния» следить за правомерностью строительства любых церковных учреждений. Для их возведения или реконструкции требовалось церковное разрешение. Так для постройки монастырей требовалось благословение Синода, возведение православных церквей требовалось дозволение епархиального архиерея, храмы требовали решений на строительство губернского правления.

Следует отметить, что, несмотря на то, что «Устав» отражал в большей степени государственный регламент управления, он выстраивался на основах принципов межконфессиональных отношений, предусматривая веротерпимость относительно иных от православия конфессий. Этот смысл отражает основою суть самого православия. Вероятно, что в силу данных обстоятельств положения Устава были интегрированы с нормами нравственности и религии. Как отмечают исследователи, на основе данного Устава действовал самостоятельный орган полицейской власти, отвечающий за пресечение правонарушений против веры. Так зарождалось и новое направление деятельности полиции – надзорная деятельность за духовным благополучием граждан и страны.

Законодательство России развивалось и требовало более четких предписаний и законов. Согласно новым тенденциям в девятнадцатом веке понятие «благочиние» приобретает более самостоятельное значение как орган, отвечающий за сохранение общественного порядка. После событий Октябрьской революции семнадцатого года термины «благочиние» и «полиция» были упразднены.

Выводы

Изучение истории деятельности благочиния как полицейского органа управления показало, что изначально в пятнадцатом и шестнадцатом веках оно представляло собой исключительно орган религиозного учреждения. К середине семнадцатого века благочиние отвечает за порядок в городах. К восемнадцатому веку правовая практика заимствует западный термин «полиция», который вытесняет смысловое значение благочиния.

В дальнейшем происходит отождествление терминов «полиция» и «благочиние». Однако для населения эти понятия остаются нетождественными, несмотря на то, что у обоих органов власти разные функции. Тем не менее, благочиние воспринимается в более узком смысле и ограничивается как организация, следящая за порядком, не выполняющая функции наказания и сыска. Они остаются за полицией.

Вслед за Европой, но с большим отставанием проходят реформы практически всех сфер общественной жизни. Это касается и полиции, и духовной сферы. В России происходит разделение функций между благочинием и полицией. Однако за благочинием остается значение органа, отвечающего за порядок и безопасность, и оно продолжает пониматься как полицейский орган власти вплоть до революции семнадцатого года.

Список источников

1. Агафонов М.В. Устав благочиния 1782 года как правовая основа взаимодействия полиции и населения в российской империи конца XVIII – начала XIX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): материалы XVIII международной научной конференции: в 2-х ч. Санкт-Петербург, 29-30 апреля 2021 года. Том Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 239 – 245.

2. Ворохобов А.В. Глобализация как вызов современности: критерии оценки в парадигме православной социальной этики // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14. № 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

3. Грошев Д.Л. Проблема оппозиции "морали" и "закона" на примере "Устава благочиния и полицейского" // Filo Ariadne. 2022. № 2 (26). С. 202 – 209.

4. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.

5. Майорова Н.С. Идеи "полицейского государства" в церковной политике Петра I // Ипатьевский вестник. 2022. № 4 (20). С. 103 – 114.

6. Матиенко Т.Л., Малыгин А.Я. «У меня столько полицмейстеров, сколько помещиков в государстве»: от полицейских функций местного дворянства к созданию земской полиции в условиях крепостнической России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 137 – 143.

7. Мачин И.Ф. Полицейское государство как исторический тип // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23-25 ноября 2022 года. Москва: Издательская группа "Юрист", 2023. С. 36 – 42.

8. Минеева И.А. "Устав благочиния" как начало системной регламентации полицейской службы // Право и практика. 2022. № 2. С. 5 – 9.

9. Попов В.И. Особенности взаимоотношения Церкви и государства в Синодальный период // Труды Воронежской духовной семинарии. 2022. № 1 (14). С. 94 – 100.

10. Шурухнов Н.Г. Деятельность полиции Российской империи по обеспечению порядка и благочиния в храмах, молитвенных домах, во время духовных обрядов (по проекту Устава Полицейского) // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7. С. 13 – 17.

References

1. Agafonov M.V. The Charter of Deanery of 1782 as a Legal Basis for Interaction between the Police and the Population in the Russian Empire of the Late 18th – Early 19th Centuries. State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 300th Anniversary of the Russian Empire): Proceedings of the XVIII International Scientific Conference: in 2 parts. St. Petersburg, April 29-30, 2021. Volume Part 1. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 239 – 245.

2. Vorokhobov A.V. Globalization as a Challenge to Modernity: Evaluation Criteria in the Paradigm of Orthodox Social Ethics. Bulletin of Minin University. 2026. Vol. 14. No. 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

3. Groshev D.L. The Problem of the Opposition of "Morality" and "Law" on the Example of the "Charter of Decency and Police". Filo Ariadne. 2022. No. 2 (26). P. 202 – 209.

4. Kistyakovsky B.A. The Legal and Socialist State. Voprosy Filosofii. 1990. No. 6.

5. Mayorova N.S. Ideas of a "Police State" in the Church Policy of Peter I. Ipatiev Bulletin. 2022. No. 4 (20). P. 103 – 114.

6. Matienko T.L., Malygin A.Ya. “I Have as Many Police Masters as There Are Landowners in the State”: From the Police Functions of the Local Nobility to the Creation of the Zemstvo Police in the Conditions of Feudal Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 7. P. 137 – 143.

7. Machin I.F. Police State as a Historical Type. Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences: Works of the Members of the Russian Academy of Law Sciences (RAULS) and Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 23-25, 2022. Moscow: Jurist Publishing Group, 2023. P. 36 – 42.

8. Mineeva I.A. "The Charter of Deanery" as the Beginning of Systemic Regulation of the Police Service. Law and Practice. 2022. No. 2. P. 5 – 9.

9. Popov V.I. Features of the Relationship between Church and State in the Synodal Period. Works of the Voronezh Theological Seminary. 2022. No. 1 (14). P. 94 – 100.

10. Shurukhnov N.G. Activities of the police of the Russian Empire to ensure order and decorum in churches, prayer houses, and during spiritual ceremonies (according to the draft Police Charter). Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 7. P. 13 – 17.

Информация об авторах

Грязнова Е.В., доктор философских наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3093-2602, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, egik37@yandex.ru

Булычев И.И., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, mansyr-69@mail.ru

Гончарук А.Г., кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, aleksgon75@gmail.com

© Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Булычев И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(98)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-18-23

Экономические причины изменения характера иконописного промысла в конце XIX – начале XX веков и создание Комитета попечительства о русской иконописи

[1] Иванов А.А.,
[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: русская иконопись в конце XIX – начале XX веков столкнулась с серьезным конкурентом в виде промышленной, печатной продукции. Хотя первые печатные изображения на бумаге, которые можно было бы назвать массовой тиражной печатной иконой, известны специалистам, начиная с XVII века, тем не менее реальное противостояние между иконами ремесленных иконописных мастерских и иконами, напечатанными в типографиях, началось в конце XIX века. К этому периоду развитие технологии печати дошло до момента, когда изделие, созданное печатным образом, по всем потребительским качествам начало превосходить изделие, созданное мастером-иконописцем.

В статье отмечено, что типографии в конце XIX столетия могли позволить себе очень быстро выполнять заказы огромного объема. Ремесленным мастерским было практически невозможно в такие быстрые сроки предложить выполнение таких объемов заказов. Таким образом, торговцам было выгоднее торговать печатной иконой. Так, писанная икона постепенно уходит с рынка. Для возрождения русской традиционной иконы был создан Комитет попечительства о русской иконописи, цель которого – поддержка мастеров-иконописцев.

Можно сказать, что изменение русской иконописи как традиционного ремесла происходит в конце XIX – начале XX веков в связи с технологическими причинами: усовершенствование производства хромолитографий и заполнение рынков сбыта печатной продукцией прямо повлияло на спад иконописного промысла. Деятельность Комитета так и не смогла полностью помочь восстановить иконописный промысел.

Ключевые слова: русская иконопись, экономические изменения, печатная икона, типография, литография, рынок сбыта

Для цитирования: *Иванов А.А. Экономические причины изменения характера иконописного промысла в конце XIX – начале XX веков и создание Комитета попечительства о русской иконописи // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 18 – 23. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-18-23*

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Economic reasons for the change in the nature of icon painting in the late 19th and early 20th centuries and the creation of the Committee for the Care of Russian Icon Painting

[1] Ivanov A.A.,
[1] Federal State University of Education

Abstract: Russian iconography in the late 19th and early 20th centuries faced a serious competitor in the form of industrial, printed products. Although the first printed images on paper, which could be considered mass-produced printed icons, have been known to experts since the 17th century, the real confrontation between the icons produced by artisan icon workshops and those printed in printing houses began in the late 19th century. By this period, the development of printing technology had reached the point where a printed product began to surpass a hand-painted product in terms of consumer quality.

The article notes that in the late 19th century, printing houses were able to fulfill large-scale orders very quickly. It was nearly impossible for craft workshops to meet such rapid demand. As a result, it became more profitable for merchants to sell printed icons. As a result, hand-painted icons gradually disappeared from the market. To revive the Russian traditional icon, the Committee for the Care of Russian Icon Painting was established, with the goal of supporting icon painters.

It can be said that the transformation of Russian icon painting as a traditional craft occurred in the late 19th and early 20th centuries due to technological advancements, as the improvement of chromolithography production and the saturation of markets with printed products directly contributed to the decline of the icon painting industry. Despite the efforts of the Committee, it was unable to fully restore the icon painting industry.

Keywords: Russian iconography, economic changes, printed icon, printing house, lithography, sales market

For citation: *Ivanov A.A. Economic reasons for the change in the nature of icon painting in the late 19th and early 20th centuries and the creation of the Committee for the Care of Russian Icon Painting. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 18 – 23. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-18-23*

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В настоящий момент в исторической науке и в искусствознании в частности возникает подъем интереса к изучению поздней иконы Нового времени и всего, что с ней связано [1, 2, 4, 9, 12]. Конец XIX – начало XX веков ознаменовались подъемом интереса к традиционной русской культуре, который наблюдался практически во всех сферах искусства и науки. Причиной обращения к истокам можно назвать несколько факторов, определивших подобный интерес со стороны отечественной интеллигенции. Поиск национальной идентичности в искусстве во многом был сформирован под влиянием народнических идей и интереса к национальной истории. Так, например, возник так называемый «русский стиль» в архитектуре, созданный под влияние русского зодчества XVII столетия. Конечно же, и иконопись как главный церковный и традиционный вид промысла не мог остаться без внимания просвещенных аристократических кругов.

Также эта эпоха была ознаменована рядом фундаментальных изменений, затронувших русскую иконопись. Эти изменения связаны, прежде всего, с экономическими, техническими и культурными факторами, характерными для эпохи постпромышленного и постреформенного переворота середины-второй половины XIX столетия.

Материалы и методы исследований

Очевидно, что доля кустарно-ремесленных рабочих в пореформенные десятилетия занятия значительное место: «В первые пореформенные десятилетия в промышленном производстве значительное место принадлежало рабочим мелкой, кустарно-ремесленной и домашне-капиталистической промышленности, численность которых в 1860-1880 гг. увеличилась с 800 тыс. до 1,5 млн человек, или почти в 1,9 раза» [13, с. 199].

Масштаб иконописания можно представить на основе статистики, представленной Оценочно-экономическим отделением Владимирской губернской земской управы, согласно которой в середине XIX

столетия в Холуе ежегодно выпускалось от 1,5 до 2 млн икон. Иконописцев насчитывалось 720 человек, в Палехе – 640, а в Мстере – 280 [14].

Проблема качества писанный икон – одна из главнейших проблем всего иконописного искусства и ремесла. Эта проблема была столь остра еще в XVI веке, когда в Стоглаве уделялось внимание мастерству иконописца и его обучению. Известно, что в XVI веке существовало большое количество самоучек, писавших низкие по эстетическим качествам иконы, зачастую еще и с грубыми каноническими ошибками.

В XIX веке можно смело говорить об изменении эстетических представлений внутри церковной культуры, который наблюдался уже с конца XVII столетия – времени, когда зародилось новое светское (нецерковное искусство). Эстетические идеалы средневеовья ушли в прошлое. Светское искусство во многом влияло на церковное и на всем протяжении XVIII-XIX веков Церковь категорически отказывалась от устаревших эстетических идеалов. Это выражалась, в первую очередь, в замене внутреннего убранства храма - древних икон и фресок новыми, выполненных в новом западном стиле живоподобия. Если фрески либо сбивались со стен, либо замазывались новым слоем на западный манер, то древние иконы нашли свое спасение только в старообрядческой среде.

Само понятие сохранности иконы отсутствовало полностью, пока к середине XIX века не появился интерес к древней иконе, но не как к «живому носителю православного духа», а как к объекту старины. И лишь к началу XX века аристократические круги дошли до современного понятия художественной ценности древней иконы [5, с. 223-224].

Исследовательница Д. Вальчак подчеркивает одновременные процессы производства как печатной, так и традиционной, писанной иконы: «Увеличение количества печатных икон в продаже было вызвано как повышением спроса на иконы (массовое иконопечатание возникло одновременно с массовым производством рукописных икон), так и техническим прогрессом и появлением новых методов копирования и тиражирования» [6].

Эти данные ярко свидетельствуют о высокой духовной потребности в иконах среди населения, преимущественно крестьянского, т.к. основные заказчики икон владимирских иконописцев были крестьяне. В основном пользовались популярностью самые почитаемые образы – Христа, Богородицы и «святого угодника» Николая Чудотворца. Отдельно были востребованы и семейные иконы с тезоименитыми святыми. Красный угол практически каждого дома был представлен упомянутой иконографией.

Доступная по цене владимирская икона была распространена по всей Российской империи, однако ее положение изменилось в связи с новой экономической реальностью.

В конце XVIII столетия в немецких землях был изобретен новый метод воспроизведения изображений – литография. С его помощью было удобно воспроизводить массовое изображение – можно было получить тысячи одинаковых копий. Постепенно технология стала усовершенствоваться и появилась хромолитография – цветная литография.

Постепенно такой удобный для продажи способ воспроизводства стал распространяться по Европе. До России новая технология дошла только к 1830-м годам и была перенята в монастырских типографиях, где стали воспроизводиться наиболее чтимые образы [6]. Литографии стали любимы простым народом за яркость изображений (по сравнению с часто сдержанным колоритом писанной иконы) и за свою дешевизну.

Владимирские иконописные села тоже открыли свою мастерскую в с. Мстера под руководством И.А. Голышева (1838-1896) – известного любителя старины и издателя, сына бывшего крепостного крестьянина-иконописца.

Постепенно литографические мастерские стали открываться во многих уголках России. В 1870-х годов на рынок вышла новая печатная продукция, выпущенная на самых известных хромолитографических фабриках Е. Фесенко и И. Тиля в Одессе. Это были печатные иконы на деревянных досках, которые чисто внешне совместили привычную для народа традиционность (сама доска) с новой печатной иконой. Кроме того, так обеспечивалась более долговечная «жизнь» иконы по сравнению с обычной печатной продукцией.

Популярность новой печатной иконы в конце XIX века стала столь велика, что они стали определенным символом «своеобразным символом вырождения русской иконописи конца XIX - XX века» [6]. Коммерсанты стали прибегать к добавлению новых стилистических деталей, делающих икону более «приглядной» для народного вкуса. Заметим, что привычная писанная икона была в большинстве своем исполнена в довольно сдержанных тонах или со временем становилась темной от копоти и зачастую красочный слой был далек от яркости печатной иконы. Для этого иконы мыли и терли, отчего икона теряла красочный слой и образ становился размытый. Можно сказать, что крестьяне старались мыть иконы перед Пасхой – здесь прослеживались привычные приготовления перед Пасхой, когда дом и быт старались привести в порядок перед встре-

чей Светлого Дня. Конечно, печатная икона, буду яркой и привлекательной для вкуса крестьянства, соответствовала всем традиционным «вкусовым» представлениям крестьянства.

Таким образом, коммерсанты стараются угодить массовому вкусу и придумывают все новые методы украшения и «совершенства» своей печатной продукции. В начале 1890-х гг. в Москве на фабрике Жако и Бонакера начинают изготавливать иконы на жести. В этом был заложен особый смысл – подобные иконы напоминали дорогие, недоступные каждому иконы с эмалями и драгоценными камнями. По сути, это была попытка эстетической копии дорогих писанных икон. В начале XX века жестяная продукция заполняет практически всю страну, вымещая писанную мастерами икону.

Огромная востребованность хромолитографий привела к тому, что производители стали все меньше и меньше заботиться о качестве изображаемого ввиду активного роста продаж и расширении производства. Начинают появляться так называемые иконы-подокладницы, где были напечатаны только видимые части святых образов – лики и руки. Под самим окладом лист оставался нетронутым, чистым.

Было очевидно, что нужно было создание определенного общества, которое могло бы заняться объективной оценкой положения иконописного промысла и предпринять меры, направленные на поддержку и возрождение русской иконы.

Таким органом стал Комитет попечительства о русской иконописи, созданный Высочайшим указом императора Николая II.

Причина создания комитета были напрямую связана с бедственным положением мастеров-иконописцев и упадком писанной иконы.

Гибельное состояние иконописи уже в конце XIX века отмечал один из главных членов Комитета искусствовед-византинист Н.П. Кондаков (1844-1925): «Иконопись пришла в бедственное положение, вследствие непосильной для нее борьбы с фабричным производством печатных икон на жести известными фирмами Жако и Бонакер» [10, с. 14]. Здесь стоит подробнее рассказать о деятельности самого Кондакова – как защитника русской традиционной иконы.

Н.П. Кондаков к моменту созданию общества уже был довольно знаменитым ученым. Вероятнее всего, интерес к иконе возник у исследователя в результате работы над созданием петербургского Русского музея им. Александра III.

Результаты и обсуждения

Для определения реального положения дела в иконописных селах Владимирской губернии и для составления планов Комитета, Кондаков в 1901 г. совершает туда поездку, в которой его сопровождали предводитель Комитета, граф С.Д. Шереметев и В.Т. Георгиевский – именно они и составили активное ядро Комитета [10, с. 14-17].

- Комитет решил воспретить продажу упоминаемых жестяных икон, отправив ходатайство в церковные и монастырские лавки о воспрещении продажи жестяных иконописных образцов, но на деле продажа печатной иконы не только не уменьшилась, но и расширилась, фирмы стали расширяться и увеличивать продажу своей продукции ввиду огромного спроса.

- Помимо усугубившегося экономического положения русской иконы, назрел ряд проблем внутри самого иконописного мастерства. Здесь центральной проблемой стоял механический процесс письма, который не имел под собой никаких иконописных образцов и базировался в основном на готовых прописях. Ученик, обучаясь иконе, не видел перед собой искусных образцов, не всегда мог распознать ошибки в готовом рисунки и проч.

Здесь перед Комитетом встала одна из главных задач не только для сохранения русской иконописи, но и для сохранения традиционной живописной иконы как образца многовековой традиционной русской культуры. Для этих целей встала задача составления и издания Лицевого иконописного сборника, в котором собраны наиболее качественные образцы русской иконы. По задумке Комитета, иконописцы должны были обращаться к сборнику для того, чтобы знать основы иконографии, наиболее лучших образцов памятников иконописи. В сборнике представлены наиболее известные и почитаемые образы – Богородичные и Христовы.

Бесспорно, издание одного лишь иконописного сборника было бы недостаточной мерой для возрождения иконописного ремесла. Члены Комитета способствовали открытию иконописных мастерских в селах Владимирской губернии – Палехе, Мстере и Холуе, где будущих мастеров не только учили рисовать по образцам, но и давали знания из истории русской старины и прочие знания, нужные иконописцу для понимания и толкования священных образов. Также иконописные мастерские были открыты в другом иконописном центре – слободе Борисовке Курской губернии. В планах было и открытие подобной мастерской в По-

чаевской лавре. Обучение велось двумя наиболее опытными мастерами из числа местных иконописцев. Под их началом ученики осваивали саму технику письма, оттачивая свои умения. В мастерских нельзя было обойтись и без основ церковной истории, поэтому для учебного процесса приглашались учителя с высшим богословским образованием, которые преподавали церковную историю, литургику, жития святых и т.д. После окончания курса и получения звания мастера, перед иконописцами стояла проблема экономического характера. Пойти работать в мастерскую – впасть в экономическую зависимость от владельца этой мастерской. Помимо самих хозяев, иконописный труд часто «эксплуатировали» скупщики икон, покупавшие у иконописцев иконы по более дешевой цене и сбывающие образы уже по другой цене. Комитет пытался решить эту проблему через организацию артелей, попечителями которых стали художники-преподаватели, работающие в учебных мастерских.

Выводы

Несмотря на серьезные предпринятые меры Комитета попечительства о русской иконописи, иконопись известных Владимирских сел постепенно сошла в упадок. Очевидно, что новые экономические реалии и изменения рынка – выход печатных, ярких и красочных икон, их доступность и дешевизна, оказали негативное влияние на писанную икону. Революционный процесс окончательно поставил точку в иконописи как традиционном ремесле и вывоз из региона иконописной иконы был запрещен; от традиционной русской иконы мастера стали переходить к искусству лаковой миниатюры. В 1924 году бывшие палехские иконописцы создали «Артель древней живописи», давшую начало знаменитой лаковой миниатюре. Действия Комитета, на наш взгляд, были исчерпывающие, однако в новых исторических и экономических реалиях начала XX столетия возродить русскую иконопись как многовековое мастерство было уже невозможно.

Список источников

1. Антонов Д.И., Доронин Д. Ю. Советские иконы и деревенские святыни // Шаги/Steps. 2023. № 1. С. 320 – 333. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-ikony-i-derevenskie-svyatyni (дата обращения: 30.04.2026)

2. Антонов Д.И. Фольговые иконы XIX в.: к вопросу о стратегиях мастеров // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 4. С. 55 – 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folgovye-ikony-xix-v-k-voprosu-o-strategiyah-masterov

3. Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев и учреждение Комитета попечительства о русской иконописи // Российская история. 2023. № 4. С. 113 – 114.

4. Бицадзе Н.В. Народная икона: византийской наследие с традиционной культуре (к постановке вопроса) // Культурологический журнал. 2024. № 3 (57).

5. Бычков В.В. Духовно-эстетические основы русской иконы. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. С. 223 – 224.

6. Вальчак Д. Как изобретение печатной машины повлияло на русскую иконопись? Печатные иконы в России конца XIX – начала XX вв. // Studia Humanitatis. 2021. № 2. 11 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-izobretenie-pechatnoy-mashiny-povliyalo-na-russkuyu-ikonopis-pechatnye-ikony-v-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-vv (дата обращения: 30.04.2026)

7. Вальчак Д. «Под старину: подделка древних икон в России XIX – начала XX вв. // Studia Humanitatis. 2023. № 2. 14 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pod-starinu-poddelka-drevnih-ikon-v-rossii-xix-nachala-xx-vv (дата обращения: 30.04.2026)

8. Доронин Д.Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 2. С. 40.

9. Доронин Д.Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX-XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100 – 135.

10. Журнал Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи 10 марта 1903 года // Иконописный сборник. Вып 1., 1906. С. 11 – 22.

11. Карташова М.В. Кустарные промыслы и их государственная поддержка в Российской империи (1872-1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Нижний Новгород: НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. 605 с.

12. Кирьянова О.Г. Сохранение художественного наследия в музеях Русской Православной Церкви // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. Art Heritage. Research. Storage. Conservation. 2026. № 1. С. 42 – 48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-hudozhestvennogo-naslediya-v-muzeyah-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi

13. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в М.: Наука, 1990. 272 с.

14. Тарасов О.Ю. Русские иконы XVIII – начала XX в. на Балканах // Советское славяноведение. 1990. 1990. № 3. С. 49 – 70. Изначально статистические данные взяты из: Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. 4. Вязниковский уезд. Вып. 3. Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1903.

References

1. Antonov D.I., Doronin D.Yu. Soviet icons and village shrines. Steps. 2023. No. 1. P. 320 – 333. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-ikony-i-derevenskie-svyatyni (date of access: 30.04.2026)

2. Antonov D.I. Foil icons of the 19th century: on the issue of masters' strategies. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary studies. Linguistics. Cultural studies. 2025. No. 4. P. 55 – 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folgovye-ikony-xix-v-k-voprosu-o-strategiyah-masterov

3. Belousova O.V. Count S.D. Sheremetev and the Establishment of the Committee of Trustees of Russian Icon Painting. Russian History. 2023. No. 4. P. 113 – 114.

4. Bitsadze N.V. Folk Icon: Byzantine Heritage in Traditional Culture (Towards the Formulation of the Question). Cultural Studies Journal. 2024. No. 3 (57).

5. Bychkov V.V. Spiritual and Aesthetic Foundations of the Russian Icon. Moscow: Ladomir Scientific Publishing Center, 1995. P. 223 – 224.

6. Valchak, D. "How Did the Invention of the Printing Press Influence Russian Icon Painting?" Printed Icons in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. Studia Humanitatis. 2021. No. 2. 11 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-izobretenie-pechatnoy-mashiny-povliyalo-na-russkuyu-ikonopis-pechatnye-ikony-v-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-vv (date of access: 30.04.2026)

7. Valchak, D. "Under the Antiques: Counterfeiting of Ancient Icons in Russia in the 19th – Early 20th Centuries". Studia Humanitatis. 2023. No. 2. 14 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pod-starinu-poddelka-drevnih-ikon-v-rossii-xix-nachala-xx-vv (date of access: 30.04.2026)

8. Doronin D.Yu. Mass peasant icon in Russia: history of criticism and semiotic ideologies. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary studies. Linguistics. Cultural studies. 2024. No. 2. P. 40.

9. Doronin D.Yu. Shining shrines: the craft of popular icons and their affordances in the 19th-20th centuries. State, religion, church in Russia and abroad. 2024. No. 3. P. 100 – 135.

10. Journal of the Imperially Established Committee of Guardianship for Russian Icon Painting on March 10, 1903. Icon-Painting Collection. Issue 1., 1906. P. 11 – 22.

11. Kartashova M.V. Handicrafts and Their State Support in the Russian Empire (1872-1917): Diss. … Doctor of History. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky National State University, 2025. 605 p.

12. Kiryanova O.G. Preservation of Artistic Heritage in Museums of the Russian Orthodox Church. Artistic Heritage. Research. Restoration. Storage. 2026. No. 1. P. 42 – 48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-hudozhestvennogo-naslediya-v-muzeyah-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi

13. Solovieva A.M. Industrial Revolution in Russia in the 19th Century Moscow: Nauka, 1990. 272 p.

14. Tarasov O.Yu. Russian Icons of the 18th – Early 20th Centuries in the Balkans. Soviet Slavic Studies. 1990. 1990. No. 3. P. 49 – 70. The original statistical data were taken from: Materials for Land Assessment in Vladimir Province. Vol. 4. Vyaznikovsky District. Issue 3. Crafts of the Peasant Population. Vladimir, 1903.

Информация об авторе

Иванов А.А., Государственный университет просвещения

© Иванов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(560)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-24-31

От республиканизма и лаицизма Ататюрка к неоосманизму Эрдогана: к вопросу о векторе развития идеологии Турецкой Республики в XXI веке

[1] Курков В.В.,
[1] Азеева А.А.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена анализу исторического вызова для политического наследия Ататюрка со стороны современного президента Турции Р.Т. Эрдогана, чье длительное пребывание у власти позволяет констатировать политический рекорд в новейшей турецкой истории, а внешнеполитическая концепция неоосманизма (как и все его политические воззрения в целом) требуют указать на завершение эпохи Ататюрка, что по мнению авторов статьи делает характеристику идеологического вектора развития Турецкой республики более чем актуальной. Авторы приходят к выводу, что при определении идеологического вектора развития Турецкой Республики логично выделить именно его националистическую составляющую и на фоне противопоставления кемализма и современного неосманизма, учитывать эти противоречия в качестве неких возрастных особенностей, периодов соответствующих «молодости» и «зрелости» в более чем столетней истории республиканского национализма в Турции, когда мечты кемалистов о вступлении Турции в ряды стран западной цивилизации сменяются возвратом к традиционному со времен древних тюркских кочевников и Османской империи поиску «Кизил Эльмы» («красного яблока»).

Ключевые слова: М.К. Ататюрк, идеология кемализма, республиканизм, лаицизм, Р.Т. Эрдоган, неоосманизм, противоречия, преемственность

Для цитирования: *Курков В.В., Азеева А.А. От республиканизма и лаицизма Ататюрка к неоосманизму Эрдогана: к вопросу о векторе развития идеологии Турецкой Республики в XXI веке // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 24 – 31. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-24-31*

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

From Atatürk's republicanism and layism to Erdogan's neo-ottomanism: towards the question of the vector of development of the ideology of the Turkish Republic in the 21st century

[1] Kurkov V.V.,
[1] Azeeva A.A.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article analyzes the historical challenge posed to Ataturk's political legacy by the current Turkish President, R.T. Erdogan, whose long tenure in power marks a political record in modern Turkish history, while his neo-Ottoman foreign policy concept (as well as his political views in general) marks the end of the Ataturk era. This, according to the authors, makes characterizing the ideological vector of development of the Turkish Republic more than relevant. The authors come to the conclusion that, when defining the ideological vector of the develop-

ment of the Turkish Republic, it is logical to highlight its nationalist component and, against the backdrop of the opposition between Kemalism and modern neo-Ottomanism, to take into account these contradictions as certain age-related features, periods corresponding to "youth" and "maturity" in the more than a century-long history of republican nationalism in Turkey, when the Kemalists' dreams of Turkey joining the ranks of the countries of Western civilization are replaced by a return to the search for "Kizil Elma" ("red apple"), traditional from the time of the ancient Turkic nomads and the Ottoman Empire.

Keywords: M.K. Ataturk, ideology of Kemalism, republicanism, laicism, R.T. Erdogan, neo-Ottomanism, contradictions, continuity

For citation: *Kurkov V.V., Azeeva A.A. From Atatürk's republicanism and layism to Erdogan's neo-ottomanism: towards the question of the vector of development of the ideology of the Turkish Republic in the 21st century. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 24 – 31. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-24-31*

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Мустафа Кемаль и его идеологическое наследие, вошедшее в историю как «шесть стрел Ататюрка», в течении практически ста лет оказывали детерминирующее влияние на историческое развитие Турецкой республики, во многом определяя ее внутреннюю политику и внешнеполитический курс. Однако последние два десятилетия текущего столетия ознаменовались для господствовавшей кемалистской идеологии историческим вызовом со стороны современного лидера страны Реджепа Тайипа Эрдогана, чье длительное пребывание у власти позволяет констатировать политический рекорд в новейшей турецкой истории, а внешнеполитическая концепция, обычно именуемая как неоосманизм (равно как и вся политическая идеология действующего президента Турции) требуют указать на завершение эпохи Ататюрка. И в этом свете характеристика идеологического вектора развития Турецкой республики, представляется более чем актуальной.

Материалы и методы исследований

Основываясь в своем исследовании на принципах историзма и научной объективности авторы статьи прежде всего ориентировались на использование сравнительно-исторического метода, который позволяет научно определить искомый вектор исторического развития политической идеологии Турецкой республики: от «шести стрел» Ататюрка, и прежде всего – республиканизма и лаицизма – к неоосманизму Эрдогана. В качестве источниковой базы представленной статьи следует указать сочинения основателя Турецкой Республики – Мустафы Кемаля Ататюрка [4], определяющие основное содержание республиканизма и лаицизма как важнейших принципов кемалистской революции, и современного труда Реджепа Тайипа Эрдогана [22], обосновывающего в духе неоосманизма через идею реформирования ООН новые геополитические претензии Турции на роль глобального защитника интересов мусульманского мира.

Результаты и обсуждения

Ислам, в качестве государствообразующего фактора, вне всякого сомнения сыграл выдающуюся роль в истории Османской Турции, в многом обусловив как сам процесс возникновения и развития Оттоманской Порты по восходящему вектору на пути к превращению в мировую империю, так и детерминировав ее последующий исторический путь от апогея своего влияния к упадку и статусу «больного человека Европы», катастрофически отставшего в своем развитии от передовых стран Запада и России [8, с. 8]. В этом свете решительное наступление Мустафы Кемаля Ататюрка и его сторонников в процессе созидания новой – республиканской Турции, на позиции ислама в турецком обществе, представляется вполне закономерным историческим шагом. Тем более что проблема обмирщения турецкой жизни и политики назрела задолго до кемалисткой революции – современные исследователи выделяют три этапа осуществления в Османской Турции реформ, нацеленных на секуляризацию общества [13, с. 177-178]:

– во-первых, это эпоха низам-и джедида, или «нового порядка» султана Селима III, пытавшегося вплоть до своего свержения и гибели в 1807 г. осуществлять политику направленную на вестернизацию и модернизацию Османской империи;

– во-вторых, это достаточно длительная эпоха реформ Танзимата (1839-1871 гг.) открытая Гюльханейским хатт-и шерифом и обещавшая буквально поставить светский закон выше воли султана, но так и достигшая своих целей;

– и наконец, третий и исторически успешный этап секуляризации в истории Турции неразрывно связан с именем и деятельностью Мустафы Кемаля Ататюрка.

На наш взгляд, секрет успеха кемалистской политики нацеленной на построение светского государства, во многом обусловлен тем, что Ататюрку удалось быстро сокрушить исторический тандем веками детерминировавший ключевую роль ислама в османском обществе – это историческая связка султаната и халифата, восходившая своими корнями еще к эпохи возникновения ислама и Арабского халифата и утверждавшая принцип неразрывной связи светской и духовной власти. Поэтому среди «шести стрел» Ататюрка – главных идеологических принципов кемалистской революции – ключевое значение для понимания исследуемой проблемы имеет взаимная обусловленность республиканизма и лаицизма.

Республиканизм следует рассматривать в качестве основного фактора идеологии кемализма. Этот принцип включая в себя такие необходимые и привлекательные для турецкого народа лозунги как суверенитет, свобода, равенство всех граждан перед законом, должен был внушить турецкому обществу идею о необратимом характере кемалистской революции, сделавшей невозможным возврат страны под унизительный гнет политики империалистических держав [15, с. 37-38]. 1 ноября 1922 года Мустафа Кемаль официально ликвидировал прогнивший султанат Османской династии, в тоже же время отделив от него и тем самым сохранив халифат [4, с. 98, 313-314]. Именно упразднения султаната позволило кемалистам говорить о законности своей власти [4, с. 100-101]. Уже 19 ноября того же года, бывший султан Абдул-Меджид II, был поставлен лидером кемалистской революции перед фактом своего избрания Великим национальным собранием Турции в качестве халифа [4, с. 107-108]. Формально данный представитель османской династии будет носить этот титул еще почти полтора года. 29 октября 1923 года артиллерийский салют из 101 выстрела оповестил население страны о провозглашении постановлением ВНСТ Турецкой Республики и избрании Мустафы Кемаля президентом Турции. Нация приняла провозглашение республики с энтузиазмом: всюду имели место восторженные манифестации [4, с. 191-192]. Однако в Стамбуле многие газеты критиковали тех, кто участвовал в провозглашении республики. Они выражали недовольство потерей традиционного института монархии и опасались, что республика приведет к хаосу или усилению иностранного влияния [4, с. 193-195]. Несмотря на официальное упразднение султаната революционным кемалистским руководством, традиции монархического наследия в турецком обществе были крайне живучими.

Конституция молодой Турецкой республики декларировала националистические постулаты, трактующие турецкий национализм не в качестве формы этнического превосходства, а как принципиально новое политико-социальное гражданское сообщество, объединяющее граждан республики единением в языковой, культурной и политической сферах. Декларировался принцип равенства граждан перед законом и неделимость Турецкой Республики и ее народа. Кемалистская республика определялась в качестве унитарного национального государства, которое базировалось на светском и демократическом фундаменте, соответственно с общемировыми принципами выделялись три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. В то же время, демократические положения кемалистской конституции не помешали оформлению диктаторского режима самого Мустафы Кемаля. Однако, жесткая диктатура Ататюрка стала эффективным инструментом продвижения прогрессивных преобразований в достаточно консервативном мусульманском обществе. Фактически именно посредством длительного сохранения однопартийной системы и режима личной власти лидера кемалистской революции, Турции удалось совершить исторический быстрый рывок по преодолению целого комплекса явлений, тормозивших ее развитие начиная с периода упадка османского государства.

Свое официальное закрепление республиканизм в качестве важнейшей из «шести стрел» Ататюрка получает в первой статье кемалистской конституции 1924 года, установившей республиканскую форму правления для турецкого государства. Одновременно, в конституции были зафиксированы: принцип неограниченного суверенитета турецкой нации и положение об осуществление данного суверенитета от имени нации со стороны Великого национального собрания Турции как единственного законного представителя народа [4, с. 315-316]. По мнению Ататюрка, республика как форма правления в наибольшей степени подходила для нового турецкого государства, порожденного кемалистской революцией, обеспечивая как наибольшую степень свободы для граждан страны, так и наиболее отчетливо выражая их политическую волю [4, с. 190; 15, с. 39].

Лаицизм также был необходимым компонентом модернизации политической и социально-культурной жизни Турецкой Республики. Халиф требовал, чтобы новое правительство вступило с ним в отношения.

Халиф хотел делегировать в Анкару своего секретаря или же вступить в переговоры с правительством через доверенное лицо, которое должно было быть направлено к нему правительством. Однако новая власть посчитало данное самоуправство вопиющим покушением на независимость республики [4, с. 217-218]. В итоге, в марте 1924 г. революционная власть декларировала ликвидацию халифата – одновременно сам Мустафа Кемаль с гневом отверг предложение самому лично принять титул халифа [4, с. 221-222; 8, с. 8]. Представители Османской династии были изгнаны из страны, одновременно декларировалось отделение религии от турецкого государства [4, с. 319]. При этом желая смягчить удар по чувствам верующих мусульман, Мустафа Кемаль выступил в парламенте с призывом «возвеличить ислам». Ататюрк, отдавая дань традиции, часто апеллировал к исламу во время своих выступлений [15, с.39], но это была уже политическая риторика. В этом же году было закрыто Министерство по делам религии и вакуфов, регулировавшее жизнь по законам шариата. Вместо него создано Ведомство по делам религии (Диянет), которое сохранило лишь функции религиозного образования и культовой практики, тем самым шариат исключался из числа источников права [17, с. 112-113].

Образование становилось светским и контролировалось государством: важную роль в этом вопросе сыграл закон о единстве системы образования, объединивший светские школы и медресе под контролем Министерства образования. Следующим этапом стало конституционное закрепление светского характера государства. 1 апреля 1928 года 109 депутатов во главе с министром юстиции Махмудом Эсад-беем внесли предложение изменить статьи конституции, касающиеся религии. 5 апреля 1928 года конституционная комиссия представила доклад, в котором излагалась философия лаицизма: лаицизм трактовался не как атеизм, а как гарантия свободы совести и невмешательства государства в частную религиозную жизнь. 10 апреля 1928 года Великое национальное собрание Турции единогласно приняло законопроект об изменении статей конституции: из нее была исключена фраза об исламе как государственной религии, также была изъята религиозная формула присяги для депутатов. Был исключен и пункт о религиозных прерогативах парламента. В соответствии с личным указанием Ататюрка переведенный на турецкий язык Коран в ходе Рамадана зачитывали в Айя-Софии, а с 1932 года турецкая версия азана заменила арабскую. В 1935 году Айя-София была преобразована из мечети в музей [3, с. 598]. Сенсационным стало появление на публике в 1925 году Мустафы Кемаля с европейской шляпой в руке. Такой головной убор был в османской Турции вызывающим символом «гяура» (неверного), а турка-мусульманина, в таком головном уборе, могли и забросать камнями. Личный пример вождя кемалистской революции подтолкнул политическую кампанию, в ходе которой по всей стране вводилась европейская одежда, включая и головные уборы. На манифестациях в честь Мустафы Кемаля публично сжигали фески, бывшие символом старой Османской Турции [6, с.141-142; 11, с. 30]. В 1937 году Министерство внутренних дел издало циркуляр, запрещающий ношение религиозной одежды. За не соблюдение, грозил штраф до двадцати пяти лир [17, с. 114].

Естественно, что все эти меры вызывали сопротивление. Еще в 1925 году вспыхнуло восстание шейха Сеида, участники которого выступали в том числе и против закрытия обителей дервишей и запрета религиозной одежды [17, с. 113; 19, с. 67]. Реакция исходила прежде всего из регионов далеких от революционных событий. Население там стремилось сохранить влияние ислама. Глубоко верующих людей было легко склонить к насилию во имя защиты религии – вплоть до физического уничтожения под знаменами «священной войны» сторонников новой власти: следует вспомнить что, под эгидой британских и греческих оккупантов существовала «халифатская армия», которая хотя и была достаточно быстро уничтожена силами революционной Анкары, но по мнению кемалистов успела нанести огромный вред Турции, буквально «превратив страну в развалины» [4, с. 214]. Тем не менее, к концу 1928 года юридическая основа лаицизма в Турции была полностью оформлена: халифат упразднен, ислам перестал быть государственной религией, присяга лишена религиозной формулы, а религиозные институты поставлены под контроль государства. Однако, разрыв между светским законодательством и религиозными настроениями большинства населения сохранялся, что предопределило дальнейшие политические процессы в Турции.

В XXI веке, в то время как Турции подошла к столетнему юбилею кемалистской революции и республиканского правления, уже более двух десятилетий развитие страны определяется фигурой Реджепа Тайипа Эрдогана – политического лидера, под влиянием которого Турецкая Республика претерпела наибольшую трансформацию со времен Мустафы Кемаля Ататюрка. Эрдогана в качестве лидера страны, можно характеризовать как современное воплощение турецкого государства, а его политика по мнению ряда исследователей, фактически ставит историческую точку в эпохе Ататюрка [12, с. 146, 152]. Яркий внешнеполитический вектор в деятельности Эрдогана, обозначенный в современной историографии и публицистике как неоосманизм, по своей сути стал идейно-политическим символом нового периода в развитии Турецкой Республики.

Основной детерминантой фундаментальных изменений идеологической основы, и, соответственно – политики Турецкой республики, стал приход к власти на длительный период ПСР и самого Реджепа Эрдогана, обусловленный устойчивой поддержкой сельского населения и ориентированной на религию части электората, что в свою очередь явилось результатом неэффективности политики кемалистов: неудачная внешняя политика (в результате распада СССР Турция в качестве стратегического союзника уже не была как прежде востребована США и странами Запада, конфликт с Грецией вокруг Кипра перечеркнул надежды на вступление в ЕС) коррупция, серьезные проблемы в экономике, возрождение ислама в качестве ключевого фактора в самосознании турецкого народа [9, с. 108].

Символом забвения кемалистского лаицизма в эпоху Эрдогана стал нарастающий фактор политического значения ношения турецкими женщинами хиджаба в открытом общественном пространстве [18, с. 400]: вполне очевидно, что, постоянное присутствие хиджаба в турецкой медиасфере порождает в социуме четкую установку на пересмотр лаицистского наследия Ататюрка и тенденцию к переходу современной Турции к постсекулярному обществу; парадоксально, что на этом фоне, как подчеркивает В.В. Цыбенко, формы хиджаба в XXI веке вместо противостояния вестернизации, органично вписываются в ее процессы. Не менее показательным стало и принятие в 2020 году решения об обратном превращении в мечеть храма Святой Софии (Айя-София), бывшего музеем в течении более чем восьми десятилетий в соответствии с указом М.К. Ататюрка – таким образом Эрдоган ликвидировал еще один из символов лаицизма [9, с. 598].

В первые десятилетия текущего столетия на фоне неоправдавшихся надежд связанных с евроинтеграцией в политической идеологии Турецкой Республики начинается доминирование активно пропагандируемого Эрдоганом «цивилизационного экспансионизма» граничащего с ультранационализмом: базирующегося на концепции уникальности исламско-османской цивилизации и вооружившего современного турецкого лидера популистской бинарной формулой «мы – они», позволяющей представить для электората современную Турцию и ее лидера в качестве защитницы мусульманского мира от дискриминации со стороны Запада – именно такой инструментарий популистской риторика по мнению П.В. Шлыкова позволил Реджепу Эрдогану оправдывать рекордный срок своего пребывания на посту главы государства и отклонить от себя обвинения в ряде экономических проблем [21, с. 127-128].

Эрдоган успешно эксплуатирует националистические чувства турецкого электората, в том числе и пропагандируя новой многополярный мир, в котором Турция должна выступать в качестве главного защитника интересов мусульманского мира, постоянно дискриминируемого западными странами во главе с США. Именно эта проблематика освещалась в современной книге турецкого лидера, ставшей его внешнеполитическим манифестом, главная идея которого выражается слоганом, ставшим известным по всему миру благодаря Эрдогану: «Мир – больше пяти», т.е. мир неизмеримо шире чем пятерка постоянных членов Совета Безопасности ООН [2, с. 194-195; 10; 14, с. 130; 22, с. 5-6].

Показательно, что имеющее глубокие религиозные корни и уходящее своими истоками в древнетюркскую мифологию и эпоху османской мировой державы символическое выражение «Кизил Эльмы» (т.е. «красное яблоко»), подразумевающее неизбежность мирового господства исламской Турции, в новейшее время, и особенно в эпоху Эрдогана, возрождается турецкими ультранационалистами в качестве геополитической цели уже для Турецкой Республики в период стратегических структурных изменений в мире после завершения холодной войны и распада СССР. В итоге обретение «Кизил Эльмы» становятся по мнению А.А. Ермекбаева важной детерминантой внешнеполитической стратегии Турции [9, с. 106].

Современные исследователи констатируют характерный для текущей турецкой политики феномен «эрдоганизации» – когда фактор «персонального авторитаризма» Р.Т. Эрдогана, неуклонно нарастает, подпитываясь сокращением ролевых функций и сферы влияния традиционных политических институтов турецкого государства [21, с. 127, 161]. В этом плане прежде всего следует указать на введение в Турции президентского правления согласно итогам референдума 16 апреля 2017 года, в результате чего Эрдоган получил «суперпрезидентские» полномочия и возможность определять жизненно важные для развития страны вопросы своими единоличными решениями [14, с. 133].

В итоге. Эрдоган в качестве президента Турецкой Республики сумел сосредоточить под своим контролем как значительный объем исполнительной власти, так и увеличил собственное влияние на власть законодательную и судебную, фактически тем самым разрушая принцип разделения властей. Турецкий парламент при этом утратил многие контрольно-надзорные функции, практически лишившись возможности контролировать работу кабинета министров, тем более что к минимуму была сведена возможность парламентариев применять импичмент в отношении президента: таким образом, как отмечает А.Г. Гаджиев, уже устоявшаяся практика потока президентских указов позволила Эрдогану узурпировать законодательную власть – прежде всего присвоив в значительном объеме ее правотворческие функции [7, с. 44-45].

На фоне неуклонного укрепления личной власти, Эрдоганом с завидным постоянством осуществляется и «чистка» рядов турецкой оппозиции [1, с. 86]. По данным современных исследователей, за последний год в Турции были арестовано более пятисот человек, в первую очередь представляющих Республиканскую народную партию: в их числе оказался целый ряд мэров и работников муниципалитетов Стамбула и других крупных городов Турции (именно там позиции Эрдогана наиболее шаткие). При этом арестованного Э. Имамоглу стамбульская прокуратура осудила на срок 2352 года! [1, с. 87-88]. На этом фоне следует констатировать, что социальный договор между осуществляющей власть командой Эрдогана и народом, предполагающий обмен голосов избирателей на устойчивый рост их уровня жизни, нарушен и это является характерной чертой политической реальности современной Турции [14, с. 129].

Выводы

В заключении необходимо обратить внимание на то, что несмотря на ключевые различия в политической идеологии Ататюрка и Эрдогана, тем не менее, националистические концепции двух лидеров Турецкой Республики четко характеризуют генетическая связь и историческая преемственность. Как это не парадоксально, но в политической риторике Ататюрка, можно найти четкие основы для будущих панисламистских и пантюркистских постулатов неоосманизма Эрдогана: так уже в 1922 году в своей речи в ходе исторического заседания ВНСТ Мустафа Кемаль прославляет турецкую нацию создавшую великие государства Чингиза, Сельджука и Османа [4, с. 271, 281]. Поэтому нам представляется возможным определять политику Эрдогана не в качестве фактора уничтожающего наследие Ататюрка, а как детерминанту выводящую кемалистский национализм на новый исторический уровень, соответствующий проблематике самого турецкого общества. Современные исследователи политический идеал Эрдогана справедливо оценивают как неоимперский вариант Турции, сочетающий в себе как лучшие подходы из опыта кемализма, так и современные вызовы неоосманизма [3, с. 595]. Национализм в руках Эрдогана – это весьма гибкий ресурс для достижения политических целей [5, с. 61-62].

В итоге, при определении идеологического вектора развития Турецкой Республики представляется логичным выделить именно его националистическую составляющую и на фоне противопоставления кемализма и современного неосманизма, учитывать эти противоречия в качестве неких возрастных особенностей, периодов соответствующих «молодости» и «зрелости» в более чем столетней истории республиканского национализма в Турции, когда мечты кемалистов о вступлении Турции в круг избранных стран, пользующихся благами западной цивилизации логично и закономерно сменяются возвратом к традиционному со времен древних тюркских кочевников и Османской империи поиску «Кизил Эльмы» («красного яблока»).

Список источников

1. Аватков В.А. Турция в 2025 году: между архаизмом и будущим // Свободная мысль. 2026. № 1 (1715). С. 86 – 94.

2. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. 2023. № 1. С. 194 – 201.

3. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 595 – 608.

4. Ататюрк М. К. Путь новой Турции. 1919-1927: в 4 т. Т. 4: Победа новой Турции. 1921-1927. М.: Литиздат НКИД; Гос. Соц.-эконом. Изд., 1934. 570 с.

5. Бирюков С.В. Турция Эрдогана: ревизия наследия кемалистского республиканизма и его базовых принципов // Власть истории и история власти. 2022. № 7 (41). С. 53 – 68.

6. Вартаньян Э.Г. Отражение идей Зии Гелкапа в теории и практике кемализма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 137 – 146.

7. Гаджиев А.Г. Развитие общественно-политической обстановки в Турции в 2023 г. // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 2. С. 42 – 49.

8. Дементьева А.О. Развитие идеологии политического ислама в современной Турции // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 5 – 14.

9. Ермекбаев А.А. Изменение внешней политики Турции: от кемализма до неосманизма (основные внутренние и внешние факторы) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2018. Т. 90. № 2. С. 103 – 109.

10. Звонарёва Л.У., Звонарев О.В. Проблемы глобализации в оценке президента Турции Р.Т. Эрдогана (по материалам книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен! Актуальное предложение по реформе Организации Объединенных Наций») // Мировые цивилизации. 2023 № 2. URL: https://wcj.world/PDF/08IAMZ223.pdf

11. Михайлов В.И. Реформы К. Ататюрка и современная политическая ситуация в Турции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 3 (20). С. 30 – 32.

12. Самраилова Е.К., Соколова Н.А. Внутренняя политика Эрдогана – завершена ли эпоха Ататюрка? // Труд и социальные отношения. 2013. № 3. С. 146 – 152.

13. Сидоренко К.С. Проблемы секуляризации в Турции: история и современность // Голос минувшего. 2014. № 1-2. С. 177 – 184.

14. Стародубцев И.И. Землетрясение в Турции: влияние на внутреннюю политику и выборы мая 2023 г. // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 126 – 146.

15. Сулейманов А.В. Политическая идеология Ататюрка // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2015. № 2. С. 37 – 44.

16. Сулейманова З.А. Мустафа Кемаль Ататюрк // Наука, образование и культура. 2017. С. 19 – 207.

17. Такас М. Религиозная политика турецкой республики в однопартийный период (1923-1946 гг.) // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2019. № 2. С. 109 – 116.

18. Цыбенко В.В. Мода на хиджаб в контексте религиозной мобилизации в Турции // Религия и Коммуникация. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 396 – 401.

19. Шестаков Н. Национализм М.К. Ататюрка как государственная идеология Турецкой республики (20-е – 40-е гг. XX в.) // Страницы истории. 2019. С. 64 – 69.

20. Шлыков П.В. Турецкая модель гражданского общества: в поисках компромисса между секуляризмом, исламизмом и демократией // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2011. № 6. С. 221 – 241.

21. Шлыков П.В. Популизм в политической культуре Турции: внешнеполитическое измерение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 126 – 170.

22. Эрдоган Р.Т. Более справедливый мир возможен! Актуальное предложение по реформе Организации Объединенных Наций. М: Проспект, 2023. 192 с.

References

1. Avakov V.A. Turkey in 2025: Between Archaism and the Future. Free Thought. 2026. No. 1 (1715). P. 86 – 94.

2. Avakov V.A., Guzayev R.I. “The World is Greater than Five,” or Justice in Turkish. Modern Europe. 2023. No. 1. P. 194 – 201.

3. Avakov V.A., Sbitneva A.I. The Turkish Republic on the Eve of the Centenary: The Era of R.T. Erdogan. Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23. No. 4. P. 595 – 608.

4. Ataturk M.K. The Path of the New Turkey. 1919-1927: in 4 volumes. Volume 4: Victory of the new Turkey. 1921-1927. Moscow: Litizdat NKID; State Soc.-Economic. Publ., 1934. 570 p.

5. Biryukov S.V. Erdogan's Turkey: Revision of the Legacy of Kemalist Republicanism and Its Basic Principles. The Power of History and the History of Power. 2022. No. 7 (41). P. 53 – 68.

6. Vartanyan E.G. Reflection of Ziya Gelkap's Ideas in the Theory and Practice of Kemalism. Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. 2019. Vol. 24. No. 3. P. 137 – 146.

7. Gadzhiev A.G. Development of the socio-political situation in Turkey in 2023. Eastern Analytics. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 42 – 49.

8. Dementyeva A.O. Development of the ideology of political Islam in modern Turkey. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 5 – 14.

9. Ermekbaev A.A. Changes in Turkey's foreign policy: from Kemalism to neo-Ottomanism (main internal and external factors). Bulletin of the Karaganda University. Series: History. Philosophy. 2018. Vol. 90. No. 2. P. 103 – 109.

10. Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Problems of globalization in the assessment of the President of Turkey R.T. Erdogan (based on the book by Recep Tayyip Erdogan "A More Just World is Possible! A Current Proposal for Reform of the United Nations"). World Civilizations. 2023, No. 2. URL: https://wcj.world/PDF/08IAMZ223.pdf

11. Mikhailov V.I. K. Ataturk's Reforms and the Current Political Situation in Turkey. Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2013. No. 3 (20). P. 30 – 32.

12. Samrailova E.K., Sokolova N.A. Erdogan's Domestic Policy – Is the Ataturk Era Over? Labor and Social Relations. 2013. No. 3. P. 146 – 152.

13. Sidorenko K.S. Problems of Secularization in Turkey: History and Modernity. Voice of the Past. 2014. No. 1-2. P. 177 – 184.

14. Starodubtsev I.I. Earthquake in Turkey: Impact on Domestic Politics and the May 2023 Elections. Paths to Peace and Security. 2023. No. 1 (64). P. 126 – 146.

15. Suleimanov A.V. Political Ideology of Ataturk. Bulletin of Perm University. POLITICAL SCIENCE. 2015. No. 2. P. 37 – 44.

16. Suleimanova Z.A. Mustafa Kemal Ataturk. Science, Education and Culture. 2017. P. 19 – 207.

17. Takas M. Religious Policy of the Turkish Republic in the Single-Party Period (1923-1946). Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, Psychological, and Pedagogical Sciences. 2019. No. 2. P. 109 – 116.

18. Tsybenko V.V. Hijab Fashion in the Context of Religious Mobilization in Turkey. Religion and Communication. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 396 – 401.

19. Shestakov N. Nationalism of M.K. Ataturk as the State Ideology of the Turkish Republic (1920s–1940s). Pages of History. 2019. P. 64 – 69.

20. Shlykov P.V. The Turkish Model of Civil Society: In Search of a Compromise between Secularism, Islamism, and Democracy. Islam in the Near and Middle East. 2011. No. 6. P. 221 – 241.

21. Shlykov P.V. Populism in the Political Culture of Turkey: The Foreign Policy Dimension. Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 126 – 170.

22. Erdogan R.T. A More Just World is Possible! A Current Proposal for Reform of the United Nations. Moscow: Prospect, 2023. 192 p.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Азеева А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Азеева А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(470+560):327"1878/1914
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-32-37

Проблема черноморских проливов в системе российско-османских военно-политических отношений (1878-1914 гг.)

[1] Муртазаев А.О.,
[1] Исаева К.Ш.,
[1] Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Аннотация: в статье анализируется проблема Черноморских проливов как ключевой фактор российско-османских отношений в 1878-1914 гг. Берлинский конгресс 1878 г. закрепил режим закрытия проливов для военных судов, что ограничило возможности Черноморского флота России. Османская империя пыталась лавировать между великими державами, но усиление германского влияния превратило вопрос о проливах в элемент глобального противостояния Антанты и Тройственного союза. К 1914 г. Россия разработала детальный план захвата Босфора. Кризис Лимана фон Сандерса стал важным этапом, обострившим противоречия. Автор приходит к выводу, что проблема Черноморских проливов являлась одним из важнейших факторов российско-османских отношений и оказала существенное влияние на военно-политическую ситуацию накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Черноморские проливы, Босфор, Дарданеллы, российско-османские отношения, Берлинский конгресс, Босфорская десантная операция, Восточный вопрос

Для цитирования: *Муртазаев А.О., Исаева К.Ш. Проблема черноморских проливов в системе российско-османских военно-политических отношений (1878-1914 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 32 – 37. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-32-37*

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The problem of the Black Sea straits in the system of Russian-Ottoman military-political relations (1878-1914)

[1] Murtazaev A.O.,
[1] Isayeva K.Sh.,
[1] Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article analyzes the problem of the Black Sea straits as a key factor in Russian-Ottoman relations in 1878-1914. The Berlin Congress of 1878 established the closure of the straits to warships, which limited the capabilities of Russia's Black Sea fleet. The Ottoman Empire tried to maneuver between the great powers, but growing German influence turned the straits issue into an element of the global confrontation between the Entente and the Triple Alliance. By 1914, Russia had developed a detailed plan to seize the Bosphorus. The Liman von Sanders crisis became an important stage that aggravated contradictions. The author concludes that the problem of the

Black Sea straits was one of the most important factors in Russian-Ottoman relations and had a significant impact on the military-political situation on the eve of World War I.

Keywords: Black Sea straits, Bosphorus, Dardanelles, Russian-Ottoman relations, Berlin Congress, Bosphorus landing operation, Eastern question

For citation: *Murtazaev A.O., Isayeva K.Sh. The problem of the Black Sea straits in the system of Russian Ottoman military political relations (1878-1914). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 32 – 37. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-32-37*

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

На протяжении второй половины XIX – начала XX века статус Черноморских проливов Босфор и Дарданеллы был одной из главных проблем в отношениях России и Османской империи. Для России контроль над проливами означал выход из Черного моря в Средиземноморье. Экономически южные губернии зависели от этого маршрута: через проливы шла значительная часть российского хлебного экспорта [5, с. 36–37].

В рассматриваемый период проблема Черноморских проливов являлась важнейшей составляющей Восточного вопроса, под которым в историографии понимается комплекс международных противоречий, связанных с ослаблением Османской империи и борьбой великих держав за влияние на её территории [13, p. 3-5].

Хронологические рамки исследования – 1878-1914 гг. Нижняя граница – Берлинский конгресс, который закрыл проливы для военных судов. Верхняя – начало Первой мировой войны, когда проливы стали одним из факторов военно-политического кризиса.

В отечественной историографии проблема изучалась В.К. Шереметом [12], М. Золотухиным [3], Ю.А. Петросяном [7], И.Л. Фадеевой [10], А.В. Болдырев в работе «Russia, Turkey, and the Problem of the Black Sea Straits in 1898-1908» анализирует эволюцию российской политики в этот период [1] Л.А. Фишер в своем исследовании рассматривает проблему Черноморских проливов в контексте российско-германских дипломатических отношений 1908-1914 гг. [11]. Ю.В. Лунёва посвятила свои работы англо-русскому соперничеству вокруг проливов [5]. Тем не менее, как замечает Ю.А. Петросян, многие детали подготовки Босфорской операции до сих пор остаются малоизученными [7, с. 175-176].

В зарубежной историографии проблема Черноморских проливов рассматривается преимущественно в контексте кризиса Османской империи и трансформации европейской системы международних отношений. В частности, Stanford J. Shaw связывает усиление международного значения Проливов с процессами модернизации Османской империи и ростом внешнеполитической зависимости Стамбула от европейских держав [14, p. 210-215]. M.S. Anderson в классическом труде «The Eastern Question 1774-1923» анализирует проливную проблему как один из ключевых элементов восточного вопроса на протяжении всего XIX – начала XX века [13, p. 189-210].

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы Черноморских проливов как фактора российско-османских военно-политических отношений в период с 1878 по 1914 гг. В отличие от работ, посвященных отдельным дипломатическим кризисам или военным аспектам проливного вопроса, в статье анализируется взаимосвязь международно-правового режима Проливов, внутренней эволюции Османской империи и усиления германского влияния в регионе. Особое внимание уделяется переходу российской политики от дипломатических методов воздействия к разработке военно-стратегических сценариев решения проливного вопроса.

Объект исследования – российско-османские военно-политические отношения. Предмет– эволюция политики России в отношении проливов и ответные шаги Османской империи.

Цель – выявить основные этапы изменения позиции России по вопросу о проливах. Задачи: проанализировать последствия Берлинского конгресса; проследить эволюцию османской политики; оценить роль Германии; охарактеризовать военные планы России.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу исследования составили опубликованные дипломатические документы, международные договоры, мемуары государственных деятелей и материалы официальной переписки. Особое зна-

чение имеют документы серии «Международные отношения в эпоху империализма» [6], отражающие позиции ведущих европейских держав по вопросу Черноморских проливов, а также воспоминания министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова [8]. Важным источником является «Сборник договоров России с иностранными государствами» [9], содержащий тексты международных соглашений, регулировавших режим Черноморских проливов в рассматриваемый период.

Методологической основой исследования служат принципы историзма и объективности. Использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-исторические методы: историко-генетический, позволяющий проследить эволюцию российской политики в проливном вопросе; историко-сравнительный, дающий возможность сопоставить позиции великих держав; проблемно-хронологический, обеспечивающий последовательное рассмотрение событий в их динамике.

Результаты и обсуждения

Берлинский конгресс 1878 года и его последствия. Победа России в войне 1877-1878 гг. создала прямую угрозу Константинополю. Русские войска вышли к Адрианополю. Сан-Стефанский мирный договор фактически выводил проливы из-под контроля великих держав. Как пишет М. Золотухин, «успехи русской армии… вызвали панику не только в Порте, но и в Лондоне, Вене и Берлине» [3, с. 67-68].

Реакция Великобритании была самой резкой. Британский кабинет Дизраэли направил эскадру в Мраморное море. Россия, истощенная войной, была вынуждена уступить дипломатическому и военному давлению Запада.

Берлинский конгресс (июнь–июль 1878 г.) подтвердил закрытие проливов для военных судов всех держав в мирное время. Для России это означало изоляцию Черноморского флота и экономическую зависимость от Порты. По словам В.К. Шеремета, «Берлинский трактат заложил основу для подготовки силового захвата проливов» [2, с. 112-114].

Следует отметить, что решения Берлинского конгресса не столько урегулировали проливный вопрос, сколько перевели его в долгосрочную форму международного соперничества. Если до 1878 г. проблема была связана преимущественно с русско-турецкими войнами, то после конгресса она стала элементом общеевропейского баланса сил, в который были вовлечены все ведущие державы континента.

Режим нейтрализации был двойственным. Как отмечают авторы «Истории Востока», «он защищал Стамбул от русского десанта, но и лишал Порту возможности получать военно-морскую помощь от союзников» [4, с. 412-413].

Для Османской империи решения конгресса создали лишь иллюзию безопасности. Порта не могла самостоятельно распоряжаться проливами. Сама постановка вопроса о «международном статусе» проливов ущемляла суверенитет Османской империи.

Эволюция политики в отношении проливов (1881-1908)

Правление султана Абдул-Хамида II характеризовалось лавированием между державами. И.Л. Фадеева выделяет три элемента османской политики: ужесточение процедур прохода военных судов, милитаризация береговой линии Босфора и Дарданелл, дипломатическая изоляция этого вопроса [10, с. 88-90].

Россия в ответ сосредоточилась на военной подготовке. А.В. Болдырев в своем исследовании отмечает, что в 1898–1908 гг. российское руководство постепенно склонялось к мысли о необходимости силового решения проливного вопроса, хотя дипломатические инструменты продолжали использоваться [1, с. 388-392].

С конца XIX века в Османской империи усилилось германское влияние. Кайзер Вильгельм II посещал Константинополь в 1889 и 1898 гг. Германия начала строить Багдадскую железную дорогу и направила военную миссию фон дер Гольца для реорганизации турецкой армии.

Германское проникновение в Османскую империю имело не только военно-техническое, но и геополитическое значение. Контроль над транспортными коммуникациями и участие в реорганизации османской армии позволяли Германии оказывать влияние на стратегический район Черноморских проливов без формального нарушения международно-правового режима их использования. Как подчеркивает Л.С. Васильев, «проблема проливов перестала быть двусторонней и превратилась в элемент глобального противостояния Антанты и Тройственного союза» [2, с. 287].

Ю.В. Лунёва в своих работах, посвященных англо-русскому соперничеству, показывает, что именно германский фактор заставил Россию и Великобританию искать компромиссы в проливном вопросе, что в конечном счете способствовало оформлению Антанты [5, с. 39-41].

В 1906 году Россия создала Морской генеральный штаб, который начал разрабатывать план захвата Босфора. Поражение в русско-японской войне и революция 1905-1907 гг. временно отодвинули этот во-

прос. Однако, как отмечает М. Золотухин, «именно в этот период происходит окончательный отказ от иллюзий о дипломатическом решении» [3, с. 112-113].

Кризис 1908-1914 годов: путь к мировой войне

Младотурецкая революция 1908 г. привела к власти Энвера, Талаата и Джемаля. Новое правительство взяло курс на модернизацию армии. Л.А. Фишер в своем исследовании российско-германских отношений этого периода отмечает, что проливной вопрос стал одним из ключевых в противостоянии двух держав на Ближнем Востоке [11, с. 8-10]. Ю.А. Петросян пишет: «Младотурки прекрасно осознавали уязвимость проливов, но их главной ошибкой стала ставка на Германию» [7, с. 145].

Балканские войны 1912-1913 гг. создали угрозу захвата Константинополя Болгарией. Для России это было неприемлемо – проливы не должны были перейти под контроль другого государства. Поэтому Россия поддержала Турцию. В.К. Шеремет замечает, что в этот период Россия впервые после 1878 года продемонстрировала готовность применить военную силу для защиты режима проливов [12, с. 178-180].

Кульминацией стал кризис Лимана фон Сандерса в декабре 1913 г. Германия назначила своего генерала командующим 1-м турецким корпусом, который оборонял Стамбул и проливы. Российская дипломатия расценила это назначение как неприемлемое вмешательство в стратегически важный регион. Министр иностранных дел Сазонов в своих воспоминаниях подробно излагает позицию России в этом кризисе [8, с. 84-89]. М. Золотухин констатирует, что этот кризис стал важным этапом в обострении российско-германских противоречий [3, с. 156-158].

К 1914 г. Морской генеральный штаб завершил план захвата Босфора (известный как «План № 2»). По данным материалов Морского генерального штаба и опубликованных документов дипломатической переписки, план предусматривал овладение Босфором и важнейшими укреплениями Константинопольского района, что фактически обеспечивало контроль над столицей Османской империи и Проливами [6, с. 156-160; 1, с. 398-400]. Он предусматривал: высадку 40-50 тысяч десантников в течение 48 часов; подавление турецких береговых батарей; блокирование османского флота в Золотом Роге; захват Константинополя. И.Л. Фадеева обращает внимание на два обстоятельства. Во-первых, план исходил из того, что главную угрозу представляет германский флот, а не турецкая армия. Во-вторых, операцию нужно было завершить за 10–12 суток, иначе великие державы успели бы вмешаться [10, с. 145-147].

В октябре 1914 г. Османская империя вступила в войну на стороне Германии. Россия начала готовить Босфорскую операцию практически, но эти планы прервала революция 1917 г.

Выводы

Исследование показывает, что проблема Черноморских проливов являлась одним из ключевых факторов российско-османских отношений в 1878-1914 гг. Берлинский конгресс создал международно-правовой режим, который одновременно ограничивал возможности России и препятствовал одностороннему контролю над Проливами со стороны других держав [9, с. 235-237; 12, с. 112-114].

Усиление германского влияния в Османской империи способствовало превращению проливного вопроса из региональной проблемы в элемент общеевропейского соперничества. В этих условиях российская политика постепенно эволюционировала от дипломатических инструментов к разработке военно-стратегических сценариев решения вопроса [3, с. 112-113; 8, с. 84-89].

К началу Первой мировой войны проблема Проливов сохраняла важное значение в системе внешнеполитических приоритетов Российской империи. Несмотря на то что вступление России в войну было обусловлено комплексом военно-политических и союзнических обязательств, вопрос о Проливах оставался в числе долгосрочных стратегических целей российского руководства [6, с. 156-160; 1, с. 398-400].

Список источников

1. Болдырев А.В. Россия, Турция и проблема Черноморских проливов в 1898-1908 гг. // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 389 – 404.

2. Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 2. Москва: Высшая школа, 2003. 368 с.

3. Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888 гг.). Москва: Наука, 1993. 320 с.

4. История Востока: в 6 т. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.): кн. 2 / гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков и др.; отв. ред.: Л.Б. Алаев и др. Москва: Восточная литература, 2005. 574 с.

5. Лунева Ю.В. Проблема черноморских проливов и англо-русское соперничество на рубеже XIX–XX вв. // Военно-исторический журнал. 2011. № 5 (613). Май. С. 36 – 42.

6. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг.: Серия III: Т. III. Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. 492 с.

7. Петросян Ю.А. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). Москва: Наука, Издательская фирма Восточная литература, 1993. 186 с.

8. Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва: Международные отношения, 1991. 398 с.

9. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко. Москва: Госполитиздат, 1952. 462 с.

10. Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Москва: Восточная литература, 2001. 285 с.

11. Фишер Л.А. Проблема Черноморских проливов в российско-германских дипломатических отношениях 1908-1914 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2009. 24 с.

12. Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа (вторая треть XIX в.). Москва: Наука, 1986. 316 с.

13. Anderson M.S. The Eastern Question 1774-1923: A Study in International Relations. London: Macmillan, 1966. 436 p.

14. Shaw S.J., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Volume II: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808-1975. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 840 p.

References

1. Boldyrev A.V. Russia, Turkey and the Problem of the Black Sea Straits in 1898-1908. Islam in the Near and Middle East. 2010. No. 5. P. 389 – 404.

2. Vasiliev L.S. History of the East: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Vysshaya Shkola, 2003. 368 p.

3. Zolotukhin M.Yu. Russia, Western European Powers and the Ottoman Empire during the Period of International Crises in the Balkans (1885-1888). Moscow: Nauka, 1993. 320 p.

4. History of the East: in 6 volumes. Vol. IV. The East in Modern Times (Late 18th – Early 20th Century): Book 2. Edited by R.B. Rybakov et al.; Responsible editors: L.B. Alaev et al. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 574 p.

5. Luneva Yu.V. The Problem of the Black Sea Straits and Anglo-Russian Rivalry at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Military History Journal. 2011. No. 5 (613). May. P. 36 – 42.

6. International Relations in the Age of Imperialism. Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments, 1878-1917: Series III: Vol. III. Moscow; Leningrad: State Socio-Economic Publishing House, 1933. 492 p.

7. Petrosyan Yu.A. The Ottoman Empire: Reforms and Reformers (Late 18th – Early 20th Century). Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura Publishing Firm, 1993. 186 p.

8. Sazonov, S.D. Memories. Moscow: International Relations, 1991. 398 p.

9. Collection of Russia's Treaties with Other States. 1856-1917. edited by E.A. Adamov; compiled by I.V. Kozmenko. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 462 p.

10. Fadeeva I.L. The Concept of Power in the Middle East. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 285 p.

11. Fisher L.A. The Problem of the Black Sea Straits in Russian-German Diplomatic Relations, 1908-1914: Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg, 2009. 24 p.

12. Sheremet V.I. The Ottoman Empire and Western Europe (the second third of the 19th century). Moscow: Nauka, 1986. 316 p.

13. Anderson M.S. The Eastern Question 1774-1923: A Study in International Relations. London: Macmillan, 1966. 436 p.

14. Shaw S.J., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Volume II: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808-1975. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 840 p.

Информация об авторах

Муртазаев А.О., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом Древней и средневековой истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, arslist777@mail.ru

Исаева К.Ш., Дагестанский государственный университет

© Муртазаев А.О., Исаева К.Ш., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94:338.45(477.62)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-38-44

Формирование и развитие химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона

[1] Пацула И.И.,
[1] Луганский государственный педагогический университет

Аннотация: в настоящей статье представлено комплексное исследование динамики формирования и эволюции химической промышленности на территории Донбасса в один из наиболее ответственных и сложных периодов – в контексте послевоенного восстановления региона. Аналитический фокус направлен на выявление и осмысление ключевых этапов становления отрасли, которые характеризовались как преодолением разрушений, так и закладыванием основ для дальнейшего роста. Детально рассматриваются многоаспектные факторы, оказывавшие существенное влияние на траекторию развития химического производства, включая государственную политику, доступность сырьевых ресурсов, технологические инновации, а также наличие квалифицированной рабочей силы. Особое внимание уделяется многогранной роли химической промышленности в обеспечении не только экономического, но и социального возрождения Донбасса, что включало создание рабочих мест, повышение уровня жизни населения и развитие смежных отраслей. Исследование углубляется в изучение специфики восстановительных процессов, подчеркивая уникальные вызовы и адаптационные стратегии, применявшиеся при реанимации и совершенствовании производственных мощностей в условиях послевоенного Донбасса, что делает данную работу ценным вкладом в понимание региональной истории и процессов индустриального развития.

Ключевые слова: Донбасс, химическая промышленность, послевоенное восстановление, индустриальное развитие, угольная промышленность, регион, советская экономика

Для цитирования: *Пацула И.И. Формирование и развитие химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 38 – 44. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-38-44*

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The formation and development of the chemical industry in Donbass in the context of post-war recovery of the region

[1] Patsula I.I.,
[1] Lugansk State Pedagogical University

Abstract: this article presents a comprehensive study of the dynamics of the formation and evolution of the chemical industry in Donbas during one of the most critical and challenging periods—the context of the region's post-war reconstruction. The analytical focus is on identifying and understanding the key stages of the industry's development, which were characterized by both overcoming destruction and laying the foundations for further growth. A detailed examination of the multifaceted factors that significantly influenced the trajectory of chemical production development is provided, including government policy, the availability of raw materials, technological

innovation, and the availability of a skilled workforce. Particular attention is paid to the chemical industry's multifaceted role in ensuring not only the economic but also the social revival of Donbas, which included job creation, improved living standards, and the development of related industries. The study delves into the specifics of recovery processes, highlighting the unique challenges and adaptation strategies employed in reviving and improving production capacity in the post-war Donbas, making this work a valuable contribution to understanding the regional history and processes of industrial development.

Keywords: Donbas, chemical industry, post-war recovery, industrial development, coal industry, region, Soviet economy

For citation: *Patsula I.I. The formation and development of the chemical industry in Donbass in the context of post-war recovery of the region. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 38 – 44. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-38-44*

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Период послевоенного восстановления, наступивший после разрушительных событий Великой Отечественной войны, стал для многих регионов Советского Союза, и в частности для Донбасса, временем колоссальных испытаний и одновременно грандиозных свершений. Несмотря на колоссальный ущерб, нанесенный экономике и инфраструктуре, Донбасс, будучи одним из важнейших индустриальных центров страны, был призван сыграть ключевую роль в общем процессе оздоровления и дальнейшего развития советской экономики. Особое место в этом процессе занимало восстановление и развитие тяжелой промышленности, среди которой химическая отрасль выделялась своей стратегической важностью и многопрофильностью.

Химическая промышленность, будучи фундаментом для множества других сфер – от сельского хозяйства и легкой промышленности до обороны и машиностроения, – требовала особого внимания в условиях послевоенного дефицита ресурсов и необходимости быстрого наращивания производственной мощи. Донбасс, обладающий богатыми запасами сырья и давними традициями промышленного развития, имел потенциал для быстрого возрождения и даже роста химического производства. Изучение этого процесса позволяет не только понять специфику восстановления конкретного региона, но и выявить общие закономерности, принципы и методы, применявшиеся в масштабах всей страны для реанимации и модернизации экономики в условиях ограниченных возможностей.

Актуальность темы вызвана наличием противоречий между уже имеющимися историческими знаниями по вопросу роли химической промышленности в экономике Донбасса и потребностью исторической науки и общества в знании о формировании и развитии химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона. Понимание того, как происходило восстановление предприятий, какие технологические решения применялись, как формировалась кадровая политика и как отрасль интегрировалась в общую систему восстановления народного хозяйства, имеет не только историческое, но и практическое значение. Результаты исследования могут способствовать более полному представлению о сложности и многогранности процессов индустриального развития в экстремальных условиях, а также помочь в осмыслении уроков прошлого для современных задач регионального развития.

Целью данной статьи является всестороннее исследование формирования и развития химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона, выявление основных этапов, факторов и особенностей этого процесса, а также оценка его вклада в социально-экономическое возрождение края. Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи: проанализирована степень разрушений в химической отрасли региона к концу войны; рассмотрены основные направления и приоритеты восстановительных работ; изучены ключевые предприятия и производственные процессы; определены важнейшие факторы, способствовавшие развитию отрасли; исследовано влияние химической промышленности на социальную и экономическую сферы Донбасса в послевоенный период.

Материалы и методы исследований

Для исследования процесса формирования и развития химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона использовался комплекс источников, включающий как фундаментальные монографические работы, так и научные статьи и региональные материалы. Основной ин-

формационной базой послужила серия аналитических и статистических сборников, отражающих этапы промышленного развития региона в советский и постсоветский периоды [1, 7, 9].

Источниковая база дополнительно включала материалы межрегиональных научных конференций и публикации, посвященные проблемам промышленной реконструкции и индустриального роста Донбасса в годы Второй мировой войны и послевоенного восстановления [8, 10, 11]. Для анализа динамики развития прослеживались основные тенденции в развитии химической промышленности, включая государственную политику, технологические изменения и региональные особенности, что было выполнено при помощи сравнительного исторического анализа с привлечением региональных и отраслевых публикаций [3, 4, 5].

Детальный анализ материалов позволил выявить основные этапы формирования научно-технической базы, а также определить роль региональных целевых программ и передового опыта в реконструкции и модернизации химического сектора [2, 6, 12]. В качестве дополнительных методов использовались методы историко-генетического, хронологического и сравнительно-исторического анализа, что способствовало комплексному освещению исследуемых процессов и факторов их развития.

Исследование велось на основе систематизации и критической оценки указанных источников, а также на базе анализа публикаций, опубликованных в научных журналах, включая материалы конференций и тематические сборники, что обеспечило полноту и достоверность полученных выводов [8, 9].

Результаты и обсуждения

Химическая промышленность – одна из ведущих отраслей тяжелой индустрии, которая является научно–технической и материальной базой химизации народного хозяйства и играет исключительно важную роль в развитии производительных сил, укреплении оборонной мощи государства и в обеспечении жизненных потребностей общества. Она объединяет целый комплекс отраслей производства, в которых преобладают химические методы переработки предметов труда (сырья, материалов). Химическая промышленность СССР охватывала большую номенклатуру продукции, вырабатываемой в системе Министерства химической промышленности СССР, Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, Министерства по производству минеральных удобрений СССР, а также смежных (организационно обособленных) отраслях народного хозяйства [1, с. 11].

Химической промышленности принадлежала большая роль в подъеме производительных сил Советского государства, в обеспечении условий для повышения жизненного уровня трудящихся – в производстве пищи, одежды, обуви, устройстве жилья и во многих других сферах. Внедрение в производство продуктов химии привело к значимому народнохозяйственному эффекту в виде экономии дефицитных и дорогостоящих природных материалов. Поэтому Советское государство всегда придавало большое значение ускоренному развитию отечественной химической промышленности [1, с. 12].

Донбасс – один из важных районов развития химической промышленности в период СССР, и, в особенности, в 1950-1980-е годы. Производственные мощности региона в период 1950-1980-х годов увеличились по сравнению с дореволюционным временем в сотни раз, был создан ряд новых подотраслей химической промышленности. Многочисленные химические производства были настолько тесно связаны между собой, что химия Донбасса, по сути, являлась огромным комбинатом, расположившимся на обширной территории. По выпуску продукции химической промышленности Донбассу принадлежало первое место в УССР, а по производству ряда более важных химических продуктов – одно из первых мест в СССР. Минеральные удобрения, ядохимикаты для борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур, кальцинированная, каустическая и пищевая сода, пластические массы и изделия из них, красители, серная и другие кислоты, полупродукты для производства синтетических волокон и пластмасс, сажа, стеклопластики, химические реактивы, фармацевтические препараты – вот далеко неполный перечень того, что давала химическая промышленность Донецкого края. Исследованию ресурсной базы и промышленного потенциала региона посвящен ряд работ, в частности работы М.В. Лапко [2].

Донбасс имеет действительно неисчерпаемые возможности дальнейшего развития химической промышленности. Они заложены в огромных запасах разнообразного химического сырья: коксующихся углей, каменной соли и соляных растворах, известняках, мел, гипсе, соединениях серы, которые являются примесью в каменном угле и т.д. Все большее значение как химическое сырье приобретал природный газ, поступавший по газопроводам с Северного Кавказа. Начали использовать природный газ месторождений Луганской области [2, с. 111].

Содовое производство – старейшая отрасль химической промышленности. района. Трудно найти такую отрасль народного хозяйства, где бы не применялись содовые продукты. Кальцинированную соду широко используют в стекольной и керамической промышленности, черной и цветной металлургии, она является

исходным сырьем для другой химической продукции; каустическую соду используют в производстве резины, химических волокон, пластических масс; бикарбонат натрия (пищевая сода) – почти во всех отраслях пищевой промышленности, медицине и т.д. Содовые предприятия Донбасса имеют по существу неисчерпаемые ресурсы сырья, месторождения которых размещены недалеко от них. Начало в развитии содовой промышленности Донбасса было положено в конце XIX ст. сооружением Донецкого (1891 г., в Лисичанске) и Славянского (1898 г.) содовых заводов [2, с. 112].

При Советской власти предприятия этой отрасли коренным образом реконструированы, расширены и переведены на более совершенную технологию. В 1946 году в соответствии со стратегией послевоенного развития государства был построен Новосодовый завод в Славянске.

Основные центры производства азотных минеральных удобрений – Северодонецк и Горловка. Флагман большой химии Советской Украины – Северодонецкий химический комбинат построен за послевоенные годы. Ежегодно он поставляет сельскому хозяйству сотни тысяч тонн лучшей в стране гранулированной аммиачной селитры, сульфат аммония, аммиачную воду, карбамид и другие азотные минеральные удобрения. Осваивается производство сложных удобрений и удобрений с высоким содержанием полезного вещества – азота. Наряду с этим на Северодонецком химическом комбинате производилось много другой продукции, в том числе ацетилен, ацетальдегид, уксусную кислота, уксусный ангидрид, высшие спирты, азотную кислоту, соли «АГ», винилацетат, капролактам, карбамидные смолы и т.д. Их широко используют непосредственно или как исходное сырье для выработки другой химической продукции и изделий [6].

Горловский химический комбинат им. С. Орджоникидзе, Ясиновский и Авдеевский коксохимические заводы также выпускали много азотных удобрений. Горловские химики, как и Северодонецкие, производили для страны широкий ассортимент другой продукции, в том числе серную и аммиачную кислоты, растворы нитрата натрия, этилбензол, стирол – исходное сырье для получения полистирола (термопластическая смола) и пенополистирола. Полистирол использовали не только для местного пластмассового производства, а поставляли и другим предприятиям страны. Многие удобрения (аммиачные селитры) производились в специализированных цехах большинства коксохимических заводов Донбасса [2, с. 113].

Фосфатные удобрения производили в Константиновке и Жданове (Мариуполь). В Константиновке выпуск их начали еще в годы первой пятилетки с введения специализированного цеха на химическом заводе. В 1950–е годы его реконструировали и значительно расширили, внедрили новую технологию. По объему продукции суперфосфата завод стоял рядом с крупнейшими предприятиями этого типа в стране. Выпуск суперфосфата из хибинских апатитов стал возможным здесь благодаря наличию в Константиновке производства серной кислоты (чтобы получить 1 т. суперфосфата, необходимо потратить около 350 кг серной кислоты) [2, с. 113].

На долю Донбасса приходилось почти все производство синтетических красителей в республике. Рубежанский химический комбинат (г. Рубежное) являлся одним из крупнейших предприятий лакокрасочной промышлености СССР. Предпосылками его возникновения здесь было наличие сырьевой базы в виде продукции коксования, поваренной соли, известняков, топлива, технической воды, разветвленной сетки дорог. Одним из основных видов продукции комбината являлись высококачественные кубовые красители, по производству которых он занимал первое место в СССР. Их широко применяют для окраски хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей, химических волокон и меховых изделий. Кроме красителей, на Рубежанском химическом комбинате производился ряд полупродуктов – исходного сырья для производства пластмасс, стеклопластиков, синтетического каучука.

Донбасс в послевоенный период играет важную роль в решении задач широкого развития производства в стране синтетических материалов и изделий из них для нужд промышленности и населения. Для этого здесь есть почти все виды сырья и развитая химическая промышленность. Донбасс мог обеспечить новые отрасли производства необходимыми полуфабрикатами и высококвалифицированными кадрами химиков. Химическая промышленность региона развивалась быстрыми темпами. Валовая продукция этой отрасли к 1970 г. по сравнению с 1965 г. выросла примерно в 2,2 раза [2, с. 114].

В последующие годы сооружаются новые цеха и предприятия: по производству стирола и полистирола на Горловском химкомбинате; капролактама, ацетальдегида, уксусной кислоты на Северодонецком химкомбинате; печи по сжиганию природной серы на Макеевском и Енакиевском коксохимических заводах, строятся Авдеевский коксохимзавод, Донецкий химзавод. Десятки химических заводов Донбасса выпускали около 1000 наименований продукции самого различного назначения. По производству минеральных удобрений, фталевого ангидрида, антраценовой сажи, кальцинированной и каустической соды Донбасс занимал ведущее место в УССР, а по выпуску кокса, синтетических красителей, смол и ацетилена ему принадлежало первое место в Союзе. Донбасс – родина отечественной коксохимии. На 14 заводах этой отрасли

(включая Дзержинский фенольный по переработке химических продуктов коксования) производилась половина союзного и большая часть республиканского количества различной коксохимической продукции. По производству кокса район обогнал наиболее развитые индустриальные страны Европы [3, с. 107].

Масштабы капитального строительства в химической промышленности в период 1950-х годах значительно увеличились. Помимо задачи восстановления разрушенных войной предприятий, остро встала проблема ускоренного и опережающего развития химической промышленности, что являлось необходимым условием технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства [1, с. 201].

В марте 1946 года было образовано Министерство химической промышленности СССР. Наряду с восстановлением и возведением новых предприятий химической промышленности идет строительство жилых микрорайонов для работников предприятий, строятся объекты социального направления: школы, детские сады, больницы, профилактории, дворцы культуры и спорта, развивается транспортная инфраструктура. Большое внимание уделяется подготовке кадров на предприятия химической промышленности. Открываются ПТУ, техникумы, соответствующие кафедры в институтах: Донецком Политехническом институте, Луганском машиностроительном институте.

Основным фактором развития химической промышленности в послевоенное время было социалистическое соревнование, которое дало стране героев социалистического труда: Беликов Сергей Трифонович – старший аппаратчик Константиновского химического завода; Биба Мария Дмитриевна – старшая аппаратчица Горловского химического комбината; Воробьёв Дмитрий Дмитриевич – директор Авдеевского коксохимического завода; Ковальчук Николай Сергеевич – старший газовщик Ждановского коксохимического завода; Лукаш Александр Александрович – старший аппаратчик Ясиновского коксохимического завода.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование формирования и развития химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона позволило выявить ряд ключевых закономерностей и особенностей этого сложного и многогранного процесса. Восстановление Донбасса после Великой Отечественной войны оказалось неразрывно связано с возрождением его индустриального потенциала, и химическая промышленность заняла в этом процессе одно из центральных мест.

Период послевоенного восстановления был отмечен масштабными усилиями, направленными на приведение в рабочее состояние и модернизацию существовавших производственных мощностей, а также на создание новых. Важнейшим стимулом для развития химической отрасли стало ее тесное взаимодействие с градообразующей для региона угольной промышленностью. Углехимические производства, основанные на переработке угля, стали движущей силой для формирования новых направлений химической индустрии, включая производство удобрений, взрывчатых веществ, органического синтеза и коксохимии.

Благодаря целенаправленной государственной политике, мобилизации внутренних ресурсов и преданности труду жителей Донбасса, химическая промышленность не только была восстановлена, но и демонстрировала устойчивый рост, способствуя общему подъему региональной экономики.

Вклад химической промышленности в послевоенное восстановление Донбасса неоспорим. Она обеспечивала необходимую продукцию для сельского хозяйства, строительства, машиностроения и других отраслей, способствовала созданию новых рабочих мест, повышению уровня жизни населения и интеграции Донбасса в общесоюзную экономическую систему. Развитие химических предприятий стало драйвером урбанизации и формирования новых промышленных центров.

Изучение данного периода может быть направлено на более детальный анализ отдельных химических производств, их технологической структуры, а также на сравнительный анализ развития химической промышленности на Донбассе с другими индустриальными регионами СССР. Понимание этого исторического опыта имеет важное значение для осмысления путей и методов индустриального развития, а также для формирования стратегий по возрождению и устойчивому развитию промышленных территорий в современные условиях.

Список источников

1. Развитие химической промышленности в СССР (1917-1980). Т. 1: Развитие научной и материально-технической базы химической промышленности / АН СССР, Институт истории естествознания и техники. М.: Наука, 1984. 368 с.

2. Лапко М.В. Край угля и металла. К.: Сов. школа, 1969. 160 с.

3. Книга о Донбассе. Природа. Люди. Дела. 2-е, изд. перераб. и доп. / Под ред. В.А. Воронцова. Донецк: Донбасс, 1977. 319 с.

4. Передовой опыт – важный резерв ускоренного развития химической промышленности: материалы школы передового опыта работников химической и коксохимической промышленности Луганской области от 3 июля 1964 г. Донецк: Донбасс, 1964. 59 с.

5. Научно-технический прогресс в промышленности Донбасса: сборник статей / редколл.: А.Н. Алымов (отв. ред.) и др. Донецк: Донбасс, 1969. Т. 1. 343 с.

6. Бутов В.В., Платков М.А. Северодонецкие химики. М.: Химия, 1989. 64 с.

7. Кузьменко О.В. Промышленное развитие Донбасса во второй половине XX века: проблемы и перспективы // Донбас: история и современность: Материалы международной научной конференции (г. Донецк, 15-16 мая 2008 г.). Донецк: Изд-во "Новый мир", 2008. 360 с.

8. Шевченко С.В. Эволюция развития промышленного комплекса Донбасса в советскую эпоху // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Сер.: Исторические науки. 2012. № 13 (244). С. 112 – 120.

9. Кравченко С.А., Воропаева С.Ю. Исторические этапы становления и развития химической науки и промышленности Донбасса // Химия и химическая технология. 2013. Т. 6. № 1. С. 16 – 20.

10. Березняк В.П. Развитие химической промышленности Донбасса в послевоенный период. (На примере предприятий г. Горловки) // Вестник Донецкого национального университета. Сер.: История. Экономика. Право. 2020. № 1.

11. Смирнов А.В. Особенности индустриального развития Донбасса в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 112 – 125.

12. Пономаренко Г.С. Промышленная политика СССР и ее влияние на развитие региональных промышленных комплексов (на примере Донбасса) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 3-х ч. Ч. 1. С. 158 – 160.

References

1. The Development of the Chemical Industry in the USSR (1917-1980). Vol. 1: Development of the Scientific and Material-Technical Base of the Chemical Industry. USSR Academy of Sciences, Institute of the History of Natural Science and Technology. Moscow: Nauka, 1984. 368 p.

2. Lapko M.V. The Land of Coal and Metal. Kiev: Sov. School, 1969. 160 p.

3. A Book about Donbass. Nature. People. Affairs. 2nd, revised and enlarged ed. Ed. by V.A. Vorontsov. Donetsk: Donbass, 1977. 319 p.

4. Advanced Experience – an Important Reserve for the Accelerated Development of the Chemical Industry: Proceedings of the School of Advanced Experience of Workers in the Chemical and Coke-Chemical Industry of the Luhansk Region, July 3, 1964. Donetsk: Donbass, 1964. 59 p.

5. Scientific and technological progress in the industry of Donbass: a collection of articles. editorial board: A.N. Alymov (editor-in-chief) and others. Donetsk: Donbass, 1969. Vol. 1. 343 p.

6. Butov V.V., Platkov M.A. Severodonetsk chemists. Moscow: Chemistry, 1989. 64 p.

7. Kuzmenko O.V. Industrial development of Donbass in the second half of the twentieth century: problems and prospects. Donbass: history and modernity: Proceedings of the international scientific conference (Donetsk, May 15-16, 2008). Donetsk: Novy Mir Publishing House, 2008. 360 p.

8. Shevchenko S.V. Evolution of the development of the industrial complex of Donbass in the Soviet era. Bulletin of the Taras Shevchenko National University of Luhansk. Series: Historical sciences. 2012. No. 13 (244). P. 112 – 120.

9. Kravchenko S.A., Voropaeva S.Yu. Historical stages of the formation and development of chemical science and industry in Donbass. Chemistry and chemical technology. 2013. Vol. 6. No. 1. P. 16 – 20.

10. Bereznyak V.P. Development of the chemical industry in Donbass in the post-war period. (On the example of enterprises in Gorlovka). Bulletin of Donetsk National University. Series: History. Economics. Law. 2020. No. 1.

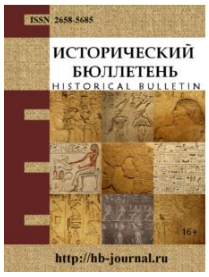
11. Smirnov A.V. Features of the industrial development of Donbass during the Great Patriotic War and post-war reconstruction. Questions of History. 2018. No. 10. P. 112 – 125.

12. Ponomarenko G.S. Industrial Policy of the USSR and Its Impact on the Development of Regional Industrial Complexes (using Donbass as an Example). Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2013. No. 10 (36): in 3 parts. Part 1. P. 158 – 160.

Информация об авторе

Пацула И.И., аспирант, Луганский государственный педагогический университет, realivanpatsula@yandex.ru

© Пацула И.И., 2026



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47+57) "1941/1942" + 338.45(47+57)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-45-50

Эвакуация промышленности в 1941-1942 гг.: организационные механизмы

[1] Шавлохова Е.С.,
[1] Бучина А.О.,
[1] Срыбная Ю.И.,
[1] Сутченко А.Е.,
[1] Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация: в статье осуществляется комплексный анализ эвакуации промышленности в 1941-1942 гг. как ключевого элемента мобилизационной экономики и антикризисного государственного управления. Исследуются организационные механизмы, обеспечившие оперативное перемещение производственных мощностей, трудовых ресурсов и технологических комплексов в тыловые регионы.

Введение. Актуальность исследования эвакуации промышленности в 1941-1942 гг. определяется необходимостью комплексного переосмысления организационных механизмов, позволивших в кратчайшие сроки обеспечить сохранение и восстановление производственного потенциала государства в условиях военной угрозы. Современные вызовы, связанные с обеспечением экономической безопасности, санкционным давлением и необходимостью развития территориально распределённых производственных систем, обусловливают повышенный интерес к историческому опыту эвакуации как к уникальному примеру антикризисного управления на макроуровне.

Материалы и методы исследования. Методика исследования основана на анализе теоретического материала, анализе исторических данных. Теоретической основой данной научной работы, послужили документы и материалы помогающие выявлению и научному осмыслению организационных механизмов эвакуации промышленности в 1941-1942 гг., а также определение факторов, обеспечивших их эффективность в условиях экстремальной неопределённости. Эмпирической основой послужила постановка проблемы обусловлена наличием противоречия между масштабом и сложностью эвакуационных мероприятий, с одной стороны, и ограниченностью традиционных управленческих инструментов, применяемых в условиях мирного времени, с другой.

Результаты исследования. Данные результаты исследования заключается в развитии представлений о механизмах функционирования централизованных управленческих систем в условиях кризиса, а также в углублении научного понимания процессов мобилизационной экономики. Рассмотрение эвакуации промышленности как сложной многоуровневой управленческой системы позволяет расширить категориальный аппарат историко-правовых и экономических исследований, уточнить содержание понятий «мобилизационное управление», «антикризисная координация» и «территориальная реорганизация производства». Практическая значимость работы связана с возможностью использования выявленных закономерностей и организационных решений при разработке современных стратегий обеспечения устойчивости промышленности, включая сценарии реагирования на чрезвычайные ситуации, территориальную диверсификацию производств и совершенствование логистических цепочек.

Обсуждение и выводы. Научное значение темы заключается в возможности исследовать пределы и ресурсы кризисного управления, а практическое – в использовании этого опыта для повышения устойчивости современной промышленной политики Российской Федерации. Именно поэтому тема эвакуации промышленности не является сугубо мемориальной: она остается важным полем для историко-правового, экономического и управленческого анализа.

Ключевые слова: эвакуация промышленности, Великая Отечественная война, мобилизационная экономика, государственное управление, организационные механизмы, тыловые регионы

Для цитирования: *Шавлохова Е.С., Бучина А.О., Срыбная Ю.И., Сутченко А.Е. Эвакуация промышленности в 1941-1942 гг.: организационные механизмы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 45 – 50. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-45-50*

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Industrial evacuation in 1941-1942: organizational mechanisms

[1] Shavlokhova E.S.,
[1] Buchina A.O.,
[1] Srybnaya Yu.I.,
[1] Sutchenko A.E.,
[1]Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract: this article provides a comprehensive analysis of the evacuation of industry in 1941–1942 as a key element of the mobilization economy and anti-crisis public administration. It examines the organizational mechanisms that ensured the rapid relocation of production capacities, labor resources, and technological complexes to rear regions.

Introduction. The relevance of research into the industrial evacuation of 1941–1942 is determined by the need for a comprehensive rethinking of the organizational mechanisms that enabled the rapid preservation and restoration of the state's productive potential under the threat of war. Contemporary challenges related to economic security, sanctions pressure, and the need to develop geographically distributed production systems have driven increased interest in the historical experience of evacuation as a unique example of crisis management at the macro level.

Research Materials and Methods. The research methodology is based on an analysis of theoretical material and historical data. The theoretical basis for this research is provided by documents and materials that facilitate the identification and scientific understanding of the organizational mechanisms of industrial evacuation in 1941-1942, as well as the determination of the factors that ensured their effectiveness under conditions of extreme uncertainty. The empirical basis for this research is the formulation of the problem, which stems from the contradiction between the scale and complexity of evacuation measures, on the one hand, and the limitations of traditional management tools used in peacetime, on the other.

Research Results. These results advance understanding of the mechanisms by which centralized management systems function in times of crisis, as well as deepen scientific understanding of mobilization economic processes. Examining industrial evacuation as a complex, multi-level management system allows for the expansion of the categorical apparatus of historical, legal, and economic research, and the clarification of the concepts of "mobilization management," "anti-crisis coordination," and "territorial reorganization of production." The practical significance of the work is related to the possibility of using the identified patterns and organizational solutions in the development of modern strategies for ensuring industrial sustainability, including emergency response scenarios, territorial diversification of production, and improvement of supply chains.

Discussion and Conclusions. The scientific significance of this topic lies in the opportunity to explore the limits and resources of crisis management, while its practical significance lies in the use of this experience to improve the resilience of the Russian Federation's current industrial policy. Therefore, the topic of industrial evacuation is not purely a memorial one: it remains an important field for historical, legal, economic, and managerial analysis.

Keywords: industrial evacuation, Great Patriotic War, mobilization economy, public administration, organizational mechanisms, rear regions

For citation: *Shavlokhova E.S., Buchina A.O., Srybnaya Yu.I., Sutchenko A.E. Industrial evacuation in 1941-1942: organizational mechanisms. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 45 – 50. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-45-50*

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Актуальность исследования эвакуации промышленности в 1941-1942 гг. определяется необходимостью комплексного переосмысления организационных механизмов, позволивших в кратчайшие сроки обеспечить сохранение и восстановление производственного потенциала государства в условиях военной угрозы. В условиях стремительного наступления противника и утраты значительных индустриальных районов европейской части страны, именно способность к оперативной мобилизации ресурсов, координации действий органов власти и предприятий, а также к созданию новых производственных центров в глубинных регионах предопределила устойчивость экономики и обороноспособность государства. Современные вызовы, связанные с обеспечением экономической безопасности, санкционным давлением и необходимостью развития территориально распределённых производственных систем, обусловливают повышенный интерес к историческому опыту эвакуации как к уникальному примеру антикризисного управления на макроуровне.

Целью исследования является выявление и научное осмысление организационных механизмов эвакуации промышленности в 1941-1942 гг., а также определение факторов, обеспечивших их эффективность в условиях экстремальной неопределённости.

Постановка проблемы обусловлена наличием противоречия между масштабом и сложностью эвакуационных мероприятий, с одной стороны, и ограниченностью традиционных управленческих инструментов, применяемых в условиях мирного времени, с другой. Эвакуация промышленности представляла собой не только перемещение оборудования и кадров, но и создание принципиально новых производственных систем в иных географических, инфраструктурных и социально-экономических условиях. Возникает необходимость теоретического осмысления того, каким образом была обеспечена синхронизация действий множества субъектов управления, как формировались и реализовывались управленческие решения в условиях дефицита времени и ресурсов, и какие организационные модели обеспечили устойчивость системы в целом.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии представлений о механизмах функционирования централизованных управленческих систем в условиях кризиса, а также в углублении научного понимания процессов мобилизационной экономики. Рассмотрение эвакуации промышленности как сложной многоуровневой управленческой системы позволяет расширить категориальный аппарат историко-правовых и экономических исследований, уточнить содержание понятий «мобилизационное управление», «антикризисная координация» и «территориальная реорганизация производства». Практическая значимость работы связана с возможностью использования выявленных закономерностей и организационных решений при разработке современных стратегий обеспечения устойчивости промышленности, включая сценарии реагирования на чрезвычайные ситуации, территориальную диверсификацию производств и совершенствование логистических цепочек.

Эвакуация промышленности в 1941-1942 гг. представляет собой один из наиболее показательных примеров чрезвычайного государственного управления в отечественной истории. По существу, речь шла не просто о вывозе заводского оборудования из угрожаемых районов, а о форсированном переносе целых производственных комплексов, кадрового состава, инженерной культуры и управленческих практик в новые территориальные узлы, прежде всего на Урал, в Поволжье, Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Уже 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР, а затем специальными решениями партии, правительства и Государственного комитета обороны была выстроена нормативно-распорядительная вертикаль, позволившая увязать транспорт, снабжение, размещение и ввод мощностей в эксплуатацию. По данным, которые воспроизводятся в современных справочных и архивно-исторических публикациях, с июля по декабрь 1941 г. было перемещено 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных; крупнейшим центром размещения стал Урал [1, с. 47].

Материалы и методы исследований

Ключевой организационный механизм состоял в создании специального центра координации. Постановление от 24 июня 1941 г. о создании Совета по эвакуации означало институциональное признание того, что обычных наркоматских процедур уже недостаточно. Совет по эвакуации получил задачу руководства вывозом населения, предприятий, учреждений, оборудования и иных ценностей из угрожаемых районов. Однако сама по себе централизация не была достаточной. Уже в июле 1941 г., когда фронтовая обстановка ухудшилась, потребовалось перейти от общего координационного центра к детализированным решениям по отраслям и территориям, что и было закреплено в постановлении Государственного комитета обороны от 11 июля 1941 г. об эвакуации промышленных предприятий. Это решение важно тем, что переводило эвакуацию из режима общей политической установки в режим конкретного управленческого алгоритма:

какие предприятия вывозить в первую очередь, какими составами, куда именно, с какими людьми и под чьей ответственностью [2, с. 34].

Сильной стороной этого механизма была высокая концентрация полномочий. В условиях, когда промедление означало потерю оборудования и срыв оборонных поставок, сложные согласовательные процедуры были сокращены до минимума. Но здесь же находился и главный источник системных проблем. Сверхцентрализация неизбежно порождала разрывы между замыслом и исполнением: центр издавал решения, исходя из стратегической картины, а регион сталкивался с нехваткой подъездных путей, кранового хозяйства, складов, жилья, топлива, электроэнергии и рабочих рук. Современные исследования на архивном материале показывают, что уже в 1941-1942 гг. управление эвакогрузами постепенно эволюционировало от модели жесткой сверхцентрализации к модели, где значительную роль начинала играть местная инициатива и неформальные механизмы согласования.

Иначе говоря, советская система оказалась жизнеспособной не только потому, что была централизованной, но и потому, что в критический момент допустила практическую децентрализацию на уровне исполнения [3, с. 60].

Результаты и обсуждения

Вторым системообразующим механизмом стала приоритизация. Эвакуировались не абстрактные предприятия, а прежде всего те мощности, без которых невозможно было поддерживать оборону: авиапромышленность, вооружение, боеприпасы, танкостроение, машиностроительные и металлургические узлы. Именно в этом проявляется логика военной экономики: эвакуация не была равномерной и универсальной, она строилась по принципу оборонной значимости. Наиболее показателен опыт авиационной промышленности. Исследования М.Ю. Мухина показывают, что эвакуация авиапредприятий потребовала не только демонтажа оборудования и переброски кадров, но и одновременного сохранения производственного цикла, что делало этот процесс особенно сложным. В ряде случаев в новые районы переносились неполные технологические цепочки, а это означало необходимость срочно создавать кооперационные связи заново. Следовательно, главной единицей управления было не предприятие как юридическая оболочка, а производственная система как совокупность взаимосвязанных цехов, поставщиков, энергетики и персонала [4, с. 45].

Третьим организационным механизмом являлась железнодорожная мобилизация. Без особого режима работы путей сообщения сама идея массового перебазирования была бы нереализуемой. Эвакуация промышленности конкурировала за вагонный парк с фронтовыми перевозками, снабжением армии, перемещением населения и подвозом топлива. Отсюда возникала сложнейшая задача очередности: что вывозить сначала – станки, металлорежущее оборудование, рабочих, документацию, незавершенное производство, сырье или семьи специалистов. Источники и исследования показывают, что именно нарушение комплектности грузов нередко снижало эффект даже успешно выполненной перевозки: прибывший в тыл станок без электродвигателя, пресс без оснастки, цех без инженерной документации или завод без квалифицированной смены превращались в «мертвый груз». Поэтому важнейшим организационным критерием стало не физическое перемещение имущества как таковое, а доставка минимально достаточного набора элементов для быстрого восстановления выпуска [5, с. 13].

Особенно показателен региональный аспект. Урал стал главным реципиентом эвакуированных производств не случайно: здесь уже имелась индустриальная база, металлургия, транспортные узлы и относительная удаленность от фронта. Поволжье выполняло роль промежуточного и частично конечного пункта размещения, Сибирь обеспечивала территориальную глубину и ресурсную устойчивость, Казахстан и республики Средней Азии предоставляли пространство для приема значительного числа предприятий и людей. Источники по Казахстану фиксируют прибытие десятков и сотен предприятий по отдельным периодам, а также указывают на чрезвычайную нагрузку на местную инфраструктуру, кадровый рынок и жилищный фонд.

Это означает, что эвакуация была не только союзным, но и региональным процессом, где конечный результат зависел от способности местных органов власти быстро перераспределять землю, здания, энергию, рабочую силу и продовольствие [6, с. 40].

Именно на региональном уровне наиболее ярко проявились слабые места организационного механизма. Во-первых, прибывавшие предприятия нередко поступали без полной технологической номенклатуры. Во-вторых, местные органы не всегда получали заблаговременную и точную информацию о составе груза и численности работников. В-третьих, возникал конфликт между интересами принимающего региона и требованиями центра: местные ресурсы уже были распределены, а новые потребности появлялись внезапно и в огромном масштабе. В-четвертых, административное давление не устраняло дефицит строительных ма-

териалов, продовольствия и жилья. Поэтому формально правильное решение центра могло фактически реализоваться лишь частично [7, с. 112]. Архивные исследования М.Н. Потемкиной как раз показывают, что трудности 1941-1942 гг. были связаны не только с фронтовой катастрофой, но и с отсутствием заранее отработанного механизма перевозки, приема и комплектования эвакогрузов в тылу [7, с. 78].

Проблемы, выявляемые при историческом анализе эвакуации 1941-1942 г., можно свести к нескольким узлам. Первый узел – разрыв между центром и местом исполнения. Второй – недостаточная предварительная готовность инфраструктуры приема. Третий – ведомственная замкнутость, когда каждое звено стремится выполнить собственный план без учета смежников. Четвертый – дефицит оперативной информации о составе и состоянии эвакогрузов.

Пятый – недооценка социально-бытового обеспечения кадров как фактора производительности [9, с. 80].

Соответственно, пути решения в современной интерпретации очевидны: необходимы единые межведомственные протоколы кризисного перебазирования, заранее подготовленные резервные промышленные площадки, транспортно-логистические карты приоритетов, стандарты комплектности при перемещении технологических систем и обязательное включение жилищно-социального блока в мобилизационные планы. История 1941-1942 гг. убедительно показывает, что завод нельзя «эвакуировать» как набор станков; он существует как сеть техники, энергии, людей, снабжения и управления [10, с. 21].

Выводы

Таким образом, эвакуация промышленности в 1941-1942 гг. должна рассматриваться как многоуровневый организационный процесс, в котором соединились правовое директивное оформление, чрезвычайная управленческая централизация, приоритетное транспортное обеспечение, региональная адаптация и кадрово-социальная мобилизация. Ее историческое значение состоит не только в спасении тысяч предприятий, но и в создании новой промышленной карты страны, обеспечившей военное производство в наиболее тяжелый период войны. Научное значение темы заключается в возможности исследовать пределы и ресурсы кризисного управления, а практическое – в использовании этого опыта для повышения устойчивости современной промышленной политики Российской Федерации. Именно поэтому тема эвакуации промышленности не является сугубо мемориальной: она остается важным полем для историко-правового, экономического и управленческого анализа.

Список источников

1. Аккузинов А.К. Промышленный потенциал Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 4. С. 45 – 52.

2. Данилов В.П. Эвакуация промышленности в годы Великой Отечественной войны: организационные аспекты // Вопросы истории. 2021. № 7. С. 34 – 49.

3. Киселев А.В. Управление эвакуацией промышленности СССР в 1941-1942 гг. // Отечественная история. 2022. № 5. С. 58 – 72.

4. Нечаев М.Г. Эвакуация промышленности СССР в 1941-1942 гг.: масштабы и последствияв // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 2. С. 45 – 60.

5. Осокина Е.А. Промышленность в условиях военной мобилизации: опыт СССР // Российская история. 2020. № 6. С. 12 – 27.

6. Потемкина М.Н. Опыт интеграции эвакуированного промышленного оборудования в экономику уральского тыла (осень 1941 – весна 1942 гг.) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2024. № 2. С. 35 – 48.

7. Пьянков С.А. Эвакуация Московского автомобильного завода имени И.В. Сталина в 1941-1942 гг. // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 3. С. 112 – 128.

8. Смирнов И.Н. Логистика эвакуации промышленности СССР в начальный период войны // Экономическая история. 2022. № 3. С. 77 – 91.

9. Стародубцев Е.Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки. 2024. № 5. С. 78 – 86.

10. Хлевнюк О.В. Мобилизационная экономика СССР в годы войны: управленческие решения и практика реализации // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 21 – 36.

References

1. Akkuzinov A.K. Industrial Potential of the Kazakh SSR during the Great Patriotic War (1941-1945). Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 45 – 52.
2. Danilov V.P. Industrial Evacuation During the Great Patriotic War: Organizational Aspects. Questions of History. 2021. No. 7. P. 34 – 49.
3. Kiselev A.V. Management of the Evacuation of USSR Industry in 1941-1942. Domestic History. 2022. No. 5. P. 58 – 72.
4. Nechaev M.G. Evacuation of the USSR Industry in 1941-1942: Scale and Consequences. Bulletin of Perm University. History. 2024. No. 2. P. 45 – 60.
5. Osokina E.A. Industry in the Context of Military Mobilization: The USSR Experience. Russian History. 2020. No. 6. P. 12 – 27.
6. Potemkina M.N. Experience of Integrating Evacuated Industrial Equipment into the Economy of the Ural Rear (Fall 1941 – Spring 1942). Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2024. No. 2. P. 35 – 48.
7. Pyankov S.A. Evacuation of the Moscow Automobile Plant named after I.V. Stalin in 1941-1942. Modern History of Russia. 2024. Vol. 14. No. 3. P. 112 – 128.
8. Smirnov I.N. Logistics of the Evacuation of USSR Industry in the Initial Period of the War. Economic History. 2022. No. 3. P. 77 – 91.
9. Starodubtsev E.Yu. Evacuation of Industry and Civilian Population to the Territory of Kuzbass During the Great Patriotic War. Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences. 2024. No. 5. P. 78 – 86.
10. Khlevnyuk O.V. Mobilization Economy of the USSR During the War: Management Decisions and Implementation Practice. Modern and Contemporary History. 2021. No. 4. P. 21 – 36.

Информация об авторах

Шавлохова Е.С., доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 520637@mail.ru

Бучина А.О., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Срыбная Ю.И., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Сутченко А.Е., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

© Шавлохова Е.С., Бучина А.О., Срыбная Ю.И., Сутченко А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47) «1910/1917»
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-51-60

Противопожарное страхование недвижимости духовного ведомства в Онежском уезде Архангельской епархии в 1910-1917 гг.

[1] Рожина А.В.,
[1] Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: в рамках изучения истории страхового дела в Российской империи в статье впервые представлен опыт страхования церковной недвижимости от огня на условиях взаимности в Онежском уезде Архангельской епархии в 1910-1917 гг. Анализ нормативных актов и неопубликованных документов из фондов Российского государственного исторического архива позволил аккумулировать данные о процессе страхования и количественные сведения о застрахованных постройках, суммах ежегодных взносов, страховых случаях и компенсациях по ним. Реализация взаимного противопожарного страхования фактически выявила, что тарифы по страхованию, утвержденные Святейшим Синодом, оказались завышены в сравнении с земскими. Это привело к отказу от страхования построек некультового назначения в духовном ведомстве у ряда приходов и переходу на страхование в земских учреждениях. За период взаимного страхования в Онежском уезде произошло 8 страховых случаев возгорания деревянных построек культового, жилого и хозяйственного предназначений. Огонь нанес урон Свято-Духовской часовне при Никольской церкви в селе Набережском, полностью разрушил церковно-причтовый дом и 4 хозяйственные постройки при Свято-Троицком соборе в г. Онеге, церковный дом в селе Пурнема, деревянные бани в Крестном и Кожеозерском монастырях. Взносы за страхование церковных построек по Онежскому уезду за 1911-1917 гг. составили около 10,5 тыс. рублей, что превысило примерно в 2,7 раз общий размер страховых компенсаций за ущерб от пожаров. Изученный дореволюционный опыт взаимного страхования церковной недвижимости продемонстрировал, что страховые компенсации позволили восстановить и отремонтировать часть построек, что демонстрирует один из практических вариантов решения по сохранению отечественного культурного наследия.

Ключевые слова: Российская империя, Русская Православная Церковь, взаимное страхование от пожара, Архангельская губерния, Архангельская епархия, Онежский уезд, Онежское Поморье

Для цитирования: *Рожина А.В. Противопожарное страхование недвижимости духовного ведомства в Онежском уезде Архангельской епархии в 1910-1917 гг. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 51 – 60. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-51-60*

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Fire insurance of the real estate ministry in the Onega district of the Archangelsk diocese in 1910-1917

[1] Rozhina A.V.,
[1] North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: in the context of research insurance in the Russian Empire the article presents the experience of mutual fire insurance in the spiritual department in the Onega district of the Arkhangelsk diocese. Analysis of regulations and unpublished documents from the Russian State Historical Archive allowed us to accumulate data on the insurance process and quantitative information about insured buildings, amounts of annual contributions, insurance cases and compensations. The implementation of mutual fire insurance actually revealed that the insurance rates approved by the Holy Synod were higher than the zemstvo rates. This led to the refusal to insure non-religious buildings in the ecclesiastical department by a number of parishes, and the transition to insurance in zemstvo institutions. During the period of mutual insurance in Onega County, there were 8 insured events in wooden buildings of religious, residential, and economic purposes. The fire damaged the Holy Spirit Chapel at the St. Nicholas Church in the village of Paberezhskoye, completely destroyed the church house and four outbuildings at the Holy Trinity Cathedral in Onega, the church house in the village of Purnema, and the wooden baths in the Krestny Monastery and the Kozheozersky Monastery. In 1911-1917, insurance premiums for church buildings in the Onega district amounted to about 10,500 rubles, which exceeded approximately 2.7 times the insurance compensation for damage from fires. The researched pre-revolutionary experience of mutual insurance of church real estate has shown that the insurance compensation allowed to restore and repair part of the buildings, which demonstrates one of the practical solution for preserving the domestic cultural heritage.

Keywords: the Russian Empire, Russian Orthodox Church, mutual fire insurance, Arkhangelsk province, Arkhangelsk diocese, Onega district, Onega Pomorye

For citation: *Rozhina A.V. Fire insurance of the real estate ministry in the Onega district of the Archangelsk diocese in 1910-1917. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 51 – 60. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-51-60*

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В Онежском районе Архангельской области были утрачены во время пожаров не восстановленные до настоящего времени уникальные памятники деревянного зодчества, среди них церковь Рождества в селе Прилуки (1977), церковь Воздвижения Креста Господня в селе Макарьино, Кожский погост (1985), Храмовый ансамбль Верхней Мудьюги (1997), Христорождественская церковь в селе Порог (2004). Как сейчас, так и издревле огненная стихия была серьезным бедствием для Русского Севера. В связи с этим для восстановления пострадавших церковных построек в духовном ведомстве Российской империи был выработан и реализован в 1910-1917 гг. механизм взаимного страхования от огня.

Обращаясь к истории вопроса, отметим, что по статистическим данным с 1895 г. до 1909 г. в Российской империи происходило увеличение случаев пожаров. Динамика количества пожаров зафиксированных на территории губерний Европейской части России за 15 лет представлена в тысячах на рис. 1.

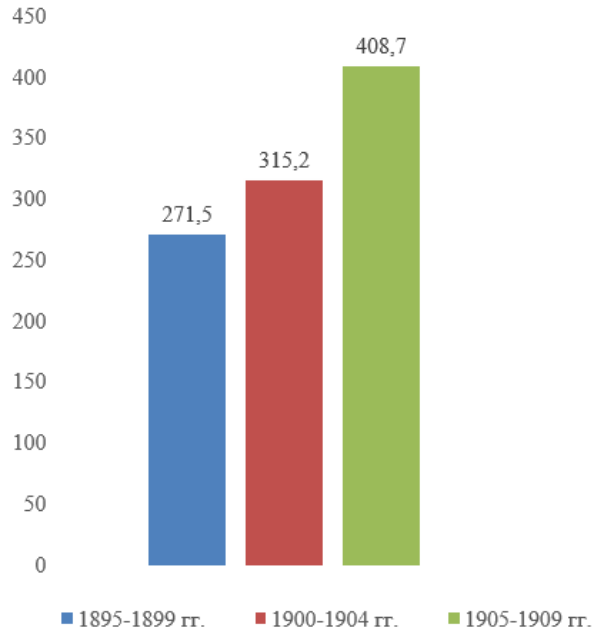


Рис. 1. Динамика количества пожаров в 1895-1909 гг. в губерниях Европейской части Российской империи, в тыс. [5].
Fig. 1. Dynamics of the number of fires in 1895-1909 in the provinces of the European part of the Russian Empire, in thousands [5].

Как можно увидеть, с 1895-1899 гг. до 1905-1909 гг. количество пожаров в европейских губерниях Российской империи выросло на 137,2 тыс. или на 50,3%. В Архангельской губернии на протяжении этого периода также отмечалась тенденция роста происшествий. На рис. 2 представлена динамика количества пожаров за 1895-1909 гг., произошедших в этой северной оконечности империи.

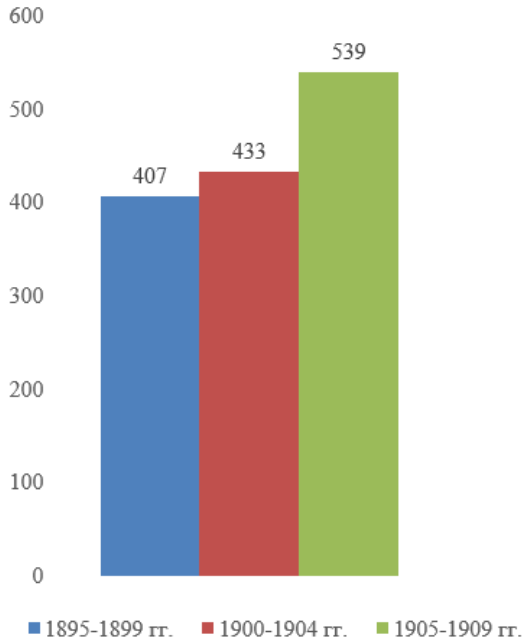


Рис. 2. Динамика количества пожаров в 1895-1909 гг. в Архангельской губернии [5].
Fig. 2. Dynamics of the number of fires in 1895-1909 in the Archangelsk province [5].

Количество пожаров в Архангельской губернии с 1895-1899 гг. до 1905-1909 гг. увеличилось на 132 случая или 32,4%, что тоже было достаточно ощутимо, хотя на 17,9% меньше, чем в Европейской части России. Заметим, что к изучению механизмов регламентации взаимного страхования для защиты от огня ранее обращались исследователи. Их исследования строились главным образом на основе нормативных актов [7; 8; 14; 17].

Для рассмотрения страхового дела в духовном ведомстве М.С. Кокарев анализировал отчетные документы и ведомости движения сумм за 1911-1915 гг. Ученый отмечал, что на покрытие пожарных убытков в духовном ведомстве в среднем уходило примерно 50% страховых средств [7, с. 46-47]. Изученный дореволюционный опыт Мезенского уезда Архангельской епархии и ряда уездов Вологодской епархии показал целесообразность страхового дела, где взносы за церковную недвижимость и компенсации за ущерб от пожаров были примерно равны [12, с. 72; 13, с. 46].

Огонь наносил существенный урон храмам Онежского Поморья, которые издавна возводили преимущественно из дерева, создавая уникальный облик края [16, с. 8-21; 17, с. 282-291]. В дореволюционной печати и источниках, отложившихся в архивных фондах, сохранились сведения о многочисленных пожарах в культовых постройках Онежского уезда, среди них происшествия 1811, 1848, 1864, 1884, 1885, 1890, 1900, 1913 гг. [3, Д. 93. Л. 1-8; 4, Д. 2687. 1-6; 11, Д. 7. Л. 52-54об.]. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение неизученных ранее практик взаимного страхования церковной недвижимости в Онежском уезде Архангельской епархии в 1910-1917 гг.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа строится на комплексном подходе и принципе историзма. Для анализа страхового дела обратились к опубликованным и неопубликованным документам. Исследование осуществлялось с опорой на нормативно-правые акты Святейшего Синода, регламентировавшие процесс страхования построек в духовном ведомстве.

Изучение процесса страхового дела на территории Онежского уезда построено главным образом на основе обработки материалов, отложившихся в фондах государственных архивов. Проанализированы страховые оценки и карточки по благочиниям из фонда Хозяйственного управления при Синоде Российского государственного исторического архива (РГИА). Эти документы составляли благочинные и предоставляли в Архангельскую духовную консисторию, затем их направляли в Страховой отдел Синода для утверждения. Для воссоздания процесса документооборота по страховым случаям обратились материалам фонда Архангельской духовной консистории в Государственном архиве Архангельской области (ГА АО), которые представлены указами, журналами собраний, рапортами благочинных. Применение методов диахронического перевода, текстологического анализа и сплошной систематизации позволило реконструировать процесс страхового дела в духовном ведомстве на территории Олонецкого уезда, выявить количественные данные о застрахованных постройках, суммах расходов и компенсационных выплат по страховым случаям.

Результаты и обсуждения

В начале XX в. для обеспечения защиты имущества от огня власти действовали в двух направлениях. Первое – обеспечение работы пожарной службы, второе – регламентация страхового дела. В уездном г. Онеге в количественном отношении было лучшее оснащение пожарного дела в сравнении с другими городами Архангельской губернии. На основе данных статистического комитета МВД за 1910 г. известно, что в г. Онеге имелась пожарная команда, в распоряжении которой находилось 17 пожарных насосов и машин (из них 3 принадлежали городским командам, остальные частным), 36 пожарных бочек (в том числе 4 в городской службе) [6, с. 8-9].

Кроме организации пожарной службы власти заботились о предоставлении возможности страхования недвижимости от огня. После многочисленных обращений епархиальных властей о необходимости введения взаимного страхования, было подготовлено и в 1904 г. высочайше утверждено Положение о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства [2, с. 614-809].

Для организации процесса в 1910 г. Святейший Синод открывает Страховой отдел при Хозяйственном управлении, которое подчинялся решениям Общего Страхового Присутствия. Текущий документооборот, утверждение размера страховых премий, учет страховых сумм был в ведении Страхового отдела. Высшим органом в этой системе было Общее Страховое Присутствие, оно занималось утверждением смет, размеров компенсационных выплат и решением ключевых вопросов страхования церковной недвижимости. На епархиальном уровне руководящим органом по вопросам страхования была духовная консистория, назначав-

шая благочинных в уездах по округам для оформления страховых документов, сбора и выдачи страховых сумм [13, с. 41].

Для подготовки к взаимному страхованию в Онежском уезде в период с июня по сентябрь 1910 г. описаны и оценены 252 объекта церковной недвижимости по 4 округам на общую сумму более 553 тыс. руб. Благочинными по страховому делу был сделан расчет, а в Страховом отделе утвержден размер страховых премий по каждой постройке, в результате по уезду ежегодные взносы составили почти 1,5 тыс. руб. (табл. 1).

Таблица 1

Страхование епархиальных построек Онежского уезда Архангельской епархии (по состоянию на 1 января 1911 г.) [11].

Table 1

Insurance of the diocesan buildings in the Onega district of the Archangelsk diocese (as of January 1, 1911) [11].

Благочиннический округ	Количество застрахованных строений	Страховые суммы строений (в руб.)	Ежегодные страховые премии (в руб.)
Первый округ	93	181 728,00	399,04
Второй округ	30	39 160,00	159,44
Третий округ	93	230 775,00	657,88
Четвертый округ	36	102 240,00	269,43
Итого по уезду	252	553 903,00	1 485,79

Под обязательное взаимное страхование с 1911 г. попали здания церквей, хозяйственные и жилые строения, принадлежавшие духовному ведомству. На «страх» были приняты постройки монастырей Онежского уезда. В первом благочинническом округе были застрахованы на сумму 62 190 руб. 18 строений Крестного монастыря на Кий-острове (основан патриархом Никоном) [9, с. 33-34], в том числе 3 каменных здания XVII в. (собор 1660 г., церковь 1689 г., братский корпус с церковью – год постройки не указан) и 15 деревянных (церковь, две часовни, настоятельский корпус, гостиница, 4 дома, скотный двор, кладовая, сараи, баня и кузница). На монастырском подворье в г. Онеге было принято «на страх» 6 деревянных построек (часовня, дом, флигель, навес, хлев, баня) по общей страховой оценке 4 215 руб. Монастырь вносил ежегодные взносы в счет страховых сумм духовного ведомства, за 1911 г. они составили за монастырские постройки 127 руб. 01 коп., за строения на подворье – 8 руб. 16 коп. [11, Д. 4. Л. 35, 40].

В Кожеозерском Богоявленском общежительном монастыре, расположенном на Лопском полуострове (третий округ), во взаимном страховании находилось 47 построек, в том числе 6 каменных зданий: Успенская соборная церковь 1883 г. с двумя пределами, Трапезная церковь во имя Митрополита Московского Алексия 1908 г., колокольня, настоятельский корпус, погреб, цейхауз, а также кирпичный завод на общую страховую сумму немногим менее 59 тыс. руб. с ежегодным страховым взносом 157 руб. 08 коп. [11, Д. 6. Л. 36-47].

В дальнейшем делалась корректировка взносов с учетом принятия новых зданий или исключения из страхования разрушенных. В течение 1911-1917 гг. вновь возведенные, отремонтированные или перестроенные постройки принимались «на страх» после выезда благочинного к страхователю и оформления страховой оценки и страховой карточки с расчетами премии. К примеру, в связи с перестройкой в Крестном монастыре трех зданий хозяйственного предназначения, они были перестрахованы в 1912 г. [11, Д. 4. Л. 41-44].

В течение 1912–1915 гг. в первом округе Онежского уезда были застрахованы постройки духовного ведомства жилого и хозяйственного предназначения в селах Ворзогоры, Унежме, Колгачихе, Кушерека, Малощуйке и на Юрьевой Горе на берегу озера Монастырское [11, Д. 4. Л. 8-11, 16-19, 21-25, 29-33, 85-87, 94-98] (на месте основанного в XVII в. Юрьегорского Дамиановского Троицкого монастыря) [1]. В 1916 г. была принята «на страх» построенная в селе Кунджка в 1915 г. бревенчатая на каменном фундаменте Кладбищенская Петропавловская церковь [11, Д. 4. Л. 79-80].

Документы по третьему округу, отложившиеся в архивных фондах, демонстрируют, что приходы добились разрешения перестраховать свою недвижимость в губернском земском страховании. Этот прецедент противоречит устоявшемуся мнению, изложенному С.А. Рыбниковым в очерке 1912 г., где указывался преимущественный характер страхования в духовном ведомстве над другими видами [14, с. 140]. Согласно данным, зафиксированным в страховых карточках по Онежскому уезду, в 1915 г. исключены из страхования в духовном ведомстве и приняты «на страх» в губернском земском страховании бревенчатые одно-

этажные здания церковных школ с жилыми и хозяйственными постройками в селах Вонгудском, Клещевском, Верхнемудьюжском, а также дома священников и псаломщиков с банями, амбарами в селах Вазенцы, Нижнемудьюжском, Подпорожском, Мондинском, Корельском [11, Д. 6. Л. 13-15об., 19-21, 30-32, 67, 81, 87, 89-91, 103].

Если в 1860-х гг. церковные власти убеждали оформлять имущество приходов в земском страховании, то после введения обязательного страхования в духовном ведомстве фактически оно составило конкуренцию земским учреждениям [10, с. 147-150]. Рассматривая причины перехода в земское страхование, отметим, что среди преимуществ этой организационно-правовой формы страховой защиты И.Л. Логвинова указывала на относительно низкую цену предоставляемых ими страховых услуг [8, с. 52].

Расчет страховых взносов осуществлялся по тарифам в зависимости от материала наружных стен здания по разрядам. При этом отличались механизмы формирования страховых тарифов в разных ведомствах. Если Синод утвердил единые для всей империи тарифы, различавшимся для городов и сельских поселений, то в земском страховании было предусмотрено право губернских управлений самостоятельно назначать размер тарифа. В результате, земское страхование оказалось более конкурентоспособно в ряде губерний, где для страхователей недвижимости действовали более выгодные условия чем в духовном ведомстве. Именно с этим фактором был связан прецедент массового перестрахования некультовых построек приходов в земских учреждениях Онежского уезда Архангельской губернии в 1915 г.

За период обязательного взаимного страхования от огня в духовном ведомстве по Онежскому уезду Архангельской епархии было зафиксировано 8 страховых случаев, сведения о них представлены в табл. 2. Пожары произошли 1913-1916 гг. и повредили исключительно деревянные строениях, из них большая часть (10) приходилась на хозяйственные и жилые помещения, 2 – на культовые постройки. Самые губительные пожары, как и в целом по стране, происходили преимущественно в летний период.

Таблица 2

Пожары в епархиальных постройках Онежского уезда Архангельской епархии в 1911-1917 гг. [11].

Table 2

Fires in the diocesan buildings in the Onega district of the Arkhangelsk diocese in 1911-1917 [11].

Название округа/ страхователь	Дата пожара	Тип постройки, пострадавшей во время пожара	Страховая оценка строения (в руб.)	Годичный взнос (в руб.)	Размер страховых выплат (в руб.)
Первый округ					
Свято-Троицкий собор в г. Онеге	20.06. 1913	дом	2800,00	5,04	3160,00
		навес	30,00	0,80	
		хлев	180,00	0,50	
		баня	100,00	0,69	
		ледник	50,00	0,14	
Крестный монастырь	16.05. 1915	баня	25,00	0,17	10,00
Крестный монастырь	22.06. 1915	баня	300,00	5,19	65,00
Крестный монастырь	07.04. 1916	гостиница	5000,00	23	65,50
Второй округ					
Христорождественская церковь в с. Пурнема	07.07. 1914	дом	350,00	2,45	350,00
Третий округ					
Христорождественская церковь в с. Прилуцком	03.06. 1913	церковь	2100,00	4,1	182,00
Кожеозерский Богоявленский общежительный монастырь	24.12. 1914	баня	10,00	0,17	10,00
Четвертый округ					
Никольская церковь в селе Набережском	21.07. 1913	часовня	50,00	0,21	50,00
Итого по уезду			10995,00	42,46	3892,50

Согласно Положению о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства, по страховым случаям выезжал благочинный округа для осмотра места пожара, составления акта и расчета убытков [2, с. 614-618]. По причине неосторожного обращения с огнем 20 июня 1913 г. произошел пожар при Свято-Троицком соборе в г. Онеге, изображение храма представлено на рис. 3. Через два дня благочинный первого округа Михаил Верюжский составил рапорт, в котором сообщал что сгорели до основания церковно-причтовый дом с навесом, хлев, баня и ледник, оценив пожарный убыток в полном размере страховой оценки строений – 3160 руб. [4, Д. 2687. Л. 1-2].

Рис. 3. Свято-Троицкий собор в г. Онеге. 1897 г. [15].
Fig. 3. Holy Trinity Cathedral in Onega. 1897 [15].

После рассмотрения дела в собрании Архангельской духовной консистории 6 июля, пожарный акт и расчет были высланы в Страховой отдел. Выплата по страховому случаю была сделана не сразу, был сделан запрос данных по месту пожара об остатках фундамента, стен и кровли. Оказалось, фундамент церкви был деревянный и сгорел до тла, другие здания были построены без фундамента, кровельное железо и кирпич под влиянием огня пришли в негодность и даже остатков обгорелого дерева после пожара не осталось. На основании отношения и журнала Общего Страхового Присутствия от 22 августа 1913 г., утвержденного обер-прокурором Святейшего Синода, денежные средства за ущерб от пожара были высланы в консисторию и через благочинного в октябре того же года были выданы страхователю [4, Д. 2687. Л. 5-15].

Страховые выплаты позволили продолжить строительные работы при Свято-Троицком соборе. После пожара были возведены новые постройки, застрахованные в 1915 г., в том числе церковно-причтовый дом (оценен в 5760 руб.), хлев, прачечная-баня, ледник, дровяник. Общая страховая сумма зданий составила 6 220 руб., то есть около 50% денежных средств на их строительство было затрачено из полученных компенсаций, остальные – из церковных сумм [11, Д. 4. Л. 72-76].

Летом 1913 г. были зафиксированы еще два пожара в церковных строениях Онежского уезда: по неустановленной причине было возгорание в построенной на каменном фундаменте Христорождественской церкви села Прилуцкого (третий округ) и в Свято-Духовской часовне при Никольской церкви села Набережского (четвертый округ). Компенсация на ремонт церкви составила около 9% от страховой суммы – 182 руб., за сгоревшую до тла часовню в полном объеме страховой суммы – 350 руб. Никаких сведений о постройке новой часовни в селе Набережском в течение 1913-1917 гг. в страховых документах не сохранилось [11, Д. 6. Л. 105-107об., Д. 7. Л. 52-54об.].

В летний период 1914 г. из-за неосторожного обращения с огнем во втором округе в селе Пурнема сгорел деревянный дом псаломщика Христорождественской церкви [11, Д. 4. Л. 35, 35об., 40, 40об.]. Полученные страхователем выплаты 350 руб. (в полном размере страховки) лишь на 70% позволили компенсиро-

вать затраты на постройку нового церковного дома округе в селе Пурнема. В 1916 г., через два года после пожара был построен новый бревенчатый дом, расходы на строительные работы превысили размер страховой компенсации на 150 руб. В итоге новое строение было застраховано на 500 руб. [11, Д. 5. Л. 73-76].

В течение 1914-1916 гг. произошли также пожары в банях Кожеозерского и Крестного монастырей, возгорание в монастырской гостинице. В эпизодах, когда возгорания удавалось потушить и ущерб был незначительным (например, в церкви Рождества Христова в селе Прилуцком и в здании гостиницы в Крестном монастыре) постройки были оставлены на страховании в прежней оценке. После пожара в бане на подворье Крестного монастыря в г. Онеге (первоначально страховая оценка – 300 руб.) строение было переоценено в 180 руб. [11, Д. 5. Л. 107-107об., Д. 4. Л. 35, 35об.].

Заметим, что здания духовного ведомства, сгоревшие полностью, из страхования исключались. К таким постройкам в Онежском уезде в период взаимного страхования относились Свято-Духовская часовня при Никольской церкви в селе Набережском, церковный дом в селе Пурнема, деревянные бани в Крестном монастыре и в Кожеозерском монастыре [11, Д. 4. Л. 35, 35об., Д. 6. Л. 47, 47об.].

Выводы

Таким образом, изученные материалы позволяют прийти к выводу о том, что страхование церковной недвижимости на условиях взаимности в Онежском Поморье, где постройки были преимущественно деревянные, имело свои региональные особенности. Взаимное страхование в духовом ведомстве предусматривало менее выгодный для страхователей тариф чем земское, что привело к массовому перестрахованию церковно-приходских школ, церковных домов, бань и хозяйственных построек в земстве. При этом культовые постройки (храмы, часовни, колокольни) оставались во взаимном страховании.

На основе анализа страховых документов, отложившихся в РГИА, приходим к заключению, что страхование построек духовного ведомства в Онежском уезде оказалось менее целесообразно, чем в целом по Российской империи, а также в Тотемском уезде Вологодской губернии, где размер компенсаций по пожарным убыткам оставил 77% от суммы ежегодных взносов в целом за страхование [12, с. 72].

Сравнивая результаты обязательного взаимного страхования церковной недвижимости в Онежском и Мезенском уездах Архангельской епархии, отметим, что ежегодные взносы на страхование за 7 лет в Онежском уезде составили около 10,5 тыс. руб., в Мезенском – 6 тыс. руб. Общий ущерб от огня в период взаимного страхования в постройках духовного ведомства по Онежскоу уезду оценивался в 3,9 тыс. руб., по Мезенскому уезду – в 6,8 тыс. руб. В обоих уездах Архангельской епархии огонь повредил деревянные постройки, но в Онежском уезде ущерб от пожаров был меньше и ежегодные взносы превысили компенсации почти в 3 раза. Отметим, что меньший урон, нанесенный пожарами церковной недвижимости, был связан с лучшей оснащенностью пожарной службы в г. Онеге, о чем ранее упоминалось.

Выплаты из страховых сумм духовного ведомства в период обязательного страхования позволили осуществить ремонт построек и в большинстве случаях возвести новые строения взамен утраченных в огне. При этом размер страховых компенсаций не покрывал все расходы на строительные работы и требовал дополнительных вложений из своих средств от страхователя в объеме 30-40% от общих расходов на постройку новых зданий.

Выявленные данные по противопожарному страхованию открывают перспективы для дальнейших научных исследований, демонстрируют широкое поле для изучения исторического опыта и раскрытия как успешных практик и региональных особенностей, так и противоречий, проблемных ситуаций в страховом деле духового ведомства в 1910-1917 гг.

Список источников

1. Бодэ А.Б. Троицкая церковь на Юрьевой горе. [Электронный ресурс]. URL: http://kenozerjelive.ru/bode-jurgora.html (дата обращения: 27.12.2025)

2. Положение о взаимном страховании от огня строений духовнаго ведомства от 6 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 24. № 24.712. СПб., 1904. С. 614 – 809.

3. ГААО. Ф. 29. Оп.3 т. 5.

4. ГААО. Ф.29. Оп. 4 т.2.

5. Георгиевский П. Пожары в России // Статистика пожаров в Российской империи за 1895-1910 годы. Ч.1. 63 губернии Европейской России. СПб.: Центр. стат. ком. МВД, 1912. С. I – LXIX.

6. Города России / Центр. стат. ком. М. В. Д. в 1910 году. СПб.: типо-лит. Ныркина, 1914. 1200 с.

7. Кокарев М.С. Страхование церковной недвижимости в Российской империи в начале XX в. // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Самара, 25-26 мая 2023 года. Самара: Самарский государственный институт культуры. 2023. С. 44 – 47.

8. Логвинова И.Л. Взаимное страхование в России: особенности эволюции. М.: Финансы и статистика, 2009. 176 с.

9. Онежский Крестный монастырь // Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г. Архангельск, 1870. Приложение. С. 33 – 34.

10. Относительно выдачи ссуд и единовременных пособий по случаю пожаров. Указ Святейшего Синода от 7 янв. 1868 г. // Вологодские епархиальные ведомости. 1868. № 7. С. 147 – 150.

11. РГИА. Ф. 799. Оп. 33.

12. Рожина А.В. Пожары и взаимное страхование «от огня» церковных построек в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1910-1917 годах // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия: История и филология. 2025. Т. 78. Вып. 2. С. 67 – 75.

13. Рожина А.В. Страхование церковного имущества в 1910-1917 годах (по материалам Мезенского уезда Архангельской епархии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 26, № 1. С. 38 – 48.

14. Рыбников С.А. Очерк современного положения в России страхования от огня. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1912. 252 с.

15. Случевский К.К. По Северо-Западу России. СПб.: издание А. Ф. Маркса, 1897. Т. 1: По Северу России. 458 с.

16. Хатанзейская Е.В. Из истории Онежского Поморья: храмовый комплекс старинного поморского села Пурнема в XVI-XX веках // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. № 2(38). С. 8 – 21.

17. Ходаковский Е.В., Щеглова Ю.А. Деревянное церковное зодчество Онежского Поморья: источниковедческий и историографический аспекты // Русское искусство XVIII-XIX века. 2022. Т. 12. С. 282 – 291.

18. Choi J. Fire, Arson and Fire Insurance in Late Imperial Russia // Slavonic and East European Review. 2015. No. 3 (93). P. 451 – 492.

References

1. Bode A.B. Trinity Church on Yuryeva Hill. [Electronic resource]. Available at: http://kenozerjelive.ru/bode-jurgora.html (date of accessed: 27.12.2025)

2. Regulation on Mutual Fire Insurance of Buildings of the Religious Department, dated June 6, 1904. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection. Vol. 24. No. 24.712. St. Petersburg, 1904. P. 614 – 809.

3. GAAO. F. 29. Op. 3, Vol. 5.

4. GAAO. F. 29. Op. 4, Vol. 2.

5. Georgievsky P. Fires in Russia. Fire Statistics in the Russian Empire for 1895-1910. Part 1. 63 Governorates of European Russia. SPb.: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1912. P. I – LXIX.

6. Cities of Russia. Central Statistical Committee of the Moscow VD in 1910. SPb.: Typo-lit. Nyrkina, 1914. 1200 pp.

7. Kokarev M.S. Insurance of Church Property in the Russian Empire at the Beginning of the Twentieth Century. Modernization of Culture: Dialogues on the Past and Present in Science, Art, and Education: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Samara, May 25-26, 2023. Samara: Samara State Institute of Culture. 2023. P. 44 – 47.

8. Logvinova I.L. Mutual Insurance in Russia: Features of Evolution. Moscow: Finance and Statistics, 2009. 176 p.

9. Onega Monastery of the Cross. Reference Book of the Arkhangelsk Province for 1870. Arkhangelsk, 1870. Appendix. P. 33 – 34.

10. Concerning the Issuance of Loans and One-Time Benefits in Case of Fires. Decree of the Holy Synod of January 7, 1868. Vologda Diocesan Gazette. 1868. No. 7. P. 147 – 150.

11. RGIA. F. 799. Op. 33.

12. Rozhina A.V. Fires and Mutual Fire Insurance of Church Buildings in Totemsky District, Vologda Governorate, 1910-1917. Bulletin of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series: History and Philology. 2025. Vol. 78. Issue 2. P. 67 – 75.

13. Rozhina A.V. Church Property Insurance in 1910-1917 (Based on Materials from the Mezensky District, Arkhangelsk Diocese). Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2026. Vol. 26, Issue 1. P. 38 – 48.

14. Rybnikov S.A. Essay on the Current Situation of Fire Insurance in Russia. St. Petersburg: Printing House M-va vn. affairs, 1912. 252 p.

15. Sluchevsky K.K. Across the North-West of Russia. St. Petersburg: A.F. Marx Publishing House, 1897. Vol. 1: Across the North of Russia. 458 p.

16. Khatanzeyskaya E.V. From the History of Onega Pomorie: The Temple Complex of the Ancient Pomor Village of Purnema in the 16th-20th Centuries. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Historical Sciences. 2020. No. 2(38). P. 8 – 21.

17. Khodakovsky E.V., Scheglova Yu.A. Wooden Church Architecture of Onega Pomorie: Source Studies and Historiographic Aspects. Russian Art of the 18th-19th Centuries. 2022. T. 12. P. 282 – 291.

18. Choi J. Fire, Arson and Fire Insurance in Late Imperial Russia. Slavonic and East European Review. 2015. No. 3 (93). P. 451 – 492.

Информация об авторе

Рожина А.В., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-8971-860X, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43, rozhina-av@ranepa.ru

© Рожина А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 9.908
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-61-67

Идеологические установки оценки исторических реалий Русско-Кавказской войны XIX в.

[1] Толчинская Т.И.,
[1] Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России

Аннотация: автор рассматривает факты и мотивы искажений исторических событий на Кавказе с середины XIX века. Имеет мнение, что разночтения в целях и последствиях Русско-Кавказской войны девятнадцатого века, сопротивление горцев Дагестана и Чечни во главе с имамами носят политический характер и отвечают идеологическим интересам группы людей. Ряд авторов выпячивают негативные стороны российско-кавказского конфликта, с целю ослабления влияния России на сознание жителей Северного Кавказа. Другие авторы пытаясь консолидировать многочисленные народы региона, героизируют лидеров и участников Кавказской войны. Геополитические интересы в трактовке хода и итогов этой войны преследуют западные идеологи, с целю перетянуть симпатии молодежи в сторону пантюркистских настроений. Разночтения в понимании результатов военных событий того времени наблюдаются со времен «имперской» традиции дореволюционной историографии, где экспансия интересов России на Кавказе трактовалась под предлогом цивилизаторской миссии. При этом отрицалась самобытность горской культуры, их права и свободы, а горцы изображались как «дикие» и «хищные» племена. В то время как война для России принималась за оборонительную. В советский период осмысления исторических событий на Кавказе в XIX веке полюс оценок изменился в пользу идеи порабощения свободолюбивых горцев, осуждая «царизм». Современники, имея такой противоречивый опыт оценок истории Кавказа, не могут сойтись в едином мнении. Автор имеет на этот счет свое мнение и высказывает его в статье.

Ключевые слова: советская историография, западная историография, Русско-Кавказская война, образ врага, русский офицер, имамы Дагестана и Чечни

Для цитирования: *Толчинская Т.И. Идеологические установки оценки исторических реалий Русско-Кавказской войны XIX в. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 61 – 67. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-61-67*

Поступила в редакцию: 6 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Ideological framework for assessing the historical realities of the Russo-Caucasian War of the 19 th century

[1] Tolchinskaya T.I.,
[1] Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of the Volgograd State Medical University

Abstract: the author examines the facts and motives behind the distortion of historical events in the Caucasus since the mid-19th century. He believes that discrepancies in the goals and consequences of the Russo-Caucasian War of the 19th century and the resistance of the highlanders of Dagestan and Chechnya, led by imams, are political in nature and serve the ideological interests of a group of people. A number of authors emphasize the negative

aspects of the Russo-Caucasian conflict in an attempt to weaken Russia's influence on the consciousness of the residents of the North Caucasus. Other authors, attempting to consolidate the region's numerous peoples, glorify the leaders and participants of the Caucasian War. Western ideologists pursue geopolitical interests in interpreting the course and outcome of this war, aiming to sway the sympathies of young people toward pan-Turkic sentiments. Discrepancies in understanding the results of military events of that time have been observed since the "imperial" tradition of pre-revolutionary historiography, where the expansion of Russia's interests in the Caucasus was interpreted under the pretext of a civilizing mission. At the same time, the distinctiveness of mountain culture, their rights, and freedoms were denied, and the mountaineers were portrayed as "savage" and "predatory" tribes. Meanwhile, for Russia, the war was viewed as defensive. During the Soviet period, the interpretation of historical events in the Caucasus in the 19th century shifted toward the idea of enslaving the freedom-loving mountaineers, condemning "tsarism." Contemporaries, having such conflicting experiences with the history of the Caucasus, cannot agree on a single opinion. The author expresses his own opinion on this matter in the article.

Keywords: Soviet historiography, Western historiography, Russo-Caucasian War, enemy image, Russian officer, imams of Dagestan and Chechnya

For citation: *Tolchinskaya T.I. Ideological framework for assessing the historical realities of the Russo-Caucasian War of the 19 th century. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 61 – 67. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-61-67*

The article was submitted: May 6, 2026; Approved after reviewing: June 4, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Анализ исторических фактов военных действий труден и порой искажен идеологическими целями государств, втянутых в этот конфликт. Захватническая политика Российской империи на Северном Кавказе не оспаривается, ее колониальная экспансия окрашивается гуманной миссией освобождения «дикарей» от первобытности, защиту христиан, проживающего на этих территориях. В то время всем понятен интерес к территории южной границы России. Военные действия продолжаются не один десяток лет и после заключения мирного договора. Трудности адаптации российской государственности в этом регионе не только в конфессиональных отличиях населения. Эта политическая карта давно и успешно разыграна на примере армяно-азербайджанских отношениях. В Чечне и Дагестане тысячелетиями сравнительно мирно проживали народы, исповедовавшие зороастризм и иудаизм плавно интегрированные в культуру христианства, позже ислама. Причин идти войной на иноверца, кроме как материальных, раздела земель и влияния, нет. В западной историографии термин «Кавказская война» иногда воспринимается как искажение истории из-за недостаточного знакомства с историей Северного Кавказа. Широк спектр оценок, разночтений и отхода от стереотипных мнений. Сорок семь лет длилась Кавказская война (с 1817 по 1864 годы), сменилось несколько поколений воинов, родившихся в военное время, менялись военноначальники, наместники и лидеры национальных округов, имамы-духовные и военные лидеры горцев. Изменился образ врага, навеянный кровавым опытом и личными трагедиями целых народов, это привело к невозможности однозначных красок в оценках исторических событий того времени. Отголосками которых были восстания, бунты против царской России, подъем национально-освободительных движений на всей территории Северного Кавказа.

Материалы и методы исследований

В работе использован исторически реконструированный материал, который подвергся анализу архивных первоисточников Фонда «Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа (коллекция)», Центрального военно-исторического архива (ЦВИА, ВУА), гарнизонной делопроизводственной документации, хранящейся в фондах России [14, 16, 17, 18, 19]. Интересную информацию доставляют Журналы военных действий войск Кавказской линии в Лезгинского (1844-1845), Чеченского (1844-1845, 1852) и Шапсугского (1860-1861) отрядов [7]. Карты Кавказского края (1733-1901), карты театра военных действий, планы и схемы боевых действий, маршруты движения войск [10]. Документы, собранные М.В. Нечитайлов (1817-1864 гг.) [9]. Исторические обзоры и описания войн России на Кавказе. Монография Н.В. Данилевского «Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении» (1846) [4]. Особенную ценность имеют для понимания исторических оценок событий дневниковые записи участников Русско-кавказской войны [4, 6, 11], а также анализ устного народного творчества, передаваемые потомками участников военной компании [3]. В методологическую базу исследования можно внести научные работы и диссертации [1, 2, 5, 9, 12, 13, 20], посвященные Русско-Кавказской войне и имеющие практическую ценность

анализа мемориальной памяти, [4], Интеграция этих данных позволила создать образы и понять смыслы оценок событий того времени.

Результаты и обсуждения

За несколько десятков лет военных действий неоднозначны роли лидеров этого периода. Так, «Переписка Канцелярии астраханского военного губернатора со штабом Кизлярской крепости, кабардинскими и чеченскими князьями о переселении местных жителей и о принятии князьями русского подданства. Журналы поденных наблюдений за районом расположения гарнизонов» [21] показала, что административные и личные отношения между кавказцами и администрацией российского государственного управления носили сугубо субъективный характер, основанный на эмоциональном факте доверия-недоверия. Базовые отношения имели имущественный характер, частые грабежи со стороны российских солдат или местных жителей, прошения о выдаче проездных билетов, всевозможные жалобы. Воспоминания о Кавказской войне Федора Федоровича Торнау рисуют неприглядный образ горца: «Хищники – официальный термин для обозначения горцев, прорывавшихся в наши пределы, – редко позволяли себе «шалить», то есть убивать и грабить, в утреннее время, когда рабочий народ толпами выходил в поле и когда по берегам пограничных рек и по всем дорогам казачьи разъезды отыскивали «сакму» разбойников, успевших прокрасться в степь под защитой ночи» [15, с. 14]. Русский офицер даже не осознавал, что горцы воюют за свою свободу, землю, историю народа и свирепый образ врага рисовался так: «На левом фланге Кавказской Линии самые злые противники наши была чеченцы, занимавшие глубину лесов, покрывающих пространство, лежащее между снеговым хребтом, Сунжею и Акташ-су. Враждебные столкновения с ними начались со времени первого поселения казаков на берегу Терека, во второй половине прошедшего столетия. С тех пор вражда чеченцев к русским возрастала с каждым годом, принимая все более и более характер непримиримой, истребительной войны. Когда между лезгинами распространилось учение, из которого возник мюридизм, и дагестанские нагорные общества признали над собой духовную власть Кази Мегмета, тогда и чеченцы не замедлили присоединиться к имаму, проповедовавшему «газават», священную войну против русских, их коренных врагов. И как было не идти за таким учителем, который по пути грабежа и беспощадного мщения вел к вратам рая каждого правоверного, посвятившего себя на истребление гяуров» [15, с. 101]. Варварское отношение к местному мирному населению подпитывало воинский дух горцев, так, Ф.Ф.Торнау пишет: «Без выстрела мы разорили Дарго и вернулись в Белготой» [15, с. 136]. «Кочующие на кумыкских землях ногайцы, по роду их жизни, доселе избегали надзора русского начальства и всегда способствовали прорывам хищников; … Между ними были и ногайцы, принадлежавшие шамхалу тарковскому; кочуя на левом берегу Сулака, они не были подчинены никакому русскому начальству и, пользуясь совершенною безнаказанностью, явно давали у себя пристанище абрекам и проводили их партии на линию, чему примером служит Юнус и его товарищи, разграбившие черный рынок в прошедшем году» [10]. Борис Михайлович Колюбакин, генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба так описывает русско-кавказские бытовые отношения: «Непрерывная война на Кавказѣ и въ послѣднее время увеличившаяся по своимъ средствамъ есть вопросъ, который составляетъ предметъ разнообразнымъ сужденіямъ. Все, чѣмъ можно пояснить необходимость войны на Кавказѣ, разрѣшается священнымъ долгомъ, на Россіи лежащемъ, защищать грудью противъ враждебныхъ дѣйствій сосѣднихъ съ нею горскихъ народовъ; а что касается военныхъ средствъ, увеличившихся въ настоящее время для веденія войны, то тому причиною мюридизмъ, завлекшій въ свои сѣти дикія громады хищныхъ племенъ Кавказа. Секта мюридовъ возникла вслѣдствіе мѣры нашего правительства, перетолкованной недоброжелателями Россіи въ другую сторону» [7, с. 6]. Автор отмечает личные качества военноначальника и роль имама Шамиля в организации сопротивления: «По смерти Гамзатъ-бека главою мюридовъ является Шамиль, болѣе счастливый своихъ предшественниковъ. Карая непослушныхъ ученію мюридизма неумолимою смертью и расхищеніемъ имущества, Шамиль съ непоколебимою твердостью успѣлъ захватить въ свои руки власть надъ многими горскими обществами; онъ управляетъ ими деспотически и по требованіямъ его сбираются нынѣ многочисленныя толпы съ цѣлью нападать на русскія владѣнія; успѣшныя дѣйствія со стороны его въ 1839 году доставили, ему нѣсколько орудій съ запасомъ артилерійскихъ снарядовъ; сражаясь съ русскими въ толпахъ, на позиціяхъ менѣе доступныхъ, Шамиль основалъ въ рядахъ горцевъ нѣкоторый порядокъ, который они соблюдаютъ во время боя; вотъ причины, по коимъ въ настоящее время военныя дѣйствія съ нашей стороны требуютъ, болѣе усиленныхъ средствъ и результатъ оныхъ не всегда достигаетъ желаемаго успѣха» [7, с. 12]. В 1834 году Шамиля становится имамом Дагестана, спустя шесть лет- имам Чечни. В 1859 году выходит писарская рукопись Гаджи-Али «Сказание очевидца о Шамиле» [3]. Соратник Шамиля просвещенный образованный чохинец в своих письмах пишет: «По словам стариков, земля Дагестана сделалась смесью крови, драк и

раздоров. Эти междоусобия, войны с пограничными странами и, наконец, в последнее время упорная война с русскими при Кази-Мухаммеде, Гамзат-беке и Шамиле не прекращались до сего дня. Теперь же корень войны, беспорядков и смут пресечен могуществом русских» [3]. Автор повествует о убийстве Булач-хана, наследника Хунзахских ханов, похищение казны, о делегации аварских «почетнейших и ученых людей» в Тифлис, об истреблении тридцати трех телетлинских беков, о том, что Шамиль «встречен был жителями Гидатля, как враг», многие села не впускали его и не поддерживали, «силою вошел в Цудахар и завладел всеми стадами и имениями цудахарцев» [3]. Дагестанцы, в нужде и потере близких, в разрушительных стычках с русскими войсками разочаровались в Шамиле, понимая, что он «заботится только о себе, чтобы возвышаться, но нисколько не думает о боге и подозревал его, что он жаждет богатства» [3]. Анализ первоисточников показал многогранность оценок военных событий и личности имама Шамиля, безусловно, способного управленца и менеджера войны. Имам Шамиль – образ противоречивый, с одной стороны он ярый приверженец ислама, с другой- следует новомодным веяниям, например, граф И.Г. Ностиц делает его фото в 1859 г. в Чирюрте [22], в то время как 12 годами ранее он провозглашает свод правовых положений «Низам» (Порядок). Противоречивый и непоследовательный свод гражданско-правовых отношений внес сумятицу в сознание горцев, но стал основой имамата на территории Чечни и Дагестана. Возмущенные потерей общинными адатами закрепленных прав и свобод, коренные народы уходили от имама, покидали родные села, мигрируя в Грузию, Турцию, а затем в Сирию. Так появилась первая волна переселенцев. Вторая волна приходится на период российского господства на Северном Кавказе. И снова образ Шамиля как борца за свободы уже в следующих поколениях воскрес с новой силой. [8] К середине 1850-х годов Шамиль утвердился в качестве независимого правителя, сосредоточив в своих руках как светскую, так и духовную власть. Принятие им титула халифа (амир ал-муминин, что означает "предводитель правоверных" на арабском языке) было призвано легитимизировать его господство в глазах мусульманского населения Кавказа и Ближнего Востока. Этот шаг напрямую ассоциировал Шамиля с первыми четырьмя "праведными халифами" VII века, эпохи зарождения этого титула в исламском мире. 26 августа 1859 года имама Шамиля пленил главнокомандующий русских войск на Кавказе А. Барятинский. 6 сентября 1866 г., через 7 лет после почетного плена, присягает русскому царю на верность. Х.Доного так объясняет факт сдачи в плен Шамиля: «И только груз прожитых лет своей тяжестью напоминал о том, что война уже длится четверть века, что народ устал воевать, что сеять и убирать урожай уже некому, что мужское население заметно убавилось и пр. Вырублены леса, сожжены аулы и сады, а 25 лет – это целая молодая жизнь. Мальчики, родившиеся в начале войны, в 13 лет становившиеся воинами, погибали совсем юными» [23]. Наследие советской эпохи, связанное с отношением к Шамилю, прошло через несколько этапов трансформации. Период с 1917 по 1934 год характеризовался его положительным восприятием как борца против царизма. Затем, с 1934 по 1941 год, наблюдалось ухудшение его имиджа в исторической литературе. В годы войны (1941-1947 гг.) для мобилизации патриотических настроений произошло его временная героизация. Однако, с 1950 по 1956 год, его оценка вновь резко снизилась. Начиная с 1956 года, наметилась тенденция к постепенному восстановлению его репутации. Тем не менее, сторонники имама Шамиля не смогли добиться полного признания своих взглядов до распада Советского Союза.

Выводы

Исторические события трактуются с точки свидетельств их современников, но они субъективны, либо путем интерпретации смыслов и значений событий потомков, которым известны итоги, последствия и польза или вред, принесенные этими событиями. Так, после распада СССР, воодушевленные идеей суверенитета, волю получили национальные движения, создаются фонды, улицы в ряде городов Кавказа и за его пределами: Махачкале, Избербаше, Буйнакске, Хасавюрте, Грозном, Сухуме, Баку и даже в Стамбуле, которые носят имя имама Шамиля. В Унцукульском районе РД в честь имама назван поселок Шамилькала. С другой стороны, есть чем гордиться потомкам горцев. Вспомним, численность жителей Дагестана на период 1847 г. была 755 616; 1897-571 154 человек [24], а численность русских войск 200 тысяч человек в 1857 году [25]. Современники цитировали письмо Шамиля к русскому царю, полное покорности и уважения. Но память о тысячах погибших горцев, женщин, детей не давала покоя потомкам. «Мы уважаем память Шамиля как духовного лица, но есть желание знать, почему он, будучи в Чечне, 19 лет воевал с Россией, провоцируя уничтожение народа и Чечни, а вернувшись в Дагестан, через четыре месяца сдался России и стал дворянином? Что это, если не террор против Чечни и чеченского народа, осознанный или нет?» – сказал глава Чечни (цитируется по сайту «Кавказский Узел») [26]. Неоднозначно оцениваем мы сегодня образы, действия и цели лидеров борьбы против русского царизма на Кавказе.

Список источников

1. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.: Академии наук СССР. 1939. 185 с. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Отпечатано на ф-ке книги «Красней пролетарий. Москва, Краснопролетарская 16.

2. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.: автореф. дис. ... докт. историч. наук / Кубан. гос. ун-т. Армавир, 2006. 49 с.

3. Гаджи-Али Сказание очевидца о Шамиле [Рукопись]: писарская. [Б. м.], 1859. 129 л.

4. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении: С объясн. истории, религии, яз., облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищ. горцев Кавказа / Сост. Н. Данилевский. Москва: Унив. тип., 1846. 188, IV с., 2 л. фронт. (портр.), 4 л. ил.: 19.

5. Кавказская война: события, факты, уроки Материалы международной научной конференции (г. Нальчик 15-19 октября 2014 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 186 с.

6. Кравцов И. С. Кавказ и его военачальники Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов. 1854-1864 гг.: = Кавказ и его военачальники Николай Николаевич Муравьев, князь А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов. 1854-1864 гг. Очерк ген. Кравцова. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, ценз. 1886. 73 с.

7. Колюбакин Б.М. Поход графа Воронцова в 1845 году в Анди, к аулу Дарго и в Ичкерию. Рассказ очевидца В.Н. Н…ва / Кавказская экспедиция в 1845 г. Санкт-Петербург, Типография Главного управления уделов, 1907 г.

8. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля https://instituteofhistory.ru/media/library/publication/files/..pdf

9. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2005. 23 с.

10. Обзор управления левым флангом Кавказской линии, представленный генерал-адъютантом Граббе корпусному командиру и на высочайшее воззрение, в 1839-м году/ Текст воспроизведен по изданию: Три года на Кавказе (1837-1839) // Кавказский сборник, Том 9. 1885 https://vk.com/wall-216281335_2931

11. Пружановский К.И. Исторические записки о начале и развитии мюридизма или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 1823 по 1843 г. ЦВИА, ВУА, № 6512

12. Ростованов А.Е. Военный талант народа. Кавказская война и русско-армянские военно-исторические связи. Сочи, 2002. 20, [1] с.

13. Толчинский М.В., Толчинская Т.И. Глобализация как фактор национально-государственной формы организации общества // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 277 – 280.

14. Статистическое описание Кизлярского уезда, составлено подполковником Торри, 1816 г. (ЦВИА, ВУА, № 19049). Обзор по управлению левым флангом Кавказской линии за 1839 г., составлен Граббе (ЦВИА, ВУА, № 6379). Война на Кавказе и Дагестан, ч. 1, соч. Мочульского (рукопись), 1844 г. (ЦВИА, ВУА, № 49741).

15. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: «АИРО–XXI». 2008 г. 456 с.

16. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ГКУ «ЦГА РД»). http://www.cgard.ru/

17. Фонд 482 «Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа (коллекция)» https://online.archives.ru/guide/

18. Фонд 482. Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа (коллекция) https://notarc.org/ru/DqnPV

19. Дело 2. Переписка штаба отдельного Кавказского корпуса с штабами Кавказской линии и войсковых частей о вступлении русских войск в Грузию в 1796 г., о численном составе, дислокации и боевых действиях русских войск на Сев. Кавказе, появлении чумы в Кабарде, о военно-административном управлении Кавказа. https://online.archives.ru/guide

20. Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе: Первая половина XIX века: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005. 28 с.

21. https://refdb.ru/look/1090979-p18.html Переписка Канцелярии астраханского военного губернатора со штабом Кизлярской крепости, кабардинскими и чеченскими князьями о переселении местных жителей и о принятии князьями русского подданства.

22. https://www.rusroads.com/media/102760-s-riskom-dlya-zhizni-portret-shamilya-sentyabr-1859-g

23. https://realnoevremya.ru/articles/198516-na-kavkaze-razgorelis-novye-spory-o-lichnosti-imama-shamilya

24. https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Дагестана#Языковой_состав_населения_Дагестана#cite_note-1897AA-4

25. https://ru.ruwiki.ru/wiki/Кавказская_война

26. https://www.stav.kp.ru/daily/27012/4074885/

References

1. Bushuev S.K. The Struggle of the Highlanders for Independence under the Leadership of Shamil. Moscow: USSR Academy of Sciences. 1939. 185 p. Published by the RSFSR Trust "Poligrafkniga". Moscow, Printed at the book factory "Krasney Proletariy". Moscow, Krasnoproletarskaya 16.

2. Vinogradov B.V. Specifics of Russian Policy in the North Caucasus in 1783-1816: Abstract of a PhD in History. Kuban State University. Armavir, 2006. 49 p.

3. Gadzhi-Ali. An Eyewitness Account of Shamil [Manuscript]: scribe's. [B. m.], 1859. 129 p.

4. Danilevsky N. The Caucasus and its Highlanders in Their Current Situation: With Explanations of the History, Religion, Language, Appearance, Clothing, Buildings, Education, Government, Laws, Native Customs, Morals, Way of Life, Food, Education, and Trade of the Predatory Highlanders of the Caucasus. Comp. N. Danilevsky. Moscow: University Press, 1846. 188, 4 p., 2 p. front. (port.), 4 p. ill.: 19.

5. The Caucasian War: Events, Facts, Lessons Proceedings of the International Scientific Conference (Nalchik, October 15-19, 2014). Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2014. 186 p.

6. Kravtsov I.S. The Caucasus and Its Military Leaders N. N. Muravyov, Prince A.I. Baryatinsky and gr. N.I. Evdo-kimov. 1854-1864: = The Caucasus and its military leaders Nikolai Nikolaevich Muravyov, Prince A.I. Baryatinsky and gr. N.I. Evdokimov. 1854-1864 Essay by gen. Kravtsova. St. Petersburg: type. V.S. Bala-sheva, qualification. 1886. 73 p.

7. Kolyubakin B.M. Count Vorontsov's campaign in 1845 to Andi, to the village of Dargo and to Ichkeria. Eyewitness account V.N. N…va. Caucasian expedition in 1845. St. Petersburg, Printing house of the Main Directorate of Appanages, 1907.

8. Magomedov R.M. The Highlanders' Struggle for Independence under the Leadership of Shamil https://instituteofhistory.ru/media/library/publication/files/..pdf

9. Nechitailov M.V. Everyday Life of Soldiers and Officers of the Caucasian Corps (1817-1864): Material Aspect: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Stavropegic State University. Stavropol, 2005. 23 p.

10. Review of the management of the left flank of the Caucasian line, presented by Adjutant General Grabbe to the corps commander and for his highest opinion, in 1839. Text reproduced from the publication: Three years in the Caucasus (1837-1839). Caucasian collection, Vol. 9. 1885 https://vk.com/wall-216281335_2931

11. Pruzhanovsky K.I. Historical notes on the beginning and development of muridism or spiritual Muslim war in Dagestan and Chechnya from 1823 to 1843. TsVIA, VUA, No. 6512

12. Rostovanov A.E. Military talent of the people. Caucasian war and Russian-Armenian military-historical ties. Sochi, 2002. 20, [1] p.

13. Tolchinsky M.V., Tolchinskaya T.I. Globalization as a Factor in the National-State Form of Social Organization. Gaps in Russian Legislation. 2015. No. 4. P. 277 – 280.

14. Statistical Description of the Kizlyar District, compiled by Lieutenant Colonel Torri, 1816 (TsVIA, VUA, No. 19049). Review of the Management of the Left Flank of the Caucasian Line for 1839, compiled by Grabbe (TsVIA, VUA, No. 6379). War in the Caucasus and Dagestan, Part 1, work by Mochulsky (manuscript), 1844 (TsVIA, VUA, No. 49741).

15. Tornau F.F. Memories of a Caucasian Officer. Moscow: "AIRO-XXI". 2008. 456 p.

16. Central State Archives of the Republic of Dagestan (GKU "TsGA RD"). http://www.cgard.ru/

17. Collection 482 "Russia's Military Operations in the Caucasus and Documents on the History of the Peoples of the Caucasus (Collection)" https://online.archives.ru/guide/

18. Collection 482. Russia's Military Operations in the Caucasus and Documents on the History of the Peoples of the Caucasus (Collection) https://notarc.org/ru/DqnPV

19. File 2. Correspondence between the headquarters of the separate Caucasian Corps and the headquarters of the Caucasian Line and military units on the entry of Russian troops into Georgia in 1796, on the numerical strength, deployment, and combat operations of Russian troops in the North. The Caucasus, the emergence of the plague in Kabarda, and the military-administrative governance of the Caucasus. https://online.archives.ru/guide

20. Zhong Se-jin. The Caucasian War and the Islamic Factor in the North Caucasus: First Half of the 19th Century: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2005. 28 p.

21. https://refdb.ru/look/1090979-p18.html Correspondence between the Chancellery of the Astrakhan Military Governor and the headquarters of the Kizlyar Fortress, Kabardian and Chechen princes regarding the resettlement of local residents and the princes' acceptance of Russian citizenship.
22. https://www.rusroads.com/media/102760-s-riskom-dlya-zhizni-portret-shamilya-sentyabr-1859-g
23. https://realnoevremya.ru/articles/198516-na-kavkaze-razgorelis-novye-spory-o-lichnosti-imama-shamilya
24. https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Дагестана#Языковой_состав_населения_Дагестана#cite_note-1897AA-4
25. https://ru.ruwiki.ru/wiki/Какваская_война
26. https://www.stav.kp.ru/daily/27012/4074885/

Информация об авторе

Толчинская Т.И., кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России

© Толчинская Т.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 94(47+571) «1920/1939»
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-68-75

Начало формирования «восточного вектора» внешней политики СССР в 1920-1930-е годы

[1] Хизриев А.Х.,
[1] Магомедов М.З.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена началу формирования ближневосточной политики правительства Советской России в 1920-1930-х годах в условиях создания нового государства. После распада Российской империи большевикам приходилось начинать всю внешнюю политику практически с нуля. Однако это не означало, что отсутствовала какая-либо преемственность времён царской дипломатии, тем более что первыми руководителями внешнеполитических ведомств РСФСР и СССР были бывшие дипломатические чиновники времён Российской империи, среди которых можно выделить Г.В. Чичерина – первого наркома иностранных дел молодого советского государства. Фактически тема статьи посвящена именно внешнеполитической активности большевиков в период его руководства в НКИД РСФСР и СССР в 1918-1930 гг. Советским дипломатам пришлось сразу столкнуться с серьёзными вызовами на азиатском направлении, где им приходилось противостоять альянсу государств Антанты, победивших в Первой мировой войне, в первую очередь Великобритании как на Кавказе, так и в Средней Азии. Активная деятельность британской дипломатии и разведки доставила немало проблем при установлении советской власти в указанных регионах. Поддержка басмаческого движения англичанами имела место практически до начала Второй мировой войны. Помимо взаимодействия с кемалистской Турцией руководство СССР вело активную дипломатическую деятельность и на Аравийском полуострове. Здесь важно отметить, что на первоначальном этапе взаимодействие с саудовскими монархами было достаточно успешным благодаря деятельности первых советских послов при саудовских правителях Тюрякулова (1928-1935 гг.) и К.А. Хакимова (1935-1937 гг.). Однако вследствие репрессий, которым дипломаты были подвергнуты на родине, дипломатические связи с Саудовской Аравии были практически заморожены.

Ключевые слова: «восточный вектор», советская внешняя политика, Г.В. Чичерин, Турция, Иран, Афганистан, арабские страны, основные принципы ближневосточной политики, дипломатический опыт Царской России, национально-освободительные движения в странах Востока

Для цитирования: *Хизриев А.Х., Магомедов М.З. Начало формирования «восточного вектора» внешней политики СССР в 1920-1930-е годы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 68 – 75. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-68-75*

Поступила в редакцию: 7 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The beginning of the formation of the "Eastern Vector" of USSR foreign policy in the 1920-1930-ies

[1] Khizriyev A.Kh.,
[1] Magomedov M.Z.,
[1] Dagestan State University

Abstract: this article examines the early development of the Middle East policy of the Soviet Russian government in the 1920-ies and 1930-ies, amid the emergence of a new state. Following the collapse of the Russian Empire, the Bolsheviks were forced to begin their entire foreign policy from scratch. However, that did not mean there was a lack of continuity with the Tsarist era, especially since the first heads of the foreign policy departments of the RSFSR and the USSR were former diplomatic officials from the Russian Empire, including G.V. Chicherin, the first People's Commissar for Foreign Affairs of the young Soviet state. In fact, this article focuses specifically on the Bolsheviks' foreign policy activities during his leadership of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR and the USSR from 1918 to 1930. Soviet diplomats immediately faced serious challenges in Asia, where they had to confront the Entente alliance of the victorious powers of World War I, primarily Great Britain, both in the Caucasus and Central Asia. The active involvement of British diplomacy and intelligence caused many problems during the establishment of Soviet power in these regions. British support for the Basmachi movement continued practically until the outbreak of World War II. In addition to interactions with Kemalist Turkey, the Soviet leadership also conducted active diplomatic activities in the Arabian Peninsula. It is important to note that initially, interactions with the Saudi monarchs were quite successful thanks to the efforts of the first Soviet ambassadors to the Saudi rulers, Tyuryakulov (1928-1935) and K.A. Khakimov (1935-1937). However, due to the repressions to which diplomats were subjected in their homeland, diplomatic relations with Saudi Arabia were virtually frozen.

Keywords: "Eastern vector," Soviet foreign policy, G.V. Chicherin, Turkey, Iran, Afghanistan, Arab countries, fundamental principles of Middle East policy, diplomatic experience of Tsarist Russia, national liberation movements in the East

For citation: *Khizriyev A.Kh., Magomedov M.Z. The beginning of the formation of the "Eastern Vector" of USSR foreign policy in the 1920-1930-ies. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 68 – 75. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-68-75*

The article was submitted: May 7, 2026; Approved after reviewing: June 4, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

После победы в Октябрьской революции и Гражданской войне 1918-1920 гг. установившаяся в России советская власть приступила к строительству основ нового государства и новых государственных институтов, в их числе и внешнеполитических ведомств. Помимо строительства нового государства и нового общества всегда возникает и необходимость выстраивания отношений с другими странами мира в новых условиях. Советская власть не стала в этом ряду исключением. Правда, ей пришлось выстраивать отношения с соседями и дальними странами на принципиально новых основах. Помимо стратегически важного – западного – направления, откуда исходила угроза самому существованию Советской России, другим не менее важным направлением было восточное. Страны Востока в то время, как и сегодня, могли оказаться тем безопасным тылом, который позволил бы спокойно наращивать силы в борьбе против западных держав, что сегодня у нашей страны неплохо получается. Однако в тех условиях это был очень сложный регион, где необходимо было приложить максимум дипломатических усилий со сложными геополитическими манёврами.

Говоря о начале дипломатической активности Советской России в странах Востока, нельзя не учитывать наследие Российской империи, наработки, сведения с архивными данными которой конечно же были в полной мере использованы большевиками. Дореволюционная Россия имела богатый опыт взаимоотношений с восточными странами, как Ближнего Востока, так и Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Разумеется, этот опыт был в полной мере использован, включая и дипломатов, служивших ещё в царском министерстве иностранных дел, и внешняя политика Советской России на Ближнем Востоке не начиналась с нуля [1].

Материалы и методы исследований

Таким образом важно отметить, что опыт взаимодействия РСФСР со странами Востока возник не на пустом месте, а на довольно серьёзном и глубоком фундаменте, который для неё успела создать Российская империя к моменту своего исчезновения с политической карты мира в 1917 г.

Изначально молодое советское правительство выступало против Версальской системы, которая пыталась окончательно закрепить колониальную систему в мире. Установленная Англией и Францией система мандатов предполагала деление народов на передовые и те, которые нуждаются в опеке первых, так как не способны управляться самостоятельно. Сама идеология ленинизма не могла принять такой дискриминационный подход западных держав к мироустройству. Именно поэтому восточная политика Советской России занимала очень важное место во внешней политике страны, в первое время чуть ли не меньшее чем западное направление [2].

Результаты и обсуждения

Тем временем, в апреле 1920 г. по итогам Первой мировой войной в итальянском городе Сан-Ремо собрались победившие державы, чтобы закрепить условия Севрского мирного договора, знаменовавшего собой поражение Османской империи от коалиции держав «Антанты». В результате совместной договорённости Великобритания получила мандат на Ирак, Трансиорданию и Палестину, а Франция – на Сирию и Ливан [3; 4]. Фактически это являлось разделом наследия Османской Турции, потерпевшей поражение от держав-победительниц, точнее её арабских владений [5; 6].

Советское правительство сразу обозначило свою отрицательную позицию по установлению Великобританией и Францией мандатной системы, принятой на Лозаннской конференции [7]. Одновременно во время объявления о создании СССР делегации РСФСР, Украины и Грузии выпустили совместную декларацию о поддержке освободительных движений в арабских странах, которые выступали против мандатной системы [8].

С установлением советской власти в России молодое государство сразу озаботилось с определением основных направлений своей внешней политики, в том числе и восточного. Стали разрабатываться основные принципы и подходы, а также определение основных интересов советского государства в регионах Ближнего и Среднего Востока.

Здесь можно определить два основных периода развития восточной политики СССР:

– первый этап – 1917-1920 гг.: начало формирования советской политики на Ближнем Востоке;

– второй этап – 1920-1930-е гг. – можно охарактеризовать как корректировка взаимодействия и интересов в регионе с учётом меняющейся геополитической обстановки в мире.

– третий этап – 1930-е годы – окончательное формирование основных концепций ближневосточной политики СССР и временные неудачи внешней политики советского государства в арабских странах [9].

Большевистское правительство в своих внешнеполитических ориентирах придерживалось принципа учёта реального положения дел в мире и своих возможностей. Это была здравая политика, так как приходилось учитывать смену настроений в странах мира, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке в связи со сменой власти в России и образованием на её месте совершенно нового государство с новой политической и экономической системой.

Советское правительство показывало своё отношение к этим народам путём определённых действий, направленных на отказ своих прав на эти страны, которые когда-то имела на них Российская империя. В связи с этим был выпущен целый ряд программных заявлений советского правительства. К таким документам относятся «Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В. Ленина и Народного Комиссара по делам национальностей И.В. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», известном больше как «Обращение к народам Востока», написанное и принятое 20 ноября 1917 г.

Целью этой и других подобных деклараций было обнародование секретных документов Царской России с договорами, заключёнными с другими империалистическими державами о разделе сфер влияния в Персии, Турции, её арабских владениях, Китае и др. с тем, чтобы вскрыть истинные намерения колониальных держав в отношении народов Востока. Именно в этих секретных материалах в открытом виде пишется об истинных намерениях и реальных шагах по уничтожению самостоятельности стран Азии и Африки. Такой шаг означал отказ Советской России от империалистической политики своей предшественницы – Российской империи – и открытом диалоге с народами Востока. Такая откровенная внешняя политика без секретных дипломатических игр была характерна советскому МИД вплоть до начала 1950-х годов с небольшим

перерывом в 1930-е годы. Но реальная политика всё же диктовала советским властям необходимость вести традиционную дипломатическую политику со странами мира. Однако нельзя считать это сугубо гуманистическим актом Москвы в отношении азиатских стран. Здесь выполнялась и другая функция, а именно – нанесение сокрушительного удара как минимум по репутации западных стран с одновременным ростом идей национально-освободительного движения, которые дадут реальные плоды уже в 1950-1960-х годах [9].

Уже в 1921-1922 гг. молодое советское правительство осознало необходимость корректировки ближневосточной политики. В частности, В.И. Ленин понимал, что революционная ситуация в целом в мире идёт на спад, что было связано также с окончанием Первой мировой войны и некоторой стабилизацией общественно-политической жизни в воевавших странах. Было теперь совершенно понятно большинству революционных лидеров Советской России, что мировой революции в ближайшей перспективе не случится и надо начинать выстраивать традиционные дипломатические отношения с разными странами, включая и восточные. Военно-техническая помощь, которая усердно оказывалась, в частности, Турции, осколкам бывшей Российской империи; военные акции в Афганистане и других странах теперь отходили на второй план. Стали открываться дипломатические миссии в привычном понимании этого слова. Но отказ от прямого военного вмешательства в ситуации в странах не означал отказа от политических методов раскачивания революционной ситуации в интересовавших большевиков странах [10].

Одной из концепций, озвученных председателем Совнаркома В.И. Лениным было намерение обеспечить установление относительно мирной жизни в странах Ближнего и Среднего Востока, так, чтобы это отвечало как и интересам самой Советской России, а точнее обеспечивало бы безопасность и мирную жизнь в советских мусульманских республиках, так и интересам стран Ближнего Востока и Центральной Азии. Кроме того, ставилась задача, чтобы с выполнением этих условий были согласны и враждебные страны капиталистического Запада, так как это было единственным условием мирного сосуществования в этом макрорегионе. В частности, среди конкретных предложений звучали идеи перекрытия всех проливов для военных кораблей с обеспечением своды гражданского мореплавания. Это исходило из интересов советских республик в составе СССР для их успешного развития, в частности, да и в целом способствовало бы прогрессивному развитию стран Ближнего и Среднего Востока [11].

Все эти положения своей новой внешней политики Ленин изложил также в интервью английскому корреспонденту М. Фарбману с целью донести до западноевропейских и североамериканских правительств ту позицию, которая заявляла бы о намерении советского правительства начать строить естественные, не конфронтационные отношения со своими недавними визави и объявить как бы если не о мирном сосуществовании, то, по крайней мере, учитывать реалии текущий событий, согласно которым надо просто как-то взаимодействовать новых геополитических условиях [12].

На первоначальном этапе развития советской дипломатической школы наибольшее влияние и вклад оказал первый советский нарком внутренних дел Г.В. Чичерин. Он с самого начала осознавал и настойчиво требовал от руководства страны изменения основных подходов внешней политики, не нарушая основ марксистской идеологии. Обосновывал он свои высказывания тем, что что вооружённая борьба за политическую независимость стран Ближнего Востоке уже теряет свои перспективы ввиду неготовности и местных народных масс к такой борьбе и необходимо совершить переход к политической борьбе за экономическую независимость, чтобы не допустить полного их закабаления колониальными державами Запада в видоизменённой форме. Об этом он заявил на общем собрании Российско-Восточной торговой палаты – одного ряда масштабных мероприятий, которые советская власть массово проводила в первые годы своего существования, чтобы активно заявлять о своей позиции по многим международным вопросам и о своём существовании зарубежным представителям, приглашавшимся на подобные форумы [13].

Отдельной строкой во внешней деятельности Совнаркома СССР стоит упоминание об участии в событиях в Северном Иране под названием Гилянская революция. Результатом активной деятельности большевиков в этом регионе стало даже создание недолговечного, но яркого образования – Гилянской Республики. Однако пробольшевистское движение здесь одновременно совпало с изменением внешнеполитического курса РСФР при приходе Чичерина, что сыграло не на пользу иранским революционерам. В результате движение потерпело поражение, а основные лидеры были жестоко убиты или арестованы. Советское правительство стало теперь открещиваться от деятельности Коминтерна, чтобы не портить отношения со странами, с которыми удалось более-менее наладить отношения.

Концепция Чичерина по взаимодействию со странами Востока подразумевала содействие восстановлению экономик этих стран, разрушенных как Первой мировой, так и колониальным порабощением со стороны метрополии. В первую очередь предлагалось восстановление создание с нуля их национальной про-

мышленности. Подразумевались прежде всего наиболее отсталые страны Азии и Африки, которые больше всего нуждались в помощи. Действия советского правительства, по мнению Чичерина не только помогли бы противодействовать экономическому закабалению со стороны западных стран, но и организовать образование рабочего класса в них, вполне понимающего свои реалии и готовый на выражение протеста в случае подъёма народных масс.

Провозглашённые советским наркомом иностранных дел новые принципы долгосрочного сосуществования со странами Запада, придерживавшимися в отличие от СССР капиталистического пути развития, означали переходи к новой экономической политике; это одновременно потребовало изменений и в концепции ближневосточной политики и взаимоотношений со странами Востока. Естественно, такой подход помогал таким странам как Турция, Иран и Афганистан восстанавливать собственную экономику после потрясений, пережитых этими странами либо в результате революций, либо вследствие поражения в Первой мировой войне. Такая политика резко контрастировала с политикой стран Запада в отношении этих стран, так как первые заботились только о собственных экономических интересах и преференциях. Однако различие в подходах к ближневосточной политике сохранялись на внутрипартийном уровне вплоть до конца 1920-х годов [14].

Проблема, однако, заключалась в том, что многие партийные лидеры, в частности Н.И. Бухарин, что ускоренный прямой переход к социалистической модели развития, а именно от феодализма с его крестьянско-ремесленными массами и зачатками капиталистических отношений в странах Востока возможен только с случае начала мировой революции, которая служила главными политическим ориентиром партии большевиков.

Что касается периода НЭПа, то здесь во внешней политике СССР происходит определённая коррекция. Следует отметить, что в странах Ближнего и Среднего Востока начинается подъём национально-освободительного движения, что сместило центр притяжения революционной борьбы с Европы на азиатский континент, и таким образом, мировая революция откладывалась на неопределённое время. Одновременно начинается ранний этап глобализации мировой экономики с ростом транснациональных корпораций, вовлечения стран Азии и Африки в экономические процессы их метрополий. Это соответственно усилило борьбу западных стран за мировые природные ресурсы, точнее доступ к ним. Советский Союз, в связи с вышеизложенным, вынужден был выстраивать свою ближневосточную политику следующим образом:

1. Однозначно поддерживать прокоммунистические и марксистские движения на Ближнем и Среднем Востоке с целью ведения антиколониальной борьбы против западных колониальных держав;

2. Содействовать странам макрорегиона в преодолении экономической отсталости, в том числе в переходе с феодального типа экономического уклада и на более прогрессивны е рельсы;

3. Одновременно не допускать чрезмерного усиления национального олигархического уклада с его сращиванием с местными политическими элитами для недопущения доминирования в экономики и сращивания с западным транснациональным капиталом;

4. Содействовать формированию в странах региона такой системы коллективной безопасности, которая не угрожала бы безопасности восточных границ СССР и позволила бы ей строить мирную жизнь в среднеазиатских республиках страны, являющейся единственной опоры и центром распространения идей мировой революции;

5. Использовать все вышеперечисленные стратегические цели с их успешной реализацией, чтобы использовать их для успешного развития советской экономики.

В любом случае концепция ближневосточной политики СССР формировалась на основе острожного, тщательного выверенного анализа общественно-политической ситуации в странах Ближнего и Среднего Востока. Наибольшее влияние на эту концепцию оказывал председатель Совнаркома В.И. Ленин и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Причём первый настаивал на строгой партийной дисциплине в этом вопросе. Не меньшее влияние на советскую ближневосточную политику старался оказывать и И.В. Сталин [15].

Советская партийная элита в целом осознавала, что невозможно обеспечить в странах Востока быстрый переход от феодализма к социализму, и поэтому поменяла свою концепцию на более прагматичный подход во внешнеполитических сношениях со странами Азии.

Кроме того, такой реалистичной подход к взаимоотношениям со странами региона способствовало началу динамичного роста советской экономики и значительных успехов в сбыте свой промышленной и аграрной продукции в этом направлении, так как западный рынок в это время был однозначно закрыт для Советской России. Кроме того, такая взвешенная политика серьёзно подрывала позиции западных колониальных держав в странах Азии и Африки.

Октябрьская революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям во внешней политики России не только на западном, но и на восточном направлении. Сразу же первоочередным стал вопрос распространения идей «мировой революции» в том числе и на страны Востока. В связи с этим ключевыми направлениями ближневосточной политики СССР в 20-30-е годы XX в. стали:

1. Поддержка национально-освободительных движений в странах Ближнего и Среднего Востока. Это фактически было краеугольным камнем по установлению отношений с этими народами, исходя из собственных идеологических установок большевиков. Известно, что в 1919 г. было поддержано восстание в Хивинском ханстве для свержения установившегося теократического правительства, установившегося та после распада Российской империи. Также была оказана военно-техническая помощь пришедшему к власти Аманулле-шаху в его борьбе против англичан.

2. Другим не менее важным направлением было заключение равноправных и взаимовыгодных договоров со странами региона, построенных на принципиально новых основах, отличных от политики Царской России и западных колониальных держав. В их числе договор с Афганистаном о дружбе и сотрудничестве и установлении дипломатических отношений и предоставлением права беспошлинной торговли. Договор с Ираном подразумевал от всех неравноправных договоров, заключённых персами с Российской империей с возвращением всего имущества, принадлежавшего иранскому государству; одновременно предусматривалось право РСФСР ввести войска в Иран в случае угрозы его национальным интересам и безопасности, что и было осуществлено в 1941 г. Договор с Турцией, предусматривал военную помощь правительству Мустафы Кемаля и уступку территорий, отторгнутых от неё во время Первой мировой войны. Ну и наконец договор с Монголией в 1921 г. после победы в ней народной революции во главе с Сухэ-Батором.

3. Был также выбран курс на отмену царских договоров со странами Юго-Восточной Азии, навязанных на неравных условиях, что делалось с целью поддержки движения стран региона к независимости. В 1924 г. с Китаем был заключён договор об установлении дипломатических отношений.

4. В области экономического сотрудничества делалась ставка на налаживании торговых связей со странами Востока, что содействовало бы и быстрому восстановлению советской экономики. В частности, в 1922 г. в Нижнем Новгороде была проведена ярмарка, где были представлены и азиатские страны и предоставлены им льготные условия ведения торговли [16].

Выводы

Вообще политику Советской России не только от её предшественницы Российской империи, но и в большей степени других стран той эпохи принципиально отличала общая идеологическая установка большевистского правительства, направленная на реализацию коммунистических идей не только в общественно-политической сфере, но и в международных делах и дипломатической сфере. В целом правительство РСФР, несмотря на то что в первые годы своего существования открыто шло на конфликтное решение проблем с западными державами, тем не менее, но не отказывалось и от вполне прагматичной политики, большей частью относившейся к торгово-экономической деятельности. Одновременно в странах Востока открыто поддерживалось национально-освободительное движение [17].

В целом первые шаги молодой советской республики на ближневосточном и центральноазиатском направлении были акцентированы на установление дружественных дипломатических отношений с соседствующими странами и отмену неравноправных договоров с ними, заключённых во времена Российской империи. Всё это должно было способствовать выстраиванию базы для дальнейшего развития отношений со странами и укреплению своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. При этом в полной мере использовался опыт дипломатических деятелей, работавших в структурах министерства иностранных дел в дореволюционную эпоху и принявших идеологию новых властей.

Список источников

1. Стариков Н. Русско-китайские договоры: вехи и зигзаги истории. Часть I // Николай Стариков. https://nstarikov.ru/russko-kitajskie-dogovory-vehi-i-zigzagi-istorii-chast-i-1449054 (дата обращения: 14.04.2026)

2. Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна: (Коллективная монография) / Отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2021. С. 13 – 14.

3. История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 210 – 211.

4. Новейшая история Арабских стран (1917-1966). М., 1968. С. 47.

5. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948. С. 97 – 99.

6. Новейшая история Турции. М., 1968. С. 33 – 34.

7. Рубинштейн Н.Л. Ближний и Средний Восток после I мировой войны. Лозаннская конференция. М., 1952. С. 5 – 6.

8. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М.: «НАВОНА», 2009. С. 42.

9. Густерин П.В. Советско-арабские отношения в 1920-30-х годах // Проза.ру. https://proza.ru/2017/04/30/783 (дата обращения: 14.04.2026)

10. Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография: сборник статей. / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2021. С. 17.

11. Романенко В.С. Эволюция политики СССР на Ближнем Востоке в период НЭП: 1921-1927 гг.: дис. … канд. историч. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 84.

12. Ленин В.И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману // Избранные сочинения. М.: «Политиздат», 1987. Т. 10. С. 319.

13. Романенко В.С. Эволюция политики СССР на Ближнем Востоке в период НЭП: 1921-1927 гг.: дис. … канд. историч. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 85.

14. Романенко В.С. Эволюция политики СССР на Ближнем Востоке в период НЭП: 1921-1927 гг.: дис. … канд. историч. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 100 – 101.

15. Романенко В.С. Эволюция политики СССР на Ближнем Востоке в период НЭП: 1921-1927 гг.: дис. … канд. историч. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 108.

16. Емельянова Е.Н. Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 20-х гг. XX века // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 171 – 185.

17. Бурганова И.Н. Внешняя политика СССР на Ближнем Востоке: смена акцентов до и после II мировой войны // ResearchGate. https://www.researchgate.net/publication/329758143_vnesnaa_politika_sssr_na_bliznem_vostoke_smena_akcentov_do_i_posle_ii_mirovoj_vojny (дата обращения: 14.04.2026)

References

1. Starikov N. Russo-Chinese Treaties: Milestones and Zigzags of History. Part I. Nikolay Starikov. https://nstarikov.ru/russko-kitajskie-dogovory-vehi-i-zigzagi-istorii-chast-i-1449054 (date of access: 14.04.2026)

2. Comintern and the East: on the 100th Anniversary of the Comintern: (Collective Monograph). Eds. N.G. Romanova, K.V. Orlova. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 13 – 14.

3. History of Diplomacy. Vol. III. Moscow, 1965. P. 210 – 211.

4. Recent History of Arab Countries (1917-1966). M., 1968. P. 47.

5. Miller A.F. Essays on the Modern History of Turkey. M.-L., 1948. P. 97 – 99.

6. The Modern History of Turkey. M., 1968. P. 33 – 34.

7. Rubinstein N.L. The Near and Middle East after World War I. The Lausanne Conference. M., 1952. P. 5 – 6.

8. Degoev V.V. Introduction to the Political History of the North Caucasus (16th Century – 1917). M.: NAVONA, 2009. P. 42.

9. Gusterin P.V. Soviet-Arab Relations in the 1920s–30s. Proza.ru. https://proza.ru/2017/04/30/783 (date of access: 14.04.2026)

10. The Muslim Near and Middle East: Modern Processes, History, and Historiography: A Collection of Articles. Ed. V.Ya. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Yu. Ulchenko. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 17.

11. Romanenko V.S. The Evolution of the USSR's Policy in the Middle East during the NEP: 1921-1927: Diss. ... Cand. of History. Nizhny Novgorod, 2005. P. 84.

12. Lenin V.I. Interview with M. Farbman, Correspondent for The Observer and The Manchester Guardian. Selected Works. Moscow: Politizdat, 1987. Vol. 10. P. 319.

13. Romanenko V.S. Evolution of the USSR Policy in the Middle East during the NEP Period: 1921-1927: Diss. ... Cand. Sci. (History). Nizhny Novgorod, 2005. P. 85.

14. Romanenko V.S. Evolution of the USSR Policy in the Middle East during the NEP Period: 1921-1927: Diss. ... Cand. Sci. (History). Nizhny Novgorod, 2005. P. 100-101.

15. Romanenko V.S. Evolution of the USSR Policy in the Middle East during the NEP Period: 1921-1927: Diss. ... Cand. Sci. (History). Nizhny Novgorod, 2005. P. 108.

16. Emelyanova E.N. Soviet Russia's Policy Towards the Countries of the Middle East in the Early 1920s. Scientific Dialogue. 2016. No. 7 (55). P. 171 – 185.

17. Burganova I.N. USSR Foreign Policy in the Middle East: Shifting Emphasis Before and After World War II. ResearchGate. https://www.researchgate.net/publication/329758143_vnesnaa_politika_sssr_na_bliznem_vostoke_smena_akcentov_do_i_posle_ii_mirovoj_vojny (date of access: 14.04.2026)

Информация об авторах

Хизриев А.Х., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6600-5061, Дагестанский государственный университет, escalex@mail.ru

Магомедов М.З., Дагестанский государственный университет

© Хизриев А.Х., Магомедов М.З., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-76-82

Институциональное оформление тюрьмоведения в России во второй половине XIX – начале XX в.: от частных инициатив к государственной политике

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: цель исследования - реконструировать процесс институционального оформления отечественного тюрьмоведения во второй половине XIX - начале XX в., выявив механизмы и этапы перехода от частных инициатив к системной государственной политике. Задачи включали критический анализ существующих научных подходов к проблеме, введение в оборот разрозненных данных о деятельности правительственных комиссий, органов управления, образовательных учреждений и периодических изданий, а также установление взаимосвязи между частными начинаниями и государственными решениями. В результате выявлены три последовательные стадии институционализации: доминирование частных начинаний (1860-е - начало 1870-х гг.), создание государством базовой административной и информационной инфраструктуры (1870-е – 1890-е гг.) и формирование системы профессиональной подготовки кадров с законодательным закреплением научных основ тюремного дела (1900-е гг. – 1917 г.). Обоснован вывод о нелинейном характере перехода, при котором частная инициатива не вытеснялась, а инкорпорировалась в государственную политику. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов при преподавании истории отечественного государства и права, уголовно-исполнительного права, а также при разработке моделей взаимодействия науки и пенитенциарной практики.

Ключевые слова: тюрьмоведение, пенитенциарная наука, институциональное оформление, Главное тюремное управление, частные инициативы, государственная политика, подготовка кадров, международные пенитенциарные конгрессы

Для цитирования: *Середа С.П. Институциональное оформление тюрьмоведения в России во второй половине XIX – начале XX в.: от частных инициатив к государственной политике // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 76 – 82. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-76-82*

Поступила в редакцию: 7 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Institutionalization of prison studies in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: from private initiatives to public policy

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the purpose of the study is to reconstruct the process of institutionalization of Russian prison studies in the second half of the 19th and early 20th centuries, identifying the mechanisms and stages of transition from private initiatives to systemic public policy. The tasks included a critical analysis of existing scientific approaches to the problem, the introduction of disparate data on the activities of government commissions, government agencies, educational institutions and periodicals, as well as establishing the relationship between private initiatives and

government decisions. As a result, three successive stages of institutionalization have been identified: the dominance of private enterprises (1860s and early 1870s), the creation of a basic administrative and information infrastructure by the state (1870s – 1890s), and the formation of a system of professional training with legislative consolidation of the scientific foundations of prison management (1900s – 1917). the non-linear nature of the transition, in which private initiative was not displaced, but incorporated into public policy. The practical significance of the work lies in the possibility of using its results in teaching the history of the Russian state and law, penal enforcement law, as well as in developing models of interaction between science and penitentiary practice.

Keywords: prison studies, penitentiary science, institutionalization, General Prison Administration, private initiatives, public policy, personnel training, international penitentiary congresses

For citation: *Sereda S.P. Institutionalization of prison studies in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: from private initiatives to public policy. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 76 – 82. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-76-82*

The article was submitted: May 7, 2026; Approved after reviewing: June 4, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Изучение истории отечественного тюрьмоведения (пенитенциарной науки) невозможно без понимания того, каким образом разрозненные исследовательские усилия частных лиц и общественных групп приобрели характер системной государственной политики. Имеющаяся литература, посвящённая дореволюционной пенитенциаристике, традиционно концентрируется либо на персоналиях выдающихся учёных, либо на отдельных реформаторских проектах, в то время как комплексный анализ процесса институционального перехода остаётся не вполне завершённым.

С.М. Оганесян предложил периодизацию историографии пенитенциарного права, выделяя дореволюционный, советский и постсоветский этапы [1, с. 48-49]. К.К. Кораблин в историографическом обзоре русского дореволюционного тюрьмоведения подробно осветил влияние международных пенитенциарных конгрессов и их эволюцию от частных собраний к межгосударственным форумам [2]. В другой работе, посвящённой М.Н. Гернету, он также ограничился преимущественно биографическим подходом, лишь констатируя факт зарождения науки в дореволюционное время [3]. Сходный биографический уклон присущ статьям А.И. Луцкого, М.И. Луцкого и Б.В. Киндюка [4] и П.Н. Кобца [6], где создание советских институтов (Кабинета по изучению личности преступника, Государственного института по изучению преступности и преступника) рассматривается вне тесной связи с дореволюционной институциональной базой. В.А. Жабский в обзоре сравнительного тюрьмоведения ограничился изложением взглядов Н.Д. Сергеевского, И.Я. Фойницкого, А.А. Пионтковского и С.В. Познышева [5].

Предметно к проблеме институционализации подошли Н.Г. Шурухнов, детально проанализировавший становление центров научного обеспечения и подготовки кадров [7], и В.Б. Лебедев с Е.В. Степановой, всесторонне исследовавшие деятельность комиссии В.А. Соллогуба 1870-1874 гг. [11]. Работы Т.А. Желдыбиной [8], В.М. Анисимкова и Е.В. Королевой [9], Б.Б. Казака и Т.В. Смирновой [10], К.К. Кораблина [12], Л.Б. Смирнова [13] содержат ценные сведения, подтверждающие, что целостная картина институционального перехода до сих пор не была предметом специального анализа.

Цель настоящей статьи – выявить и охарактеризовать основные этапы институционального оформления тюрьмоведения в России во второй половине XIX – начале XX в., показав, каким образом инициативы частных лиц и общественных групп поэтапно трансформировались в системную государственную политику, и тем самым восполнить существующий историографический пробел.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу исследования составили несколько групп материалов. Во-первых, это научные труды ведущих дореволюционных тюрьмоведов, в которых формулировались теоретические основания пенитенциарной науки. Во-вторых, нормативные правовые акты и документы официального делопроизводства. В-третьих, ведомственная периодическая печать. В-четвёртых, труды современных авторов, вводящие в научный оборот значительный массив архивных данных и дающие критическую оценку дореволюционных источников.

Методологической основой работы послужили историко-генетический метод, позволивший проследить предпосылки и последовательные стадии институционального оформления тюрьмоведения, институцио-

нальный подход, ориентированный на анализ создания, эволюции и взаимодействия организационных структур, а также сравнительно-исторический метод, давший возможность сопоставить частные и государственные инициативы, выявить в них общее и особенное.

Результаты и обсуждения

Первые шаги к становлению тюрьмоведения в России были сделаны вне прямого государственного заказа. Решающую роль на этом этапе сыграли усилия отдельных энтузиастов, чьи действия носили характер частной инициативы. На международной арене это проявилось в созыве первых пенитенциарных конгрессов, проходивших как неофициальные собрания специалистов. Конгрессы во Франкфурте-на-Майне (1846), Брюсселе (1847) и вновь во Франкфурте (1857) были инициированы частными лицами, в частности немецким тюремным врачом Варентраппом, и не имели правительственных делегатов [2; 7, с. 555].

Внутри России наиболее ярким примером частной инициативы, повлекшей серьёзные государственные последствия, стала деятельность графа В.А. Соллогуба. Его пятилетний эксперимент в Московской исправительной тюрьме и опубликованное по запросу Нью-Йоркского тюремного общества описание русских острогов вместе с собственной системой исправления осуждённых получили международный резонанс. Именно Соллогуб в переписке с американскими коллегами высказал мысль о необходимости международного пенитенциарного конгресса, что способствовало созыву конгресса в Цинциннати в 1870 г. и последующей подготовке Лондонского конгресса [11, с. 72-73].

Параллельно зарождалась академическая составляющая тюрьмоведения. В 1873/1874 учебном году профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий начал читать студентам юридического факультета специальный курс тюрьмоведения, став, по мнению ряда исследователей, первым в мире преподавателем, который ввёл такую дисциплину в университетскую программу [7, с. 556; 8, с. 57; 10, с. 160]. Это решение было продиктовано личной научной позицией учёного, а не прямым указанием министерства, и длительное время курс держался исключительно на его энтузиазме. С.В. Познышев с горечью констатировал, что в России не было спроса на пенитенциарные знания, потому что вся сложность, психологическая трудность и громадное социальное значение пенитенциарного вопроса не сознавалась [10, с. 161]. Тем не менее именно университетская кафедра стала той ячейкой, из которой выросла государственная система подготовки пенитенциарных кадров.

Переход от частных опытов к государственной политике в области тюрьмоведения маркирован созданием в феврале 1872 г. особой правительственной комиссии под председательством В.А. Соллогуба для составления систематического проекта тюремного преобразования. В комиссию вошли представители Министерств внутренних дел, юстиции, финансов, а также II и III отделений Собственной Его Императорского Величества канцелярии [11, с. 73]. Важно подчеркнуть, что комиссия, возглавляемая человеком, который ранее действовал как частный реформатор, получила межведомственный статус и правительственные полномочия. За год работы, проведя более семидесяти заседаний, она собрала и опубликовала подробнейшие статистические сведения о российских заключённых, рассмотрела 34 проекта по учреждению исправительных приютов, разработала проекты штатов будущего Главного тюремного управления и управления отдельными тюрьмами, а также эскизные чертежи новых тюремных зданий [11, с. 73-74]. Хотя выработанный комиссией проект положения о тюрьмах не был немедленно утверждён в полном объёме, его идеи легли в основу последующих преобразований.

Ключевым институциональным результатом этого периода стало создание в 1874 г. Главного тюремного управления в составе Министерства внутренних дел (позднее переданного в ведение Министерства юстиции). Именно ГТУ превратилось в центральный орган, координирующий как практическую деятельность мест заключения, так и зачатки научно-методической работы. К.К. Кораблин справедливо замечает, что предпосылки формирования центров научного обеспечения подготовки кадров появились именно после учреждения ГТУ [7, с. 556]. С этой оценкой следует согласиться, добавив, что появление постоянного государственного органа с распорядительными и контрольными функциями в тюремной сфере само по себе означало признание государством того факта, что тюремное дело нуждается не только в административном, но и в аналитическом обеспечении.

Важнейшим каналом взаимодействия науки и практики стало ведомственное периодическое издание. С января 1893 г. по инициативе первого начальника ГТУ М.Н. Галкина-Враского начал выходить ежемесячный журнал «Тюремный вестник». Как подчёркивает П.Н. Кобец, это было широко востребованное ежемесячное издание, обладавшее важнейшими составляющими - новизной, актуальностью, широким кругом рассматриваемой тюремной проблематики, и самое главное, компетентностью авторского коллектива [6, с. 61].

Одновременно Россия активно встраивалась в формирующуюся международную институциональную систему. На Лондонском конгрессе 1872 г. была учреждена постоянная Международная уголовная пенитенциарная комиссия (МУПК), и Россия сразу стала её деятельным участником. В 1886 г. на заседании МУПК в Берне председательствовал начальник ГТУ М.Н. Галкин-Враской, а с 1887 г. издавался бюллетень комиссии, где регулярно публиковались российские материалы [2]. Проведение в 1890 г. IV Международного пенитенциарного конгресса в Санкт-Петербурге явилось прямым свидетельством признания государственной властью важности международного научного сотрудничества и одновременно - возросшего авторитета отечественного тюрьмоведения [2]. Думается, что международные контакты сыграли роль катализатора, но подлинное обновление всей пенитенциарной системы страны было бы невозможным без внутреннего институционального строительства – создания ГТУ, развития ведомственной печати и первых попыток организации профессиональной подготовки.

К началу XX в. стало очевидным, что одних административных структур и периодического издания недостаточно для превращения тюрьмоведения в полноценную научно-прикладную отрасль, инкорпорированную в государственный механизм. Требовалась систематическая подготовка персонала, опирающаяся на научные знания. С 1 марта 1912 г. при ГТУ были открыты систематические чтения по тюрьмоведению. Их программа включала начала уголовного права и учение о наказаниях, историю и сравнительный анализ пенитенциарных систем, элементарные сведения по психологии и психоневрологии, государственное устройство России в части судебной и тюремной систем, а также практические занятия по тюремному управлению, хозяйству, строительной части, гигиене, продовольствию, организации арестантских работ, статистике и отчётности [7, с. 557].

Логическим продолжением этой линии стало принятие 13 июля 1913 г. высочайше утверждённого и одобренного Государственным Советом и Государственной Думой закона об учреждении школ для подготовки тюремного персонала [14]. Закон предусматривал создание с 1 сентября 1913 г. школы в Санкт-Петербурге для кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для кандидаток на должности тюремной надзирательницы [15]. Срок обучения составлял соответственно четыре и шесть месяцев, а подробные положения о школах регулировали условия приёма, учебные программы и порядок управления [7, с. 558-559]. Так впервые в российской истории подготовка тюремных служащих получила законодательную основу и была поставлена на регулярную основу, что является важнейшим показателем превращения тюрьмоведения в объект государственной политики.

Параллельно с образовательной выстраивалась и собственно научная инфраструктура, в том числе через международные научные объединения. В 1895 г. по инициативе И.Я. Фойницкого была образована Русская группа Международного союза криминалистов [8, с. 57]. В работе этой группы участвовали ведущие отечественные правоведы, что способствовало консолидации научного сообщества и выработке единых подходов к реформированию уголовного и пенитенциарного законодательства. Кроме того, многие учёные-тюрьмоведы принимали непосредственное участие в законотворческой деятельности. Так, И.Я. Фойницкий, являясь членом комиссии по пересмотру законодательства о ссылке, способствовал значительному сокращению её применения, результатом чего стал закон от 3 июня 1900 г. о её отмене [10, с. 160; 13, с. 278]. Он же участвовал в трудах редакционной комиссии по составлению проекта Уголовного уложения 1903 г., редактировал объяснительную записку к нему, и его научные взгляды нашли прямое отражение в тексте закона [8].

Наметившуюся тенденцию не прервали и события 1917 года. Уже 17 марта 1917 г. приказом заведующего Главным тюремным управлением А.А. Жижиленко были созданы пенитенциарные курсы для переподготовки тюремного персонала «в условиях обновления государственного строя и свободной общественной жизни». Программа курсов включала десять дисциплин: общее законоведение, начала уголовного права, учение о наказании в связи с тюрьмоведением, уголовную политику и социологию, психопатологию и уголовную антропологию, тюремную гигиену, меры борьбы с детской преступностью, тюремную статистику, товароведение и практические занятия [7]. Этот документ свидетельствует, что и в изменившихся политических условиях государственная власть рассматривала тюрьмоведение как необходимый элемент профессиональной подготовки и часть своей политики.

Собранный материал показывает, что международное сотрудничество и деятельность отдельных учёных были лишь одной из движущих сил институционализаии тюрьмоведения. Не менее важными были внутренние административные реформы - создание ГТУ и его последующая активность. Тем не менее, начальная точка институционализации должна быть смещена к рубежу 1860-1870-х годов, когда частные инициативы начали непосредственно перерастать в правительственные решения. Исследования показывают, что идеи комиссии о штатах ГТУ и организации тюремного управления были реализованы в 1879 г. и позже, а

предложения о дифференциации учреждений по степеням виновности нашли отражение в создании каторжных тюрем (1884) и исправительных домов (1885) [11].

Созданные при участии М.Н. Гернета в 1920-е годы Кабинет по изучению личности преступника и Государственный институт по изучению преступности были прямыми продолжателями дореволюционной институциональной традиции. Сам М.Н. Гернет формировался как учёный в дореволюционной академической среде, участвовал в международных конгрессах криминалистов, публиковался в «Тюремном вестнике» [6, с. 60–61]. Следовательно, советские научные центры не возникли на пустом месте, а явились этапом развития той институциональной модели, которая начала складываться ещё во второй половине XIX столетия.

Приведённый материал показывает, что учёные-тюрьмоведы не ограничивались академическими воззрениями: они входили в правительственные комиссии, разрабатывали законопроекты, создавали научные общества и образовательные программы. Именно это соединение научной мысли с практической организационной деятельностью и составляло суть институционального оформления тюрьмоведения.

Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить, что институциональное оформление тюрьмоведения в России во второй половине XIX – начале XX в. представляло собой не единовременный акт, а поэтапный процесс, в котором отчётливо выделяются три стадии.

Первая стадия (1860-е – начало 1870-х гг.) характеризовалась преобладанием частных инициатив: университетского курса И.Я. Фойницкого, эксперимента В.А. Соллогуба, частных международных конгрессов. Именно на этом этапе был сформирован общественный и научный запрос на системное государственное вмешательство в пенитенциарную сферу.

Вторая стадия (1870-е – 1890-е гг.) ознаменована переходом инициативы к государству: созданием правительственной комиссии (1872 г.), учреждением Главного тюремного управления (1874 г.), изданием «Тюремного вестника» (1893 г.) и активным участием России в межгосударственных пенитенциарных организациях. Государство создало базовую административную и информационную инфраструктуру тюрьмоведения.

Третья стадия (1900-е гг. – 1917 г.) связана с формированием государственной системы научного обеспечения и подготовки кадров: открытием систематических чтений при ГТУ (1912 г.), законодательным учреждением тюремных школ (1913 г.), созданием пенитенциарных курсов (1917 г.) и непосредственным участием учёных-тюрьмоведов в законотворческом процессе.

Таким образом, переход от частных инициатив к государственной политике не был линейным замещением одного другим: частная инициатива не исчезла, но изменила свою роль, превратившись в компонент государственно-общественного партнёрства. Созданная в дореволюционный период институциональная модель - ведомственный орган управления, ведомственная печать, система профессиональной подготовки и экспертное научное сообщество - заложила основы, на которых впоследствии развивалась советская пенитенциарная наука, что подтверждает преемственность и целостность процесса институционализации отечественного тюрьмоведения.

Список источников

1. Оганесян С.М. Генезис пенитенциарного права имперской России в свете отечественной историографии // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 46 – 58.

2. Кораблин К.К. Историография русского дореволюционного тюрьмоведения // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2018. № 1. С. 3 – 11.

3. Кораблин К.К. М.Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 168 – 180. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.14

4. Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 519 – 529. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529

5. Жабский В.А. Сравнительное тюрьмоведение в трудах ученых // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1 (9). С. 35 – 39.

6. Кобец П.Н. Научные подходы видного исследователя отечественной пенитенциарной системы М.Н. Гернета к изучению исполнения уголовных наказаний // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 1 (52). С. 59 – 66. DOI: 10.34988/2226-2326.2024.12.98.007

7. Шурухнов Н.Г. Генезис центров научного обеспечения подготовки кадров для исполнения наказаний и борьбы с преступностью // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 4. С. 552 – 565. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.552-565

8. Желдыбина Т.А. И.Я. Фойницкий – представитель сравнительно-исторического правоведения в России // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 1 (15). С. 55 – 59.

9. Анисимков В.М., Королева Е.В. Наука уголовно-исполнительного права и политика государства в сфере исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1 (13). С. 7 – 10.

10. Казак Б.Б., Смирнова Т.В. Становление и развитие теоретических воззрений в сфере исполнения наказаний в дореволюционной России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2016. № 4. С. 156 – 164.

11. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870-1874 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 72 – 77.

12. Кораблин К.К. Формирование основополагающих принципов теории и практики исполнения наказаний в виде лишения свободы в трудах отечественных и зарубежных учёных-правоведов // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 113 – 121.

13. Смирнов Л.Б. Пенологические и пенитенциарные основы науки уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 3. С. 273 – 281.

14. Шурухнов Н.Г. Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 2 (70). С. 125 – 130. DOI 10.46741/2686- 9764.2025.70.2.002

15. Ельчанинова О.Ю. Специфика подготовки женского персонала тюремных учреждений Российской империи (историко-правовой аспект) // Пенитенциарная на- ука. 2025. Т. 19. № 1 (69). С. 13 – 20. DOI 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002

References

1. Oganesyan S.M. Genesis of penitentiary law of imperial Russia in light of domestic historiography. Legal science: history and modernity. 2016. No. 5. P. 46 – 58.

2. Korablin K.K. Historiography of Russian pre-revolutionary prison studies. Main trends in state and social development of Russia: history and modernity. 2018. No. 1. P. 3 – 11.

3. Korablin K.K. M.N. Gernet – an outstanding legal scholar, founder of domestic penitentiary science (on the 145th anniversary of his birth). Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 168 – 180. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.14

4. Lutsky A.I., Lutsky M.I., Kindyuk B.V. The Contribution of Professor M.N. Gernet to the Development of Legal Science. All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 519 – 529. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529

5. Zhabsky V.A. Comparative Prison Studies in the Works of Scientists. Criminal-Executive Law. 2010. No. 1 (9). P. 35 – 39.

6. Kobets P.N. Scientific approaches of the prominent researcher of the domestic penitentiary system M.N. Gernet to the study of the execution of criminal sentences. Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2024. No. 1 (52). P. 59 – 66. DOI: 10.34988/2226-2326.2024.12.98.007

7. Shurukhnov N.G. Genesis of centers for scientific support of training of personnel for the execution of sentences and the fight against crime. Criminal-executive law. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 552 – 565. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.552-565

8. Zheldybina T.A. I.Ya. Foinitsky – a representative of comparative-historical jurisprudence in Russia. Glagoliy sudstvuyushchie. 2018. No. 1 (15). P. 55 – 59.

9. Anisimkov V.M., Koroleva E.V. The science of criminal-executive law and state policy in the sphere of execution of criminal punishments. Criminal-executive law. 2012. No. 1 (13). P. 7 – 10.

10. Kazak B.B., Smirnova T.V. Formation and development of theoretical views in the sphere of execution of punishments in pre-revolutionary Russia. Bulletin of Pskov State University. Series: Economics. Law. Management. 2016. No. 4. P. 156 – 164.

11. Lebedev V.B., Stepanova E.V. V.A. Sollogub and his role in reforming the penal system (1870-1874). Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2013. No. 3 (23). P. 72 – 77.

12. Korablin K.K. Formation of Fundamental Principles of the Theory and Practice of Execution of Punishments in the Form of Imprisonment in the Works of Domestic and Foreign Legal Scholars. Power and Administration in the East of Russia. 2007. No. 2 (39). P. 113 – 121.

13. Smirnov L.B. Penological and Penitentiary Foundations of the Science of Criminal-Executive Law. Criminal-Executive Law. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 273 – 281.

14. Shuruhnov N.G. Law of July 13, 1913: Organizational and legal aspects of the formation of the system of training prison employees in tsarist Russia. Penitentiary science. 2025. Vol. 19. No. 2 (70). P. 125 – 130. DOI 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002

15. Elchaninova O.Yu. Specifics of training female personnel of prison institutions of the Russian Empire (historical and legal aspect). Penitentiary science. 2025. Vol. 19. No. 1 (69). P. 13 – 20. DOI 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (497.1) : 72.036
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-83-92

Об исторической роли русской творческой мысли в оформлении концепции храма св. Саввы в Белграде и его внутреннего мозаичного благоукрашения

[1] Хошев А.Ю.,
[1] Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноап. Кирилла и Мефодия

Аннотация: в статье реконструируется роль и место русской творческой мысли в контексте оформления концепции храма св. Саввы в Белграде и замысла о его внутреннем мозаичном убранстве. На архивных материалах продемонстрировано, что мозаичное благоукрашение храма св. Саввы может рассматриваться как итог более чем векового процесса прямого и косвенного русского влияния, а затем и непосредственного участия в судьбах общенационального сербского проекта. Исследование, выполненное с элементами структурно-диахронного анализа, строится на вычленении в исторической ретроспективе ряда значимых эпизодов, создававших предпосылки для направленного развития замысла создания храма св. Саввы в Белграде. Выделенные эпизоды, будучи однородны по признакам как доминирующего влияния русской творческой мысли, так и по общей идейной направленности, рассматриваются в качестве маркеров основных исторических этапов раскрытия замысла в ходе последовательной долгосрочной реализации проекта. При рассмотрении каждого из этапов применяется метод сравнительно-исторического анализа для выявления идейного и художественного контекста формирования замысла его взаимодействия с другими памятниками мозиачного искусства и церковного монументального зодчества. Храм св. Саввы на Врачаре являет собой результат русско-сербского сотрудничества по (вос)созданию сербско-национальной православной образной архитектурно-художественной среды.

Ключевые слова: храм святого Саввы, Врачар, мозаика, историзм неовизантийского стиля, образная архитектурно-художественная среда, храм-мавзолей на Опленце, русско-сербские отношения

Для цитирования: *Хошев А.Ю. Об исторической роли русской творческой мысли в оформлении концепции храма св. Саввы в Белграде и его внутреннего мозаичного благоукрашения // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 83 – 92. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-83-92*

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

On the historical role of Russian creative thought in the design of the Church of St. Sava in Belgrade and its interior mosaic decoration

[1] Khoshev A.Yu.,
[1] St. Peter General Church Postgraduate and Doctoral School Cyril and Methodius

Abstract: this article reconstructs the role and place of Russian creative thought in the context of the conceptualization of the Church of St. Sava in Belgrade and the design of its interior mosaic decoration. Archival materials demonstrate that the mosaic decoration of the Church of St. Sava can be seen as the culmination of more than a century of direct and indirect Russian influence, and subsequently, direct involvement, in the development of all - Serbian national project. The study, using elements of structural-diachronic analysis, is based on the historical iden-

tification of a number of significant episodes that laid the foundations for the focused development of the Church of St. Sava in Belgrade. The highlighted episodes, being homogeneous in terms of both the dominant influence of Russian creative thought and the general ideological direction, are considered as markers of the main historical stages in the disclosure of the plan in the course of a consistent long-term implementation of the project. In examining each stage, a comparative historical analysis is applied to identify the ideological and artistic context for the development of its design and interaction with other monuments of mosaic art and ecclesiastical monumental architecture. The Church of St. Sava in Vračar is the result of Russian-Serbian collaboration in the (re)creation of a Serbian-National Orthodox figurative architectural and artistic environment.

Keywords: Church of Saint Sava, Vračar, mosaic, neo-Byzantine historicism, figurative architectural and artistic environment, temple-mausoleum on Oplenac, Russian-Serbian relations

For citation: *Khoshev A.Yu. On the historical role of Russian creative thought in the design of the Church of St. Sava in Belgrade and its interior mosaic decoration. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 83 – 92. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-83-92*

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 5, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Строительство храма св. Саввы в Белграде, одного из крупнейших православных храмов мира, растянулось более чем на столетие из-за войн и политических катаклизмов XX в. и было завершено только в 2004 г. В 2016-2022 гг. было создано его внутреннее мозаичное убранство на общей площади 17 тыс. кв. м., являвшееся на тот момент самым масштабным во всей мировой христианской храмовой живописи.

В статье реконструирована роль русской творческой мысли в оформлении концепции храма св. Саввы и замысла о его внутреннем мозаичном убранстве.

Продемонстрировано, что мозаичное благоукрашение храма св. Саввы не является изолированным фактом русского культурного влияния, а может рассматриваться как итог более чем векового процесса прямого и косвенного русского влияния, а затем также и непосредственного участия в судьбах данного общенационального сербского проекта.

Материалы и методы исследований

В работе использованы материалы трех архивов: Российского государственного исторического архива (РГИА), Исторического архива Белграда (ИАБ), Архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (АрОВЦС).

Исследование, выполненное с элементами структурно-диахронного анализа, строится на вычленении в исторической ретроспективе ряда значимых эпизодов, создававших предпосылки для направленного развития замысла создания храма св. Саввы в Белграде. Выделенные эпизоды, будучи однородны по признакам как доминирующего влияния русской творческой мысли, так и по общей идейной направленности, рассматриваются в качестве маркеров основных исторических этапов раскрытия замысла в ходе последовательной долгосрочной реализации проекта. При рассмотрении каждого из упомянутых этапов применяется метод сравнительно-исторического анализа для выявления идейного и художественного контекста формирования замысла его взаимодействия с другими памятниками мозиачного искусства и церковного монументального зодчества.

Результаты и обсуждения

Мозаичное убранство храма св. Саввы в Белграде уже успело стать объектом формального и сравнительно-исторического анализа с акцентом на связи с византийским искусством [24, с. 55-98], а также на организационных моментах в истории реализации проекта [23, с. 203-211].

Замечательные по своему масштабу и по явной роли России и русского искусства в своей разработке и реализации, мозаики храма св. Саввы воспринимаются, вместе с тем, как явление, стоящее особняком в сербском культурном пространстве.

В статье продемонстрировано, что мозаичное благоукрашение храма св. Саввы не является изолированным фактом русского культурного влияния, а может рассматриваться как логическое завершение более чем столетнего процесса, который представлен четырьмя важнейшими эпизодами, каждый из которых создавал

необходимые предпосылки для последовательного развития концепции храма в целом и его мозаичного убранства:

- Храм Христа Спасителя в Москве дал пример масштабного монументального православного собора, выражавшего благодарность Богу от лица конкретной нации;
- В 1906 г. в рамках первого конкурса Императорская академия художеств в Санкт-Петербурге принципиальной критикой помогла прояснению критериев для выработки концепции храма св. Саввы, косвенно предопределив его итоговый облик;
- В 1920-30-е гг. русские художники-эмигранты стали авторами замысла полного мозаичного оформления храма-мавзолея династии Карагеоргиевичей на общей площади около 4 тыс. кв. м., а также предложили для него иконографию и все необходимые эскизы;
- В 2016-2022 гг. под руководством акад. Н.А. Мухина разработана иконография мозаичного убранства храма св. Саввы и выполнен весь комплекс работ по его полному внутреннему мозаичному благоукрашению на общей площади 17 тыс. кв. м.

Ни на одном из этапов сербской стороне не навязывалось специфически «русское» стилистическое и смысловое наполнение. Неизменно основываясь на принципах историзма, русские специалисты, помогали сербским коллегам преодолевать преходящие тенденции в поиске аутентичных средств формирования образной архитектурно-художественной среды, гармонирующей с идеями общецерковного почитания св. Саввы, адекватной культурно-историческому контексту жизни и деятельности святого.

1. Об истоках и особенностях замысла храма свт. Саввы в Белграде

Идея создания в Белграде монументального храма в честь первого Архиепископа Сербского св. Саввы I (Неманича, † 1236) принадлежит Архиеп. Белградскому и Митр. Сербскому Михаилу (Йовановичу, † 1898), выступившему в 1895 г. во главе инициативной группы видных представителей сербства с воззванием о начале сбора средств на строительство общенациональной святыни – храма св. Саввы [5, с. 12-14].

Формально инициатива была приурочена к 300-летию сожжения мощей св. Саввы. Участок под строительство был выбран на холме Врачар (т. н. «Большой Врачар», община Врачар), признанный в ходе общественной дискуссии вероятным местом сожжения мощей. Выбор данной локации, высшей точки в окрестностях Белграда (ныне – высшей точки города Белграда), не будучи столь однозначен и очевиден на фоне других точек зрения, обусловлен был, возможно, не в последнюю очередь соображениями уровневого символизма, делающего монументальный храм вместе с главной городской возвышенностью и прилегающей планировкой уникальным архитектурным пространством, выразительно подчёркивающим заложенные в проекте религиозные, национальные и культурные идеи.

Сбором пожертвований и организацией всех видов работ ведал общественный комитет – Общество по строительству храма св. Саввы, во главе которого находился Предстоятель Сербской Православной Церкви [8, с. 12-19; 23, с. 204].

По указанным особенностям святосаввский храм в Белграде перекликается с базиликой Св. Сердца в Париже (*франц.* Basilique du Sacré-Cœur, 1870-1923), задуманной в память о павших на франко-прусской войне 1870-1871 гг. как призыв нации к покаянию и возвращению к вере. Собор сооружён на высшей точке города – холме Монмартр – виден отовсюду и является одной из главных градостроительных доминант столицы. Оба холма связаны с памятью важнейших национальных святых: св. Саввы и сщмч. Дионисия (III в.), первого епископа Парижского. Строительство храма Св. Сердца, так же начатое на народные пожертвования [25, с. 174-175], растянулось на полвека с перерывом на Первую мировую войну. Как и храм св. Саввы в Белграде, собор Св. Сердца в Париже воздвигнут в неовизантийском стиле.

Митр. Михаил (Йованович), долго живший в России, был впечатлён и строительством Храма Христа Спасителя в Москве [2, с. 60-61, с. 103], который своими масштабами и монументальностью, заявкой на историзм русско-византийского стиля К. А. Тона, как и эксплицитным выражением в своём проекте благодарности Богу за Его Промысел о спасении России, несомненно, стал одним из источников замысла о создании на родине аналогичного грандиозного храма.

В эпоху национального возрождения XIX в. в образе св. Саввы была акцентирована его роль как просветителя и поборника сербского народного единства [5, с. 9-10; 6, с. 55-58, 102-105]. Однако по ходу раскрытия замысла доминирующее значение обрела другая, изначально заложенная в нём и более глубокая идея – об особой роли Православия как важнейшего аспекта национальной идентичности.

Требовалось выразить представления о глубине истории святосаввской традиции, о её духовной, вероучительной и культурной аутентичности, о её преемственности от более ранних и всемирно признанных христианских культур, каковой по отношению к сербской, безусловно, была византийская; и сам св. Савва

должен был бы предстать в облике посвящённого ему храма как выдающийся и авторитетный носитель высочайших достижений византийской духовной культуры.

Решение этих задач следовало искать на почве историзма, с обращением, с одной стороны, к образцам современного св. Савве, т. е., в целом, византийского, искусства, а с другой – к концептуальным решениям и художественным техникам, способным создать выразительные образы целостности, полноты и долговечности.

2. Поиск архитектурного решения и концепции внутреннего благоукрашения

Первый конкурс на лучшее архитектурное решение храма св. Саввы прошёл с участием Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге (ИАХ), специальная комиссия которой в 1904-1906 гг. уточнила его условия и выполнила оценку конкурсных работ [22, с. 224-232]. Концептуальных условий было всего два: монументальность и сербско-византийский стиль, следование которому формально предписывалось Законом о церковном управлении от 1890 г. [9, с. 37]

На практике же сербско-византийский (или просто «византийский») стиль часто понимался либо как копирование памятников сербского зодчества, либо как эклектическое использование византийского архитектурного языка как рабочей альтернативы национально-обезличенному академизму и классицизму [13, с. 499].

Академиками ИАХ, руководствовавшимися строгими критериями историзма, у всех проектов были выявлены разлад с византийской традицией, сильное западное влияние, нехватка монументальности и общего благолепия, неразработанность устройства для украшения интерьера, что не отвечало цели прославления великого национального святого [14; 22, с. 230]. Подход конкурсантов нёс отпечаток ситуации, сформировавшейся под сильным австро-венгерским культурным и политическим влиянием в последней четверти XIX в. В критической же роли русских академиков можно видеть вклад в формирование концепции храма св. Саввы через отстаивание приоритета историзма и монументальности для достижения цели проекта.

В 1926 г. состоялся второй конкурс, итоги которого демонстрируют молчаливое стремление жюри учесть критику первого и минимизировать недостатки, выявленные ИАХ у довоенных проектов. Принятые к реализации работы Б. Несторовича (1901-1975) и А. Дероко (1894-1988) были совмещены в итоговом проекте, породив нынешний облик храма, который на сей раз показался прозападной части общества даже чересчур «византийским» для югославской столицы [26, с. 257-269].

Сторонникам же избранной концепции она виделась не просто удачной, но даже требующей масштабирования, что повышало функциональную ценность здания и подчеркивало его «имперский» монументальный вид. Вместимость в итоге решили повысить с 6 до 12 тыс. чел. Соответственно, площадь также была постепенно увеличена с 3 000 кв. м [8, с. 99], оговоренных условиями конкурса 1926 г., сперва до 5 900 кв. м., а в проекте 1933 г. – до 6 400 кв. м [8, с. 106]; в окончательном же виде храм св. Саввы занимает 7 570 кв. м.

Таким образом, в ходе первого конкурса на архитектурное решение святосаввского храма в 1905-1906 гг. ИАХ в Санкт-Петербурге внесла вклад в раскрытие замысла, отстояв приоритеты монументальности и византийского историзма, а также предопределив тем самым его окончательный облик.

3. Замысел о задействовании мозаики в интерьере храма св. Саввы

3.1 Возникновение замысла и его предпосылки

Предложение использовать мозаику – правда, в более скромном объёме, в экседрах – высказано и в одном из проектов первого конкурса на здание храма [1].

При подготовке ко второму конкурсу, которая велась с подчёркнутым вниманием к будущему художественному оформлению храма св. Саввы, Главный совет Общества по его строительству 28 марта 1926 г. принял постановление об обязательном и широком использовании в интерьере мозаики – по крайней мере, для изображения «библейских сюжетов и образов сербских святых», а также сцены сожжения мощей св. Саввы [8, с. 92].

Решение было принято на фоне некоторого удешевления изготовления мозаики за счёт новых технологий и состояния европейского рынка, а также роста её популярности; например, в главной алтарной апсиде базилики Св. Сердца в Париже в 1922 г. под руководством Л.-О. Мерсона (1846-1920) было завершено создание мозаичного полотна «Благоговение Франции перед Святейшим сердцем Христовым» [25, с. 176] площадью 475 кв. м.

3.2 Достоинства техники мозаики

Выбор мозаики – наборной техники монументально-декоративного искусства, синтезирующей зодчество и живопись – для оформления крупного храма вполне ясен.

Декоративность мозаики важна, если на изображения смотрят с дистанции, на которой, по замечанию М.П. Соловьёва (1841/42-1901), «пропадают все утонченные красоты живописи, если она не произведена декоративно» [19, с. 93]. Благодаря же тектоничности, способности покрывать любые поверхности, подчёркивая их форму и превращая любую предметно-пространственную среду в эстетически полноценное произведение, мозаика, по словам В.А. Фролова, завоевала право «полного овладения архитектурной формой» [21, с. 345].

Н.В. Покровский (1848-1917) писал, что «лучший из всех технических способов в применении к монументальной церковной живописи – мозаика», поскольку она «прочна и переживает тысячелетия», хоть и «весьма дорога» [16, с. 1366]. Исполнение священных изображений в технике мозаики – «вечной живописи» – не только обеспечивает им максимальную долговечность, но и служит выразительным свидетельством их особого почитания.

3.3 Необычность мозаики для сербского храмового искусства начала XX в.

К первой четверти XX в. мозаику невозможно было отнести к традиционным и популярным в Сербии художественным техникам оформления храмов, что делает примечательным возникновение замысла мозаичного оформления храма св. Саввы.

Средневековые сербские храмы оформлены именно фресками, а мозаика изредка лишь имитировалась – например, в храме Богородицы Эвергетиды в Студенице (XII-XIII вв.) [4, с. 87].

Приобщение сербов к мозаике начинается в XIX в. из Италии, причём поначалу не в самой Сербии. Так, в соборе свт. Спиридона Тримифунтского в Триесте, воздвигнутом для сербской общины в 1861-1869 гг. в неовизантийском стиле по проекту К. Мачакини из Милана, внешние стены украшены крупными мозаичными иконами Архангела Михаила, а также святителей Спиридона, Афанасия Великого, Григория Назианзина и других святых, выполненными обществом «Venezia-Murano» из Мурано (ниши под мозаичные иконы свт. Григория и Афанасия имели высоту 3,065 м и ширину 1,015 м, а люнет под мозаичную икону Архангела Михаила – 2 м и 3 м.) [12, с. 12]. Эскизы и картоны мозаик принадлежали также итальянцам – упоминаются П. Бертини (1828-1899) и Э. Бизи (1850-1920) – представители видных миланских художественных семейств, получивших и другие подряды в том же самом храме. Торжественное открытие мозаик состоялось в 1883 г. [12, с. 10, 12]

Несмотря на значимость факта, что сербский храм впервые обрел заметное мозаичное оформление, оно и по замыслу, и по исполнению было итальянским.

В Киеве мозаика, хоть и выполненная греками или под их руководством, присутствует в Софийском соборе и Михайловом монастыре (XI-XII вв.), но перенять данную технику русские мастера не успели. Поэтому в Россию мозаика вернулась уже из Италии, откуда перенимались флорентийская мозаика и иные наборные камнерезные техники, а также смальтовая мозаика, центром развития которой была ватиканская мастерская, переводившая в «вечный» формат живопись базилики св. Петра. Основываясь поначалу на изучении её образцов, изготовлением смальты и набором мозаик занялся М. В. Ломоносов. С помощью итальянцев же были подготовлены мастера и налажено производство смальты для открытого в 1851 г. мозаичного отделения ИАХ в Санкт-Петербурге, которое быстро заслужило всемирное признание достижениями в «римской» технике мозаичного воспроизведения написанных маслом оригиналов – прежде всего, для Исаакиевского собора (всего – 62 мозаики совокупной площадью 592 кв. м.), убранство которого М. П. Соловьёвым оценивалось как последнее слово репродукционной мозаики.

В конце XIX в. в России была перенята и передовая «венецианская» техника обратного набора, в которой выполнено убранство храма Воскресения Христова на крови, возведённого в 1883-1907 гг. в Санкт-Петербурге и внутри полностью покрытого мозаикой. Созданием эскизов занимались видные русские живописцы, включая М.В. Васнецова и В.М. Несторова, а изготовлением смальты и набором – мастерская братьев Фроловых, известная и другими мозаичными работами – в частности, для собора Александра Невского в Варшаве [20, с. 176-178].

Перенять мозаику у России Сербии препятствовала специфика внешнеполитической линии династии Обреновичей, а также небогатые материальные условия. Лишь в самом конце XIX в. Т. Селескович создаёт задругу для развития национальной керамической индустрии, появляется школа художественной керамики, а мозаика, наряду с цементной плиткой и керамикой, появляется в ассортименте белградской фабрики С. Стефановича [13, с. 270]. Потому для возникновения масштабного замысла мозаичного благоукрашения храма св. Саввы, восходящего к 1920-м гг., не наблюдается достаточных внутренних предпосылок.

Важно отметить, что при кратном масштабировании итогового проекта святосаввского храма намного возросли суммарные площади поверхностей, подлежавших оформлению мозаикой. Однако огромный объём предполагавшихся мозаичных работ не испугал авторов проекта, что свидетельствует о наличии факто-

ров, питавших этот оптимизм, – в т. ч. уверенности в принципиальной доступности этого решения, видевшегося продолжением успешного опыта оформления объекта, по стилю и идейному содержанию близкого к храму св. Саввы.

4. Храм-мавзолей династии Карагеоргиевичей – взлёт церковной мозаики

Фактором продвижения идеи масштабного использования мозаики явилась деятельность русских художников-эмигрантов, объектом приложения усилий которых стал храм св. вмч. Георгия с криптой-усыпальницей представителей династии Карагеоргиевичей, воздвигнутый на холме Малый Опленц в 80 км южнее Белграда (община Топола) на средства королевского дома по завещанию короля Петра I Карагеоргиевича, составленному им ещё князем в эмиграции в 1900 г.

Храм на Опленце – меньший «собрат» храма на Врачаре: оба воздвигнуты на холмах, оба – в выраженном сербско-византийском стиле, оба – «заветные» храмы-памятники, посвящённые великим фигурам сербской истории; первые архитектурные конкурсы на них состоялись с разрывом всего в пару лет, тотчас же по возвращении в 1903 г. на сербский королевский престол династии Карагеоргиевичей.

Конкурс на лучшее архитектурное решение Георгиевского храма прошёл в 1903-1904 гг. на тех же условиях, что у святосаввского: монументальность и сербско-византийский стиль, без уточнений по интерьеру. Внутренняя поверхность храма, достроенного к 1912 г., пустовала – король не сошёлся в цене с художником Пайей Йовановичем (1859-1957). Альтернативный же вариант размещения на стенах списков имён погибших за Сербию – как в Храме Христа Спасителя – тоже пришлось отклонить ввиду резкого роста количества павших на полях Балканских войн 1912-1913 гг., а затем и в годы Первой мировой войны [7, с. 66-68, 70-71].

В 1919 г. к оформлению вернулись уже с кардинальным переосмыслением замысла. На смену идее с полотнами модного художника в современном стиле, пришла идея собрать в храме копии выдающихся образцов средневековой сербской церковной живописи, в т. ч. изображения прославленных царей и князей. Новая концепция визуально «встраивала» династию Карагеоргиевичей в общий контекст истории сербского народа, а также служила осмыслению принесённых им жертв борьбой за ценности высшего порядка, укоренённые в Сербском Православии и национальной культуре. «Временное» уступило «вечному», для художественного выражения которого решили прибегнуть к «вечной» же технике мозаики.

Идеи обращения к памятникам средневековой живописи, как и полного внутреннего оформления храма мозаикой принадлежала русским художникам-эмигрантам; последнее же являлось отсылкой к храму Воскресения Христова на Крови, работы в котором кн. Александр Карагеоргиевич застал во время своей учёбы в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге.

В 1922-1927 гг. художественно-археологическая экспедиция объехала свыше 60 храмов и монастырей для копирования фресок, подлежавших воспроизведению в технике мозаики. Коллектив по копированию фресок и созданию картонов состоял из эмигрантов [7, с. 83-84], в него входили Б.И. Образков (? – 1971), барон Н.Ф. Мейендорф (1887-1969), И.П. Дикий (1896-1990), М. Э. фон Рейтлингер (1897-1983) и др [10, с. 27-29]. В работе принял участие также С.Ф. Колесников (1879-1955). Ключевую роль в оформлении и реализации замысла сыграли академик Н.П. Краснов (1864-1939), на родине – Архитектор Высочайшего Двора, и С.Н. Смирнов (1877-1958), руководивший созданием храма «Спас-на-Водах» в Санкт-Петербурге в память о павших в русско-японской войне, украшенного мозаичным панно с изображением шествия Христа по водам работы мастерской братьев Фроловых. Этот опыт помог Смирнову в разработке мозаичной иконописной программы храма на Опленце.

В 1928-1931 гг. мозаиками был украшен храм [7, с. 86-88], а в 1931-1932 гг. – и сама крипта [7, с. 103-104]. Набор вела берлинская фирма Puhl & Wagner Gottfried Heinersdorf, что позволило в 1930 г. одному из германских изданий объявить Опленац «немецким искусством в Югославии». Однако, сербское по истокам и содержанию, оно было русским по замыслу и разработке.

Георгиевский храм на Опленце стал объектом мозаичного искусства мирового значения. Опыт его благоукрашения продемонстрировал ценность и огромный потенциал средневекового наследия для важных национальных мемориальных проектов, а также заложил предпосылки для последующей реализации полного внутреннего мозаичного оформления святосаввского храма на Врачаре, которые, несмотря на небывалый объём предстоящих работ и неясность сроков, начали восприниматься с большим оптимизмом.

5. Реализация замысла мозаичного украшения храма св. Саввы

Работы по возведению святосаввского храма на Врачаре, начатые в 1935 г., осуществлялись урывками. До 1941 г. их вело Общество по строительству храма, распущенное в 1948 г.; в условиях потепления церковно-государственных отношений в 1985 г. их возобновил Св. Синод СПЦ, практически завершив строи-

тельство, вновь замершее в 1990-е гг. в связи с событиями югославского кризиса; лишь после 2000 г. строительство здания было завершено и храм был торжественно освящён в 2004 г.

По мере приближения к окончанию стройки на первый план выступили вопросы внутреннего благоустройства и художественного оформления храма, включая создание мозаичного убранства, для которого был заготовлен и рабочий проект иконографии [17]. В 2003-2004 гг. Патриарх Сербский Павел обращался к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой о содействии в поиске финансирования и осуществлении работ [15]. Русская Православная Церковь подключилась к поиску спонсоров. Так, 15 ноября 2004 г. с участием обоих Патриархов в Храме Христа Спасителя в Москве прошла благотворительная акция «С Сербией вместе!» [23, с. 207-208], однако сбор средств продвигался медленно.

Беспрецедентной была и площадь предстоявших мозаичных работ – 17 тыс. кв. м. По оценке Н.В. Покровского, крупнейшим в мире собранием мозаики – «более 4 000 000 вершков» (7,1 тыс. кв. м) – обладал храм Воскресения Христова на Крови [16, с. 1367], превзошедший в этом отношении все прочие, включая базилику св. Марка в Венеции, площадь внутреннего мозаичного убранства которого, по данным К. Бойто (1836-1914), составляет около 4 тыс. кв. м [27, с. 306]. В Белграде требовалось, таким образом, создать мозаику общей площадью в 4 раза больше, чем внутри собора Венеции и в 2,5 раза больше, чем в храме в Санкт-Петербурге.

В связи с дороговизной мозаики вопрос общей оправданности и целесообразного объёма её использования в храме св. Саввы стал предметом дискуссий. Убедительным альтернативным примером было выполненное масляными красками и темперой убранство воссозданного Храме Христа Спасителя в Москве. Тем не менее, в 2009 г. на встречное предложение о росписи верхнего храма св. Саввы в менее затратной темперной технике сербская сторона не согласилась, сославшись на принятое в 1930-е гг. решение Синода Сербской Православной Церкви об использовании мозаики как на не подлежащее пересмотру [24, с 57; 28].

В итоге мозаичное благоукрашение храма св. Саввы стало возможным благодаря постепенному включению в 2007-2011 гг. проекта в повестку российско-сербских межгосударственных отношений при поддержке Русской Православной Церкви.

Согласно подписанному в 2012 г. между Министерством культуры РФ и МИД Сербии протоколу о российском участии в оформлении внутреннего убранства храма св. Саввы в Белграде, создавалась двусторонняя рабочая группа, которая, в свою очередь, разработала концепцию Всероссийского открытого конкурса на проект оформления внутреннего убранства храма. В 2014 г. конкурсное жюри под председательством Первого вице-премьера Сербии И. Дачича и председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона отвело первое место проекту, представленному коллективом Международного фонда поддержки ЮНЕСКО под руководством народного художника РФ и члена Российской академии художеств (РАХ) Н.А. Мухина, а второе – проекту стенописной мастерской Св.-Елисаветинского монастыря в Минске, которую было решено также привлечь к осуществлению работ [23, с. 208-209].

В 2016-2017 гг. на пожертвования российской компании «Газпромнефть» [23, с. 209-210] были развернуты масштабные работы по изготовлению эскизов, набору мозаичных полотен и их размещению на внутренних поверхностях собора, осуществлявшиеся специалистами из России и Белоруссии. При участии представителей РАХ была выработана и утверждена Патриархом Сербским Иринеем окончательная мозаичная иконография храма св. Саввы, наиболее гармонирующая с его общим неовизантийским стилем, монументальностью и заимствованной у Св. Софии Константинопольской трехъярусной купольной системой.

Ценность итогового мозаичного убранства для общего звучания святосаввского храма демонстрирует сегмент его «небесного» яруса, образуемый главным куполом, промежуточным полукуполом и конхой главной алтарной апсиды [3, с. 34].

В своде главного алтаря размещён образ Богородицы с Младенцем на престоле – решение, типичное для IX-XI вв., отсылающее к убранству ряда известных храмов как греческого – например, в мозаике, в Св. Софии в Фессалониках (IX в.) – так и славянского мира – например, в технике фрески, в Св. Софии в Охриде (XI в.).

В промежуточном полукуполе изображен благословляющий Христос Пантократор, а в главном куполе – Вознесение Господне. Оба сюжета – из числа трёх, разрешавшихся в IX-XI вв. для оформления купола. При этом образу Пантократора стало постепенно отдаваться предпочтение, в т. ч. в западных работах византийских мастеров. Огромные мозаичные образы Пантократора украшают алтарные своды собора Преображения Господня в Чефалу (ныне – Италия, XII в.) и Монреале (пригород Палермо, конец XII – начало XIII в.) [3, с. 38, 43, 106]. Появление этого образа и в среднем полукуполе храма св. Саввы выглядит естественным.

Композиция «Вознесение Господне» (традиционный городской праздник Белграда) в главном куполе относится к типу, представленному в Софийском храме в Фессалониках [10, с. 60]: по центру – образ благословляющего Христа, восседающего на радуге и возносимого ангелами, а по нижней части – фигуры Богородицы и апостолов, как-бы стоящих на кромке купола, символизирующей землю на горе Елеон, и обращенных главами ко Спасителю.

Данная купольная композиция широко использовалась византийскими мастерами – например, в технике фрески – в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря (Псков, XII в.) и в ряде других храмов [18, с. 22-23], а в технике мозаики – в одном из куполов базилики св. Марка в Венеции, у убранства которой в целом О. Демус также находит как определяющее влияние византийской традиции, так и ряд общих точек с церковной живописью средневековой Сербии.

Выводы

Таким образом, в историческом масштабе храм на Врачаре является результатом процесса надличностного по своему характеру совместного осмысления русским и сербским творческим сообществом личности св. Саввы Сербского, места этого святого в общей церковной истории и его роли в судьбах славянских народов.

Благодаря неравнодушному отношению и участию русской творческой мысли святосаввский храм обрёл свой монументальный неовизантийский облик и богатейшее мозаичное убранство, стиль и формы которого глубоко характерны как для византийского храмового искусства послеиконоборческого периода в целом, окружавшего и вдохновлявшего св. Савву, так и для эпохи становления династии Неманичей и жизни самого основателя Сербской Православной Церкви (конец XII- начало XIII вв.). Архитектурные и художественные особенности храма приведены в соответствие с исходным замыслом – воплотить величие святосаввского духовного наследия в его органической связи общеправославной культурной традицией. Тем самым долгий общенациональный проект был приведён к успешному завершению.

Список источников

1. Аіа Софіа – Грачаница. Докладъ. Машинопись. Рус. яз. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 30.

2. Брадић Т. Митрополит Михаило Јовановић и трансфер руске сакралне уметности у Кнежевину/Краљевину Србију (1859-1898). Докторска дисертација. Университет у Београду, Филозофски факултет. Београд, 2024. 249 с.

3. Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. М.: Индрик, 2001. 160 с.

4. Джурич В. Византийские фрески: Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик. 2000. 592 с.

5. Дурковић-Јакшић Љ. Почетак историје Храма Светог Саве на Врачару // Гласник. Службени лист Српске православне цркве. 1981. № 1. С. 9 – 26.

6. Макуљевић Н. Уметност и национална идеја у XIX веку. Систем европске и српске визуелне културе у служби нације. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства – Нови Сад: Будућност. 2006, 374 с.

7. Јовановић М. Опленац: храм светог Ђорђа и Маузолеј Карађорђевића. Топола: Центар за културу "Душан Петровић Шане", Љубљана: Младинска књига. 1990. 269 с.

8. Јевић Хризостом, епископ Бихачко-Петровачки, Ацовић Д., Миловановић В. Историја и рад Друштва за подизање Храма Светог Саве на Врачару. Зрењанин: Глобтротер Бечкерек. 2009. 176 с.

9. Кадијевић А. Византијско градитељство као инспирација српских неимара новијег доба. Галерија науке и технике САНУ. Београд: CICERO. 2016. 140 с.

10. Косик В. И. Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М.: Институт славяноведения РАН. 2010. 459 с.

11. Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 329 с.

12. Милошевић Ђ. Црква светог Спиридона. Trieste: Fachin, 1999. 63 p.

13. Несторовић Б. Архитектура Србије у XIX веку. Београд:Art press.2006. 558 с.

14. О разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсъ проектовъ храма Св. Саввы в Бѣлградѣ (п. 3) / Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ на 24 апрѣля 1906 года // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 59.

15. Письма Патр. Сербского Павла Патр. Московскому и всея Руси Алексию II: Бр. 1539 от 25.06.2003 г. // АрОВЦС. Д. 0414-10.14.08 «Сербская Православная Церковь». 2003 г. Патриарх; Син. бр. 24 от 03.01.2004 г. // АрОВЦС. Д. 0414-10.14.08 «Сербская Православная Церковь». 2004 г. Патриарх.

16. Покровскій Н. В. Новый храмъ Воскресенія Христова на Екатерининскомъ каналѣ въ Санктъ-Петербургѣ // Прибавленія к Церковнымъ Вѣдомостямъ, издаваемымъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ. № 33. 18 августа 1907 г. С. 1363 – 1369.

17. Програм рада на реализацији мозаичне декорације у храму Светог Саве // Историјски Архив Београда (ИАБ). Ф. «Легат Војислава Миловановића».

18. Сарабьянов В.Д. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М.: Сев. паломник, 2002. 80 с.

19. Соловьёв М.П. Мозаика на Западѣ и въ Россіи // Вѣстникъ изящныхъ искуствъ: Изд. при Акад. Художеств, издаваемый при Императорской академіи художествъ подъ редакцией А.И. Сомова. Т. III, вып. 1, СПб, 1885. С. 76 – 94.

20. Фролов В.А. Петербургская мозаика. Город – Династия – Культура. СПб: Российский ин-т истории искусств, 2006. 255 с.

21. Фролов В.А. Язык мозаики // Художник и город. Сб. ст. / Сост. М.Л. Терехович. М.: Сов. художник, 1988. С. 336 – 347.

22. Хошев А.Ю. Императорская академия художеств и первый конкурс на лучшее архитектурное решение храма св. Саввы в Белграде: 1904-1906 гг. // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 224 – 234.

23. Хошев А.Ю. Строительство храма св. Саввы в Белграде: опыт взаимодействия Церкви и общества в рамках одного проекта общенационального значения // Власть. 2024. Т. 32. № 2. С. 203 – 211.

24. Храм Святого Саввы / сост. В. Роганович, М. Стефанович-Банович; пер. М. Тодич, Д. Плодник. Белград: Изд. Храма Святого Саввы, 2021. 235 с.

25. Chavot P. Églises de Paris. Paris: Arthaud, 2002. 191 p.

26. Ignjatović A. U srpsko-vizantijskom kaleidoskopu: arhitektura, nacionalizam i imperijalna imaginacija 1878-1941. Beograd: Orion art, Arhitektonski fakultet. 2016. 845 p.

27. La basilica di San Marco in Venezia illustrata nella storia e nell'arte da scrittori veneziani sotto la direzione di Camillo Boito. Venezia. Ed. Ferdinando Ongania. 1881. 488 p.

28. Mitropolit Amfilohije sa zvaničnom delegacijom iz Rusije // ИАБ. Ф. «Легат Војислава Миловановића».

References

1. Aia Sofia – Gracanica. Report. Typescript. Rus. Language. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904 D. 156. L. 30.

2. Brady T. Metropolitan Michael Jovanovic and the transfer of Russian sacral significance in Knezhevinu/Krajevinu Srbiju (1859-1898). Doctoral dissertation. University near Beograd, Faculty of Philosophy. Beograd, 2024. 249 p.

3. Demus O. Mosaics of Byzantine churches. Principles of monumental art of Byzantium. M.: Indrik, 2001. 160 p.

4. Djuric V. Byzantine frescoes: Medieval Serbia, Dalmatia, Slavic Macedonia. M.: Indrik. 2000. 592 p.

5. Durkoviћ-Jakshiћ J. Honoring the history of the Temple of Svetog Save on Vracara. Glasnik. Service list of the Srpska Orthodox Church. 1981. No. 1. P. 9 – 26.

6. Makuљeviћ N. Umetnost and national idea in the 19th century. Systems of European and SRP visual culture in the service of the nation. Beograd: Plant for uцbenike and mentoring means – Novi Sad: Buduћnost. 2006, 374 p.

7. Jovanovic M. Oplenac: Temple of Light of Horђa and Mausoleum of Karaђgorђaviћ. Topola: Centar za kultu-ru "Dusan Petrović Shane", Žubęana: Mladinska kњiga. 1990. 269 p.

8. Jeviћ Chrysostom, Bishop of Bihačko-Petrovacki, Atsoviћ D., Milovanovћ V. History and joy of Friendship for the design of the Temple of Svetog Save on Vračara. Zrejanin: Globtroter Bechkerek. 2009. 176 p.

9. Kadijeviћ A. Byzantine cityhood kao inspiration of the Srpskih neimara novijeg doba. Gallery of Science and Technology SANU. Beograd: CICERO. 2016. 140 p.

10. Kosik V.I. Russian colors on the Balkan palette. Artistic creativity of Russians in the Balkans (late 19th – early 21st centuries). M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2010. 459 p.

11. Lazarev V.N. History of Byzantine painting. M.: Art, 1986. 329 p.

12. Milosevic J. Church of St. Spyridon. Trieste: Fachin, 1999. 63 p.

13. Nestoroviћ B. Architecture of the XIX century. Belarus: Art press. 2006. 558 p.

14. On the examination of the projects of the Church of St. Sava in Belarus submitted to the competition (p. 3). List of cases scheduled for hearing at the meeting of the Imperial Academy of Arts on April 24, 1906. Russian State Historical Archives. Fund 789. List 13. 1904. D. 156. L. 59.

15. Letters of Patriarch Paul of Serbia to Patriarch Alexy II of Moscow and All Rus': Item 1539 dated June 25, 2003. ArOVCS. D. 0414-10.14.08 "Serbian Orthodox Church". 2003. Patriarch; Syn. br. 24 of 03.01.2004. ArOVCR. D. 0414-10.14.08 "Serbian Orthodox Church". 2004. Patriarch.

16. Pokrovsky N.V. New Church of the Resurrection of Christ on the Catherine Canal in St. Petersburg. Supplements to the Church News, published under the Holy Governing Synod. № 33. August 18, 1907. P. 1363 – 1369.

17. Program for the implementation of the mosaic decoration in the temple of Svetog Save. Historical Archives of the Belarusian Empire (IAB). F. "Legat Vojislav Milovanoviћa".

18. Sarabyanov V.D. Spaso-Preobrazhensky Cathedral of the Mirozhsky Monastery. Moscow: Sev. palomnik, 2002. 80 p.

19. Soloviev M.P. Mosaics in the West and in Russia. Bulletin of Fine Arts: Publishing House of the Academy of Arts, published by the Imperial Academy of Arts, edited by A.I. Somov. Vol. III, issue 1, St. Petersburg, 1885. P. 76 – 94.

20. Frolov V.A. St. Petersburg Mosaic. City – Dynasty – Culture. St. Petersburg: Russian Institute of Art History, 2006. 255 p.

21. Frolov V.A. The Language of Mosaics. Artist and City. Collection of Articles. Comp. M. L. Terekhovich. Moscow: Sov. Artist, 1988. P. 336 – 347.

22. Khoshev A.Yu. The Imperial Academy of Arts and the First Competition for the Best Architectural Design of the Church of St. Sava in Belgrade: 1904-1906. Vlast. 2024. Vol. 32. No. 4. P. 224 – 234.

23. Khoshev A.Yu. Construction of the Church of St. Savva in Belgrade: experience of interaction between the Church and society within the framework of one project of national significance. Power. 2024. T. 32. No. 2. P. 203 – 211.

24. Church of St. Sava. comp. V. Roganovic, M. Stefanovic-Banovic; lane M. Todic, D. Plodnik. Belgrade: Ed. Church of St. Sava, 2021. 235 p.

25. Chavot P. Églises de Paris. Paris: Arthaud, 2002. 191 p.

26. Ignjatović A. U srpsko-vizantijskom kaleidoskopu: arhitektura, nacionalizam i imperijalna imaginacija 1878-1941. Beograd: Orion art, Arhitektonski faculty. 2016. 845 p.

27. La basilica di San Marco in Venezia illustrata nella storia e nell'arte da scrittori veneziani sotto la direzione di Camillo Boito. Venezia. Ed. Ferdinando Ongania. 1881. 488 p.

28. Mitropolit Amfilohije sa zvaničnom delegacijom iz Rusije. IAB. F. "Legate of Vojislav Milovanovic."

Информация об авторе

Хошев А.Ю., кандидат технических наук, доцент, Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноап. Кирилла и Мефодия, ocad.khoshev@patriarchia.ru

© Хошев А.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(430):329
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-93-103

Программные установки и партийная идентичность немецких христианско-демократических партий

[1] *Чельцов Б.В.,*
[1] *Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: цель статьи – выявить, каким образом программные установки ХДС/ХСС отражали и формировали институциональную партийную идентичность немецкой христианской демократии в послевоенной истории ФРГ. Материалом исследования выступают программные и установочные документы ХДС и ХСС 1945-2016 гг., электоральные данные и современные исследования партийной системы Германии; материалы 2023-2025 гг. используются как актуализирующий постскриптум. Методологическую основу составляют историко-генетический, историко-сравнительный и проблемно-хронологический подходы. Единицей анализа являются повторяющиеся программные формулы и смысловые категории, через которые ХДС/ХСС описывал собственную политическую роль, ценностные основания и адресата партийного представительства. В статье показано, что ранняя идентичность ХДС/ХСС формировалась как межконфессиональная и антирадикальная модель; программные документы закрепляли свободу, солидарность, социальную рыночную экономику, федерализм и субсидиарность; последующая модернизация расширяла модель Volkspartei при сохранении ценностного ядра. Делается вывод, что устойчивость блока была связана не с неизменностью идеологических установок, а с их последовательной программной переработкой. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его выводы при изучении партийной системы ФРГ, политической истории Германии и эволюции европейских христианско-демократических партий.

Ключевые слова: Германия, ХДС/ХСС, христианская демократия, партийная идентичность, партийные программы, Volkspartei, социальная рыночная экономика, политические партии

Для цитирования: *Чельцов Б.В. Программные установки и партийная идентичность немецких христианско-демократических партий // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 93 – 103. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-93-103*

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Programmatic guidelines and party identity of German Christian democratic parties

[1] *Cheltsov B.V.,*
[1] *Moscow Pedagogical State University*

Abstract: the purpose of the article is to identify how the programmatic guidelines of the CDU/CSU reflected and shaped the institutional party identity of German Christian democracy in the post-war history of the Federal Republic of Germany. The study is based on programmatic and foundational documents of the CDU and CSU from 1945 to 2016, electoral data, and recent studies of the German party system; materials from 2023–2025 are used as

an updating postscript. The methodological framework combines historical-genetic, comparative-historical, and problem-chronological approaches. The unit of analysis is recurring programmatic formulas and semantic categories through which the CDU/CSU described its political role, value foundations, and addressee of party representation. The article shows that the early identity of the CDU/CSU developed as an interdenominational and anti-radical model; party documents established freedom, solidarity, the social market economy, federalism, and subsidiarity; subsequent modernization expanded the Volkspartei model while preserving the value core. The article concludes that the bloc's stability was based not on the immutability of ideological principles, but on their consistent programmatic reworking. The practical significance of the study lies in the possibility of using its conclusions in the study of the German party system, the political history of Germany, and the evolution of European Christian democratic parties.

Keywords: Germany, CDU/CSU, Christian democracy, party identity, party programs, Volkspartei, social market economy, political parties

For citation: *Cheltsov B.V. Programmatic guidelines and party identity of German Christian democratic parties. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 93 – 103. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-93-103*

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 5, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

История христианско-демократического движения в ФРГ показывает, как в послевоенной Европе менялись механизмы партийного представительства и удержания массовой поддержки. С момента образования ФРГ блок ХДС/ХСС занимал одно из центральных мест в партийной системе страны. Его устойчивость опиралась на организационный ресурс, электоральную эффективность и ценностную модель, соединявшую христианскую антропологию, социальную рыночную экономику, федерализм, субсидиарность и представление о Volkspartei как «народной партии» широкого общественного представительства [13, с. 4-10; 20, с. 7-10].

Актуальность темы связана с кризисом традиционных массовых партий, фрагментацией партийных систем и ослаблением прежних социально-конфессиональных связей между партиями и избирателями [13, с. 4-10; 14, с. 18-32; 15, с. 42-54; 16, с. 14-32; 20, с. 109-118; 24, p. 39-46; 25, p. 10-17]. Для ХДС/ХСС это особенно важно: блок претендовал на роль интегративной силы правого центра, а эволюция его программных установок отражала длительную адаптацию христианско-демократической идентичности к условиям электоральной конкуренции.

Программные документы ХДС и ХСС позволяют проследить этот процесс как историю институционального партийного самоописания. В них закреплялись представления о человеке, обществе, государстве, экономике, социальной ответственности и границах политического компромисса. Через этот язык христианско-демократическая идентичность формировалась и перерабатывалась в условиях послевоенного восстановления, объединения Германии, секуляризации и усложнения партийной конкуренции. Поэтому программные установки рассматриваются не как набор лозунгов, а как механизм согласования ценностной преемственности и электоральной адаптивности. Такой подход позволяет увидеть, какие элементы партийного самоописания сохранялись на протяжении десятилетий, а какие переводились в новый политический язык под влиянием социальных изменений и электоральной конкуренции.

В современной историографии христианская демократия рассматривается в контексте политической культуры ФРГ, кризиса представительства, трансформации массовых партий и изменения конфликтных линий демократического процесса [23, p. 32-38; 25, p. 10-17; 29, p. 4-11; 30, p. 12-17]. Для данной статьи особенно важны работы о фрагментации партийного ландшафта, ослаблении традиционных Volksparteien и изменении условий межпартийной конкуренции [24, p. 39-46; 25, p. 10-17].

В англо-американской политической науке христианская демократия включается в более широкие модели партийного развития. Особое значение имеет концепция catch-all party О. Кирххаймера, связывавшая развитие таких партий с расширением социальной базы и смещением акцента с идейной мобилизации на электоральную эффективность [28, p. 190]. Для анализа ХДС/ХСС эта концепция важна, поскольку немецкая христианская демократия с самого начала стремилась выйти за пределы узкоконфессионального представительства. В дальнейшем эта проблематика получила развитие в теории картельных партий Р. Каца и П. Мэйра [27, p. 5-8]. В статье эти подходы используются как теоретический фон для исторического анализа программного языка ХДС/ХСС.

В российской историографии опорными являются исследование С.Л. Сокольского об идеологических и институциональных основах ХДС [19], а также работы Н.В. Павлова, В.Б. Белова и Е.П. Тимошенковой о партийной системе ФРГ, канцлерстве А. Меркель и партийно-политическом ландшафте после ее ухода [13, с. 4-10; 14, с. 18-32; 15, с. 42-54; 16, с. 14-32; 18, с. 22-35; 20, с. 7-10, 127-134].

При этом недостаточно раскрыт вопрос о том, как программные документы ХДС/ХСС обеспечивали преемственность ценностного ядра в условиях изменения социального и электорального контекста. В центре внимания статьи находятся не отдельные положения программ, а механизм, с помощью которого программный язык поддерживал ценностную преемственность и политическую адаптацию блока.

Исследовательский вопрос статьи состоит в том, как программные установки христианско-демократических партий Германии отражали и формировали институциональную идентичность блока ХДС/ХСС. Цель исследования – выявить механизмы трансформации и воспроизводства этой идентичности на основе ключевых программных документов. Для этого необходимо определить рабочее понимание партийной идентичности, выявить базовые ценностные установки ранних программ, проследить эволюцию программного дискурса и показать связь между моделью Volkspartei и устойчивостью блока в партийной системе ФРГ.

Научная новизна исследования заключается в трактовке программных документов ХДС/ХСС как механизма формирования, воспроизводства и адаптации партийной идентичности. Такой подход позволяет рассматривать немецкую христианскую демократию как адаптивную модель Volkspartei, сохранявшую базовые элементы самоописания при постоянной переработке идеологических установок.

Материалы и методы исследований

Источниковую основу статьи составляют программные и установочные документы ХДС и ХСС 1945-2016 гг.: призыв берлинского учредительного круга ХДС 1945 г., Аленская программа 1947 г., Дюссельдорфские руководящие принципы 1949 г., Берлинская программа 1968 г., базовые программы ХДС 1978, 1994 и 2007 гг., а также базовые программы ХСС 1946 и 2016 гг. [2-10]. Для соотнесения программной эволюции с положением блока в партийной системе используются электоральные данные Landtag Nordrhein-Westfalen и Die Bundeswahlleiterin [1; 11; 12].

Историографическую и теоретическую основу составляют работы по истории ХДС/ХСС, партийной системе ФРГ, кризису Volksparteien и трансформации партийного представительства [13, с. 4-10; 14, с. 18-32; 15, с. 42-54; 16, с. 14-32; 20, с. 7-10, 109-118, 127-134; 24, p. 39-46; 25, p. 10-17; 26, p. 5-7; 27, p. 5-8; 28, p. 190; 29, p. 4-11; 30, p. 12-17]. Материалы 2023-2025 гг. используются как актуализирующий постскриптум к проблеме программного самоопределения ХДС/ХСС после меркелевского этапа.

Методологическую основу исследования составляют историко-генетический, историко-сравнительный и проблемно-хронологический подходы. Историко-генетический подход позволяет проследить происхождение христианско-демократической идентичности в условиях послевоенного восстановления и преодоления узкоконфессиональной политики. Историко-сравнительный подход используется для сопоставления программных документов разных периодов и выявления устойчивых смысловых категорий. Проблемно-хронологический подход позволяет рассмотреть эволюцию ХДС/ХСС как процесс, связанный с формированием ФРГ, институционализацией социальной рыночной экономики, объединением Германии, канцлерством А. Меркель и кризисом модели Volkspartei.

Единицей анализа выступают повторяющиеся программные формулы и смысловые категории, через которые ХДС/ХСС описывал собственную политическую роль, ценностные основания и адресата представительства. В центре внимания находятся категории свободы, солидарности, социальной рыночной экономики, субсидиарности, ответственности, христианской антропологии и Volkspartei как элементы институционального самоописания [3, p. 15-19; 5, p. 26-31; 7, p. 2, 15-20; 8, p. 1, 3-8, 22-25; 27, p. 5-8; 28, p. 190]. Они рассматриваются с точки зрения их функции в общей логике партийной адаптации.

Хронологически исследование охватывает формирование христианско-демократических партий в 1945-1949 гг., программную институционализацию ХДС в 1960-1970-е гг., адаптацию к условиям объединенной Германии, трансформацию модели Volkspartei в начале XXI в. и краткую актуализацию проблемы в постмеркелевский период. Такая периодизация позволяет рассматривать программные документы не как изолированные тексты отдельных кампаний, а как часть длительной истории немецкой христианской демократии.

Результаты и обсуждения

Партийная идентичность ХДС/ХСС складывалась как межконфессиональная и антирадикальная модель политического представительства. Само понятие «союз» отражало исходную установку новой партии: преодолеть замкнутость конфессиональной политики и объединить разные социальные, региональные и мировоззренческие группы вокруг проекта демократического восстановления Германии. Ранняя христианская демократия стремилась не восстановить прежнее политическое представительство католиков, а создать широкую демократическую платформу правого центра, дистанцированную от национал-социалистического прошлого и социалистической модели развития.

ХДС и ХСС опирались на традиции бывшей католической партии Центра (Deutsche Zentrumspartei), но после 1945 г. не стремились воспроизвести ее прежнюю модель. С.Л. Сокольский отмечал, что после крушения Третьего рейха церковь оставалась одним из немногих институтов, сохранивших организацию и кадры, что создавало предпосылки для быстрого формирования массовой базы христианской партии [19, с. 6]. Однако церковная среда стала ресурсом политического расширения, а не основанием для узкоконфессиональной замкнутости. Христианская риторика обеспечивала моральную дистанцию от тоталитарного опыта, задавала язык ответственности и солидарности, а также позволяла объединять католиков и протестантов в рамках единого политического проекта.

Партийная идентичность понимается в статье как институциональное самоописание партии: система ценностных формул, программных понятий и политических практик, через которые партия определяет собственное место в обществе и предлагает избирателю образ политической принадлежности [17, с. 695-696; 21, с. 31-32]. Применительно к ХДС/ХСС этот механизм проявлялся прежде всего в программном языке: через программы партия определяла, кого она представляет, какие ценности считает исходными и как связывает их с государством, экономикой и социальной ответственностью.

Исходные принципы послевоенной христианско-демократической идентичности были обозначены уже в «Призыве к немецкому народу» от 26 июня 1945 г. [4]. Этот текст задавал рамку будущего самоопределения ХДС. Р.Т. Баус выделяет в нем три мотива: христианскую ориентированность политической жизни, стремление предоставить политический дом демократическим и консервативным кругам, а также приверженность демократическому обновлению Германии [22]. Уже здесь христианская демократия описывалась не как реставрационный проект, а как попытка нового демократического начала, связанного с правовым порядком, достоинством личности и ответственностью.

Опора на церковные структуры усиливала легитимацию новой партии: религиозный язык в послевоенной Германии воспринимался как моральный ресурс. Одновременно ХДС строился как межконфессиональный союз: партия апеллировала к христианским ценностям, но не отождествляла себя с конкретной религиозной организацией. Присутствие католиков и протестантов в руководстве стало одной из предпосылок превращения ХДС в широкую западногерманскую Volkspartei [19, с. 6; 20, с. 7-10].

ХСС с первых лет существования не был простым баварским филиалом ХДС. Если ХДС формировал общефедеральную межконфессиональную идентичность, то ХСС соединял христианско-демократические ценности с баварским политическим самосознанием. В ранних программных документах партия подчеркивала, что была «основана в Баварии» и действует «в сознании своей ответственности перед Богом и народом» [9, p. 1] (пер. автора), а позднее называла себя «современной народной партией» и «баварской партией», связывая политическое действие с Баварией, Германией и Европой [10, p. 1-2] (пер. автора). Так внутри блока сложилась двухуровневая модель идентичности: общефедеральная у ХДС и региональноконсервативная у ХСС.

Следовательно, ранняя идентичность ХДС/ХСС была интегративной: христианская основа использовалась как язык демократической легитимации и расширения социальной базы, а не как средство конфессионального самоограничения. Блок не отказывался от религиозно-нравственного основания, но переводил его в язык демократического представительства, социальной ответственности и институционального восстановления.

Ранние программные документы ХДС/ХСС закрепили ценностное ядро партийного самоописания: свободу, солидарность, социальную ответственность, федерализм, субсидиарность и христианское представление о человеке. Эти категории соединяли консервативное понимание ценностей, либеральную установку на политическую свободу и социальный принцип в экономике, позволяя блоку утверждаться в качестве Volkspartei [24, p. 39-46; 28, p. 190]. Они образовывали целостный язык, с помощью которого партия связывала восстановление демократии с хозяйственным порядком, социальную защиту – с ответственностью личности, а федерализм – с недоверием к чрезмерной централизации власти.

Первой важной вехой стала «Аленская экономическая и социальная программа ХДС» 1947 г. [3, p. 15-19]. В центре документа находились экономическое положение Германии и необходимость реформирования хозяйственной системы. «При всех реформах немецкой экономики, – подчеркивалось в Аленской программе, – первой и важнейшей целью должно быть благо всего народа» [3, p. 19] (пер. автора). Экономическая политика здесь рассматривалась не как техническая сфера управления, а как пространство восстановления социальной справедливости и общественного доверия. В документе критиковались социализационные проекты и картелизация экономики национал-социалистического периода. В то же время программа связывала хозяйственное устройство с политической свободой: «Свобода личности в экономической сфере и свобода в политической сфере тесно связаны» [3, p. 15] (пер. автора). Так была задана важная для ХДС формула: экономика, свобода, социальная ответственность и демократический порядок.

Электоральный контекст подтверждает политическую значимость этого самоопределения. На выборах земли Северный Рейн-Вестфалия в 1947 г. партия набрала 37,5 % голосов; благодаря сверхмандатам ее доля мест в ландтаге выросла до 42,6 % [1]. Этот результат показывает востребованность христианско-демократического проекта, предлагавшего восстановление политической субъектности, отказ от радикализма и социально ориентированную экономическую программу.

Следующим шагом стали «Дюссельдорфские руководящие принципы» 1949 г. [5, p. 26-31]. Документ закрепил социальную рыночную экономику как базовый элемент христианско-демократической идентичности: рынок рассматривался как основа восстановления, но не как социально безответственная стихия. Эта модель противопоставлялась плановому хозяйству и одновременно соединяла свободу предпринимательства, социальную защиту и государственную ответственность [5, p. 26-31, 40-43]. Социальная рыночная экономика стала не только экономической доктриной, но и символом демократической нормализации ФРГ: она позволяла объединить свободу предпринимательства, социальную защиту и ответственность государства в единой системе координат. На первых демократических выборах в ФРГ блок ХДС/ХСС получил 31 % голосов [11], что позволило сформировать коалиционное правительство во главе с Конрадом Аденауэром.

К моменту основания ФРГ программная идентичность ХДС/ХСС приобрела устойчивые признаки: христианскую антропологию, демократическое восстановление, дистанцирование от национал-социалистического прошлого и социалистической плановой модели, а также социальную рыночную экономику как альтернативу нерегулируемому экономическому либерализму и административно-командному планированию.

Социальная рыночная экономика выполняла двойную функцию: задавала хозяйственную модель восстановления и становилась элементом партийного самоописания, отличавшим ХДС/ХСС от социалистического планирования и нерегулируемого экономического либерализма. Через эту модель партия переводила христианско-демократическую идею ответственности в язык практической политики, сочетая рыночную свободу, социальную защиту и нравственные пределы экономического эгоизма.

В 1960-1990-е гг. программные документы ХДС/ХСС фиксировали модернизацию ценностного ядра. «Берлинская программа» 1968 г. закрепила более структурированный формат партийного текста и сохраняла антитоталитарную линию [2, p. 73, 95]. Одновременно сама потребность в обновленной программе показывала: послевоенный язык восстановления уже не описывал новые социальные реалии – экономический рост, урбанизацию, изменение образовательной структуры и расширение гражданских ожиданий. Поэтому модернизация означала не отказ от исходных ценностей, а их перевод в язык более сложного общества.

На выборах 1969 г. блок ХДС/ХСС получил 46,1 % голосов, но уступил коалиции СДПГ и СвДП [12]. Оппозиционный период усилил работу ХДС над ценностным профилем и привел к базовой программе 1978 г., закрепившей христианские традиции, свободу, солидарность, справедливость и социальную рыночную экономику как модель, требующую адаптации к современным вызовам [8, p. 1, 3-8, 22-25]. Это означало переход от ситуативного послевоенного языка к более системной партийной идеологии.

Программа 1978 г. зафиксировала зрелый характер партийной идентичности ХДС: христианская демократия оформилась как традиция, способная описывать экономику, социальную политику, образование, федерализм и европейское развитие. Свобода, солидарность и справедливость выступали уже не только моральными ориентирами, но и универсальными категориями партийной политики. Такая эволюция соответствовала тенденции трансформации массовой интеграционной партии в catch-all party, ориентированную на расширение социальной базы и электоральной поддержки [28, p. 190]. В случае ХДС/ХСС расширение адресата не означало отказа от ценностной идентичности, но требовало более гибкого языка ее выражения.

Программа «Свобода в ответственности» 1994 г. была принята после объединения Германии и отражала необходимость переопределить задачи ХДС в новом общегерманском пространстве. Она усиливала либеральный акцент, расширяла социальную рыночную экономику экологическим измерением и включала общеевропейскую проблематику [6, p. 3, 13-15]. Прежний ценностный язык использовался для описания новой исторической ситуации: ответственность, свобода и солидарность получали не только внутриполитическое, но и общегерманское и общеевропейское измерение.

Программная модернизация строилась по логике расширения базовых ценностей: свобода связывалась с ответственностью личности, солидарность получала региональное, межпоколенческое и европейское измерение, а социальная рыночная экономика – экологическую, технологическую и интеграционную рамку. Блок ХДС/ХСС не отказывался от прежних понятий, но менял сферу их применения, сохраняя преемственность партийного самоописания.

Тем самым модернизация расширяла применимость исходных ценностей, сохраняя преемственность партийного самоописания.

В начале XXI в. проявились пределы адаптивной модели ХДС/ХСС. Базовая программа 2007 г. «Свобода и безопасность. Принципы для Германии» была принята в условиях изменения социальной структуры электората и усложнения конкуренции [7, p. 2, 15-20]. Характерно, что партия определяла себя как «народную партию центра» [7, p. 2] (пер. автора), соединяющую христианско-социальную, либеральную и консервативную традиции. Эта формула сохраняла преемственность с прежним пониманием Volkspartei, но одновременно показывала, что партия все чаще описывает себя через центризм, управляемость и способность соединять разные идейные компоненты. Если ранние программы подчеркивали восстановление демократии и социально-экономический порядок, то документ 2007 г. фиксировал необходимость действовать в обществе, где прежние конфессиональные и социальные привязки уже не обеспечивали автоматической электоральной устойчивости.

Тем самым логика Volkspartei проявлялась уже в более сложных условиях: ХДС не мог опираться только на традиционные социально-конфессиональные связи и должен был удерживать центр в условиях фрагментации партийной системы. Программная адаптация приобретала двойственный характер: расширяла электоральный охват, но создавала риск размывания отличительных признаков христианско-демократической идентичности.

В период канцлерства Ангелы Меркель эта модель помогла ХДС удерживать доминирующее положение и расширять пространство центристской политики [20, с. 127-134]. Управленческий центризм позволял блоку приспосабливаться к меняющимся ожиданиям и сохранять образ партии стабильности. Вместе с тем он сопровождался размыванием привычных линий партийной идентификации и ослаблением классического статуса Volkspartei [13, с. 4-10; 14, с. 18-32; 20, с. 109-118, 127-134; 24, p. 39-46; 25, p. 10-17]. Поэтому программа 2007 г. стала маркером перехода от конфессионально-ценностной модели к институционально-прагматической: ценностное ядро сохранялось, но все чаще выражалось через язык эффективности, безопасности, ответственности и умеренного центра.

Постмеркелевский период подтвердил сохранение проблемы самоопределения. В документальном томе Фонда Конрада Аденауэра, подготовленном в контексте дискуссии о новом Grundsatzprogramm der CDU, подчеркивалась необходимость заново определить соотношение христианско-социального, либерального и консервативного начал; там же фиксировались размывание профиля партии и дефицит программного ядра [26, p. 5-7]. Современные исследования также отмечают фрагментацию и поляризацию, ограничивающие возможности прежней модели Volkspartei [14, с. 18-32; 15, с. 42-54; 16, с. 14-32; 25, p. 10-17].

Таким образом, программные установки ХДС/ХСС не были неизменным набором идеологических формул. Они служили механизмом исторической адаптации: партия сохраняла базовые элементы идентичности и переводила их в язык социальной рыночной экономики, ответственности, безопасности, европейской интеграции, центризма и управляемости. Но чем шире становился этот язык, тем труднее было сохранять отчетливый профиль в условиях секуляризации, фрагментации электората и роста конкуренции справа. В этом проявлялась внутренняя логика кризиса Volkspartei: способность к интеграции оставалась источником силы, но одновременно уменьшала различимость партии на фоне конкурентов. Поэтому речь идет не о простой утрате идентичности, а о напряжении между задачей электорального расширения и необходимостью сохранять узнаваемый ценностный профиль.

Так проявилось противоречие модели Volkspartei: расширение центристского языка затрудняло сохранение отчетливого идейного профиля.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что программные установки ХДС/ХСС выполняли двойную функцию. Они служили инструментом политической мобилизации и одновременно закрепляли устойчивый язык партийного самоописания, через который немецкая христианская демократия определяла собственное понимание человека, общества, государства, экономики и социальной ответственности.

Ранняя идентичность ХДС/ХСС сложилась как межконфессиональная и антирадикальная модель политического представительства. Христианско-демократический проект использовал организационные и ценностные ресурсы конфессиональной среды, но не сводился к продолжению довоенного политического католицизма. Его устойчивость обеспечивалась способностью соединять общефедеральную стратегию ХДС с регионально-баварской спецификой ХСС.

В программных документах послевоенного периода были институционализированы базовые элементы христианско-демократического ценностного ядра: свобода, солидарность, социальная ответственность, социальная рыночная экономика, федерализм и субсидиарность. Эти категории позволяли блоку дистанцироваться от национал-социалистического прошлого, противостоять социалистической плановой модели и предлагать собственный проект демократического восстановления ФРГ.

Дальнейшая эволюция программ ХДС/ХСС во второй половине XX в. свидетельствовала о расширении, а не об утрате христианско-демократической идентичности. Программы 1968, 1978 и 1994 гг. адаптировали прежние ценности к условиям зрелого западногерманского общества, оппозиционного опыта, объединения Германии, европейской интеграции и усложнения социальной структуры. Благодаря этому программная модернизация стала одним из механизмов сохранения модели Volkspartei.

В начале XXI в. проявились пределы этой адаптации. Программа 2007 г. и меркелевский этап показали эффективность институционально-прагматической модели, ориентированной на центр, стабильность и управляемость. Вместе с тем расширение программного языка ослабляло отчетливость идейного профиля ХДС/ХСС. Постмеркелевский период подтвердил, что баланс между христианско-социальной, либеральной и консервативной составляющими остается для блока ключевым политическим вызовом. Поэтому проблема партийной идентичности ХДС/ХСС заключается не в отсутствии ценностного ядра, а в сложности его современного политического выражения.

Таким образом, устойчивость ХДС/ХСС в послевоенной истории ФРГ определялась не неизменностью идеологических установок, а их последовательной программной переработкой при сохранении базовых элементов партийного самоописания. Программная эволюция блока показывает, что адаптация христианско-демократической идеологии к условиям электорального процесса осуществлялась через изменение языка ее политического выражения. В этом сочетании преемственности и адаптивности проявилась специфика немецкой христианской демократии как одной из наиболее устойчивых, но внутренне противоречивых моделей европейской Volkspartei.

Список источников

1. 1947 – Die erste Landtagswahl // Landtag Nordrhein-Westfalen [Электронный ресурс]. URL: https://www.landtag.nrw.de/home/der-landtag/geschichte-des-landtags/zur-geschichte-des-landes-nrw/1947---die-erste-landtagswahl.html (дата обращения: 23.03.2026)

2. Das Berliner Programm (CDU Deutschlands) // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/DasBBerlinerBProgrammBversion=1.1&t=1685619821819 (дата обращения: 23.03.2026)

3. CDU überwindet Kapitalismus und Marxismus: Das Ahlener Wirtschafts- und Sozialprogramm der CDU und die grundlegenden Anträge der CDU im Landtag von Nordrhein-Westfalen [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Das+Ahlener+Wirtschafts-+und+Sozialprogramm+der+CDU (дата обращения: 23.03.2026)

4. Deutsches Volk! Christlich-Demokratische Union Deutschlands. 26. Juni 1945 // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Aufruf+des+Berliner+CDU-Gründerkreises (дата обращения: 23.03.2026)

5. Düsseldorfer Leitsätze über Wirtschaftspolitik, Landwirtschaftspolitik, Sozialpolitik, Wohnungsbau. 15. Juli 1949 (CDU Deutschlands) // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Düsseldorfer+Leitsätze (дата обращения: 23.03.2026)

6. Freiheit in Verantwortung. Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands. Beschlossen vom 5. Parteitag, Hamburg, 20-23. Februar 1994 // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Freiheit+in+Verantwortung+-+Grundsatzprogramm+der+Christlich-Demokratischen+Union (дата обращения: 23.03.2026)

7. Freiheit und Sicherheit. Grundsätze für Deutschland. Beschlossen vom 21. Parteitag, Hannover, 3-4. Dezember 2007 // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Freiheit+und+Sicherheit.+Grundsätze+für+Deutschland+-+Das+Grundsatzprogramm (дата обращения: 23.03.2026)

8. Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands. Verabschiedet auf dem 26. Bundesparteitag, Ludwigshafen, 23-25. Oktober 1978 // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Grundsatzprogramm+der+Christlich-Demokratischen+Union+Deutschlands (дата обращения: 23.03.2026)

9. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union in Bayern. Beschlossen am 14./15. Dezember 1946 in Eichstätt [Электронный ресурс]. URL: https://www.hss.de/fileadmin/migration/downloads/Grundsatzprogramm_1946.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

10. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union. Beschluss des CSU-Parteitags am 5. November 2016 in München [Электронный ресурс]. URL: https://www.hss.de/fileadmin/user_upload/HSS/Dokumente/ACSP/Grundsatzprogramme/CSU_Grundsatzprogramm_2016.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

11. Wahl zum 1. Deutschen Bundestag am 14. August 1949 // Die Bundeswahlleiterin [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/1949.html (дата обращения: 23.03.2026)

12. Wahl zum 6. Deutschen Bundestag am 28. September 1969 // Die Bundeswahlleiterin [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/1969.html (дата обращения: 23.03.2026)

13. Белов В.Б. Актуальные партийно-политические тенденции в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 4 (10). С. 4 – 10. DOI: 10.15211/vestnikieran42019410. [Электронный ресурс]. URL: https://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Belov42019.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

14. Белов В.Б. Турбулентность партийно-политической жизни Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 4. С. 18 – 32. DOI: 10.15211/vestnikieran420231832. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/4-2023/Belov42023.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

15. Белов В.Б. Партийно-политический ландшафт Германии после выборов в Европарламент // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 3 (39). С. 42 – 54. DOI: 10.15211/vestnikieran320244254. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/3-2024/Belov32024.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

16. Белов В.Б. Партийно-политический ландшафт на фоне европейских и земельных выборов и развала «светофорной» коалиции // Германия. 2024 / отв. ред. В.Б. Белов. Москва: Институт Европы Российской академии наук, 2025. С. 14 – 32. DOI: 10.15211/report12025_418. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/418.pdf (дата обращения: 26.04.2026)

17. Леонтьев Д.А., Савельева О.О. Идентичность // Большая российская энциклопедия: в 30-ти т. / ред. Ю.С. Осипов. Москва: Большая российская энциклопедия, 2008. Т. 10. С. 695 – 696. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174 (дата обращения: 23.03.2026)

18. Павлов Н.В. Германия после Меркель (ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 22 – 35. [Электронный ресурс]. URL: https://www.politstudies.ru/article/5587 (дата обращения: 23.03.2026)

19. Сокольский С.Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. Москва: Наука, 1983. 264 с.

20. Тимошенкова Е.П. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005-2017 гг.): монография. Москва: Институт Европы Российской академии наук, 2020. 148 с. (Доклады Института Европы; № 369). DOI: 10.15211/report22020_369. [Электронный ресурс]. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/369.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

21. Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общая ред. и предисл. А.В. Толстых. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

22. Baus R.T. Gründungsaufruf der CDU in Berlin // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/de/web/geschichte-der-cdu/kalender/kalender-detail/-/content/gruendungsaufruf-der-cdu-in-berlin (дата обращения: 26.04.2026)

23. Manow P. Repräsentative Politik zwischen Demokratisierung und Entdemokratisierung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. № 26-27. P. 32 – 38. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (дата обращения: 16.04.2026)

24. Jesse E. Krise (und Ende?) der Volksparteien. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. № 26-27. P. 39 – 46. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

25. Jun U. Das Parteiensystem im Zeichen zunehmender Fragmentierung und Polarisierung. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2025. Jg. 75. H. 27-28. P. 10 – 17. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/parteiendemokratie-2025/563416/das-parteiensystem-im-zeichen-zunehmender-fragmentierung-und-polarisierung/ (дата обращения: 26.04.2026)

26. Konrad-Adenauer-Stiftung. Christlich-Sozial? Liberal? Konservativ? Die CDU zwischen gestern und morgen: Dokumentation und Quellen zur Tagung am 23. Juni 2022 in Berlin. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e. V., 2023. 156 p. ISBN 978-3-98574-119-9. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kas.de/documents/259803/7581390/Christlich-SozialBLiberalBKonservativBPDF29.pdf/fecaa815-d3d5-80aa-1ba5-222f45736937?t=1675869695852 (дата обращения: 26.04.2026)

27. Katz R.S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 5 – 28. [Электронный ресурс]. URL: https://politicacomparata.files.wordpress.com/2011/03/katz-and-mair-1995-changing-models-of-party-organization.pdf (дата обращения: 23.03.2026)

28. Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems // Political Parties and Political Development / ed. by J. LaPalombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 177 – 200. DOI: 10.1515/9781400875337-007. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1515/9781400875337-007 (дата обращения: 16.04.2026)

29. Merkel W. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. № 26-27. P. 4 – 11. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (дата обращения: 16.04.2026)

30. Müller J.-W. Gefährdet „Identitätspolitik“ die liberale Demokratie? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. № 26-27. P. 12 – 17. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (дата обращения: 16.04.2026)

References

1. 1947 – Die erste Landtagswahl. Landtag Nordrhein-Westfalen [Electronic resource]. URL: https://www.landtag.nrw.de/home/der-landtag/geschichte-des-landtags/zur-geschichte-des-landes-nrw/1947-die-erste-landtagswahl.html (date of access: 23.03.2026)

2. Das Berliner Programm (CDU Deutschlands). Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/DasBBerlinerBProgrammBversion=1.1&t=1685619821819 (date of access: 23.03.2026)

3. CDU überwindet Kapitalismus und Marxismus: Das Ahlener Wirtschafts- und Sozialprogramm der CDU und die grundlegenden Anträge der CDU im Landtag von Nordrhein-Westfalen [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Das+Ahlener+Wirtschafts-+und+Sozialprogramm+der+CDU (date of access: 23.03.2026)

4. Deutsches Volk! Christlich-Demokratische Union Deutschlands. 26. Juni 1945. Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Aufruf+des+Berliner+CDU-Gründerkreises (date of access: 23.03.2026)

5. Düsseldorfer Leitsätze über Wirtschaftspolitik, Landwirtschaftspolitik, Sozialpolitik, Wohnungsbau. 15. Juli 1949 (CDU Deutschlands). Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Düsseldorfer+Leitsätze (date of access: 23.03.2026)

6. Freiheit in Verantwortung. Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands. Beschlossen vom 5. Parteitag, Hamburg, 20-23. Februar 1994. Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Freiheit+in+Verantwortung+-+Grundsatzprogramm+der+Christlich-Demokratischen+Union (date of access: 23.03.2026)

7. Freiheit und Sicherheit. Grundsätze für Deutschland. Beschlossen vom 21. Parteitag, Hannover, 3-4. Dezember 2007. Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Freiheit+und+Sicherheit.+Grundsätze+für+Deutschland+-+Das+Grundsatzprogramm (date of access: 23.03.2026)

8. Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands. Verabschiedet auf dem 26. Bundesparteitag, Ludwigshafen, 23-25. Oktober 1978. Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/Grundsatzprogramm+der+Christlich-Demokratischen+Union+Deutschlands (date of access: 23.03.2026)

9. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union in Bayern. Beschlossen am 14./15. December 1946 in Eichstätt [Electronic resource]. URL: https://www.hss.de/fileadmin/migration/downloads/Grundsatzprogramm_1946.pdf (date of access: 23.03.2026)

10. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union. Beschluss des CSU-Parteitags am 5. November 2016 in München [Electronic resource]. URL: https://www.hss.de/fileadmin/user_upload/HSS/Dokumente/ACSP/Grundsatzprogramme/CSU_Grundsatzprogramm_2016.pdf (date of access: 23.03.2026)

11. Wahl zum 1. Deutsche Bundestag am 14. August 1949. Die Bundeswahlleiterin [Electronic resource]. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/1949.html (date of access: 23.03.2026)

12. Wahl zum 6. Deutsche Bundestag am 28. September 1969. Die Bundeswahlleiterin [Electronic resource]. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/1969.html (date of access: 23.03.2026)

13. Belov V.B. Current party-political trends in Germany. Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 4 (10). P. 4 – 10. DOI: 10.15211/vestnikieran42019410. [Electronic resource]. URL: https://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Belov42019.pdf (date of access: 23.03.2026)

14. Belov V.B. Turbulence of party-political life in Germany. Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 4. P. 18 – 32. DOI: 10.15211/vestnikieran420231832. [Electronic resource]. URL: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/4-2023/Belov42023.pdf (date of access: 23.03.2026)

15. Belov V.B. Party and Political Landscape of Germany after the Elections to the European Parliament. Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 3 (39). P. 42 – 54. DOI: 10.15211/vestnikieran320244254. [Electronic resource]. URL: http://www.vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/3-2024/Belov32024.pdf (date of access: 23.03.2026)

16. Belov V.B. Party-political landscape against the backdrop of European and state elections and the collapse of the "traffic light" coalition. Germany. 2024. ed. V.B. Belov. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2025. P. 14 – 32. DOI: 10.15211/report12025_418. [Electronic resource]. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/418.pdf (date of access: 26.04.2026)

17. Leontyev D.A., Savelyeva O.O. Identity. The Great Russian Encyclopedia: in 30 volumes. ed. Yu. S. Osipov. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 2008. Vol. 10. P. 695 – 696. [Electronic resource]. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174 (date of access: 23.03.2026)

18. Pavlov N.V. Germany after Merkel (should we expect changes in Germany's foreign policy?). Politics. Political Studies. 2019. No. 6. P. 22 – 35. [Electronic resource]. URL: https://www.politstudies.ru/article/5587 (date of access: 23.03.2026)

19. Sokolsky S.L. Christian Democratic Union of Germany: Sociology and Politics. Moscow: Nauka, 1983. 264 p.

20. Timoshenkova E.P. Party and Political System of Germany during A. Merkel's Chancellorship (2005-2017): Monograph. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2020. 148 p. (Reports of the Institute of Europe; No. 369). DOI: 10.15211/report22020_369. [Electronic resource]. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/369.pdf (date of access: 23.03.2026)

21. Erikson E. G. Identity: Youth and Crisis: trans. from English. general editor and foreword by A.V. Tolstoy. Moscow: Progress Publishing Group, 1996. 344 p.

22. Baus R.T. Gründungsaufruf der CDU in Berlin. Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/de/web/geschichte-der-cdu/kalender/kalender-detail/-/content/gruendungsaufruf-der-cdu-in-berlin (date of access: 26.04.2026)

23. Manow P. Repräsentative Politik zwischen Demokratisierung und Entdemokratisierung. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. No. 26-27. P. 32 – 38. [Electronic resource]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (date of access: 16.04.2026)

24. Jesse E. Krise (und Ende?) der Volksparteien. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. No. 26-27. P. 39 – 46. [Electronic resource]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (date of access: 26.04.2026)

25. Jun U. Das Parteiensystem im Zeichen zunehmender Fragmentierung und Polarisierung. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2025.Jg. 75. H. 27-28. P. 10 – 17. [Electronic resource]. URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/parteiendemokratie-2025/563416/das-parteiensystem-im-zeichen-zunehmender-fragmentierung-und-polarisierung/ (date of access: 26.04.2026)

26. Konrad-Adenauer-Stiftung. Christlich-Sozial? Liberal? Conservative? Die CDU zwischen gestern und morgen: Documentation und Quellen zur Tagung am 23. Juni 2022 in Berlin. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e. V., 2023. 156 p. ISBN 978-3-98574-119-9. [Electronic resource]. URL: https://www.kas.de/documents/259803/7581390/Christlich-SozialBLiberalBKonservativBPDF29.pdf/fecaa815-d3d5-80aa-1ba5-222f45736937?t=1675869695852 (date of access: 26.04.2026)

27. Katz R.S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party. Party Politics. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 5 – 28. [Electronic resource]. URL: https://politicacomparata.files.wordpress.com/2011/03/katz-and-mair-1995-changing-models-of-party-organization.pdf (date of access: 23.03.2026)

28. Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems. Political Parties and Political Development. ed. by J. LaPalombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 177 – 200. DOI: 10.1515/9781400875337-007. [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1515/9781400875337-007 (date of access: 16.04.2026)

29. Merkel W. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. No. 26-27. P. 4 – 11. [Electronic resource]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (date of access: 16.04.2026)

30. Müller J.-W. Gefährdet „Identitätspolitik“ die liberale Demokratie? Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021. No. 26-27. P. 12 – 17. [Electronic resource]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf (date of access: 16.04.2026)

Информация об авторе

Чельцов Б.В., аспирант, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1bars9696@mail.ru

© Чельцов Б.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-104-111

Сохранение русских образовательных традиций за рубежом: деятельность Донского Мариинского института в городе Белая Церковь (1920-1941 гг.)

[1, 2] Антонова Л.А.,
[1] Южный федеральный университет,
[2] Донская духовная семинария

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Донского Мариинского института за границей с 1920 по 1941 год. В данном исследовании на основе анализа архивных документов и воспоминаний выпускниц Донского Мариинского института, представлена информация о том, где располагался Институт после эвакуации из России в 1919 году, в каких условиях была продолжена образовательная деятельность, какие дисциплины составляли учебный план, кто преподавал, каковы были роль и функционал классных дам. Мы установили, что в эмиграции дореволюционная образовательная программа была дополнена занятиями по изучению сербского языка. Также, учитывая эмигрантский образ жизни, занятия по рукоделию стали более практико-ориентированными, ввели курсы кулинарии и курсы бухгалтерии для выпускниц, что позволяло в будущем самому себя обеспечивать.

Традиционная система воспитания сохранилась, важную роль отводили чтению, в Институте имелась богатая библиотека, воспитанницы знакомились с произведениями русской классической и иностранной литературы, учились музыке, танцам, рукоделию, пели в хоре. В основу воспитательного процесса было положено укрепление православной веры, преданность родине, любовь и уважение к труду, строгое исполнение своих обязанностей, закаленность как в физическом, так и нравственном отношении.

История Донского Мариинского института до 1919 года подробно изучена, имеются научные публикации, статьи и очерки. В данной статье собран фактический материал о деятельности Донского Мариинского института в эмиграции, что составляет научную новизну исследования.

Ключевые слова: эмиграция, Донской Мариинский институт, г. Белая Церковь, женское образование, русское зарубежье

Для цитирования: *Антонова Л.А. Сохранение русских образовательных традиций за рубежом: деятельность Донского Мариинского института в городе Белая Церковь (1920-1941 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 104 – 111. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-104-111*

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Preservation of Russian educational traditions abroad: the activities of the Don Mariinsky Institute in the city of Belaya Tserkov (1920-1941)

[1, 2] *Antonova L.A.,*
[1] *Southern Federal University,*
[2] *Don Theological Seminary*

Abstract: the article examines the activities of the Don Mariinsky Institute abroad from 1920 to 1941. Based on the analysis of archival documents and the memoirs of graduates of the Don Mariinsky Institute, this study provides information about the location of the Institute after its evacuation from Russia in 1919, the conditions under which educational activities continued, the subjects included in the curriculum, the teachers, and the role and functions of the class ladies. We have established that in exile, the pre-revolutionary educational program was supplemented with Serbian language classes. Also, given the emigrant lifestyle, the handicraft classes became more practice-oriented, and they introduced cooking courses and accounting courses for graduates, which allowed them to support themselves in the future.

The traditional education system was preserved, and reading was given an important role. The Institute had a rich library, and the students were introduced to Russian classical and and foreign literature, studied music, dancing, needlework, sang in the choir. The educational process was based on the strengthening of the Orthodox faith, devotion to the motherland, love and respect for work, strict fulfillment of one's duties, and physical and moral toughness.

The history of the Don Mariinsky Institute before 1919 has been studied in detail, there are scientific publications, articles and essays. This article contains factual material about the activities of the Don Mariinsky Institute in exile, which constitutes the scientific novelty of the study.

Keywords: emigration, Don Mariinsky Institute, Belaya Tserkov, women's education, Russian diaspora

For citation: *Antonova L.A. Preservation of Russian educational traditions abroad: the activities of the Don Mariinsky Institute in the city of Belaya Tserkov (1920-1941). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 104 – 111. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-104-111*

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 6, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Миллионы российских эмигрантов 20-30-х годов XX века вынуждены были обустраивать свою жизнь в новых реалиях, менять профессию, искать жилье, продолжать обучение. Тема адаптации вынужденных эмигрантов активно исследуется в научном сообществе, не менее важным является изучение судьбы конкретного учебного заведения в изгнании, каким, например, является Донской Мариинский институт. Как работала культурная и образовательная инфраструктура диаспоры, как учебные заведения помогали сохранять русскую идентичность, как выстраивали учебный процесс в чужих краях, как взаимодействовали с местными властями. Не менее важной является и повседневная жизнь воспитанниц, как выстраивалась система воспитания, как проводили досуг, решали хозяйственные вопросы. Ответы на все эти вопросы позволят заполнить пробелы в истории русского зарубежья. Ценность исследуемой темы еще в том, что многие архивные документы этого периода были утрачены, мало сохранилось источников, по крупицам собираются факты и составляется история Института за границей.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования стали архивные документы из фонда 6792 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Дело 390 содержит отчетные доклады, один от инспектора классов М.А. Павловского по обследованию Донского Мариинского Института 18 января 1921 год и второй от Правительственного уполномоченного по устройству русских беженцев в королевстве СХС (Д.П. Кишенский и И.О. Шатский) 17 января 1921 год [3]. Дело 391 содержит отчет о состоянии Донского Института к концу 1923-24 учебного года [4], дело 392 отчет о деятельности Института за июль 1935 года [4]. Дела 395-397, 401-402, 404-405 содержат информацию о классах и о списках учащихся Мариинского Донского института в период с 1928-1932 год, и с 1935-по 1941 год [6-7]. Дело номер 6 фонда 5780 позволило ознакомиться с отчетом

правительственного уполномоченного по устройству русских эмигрантов в королевстве сербов, хорватов и словенцев, в том числе и о первоначальной деятельности Донского Мариинского института [2].

Не мене ценными являются воспоминания и мемуары бывших воспитанниц, которые помогают восстановить картину быта, учебных будней, состояние эмоционального фона в стенах Института. Одним из ярких примеров такого источника является «Памятка Мариинского Донского института», изданная в 1975 году в городе Нью-Йорк [1]. Научные работы Кислицыной И.Г., Пономаревой В.В., Савчук Г.В., Чибисовой С.П., Живанович М., Яшиной М.А. и Худобородова А.Л. содержат информацию о деятельности Мариинского института до событий 1917-1919 гг. в России, эвакуации в 1919 году [9-12], размещении воспитанниц и сотрудников за границей и отношении местных властей [8], стремлении сохранить русскую культуру и русский язык в условиях эмиграции [13].

Методом исследования выступает – критический анализ источника. Достоверность информации (например, дата, указанная в воспоминаниях) проверяется в других документах, тем самым производится сопоставление данных из разных источников. Проблемно-хронологический подход позволил структурировать материал статьи по ключевым проблемам (какой оставалась учебная программа, преподавательский состав, система воспитания, условия быта, способ сохранения дореволюционных традиций) и изложить полученные данные в хронологической последовательности.

Результаты и обсуждения

Мариинский Донской Институт, или Донской Мариинский институт благородных девиц был открыт 22 июля 1853 года в городе Новочеркасске как первое женское среднее учебное заведение на Дону. Это было закрытое заведение для девушек из привилегированных сословий [9, с.90], сюда принимали дочерей дворян Войска Донского, а также служащих в Войске чиновников [10, с.119]. Революционные события 1917 года и Гражданская война в России прервали деятельность данного учебного заведения [11].

При приближении Красной армии к городу Новочеркасску, 22 декабря 1919 года Мариинский Донской Институт вынужден был прекратить учебную деятельность и оставить город, а вскоре и страну. После временной эвакуации в город Белград, весной 1920 года Институт переехал в сербский город Белая Церковь, на место своего постоянного жительства, в его распоряжение предоставили здание бывшей венгерской школы. В этом здании были пригодны для учебных занятий лишь две комнаты, поэтому пришлось соединить классы в четыре группы. Старшая группа включала 6 и 7 класс, средняя группа – 4 и 5 классы, младшая группа – 2 и 3 классы, и четвертая – воспитанниц 1 класса, которые занимались в столовой [3, л.2].

Прибытие Института в Белую Церковь было встречено местным сербским населением очень радушно, со стороны сербов было оказано много внимания и заботы [3, л. 29]. Поддержку оказали и власти страны, прежде всего Министерство просвещения. [8, с. 119]. Учащиеся и сотрудники Института в свою очередь принимали участие в жизни сербского общества, так, например, в торжественный день празднования объединения сербов, хорватов и словенцев на богослужении в сербской церкви присутствовали воспитанницы Института во главе с начальницей [3, л. 4а].

В новом 1920-1921 учебном году занятия возобновились 15 сентября, до этого времени ждали разрешения от властей Белграда о предоставлении Институту здания державной великой гимназии. Учебное время распределялось следующим образом – с 9 часов утра до 5 часов вечера, с часовым перерывом для обеда.

Мариинский Донской Институт (МДИ) в 1920-1921 учебном году начал занятия, имея в своей структуре все основные классы Института с общеобразовательным курсом, дающим выпускникам возможность получить аттестат зрелости и право поступления во все высшие учебные заведения. Учебные планы были выработаны Высшим Советом по делам русских учебных заведений в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Педагогический Совет, при корректировке программы преподавания на текущий 1920-1921 учебный год, постановил сохранить для основных классов Института программу Ведомства Императрицы Марии произведя в ней, учитывая условия эмиграции, следующие изменения: ввести обучение английским в 3-7 классах и сербского языка в 1-7 классах, общий курс географии и курс природовладения соединить в общий курс землевладения, дополнить 3 класс курсом русского языка и русской истории, в 8 классе ввести изучение бухгалтерии (2 урока), что позволяло выпускникам получить практические навыки и возможность зарабатывать на жизнь. Учитывая пожелание Главноуполномоченного по устройству русских беженцев в Югославии, в программу были включены еще новые предметы преподавания: балкановедение и сербский язык [3, л. 2а].

В эмиграции преподавательский состав Института был следующим – архиепископ Евлогий преподавал Закон Божий во всех классах, инспектор М.А. Павловский преподавал естествознание во 2-5 классах, Ф.П. Сауцкевич преподавал французский язык во 2-7 классах, Э.К. Банг преподавал немецкий язык во всех клас-

сах, Ф.С. Сушков преподавал русский язык, педагогику, латинский язык, А.С.Рогаткин преподавал физику и математику, М.А. Володковский преподавал математику и географию, П.П.Ренгартенг историю, законоведение и русский язык, А.П. Ревуцкая английский язык, французский. Н.И. Александрова рисование и чистописание, Н.П. Лебедева бухгалтерию, Г. Адамович сербский язык [3, л. 3,3а]. Начальницей Института первоначально была Вера Федоровна Викгорст [2, л. 6а], с 1921 года – Наталья Дмитриевна Духонина [6-7].

По имеющимся архивным документам мы можем сделать выводы, что в эмиграции образовательную деятельность Институт осуществлял с 1920 года по 1941 год [7]. Численность и состав учащихся периодически менялся. Согласно списку выехавших в эмиграцию 2 класс включал 7 воспитанниц, 3 класс – 6 воспитанниц, 4 класс – 4, 5 класс – 7, 6 класс – 7, 7 класс – 7 и 12 воспитанниц без указания класса, итого 50 воспитанниц [12, с. 187]. В 1928-1929 учебном году в восьми классах числится уже 197 учащихся, в 1930-1931 учебном году – всего 180 человек, отдельно прилагался список учащихся, которые являлись подданными Королевства Югославии (32 человека). В 1931-1932 учебном году в Мариинском Донском институте имелось 8 классов, по 20-25 учащихся [6, л. 18-19, 54]. В 1940-1941 учебном году также 8 классов, в среднем по 20 человек в классе [7, л. 1-15]. Вероисповедание в основном православное, в сохранившихся списках учащихся, в графе национальность помимо русских встречаются и сербы, возраст учащихся от 11 до 19 лет. В 1940-1941 учебном году место рождения воспитанниц, у которых в графе национальность указано русская, стоит город Белград и Белая Церковь и даже город Париж, что свидетельствует о частых перемещениях русских эмигрантов. Условия обучения включали три возможные формы – казенное (казеннокоштное), то есть на полном содержании государства, оплата за обучение поступала от прихода, либо оплата обучения осуществлялась родителями воспитанниц (своекоштное) [6, л. 11, 13-14]. При эвакуации из России Институту было выдано русских денег 2 500 000 рублей, остаток составил 494 010 рублей и 64 000 от пожертвований [3, л. 24-24а]. Эти средства пошли на обустройство Института за границей, к статьям расхода относились содержание здания, покупка учебных пособий, медицинская помощь воспитанницам, закупка продовольствия и средств гигиены [5, л. 2].

К качеству образования отношение было требовательным. Преподаватели по своим дисциплинам старались дать воспитанницам как можно больше знаний. На каждый предмет в Институте имелся так называемый месячный кредит. Если воспитанница по болезни пропускала значительную часть занятий, с ней занимались приглашаемые частные преподаватели или классные дамы, плату за занятия брали из средств кредита. Если родители имели возможность, то приглашали за свой счет репетиторов, рекомендованных Институтом. В целях лучшего практического усвоения французского и немецкого языков, с воспитанницами всех классов велись беседы на том или другом языках. По воскресеньям, во время литургии, отцом законоучителем предлагались религиозно-нравственные наставления и поучения относительно содержания прочитанного Евангелия или Апостола, или по поводу тех или иных знаменательных моментов в истории Церкви, или чествуемых Церковью национально-общественных событий.

Преподаватель природоведения, в свободное от занятий время, рассказывал воспитанницам дополнительные сведения по курсам, которые по программе проходили кратко - ботанике, зоологии, анатомии, физиологии человека, геологии и химии. Систематически проводились внеклассные чтения произведений русских классических писателей, которые соответствовали проходимому в это время в классах курсу истории русской литературы [4, л. 3].

По воскресеньям преподаватель русской литературы проводил литературные чтения с необходимыми пояснениями, позволяющими лучше понять мысль автора. Так были прочитаны поэмы Пушкина, Лермонтова, Слово о полку Игореве в подлиннике, произведения Гоголя. При Институте была внушительная библиотека, состоящая из восьми отделов. Первый отдел насчитывал 858 экземпляров книг для чтения – произведения русских классических писателей, полное собрание сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Жуковского, Крылова, Данилевского, Достоевского, Майкова, неполные сочинения Островского, Чехова, Тургенева, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Аксакова, Загоскина. Имелись в наличии по одному экземпляру сочинений Помяловского, Добролюбова, Ломоносова, а также произведения иностранных писателей – Уэльса, Твена. Во второй отдел входили главным образом французские книги и несколько английских, всего в отделе насчитывалось 503 экземпляра. В третьем отделе числились немецкие книги – 58 экземпляров. В четвертом отделе были сербские книги, в количестве 71 экземпляра [4, л. 4-5], пятый отдел включал учебники, 2692 экземпляра, по Закону Божьему, русскому языку, математике, истории, географии, естествоведению, учебники по латинскому, сербскому, французскому, английскому, немецкому языкам, законоведению, педагогике, психологии и логике, гигиене, музыке. В шестом отделе можно было найти географические карты, исторические атласы, словари – всего 262 экземпляра. Седьмой отдел включал детские книги, итого 143 экземпляра и 277 томов журналов. Восьмой отдел был посвящен музыке, здесь хранились

музыкальные ноты в количестве 33 экземпляров. Всего фонд библиотеки насчитывал 4897 экземпляров единиц хранения [4, л. 5].

В предоставленном Институту здании был большой зал, в нем утром и вечером воспитанницы и преподаватели собирались на молитву. На возвышении находился алтарь, закрытый деревянной перегородкой. По праздникам эта перегородка разбиралась, зал превращался в церковь, вмещающую не только всех воспитанниц, но и персонал. [1] В будние дни этот зал использовался для уроков гимнастики, здесь давали уроки танцев, проходили праздничные балы, устраивались лекции и концерты. Своего физического кабинета у Института не было, физические опыты проводили в оборудованном кабинете сербской гимназии. Имелись классы для занятий по рукоделию и рисованию, рисование являлось обязательным предметом для всех классов, кроме выпускного [4, л. 5, 11-12].

Все воспитанницы Института обучались рукоделию, церковному и хоровому пению, занимались шведской гимнастикой. Занятия гимнастикой и упражнения по пластике помогали развивать у воспитанниц изящество, грацию и легкость. Пением занимались все, даже воспитанницы с очень плохим слухом, который в большинстве случаев со временем развивался. Задачами преподавателя были в данном случае научить петь по нотам и дать хотя бы самые элементарные сведения по теории и гармонии. В Институте имелись два рояля, один из которых был приобретен на средства от пожертвований. Из лучших голосов старших классов кроме восьмого, выпускного, формировали хор, который пел на всех Богослужениях в домовой церкви при Институте [4, л. 6]. Учитывая жизненные условия, эмигрантский образ жизни, и необходимость в будущем самому себя обеспечивать, в преподавании рукоделия преследовалась в первую очередь практическая сторона, стояла задача научить детей шить все что необходимо для обмундирования в Институт и в целом для жизни. Сами для себя девочки шили постельное белье, пальто и теплые платья [3, л.9]. Но во время каникул, восполняя учебную программу, преподаватели усиленно учили девочек изящному рукоделию. Выпускницы проходили краткий кулинарный курс [4, л. 2,10].

Классные учебные занятия проходили в здании местной гимназии. Дортуары (спальная комната), столовая и некоторые другие помещения Института находились в особом здании бывшей мадьярской школы. Рядом со школой был сад для прогулок. Двухэтажное здание общежития с большими светлыми комнатами и теплыми коридорами включало 5 дортуаров, комнату для лазарета, столовую, комнату, где происходила церковная служба, а также уроки музыки и комнату, которая служила квартирой начальницы [3, л.8]. В 1921 году в Институте было 132 ученицы. В одной комнате-дортуаре располагалось 26 кроватей, этого было недостаточно при таком количестве учащихся, из-за тесноты для стульев и табуреток не оставалось места в спальной комнате, поэтому дополнительно будет арендована квартира в пять комнат за 62 динария в месяц. Сюда переместят и лазарет.

Медицинский осмотр воспитанниц производился три раза в год, в сентябре перед началом занятий, в декабре перед роспуском на Рождественские каникулы, и в июне перед роспуском на летние каникулы, полностью здоровых в 1924 году насчитывалось около 24 %, в младших классах общее состояние лучше, чем в старших. Лечение больных воспитанниц происходит двоякими путями – в амбулатории и в лазарете. Если больному требовалась хирургическая операция, его отправляли в госпиталь Красного Креста в город Панчево. В виду ограниченности денежного кредита и высокой стоимости лечения у стоматолога, Институту приходилось ограничиваться только самыми экстренными случаями лечения зубов воспитанниц [4, л.8-9].

Что касается питания, то Институту отпускалось 5-6 динариев в день на продовольствие одного лица. Утром между 8 и 9 часами воспитанницы получали кофе с хлебом, затем от 12 до 13 обед, в 4 часа чай и закуска, в 6-7 часов горячий ужин. Обед обыкновенно состоял из двух блюд, и по воскресным дням из трех, два раза в неделю (среда и пятница) были постные дни. К чаю подавались в виде закуски копченое сало, или масло, или колбаса [3, л. 9-10]

Воспитанием девочек занимались классные дамы. Персонал классных дам состоял из лиц, получивших среднее образование, некоторые дамы окончили также специальные курсы иностранных языков. Большинство из них имели значительный служебный стаж в Институте [4, л.1]. В каждом классе имелось по две классных дамы, которые дежурили через день и должны были говорить с воспитанницами одна на французском, другая на немецком языках. Дежурство продолжалось с 7 часов утра до 8 часов вечера в младших классах и до 10 часов вечера в старших, после чего их сменяла дежурная ночная классная дама. Ночью классная дама наблюдала за дортуарами (спальная комната), днем давала звонки на классные занятия и к приему пищи, присутствовала при приеме и раздачи порций, наблюдала за исполнением общих по Институту распоряжений. Функционал классной дамы был довольно значителен. Классная дама присутствовала при молитве, при приеме пищи воспитанницами, следила за их здоровьем, за соблюдением правил гигиены, за сохранностью их обуви, одежды и белья, учебных пособий. Сопровождала во время прогулок, присут-

ствовала на классных занятиях, наблюла за дисциплиной в классе, за манерой их сидеть и держать себя в классе. При необходимости они занимались репетиторством по всем предметам с отстающими, руководили чтением воспитанниц, проводили беседы на прочитанные темы, вели диалоги на французском и немецком языках. Классные дамы заполняли «бальники», которые ежедневно вечером с выставленными баллами и соответствующими пояснениями к ним, подавались вместе с классными журналами Начальнице Института [4, л. 2]. Им доверяли руководство душевным развитием воспитанниц, путем наблюдения и постоянных бесед с воспитанницами, классные дамы могли предотвратить или исправить нежелательные отклонения.

Система воспитания была в меру строгой. Положительным фактом считалось то, что у воспитанниц во время учебных занятий оставалось мало времени на прогулки, знакомства и флирт, что могло отвлекать от учебы и приводить к негативным последствиям. В основу воспитательного процесса было положено укрепление православной веры, преданность родине, любовь и уважение к труду, строгое исполнение своих обязанностей, закаленность как в физическом, так и нравственном отношении, в связи с необходимостью подготовить детей к предстоящей им тяжелой жизненной борьбе. Воспитанницы выполняли тот труд, который могли позволить учебные занятия. Они по очереди убирали свои дортуары, накрывали столы в столовой, мыли посуду, стирали для себя чулки, платки, летом, когда было больше времени, сами стирали белье и платье [4, л. 2].

Мерами взыскания являлись нравственные воздействия, иногда уменьшение балла, иногда лишение отпуска или развлечения. Развлечения воспитанниц были не очень разнообразны. Зимой устраивали концерты и спектакли, организованные по классам самими воспитанницами – играли на рояле, ставили театральные пьесы, декламировали стихи, живые картины, каждое воскресенье от 6-8 часов вечера воспитанницы всех классов танцевали друг с другом в зале Института, на праздник Рождества Христова, Масленицы, Святой Пасхи устраивали танцевальные вечера, в которых уже принимала участие вся учащаяся молодежь города Белой Церкви [4, л. 7].

Одной из важных задач Донского Института за границей являлось приобщение воспитанниц к русской культуре, православным традициям и обычаям. Обращалось особое внимание на изучение русской истории и русской литературы, преподаватели «не щадя своих сил», старались помимо книжных знаний передать воспитанницам бесценные сокровища любви к родине, любви к русской истории и литературе, умение ценить и гордиться своему происхождению. Выпускница Мариинского института Нонна Белавина вспоминает, что «преподаватель естествознания С.Н. Боголюбов учил не только своему предмету, а тому, что жизнь – величайший дар Божий и вечный источник радости, отец Василий Бощановский учил глубокой вере и философии терпения... Мы не могли раствориться в чужих странах, если все годы нам говорили и А.П. Петров и М.А. Аносов и М.Н. Лосев о том, что наша родина – Россия, что необычайно велико влияние русское на весь мир» [1].

В Институт приезжали писатели и поэты, издавался своими силами журнал «Голубой Цветок», в котором печатались стихи воспитанниц и их выдающиеся сочинения, красоте изложения текста учили во время занятий русскому языку. В Белграде в 1920-1930-е гг. действовала даже специальная культурная общественная организация «Союз ревнителей чистоты русского языка», в эмиграции важно было сохранить родной язык [13, с. 169]. Очень поощрялось искусство, по праздникам своими силами воспитанницы ставили спектакли в институтском зале, один или два раза в год в городском театре давался балетный спектакль «Бург», устраивались концерты с музыкально-вокальной программой и литературные вечера, посвященные творчеству русских писателей: «Вечер памяти Достоевского», «Вечер памяти Некрасова», «Пушкинский вечер» [1].

Система обучения и воспитания помогла вдали от родины не только не забыть ее, но и изучив историю и литературу принять Россию в свою душу и нести всю жизнь в душе как святыню, передав эти качества своим детям.

Выводы

Мариинский Донской институт сыграл важную роль в развитии женского образования на Дону и в Российской империи. В стенах Института получили образование поколения женщин, ставших учителями и деятелями культуры. В эмиграции Институт продолжил воспитательную и образовательную деятельность став одним из центров сохранения русской культурной и образовательной традиции.

С марта 1920 года до 1941 года Донской институт располагался в сербском городе Белая Церковь, местные органы власти предоставили красивое здание бывшей гимназии в центре города. В новых условиях педагогический совет сохранил дореволюционную учебную программу и традиции российского женского образования, акцент делался не только на обучении, но и на воспитании в духе православной веры и любви

к Отечеству. Организация мероприятий, поддерживающих русскую культуру и интерес к русской истории и литературе, способствовали сохранению национальной идентичность в условиях зарубежья. Отдельно следует подчеркнуть роль классных дам, которые не только поддерживали дисциплину, оказывали помощь в выполнении домашнего задания, занимались репетиторством, но и в целом, способствовали нравственному воспитанию и духовному развитию воспитанниц.

За 21 год деятельности в непростых условиях эмиграции Донской институт способствовал воспитанию нескольких поколений русских женщин, выпускницы получали не только теоретические знания и возможность поступать в высшие учебные заведения, но и практические умения и навыки, изучали язык страны пребывания, что позволяло приспособится к жизни и самостоятельному заработку в Югославии. Многие выпускницы Донского Мариинского института продолжили образование и добились успеха в разных профессиях (юристы, врачи, преподаватели). Но важнее всего, по воспоминаниям выпускниц Института было то, что атмосфера, поддержка преподавателей и классных дам, помогли выстоять в сложных условиях эмиграции, преодолеть трудности и сохранить любовь к России.

Список источников

1. Белавина Н. Институт в моих воспоминаниях. Донской Мариинский Институт. Публикация И. Миклашевского // Новый Журнал. 2010. № 259. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/nj/2010/259/institut-v-moih-vospominaniyah.html?ysclid=mqnqi8uj3425634385

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 5780. ОП. 1. Д.6. Л. 6а. Отчет правительственного уполномоченного по устройству русских эмигрантов в королевстве сербов, хорватов и словенцев. (Копия)

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 6792. ОП. 2. Д. 390. Доклады по обследованию Донского Мариинского Института 1921 год.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 6792. ОП. 2. Д. 391. Отчет о состоянии Донского Института к концу 1923-24 учебного года.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 6792. ОП. 2. Д. 392. Отчет русского девичьего института за июль 1935 год.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 6792. ОП. 2. Д. 395-397. Списки учащихся 1928-1932 гг.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 6792. ОП. 2. Д. 401-402, 404-405. Списки учащихся 1935-1941 гг.

8. Живанович М. Основательница «Второго Смольного» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Наталия Корнелиевна Эрдели // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 116 – 128. [Электронный ресурс] URL: https://doi. org/10.31168/2619-0877

9. Кислицына И.Г. Донское просвещение в эпоху реформ и революций (середина XIX в. – первая треть XX в.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 4. С. 87 – 99.

10. Пономарева В.В. Женские институты Российской империи в формулировках нормативных документов (1764 – начало XX в.): термины, типология, даты // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 110 – 129. [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com'llbrary_read_article.php?id=36009

11. Савчук Г. В. История Мариинского Донского института // Донской временник. Год 2003-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 11. С. 76 – 79. [Электронный ресурс] URL:http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/1/art.aspx?art_id=209

12. Чибисова С.П. Мариинский Донской институт в 1917–1919 годах // Донской временник / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2023. Вып. 32-й. С. 174 – 187. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/1/art.aspx?art_id=1977

13. Яшина М.А. Худобородов А.Л. Учебные заведения казачьей эмиграции в 1920-1930-х гг.: из истории культурно-просветительской деятельности русского зарубежья // Известия АлтГУ. 2016. № 4 (92). С. 165 – 171. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnye-zavedeniya-kazachiey-emigratsii-v-1920-1930-x-gg-iz-istorii-kulturnoprosvetitelskoy-deyatelnosti-russkogo-zarubezhya

References

1. Belavina N. The Institute in My Memories. Donskoy Mariinsky Institute. Publication by I. Miklashevsky. Novy Zhurnal. 2010. No. 259. [Electronic resource] URL: https://magazines.gorky.media/nj/2010/259/institut-v-moih-vospominaniyah.html?ysclid=mqnqi8uj3425634385

2. State Archives of the Russian Federation (GARF) F. 5780. OP. 1. D. 6. L. 6a. Report of the Government Commissioner for the Settlement of Russian Emigrants in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. (Copy)

3. State Archives of the Russian Federation (GARF) F. 6792. OP. 2. D. 390. Reports on the Inspection of the Donskoy Mariinsky Institute, 1921.

4. State Archives of the Russian Federation (GARF) F. 6792. OP. 2. D. 391. Report on the state of the Donskoy Institute by the end of the 1923-24 academic year.

5. State Archives of the Russian Federation (GARF) F. 6792. OP. 2. D. 392. Report of the Russian Girls' Institute for July 1935.

6. State Archives of the Russian Federation (GARF) F. 6792. OP. 2. D. 395-397. Lists of students from 1928-1932.

7. State Archives of the Russian Federation (GARF) F. 6792. OP. 2. D. 401-402, 404-405. Lists of students from 1935-1941.

8. Živanović M. The founder of the "Second Smolny" in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes Natalia Kornelievna Erdeli. Central European Studies. 2023. Issue 6. pp. 116 - 128. [Electronic resource] URL: https://doi.org/10.31168/2619-0877

9. Kislitsyna I.G. Don Education in the Era of Reforms and Revolutions (mid-19th century – first third of the 20th century). News of universities. North Caucasus region. Social sciences. 2023. No. 4. P. 87 – 99.

10. Ponomareva V.V. Women's institutes of the Russian Empire in the wording of regulatory documents (1764 - early 20th century): terms, typology, dates. Historical journal: scientific research. 2021. No. 3. P. 110 – 129. [Electronic resource] URL: https://nbpublish.com'llbrary_read_article.php?id=36009

11. Savchuk G. V. History of the Mariinsky Don Institute. Donskoy Vremnik. Year 2003. Don. state publ. library. Rostov-on-Don, 2002. Issue 11. P. 76 – 79. [Electronic resource] URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/1/art.aspx?art_id=209

12. Chibisova S. P. Mariinsky Don Institute in 1917–1919 // Donskoy Vremnik / Don. state publ. library. Rostov-on-Don, 2023. Issue 32nd. P. 174 – 187. [Electronic resource]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/1/art.aspx?art_id=1977

13. Yashina M.A. Khudoborodov A.L. Educational institutions of the Cossack emigration in the 1920-1930s: from the history of cultural and educational activities of the Russian diaspora. Bulletin of Altai State University. 2016. No. 4 (92). P. 165 – 171. [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnye-zavedeniya-kazachiey-emigratsii-v-1920-1930-x-gg-iz-istorii-kulturnoprosvetitelskoy-deyatelnosti-russkogo-zarubezhya

Информация об авторе

Антонова Л.А., кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Донская духовная семинария, ludaantonova@yandex.ru

© Антонова Л.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.56)«1960/1969»
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-112-117

Культурно-просветительная работа на селе в 1960-е гг. (на материалах Оренбуржья)

[1]Жайбалиева Л.Т.,
[1] Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко

Аннотация: в статье анализируется исторический опыт социокультурных преобразований на селе. В этой связи большой интерес для исследования представляет деятельность сельских культурно-просветительных учреждений в 1960-е гг. – период, ознаменовавшийся поворотом государства к социальной сфере и попыткой комплексного решения проблем преодоления различий между городом и деревней. Важно изучить региональные аспекты культурно-просветительной политики, показать основные направления, результаты и противоречия ее реализации в Оренбуржье.

Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г. определил прямую зависимость между уровнем развития сельскохозяйственного производства и состоянием социально-бытовой и культурной сферы деревни. Это означало признание того, что дальнейшая интенсификация аграрного сектора невозможна без комплексного решения социокультурных проблем сельских тружеников. Впервые на уровне программных документов была четко сформулирована задача преодоления существенных различий между городом и деревней не только в экономической, но и в культурно-бытовой сферах.

В Оренбургской области значительно расширилась сеть сельских учреждений культуры, активизировался поиск качественно новых форм культурно-просветительной деятельности. Вместе с тем выявлены серьезные проблемы: низкий уровень квалификации кадров, недостаточное финансирование по остаточному принципу и неудовлетворенность сельского населения качеством досуга.

Несмотря на все противоречия и трудности, именно в 1960-е гг. созданы предпосылки для качественного преобразования культурного облика советской деревни. Опыт Оренбуржья показывает, что эффективность аграрной политики напрямую связана с решением социокультурных проблем сельских территорий.

Ключевые слова: культурно-просветительная работа, учреждения культуры, социальная политика, оренбургская деревня, социальная сфера, аграрная политика

Для цитирования: *Жайбалиева Л.Т. Культурно-просветительная работа на селе в 1960-е гг. (на материалах Оренбуржья) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 112 – 117. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-112-117*

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Cultural and educational work in the countryside in the 1960s (based on materials from the Orenburg Region)

[1] *Zhaibalieva L.T.,*
[1] *Orenburg State University named after V.A. Bondarenko*

Abstract: this article examines the historical experience of sociocultural transformation in rural areas. Of particular scholarly interest are the activities of rural cultural and educational institutions during the 1960s – a decade that witnessed a shift in state priorities toward the social sphere and an attempt to comprehensively address the disparities between urban and rural life. It is essential to explore the regional dimensions of cultural and educational policy, highlighting its main directions, outcomes, and implementation challenges in the Orenburg region.

The March 1965 Plenum of the CPSU Central Committee established a direct correlation between agricultural productivity and the state of the social, living, and cultural infrastructure in the countryside. This signified official recognition that further intensification of the agrarian sector required an integrated approach to the sociocultural needs of rural workers. For the first time, policy documents explicitly articulated the goal of overcoming substantial urban–rural differences not only in economic terms, but also in cultural and everyday life.

In the Orenburg region, the network of rural cultural institutions expanded considerably, and efforts to develop qualitatively new forms of cultural and educational work intensified. However, significant problems also emerged, including insufficient staff qualifications, chronic underfunding (based on the residual principle), and widespread dissatisfaction among rural residents with the quality of available leisure services.

Despite these contradictions and difficulties, the 1960s laid the groundwork for a qualitative transformation of the cultural fabric of the Soviet countryside. The Orenburg experience demonstrates that the effectiveness of agrarian policy is inextricably linked to the resolution of sociocultural issues in rural communities.

Keywords: cultural and educational work, cultural institutions, social policy, the Orenburg village, the social sphere, agricultural policy

For citation: *Zhaibalieva L.T. Cultural and educational work in the countryside in the 1960s (based on materials from the Orenburg Region). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 112 – 117. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-112-117*

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 7, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Значение аграрной сферы для современного общества определяется ее ключевой ролью в обеспечении устойчивого развития страны, в поддержании продовольственной и экономической стабильности. Для эффективной работы сельского хозяйства необходимо создание развитой социальной инфраструктуры и обеспечение достойных социально-бытовых и культурных условий жизни для населения.

Изучение исторического опыта социокультурных преобразований в деревне, анализ и обобщение практики советской социальной политики позволяет определить важные этапы развития отечественного аграрного сектора. В 1960-е гг. партийное руководство искало оптимальные решения для повышения социально-экономического и культурно-бытового уровня жизни сельских тружеников, ориентируясь на их возрастающие потребности. В рассматриваемый период осуществляется поворот государства к социальной сфере села, наметились новые тенденции в ее развитии.

При этом следует отметить недостаточную степень изученности этих вопросов на региональном уровне. Актуальность изучения культурно-просветительной работы на селе определяется как общественно-политической, так и научно-теоретической значимостью.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили делопроизводственные документы, характеризующие особенности социальной политики на селе в целом и ее реализацию на региональном уровне. Значительную часть источниковой базы составляют архивные материалы, содержащие сведения о деятельности партийно-государственных органов. Анализ документов позволяет определить характер и основные направления аг-

рарной политики; оценить состояние и тенденции развития социальной сферы села; выявить противоречия, проблемы и трудности реализации культурно-просветительной политики в Оренбургской области.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности, которые в совокупности позволяют учитывать конкретно-исторические условия реализации социальной политики правительства на селе, раскрыть ее региональные аспекты, рассмотреть процесс решения на областном уровне проблем и задач культурно-просветительной работы, дать характеристику результатам культурного строительства в сельской местности Оренбуржья. Для достижения цели и решения поставленных задач в ходе исследования использовался принцип научной достоверности. Опорой при этом послужили историко-сравнительный и хронологический подходы.

Результаты и обсуждения

Сельские учреждения культуры с момента их возникновения выполняли роль главных досуговых, образовательных и воспитательных центров. Вопросы улучшения культурного обслуживания сельского населения являлись неотъемлемой частью политики партии по развитию социально-культурной сферы советской деревни. Культурно-просветительные учреждения являясь важным идеологическим инструментом, должны были активизировать массовую политическую работу, особенно в сельской местности.

Развитие сети культурно-просветительных учреждений в Оренбуржье началось в начале 1960-х гг. В рамках общественного движения за подъем культуры села разрабатывались двухлетние планы культурно-бытового строительства. «Двухлетка культуры» преследовала, главным образом, две цели: во-первых, укрепить и расширить материальную базу сельских учреждений культуры, во-вторых, привлечь к активной деятельности в них всю сельскую интеллигенцию, поднять уровень работы клубов и библиотек, полнее удовлетворять запросы сельского населения.

По словам секретаря Илекского райкома Е.А. Кузьмина «двухлетка культуры» была не только выполнена, но и значительно перевыполнена [6, с. 16]. В результате развития подобной формы работы, к 1965 г. в каждом селе района имелось два-три учреждения культуры. В 130 населенных пунктах действовали 2 районных Дома культуры; 45 сельских, колхозных и совхозных клубов и Домов культуры; 80 красных уголков; 48 стационарных библиотек; большое количество передвижек; около 100 государственных и профсоюзных киноустановок; 189 средних, восьмилетних и начальных школ [6, с. 16-18].

В ходе распространения опыта Илекского райкома по всем районам области к середине 1960-х гг. «двухлетки культуры» помогли несколько укрепить материальную базу учреждений культуры: в сельской местности насчитывалось 1 503 государственных профсоюзных и ведомственных клубов и Домов культуры, библиотек – 836, музыкальных школ – 19, киноустановок – 1 820 [10, л. 70-71].

Планы подъема культуры села не ограничивались вопросами строительства и оснащения учреждений. Активизировался поиск новых форм и средств культурно-просветительной работы, более отвечающих возросшим интересам и запросам различных групп населения [15, с. 334].

На мартовском Пленуме ЦК КПСС 1965 г. принимается постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР», в котором раскрыты основные направления аграрной политики, как комплексного подхода к решению проблем сельского хозяйства, включая социальное переустройство деревни [12, л. 104-109]. Приоритетной ставилась задача преодоления социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. По существу она не являлась новой, как и сама идея комплексного развития деревни. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» была сформулирована одна из основных задач пролетарского государства – «...содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» [17, с. 378]. Постановка данной задачи имела место и в Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии (1961 г.) и неоднократно декларировалась в партийных документах хрущевского периода [14, с. 85]. Однако с середины 1960-х годов она становилась приоритетной, поскольку крестьяне не имели возможности «...пользоваться теми же культурными достижениями, что и городские жители» [7, с. 385].

Попытка партии внести коррективы в решение социальных проблем села была связана, прежде всего, с упадочным состоянием производства в аграрном секторе. Несмотря на рост капитальных вложений в аграрный сектор с 20 % от общего объема инвестиций в народное хозяйство в годы VII пятилетки (1961–1965 гг.) до 23 % в годы VIII пятилетки (1966-1970 гг.), в целом по стране сельское хозяйство являлось наиболее слабой отраслью экономики [1, с. 27; 8, с. 184]. В постановлении мартовского (1965 г.) Пленума одной из основных причин создавшегося положения признавалась нерешенность социальных проблем села [5, с. 28]. Из этого вытекало признание того, что дальнейший подъем колхозного и совхозного производства мог происходить лишь на основе его последовательной интенсификации, учета всей совокупности факторов,

определяющих развитие экономики и социокультурной сферы села [15, с. 288]. Было осознано значение культуры « ...как равной по важности экономической и политической составляющим» [18, с. 77].

Вопросы социального развития на селе, выдвинутые мартовским Пленумом, нашли отражение в работе собрания Оренбургского областного партийного актива в апреле и октябре и Пленума обкома КПСС в июле 1965 г., а также на XVII конференции областной партийной организации в конце февраля 1966 г., что значительно усилило работу по более эффективному использованию и наращиванию социокультурного потенциала оренбургской деревни [15, с. 289].

В 1965-1967 гг. в Оренбургской области проведено социологическое изучение культурных и духовных интересов молодежи села. Соцопрос, в ходе которого опрошено более 10 тысяч человек, показал, что значительно изменились представления сельской молодежи о «хорошей жизни», которую они видели не только в материальном достатке, но и в высокой культуре села. Однако имеющееся неравенство в сфере культуры между городом и деревней, которое соответственно обуславливает неравенство в распределении и потреблении духовных благ, определило сравнительно низкую оценку культурной жизни села. По результатам анкетирования 46,1 % участников признали культурную жизнь села удовлетворительной, 32,1 % – скучной, и только 3,6 % – интересной [3, с. 32]. Данные результаты свидетельствуют, что сельская молодежь, как правило, была не удовлетворена имеющимися возможностями для культурного отдыха.

Несоответствие уровня развития культурной сферы села новым требованиям оренбуржцев нашло отражение на V областном съезде работников культуры и искусства в 1966 г. В центре внимания съезда поставлены такие вопросы, как укрепление материальной базы учреждений культуры, содержание и формы их деятельности, а также подготовка и переподготовка кадров культпросветработников.

С реализацией задач по строительству и оснащению учреждений культуры партийное руководство справлялось достаточно успешно. Так, в рамках подготовки к 50-летию советской власти силами и средствами колхозов и совхозов области было решено построить 218 Домов культуры и клубов, 300 красных уголков, около 100 библиотек, 28 стадионов, 36 садов и парков и др. [11, л. 24-25]. Только за 1965-1967 гг. на селе открыто 35 государственных библиотек, из них 1 районная, 1 детская библиотека и 12 профсоюзных библиотек. В течение 1965-1966 гг. 50 сельских библиотек были переведены в новые помещения, построенные за счет колхозов и совхозов [13, л. 37-39].

Увеличение количества культурно-просветительных учреждений способствовало созданию условий для полного удовлетворения потребностей сельских жителей в духовной и культурной сферах. Возникали и качественно новые формы культурно-просветительной работы с сельским населением. В частности, накануне XXIII съезда партии в районах области начали проводиться «Клубные чтения». Большую известность в области получил опыт «Дней культуры на ферме» колхоза им. Ухтомского Оренбургского района, где проводились такие мероприятия, как награждение по итогам соревнования, обзор новинок сельскохозяйственной и художественной литературы, читательские конференции, концерты художественной самодеятельности, коллективный просмотр кинофильмов, выезды работников колхоза в Театр музыкальной комедии и краеведческий музей. Бюро Оренбургского парткома одобрило начинание партийной организации и культработников колхоза и рекомендовало всем хозяйствам проводить такие дни культуры на фермах. В итоге, уже в 1965 г. по примеру ухтомцев работали культработники колхоза имени XI Кавдивизии, совхоза «Чебеньковский» и других хозяйств [2, с. 26-29].

Однако в вопросах подготовки и закрепления специалистов на селе значительных успехов на данном этапе не было достигнуто. О том, насколько серьезна была кадровая проблема, свидетельствуют архивные данные: из 974 сельских клубных работников только 6 человек имели высшее образование, 132 – среднее специальное, 375 – общее среднее, 409 – неполное среднее и 52 – начальное [13, л. 39]. На бюро обкома 8 сентября 1966 г. рассмотрен вопрос «О мерах по улучшению подбора, подготовки и воспитания кадров культпросветучреждений области». Проверка его выполнения год спустя показала, что качественный состав работников культуры несколько улучшился. На 3,5 % увеличилось число заведующих клубами и директоров домов культуры, имеющих специальное образование, а количество клубных работников, не имеющих среднего общего образования, уменьшилось на 12,6 %. Из общего числа библиотечных кадров 54 % (на 14 % больше, чем в 1966 г.) имели среднее специальное и общее среднее образование [15, с. 335-336]. Однако, кадровая проблема оставалась еще нерешенной.

Наряду с кадровой проблемой актуальной задачей являлось улучшение материальной базы культурно-просветительных учреждений, поскольку главным критерием «...при распределении материальных и финансовых благ государство считало производственные показатели колхозов и совхозов» [4, с. 396]. Требовалось привлечь внимание областного и районного руководства к проблемам сельской культуры, поскольку они зачастую уступали по приоритетности производственным задачам. Для дальнейшего развития куль-

турно-просветительной деятельности партийным органам и учреждениям культуры следовало совершенствовать формы работы с населением, вводить практику шефства городских и областных учреждений культуры над сельскими.

Выводы

В 1960-е гг. определена стратегия развития аграрного сектора. В рамках нового курса планировалось не только с наибольшей эффективностью и в короткие сроки добиться подъема сельского хозяйства, но и встать на путь коренных изменений во всей многогранной жизни села. Осуществляется поворот государства к комплексному решению социальных проблем. Определена четкая связь между экономическим развитием и комфортностью жизни, улучшением бытовых условий.

Особое внимание уделялось преодолению культурного разрыва между городом и деревней, совершенствованию социально-бытовой и культурной сферы села. В Оренбуржье значительно расширена сеть культурно-просветительных учреждений, появляются новые формы работы с населением. Предложенная стратегия подъема аграрного сектора экономики посредством обновления социальной сферы села получила развитие и законодательное закрепление в последующие десятилетия.

Таким образом, партийно-советским руководством пристальное внимание уделялось созданию системы культурно-просветительной работы среди сельских тружеников. Несмотря на ее идеологическую направленность, итогом стало постепенное формирование развитой культурной инфраструктуры деревни, что заложило основу для дальнейших социокультурных преобразований на селе.

Список источников

1. Афонасьева О.В. Государственная политика в области сельского хозяйства (1965-1985 гг.): проблемы и решения // Социокультурные аспекты устойчивого развития сельских территорий / отв. ред. Н.В. Карпова, А.В. Захаров. Тюмень: Издательство ИПИ им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ, 2021. С. 27 – 28.

2. Блокнот агитатора / Отдел пропаганды и агитации Оренбургского обкома КПСС. Оренбург: Типография изд-ва «Южный Урал», 1965. № 1. 32 с.

3. Блокнот агитатора / Отдел пропаганды и агитации Оренбургского обкома КПСС. Оренбург: Типография изд-ва «Южный Урал», 1969. № 20. 48 с.

4. Братарчук Т.В. Клуб в повседневной жизни села // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1-2. С. 389 – 398.

5. Грек Г.В. Аграрная политика КПСС в действии. Минск: Народная асвета, 1980. 95 с.

6. За высокую культуру села / сост. В.Г. Козлов. Оренбург: [б. и.], 1965. 110 с.

7. Кучковская Н.В. Культурный фактор, описывающий российское село: идеология, политика, традиционные средства (1960-1980-е годы) // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1-2. С. 381 – 388.

8. Лапаева М.Г., Лапаев А.П. Экономика Оренбургской области (1743-2004 гг.). Оренбург: Газпромпечать, 2006. 468 с.

9. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 573 с.

10. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 34. Д. 42.

11. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 34. Д. 164.

12. ОГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 1532.

13. ОГАОО. Ф. 2568. Оп. 1. Д. 586.

14. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1976. 144 с.

15. Пузанев В.С. Становление сельской интеллигенции и ее возрастающее влияние на социокультурное развитие южноуральской деревни (1886-1991 гг.). Оренбург: ОГПУ, 2005. 552 с.

16. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965-1971 гг.) / сост. К.М. Боголюбов, М.С. Смиртюков. М.: Колос, 1971. 752 с.

17. Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Политиздат, 1979. 432 с.

18. Цветкова Г.А. Культура как объект государственного управления в послевоенном СССР: смысл и содержание понятия // Культурологический журнал. 2023. № 2 (52). С. 66 – 81.

References

1. Afanasyeva O.V. State Policy in Agriculture (1965-1985): Problems and Solutions. Sociocultural Aspects of Sustainable Development of Rural Areas. Ed. N.V. Karpova and A.V. Zakharov. Tyumen: P.P. Ershov Institute of Political Studies (branch) of Tyumen State University, 2021. P. 27 – 28.
2. Agitator's Notebook. Propaganda and Agitation Department of the Orenburg Regional Committee of the CPSU. Orenburg: Printing House of the Yuzhny Ural Publishing House, 1965. No. 1. 32 p.
3. Agitator's Notebook. Propaganda and Agitation Department of the Orenburg Regional Committee of the CPSU. Orenburg: Typography of the Yuzhny Ural Publishing House, 1969. No. 20. 48 p.
4. Bratarchuk T.V. The Club in Everyday Life of the Village. Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. Nos. 1-2. P. 389 – 398.
5. Grek G.V. The Agrarian Policy of the CPSU in Action. Minsk: Narodnaya Asveta, 1980. 95 p.
6. For a High Culture of the Village. compiled by V.G. Kozlov. Orenburg: [no record], 1965. 110 p.
7. Kuchkovskaya N.V. The Cultural Factor Describing the Russian Village: Ideology, Politics, Traditional Means (1960-1980s). Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. No. 1-2. P. 381 – 388.
8. Lapaeva M.G., Lapaev A.P. Economy of the Orenburg Region (1743-2004). Orenburg: Gazprom-Pechat, 2006. 468 p.
9. Nikonov A.A. Spiral of a Centuries-Old Drama: Agrarian Science and Policy of Russia (18th–20th Centuries). Moscow: Encyclopedia of Russian Villages, 1995. 573 p.
10. OGAOO (United State Archives of the Orenburg Region). F. 371. Op. 34. D. 42.
11. OGAOO. F. 371. Op. 34. D. 164.
12. OGAOO. F. 1014. Op. 4. D. 1532.
13. OGAOO. F. 2568. Op. 1. D. 586.
14. Program of the Communist Party of the Soviet Union: adopted by the XXII Congress of the CPSU. Moscow: Politizdat, 1976. 144 p.
15. Puzanev V.S. Formation of the rural intelligentsia and its growing influence on the socio-cultural development of the South Ural village (1886-1991). Orenburg: OGPU, 2005. 552 p.
16. Decisions of the Party and Government on Agriculture (1965-1971). compiled by K.M. Bogolyubov, M.S. Smirtyukov. Moscow: Kolos, 1971. 752 p.
17. Social Policy of the CPSU in the Conditions of Developed Socialism. ed. M.P. Mchedlov. Moscow: Politizdat, 1979. 432 p.
18. Tsvetkova G.A. Culture as an Object of State Administration in the Post-War USSR: Meaning and Content of the Concept. Cultural Studies Journal. 2023. No. 2 (52). P. 66 – 81.

Информация об авторе

Жайбалиева Л.Т., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4798-3249, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, 460018 г. Оренбург пр. Победы 13, ra-58@mail.ru

© Жайбалиева Л.Т., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(47).05:341.24(510)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-118-123

Нерчинский договор 1689 года и его значение в становлении русско-китайских отношений

[1] Мусаева С.И.,
[1] Алиева Х.Х.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу Нерчинского договора (1689 г.) как первого дипломатического акта, оформившего государственную границу и торгово-экономические отношения между Россией и Цинской империей. На основе анализа опубликованных источников и современной историографии рассматриваются геополитические предпосылки, ход переговоров в условиях военного давления, юридические особенности документа и его экономические последствия. Автор приходит к выводу, что, несмотря на территориальные уступки со стороны России, договор заложил модель прагматичного взаимодействия, позволившую избежать крупных конфликтов на полтора столетия.

Ключевые слова: Нерчинский договор, русско-китайские отношения, Ф.А. Головин, династия Цин, международное право XVII века, история дипломатии

Для цитирования: *Мусаева С.И., Алиева Х.Х. Нерчинский договор 1689 года и его значение в становлении русско-китайских отношений // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 118 – 123. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-118-123*

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The Treaty of Nerchinsk of 1689 and its significance in the formation of Russian-Chinese relations

[1] Musaeva S.I.,
[1] Alieva Kh.Kh.,
[1] Dagestan State University

Abstract: the article analyzes the Treaty of Nerchinsk (1689) as the first diplomatic act that formalized the state border and trade-economic relations between Russia and the Qing Empire. Based on an analysis of published sources and contemporary historiography, the authors examine the geopolitical prerequisites, the course of negotiations under military pressure, the legal specifics of the document, and its economic consequences. The authors conclude that, despite Russia's territorial concessions, the treaty established a model of pragmatic interaction that made it possible to avoid major conflicts for a century and a half.

Keywords: Treaty of Nerchinsk, Russian-Chinese relations, F.A. Golovin, Qing dynasty, International Law of the 17th century, history of diplomacy

For citation: *Musaeva S.I., Alieva Kh.Kh. The Treaty of Nerchinsk of 1689 and its significance in the formation of Russian-Chinese relations. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 118 – 123. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-118-123*

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 7, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Исследование проблемы становления и развития Российско-китайских отношений опирается на теорию установление добрососедских и дипломатических отношений с ближайшим Дальневосточным соседом Китаем. Эти отношения начали складываться в XVII в. Маньчжура завоевав Китай в ходе многолетней кровавой борьбы (1644-1682гг), установили жесткий деспотический режим. Нарушение установленных порядков каралась смертной казнью. Цины изолировали страну от внешнего мира, закрыли порты для иностранцев за исключение Гуанчжоу.

Появление русских первопроходцев в Забайкалье и Приамурье цинами было встречено враждебно, т.к. они считали эти земли своими угодьями и опасались закрепления русских на этих обширных таежных территориях. Русские казаки, обосновавшись, основали и возвели осторг Албазин и укрепили крепость. Более того в 1652 г. Цинское правительство практически в ультимативной форме потребовало от русских поселенцев покинуть занятые и освоенные ими территории на Амуре [4].

Цинские власти неоднократно совершали нападение на Албинское воеводство, разоряли его, но русские казаки каждый раз оказывали яростное сопротивление, отбивали острог и восстанавливали разрушенные объекты.

Российские власти, не имея возможности перекинуть на Дальний Восток необходимый контингент вооруженных сил, пытались решить проблему мирным, дипломатическим способом. Первая русская миссия организованная тобольским воеводой И.С. Куракиным прибыла в Китай 1 сентября 1618 г. во главе с казаком И. Петлиным, которой была вручена грамота от имени императора минской династии Чжу Ицзюня о разрешении русским вести торговлю в Китае. В результате этой экспедиции были собраны ценные географические сведения, вошедшие в «Рукопись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам» [5, с. 102-118].

В 1654 г. было делегировано царем Алексеем Михайловичем Романовым посольство в цинскую империю Пекин во главе с Ф.И. Байковым для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем [10, с. 14]. Петербургом была направлена повторно еще одна миссию в Пекин в 1675-1676 гг. ученым-переводчиком Посольского приказа Н. Спафария [2, с. 241-253], которой также не удалось добиться положительных результатов от китайской стороны.

Маньчжурская династия опасалась проникновения русских в Приамурье, пыталась вытеснить их разными способами, в том числе, совершая вооруженные нападения на русские осторги. Так, в 1684 г. маньчжуры направили десятитысячную армию с артиллерией и осадили Албазин. Русские оказали отчаянное сопротивление, а маньчжуры, понеся большие потери в живой силе, вынуждены были отступить [4, с. 562].

Становление русско-китайской горницы явилось результатом не военных действий, а итогом дипломатической работы с обеих сторон.

Русско-китайские торгово-экономические взаимоотношения до Нерчинского договора развивались при соблюдении принципов уважения и равенства.

Нерчинский договор 1689 г. является точкой перелома в истории российско-китайских отношений. В отличие от более поздних соглашений XIX в., он был заключён в условиях примерного равенства сил (с перевесом в военной силе на стороне Цин) и зафиксировал не поражение, а компромисс. Проблема исследования заключается в преодолении устоявшихся мифов и выявлении реального значения договора для институционализации двусторонних связей.

Материалы и методы исследований

Данное исследование выполнено на основе комплексного подхода, сочетающего методы историко-аналитического, системного и сравнительно-правового характера.

Источниковую базу составили ценные опубликованные документы двухтомного издания «Русско-китайские отношения в XVII веке» (1969-1972) [9], включая тексты Нерчинского договора изложенных (на трёх языках) на русском, маньчжурском и латинском языках, а также статейный список посольства Ф.А.

Головина, содержащий подробный протокол хода ведения переговоров. Данный научный труд доступен в крупных научных библиотеках и частично выложен на сайте «Восточная литература» (vostlit.info).

Для анализа геополитического контекста привлекались труды отечественных и зарубежных историков В.С. Мясникова, П. Пердью, а также современного исследователя Т. Лю.

В российской науке ключевое место занимают труды В.С. Мясникова, в особенности монография «Договорными статьями утвердили... » [7] освещаются политико-экономические вопросы связывающие Россию и Китай, сложности проведения переговоров и установлении пограничных зон между Россией и Китаем.

Лингвистические особенности документов и договоров, подписанных российско-китайскими ответственными лицами, проанализированы посредством сравнительного метода разноязычных версий документов в научной работе китайского исследователя современной эпохи Н. Чиа [11].

В работе использованы методы ретроспективного анализа, позволяющего оценить долгосрочные последствия договора для двусторонних отношений, и контекстуального анализа, учитывающего военно-политическую обстановку в Приамурье в конце 1680-х годов.

Экономические последствия двусторонних взаимовыгодных отношений оценивались на основе статистических данных о караванной торговле и таможенных сборов, приведённых в работе В.А. Каштанюка и А.С. Шелудько [6] и публицистических материалах. Дополнительно применялся метод историко-правовой реконструкции для выявления расхождений в разноязычных текстах договора и их влияния на последующие переговоры.

Среди новейших исследований, выполненных с использование новейших архивных и документальных материалов, извлеченных автором из ранее неиспользованных источников, выделяется научная работа Т. Лю [13], опубликованная на английском языке, где Нерчинский договор рассматривается как часть процесса «создания границы» в Новое время

Фундаментальный научный труд, выполненный в геополитическом контексте английского исследователя П. Пердью [14].

Результаты и обсуждения

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых результатов. Во-первых, Нерчинский договор, несмотря на военное давление со стороны Цин (15-тысячная группировка у стен Нерчинска против 7 тысяч русских служилых людей во всей Сибири), зафиксировал не капитуляцию, а компромиссное решение: Россия уступала земли по верхнему течению Амура и Албазин, но сохраняла Забайкалье, а граница по реке Аргунь в целом сохраняется до настоящего времени.

Во-вторых, уникальной особенностью договора стало использование латыни в качестве языка-посредника и признание латинской версии эталонной, что было беспрецедентным для международной практики XVII в.

В-третьих, статья 5 договора, устанавливавшая режим свободной торговли, имела далеко идущие экономические последствия: первый же казённый караван (1703 г.) принёс прибыль 100 тыс. рублей, а караваны 1705-1709 гг. – 270 тыс. рублей; спустя полвека торговля с Китаем обеспечивала 40% таможенных сборов Российской империи. Кроме того, договор стимулировал промышленное освоение Забайкалья – уже в 1689 г. началось строительство сереброплавильного завода под Нерчинском.

Полученные результаты позволяют уточнить устоявшиеся в историографии оценки. Вопреки распространённому в российской историографии взгляду XIX-начала XX в. на Нерчинский договор, как на однозначно невыгодный, современные исследования (В.С. Мясников, П. Пердью) показывают, что территориальные уступки были вынужденной, но стратегически оправданной платой за мир и развитие торговли. В современной китайской историографии, как отмечает Т. Лю, нет единства: часть учёных рассматривает договор как взаимовыгодный компромисс, другая подчёркивает, что Цин смогла продиктовать свои условия. Показательно, что в КНР Нерчинский договор нередко называют «первым равноправным договором», акцентируя отличие от неравноправных соглашений XIX в.

Дискуссионным остаётся вопрос о юридическом качестве договора. Разночтения в русской, маньчжурской и латинской версиях (особенно в описании границы) создавали почву для будущих споров, однако именно латинский текст, составленный иезуитами, позволил достичь согласия. Об этом говорится в книге португальского историка и журналиста Жозе Мильязеша «Сага о португальцах в России» [12, с. 118].

Важно отметить, что договор не содержал статей о выдаче перебежчиков и чёткой процедуры делимитации, что привело к новым переговорам в 1720-х гг. и заключению Кяхтинского договора (1728). Таким образом, Нерчинский договор следует рассматривать не как изолированный акт, а как первый этап дли-

тельного процесса договорного оформления русско-китайской границы и торговых отношений, завершившегося лишь в середине XIX в. Его главный результат – предотвращение крупномасштабной войны на полтора столетия и создание институциональной основы для взаимовыгодного экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

К середине XVII в. в Восточной Сибири сошлись две встречные волны экспансии. Русские землепроходцы, основав в 1650-х годах Албазинский острог, закрепились в Приамурье. Навстречу им расширяла свои пределы молодая маньчжурская династия Цин, для которой эти земли были исторической родиной. К 1685 г. пятитысячное маньчжурское войско окружила Албазин, а к моменту переговоров 1689 г. у стен Нерчинска была сосредоточена уже 15-тысячная группировка маньчжуров при поддержке союзных монгольских отрядов. Общая численность русских служилых людей во всей Сибири не превышала 7 тысяч человек [6, с. 128-130].

Обстановка, в которой проходили переговоры, была крайне напряжённой. Русская делегация во главе с окольничим Фёдором Головиным фактически находилась в блокаде. Как следует из статейного списка посольства, многократные требования снять осаду оставались без ответа [9, с. 347].

Особенностью переговоров стал их многоязычный характер. Поскольку русская и маньчжурская стороны не имели общего языка, основным языком коммуникации стала латынь – через посредничество прибывших с русской делегацией переводчиков-иезуитов (в первую очередь Ф. Жербильона). Итоговый текст договора был составлен на трёх языках – русском, маньчжурском и латинском. При этом именно латинская версия получила статус эталонной – беспрецедентное решение для международной практики того времени [11, p. 52].

По условиям Нерчинского мирного договора (состоял из преамбулы и 6 статей) Россия была вынуждена пойти на значительные территориальные уступки. Она уступала Цинской империи почти все земли по верхнему течению Амура, а крепость Албазин подлежала «разорению до основания» [4, с. 562]. Однако договор содержал и важные для российской стороны положения:

1. Закрепление Забайкалья за Россией. Маньчжуры признавали русское владение этими территориями. Граница, установленная договором в районе реки Аргунь, в целом сохраняется и сегодня.

2. Завуалированное ограничение китайского суверенитета. Цинская сторона дала обязательство не заселять оставленные земли по левобережью Амура, превратив их в буферную зону.

3. Установление режима свободной торговли (ст. 5 договора). Именно этот пункт оказался наиболее перспективным [3].

С международно-правовой точки зрения договор был несовершенен: граница была определена лишь в общих чертах, тексты на разных языках имели расхождения, а делимитация на местности практически не проводилась.

Наиболее значимым последствием Нерчинского договора стало развитие торговли. Уже первый русский казённый караван, отправленный в Китай в 1703 г., принёс прибыль в 100 тысяч рублей. Последующие караваны в 1705-1709 гг. дали уже 270 тысяч рублей [3]. Через полстолетия торговля с Китаем обеспечивала 40% таможенных сборов Российской империи.

Важным следствием договора стало и промышленное освоение Забайкалья. Уже в 1689 г. был издан указ о строительстве под Нерчинском завода по выплавке серебра – первого на территории России месторождения этого драгоценного металла [6, с. 129].

В российской исторической традиции долгое время преобладал взгляд на Нерчинский договор как на вынужденную, но в целом дипломатическую удачу. В современной китайской историографии нет единого мнения: часть исследователей рассматривает договор, как взаимовыгодный компромисс, другие подчёркивают, что именно Цинская империя смогла продиктовать свои условия [13, p. 112]. Показательно, что в современном Китае Нерчинский договор часто называют «первым равноправным договором», подчёркивая, что в отличие от соглашений XIX в. он не был навязан извне.

Современная западная наука (П. Пердью, И. Виньковецкий) стремится уйти от упрощённых оценок, рассматривая договор как многоуровневый процесс, в котором участвовали различные акторы – от императорских дворов до переводчиков-иезуитов [14, p. 420; 3].

Несмотря на несовершенство юридической стороны, Нерчинский договор выполнил свою главную задачу – остановил вооружённый конфликт. После его подписания Россия больше никогда по-настоящему не воевала с маньчжурами. Договор положил начало «Кяхтинской системе» торговли, сложившейся после дополнительных соглашений 1727 г. Нерчинский договор, действовал более 160 лет и был заменён только Айгунским (1858) и Пекинским (1860) договорами.

Выводы

Нерчинский договор 1689 г. следует оценивать, как институциональную основу российско-китайского сосуществования. Его значение заключается в следующем: 1) он стал первым письменным соглашением между европейской и дальневосточной империями, зафиксировавшим принцип суверенного равенства; 2) установление режима свободной торговли обеспечило приток серебра в российскую экономику и интеграцию Сибири в евразийские торговые сети; 3) установленная граница (с коррективами 1727 г.) просуществовала 160 лет.

Таким образом, вынужденные территориальные уступки были компенсированы долгосрочными экономическими и геополитическими дивидендами, что делает Нерчинский договор образцом прагматичной дипломатии.

Список источников

1. Багрин Е.А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3 (51). С. 49 – 60.

2. Белобородов С. А. Русские «службы» Н. Г. Спафария-Милеску // Диалог со временем. Вып. 73. 2020. С. 241 – 253.

3. Иваненко И. Как Россия уступила Китаю и выиграла // Взгляд. 2018. 27 августа. URL: https://vz.ru/opinions/2018/8/27/939107.html (дата обращения: 20.04.2026)

4. История Китая / под ред. В.В. Адамчика и др.– Минск: Харвест, 2004. 736 с.

5. Казакевич О.А., Старикова Г.Н. «Роспись Китайскому государству и Лобинскому» томского казака Ивана Петлина: внешняя критика источника, лингвистическое издание // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 29. С. 102 – 118. DOI: 10.17223/23062061/29/7.

6. Каштанюк В.А., Шелудько А.С. Необходимость заключения Нерчинского договора 1689 года // Молодой учёный. 2022. № 35 (430). С. 128 – 130.

7. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. Хабаровск: РАН ИДВ, Приамур. георгр.о-во, 1997. 543 с.

8. Нерчинский договор с Китаем // История.РФ. URL: https://histrf.ru/read/articles/nierchinskii-doghovor-s-kitaiem (дата обращения: 20.04.2026)

9. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2: 1686-1691. М.: Наука, 1972. 672 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/Russ_kit_otn_17_2/text1.htm (дата обращения: 20.04.2026)

10. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

11. Chia N. Language Translation and the Treaty of Nerchinsk: Linguistic Aspects of Seventeenth-Century Qing-Russian Diplomacy // Journal of Eurasian and Central Asian Studies. 2025. Vol. 6. № 2. P. 45 – 67.

12. José Milhazes. A saga dos portugueses na Rússia. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa da Moeda, 2011. 384 p. [Электронный ресурс] URL: https://inosmi.ru/20120103/181827396.html (дата обращения 20.04.2026)

13. Liu T. There is a border in the North: Revisiting the eastern section of Sino-Russian border and the making of modern China: PhD Thesis. Manchester: University of Manchester, 2024. 280 p.

14. Perdue P.C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 725 p.

15. Vinkovetsky I. The China-Russia Trade through Nerchinsk and Kiakhta // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. 2024. URL: https://oxfordre.com/asianhistory (дата обращения: 20.04.2026)

References

1. Bagrin E.A. Military Aspects of the Treaty of Nerchinsk in 1689. Bulletin of the Eastern Institute. 2021. No. 3 (51). P. 49 – 60.

2. Beloborodov S.A. Russian "Services" of N.G. Spafaria-Milescu. Dialogue with Time. Issue 73. 2020. P. 241 – 253.

3. Ivanenko I. How Russia Yielded to China and Won. Vzglyad. 2018. August 27. URL: https://vz.ru/opinions/2018/8/27/939107.html (date of accessed: 20.04.2026)

4. History of China. edited by V.V. Adamchik et al. Minsk: Harvest, 2004. 736 p.

5. Kazakevich O.A., Starikova G.N. "The Inscription to the Chinese State and Lobinsky" by Tomsk Cossack Ivan Petlin: External Criticism of the Source, Linguistic Edition. Text. Book. Book Edition. 2022. No. 29. P. 102 – 118. DOI: 10.17223/23062061/29/7

6. Kashtanyuk V.A., Sheludko A.S. The Necessity of Concluding the Treaty of Nerchinsk in 1689. Young Scientist. 2022. No. 35 (430). P. 128 – 130.

7. Myasnikov V.S. The following was approved by treaty articles: Diplomatic history of the Russian-Chinese border in the 17th–20th centuries. Khabarovsk: RAS IFES, Primorsky Krai. Georg.o-vo, 1997. 543 p.

8. The Treaty of Nerchinsk with China. History. RF. URL: https://histrf.ru/read/articles/nierchinskii-doghovors-kitaiem (date of access: 20.04.2026)

9. Russo-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documents. T. 2: 1686-1691. Moscow: Nauka, 1972. 672 p. [Electronic resource]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/Russ_kit_otn_17_2/text1.htm (date of access: 20.04.2026)

10. Skachkov P.E. Essays on the History of Russian Sinology. Moscow: Nauka, 1977. 505 p.

11. Chia N. Language Translation and the Treaty of Nerchinsk: Linguistic Aspects of Seventeenth-Century Qing-Russian Diplomacy. Journal of Eurasian and Central Asian Studies. 2025. Vol. 6. No. 2. P. 45 – 67.

12. José Milhazes. A saga dos portugueses na Russia. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa da Moeda, 2011. 384 p. [Electronic resource] URL: https://inosmi.ru/20120103/181827396.html (date of access: 20.04.2026)

13. Liu T. There is a border in the North: Revisiting the eastern section of the Sino-Russian border and the making of modern China: PhD Thesis. Manchester: University of Manchester, 2024. 280 p.

14. Perdue P.C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 725 p.

15. Vinkovetsky I. The China-Russia Trade through Nerchinsk and Kiakhta. Oxford Research Encyclo-pedia of Asian History. 2024. URL: https://oxfordre.com/asianhistory (date of access: 20.04.2026)

Информация об авторах

Мусаева С.И., доктор исторических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-1620-1742, Дагестанский государственный университет, sirsa888@mail.ru

Алиева Х.Х., Дагестанский государственный университет

© Мусаева С.И., Алиева Х.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.69
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-124-129

Реабилитация Н.М. Карамзина в советской историографии: этапы, механизмы, границы

[1] Никитин А.К.,
[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: Николай Михайлович Карамзин – одна из знаковых исторических персоналий, переживших гонения и популяризацию в обществе – становление ученого градировалось несколько десятилетий поэтапно, на что оказывали влияние политика, общественный строй и научно-образовательные тенденции. После долгого воспевания историографа в дореволюционный период правительством, учеными, писателями и литературными критиками, а также молодежью, благодаря чему с 1820-х годов началось активное формирование национального самосознания, в советский период значимость и ценность трудов ученого резко умалились. После 1917 года под влиянием превалирующей идеологии стали абсолютно по-разному трактоваться и интерпретироваться постулаты работ историка, вследствие чего они претерпели категорические запреты и в итоге были реабилитированы уже ближе к распаду Советского Союза и окончанию советской историографии. В современной России стали уделять важное значение морально-этическим и духовно-нравственным ценностям, институту семьи, единению народов многонациональной страны, исторической памяти, активно способствовать укреплению традиционных ориентиров, что находит отражение в трудах историографа, строго придерживающегося данных принципов развития общества и становления государства. Примечательно, что начало указанным тенденциям было положено в 1980-е годы, параллельно с радикальным сдвигом во взаимоотношениях правительства и Церкви в сторону конструктивного диалога, когда титульным редактором Н.М. Карамзина стал Анатолий Филиппович Смирнов.

Ключевые слова: Николай Михайлович Карамзин, советская историография, Рубинштейн, Анатолий Филиппович Смирнов, реабилитация, «История государства Российского»

Для цитирования: *Никитин А.К. Реабилитация Н.М. Карамзина в советской историографии: этапы, механизмы, границы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 124 – 129. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-124-129*

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

N.M. Karamzin's rehabilitation in Soviet historiography: stages, mechanisms, boundaries

[1] Nikitin A.K.,
[1] Federal State University of Education

Abstract: Nikolai Mikhailovich Karamzin is one of the iconic historical figures who survived persecution and popularization in society – the formation of a scientist was graded over several decades in stages, which was influenced by politics, the social order and scientific and educational trends. After a long period of praising the histori-

ographer in the pre-revolutionary period by the government, scientists, writers and literary critics, as well as young people, which led to the active formation of national identity in the 1820s, the significance and value of the scientist's works sharply decreased during the Soviet period. After 1917, under the influence of prevailing ideology, the postulates of the historian's works began to be interpreted and interpreted in completely different ways, as a result of which they underwent categorical prohibitions and were eventually rehabilitated closer to the collapse of the Soviet Union and the end of Soviet historiography. In modern Russia, they have begun to attach great importance to moral, ethical and spiritual values, the institution of the family, the unity of the peoples of a multinational country, historical memory, and actively contribute to strengthening traditional orientations, which is reflected in the works of a historiographer who strictly adheres to these principles of the development of society and the formation of the state. It is noteworthy that the beginning of these trends was laid in the 1980s, in parallel with a radical shift in relations between the government and the church towards constructive dialogue, when the titular editor of N.M. N. Anatoly Filippovich Smirnov became Karamzin.

Keywords: Nikolai Mikhailovich Karamzin, Soviet historiography, Rubinstein, Anatoly Filippovich Smirnov, rehabilitation, "History of the Russian state"

***For citation**: Nikitin A.K. N.M. Karamzin's rehabilitation in Soviet historiography: stages, mechanisms, boundaries. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 124 – 129. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-124-129*

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 7, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Николай Михайлович Карамзин – главный официальный историограф России, согласно императорскому указу Александра I 1803 г. [20, с. 86; 12, с. 176], претерпел сложные коллизии становления своих трудов в советский период. С учетом того, что он активно способствовал формированию национального самосознания россиян после победы над Наполеоном, в том числе, здорового патриотизма, гордости за свое отечество, умаление значения его трудов с 1917 по 1980 гг. имело несколько деструктивное воздействие на образовательный потенциал и идеологические воззрения общества СССР. Т.о., этапы реабилитации Н.М. Карамзина можно условно дифференцировать на следующие:

(1) критическое осмысление работ историографа Л.Н. Рубинштейном (1917 по 1948 гг.);

(2) полное исключение трудов Н.М. Карамзина из образовательной траектории обучающихся высших школ (1948 по 1980 гг.);

(3) Ренессанс работ Н.М. Карамзина усилиями А.Ф. Смирнова (с 1980-х гг.).

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные работы таких отечественных авторов, как С.О. Шмидт (1997; 2013) [19; 20], А.Ф. Смирнов (1998; 2004) [14; 8]; Ю.С. Пивоваров (2002) [13], Н.Л. Рубинштейн (2008) [16], М.Ю. Лотман (2015) [10], В.П. Корзун (2016) [9], Н.В. Асонов (2016) [1], Л.Е. Шапошников (2021) [18], В.В. Пенской, Т.М. Пенская (2023) [12] и др.

Методология исследования стоится на сравнительно-историческом подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, сопоставление, обобщение), а также ряд специальных методов: хронологический, ретроспективный, а также метод периодизации.

Результаты и обсуждения

Дифференцирование этапов реабилитации Н.М. Карамзина в разных исследованиях российских ученых отличается. Как подчеркивает в своих трудах Ю.С. Пивоваров (2002), Н.М. Карамзина (1766–1826) начали активно популяризировать и говорить о нем открыто в масс-медиа в начале 2000-х, когда работы ученого стали наконец-то публиковать. Ю.М. Лотман же утверждает в своем труде «Сотворение Карамзина» от 1987 г. и последующих его переизданиях, что ощутимый прогресс возрождения данной персоналии как писателя начинается 1960-х гг. [10, с. 317; 13, с. 45]. Однако, по мнению Ю.С. Пивоварова (2002), все эти годы оставалась проблематика читаемости его произведений и, самое главное, не получала широкого распространения «История государства Российского» (первые восемь томов которой вышли в 1818 г.) [13, с. 45].

Неоднозначное отношение к «Истории государства Российского» гипотетически можно объяснить тем, что Н.М. Карамзин, например, в культуре дореволюционной России, всегда выступал как «поборник справедливости и гуманизма» [19, с. 415; 11, с. 62], а его труд, вошедший в российскую словесность в общеми-

ровом контексте – как просветительский [11, с. 62; 13, с. 46; 20, с. 72]. А именно, после выхода в печать первых трудов Н.М. Карамзина после победы России над Наполеоном, молодые люди, в особенности, военные, сравнивая историографию писателя с Западными тенденциями и культурой, отдавали дань уважения российским институтам, с чего началось стремительное формирование национального самосознания [20, с. 72]. Данные тенденции отчетливо прослеживаются во мнении В.Г. Белинского, подчеркивающего в 1845 г.: «“История государства Российского” – творение великое» [19, с. 411; 20, с. 105]. Публикация данного труда именно в ту пору оказала сильное влияние на общественное мировоззрение, «на стиль воспитания образованности, на формирование представлений об отечественных исторических традициях» [20, с. 73].

Особенно как произведения глубокой нравственной силы воспринимались главы про Ивана Грозного и Бориса Годунова [11, с. 62], в которых писатель старался раскрыть характер исторических личностей, причины их поступков, проанализировать данные аспекты сквозь призму психологии [11, с. 62]. Так, непосредственно в последекабристский период (1825 – начало 1840-х гг.) историографа воспевали как корифея науки: важно упомянуть пушкинское «подвиг честного человека» [19, с. 414] – писатель всегда защищал Н.М. Карамзина от хулителей и недобросовестных критиков, а труды ученого в последующем оказали сильное влияние как на самого Александра Сергеевича, так и на «Золотой фонд нашей словесности» [13, с. 46; 3; 17], а также на Александра I, Николая I, Ф.М. Достоевского и др. [20, с. 107].

Тем не менее, через несколько десятилетий после кончины ученого «выражение его в художественной образности, да еще риторического типа, стало рассматриваться как несвойственное научному труду» [19, с. 415; 16; 9, с. 464]. Более того, в период правления большевиков все имперское наследие отрицалось как релевантное и достоверное, а история в ту эпоху не терпела дуальности, соответственно, разные постулаты о работах и непосредственно идеология Н.М. Карамзина были нивелированы или вовсе ограничены для чтения. Тем более, что ученый является «отцом-основателем православной русской историографии» [3], тогда как с 1917 г. в Советской России начались гонения на Церковь.

С учетом того, что интерпретация судеб таких персоналий как, например, Иван Грозный, также претерпевала определенные коллизии, от имени «“образцового тирана” и деспота» [12, с. 167] до «оболганного святого» (даже в работе исследуемого историка) [12, с. 177-178], при формировании определенного национального самосознания труды Н.М. Карамзина попадали под схожие оценки: либо становились релевантными для моральной и духовной чистоты общества, либо, напротив, выступали в качестве деструктивных, так как в научном мире могли стать летописным нарративом, «задавая нормы профессионализма» [9, с. 464]. Указанные тенденции обусловливались тем, что историограф для многих оказался «провидцем, умевшим говорить истину царям» [3]. Т.о., ученый обретал актуальность или, напротив, становился «неудобным» для конкретной эпохи, хотя никогда не ратовал «за этернизацию существовавших порядков» [18, с. 269].

Главный советский историограф Н.Л. Рубинштейн (1987-1963) полагал, что на ранние воззрения и идеологему Н.М. Карамзина оказали мощное влияние масонство и западноевропейский сентиментализм, а его трактование исторических событий называет «психологическим сюжетом для литературного творчества, уже нисколько не связанного документальным обоснованием» [16; 9, с. 464].

В 1948 г., из-за расцветающего космополитизма, «Русская историография» Н.М. Карамзина стала отходить на задний план, а затем, по Приказу Министерства Высшего образования СССР № 883 от 19 июля «О книге Н.Л. Рубинштейна “Русская историография”» того же года работу имперского историографа запретили использовать для образовательных целей в высших школах. С 1950-х по 1980-е гг. «Историографического ренессанса» использовались исключительно монографии и «учебные пособия Л.В. Черепнина, В.И. Астахова, В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева, А.Л. Шапиро, А.М. Сахарова и др.» [9, с. 464], в которых взгляды Н.М. Карамзина строго оценивались как «детерминированные кризисом феодально-крепостнического строя и страхом перед Французской буржуазной революций» [9, с. 465].

Как следствие, «в советские времена Карамзин был хрестоматийно почитаем и ограниченно читаем. В школах и вузах его проходили как “писателя-сентименталиста”…, вспоминали как историка…. Но многое из его наследия тонуло в изданиях, давно уже ставших библиографической редкостью» [3], – подчеркивает С.М. Некрасов (2006) (цит. из статьи П. Басинского 2006). Например, в конце 1980-х гг. верховный партийный куратор идеологии А.Н. Яковлев (1923–2005) пытался полностью запретить издавать историографические работы Н.М. Карамзина [3].

Данный аспект может быть обусловлен тем, что Н.М. Карамзин нередко обращался к библейской тематике [6; 17]. Вспоминая резкое осуждение историографом Восстания декабристов 1825 г., по мнению И.П. Золотусского и А.Н. Варламова, на события 1991 и 1993 гг. Н.М. Карамзин отреагировал бы еще более ост-

ро [2], т.к. опираясь на опыт исторических коллизий, когда было противостояние власти и Церкви (Д. Донского и архиереев, И. Грозного и митрополита Филиппа, Алексея Михайловича и патриарха Никона, Петра I и Екатерины с Русской Православной Церковью), ученый подчеркивал трагический конец Государства и стойкость православия [2] – Церковь же долгое время в России подвергалась гонениям, практически с 1917 по 1988 гг., поэтому антицерковные настроения не позволяли освещать знаковые труды Н.М. Карамзина в советской историографии.

Между тем А.Ф. Смирнов (1925–2009) помог преодолеть «локдаун» на публикации работ ученого, став его титульным редактором [3] – благодаря стараниям советского и российского историка-слависта в 1989 г. в журнале «Москва» тиражом в несколько сотен тысяч вышло первое издание Н.М. Карамзина [17], в 1998 г. – научная редакция полного собрания сочинений [14], а в 2004 г. – «Истории государства Российского» [8]. Более того, А.Ф. Смирнов подчеркивает: «возрождение великой России невозможно без возвращения к заветам Святой Руси» [17], к которым всегда апеллировал Н.М. Карамзин.

Данные тенденции подхватываются другими учеными и масс-медиа, детерминируя это тем, что в XIX в. к Н.М. Карамзину общественность относилась как к корифею историографов Отечества, который внес «большой вклад в защиту и сохранение национально-религиозных основ российской государственности» [1, с. 219], – подчеркивает Н.В. Аносов (2016). Более того, Президент России В.В. Путин в 2015 г. в своем ежегодном послании Федеральному собранию в роли фундамента политической траектории развития РФ определяет труды Н.М. Карамзина [15; 1, с. 219].

В современную реальность, когда в Европе превалируют чуждые для России либералистские воззрения, а именно: «Европейский союз пришел к экстремальным формам либерализма, несовместимым с системой традиционных ценностей России» [4, с. 19], труды Н.М. Карамзина предельно актуальны – историограф осуждает либерализм, дефинируя его последователей как «младенцев разумом, "злых детей", самовластно посягающих на богоустановленный порядок» [3; 2; 18, с. 259-260]. В то время как на Западе ценности либеральной демократии сосредоточены на продвижении прав сексуальных меньшинств, феминисток, сторонников чайлд-фри и др. [4, с. 27], российская нелиберальная демократия фокусируется на традиционных ценностях института семьи и государства, т.е. в большинстве стран Европы превалирует постлиберализм, а в России – иллиберализм [4, с. 32]. Соответственно, тенденции Запада по-прежнему чужды для России, а ближе идеология Н.М. Карамзина, подчеркивающая «ведущую роль православия в создании единой Руси» [8; 3] – ученый всегда был убежден, что государству важно дать «хороших священников; и не следует завидовать Европе. Дворянство и духовенство… должны быть хранилищем законов, над всеми – государь» [7, с. 45; 1, с. 220].

Выводы

Н.М. Карамзин является спорной персоналией для разных эпох. Если в дореволюционную Россию его труды были основным нарративом для историографов, то в советское время работы ученого умаляются в связи с тем, что Н.М. Карамзин родился и проживал в Российской Империи и путешествовал по Европе, что отразил в своих научных трудах – наибольшей критике данные аспекты были подвержены Л.Н. Рубинштейном.

Наиболее серьезные попытки исключить вклад Н.М. Карамзина в становление отечественной историографии были предприняты в 1948 г., когда его работы исключили из образовательных материалов высших школ.

Чтобы вернуть россиян и государство в целом на путь морально-этического и духовно-нравственного ренессанса, ученые предприняли попытку реабилитировать Н.М. Карамзина в 1980-е гг. – максимального успеха в данном деле добился А.Ф. Смирнов, ставший не просто титульным редактором трудов историографа, но и активным его продвиженцем.

Список источников

1. Асонов Н.В. Н.М. Карамзин и его вклад в консервативное обновление России // Власть. 2016. № 11. С. 219 – 222.

2. Басинский П. «РГ» выпустила книгу А.Ф. Смирнова «Н.М. Карамзин» // Российская газета. Статья от 05.04.2006. URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 21.04.2026)

3. Басинский П. Как не хватает нам сегодня Карамзина! // Российская газета. Статья от 13.05.2006. URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 21.04.2026)

4. Братерский М.В. Постлиберализм против нелиберальной демократии: как мировоззрение разделяет Европейский союз и Россию // Актуальные проблемы Европы. 2023. С. 18 – 39. https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.02

5. Волоколамский Илларион (митрополит). Как между двумя революциями в России появился Патриарх // Российская газета. Статья от 28.08.2017. URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 21.04.2026)

6. Карамзин Н. и Православие // Азбука Веры. 2016. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/n-karamzin-i-pravoslavie/ (дата обращения: 21.04.2026)

7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / предисл., подгот. текста и примеч. Ю.С. Пивоварова. Москва: Наука, 1991. 125 с.

8. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т.: в 3 кн. / науч. ред. текста, послесл., коммент.: А.Ф. Смирнов. Москва: Олма-Пресс, 2004. Т. 1-4. 700 с.; Т. 5-8. 637 с.; Т. 9-12. 621 с.

9. Корзун В.П. Н.М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 459 – 470.

10. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Ю.М. Лотман. Санкт-Петербург: Азбука, печ. 2015. 445 с.

11. Материалы к Новой академической «Истории русской литературы»: Новая академическая «История русской литературы»: сборник: [16+] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; под редакцией В.Е. Багно, Т.В. Мисникевич. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, 2023. 487 с.

12. Пенской В.В., Пенская Т.М. Рождение «Тирана»: Иван Грозный и отечественная «Иваниана» – историографические заметки // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2023. № 2. С. 167 – 185. https://doi.org/10.18413/2312-3044-2023-10-2-167-185

13. Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2002. № 1. С. 45 – 56.

14. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18-ти т. / под ред. проф. А.Ф. Смирнова; Сост. и подгот. текстов А.М. Кузнецов. История государства Российского. Москва: Терра-Кн. клуб, 1998. 511 с.

15. Путин В.В. О чем говорил Владимир Путин в Послании к Федеральному Собранию // Российская газета. Статья от 03.12.2015. URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 21.04.2026)

16. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 802 с.

17. Тимофеев А. Воин духа. Памяти выдающегося историка Анатолия Филипповича Смирнова // Православие.ru. Статья от 24.09.2009. URL: https://pravoslavie.ru/37781.html (дата обращения: 21.04.2026)

18. Шапошников Л.Е. Н.М. Карамзин: от либерального западничества к отечественному консерватизму // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2021. № 19. С. 257 – 272.

19. Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // В кн.: Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / Российский государственный гуманитарный университет. Москва, РГГУ, 1997. С. 411 – 439.

20. Шмидт С.О. Карамзин – наш Кутузов // Наука и нравственность. Развитие личности. 2013. №4. С. 71 – 116.

References

1. Asonov N.V. N.M. Karamzin and his contribution to the conservative renewal of Russia. Vlast. 2016. No. 11. P. 219 – 222.

2. Basinsky P. "RG" published A.F. Smirnov's book "N.M. Karamzin". Rossiyskaya Gazeta. Article dated 05.04.2006. URL: https://rg.ru/ (date of access: 21.04.2026)

3. Basinsky P. How we miss Karamzin today! Rossiyskaya Gazeta. Article dated 13.05.2006. URL: https://rg.ru/ (date of access: 21.04.2026)

4. Bratersky M.V. Postliberalism versus illiberal democracy: how worldview divides the European Union and Russia. Current issues of Europe. 2023. P. 18 – 39. https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.02

5. Hilarion of Volokolamsk (Metropolitan). How a Patriarch Appeared in Russia Between Two Revolutions. Rossiyskaya Gazeta. Article from August 28, 2017. URL: https://rg.ru/ (date of access: April 21, 2026)

6. Karamzin N. and Orthodoxy. ABC of Faith. 2016. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/n-karamzin-i-pravoslavie/ (date of access: 21.04.2026)

7. Karamzin N.M. Note on Ancient and Modern Russia in Its Political and Civil Relations. preface, text preparation and notes. Yu.S. Pivovarova. Moscow: Nauka, 1991. 125 p.

8. Karamzin N.M. History of the Russian State: in 12 volumes: in 3 books. scientific ed. text, afterword, commentary: A.F. Smirnov. Moscow: Olma-Press, 2004. T. 1-4. 700 s.; T. 5-8. 637 p.; T. 9-12. 621 p.

9. Korzun V.P. N.M. Karamzin in textbooks on historiography: about the zigzags of the formation of corporate memory. Teacher of the XXI century. 2016. No. 4. P. 459 – 470.

10. Lotman Yu.M. The Creation of Karamzin. Yu.M. Lotman. Saint Petersburg: Azbuka, printed in 2015. 445 p.

11. Materials for the New Academic "History of Russian Literature": New Academic "History of Russian Literature": collection: [16+]. Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; edited by V.E. Bagno, T.V. Misnikevich. Saint Petersburg: Pushkin House Publishing House, 2023. 487 p.

12. Penskoy V.V., Penskaya T.M. The Birth of the "Tyrant": Ivan the Terrible and Russian "Ivaniana" – historiographic notes. Tractus aevorum: evolution of socio-cultural and political spaces. 2023. No. 2. P. 167 – 185. https://doi.org/10.18413/2312-3044-2023-10-2-167-185

13. Pivovarov Yu.S. Karamzin's Time and "Notes on Ancient and New Russia". Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects. 2002. No. 1. P. 45 – 56.

14. Karamzin N.M. Complete Works: in 18 volumes. edited by prof. A.F. Smirnov; Comp. and preparation of texts by A.M. Kuznetsov. History of the Russian State. Moscow: Terra-Kn. Club, 1998. 511 p.

15. Putin V.V. What Vladimir Putin Spoke About in His Address to the Federal Assembly. Rossiyskaya Gazeta. Article from December 3, 2015. URL: https://rg.ru/ (date of access: 21.04.2026)

16. Rubinstein, N.L. Russian Historiography. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. 802 p.

17. Timofeev A. Warrior of the Spirit. In Memory of the Outstanding Historian Anatoly Filippovich Smirnov. Pravoslavie.ru. Article from September 24, 2009. URL: https://pravoslavie.ru/37781.html (date of access: 21.04.2026)

18. Shaposhnikov L.E., N.M. Karamzin: From Liberal Westernism to Domestic Conservatism. Transactions of the Nizhny Novgorod Theological Seminary. 2021. No. 19. P. 257 – 272.

19. Schmidt S.O. “History of the Russian State” in the Culture of Prerevolutionary Russia. In the book: The Historian’s Path: Selected Works on Source Studies and Historiography. Russian State University for the Humanities. Moscow, RSUH, 1997. P. 411 – 439.

20. Schmidt S.O. Karamzin – Our Kutuzov. Science and Morality. Personality Development. 2013. No. 4. P. 71 – 116.

Информация об авторе

Никитин А.К., аспирант, Государственный университет просвещения, alexander.nikitin.k@gmail.com

© Никитин А.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 330.34.014.2
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-130-135

Клиометрика в российской историографии: от количественных методов к современным вызовам

[1] Оганян В.А.,
[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: современные технологии и цифровизация оказывают существенное влияние на становление наук, которые ранее не получали своего должного развития в доцифровую эпоху. Одним из знаковых направлений является клиометрика, изучающая экономику и историю в контексте междисциплинарности, положившее начало совершенствованию исторических методов исследования в Америке в 1960-х годах, а далее нашедшее продолжение в России. Несмотря на критическое осмысление ее релевантности в историографии учеными-традиционалистами, многие отечественные исследователи успешно интегрировали ее в свои труды, благодаря чему получилось не просто переосмыслить определенные исторические процессы, но и сделать ревизионистские выводы о знаковых событиях, оказавших влияние на развитие человечества. В настоящее время клиометрика получает новый импульс благодаря возможности ученых работать с оцифрованным материалом и большими базами данных посредством персональных компьютеров и искусственного интеллекта. Полученные результаты в клиометрических исследованиях помогают делать выводы об ошибках, совершенных историческими персоналиями, подчерпнуть ценный опыт успешных действий (реформ, революций, санкций) и скорректировать ход истории в релевантном направлении, что будет способствовать росту экономических показателей, благополучию общества, и, самое главное, социальному росту людей по образовательной, культурной, морально-этической, духовно-ценностной траектории.

Ключевые слова: клиометрика, клиометрия, историография, Россия, количественный метод, историческая информатика, цифровая история, квантификация

Для цитирования: *Оганян В.А. Клиометрика в российской историографии: от количественных методов к современным вызовам // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 130 – 135. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-130-135*

Поступила в редакцию: 11 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Cliometrics in Russian historiography: from quantitative methods to modern challenges

[1] Oganyan V.A.,
[1] Federal State University of Education

Abstract: modern technologies and digitalization have a significant impact on the development of sciences that previously did not receive their proper development in the pre-digital era. One of the landmark areas is cliometrics, which studies economics and history in the context of interdisciplinarity, which marked the beginning of the improvement of historical research methods in America in the 1960s, and then continued in Russia. Despite the criti-

cal interpretation of its relevance in historiography by traditionalist scholars, many Russian researchers have successfully integrated it into their works, which has enabled them not only to rethink certain historical processes, but also to draw revisionist conclusions about significant events that influenced the development of mankind. Cliometrics is currently receiving a new impetus due to the ability of scientists to work with digitized material and large databases through personal computers and artificial intelligence. The results obtained in cliometric studies help to draw conclusions about mistakes made by historical figures, gain valuable experience of successful actions (reforms, revolutions, sanctions) and adjust the course of history in the relevant direction, which will contribute to the growth of economic indicators, the well-being of society, and, most importantly, the social growth of people in educational, cultural, moral,ethical, spiritual and value trajectory.

Keywords: cliometrics, cliometry, historiography, Russia, quantitative method, historical informatics, digital history, quantification

For citation: *Oganyan V.A. Cliometrics in Russian historiography: from quantitative methods to modern challenges. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 130 – 135. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-130-135*

The article was submitted: May 11, 2026; Approved after reviewing: June 8, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Клиометрика посредством анализа экономических показателей, получаемых на протяжении развития того или иного исторического события, позволяет не только понять возможные варианты становления знаковых событий по той или иной траектории, но и спрогнозировать перспективы их реализации в будущем времени. Например, изучая причины и факторы возникновения Великой депрессии (1929-1933 гг.) можно предотвратить потенциальные кризисы в мировой экономике, рассчитав показатели морской континентальной блокады во Франции (1806-1814 гг.) – определить вероятный ход санкционной политики XXI в. [10] и др.

Одним из самых ярких примеров эффективности использования инструментов клиометрики является исследование роли железных дорог в экономике США XIX в., которое позволило понять, что темпы развития страны замедлились бы только на два года (т.е. снизило бы ВВП на 4,7%), при условии использования альтернативных вариантов путей: водных и гужевого транспорта – более того, это смогло бы сэкономить определенное количество ресурсов (финансовых, временных и, самое главное, человеческих), – подчеркивает Р. Фогель (R. Fogel) в своем труде «Железные дороги и американский экономический рост: очерки по эконометрической истории» (“*Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History”* 1964) [13, с. 444]. Как следствие, монография ученого поставила под сомнение общепринятое мнение, что железные дороги имели ведущую роль в экономическом становлении американцев [16].

Несмотря на то, что наработки Р. Фогеля подвергли критике, т.к. он не взял в расчет мобильность трудовых кадров и положение технического прогресса, его модель взяли за основу клиометрических подсчетов для определения целесообразности использования рабовладельческой силы и колониализма в Африке (исследователи: *Acemoglu, Johnson, Robinson* 2001; *Nunn* 2008), влияния аграрной реформы П.А. Столыпина на институциональную структуру крестьянства и т.д. [10].

Вторым пионером клиометрических исследований стал Д. Норт (*D. North*), доказавший в рамках неоинституционализма влияние социальных институтов (в т.ч. ментальных конструкций, идеологий и культуры, традиций, конституций, законов, деятельности судов и полиции и т.д.) на экономический рост общества [3, с. 128; 5, с. 50]. За это ученый в 1993 г. был удостоен Нобелевской премии.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные работы таких отечественных авторов, как Н.И. Гульбина (2004) [3], Ю.В. Латов (2012) [5], Н.С. Гусева (2013) [4], Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров (2017) [2], Е.Г. Муратова (2017) [8], В.Н. Очир-Горяева (2024) [9], Е.Д. Пешкова, Т.В. Натхов (2024) [10], В.Л. Берсенёв, А.П. Горст (2025) [1] и др. Отдельные методические аспекты изучения клиеометрики представлены в работах таких зарубежных авторов, как A. Gregg (2024) [15] и S. Lee (2025) [16].

Методология исследования стоится на сравнительно-историческом подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, сопоставление, обобщение), а также ряд специальных методов: хронологический, ретроспективный, метод периодизации, а также метод перспективного анализа.

Результаты и обсуждения

Клиометрика – это «экономико-математическое моделирование исторического развития» [5, с. 59]. Исследуемый термин официально был введен в науку экономистами С. Рейтером и Дж. Хьюзом в 1960-ом г. путем объединения двух понятий «метрика» – «измерение» и Клио (имя греческой музы истории), когда в обозначенный период данное направление науки стало набирать популярность благодаря работам Д. Норта и Р. Фогеля [16; 5, с. 50].

Клиометрика – междисциплинарная область, объединяющая историю, экономику и статистику, – стала мощным инструментом для анализа исторических данных и формирования политики современных институтов. Как подчеркивает С. Ли (Lee 2025), путем применения эконометрических методов к историческим данным, клиометрика позволяет более детально анализировать и понимать сложную корреляцию экономических, социальных и институциональных факторов, определяющих ход истории [16]. Знания о прошлых реформах, источниках финансового развития, причинах экономических кризисов, последствиях эмиграции, релевантности включения женского интеллектуального и ручного труда в профессиональную деятельность всех отраслей для благополучия общества, а также иной историографический опыт, помогают прийти к выводам, как проще и эффективнее преодолеть или миновать определенные трудности в будущем, рассмотреть примеры удачных и неудачных решений в экономической политике, найти корень назревших проблем в какой-либо социальной сфере (в т.ч. в демографии) и др. [10].

В России изначально к появлению клиометрики отнеслись неоднозначно, например, «традиционные историки» стали интерпретировать данное направление как «мула, от которого не следует ожидать потомства» [8, с. 5], клиометристы стали сравнивать ее с лифтом, способным поднять историка (посредством возникновения и развития различных технологий, математических моделей и дедуктивного анализа) на новые этажи исторической науки, историки-квантификаторы – отрицать «нарративный подход, абсолютизировать новые методики и подходы в контексте поиска “новой научной истории”» [8, с. 5], где цифровые ресурсы и информатизация выступают гарантом получения объективных и релевантных данных.

Тем не менее, данное междисциплинарное научное направление начало интегрироваться в работы отечественных ученых. Например, стоит отметить значимые на весь мир исследования таких российских ученых-основоположников советской клиометрической школы, как:

И.Д. Ковальченко (1923-1995), проработавший более 30-ти лет заведующим кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова – интегрировал в исторические исследования математические (количественные) методы и ЭВМ (1979-1994 гг.), что послужило фундаментом создания квантитативной истории [4, с. 87; 12, с. 5; 5, с. 50];

Л.В. Милов (1929-2007 гг.), один из основоположников применения количественных (квантитативных) методов в изучении социально-экономической истории России (например, ее аграрного развития после Смуты; аграрного рынка, оказавшего влияние на зарождение капиталистического уклада во 2-ой половине XVIII в.; авторского стиля и авторства средневековых литературных произведений и др.) [14, с. 6-10; 5, с. 51; 4, с. 89];

Б.Н. Миронов (1942 г.р., профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ) – ревизионист «закона Карла Маркса об абсолютном и относительном обнищании пролетариата при капитализме» [7]), совершил революцию в оценке событий 1917 г. [5, с. 51; 4, с. 89]. В своем труде «История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях)» (1991) впервые применил авторский метод ретросказания с помощью когортного анализа. Большое внимание ученый уделяет исторической антропометрии [5, с. 51].

Л.И. Бородкин (1946 г.р.) – (ученик И.Д. Ковальченко, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Центра экономической истории) совместно с К. Леонардом большой вклад внес в изучение динамики “ножниц зарплаты” *(wage gap)* в России 1885-1914 гг. среди рабочих фабрик, расположенных в сельской местности [5, с. 60] и др.

Важно отметить, что в становление клиометрики большой вклад в России внесен с 1980-х гг., когда начался новый этап ее развития, ознаменовавшийся «Микрокомпьютерной революцией» – большие ЭВМ (электронно-вычислительные машины) стали заменяться персональными компьютерами, что позволило посредством квантификации и компьютеризации исторических исследований значительно расширить возможности работать с историческими данными [12, с. 5]. Несмотря на скепсис историков-традиционалистов, первый в истории ассоциации *“History and Computing”* международный семинар (именуемый «Статистическое программное обеспечение для историков») по использованию клиометрики в исторической ретроспективе состоялся в г. Барнаул Российской Федерации в 1994 г. [6, с. 32; 2, с. 4], второй – в г. Москва в 1996 г. («Архивы в киберпространстве») [2, с. 4].

Российские исследователи расширили спектр наук, где клиометрика может быть использована для получения не только финансовых показателей, но и социально значимых статистических данных. Так, с целью изучения того, как повлияла Вторая мировая война и депортация на численность и структуру населения различных регионов, а также какие лица, в т.ч. персоналии, были призваны на войну и погибли, а затем как это повлияло на просопографический портрет общества, изучено в Куйбышевской обл. О.Ю. Бушуевой (Игошиной), в Чувашии – Д.Е. Ермолаевой, Е.В. Плотниковой, в Татарстане – А.А. Ивановой, в Мордовии и Куйбышевской области – Л.Г. Скворцовой [9, с. 7], а также В.Н. Очир-Горяевой в Калмыкии [9].

Важно подчеркнуть, что, в отличие от западной «новой экономической истории», в контексте которой клиометристы активно используют экономический теоретический аппарат, отечественные ученые существенный акцент делают на математических методах исследования, т.е. более импонируют статистике [5, с. 50].

В настоящее время (данные актуальны на июнь 2026 г.) клиометрика обретает популярность в научном мире, в т.ч. среди российских ученых, о чем свидетельствуют книги и публикации, размещенные, например, в электронной Российской государственной библиотеке (РГБ) [11], а именно, на запрос по ключевому слову «клиометрия» в списке нашлось 445 работ, 435 из которых на русском языке, 14 – на английском, и 1 – на итальянском; годы их издания варьируются от 1984-го до 2026-го; характерна указанная дефиниция при упоминании источника для специалистов по истории и археологии (87 шт.), экономике (42 шт.), философии (31 шт.) и т.д., при этом каталог диссертаций насчитывает 174 работы, в которых клиометрия помогает измерять, обрабатывать и анализировать исторические данные. Термин «клиометрика» упоминается в 352-х работах, размещенных в РГБ (348 на русском и 7 на английском языках), опубликованных с 1990 по 2026 гг. преимущественно по таким специальностям, как «История и археология» (66 шт.), «Экономика» (52 шт.), «Социальные и гуманитарные науки» (19 шт.) и т.д. При этом, в РГБ ежегодно размещается в среднем по 20 работ: с 1997-го по 2000-й – по 4 работы, далее их популярность ежегодно возрастала: с 2004 г. их количество достигло уже 25-ти, с 2010-х поток схлынул до 3-х – 4-х работ, а с 2017-го вновь возрос до 20-ти публикаций. Согласно клиометрике, рост научного интереса к данным работам свидетельствует о популяризации направления, формировании научного интереса к указанному направлению и развитии методологической базы, а также расширении тематического охвата: помимо экономической истории, с помощью клиометрики стали изучаться такие направления, как политика, социология, искусствоведение, антропология [16], военное дело, демография [9, с. 7] и др. Т.о., на примере анализа количественных (математико-статистических) данных о публикациях, содержащих материал о клиометрике, демонстрируется эффективность и релевантность включения в науки исследуемого междисциплинарного научного направления. Гипотетически, количество публикаций в РГБ по указанной тематике, и, соответственно, выводы о популярности данного направления, могло бы быть выше, т.к. «российские исследователи “старой школы” критически относятся к самому термину “клиометрика”, рассуждая об “исторической информатике”, “цифровой истории” или квантификации» [1, с. 237].

Сегодня, по мнению профессора Миддлберийского колледжа (США) А. Грегг (Gregg 2024), экономическая история России представляет собой активно развивающуюся область клиометрики, особенно с учетом того, что ученые все чаще используют новые методы и наборы данных с более мелкими единицами наблюдения, отвечая на вопросы широкого спектра [15, p. 205]. Соответственно, указанное направление является перспективным, тем более что в перечень его инструментов успешно интегрируются цифровые технологии и искусственный интеллект, которые помогают максимально оперативно обрабатывать материал и формировать большие базы данных [16].

Выводы

Клиометрика – активно развивающееся направление экономической истории, которая обрела свою популярность не только за рубежом, но и в России. Отечественные ученые существенно обогатили мировой опыт релевантным использованием клиометрики в корреляции с электронным вычислительным, а затем цифровым инструментарием. Одним из главных аспектов данной методики является междисциплинарность и использование цифровых устройств, а ее перспективы растут соразмерно с развитием инновационных вычислительных мощностей.

Список источников

1. Берсенёв В.Л., Горст А.П. О возможностях ретроальтернативистики применительно к экономическому анализу // ЭКО. 2025. № 1 (601). С. 232 – 243. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-1-232-243

2. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Ассоциация «История и компьютер»: 25 лет спустя // Историческая информатика. 2017. № 3 (21). С. 1 – 6. https://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.3.24702

3. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 123 – 128.

4. Гусева Н.С. Математизация исторической науки: становление клиометрии в исторической науке во второй половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 87 – 90.

5. Латов Ю.В. Клио берет калькулятор (клиометрические case-study по институциональной экономической истории российской цивилизации) // Journal of Institutional Studies. 2012. № 2. С. 50 – 73.

6. Математические методы в исторических исследованиях: учебное пособие / Министерство науки и высшего образования РФ, ФГБУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»; составитель: А.И. Дроздов. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2020. 83 с.

7. Миронов Б. Оцифрованная революция // Родина. Статья от 06.11.2017. URL: https://rodina-history.ru/2017/10/26/rodina-boris-mironov.html?utm_referrer=httpsFyandex.ruF (дата обращения: 19.04.2026)

8. Муратова Е.Г. Количественные методы в исторических исследованиях: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлениям 46.03.01 История, 46.03.03 Антропология и этнология / Минобрнауки РФ, ФГБО УВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова». Нальчик, 2017. 81 с.

9. Очир-Горяева В.Н. Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг памяти: историко-статистическое исследование: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Калмыцкий научный центр Российской академии наук»; Диссовет 24.1.459.01 (24.1.459.01)]. Элиста, 2024. 26 с.

10. Пешкова Е.Д., Натхов Т.В. Клиометрика: история как школа и лаборатория экономиста // НИУ Высшая школа экономики. Статья от 23.06.2024. URL: https://economics.hse.ru/ecjourn/news/935858387.html (дата обращения: 17.04.2026)

11. Российская государственная библиотека // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: https://www.rsl.ru/ (дата обращения: 19.04.2026)

12. Абрамова Т.А., Арсентьев Н.М., Григорькин В.А. и др. Социально-экономическая и цифровая история: учебное пособие / Министерство науки и высшего образования РФ, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2022. 143 с.

13. Алексеев В.В. и др. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев и др.; Ин-т истории, археологии и этнографии ДВО РАН [и др.]. Волгоград: Учитель, 2014. 503 с.

14. Цинцадзе Н.С. Экосоциальные проблемы Европейской России: 1861-1941 гг.: власть, общество, природа: автореф. дис. ... докт. истор. наук / Российский государственный гуманитарный университет». Тамбов, 2022. 49 с.

15. Gregg A. Cliometrics, the Russian Empire, and the Soviet Union // In book: Handbook of Cliometrics. 2024. P. 205 – 229. https://doi.org/10.1007/978-3-031-35583-7_101

16. Lee S. (2025) Cliometrics: Bridging the Gap between History and Economics // Number Analytics. May 24, 2025. URL: https://www.numberanalytics.com/blog/cliometrics-bridging-history-economics (date of access: 17.04.2026)

References

1. Bersenev V.L., Gorst A.P. On the Possibilities of Retro-Alternative Studies as Applied to Economic Analysis. ECO. 2025. No. 1 (601). P. 232 – 243. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-1-232-243

2. Borodkin L.I., Vladimirov V.N. Association "History and Computer": 25 Years Later. Historical Informatics. 2017. No. 3 (21). P. 1 – 6. https://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.3.24702

3. Gulbina N.I. D. North's Theory of Institutional Changes. Bulletin of Tomsk State University. 2004. No. 283. P. 123 – 128.

4. Guseva N.S. Mathematization of Historical Science: Formation of Cliometrics in Historical Science in the Second Half of the 20th Century. Bulletin of Tomsk State University. 2013. No. 372. P. 87 – 90.

5. Latov Yu.V. Clio Takes a Calculator (Cliometric Case Studies on the Institutional Economic History of Russian Civilization). Journal of Institutional Studies. 2012. No. 2. P. 50 – 73.

6. Mathematical Methods in Historical Research: A Study Guide. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Khakass State University named after N.F. Katanov”; compiled by A.I. Drozdov. Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov, 2020. 83 p.

7. Mironov B. Digital Revolution. Rodina. Article from 06.11.2017. URL: https://rodina-history.ru/2017/10/26/rodina-boris-mironov.html?utm_referrer=httpsFyandex.ruF (date of access: 19.04.2026)

8. Muratova E.G. Quantitative Methods in Historical Research: a tutorial for students studying in the fields of 46.03.01 History, 46.03.03 Anthropology and Ethnology. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. Nalchik, 2017. 81 p.

9. Ochir-Goryaeva V.N. Irrecoverable losses of participants in the Great Patriotic War of 1941-1945, called up from the Kalmyk ASSR, according to the Books of Memory: historical and statistical study: author's abstract. diss. ... Cand. Sciences (History). Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"; Dissertation Council 24.1.459.01 (24.1.459.01)]. Elista, 2024. 26 p.

10. Peshkova E.D., Natkhov T.V. Cliometrics: history as a school and laboratory of an economist. National Research University Higher School of Economics. Article dated 23.06.2024. URL: https://economics.hse.ru/ecjourn/news/935858387.html (date of access: 17.04.2026)

11. Russian State Library. Official website of the Russian State Library. URL: https://www.rsl.ru/ (date of access: 19.04.2026)

12. Abramova T.A., Arsentiev N.M., Grigorkin V.A. et al. Socioeconomic and Digital History: Textbook. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev. Saransk: Publishing house of Mordovian University, 2022. 143 p.

13. Alekseev V.V. et al. Theory and Methodology of History: Textbook for Universities. ed. V.V. Alekseev et al. Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences [and others]. Volgograd: Uchitel, 2014. 503 p.

14. Tsintsadze N.S. Ecosocial Problems of European Russia: 1861-1941: Power, Society, Nature: Abstract of a Doctor of History Dissertation. Russian State University for the Humanities. Tambov, 2022. 49 p.

15. Gregg A. Cliometrics, the Russian Empire, and the Soviet Union. In book: Handbook of Cliometrics. 2024. P. 205 – 229. https://doi.org/10.1007/978-3-031-35583-7_101

16. Lee S. (2025) Cliometrics: Bridging the Gap between History and Economics. Number Analytics. May 24, 2025. URL: https://www.numberanalytics.com/blog/cliometrics-bridging-history-economics (date of access: 17.04.2026)

Информация об авторе

Оганян В.А., аспирант, Государственный университет просвещения, vram.oganyan@icloud.com

© Оганян В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-136-142

Эволюция российской пенитенциарной мысли в трудах М.Н. Гернета и его современников (конец XIX – первая половина XX в.)

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: в статье исследуется эволюция российской пенитенциарной мысли в конце XIX – первой половине XX в. через призму научного наследия Михаила Николаевича Гернета и его современников. На основе анализа широкого круга историографических источников, включая труды И.Я. Фойницкого, Н.С. Таганцева, С.В. Познышева, С.П. Мокринского и других видных представителей отечественного тюрьмоведения, рассматриваются ключевые этапы становления пенитенциарной науки как самостоятельной отрасли юридического знания. Особое внимание уделяется социологическому подходу М.Н. Гернета к изучению преступности и тюремной политики, его критике антропологической школы, последовательной позиции против смертной казни и фундаментальному труду «История царской тюрьмы». В статье показана преемственность между дореволюционной и советской пенитенциарной наукой, проанализированы дискуссии о целях наказания, возможности исправления заключённых и роли тюремного труда. Источниковую базу исследования составили опубликованные научные труды М.Н. Гернета, а также историографические работы, посвящённые анализу его научного наследия и развитию отечественного тюрьмоведения в целом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для углублённого понимания исторических корней современной уголовно-исполнительной политики и реформирования пенитенциарной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная мысль, тюрьмоведение, М.Н. Гернет, история царской тюрьмы, социологическая школа уголовного права, смертная казнь, исправление заключённых, уголовно-исполнительная политика

Для цитирования: *Середа С.П. Эволюция российской пенитенциарной мысли в трудах М.Н. Гернета и его современников (конец XIX – первая половина XX в.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 136 – 142. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-136-142*

Поступила в редакцию: 11 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The evolution of Russian penitentiary thought in the works of M.N. Gernet and his contemporaries (late 19th – first half of the 20th century)

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the article examines the evolution of Russian penitentiary thought in the late 19th – first half of the 20th century through the prism of the scientific heritage of Mikhail Nikolaevich Gernet and his contemporaries. Based on the analysis of a wide range of historical sources, including the works of I.Ya. Foynitsky, N.S. Tagantsev, S.V. Poznyshev, S.P. Mokrinsky and other prominent representatives of Russian prison studies, the key stages of

the formation of penitentiary science as an independent branch of legal knowledge are considered. Special attention is paid to the sociological approach of M.N. Gernet's approach to the study of crime and prison policy, his criticism of the anthropological school, his consistent position against the death penalty, and his fundamental work "The History of the Tsar's Prison." The article shows the continuity between pre-revolutionary and Soviet penitentiary science, analyzes discussions about the goals of punishment, the possibility of correcting prisoners and the role of prison labor. The research's source base consists of the published scientific works of M.N. Gernet, as well as historiographical works devoted to the analysis of his scientific heritage and the development of Russian prison studies in general. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results for an in-depth understanding of the historical roots of modern penal enforcement policy and the reform of the penitentiary system.

Keywords: penitentiary thought, prison studies, M.N. Gernet, history of the Tsar's prison, sociological school of criminal law, death penalty, correction of prisoners, penal policy

For citation: *Sereda S.P. The evolution of Russian penitentiary thought in the works of M.N. Gernet and his contemporaries (late 19th – first half of the 20th century). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 136 – 142. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-136-142*

The article was submitted: May 11, 2026; Approved after reviewing: June 8, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Становление отечественной пенитенциарной науки как самостоятельной отрасли юридического знания приходится на вторую половину XIX – начало XX в. В этот период российские учёные-правоведы, осознавая ограниченность чисто догматического подхода к изучению наказания, обратились к комплексному анализу тюремной системы, её места в общей политике государства и социальной детерминации преступности. В центре этих процессов оказалась фигура Михаила Николаевича Гернета (1874-1953), чьё научное наследие признаётся фундаментальным для понимания эволюции российской пенитенциарной мысли от дореволюционного периода до середины XX столетия [1, с. 168-170; 3, с. 519].

Актуальность обращения к истории пенитенциарной мысли обусловлена не только академическим интересом, но и практической значимостью исторического опыта для реформирования современной уголовно-исполнительной системы [12]. В этом контексте осмысление теоретических подходов, разработанных М.Н. Гернетом и его современниками, приобретает не только историографическое, но и прикладное значение.

Цель настоящего исследования – выявление основных этапов и содержательных характеристик эволюции российской пенитенциарной мысли в конце XIX – первой половине XX в. через анализ наследия Гернета в сопоставлении с трудами его современников. Задачи настоящего исследования: охарактеризовать дореволюционный этап становления пенитенциарной науки и место в нём М.Н. Гернета; проанализировать ключевые теоретические положения М.Н. Гернета; сопоставить его взгляды с позициями современников; проследить преемственность между дореволюционной и советской наукой; оценить вклад в институционализацию исследований.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу исследования составили опубликованные труды М.Н. Гернета, а также историографические работы, посвящённые анализу его наследия и развитию тюрьмоведения. Ключевое значение имеют статьи К.К. Кораблина [1; 2; 12], работы А.И. Луцкого, М.И. Луцкого и Б.В. Киндюка [3], П.Н. Кобца [6]. Для реконструкции интеллектуального контекста привлечены исследования В.А. Жабского [4], С.М. Оганесяна [5], Т.А. Желдыбиной [8], В.Б. Лебедева и Е.В. Степановой [11]. Институциональные аспекты освещены в статьях Н.Г. Шурухнова [7; 17] и О.Ю. Ельчаниновой [16]. Работы В.М. Анисимкова и Е.В. Королёвой [9], Б.Б. Казака и Т.В. Смирновой [10], Л.Б. Смирнова [13] и В.А. Уткина [14] позволяют проследить преемственность научной традиции. Интервью с П.В. Тепляшиным [15] даёт представление о современном состоянии науки.

Методологическую основу исследования составляет комплекс методов: историко-генетический - для выявления хронологической последовательности; сравнительно-исторический – для сопоставления взглядов; проблемно-хронологический – для анализа эволюции подходов Гернета; историко-биографический – для увязки концепций с личным опытом; системный – для рассмотрения пенитенциарной науки как части более широкой системы.

Результаты и обсуждения

Формирование российской пенитенциарной науки происходило во второй половине XIX – начале XX в. на стыке уголовного права, социологии, статистики и тюремной практики. Представители дореволюционного тюрьмоведения – И.Я. Фойницкий, Н.В. Муравьев, А.В. Пассек, Д.Г. Тальберг, В.Н. Юферов, Н.М. Ядринцев, Н.Ф. Лучинский, В.Н. Никитин, А.А. Пионтковский и другие – стремились объединить учение о наказании с практикой мест заключения, выработать принципы тюремного дела и направить его в русло исправительно-воспитательного воздействия [1, с. 170].

М.Н. Гернет относится к «юристам-социологам», представлявшим социологическое направление [1]. Как отмечается в литературе, его ключевые тезисы заключаются в том, что: тюремная политика – очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства; политическое и экономическое состояние страны ярко отражаются на организации всей карательной системы [1; 2; 12].

Формирование социологического мировоззрения М.Н. Гернета определялось несколькими факторами. Семейная история (отец был заключённым Петропавловской крепости) повлияла на интерес к истории царских тюрем [3, с. 520]. Зарубежная стажировка 1902-1904 гг. позволила ему слушать лекции Ф. Листа, осматривать тюрьмы Италии, Франции, Германии, Швейцарии, Бельгии [3, с. 521; 6, с. 61-62] и воспринять идеи европейской социологической школы [1]. В магистерской диссертации «Социальные факторы преступности» (1906) М.Н. Гернет доказал, что причины преступности коренятся не в генетических особенностях (в противовес антропологической школе Чезаре Ломброзо), а в социально-экономическом строе [6, с. 63]. Основными факторами он называл безработицу, нищету и бедность [6, с. 63].

Центральным вопросом дискуссий была проблема целей наказания и достижимости исправления. Н.С. Таганцев рассматривал наказание как право государства, необходимое для охраны правопорядка [2], признавал, что тюрьма может приучить к порядку и труду [4; 13, с. 277], но сомневался в полном нравственном исправлении [5, с. 54-55]. При этом он был последовательным противником смертной казни [5, с. 55]. С.П. Мокринский отрицал возможность исправления взрослого преступника, сводя цели наказания к психологическому принуждению, социальному приспособлению и механическому обезвреживанию [5, с. 54; 13, с. 275]. С.В. Познышев, напротив, был сторонником исправления, понимая его как достижение «социальной годности» – способности жить честным трудом [5, с. 54-55; 13, с. 277]. Он выделял нравственное и юридическое исправление, признавая, что государство может иметь в виду лишь юридическое [13, с. 277]. К средствам исправления он относил тюремное воспитание, образование, труд, дисциплину [13, с. 278].

И.Я. Фойницкий определял пенитенциарную науку как особую отрасль политико-юридических наук, основывающуюся на данном опыте и стремящуюся к философско-практическому осмыслению карательной системы [7, с. 554; 12; 13, с. 278]. Содержанием науки он считал определение институтов, способных оказать воздействие на преступный класс путём изучения особенностей преступного населения [12; 13]. Он уделял внимание средствам исправления (труд, образование, дисциплина) и исследовал ссылку, способствуя принятию закона 1900 г. о её отмене [13].

Позиция М.Н. Гернета отличалась последовательным социологизмом и гуманизмом. Он критиковал антропологическую теорию и утверждал, что преступление «неразрывно связано с общественно-политическим строем, с институтом частной собственности, с классовой борьбой» [1]. Он выражал солидарность с Г. Тардом в том, что «разного рода проявления преступности являются тенью, которую отбрасывает общество» [6, с. 61-62]. В труде «Уголовное право и социализм» он доказывал, что несправедливый экономический порядок - основной фактор преступности [3, с. 523]. Гуманистические взгляды М.Н. Гернета, как отмечает Т.Я. Хабриева, вытекали из учения французских мыслителей эпохи Возрождения [1].

Особое место в наследии М.Н. Гернета занимала проблема смертной казни, которой он посвятил работы за 1905-1931 гг. [1]. В монографии «Смертная казнь» (1913) он доказывал, что она не соответствует принципу индивидуальности наказания, противоречит восстановимости при судебной ошибке, провоцирует нравственное разложение общества [1]. Он утверждал, что отмена смертной казни не ведёт к росту преступности, а динамика преступности зависит от социально-экономических факторов [1]. В работе «Против смертной казни» (1906) на статистике Англии показал, что уменьшение числа преступлений, караемых смертью, снижает общую преступность [3, с. 527].

Позиция М.Н. Гернета разделялась многими современниками. Н.С. Таганцев считал борьбу с существованием смертной казни «нравственно обязательной» [5, с. 55]. Б.А. Кистяковский также выступал против, указывая, что смертная казнь не содействует общественной безопасности [5, с. 55]. Таким образом, в дореволюционной мысли сложился мощный гуманистический дискурс против смертной казни, одним из самых последовательных представителей которого был М.Н. Гернет.

Главный труд М.Н. Гернета – пятитомная «История царской тюрьмы» (1941-1956) - охватывает период 1762-1917 гг. и является фундаментальным энциклопедическим исследованием [1]. По оценке П.Н. Кобца, это наиболее масштабное и самое значительное системное научное исследование исторического развития тюремной системы Российской империи [6, с. 64]. Источниковая база включает архивные материалы, воспоминания политкаторжан, статистику, личные впечатления от посещения тюрем [1]. Личный опыт (отец был заключённым Петропавловской крепости) придаёт труду эмоциональную глубину [1].

М.Н. Гернет последовательно проводит тезис о классовой природе царской карательной системы, отмечая, что классовые различия проникали даже в крепости и монастырские тюрьмы [12]. Несмотря на идеологическую ангажированность, работа, как отмечают Б.Б. Казак и Т.В. Смирнова, во многом полезна и в настоящее время [10]. Создание труда проходило в трудных условиях (учёный почти ослеп) [6, с. 63-64]. В 1944 г. Гернет был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, в 1947 г. - Сталинской премии [6, с. 64].

М.Н. Гернет сыграл ключевую роль в создании научных центров: в 1923 г. – Кабинета по изучению личности преступника, в 1925 г. – Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИИП), где руководил социально-экономической секцией [1]. В 1919-1930 гг. заведовал отделом моральной статистики ЦСУ [1]. Эти структуры стали основой для последующих институтов [1].

В 1925-1926 гг. в юридических вузах вводится курс пенитенциарного права [9]. М.Н. Гернет и М.М. Исаев прилагали усилия для объективного освещения системы [9]. М.Н. Гернет активно использовал эмпирические методы – опрос, анкетирование, наблюдение, эксперимент [3, с. 523-524]. В работе «Моральная статистика» (1922) исследовал историю уголовной статистики [3, с. 523-524].

Однако развитие науки было неравномерным. В конце 1920-х гг. произошёл поворот к теории «социальной защиты»: Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский ввели понятие «привычный преступник», акцентируя изоляцию, а не исправление [9]. Теория «перековки трудом» получила распространение в лагерной практике [9]. С середины 1930-х гг. учёные были отстранены от практики до середины 1950-х гг. [9]. Новый этап наступил в период «оттепели»: в 1957 г. вышла книга Е.Г. Ширвиндта и Б.С. Утевского, возобновились исследования в Высшей школе МВД СССР [9]. Значительный вклад внёс Н.А. Стручков, возглавивший кафедру исправительно-трудового права [7, с. 561].

Советский период развития пенитенциарной мысли начался с попытки реализации дореволюционных идей. Многие учёные приняли советскую власть и работали в госучреждениях [13, с. 278-279]. Теоретической основой новой политики служили труды И.Я. Фойницкого, Н.С. Таганцева, С.П. Мокринского, А.А. Жижиленко, С.В. Познышева [13, с. 279]. Познышев в 1924 г. издал «Основы пенитенциарной науки», признав самостоятельность этой дисциплины [13, с. 278]. .Н. Гернет активно работал в историко-правовом аспекте [13, с. 279].

Показательным свидетельством преемственности является творчество А.Л. Ременсона, который развивал идеи С.В. Познышева, С.П. Мокринского, А.А. Жижиленко, И.Я. Фойницкого и М.Н. Гернета [14]. Его концепция «карательно-воспитательного процесса» нашла отражение в ИТК РСФСР и УИК РФ [14]. Он отрицал кару как цель, но признавал её исправительное значение как «катализатора» нравственного сознания [14].

В постсоветский период, по оценке П.В. Тепляшина, наука интегрирована в различные дисциплины и стала фактором развития политики и законодательства [15, с. 583-585]. Наблюдается децентрализация научных школ [15, с. 583-585]. П.В. Тепляшин подчёркивает преемственность кодификации: УИК РФ – продолжатель традиций ИТК РСФСР 1924 г. [15, с. 585]. Вместе с тем исследователи указывают на кризисные явления: увеличение сроков лишения свободы, подмена научных концепций умозрительными решениями [9]. П.В. Тепляшин призывает к критическому осмыслению зарубежного опыта, отвергая его идеализацию [15, с. 579-580], и ставит задачу ревизии теорий ретрибутивизма и консеквенциализма [15, с. 580-583].

Достоинства рассмотренных работ – систематизация обширного фактического материала, чёткая периодизация, классификация направлений деятельности М.Н. Гернета [1; 2; 3; 6]. Вместе с тем требуется анализ динамики изменений научных взглядов, сравнительный анализ идей М.Н. Гернета с современниками по ключевым вопросам с целью прослеживания эволюции мысли. Требуется критическое осмысление советского периода, требуется анализ трансформации идей М.Н. Гернета под влиянием идеологии, возможные противоречия с карательной политикой. При этом заслуживает внимания вопрос о рецепции западных идей и отношение к ним М.Н. Гернета.

Выводы

Эволюция российской пенитенциарной мысли в конце XIX – первой половине XX в. – сложный процесс, в котором переплетались дореволюционные традиции, советские установки и международные влия-

ния. М.Н. Гернет занимает центральное место как учёный, соединивший социологический подход с историческим анализом.

Основополагающий вклад М.Н. Гернета – утверждение о неразрывной связи тюремной политики с общей политикой государства и социально-экономическими условиями. Этот тезис предопределил методологию изучения пенитенциарных систем.

В дискуссиях о целях наказания позиция М.Н. Гернета отличалась гуманизмом и социологизмом. В отличие от С.П. Мокринского и скептицизма Н.С. Таганцева, он, как и С.В. Познышев, исходил из принципиальной возможности социального воздействия на личность. Его критика смертной казни остаётся одной из наиболее аргументированных.

«История царской тюрьмы» является не только вершиной творчества М.Н. Гернета, но и фундаментальным исследованием, предопределившим развитие науки. Несмотря на идеологическую ангажированность, труд сохраняет ценность благодаря источниковой базе и системному подходу.

Институционализация науки, в которой М.Н. Гернет сыграл ключевую роль, обеспечила преемственность между дореволюционным и советским периодами. Эта преемственность прослеживается в трудах А.Л. Ременсона, Н.А. Стручкова и других.

Современная наука, признавая историческую преемственность, сталкивается с вызовами, требующими критического переосмысления как зарубежного опыта, так и собственных традиций. Дискуссии о гуманизации, ресоциализации, соотношении кары и исправления сохраняют актуальность.

Перспективы исследований связаны с углублённым сравнительным анализом взглядов М.Н. Гернета и его современников, критическим осмыслением влияния идеологического контекста и изучением рецепции западноевропейских идей.

Список источников

1. Кораблин К.К. М.Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 168 – 180. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.14

2. Кораблин К.К. Историография русского дореволюционного тюрьмоведения // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2018. № 1. С. 3 – 11.

3. Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 519 – 529. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529

4. Жабский В.А. Сравнительное тюрьмоведение в трудах ученых // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1 (9). С. 35 – 39.

5. Оганесян С.М. Генезис пенитенциарного права имперской России в свете отечественной историографии // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 46 – 58.

6. Кобец П.Н. Научные подходы видного исследователя отечественной пенитенциарной системы М.Н. Гернета к изучению исполнения уголовных наказаний // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 1 (52). С. 59 – 66. DOI: 10.34988/2226-2326.2024.12.98.007

7. Шурухнов Н.Г. Генезис центров научного обеспечения подготовки кадров для исполнения наказаний и борьбы с преступностью // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 4. С. 552 – 565. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.552-565

8. Желдыбина Т.А. И.Я. Фойницкий - представитель сравнительно-исторического правоведения в России // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 1 (15). С. 55 – 59.

9. Анисимков В.М., Королева Е.В. Наука уголовно-исполнительного права и политика государства в сфере исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1 (13). С. 7 – 10.

10. Казак Б.Б., Смирнова Т.В. Становление и развитие теоретических воззрений в сфере исполнения наказаний в дореволюционной России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2016. № 4. С. 156 – 164.

11. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870-1874 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 72 – 77.

12. Кораблин К.К. Формирование основополагающих принципов теории и практики исполнения наказаний в виде лишения свободы в трудах отечественных и зарубежных учёных-правоведов // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 113 – 121.

13. Смирнов Л.Б. Пенологические и пенитенциарные основы науки уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 3. С. 273 – 281.

14. Уткин В.А. О роли личности в истории науки (Александр Львович Ременсон) // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 6 – 12. DOI: 10.17223/23088451/21/1

15. Малолеткина Н.С. Уголовно-исполнительное право: доктрина, трансформация и перспективы развития – интервью с профессором кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России Павлом Владимировичем Тепляшиным // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 4. С. 575 – 589. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.575-589

16. Ельчанинова О. Ю. Специфика подготовки женского персонала тюремных учреждений Российской империи (историко-правовой аспект) // Пенитенциарная на- ука. 2025. Т. 19. № 1 (69). С. 13 – 20. DOI 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002

17. Шурухнов Н.Г. Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 2 (70). С. 125 – 130. DOI 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002

References

1. Korablin K.K. M.N. Gernet – an outstanding legal scholar, founder of Russian penitentiary science (on the 145th anniversary of his birth). Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 168 – 180. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.14

2. Korablin K.K. Historiography of Russian pre-revolutionary prison studies. Main trends in state and social development of Russia: history and modernity. 2018. No. 1. P. 3 – 11.

3. Lutsky A.I., Lutsky M.I., Kindyuk B.V. Contribution of Professor M.N. Gernet to the development of legal science. All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 519 – 529. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529

4. Zhabskiy V.A. Comparative prison studies in the works of scientists. Criminal-executive law. 2010. No. 1 (9). P. 35 – 39.

5. Oganesyan S.M. Genesis of penitentiary law of imperial Russia in light of domestic historiography. Legal science: history and modernity. 2016. No. 5. P. 46 – 58.

6. Kobets P.N. Scientific approaches of the prominent researcher of the domestic penitentiary system M.N. Gernet's Approach to the Study of the Execution of Criminal Punishments. Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2024. No. 1 (52). P. 59 – 66. DOI: 10.34988/2226-2326.2024.12.98.007

7. Shuruhnov N.G. Genesis of Centers for Scientific Support of Training Personnel for the Execution of Punishments and the Fight against Crime. Criminal-Executive Law. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 552 – 565. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.552-565

8. Zheldybina T.A. I.Ya. Foinitsky Representative of Comparative Historical Law in Russia. Glagoliy Susteniy. 2018. No. 1 (15). P. 55 – 59.

9. Anisimkov V.M., Koroleva E.V. Science of criminal-executive law and state policy in the sphere of execution of criminal sentences. Criminal-executive law. 2012. No. 1 (13). P. 7 – 10.

10. Kazak B.B., Smirnova T.V. Formation and development of theoretical views in the sphere of execution of sentences in pre-revolutionary Russia. Bulletin of Pskov State University. Series: Economics. Law. Management. 2016. No. 4. P. 156 – 164.

11. Lebedev V.B., Stepanova E.V. V. Sollogub and his role in reforming the penal system (1870-1874). Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2013. No. 3 (23). P. 72 – 77.

12. Korablin K.K. Formation of Fundamental Principles of the Theory and Practice of Execution of Punishments in the Form of Imprisonment in the Works of Domestic and Foreign Legal Scholars. Power and Administration in the East of Russia. 2007. No. 2 (39). P. 113 – 121.

13. Smirnov L.B. Penological and Penitentiary Foundations of the Science of Criminal-Executive Law. Criminal-Executive Law. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 273 – 281.

14. Utkin V.A. On the Role of the Individual in the History of Science (Alexander Lvovich Remenson). Criminal Justice. 2023. No. 21. P. 6 – 12. DOI: 10.17223/23088451/21/1

15. N.S. Maloletkina. Criminal-executive law: doctrine, transformation, and development prospects – an interview with Pavel Vladimirovich Teplyashin, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Criminal-executive law. 2023. Vol. 18. No. 4. P. 575 – 589. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.575-589

16. Elchaninova O.Yu. Specifics of training female personnel of prison institutions of the Russian Empire (historical and legal aspect). Penitentiary science. 2025. Vol. 19. No. 1 (69). P. 13 – 20. DOI 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002

17. Shuruhnov N.G. Law of July 13, 1913: organizational and legal aspects of the formation of the system of training prison employees in tsarist Russia. Penitentiary science. 2025. Vol. 19. No. 2 (70). P. 125 – 130. DOI 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 327.8.339.9
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-143-149

Ссылка в Сибирь как инструмент колонизации окраин в дискурсе лидеров сибирского областничества (вторая половина XIX – начало XX вв.)

[1] Стегнюшин А.А.,
[1] Омский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье, на материалах личной переписки, научных и публицистических текстов лидеров сибирского областничества раскрывается содержание дискурса ссылки в Сибирь как инструмента колонизации окраин во второй половине XIX – начале XX вв. В процессе исследования были выявлены идейно-интеллектуальные предпосылки конструирования в творчестве областников представлений о целях, задачах и результатах репрессивных сценариев власти, направленных на реализацию программ инкорпорации Сибири в общеимперское пространство, среди которых заметное место занимали ссыльные практики. Установлено, что федералистские убеждения областников, окончательно оформившиеся в 1870-х-1880-х гг. - пиковый период их общественно-политической карьеры, определили отношение к ссылке в Сибирь как способу заселения края и способствовали утверждению ключевых паттернов дискурса сибирской пенитенциарии в их публикациях. К их числу принадлежали тезисы о формировании в результате постоянной эскалации ссыльных практик негативного, во многом алармистского образа Сибири в общественном мнении и массовом сознании россиян; низкой эффективности ссылки в связи с хозяйственным освоением региона; бесперспективности варианта русификации населения Сибири в контексте ссыльных мероприятий российской власти. В целом, дискурс сибирского областничества выступил с обоснованным опровержением имперской программы политики населения, направленной на преодоление культурных различий в сибирском социуме посредством административного порядка.

Ключевые слова: дискурс сибирского областничества, ссылка в Сибирь, колонизация, репрезентации, восточные окраины, Российская империя

Для цитирования: *Стегнюшин А.А. Ссылка в Сибирь как инструмент колонизации окраин в дискурсе лидеров сибирского областничества (вторая половина XIX – начало XX вв. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 143 – 149. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-143-149*

Поступила в редакцию: 12 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Exile to Siberia as a tool of colonization of the periphery in the discourse of Siberian regionalist leaders (second half of the 19th – early 20th centuries)

[1] Stegnyushin A.A.,
[1] Omsk State Pedagogical University

Abstract: the article, drawing on personal correspondence, scientific, and journalistic texts of Siberian regionalist leaders, reveals the content of the discourse surrounding exile to Siberia as a tool of frontier colonization in the second half of the 19th and early 20th centuries. During the research, the ideological and intellectual prerequisites for the regionalists' construction of ideas about the goals, objectives, and outcomes of the authorities' repressive

scenarios were identified. These scenarios were aimed at implementing programs for incorporating Siberia into the pan-imperial space, with exile practices occupying a significant place among them. It was established that the federalist convictions of the regionalists, which fully took shape in the 1870s-1880s – the peak period of their socio-political careers – determined their attitude towards exile to Siberia as a method of settling the region and contributed to the affirmation of key patterns in the discourse of Siberian penal policy in their publications. These included theses on the formation of a negative, largely alarmist image of Siberia in the public opinion and mass consciousness of Russians as a result of the constant escalation of exile practices; the low effectiveness of exile in connection with the economic development of the region; and the futility of the Russification of Siberia's population in the context of the Russian authorities' exile measures. Overall, the discourse of Siberian regionalism presented a well-founded refutation of the imperial population policy aimed at overcoming cultural differences in Siberian society through administrative order.

Keywords: discourse of Siberian regionalism, exile to Siberia, colonization, representations, eastern outskirts, the Russian Empire

For citation: *Stegniushin A.A. Exile to Siberia as a tool of colonization of the periphery in the discourse of Siberian regionalist leaders (second half of the 19th – early 20th centuries). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 143 – 149. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-143-149*

The article was submitted: May 12, 2026; Approved after reviewing: June 9, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Тема организации репрессивных практик в отношении лиц, совершивших различного рода уголовные и политические преступления, с последующим их перемещением в периферийные регионы империи, в частности отдалённые местности Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. долгие годы являлась знаковым сюжетом историографической традиции осмысления отечественного опыта имперской колонизации. В «оптике» историков разных поколений находился и находится широкий круг вопросов, связанных с объяснением причин роста преступности в России вообще и среди отдельных категорий населения, в частности; представлений об окраинах как месте исправительно-карательных практик государства; влияния ссылки на хозяйственные практики невольного элемента, а также других групп населения периферийных территорий; экономического и культурного воздействия уголовной и политической ссылки на модели коммуникации центра и периферии; последствий ссыльно-каторжных мероприятий в аспекте политики населения и культурного состояния окраин [6; 4; 18]. Исследователи разных поколений, демонстрируя устойчивый интерес и внимание к проблемам включённости власти в программирование и организацию ссыльных мероприятий, ограничивались, как правило, обсуждением продуктивности этой работы, за редким исключением обращаясь к дискурсивной проблематике, связанной с осмыслением ссылки как инструмента колонизации окраин [2; 12; 13; 16; 17; 19; 20]. Становится очевидным, что интеллектуальный фон эпохи, социокультурные представления либеральной части элит, отливавшиеся в дискурсивные практики, открывают возможности к уточнению, а в некоторых случаях и переосмыслению подходов имперской власти к постановке задач и разработке методов реализации политики населения в пореформенный период, означенный новыми «вызовами» модернизационного и культурно-антропологического характера.

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии содержания дискурса ссылки в Сибирь как инструмента колонизации восточных окраин империи в репрезентациях научных и публицистических текстов лидеров сибирского областничества, представителей либеральной интеллектуальной мысли второй половины XIX – начала XX вв., предложивших особый ракурс рецепции культурной политики империи власти, основанный на конструктивной и обоснованной критике методов инкорпорации окраин в состав империи, а также дискредитации репрессивных практик власти в реализации программ преодоления культурных различий в периферийных регионах.

Решение исследовательских задач предполагает выявление идейно-интеллектуальных предпосылок формирования областнического дискурса сибирской ссылки, определение ключевых паттернов дискурса региона как колонии Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., включавших рецепцию лидерами областничества продуктивности ссылки как метода политики населения и инструмента колонизации восточных окраин в пореформенный период.

В этой связи, актуальность и новизна исследования, определяется авторским опытом выявление ключевых паттернов (установок) дискурса, раскрывающих представления влиятельной общественно-политической группы, во многом определившей политику и практики империи в вопросах взаимоотношений с окраинами в последующие годы.

Материалы и методы исследований

Основу источниковой базы статьи составили тексты лидеров сибирского областничества, в которых фиксировались представления о состоянии и способах решения актуальных вопросов российской пенитенциарии в условиях отдалённых, постепенно интегрируемых в общероссийское пространство окраинных регионов (А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин). «Площадками» репрезентации взглядов областников на ссыльный вопрос и пути его урегулирования выступила переписка лидеров сообщества в различные периоды их общественно-политической биографии, а также отдельные статьи и научные монографии обобщающего характера, отразившие продолжительную во времени рефлексию сибирских интеллектуалов по широкому кругу злободневных вопросов общественного состояния Сибири, форм и методов её колонизации.

В методологическом плане «рамкой» исследования являются подходы и практики «новой культурно-интеллектуальной истории», успешно эволюционирующей в последние годы от «истории идей» (А. Лавджой) к анализу дискурсивных практик (М. Фуко, Х. Уайт). В данном теоретико-методологическом континууме, аккомодированные автором тексты областников рассматривались как материал, отразивший элитную, интеллектуальную мысль эпохи, а дискурсивные практики сибирских интеллектуалов выступали способом построения и выражения мысли, интерпретируемой как нарратив.

В границах избранного подхода авторами был использован метод дискурс-анализа, предполагавший не столько описания фактических событий, сколько их интерпретацию [7; 15], в которой текст транслирует этические и идеологические представления лидеров сибирского областничества о значимости вопроса об организации ссыльных практик, соответствия прогнозов и реальности в функционировании репрессивной системы в Российской империи и её отдельных регионах.

Результаты и обсуждения

Оформление дискурса сибирской ссылки в научном и общественно-публицистическом творчестве лидеров сибирского областничества, в своём исходном посыле во многом соотносилось с широко известным высказыванием известного французского роялиста маркиза Астольфа де Кюстина. Путешествуя по Российской империи в 1839 г., он довольно иронично прокомментировал российский опыт урегулирования крестьянских волнений: «В таких случаях царь обыкновенно выселяет всю деревню в Сибирь, и это называется в Петербурге: «заселять Азию» [3, с. 90]. В этой связи, важно отметить, что понимание областниками Сибири как колонии, а не окраины Российской империи, основанное на принципах западно-европейской колониальной теории второй половины XIX столетия [1; 5], предполагало реализацию множественных проектов власти и общества, направленных на обеспечение социально-экономической, политической и культурной поддержки колониальных владений России, которые в отдалённом будущем обеспечат безболезненное их отделение от метрополии. В заданном контексте, с точки зрения сибирских патриотов, преодоление представлений о Сибири как месте уголовной и политической ссылки, отказ от ссыльных практик в ближайших перспективах, наряду с решением университетского, переселенческого и инородческого вопросов, являлось необходимым условием для развития региона и его общественных сил.

Смысловая «рамка» областнического дискурса ссылки была озвучена в публикациях «отца-основателя» сибирского регионализма А.П. Щапова в начале 1860-х гг. в связи с реакцией российской интеллигенции на программу либеральных реформ в России и способы её реализации. Признавая временную эффективность государственной централизации в московский и петербургский периоды отечественной истории А.П. Щапов подчёркивал большую органичность федеративного устройства для России, при котором «внутренние силы их не отвлекаются, не стягиваются к отдаленному центру, а сосредоточиваются и проявляются почти всецело на месте, сами для себя» [21, с. 6]. В означенном плане, Щапов выражал надежду на преобладание в условиях колонизации окраин народной инициативы над правительственной в деле административно-политической организации регионов и создания благоприятной среды для самоуправления провинций, что, по всей вероятности, исключало саму возможность превращения этих территорий в место ссылки.

Федералистская интонация в становлении дискурса сибирской ссылки была свойственна и другим лидерам областнического движения, в частности Г.Н. Потанину и Н.М. Ядринцеву, что было характерно для раннего периода их общественно-политической карьеры и в особом качестве проявилось в период пребы-

вания в ссылке по «делу о сибирском сепаратизме». В послании к Н.С. Щукину Г.Н. Потанин подчёркивал: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [8, с. 59]. Н.М. Ядринцев, в письмах, адресованных из г. Шенкурска в 1872-1873 гг. своему другу и соратнику Н.М. Потанину, неоднократно указывал, что его интерес к ссылке вытекает из областнических интересов и характера отношений колонии и метрополии, провинции и центра [9, с. 1]. В одном из писем, Ядринцев сообщает о завершающих этапах работы над проблемами тюрьмы и ссылки, разработкой которых он занимался параллельно с изучением европейской провинции и установлением в Европе федералистских начал [9, с. 6-7]. В переписке Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, а также отдельных их письмах единомышленникам (Н.С. Щукин, Н.И.Наумов и др.) была определена общая программа исследования российской штрафной колонизации, её прошлого и современного состояния в системе координат пенитенциарного опыта европейских государств. Сформулирован тезис о несостоятельности ссылки как формы наказания и явления, препятствующего общественному развитию окраинных регионов. Г.Н. Потанин, размышляя о процессе становления сибирского регионализма, констатировал: « …В областной программе…на первую очередь ставился вопрос об отмене ссылки; молодые сибиряки думали, что это такой же основной вопрос для Сибири, как отмена крепостного права для Европейской России, что отмена ссылки составляет почин освободительного движения в колонии [11, с. 132].

Таким образом, продолжительная во времени вербальная и невербальная коммуникация лидеров сибирского областничества отлилась в подготовку фундаментальных произведений, в которых репрезентировались основные паттерны дискурса сибирской ссылки, ориентированные к дискредитации данного способа колонизации в общественном мнении и репрессивным моделям организации имперской властью политики населения на восточных окраинах [24; 22; 11].

Во-первых, лидеры сибирского областнического движения делали вывод, сообразно с которым в общественном мнении понятия «Сибирь» и «ссылка» находились в тесном переплетении, а эскалация ссыльных практик в регион рассматривалась как инструмент эффективной колонизации слабозаселённых окраин. По убеждению Н.М. Ядринцева, представления значительной части российской интеллигенции о сибирской ссылке укладывалась в схему: ссылка неизбежно приведёт к увеличению численности населения края; осуждённые к данному виду наказания обзаведутся семьями, наладят производительное хозяйство; европейская часть России избавится от криминального элемента, а Сибирь «приобретёт новую кровь и трудовые силы» [24, с. 244].

Подобный взгляд на Сибирь, по мнению Н.М. Ядринцева, органично вписывался в юридические теории организации системы исправительных наказаний, распространённые в XIX в. в Европе, основанные на признании того факта, что сам процесс ссылки связан со значительными финансовыми затратами, отягощающими государственный бюджет. Во много поэтому ссылка стала позиционироваться как «…средство, несравненно более удобное: ссылка назначалась в места отдаленные, безлюдные; следовало только придать ей характер колонизационный, и, казалось, задача ее утилитаризации будет решена» [22, с. 563]. Ядринцев резюмировал: ««варначье происхождение» Сибири получило известную вероятность даже в глазах людей более образованных, имевших возможность ближе ознакомиться с этим вопросом, и они по-прежнему высказывают решительное убеждение, что прямое назначение Сибири – быть штрафной колонией России, и что ссылка приносит столько же выгоды преступнику, делая его оседлым и исправляя его, как и стране, которую она заселяет, которой дает рабочие руки, обучает ремеслам и вообще «просвещает» [22, с. 565]. Однако, придание ссыльным мероприятиям колонизационной функции, существенно скорректировало образ Сибири, рецептируемый в массовом сознании не как страны «чудес» и «золотого дна», а в категориях «изгнание», «народное горе», «общественный абсентеизм». Г.Н. Потанин, вторя Н.М. Ядринцеву, с горечью писал: «Как Европейская Россия сбывала в Сибирь брак своих мануфактурных произведений, так она колонизовывала Сибирь забракованными жизнью людьми» [10, с. 106].

Во-вторых, сибирскими областниками был озвучен и обоснован вывод о низкой эффективности ссыльных практик с точки зрения хозяйственного освоения региона. В частности, исследователи пришли к заключению о ничтожной функции ссылки в деле заселения края. В публикациях Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина регулярно встречаются сюжеты, посвящённые преобладанию вольно-народного элемента в миграционном процессе, что стало следствием отмены крепостных отношений в России и постепенного упорядочения переселенческого законодательства во второй половине XIX – начале XX вв. Областники согласовано отмечали, что механический прирост ссыльных, наблюдавшийся в течение 1850-х-1870-х гг. (в среднем порядка 19 000 в год) [24, с. 246-247], резко диссонировал с количеством лиц из числа ссыльных, легально обустроившихся в Сибири – лишь 1/5 от общего состава [22, с. 599]. В доказательство данного вы-

вода Н.М. Ядринцев использовал свидетельства местных обществ – Ялуторовского, Туринского, Тарского, Ишимского, Курганского о состоянии дел с обустройством ссыльного элемента, которые сообщали, что ссыльные «регулярно делают самовольные отлучки, замешаны в кражах и мошенничестве»; «остаются без всякого занятия»; «перенесли сюда праздность, пьянство, разврат и убийство, а иногда и грабёж…»; «не имея средств даже на приобретение письменного вида шатаются по городу и округу»; «пропитываются милостыней, как отвыкшие от всякого честного труда, промотав казённую одежду…, потом скрываются…без всяких увольнительных видов» [23, с. 10-12].

В-третьих, репрезентации сибирской ссылки в дискурсе областничества противопоставлялись представлениям власти и национально-консервативных элит о штрафной колонизации как инструменте инкорпорации пространств и людей в российский социум посредством «мягкой» русификации. Имперский подход к решению демографических проблем отдалённого края предполагал, что через механическое перемещение представителей русских девиантов в Сибирь и брачные их союзы с аборигенным населением, удастся добиться преобладания этнических русских в районах, отстоящих от центров аграрной колонизации. Однако, как отмечал Н.М. Ядринцев, несмотря на отсутствие внятной статистики о приросте ссыльных через браки, можно выделить широкий спектр причин, «препятствуюших размножению ссыльных», среди которых он называл не только нахождение многих осуждённых за границами репродуктивного возраста, а также нерасположенность ссыльных и бродяг к семейной жизни, но и отсутствие у коренных народов стремления к заключению межэтнических браков…» [24, с. 253]. В результате, сибирские областники заключали, что эффект такого варианта русификации мог действовать только в начальный период заселения Сибири, но со второй половины XX столетия, когда наблюдается свободный приток колонистов из европейской части страны, а инородческое население размножается естественным путём в рамках своего брачного круга, подобные ожидания являются беспочвенными.

Выводы

В целом, можно констатировать, что вопросы организации ссыльных практик в Сибири осваивались в научном и публицистическом творчестве лидеров областничества в контексте обсуждения в российском обществе принципов политики населения Российской империи на восточных окраинах страны. В логике российской власти и «охранительных» элит перемещение части населения, совершившего уголовное или политическое преступление, позиционировалось в качестве инструмента освоения периферийных территорий, инкорпорируемых в общеимперское пространство. Очевидно, что основной целью империи на востоке страны являлось преодоление культурных различий и унификация населения, что рассматривалось как необходимое условие эффективного управления новыми пространствами. Вместе с тем, в либеральной части российского социума, в частности в среде так называемых «сибирских сепаратистов», существовала определённая уверенность в пагубности и неэффективности инструментального потенциала ссыльных мероприятий. Опираясь на принципы федералистской теории и идеи о пределах колониальной эксплуатации в современном мире, лидеры сибирского областничества в своих текстах репрезентировали дискредитационные паттерны репрессивных методов колонизации Сибири, убедительно продемонстрировав экономическую, политическую и культурную несостоятельность сибирской пенитенциарии во второй половине XIX – начале XX в.

Список источников

1. Roscher W. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Leipzig; Heidelberg: Winter, 1856. 455 с.

2. Иванов А.А. Уголовная ссылка и освоение Сибири в трудах лидеров областнического движения второй половины XIX в. // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: «Политология. Религиоведение». 2009. № 1 (3). С. 166 – 175.

3. Кюстин А. Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990. 352 с.

4. Лапин Н.А. Революционно-демократическое движение 60-х годов XIX века в Западной Сибири. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1967. 186 с.

5. Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб.: Всемирный путешественник, 1877. 526 с.

6. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. М.: Лантерна: Вита, 1995. 207 с.

7. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурс. Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml (дата обращения: 18.02.2026)

8. Письма Г.Н. Потанина. Т. 1 / Сост. А» Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 2-е изд., перераб., доп. Иркутск: Изд-во Иркутского, ун-та, 1987. 280 с.

9. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып.1. Красноярск, Тип. Енисейского губернского союза кооперативов, 1918. 237 с.

10. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Избранное. Томск, 2014. С.93-126.

11. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Избранное. Томск, 2014. С. 126 – 152.

12. Пяткова С.Г. Проблемы политической ссылки в Сибирь в контексте социокультурного подхода (по материалам русских исторических журналов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (66). С. 108 – 112.

13. Ремнёв А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142 – 156.

14. Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). 720 с.

15. Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

16. Чуркин М.К. «Ссыльный реформатор»: репрезентации М.М. Сперанского в публицистике и эпистолярном наследии сибирских областников // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. № 2 (29). С. 53 – 59.

17. Чуркин М.К. Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н.М. Ядринцева // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С.122 – 125.

18. Шахеров В.П. Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 208 – 223.

19. Шиловский М.В. Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 223 – 237.

20. Шиловский М.В. Политическая ссылка на север Сибири: основные тенденции развития в XVIII – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. 2023. № 3. С. 19 – 24.

21. Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905-1908 гг. Иркутск: Восточно-сибирское областное издательство, 1937. 380 с.

22. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.

23. Ядринцев Н.М. Новые сведения о сибирской ссылке. СПб.: Тип. МПС, 1879 23 с.

24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

References

1. Roscher W. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Leipzig; Heidelberg: Winter, 1856. 455 p.

2. Ivanov A. A. Criminal Exile and the Development of Siberia in the Works of the Leaders of the Regionalist Movement of the Second Half of the 19th Century. Bulletin of the Irkutsk State University. Series: "Political Science. Religious Studies". 2009. No. 1 (3). P. 166 – 175.

3. Kyustin A. Nikolaevskaya Rossiya. Moscow: Politizdat, 1990. 352 p.

4. Lapin N.A. Revolutionary Democratic Movement of the 1860s in Western Siberia. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe kn. publ., 1967. 186 p.

5. Leroy-Beaulieu P. Colonization among the newest peoples. St. Petersburg: World Traveler, 1877. 526 p.

6. Margolis A.D. Prison and exile in Imperial Russia: research and archaeological finds. M.: Lanterna: Vita, 1995. 207 p.

7. Minyar-Belorucheva A.P. Typology of historical discourse. Language and text langpsy.ru. 2015. T. 2. No. 2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml (date of access: 18.02.2026)

8. Letters from G.N. Potanin. T. 1. Comp. A" G. Grumm-Grzhimailo, S.F. Koval, Ya.R. Koshelev, N.N. Yanovsky. 2nd ed., revised, additional. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1987. 280 p.

9. Letters to N.M. Yadrintseva to G.N. Potanin. Issue 1. Krasnoyarsk, Type. Yenisei Provincial Union of Cooperatives, 1918. 237 p.

10. Potanin G.N. The needs of Siberia. Favorites. Tomsk, 2014. P. 93 – 126.

11. Potanin G.N. Regional tendency in Siberia. Favorites. Tomsk, 2014. P. 126 – 152.

12. Pyatkova S.G. Problems of Political Exile to Siberia in the Context of a Sociocultural Approach (Based on Materials from Russian Historical Journals). Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2020. No. 3 (66). P. 108 – 112.

13. Remnev A.V. Western Origins of Siberian Regionalism. Russian Emigration before 1917 – a Laboratory of Liberal and Revolutionary Thought. St. Petersburg, 1997. P. 142 – 156.

14. Siberian Exile: Collection of Scientific Articles. Eds. A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov, B.S. Shostakovich. Irkutsk: Ottisk, 2011. Issue 6 (18). 720 p.

15. Phillips N., Jorgensen M. Discourse Analysis. Theory and Method. Kharkov: Humanitarian Center Publishing House, 2008. 352 p.

16. Churkin M.K. "The Exiled Reformer": Representations of M.M. Speransky in the Journalism and Epistolary Heritage of Siberian Regionalists. Humanitarian Sciences in Siberia. 2022. No. 2 (29). P. 53 – 59.

17. Churkin M.K. Siberian Colonial Discourse in the Feuilletons of N.M. Yadrintsev. Humanitarian Sciences in Siberia. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 122 – 125.

18. Shakherov V.P. Exile as a Factor in the Economic and Sociocultural Development of Siberia. Siberian Exile: Coll. of Scientific Articles. Ed. A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov, B.S. Shostakovich. Irkutsk: Ottisk, 2011. Issue 6 (18). P. 208 – 223.

19. Shilovsky M.V. Economic Efficiency of Penal Labor in Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Siberian Exile: Coll. of Scientific Articles. Ed. A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov, B.S. Shostakovich. Irkutsk: Ottisk, 2011. Issue 6 (18). P. 223 – 237.

20. Shilovsky, M.V. Political exile to the north of Siberia: main development trends in the 18th – early 20th centuries. Humanities in Siberia. 2016. 2023. No. 3. P. 19 – 24.

21. Shchapov A.P. Collected works. Additional volume to the 1905-1908 edition. Irkutsk: East Siberian Regional Publishing House, 1937. 380 p.

22. Yadrintsev N.M. Russian community in prison and exile. M.: Institute of Russian Civilization, 2015. 752 p.

23. Yadrintsev N.M. New information about the Siberian exile. SPb.: Type. Ministry of Railways, 1879 23 p.

24. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical respects. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov Publishing House, 1892. 720 p.

Информация об авторе

Стегнюшин А.А., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-0191-0311, Омский государственный педагогический университет, 644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, д. 14, a_stegniushin@mail.ru

© Стегнюшин А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 37.035
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-150-157

Военно-мемориальная деятельность по сохранению памятников воинской славы как фактор формирования исторической памяти и гражданской идентичности молодежи

[1] Вититнев С.Ф.,
[2] Шмелева А.В.,
[2] Яснитский Н.А.,
[1] Российский государственный социальный университет,
[2] Государственный университет просвещения

Аннотация: сохранение памятников воинской славы и формирование исторической памяти молодёжи нередко рассматриваются как параллельные процессы, тогда как механизм их сопряжения остаётся слабо концептуализированным: охрана военно-мемориальных объектов описывается в терминах материального наследия, а становление гражданской идентичности – в терминах воспитательного результата, и связь между ними проговаривается декларативно. Цель работы – определить, при каких условиях военно-мемориальная деятельность по сохранению памятников воинской славы переходит из режима охраны объекта в режим формирования исторической памяти и гражданской идентичности молодого поколения. Применены структурно-функциональный подход, понятийно-категориальный анализ и контент-анализ действующей нормативной базы; построена авторская типология форм военно-мемориальной деятельности по способу включения молодёжи и доминирующей функции. Установлено, что воспитательный эффект достигается не самим фактом наличия мемориала, а переводом молодого человека из позиции зрителя в позицию соучастника заботы об объекте; что когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностный компоненты гражданской идентичности активируются разными формами и потому несводимы к единому мероприятию; что нормативная рамка 2022-2026 гг. сместила акцент с фиксации памятных дат на длящуюся практику сбережения. Полученная типология показывает: устойчивость исторической памяти задаётся регулярностью деятельностного контакта молодёжи с конкретным объектом, а интенсивность разовых коммеморaций такого результата не закрепляет.

Ключевые слова: военно-мемориальная деятельность, памятники воинской славы, историческая память, гражданская идентичность молодёжи, патриотическое воспитание, коммеморация, военно-мемориальное наследие, увековечение памяти

Для цитирования: *Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., Яснитский Н.А. Военно-мемориальная деятельность по сохранению памятников воинской славы как фактор формирования исторической памяти и гражданской идентичности молодежи // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 150 – 157. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-150-157*

Поступила в редакцию: 13 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Military-memorial activity for the preservation of monuments of military glory as a factor in the formation of historical memory and civic identity of young people

[1] Vititnev S.F.,
[2] Shmeleva A.V.,
[2] Yasnitsky N.A.,
[1] Russian State Social University,
[2] Federal State University of Education

Abstract: the preservation of monuments of military glory and the shaping of young people's historical memory are often treated as parallel processes, whereas the mechanism linking them remains weakly conceptualized: the protection of military-memorial sites is described in terms of material heritage, while the formation of civic identity is framed as an educational outcome, and the connection between the two is asserted rather than unfolded. The study aims to determine the conditions under which military-memorial activity for the preservation of monuments of military glory moves from the mode of site protection to the mode of forming the historical memory and civic identity of the younger generation. A structural-functional approach, conceptual-categorical analysis and content analysis of the current normative framework are applied; an author's typology of forms of military-memorial activity is built according to the mode of youth involvement and the dominant function. It is established that the educational effect is achieved not by the mere presence of a memorial but by moving a young person from the position of an onlooker to that of a co-participant in caring for the site; that the cognitive, emotional-evaluative and activity-related components of civic identity are activated by different forms and therefore cannot be reduced to a single event; that the normative framework of 2022-2026 has shifted the emphasis from fixing commemorative dates to a continuing practice of safekeeping. The resulting typology shows that the durability of historical memory is set by the regularity of young people's activity-based contact with a specific site, while the intensity of one-off commemorations does not secure such a result.

Keywords: military-memorial activity, monuments of military glory, historical memory, civic identity of young people, patriotic education, commemoration, military-memorial heritage, perpetuation of memory

For citation: *Vititnev S.F., Shmeleva A.V., Yasnitsky N.A. Military-memorial activity for the preservation of monuments of military glory as a factor in the formation of historical memory and civic identity of young people. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 150 – 157. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-150-157*

The article was submitted: May 13, 2026; Approved after reviewing: June 10, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Памятники воинской славы давно перестали восприниматься только как объекты монументального искусства или места захоронений; за ними закреплена функция носителей коллективного прошлого, через которые поколение, не заставшее войны, получает доступ к опыту предшественников. К. С. Чикаева и С. Р. Зеленская [7] трактуют историческую память как ресурс, питающий гражданскую идентичность молодёжи, и связывают её устойчивость со средой, в которой молодой человек сталкивается с материальными свидетельствами прошлого. Охрана самих объектов и воспитательная работа при этом институционально разведены: первая закреплена за органами, отвечающими за увековечение памяти, вторая – за системой образования и молодёжной политики. Разрыв между этими контурами и образует исходную проблему.

Историографический срез показывает, что военные монументы изучаются преимущественно как предмет искусствоведческого и источниковедческого описания. В.А. Рубин и Е.А. Фомина [2] фиксируют, что в значительной части работ монумент берётся как готовый текст культуры, чьё воздействие на зрителя постулируется, но не разворачивается через конкретные механизмы. Параллельная линия исследований – о роли коммеморации в укреплении национального самосознания [15] – оперирует категориями макроуровня и реже спускается до отдельного объекта и отдельной возрастной группы. Так две перспективы, «памятник как наследие» и «память как воспитательный результат», развиваются автономно.

Несогласованность усиливается на уровне практики. Формирование исторической памяти и гражданского патриотизма у обучающихся [10] чаще описывается через набор мероприятий – уроки

мужества, экскурсии, тематические акции, – результативность которых оценивается по охвату, а глубина вовлечения остаётся вне измерения. Открытым остаётся условие, при котором контакт молодёжи с памятником воинской славы оставляет след в структуре идентичности и не исчерпывается единичным эмоциональным откликом. Допущение, согласно которому достаточно самого присутствия мемориала в городской среде, нуждается в верификации.

Настоящая работа исходит из иного допущения: военно-мемориальная деятельность по сохранению памятников выступает действующим механизмом воспитания, когда молодёжь включена в неё как субъект. Цель – установить условия, при которых деятельность по сбережению объектов воинской славы переходит в формирование исторической памяти и гражданской идентичности. Для этого вводится различение режимов такой деятельности и выстраивается их соответствие компонентам идентичности.

Материалы и методы исследований

Работа выполнена средствами структурно-функционального подхода, понятийно-категориального анализа и контент-анализа нормативных правовых актов. Структурно-функциональный подход применён для разведения форм военно-мемориальной деятельности по выполняемой функции в становлении памяти; понятийно-категориальный анализ – для уточнения соотношения понятий «военно-мемориальная деятельность», «военно-мемориальное наследие», «увековечение памяти» и «коммеморация». Периодизация форм сохранения мемориальных объектов опирается на работу В.А. Рубина [1], выделяющую этапы создания и функционирования объектов военно-мемориального наследия, а ретроспектива дореволюционного опыта – на исследование становления этого наследия [3].

Эмпирическую опору составили действующие нормативные правовые акты в редакциях, актуальных к 2026 г. Привлечены Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1 в редакции Федерального закона от 9 ноября 2024 г. № 386-ФЗ; Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ; Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Документы стратегического планирования взяты с горизонтом до 2030 г.

Программная рамка молодёжной политики прослежена по федеральному проекту «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2021-2024 гг.) и сменившему его с 1 января 2025 г. национальному проекту «Молодёжь и дети», утверждённому в развитие Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. Целевые ориентиры обоих документов – доля граждан и доля молодых людей, включённых в систему патриотического воспитания, – привлечены в качестве контекста, без собственного количественного расчёта по этим показателям. Клинические или опросные процедуры не проводились: предмет требует концептуального разбора, для которого эмпирико-измерительные процедуры избыточны.

Результаты и обсуждения

Военно-мемориальная деятельность охватывает выявление, учёт, сохранение, благоустройство и публичное представление объектов, увековечивающих защитников Отечества. От смежного понятия «военно-мемориальное наследие», обозначающего совокупность самих объектов, она отличается процессуальностью: наследие существует как состояние, деятельность – как длящееся действие по его поддержанию. Понятие «увековечение памяти» задаёт правовую и целевую рамку этого действия, тогда как «коммеморация» обозначает его публично-ритуальную сторону, приуроченную к датам; деятельностное ядро образует именно повседневная работа по сбережению, лежащая между разовым ритуалом и пассивным существованием объекта. А.Е. Ужанов [4], разбирая сбережение военно-мемориального наследия в общем пространстве памяти о Второй мировой войне, показывает, что сохранение объекта неотделимо от практик его социального освоения, включая народную дипломатию и низовую инициативу. Отсюда следует, что для воспитательного результата значима не охранная процедура сама по себе, а её открытость для участия.

Памятники воинской славы служат ресурсом патриотического воспитания в той мере, в какой с ними связана деятельность, выходящая за пределы простого созерцания. И.А. Изотова с соавторами [13] описывает военно-исторические памятники и городскую скульптуру военной тематики как фактор мотивации к самостоятельному изучению истории, то есть как повод для последующего действия, а не финальную точку восприятия. Е.В. Умова [12] на послевоенном опыте монументов Ленинграда прослеживает, как мемориальный объект встраивается в систему воспитательной работы, обретая адресата

в лице учащихся. Деятельностный полюс этой связи раскрывает А.К. Бижева [11]: участие молодёжи в сохранении военно-мемориального наследия описано как способ патриотического воспитания, в котором подросток переходит от роли посетителя к роли соисполнителя заботы об объекте.

Институциональным посредником между объектом и молодёжью часто выступают общественные объединения. Т.А. Кобзева [9], опираясь на опыт регионального отделения военно-исторического общества, показывает, что устойчивость вовлечения обеспечивается организацией, удерживающей молодого человека в деятельности дольше единичной акции. Близкий вывод вытекает из понятия коммеморативного поля исторической памяти молодёжи, развиваемого Н.В. Воробьевой [8]: память молодого поколения складывается из плотности и регулярности обращений к прошлому в окружающей среде, тогда как набор разрозненных дат подобного следа не оставляет. Тем самым разовое посещение мемориала и систематическое участие в его сбережении дают качественно разный след.

Региональные практики подтверждают зависимость результата от характера деятельности. Сохранение военно-мемориальных памятников как часть охраны культурного наследия [5] и включение военно-мемориального наследия в музейно-просветительскую работу, прослеженное О.В. Григоренко и Н.Б. Акоевой [6], показывают, что объект начинает работать на идентичность, будучи вписан в просветительский и деятельностный контур, тогда как изолированный знак остаётся нейтральным. Роль исторической памяти в гражданско-патриотическом воспитании учащейся молодёжи, рассмотренная Е.Д. Бочкаревой [14], замыкает эту линию: память служит опорой идентичности тогда, когда подкреплена практическим отношением к её материальным носителям.

Различение режимов военно-мемориальной деятельности удобно представить через два основания – способ включения молодёжи и доминирующую функцию формы. По первому основанию формы располагаются от созерцательных, где молодой человек остаётся адресатом, до деятельностных, где он становится соисполнителем. По второму – от преимущественно информирующих до закрепляющих ценностное отношение. Сведение оснований даёт типологию, в которой воспитательный потенциал нарастает по мере перехода от созерцания к соучастию (табл. 1).

Таблица 1

Формы военно-мемориальной деятельности по способу включения молодёжи и доминирующей функции.

Table 1

Forms of war memorial activities by method of youth involvement and dominant function.

Форма деятельности	Способ включения молодёжи	Доминирующая функция	Характер следа в памяти
Посещение мемориала, экскурсия	Созерцание, позиция адресата	Информирующая	Кратковременный, эмоциональный
Памятные церемонии и коммеморации к датам	Присутствие, соучастие в ритуале	Эмоционально-консолидирующая	Периодически возобновляемый
Музейно-просветительские проекты	Поисково-познавательное участие	Познавательно-интерпретирующая	Закрепляемый через знание
Уход за воинскими захоронениями и их благоустройство	Регулярное деятельностное соучастие	Ценностно-закрепляющая	Устойчивый, деятельностный
Поисковая работа, установление имён	Исследовательское соисполнение	Реконструирующе-личностная	Глубокий, персонализированный

Распределение форм обнаруживает закономерность: глубина следа в памяти возрастает вместе с мерой деятельностного участия. Созерцательные формы дают эмоциональный отклик, который без подкрепления угасает; формы, требующие регулярного физического и исследовательского усилия, переводят отношение к объекту в личный опыт. Поисковая работа и установление имён погибших занимают крайнее положение, поскольку соединяют исследовательское действие с нравственным результатом – возвращением конкретного имени. Промежуточные формы выполняют связующую роль: сами по себе отношения они не закрепляют, но подготавливают переход к более глубокому участию.

Функции форм при этом не выстраиваются в простую иерархию «лучше – хуже». Информирующая функция остаётся необходимой как вход в тему, поскольку без неё деятельностное участие лишается содержательной основы. Сложность воспитательной конструкции в том, что разные функции затрагивают разные стороны отношения молодого человека к прошлому, и подмена одной формы другой обедняет результат. Соотнести формы деятельности целесообразно не с памятью вообще, а с отдельными компонентами гражданской идентичности (табл. 2).

Таблица 2
Соответствие форм военно-мемориальной деятельности компонентам гражданской идентичности молодёжи.

Table 2
Correspondence between forms of war memorial activities and components of youth civic identity.

Компонент гражданской идентичности	Содержание компонента	Преимущественно активирующие формы	Условие закрепления
Когнитивный	Знание о событиях, лицах и символах воинской славы	Музейно-просветительские проекты, экскурсии	Систематичность и достоверность сведений
Эмоционально-ценностный	Переживание сопричастности, уважение к подвигу	Памятные церемонии, коммеморации	Подлинность переживания, отказ от формализма
Деятельностный	Готовность к практическому участию в сбережении памяти	Уход за захоронениями, поисковая работа	Регулярность и признание значимости вклада

Сопоставление обнаруживает, что ни одна форма не покрывает все три компонента идентичности одновременно. Музейно-просветительская работа насыщает когнитивный компонент, но слабо затрагивает деятельностный; церемонии активируют эмоционально-ценностный слой, оставляя знание поверхностным; уход за захоронениями и поисковая работа формируют деятельностную готовность, однако без познавательной подготовки рискуют свестись к механической процедуре. Воспитательная полнота достигается комбинацией форм, а выбор одной, признанной образцовой, оставляет часть компонентов незатронутой.

Связь между компонентами имеет направленный характер. Когнитивный слой задаёт содержательную опору: без знания о событии и лицах эмоциональный отклик лишается адресата, а деятельностное участие превращается в формальное исполнение. Эмоционально-ценностный слой переводит знание в личную значимость, тогда как деятельностный закрепляет эту значимость через повторяющееся усилие и делает её устойчивой к забыванию. Разрыв любого звена ослабляет результат: сведения, не пережитые ценностно, быстро вытесняются, а переживание, не закреплённое действием, угасает вместе с поводом, его вызвавшим. Поэтому проектирование военно-мемориальной работы с молодёжью предполагает не выбор отдельной формы, а сборку их последовательности – от ознакомления к переживанию и далее к регулярному соучастию.

Нормативная динамика 2022-2026 гг. сместила акцент в сторону длящейся практики сбережения. Указ Президента РФ № 809 закрепил сохранение исторической памяти и преемственность поколений среди традиционных ценностей и связал их с общероссийской гражданской идентичностью, переведя память из разряда культурного фона в предмет государственной политики. Закон «О днях воинской славы и памятных датах России» задаёт календарный каркас коммеморaций, а Закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» удерживает центральное для молодёжной памяти событие в правовом поле; редакция Закона № 4292-1, вступившая в силу 8 февраля 2025 г., детализировала формы увековечения и порядок содержания воинских захоронений, усилив деятельностную сторону при ослаблении чисто декларативной. Переход с 2025 г. к национальному проекту «Молодёжь и дети» с федеральным проектом воспитательной направленности обозначил молодёжь активным участником системы наряду с её положением адресата мероприятий, что согласуется с выявленным приоритетом деятельностных форм.

Сложившаяся картина уточняет исходное допущение. Военно-мемориальная деятельность формирует историческую память и гражданскую идентичность молодёжи способом включения в заботу об объекте, а наличие самого объекта остаётся лишь предпосылкой. Чем регулярнее и предметнее деятельностный контакт, тем устойчивее след в структуре идентичности; разовая коммеморация, сколь бы интенсивной ни была, такого следа не закрепляет. Нормативная рамка последних лет институционально поддержала этот сдвиг.

Выводы

Проведённое рассмотрение приводит к выводу о деятельностной природе связи между сохранением памятников воинской славы и становлением исторической памяти молодёжи. Памятник воздействует на идентичность как точка приложения усилия, а не как объект созерцания. Воспитательный результат рождается там, где молодой человек переходит из позиции зрителя в позицию соучастника сбережения.

Построенная типология форм военно-мемориальной деятельности показывает нарастание следа в памяти по мере увеличения меры деятельностного участия – от кратковременного эмоционального отклика при созерцании до устойчивого личностного результата при поисковой работе и уходе за воинскими захоронениями. Соотнесение форм с компонентами гражданской идентичности обнаруживает, что когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностный слои активируются разными формами и не сводятся к единому мероприятию. Полнота воспитательного эффекта достигается их сочетанием.

Отсюда вытекает практический ориентир. Воспитательная ценность мемориала задаётся не его присутствием в среде, а наличием при нём регулярной деятельности с участием молодёжи. Изолированный монумент воспитывает слабо.

Сдвиг нормативной базы 2022-2026 гг. в сторону длящегося сбережения и включения молодёжи в систему патриотического воспитания совпал с логикой, вытекающей из самой структуры военно-мемориальной деятельности. Государственная политика, закрепившая историческую память среди традиционных ценностей и усилившая деятельную сторону увековечения, создала институциональную опору для перехода от разовых коммеморациий к систематической работе с объектами воинской славы. Совпадение нормативного вектора и педагогической закономерности придаёт устойчивость складывающейся практике.

Сохранение памятников воинской славы и формирование гражданской идентичности молодёжи смыкаются в регулярном деятельностном отношении молодого поколения к материальным носителям памяти. Прочность результата задаётся регулярностью контакта, тогда как интенсивность отдельного события уступает ей по значимости. Этот вывод подкреплён и действующей редакцией Закона № 4292-1, вступившей в силу 8 февраля 2025 г.

Список источников

1. Рубин В.А. Основные этапы создания и функционирования объектов военно-мемориального наследия // Культура и искусство. 2021. № 1. С. 37 – 49.

2. Рубин В.А., Фомина Е.А. Историческая память в военных монументах: историографический обзор // Документ. Архив. История. Современность. 2016. № 16. С. 199 – 211.

3. Хайюй Ю. Травма разрушения и реставрации религиозного образа в России советского и постсоветского времени // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 8. С. 134 – 143.

4. Ужанов А.Е. Решение проблемы сбережения военно-мемориального наследия в едином пространстве памяти Второй мировой войны: взаимодействие социальной памяти и народной дипломатии // Пространство науки. 2025. Т. 2. № 1. С. 80 – 111.

5. Ярычев Н.У. Сохранение культурного наследия в Чеченской Республике (на примере военно-мемориальных памятников) // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 9-1. С. 219 – 226.

6. Григоренко О.В., Акоева Н.Б. Военно-мемориальное наследие Ростовской области и его роль в музейно-просветительской деятельности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. № 3 (136). С. 79 – 82.

7. Чикаева К.С., Зеленская С.Р. Историческая память как ресурс в формировании гражданской идентичности молодёжи // Вектор гуманитарной мысли. 2024. № 4. С. 18 – 23.

8. Воробьева Н.В. Коммеморативное поле исторической памяти молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 5. С. 177 – 195.

9. Кобзева Т.А. Роль общественных организаций в сохранении исторической памяти молодежи (по материалам регионального отделения Российского военно-исторического общества в Ульяновской области) // Дневник науки. 2024. № 12 (96).

10. Намятов С.Ю., Харитонова Е.Г. К вопросу о формировании исторической памяти и гражданского патриотизма у обучающихся // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2020. № 2 (2). С. 44 – 50.

11. Бижева А.К. Участие молодежи в деятельности по сохранению военно-мемориального наследия Великой Отечественной войны как способ патриотического воспитания // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2021. № 2 (27).

12. Умова Е.В. Памятники военной истории Санкт-Петербурга (Ленинграда) как важная часть патриотического воспитания: послевоенный опыт // Информация – Коммуникация – Общество. 2024. Т. 1. С. 435 – 439.

13. Изотова И.А., Кузнецова А.А., Макаренкова Е.В., Скородумов А.А. Военно-исторические памятники и уличные городские скульптуры военной и исторической тематики как важные ресурсы патриотического воспитания и факторы мотивации к самостоятельному изучению истории нашей страны // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2023. № 2 (6). С. 15 – 24.

14. Бочкарева Е.Д. Роль исторической памяти в гражданско-патриотическом воспитании учащейся молодёжи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 145 – 147.

15. Колокольчикова Р.С., Погорелый А.П. Сохранение исторической памяти – важнейший фактор укрепления национального самосознания // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 3. С. 32 – 36.

References

1. Rubin V.A. The Main Stages of the Creation and Functioning of Military Memorial Heritage Sites. Culture and Art. 2021. No. 1. P. 37 – 49.

2. Rubin V.A., Fomina E.A. Historical Memory in War Monuments: A Historiographic Review. Document. Archive. History. Modernity. 2016. No. 16. Pp. 199–211.

3. Haiyu Yu. The Trauma of Destruction and Restoration of Religious Images in Soviet and Post-Soviet Russia. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 8. P. 134 – 143.

4. Uzhanov A.E. Solving the Problem of Preserving Military Memorial Heritage in a Single Space of Memory of World War II: The Interaction of Social Memory and Public Diplomacy. Prostranstvo nauki. 2025. Vol. 2. No. 1. P. 80 – 111.

5. Yarychev N.U. Preservation of Cultural Heritage in the Chechen Republic (on the Example of War Memorial Monuments). Culture and Civilization. 2023. Vol. 13. No. 9-1. P. 219 – 226.

6. Grigorenko O.V., Akoeva N.B. War Memorial Heritage of the Rostov Region and Its Role in Museum and Educational Activities. Humanitarian and Socio-Economic Sciences. 2024. No. 3 (136). P. 79–82.

7. Chikaeva K.S., Zelenskaya S.R. Historical Memory as a Resource in Shaping the Civic Identity of Young People. Vector of Humanitarian Thought. 2024. No. 4. P. 18 – 23.

8. Vorobyova N.V. Commemorative Field of the Historical Memory of Young People. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2025. No. 5. P. 177 – 195.

9. Kobzeva T.A. The Role of Public Organizations in Preserving the Historical Memory of Young People (Based on Materials from the Regional Branch of the Russian Military Historical Society in the Ulyanovsk Region). Science Diary. 2024. No. 12 (96).

10. Namyatov S.Yu., Kharitonova E.G. On the Formation of Historical Memory and Civic Patriotism in Students. Innovative Scientific Modern Academic Research Trajectory (INSIGHT). 2020. No. 2 (2). P. 44 – 50.

11. Bizheva A.K. Youth Participation in the Preservation of the Military Memorial Heritage of the Great Patriotic War as a Method of Patriotic Education. Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture. 2021. No. 2 (27).

12. Umova E.V. Military History Monuments of St. Petersburg (Leningrad) as an Important Part of Patriotic Education: Post-War Experience. Information – Communication – Society. 2024. Vol. 1. P. 435 – 439.

13. Izotova I.A., Kuznetsova A.A., Makarenkova E.V., Skorodumov A.A. Military-historical monuments and street urban sculptures on military and historical themes as important resources for patriotic education and factors of motivation for independent study of the history of our country. Bulletin of the St. Petersburg Research Institute of Pedagogy and Psychology of Higher Education. 2023. No. 2 (6). P. 15 – 24.

14. Bochkareva E.D. The Role of Historical Memory in the Civic-Patriotic Education of Students. The World of Science, Culture, and Education. 2018. No. 5 (72). P. 145 – 147.

15. Kolokolchikova R.S., Pogorely A.P. Preserving Historical Memory is the Most Important Factor in Strengthening National Identity. Alma Mater (Higher School Bulletin). 2023. No. 3. P. 32 – 36.

Информация об авторах

Вититнев С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет, svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Государственный университет просвещения, lug-anna@yandex.ru

Яснитский Н.А., кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет просвещения, yasnitsky@bk.ru

© Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., Яснитский Н.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(44).02
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-158-165

Charte de coutumes: основы городской идентичности в бастидах XIII-XIV вв.

[1] Зарюта Д.А.,
[1] Тюменский государственный университет

Аннотация: цель исследования состоит в репрезентации городской идентичности сквозь призму прочтения и анализа хартий бастид XIII-XIV вв., расположенных на Юге Франции. В данной работе был проведен источниковедческий анализ двадцати публично-правовых актов, систематизированных по типологии создания документов, через правовые, экономические и пространственные механизмы. Научная новизна заключается во введении в отечественный научный оборот хартий бастид с детальным анализом формирования городской идентичности. Введение в отечественный научный оборот корпуса источников расширяет понимание структуры средневековой бастиды, представляющий интерес в оптике развития внутригородских сословий в условиях планомерной урбанизации региона.

Ключевые слова: Франция, бастиды, городское право, городская идентичность, хартии бастид

Для цитирования: *Зарюта Д.А. Charte de coutumes: основы городской идентичности в бастидах XIII-XIV вв. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 158 – 165. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-158-165*

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Charte de coutumes: foundations of urban identity in the bastides of the 13th-14th centuries

[1] Zaryuta D.A.,
[1] University of Tyumen

Abstract: the aim of this study is to represent urban identity through the reading and analysis of bastide charters from the 13th and 14th centuries in southern France. This paper conducted a source analysis of twenty public legal acts, systematized by document typology, using legal, economic, and spatial mechanisms. The study's novelty lies in introducing bastide charters into Russian scholarship, along with a detailed analysis of the mechanisms underlying urban identity formation. The introduction of this corpus of sources expands our understanding of the structure of the medieval bastide, which is of interest for understanding the development of inner-city estates amidst the planned urbanization of the region.

Keywords: France, bastides, urban law, urban identity, charters of bastides

For citation: *Zaryuta D.A. Charte de coutumes: foundations of urban identity in the bastides of the 13th-14th centuries. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 158 – 165. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-158-165*

The article was submitted:May 14, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Проанализированный в рамках настоящего исследования корпус источников включает двадцать публично-правовых актов на территории Южной Франции, хронологический диапазон которых охватывает более столетия: от Парижского договора 1229 г., положившего конец Альбигойским войнам и создавшего политические условия для волны бастидного строительства, до привилегий бастиды Брюж, дарованных Гастоном III в 1360 г.

Актуальность исследования определяется необходимостью системного изучения хартий, поскольку в отечественной медиевистике бастиды до сих пор составляли фрагментированную область знаний, несмотря на их значение в оптике многообразия формирований средневековых поселений. Хартии бастид представляют собой уникальный тип источников, где правовые и общепринятые социальные нормы, экономические привилегии и пространственная организация с их ортогональной сеткой улиц и межеванием пространства, фиксировались в рамках единого учредительного акта. Развитие междисциплинарных подходов дает возможность комплексного анализа хартий на пересечении исторической урбанистики, исторической антропологии и правовой истории, что позволяет рассматривать городскую идентичность как многомерную конструкцию. Бастида, в данном ключе, предстает городским типом поселения, где формирование идентичности происходило путем урбанизации региона, дарения юридически подкрепленных хартий, где закреплялись права и свободы горожан.

В рамках настоящей статьи реализуются следующие задачи:

1. Систематизация хартий по типологии документов, для дальнейшего правового сравнения их специфик;
2. Анализ публично-правовых актов, в т.ч.: фискальный иммунитет, рыночные права, пространственная стандартизация, наследственное право, социальные нормы как основы формирования городской идентичности.

Использование цифрового метода анализа позволяет выявить эволюцию правовых моделей в условиях политической фрагментации региона. Комплексно проанализированный и структурированный корпус дает проследить локальные вариации правовых моделей и общие закономерности формирования городской идентичности в оптике планомерной урбанизации на Юге Франции.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования служит корпус из двадцати хартий, созданный на основе электронных версий оригинальных текстов, включающий королевские хартии вольностей (Бомон-де-Ломань, Монжар, Бомон-де-Перигор, Вьянн, Монфланкен, Вильнев-сюр-Лот, Жимон, Либурн), акты пареажа (Кастильонес, Пуйбрун), сеньориальные хартии (Ассон, Сент-Олай, Мазер, Ребенак, Бошало, Брюж, Монтегю), хартию Людовика IX о Каркассоне и видимусы, как нотариально заверенные копии публично-правовых актов.

Теоретическая рамка исследования основана на анализе хартий, в оптике изучения средневекового общества в интенциях их культурных традиций, внутренней неоднородности и противоречивости городского сознания [20]. В дополнение стоит учесть тезис о механизмах включения и исключения жителей из правового поля, устанавливавших границы сообщества и фиксировавших принадлежность к городу в противопоставление чужеземцам, что формировало оппозицию «свой/чужой» как основу коллективного самосознания горожан [25].

В историографии бастид классическая французская традиция XIX в. рассматривала хартии преимущественно как законодательные акты королевской политики [29, 34]. Однако принципиальный пересмотр оптики произошел в середине XX в., благодаря трудам Шарля Игуне, анализировавший хартии как инструмент аграрной колонизации и демографического роста, а его последователи, Одон де Сен-Бланк и Морис Берт, углубили этот подход, анализируя акты как правовую основу экономических связей между горожанами [27, 31, 33].

Практическая значимость данного исследования состоит в детальном изучении структуры, терминологии и правовых норм хартий бастид, что позволяет ввести в отечественный оборот корпус источников и расширить понимание механизмов средневековой урбанизации. Результаты исследования могут быть использованы в дополнение научного репозитория по бастидам, истории Франции и региона Лангедок, а также при источниковедческом анализе иных правовых документов средневековых городов.

Результаты и обсуждения

Типология документов подразделяется на несколько категорий, различающихся по цели их создания. Наиболее многочисленную группу составляют королевские хартии вольностей, представлявшие собой од-

носторонний акт дарения привилегий для основания бастид. К этой категории принадлежат хартии Бомон-де-Ломань [3], дарованные Филиппом III, хартия Монжар [14], выданная Филиппом V, а также хартии английских королей-герцогов Аквитании, включая учредительную грамоту Бомон-де-Перигор [4] Эдуарда I и хартию Вьянн. Особое место занимает хартия Монфланкена [12], ставшая типовой моделью для целой сети бастид Ажене с минимальными вариациями для других городов, что свидетельствует о процессе стандартизации правовых норм [28].

Акты пареажа фиксировали коллективную юрисдикцию двух и более сеньоров над образуемым поселением. Городская община, в данном случае, становилась объектом двойного подчинения [33]. Таким образом, происходила ассоциациия нескольких ветвей власти, «…si ce n'est qu'en sauvegardant les droits des seigneurs dont relèvent les fiefs…» [7].

Пареаж Пуйбруна демонстрирует более сложную модель, где основание бастиды включало создание не только административного, но и литургического аппарата (церкви, оратория, кладбища). Неповторяющийся в других исследуемых актах пример формирования городского ландшафта за счет религиозной принадлежности к месту, образует мнение о том, что в данный период, вследствие Альбигойского крестового похода, был необходим аппарат сдерживания распространения инакомыслия на территории южных регионов, ныне подчиненных королевскому домену [19]. Однако, как мы увидим далее, существовали иные механизмы сдерживания и подавления христианских течений, что не мешало включать культурную принадлежность в канву городского пространства.

Сеньориальные хартии исходили от графов, виконтов и рыцарей, действовавших в рамках собственной юрисдикции. Данные акты были менее детализированы, в отличие от королевских, но воспроизводили схожие элементы городского статуса, формировавшие региональную правовую модель, рассмотренных далее [31].

Видимусы создавались для подтверждения прав общины, когда оригинал был утрачен либо поврежден. Сам факт существования видимусов, как одного из видов нотариальных актов, свидетельствовал о важности сохранения юридической копии в случае утраты оригинала [29]. Хартия Брюж представляет собой уникальный случай, поскольку оригинал текста не уцелел вследствие пожара, но был восстановлен на основе устной памяти горожан, что подтверждает высокое значение хартии как материального воплощения прав и свобод [5].

Цель создания бастиды часто прописывалась в хартиях и носила разнородный характер от поселения к поселению. Например, хартия Каркассона основывалась на добровольном возвращении жителей для восстановления поселения после Альбигойского крестового похода, воспроизводя задачу их реинтеграции [6]. Основание Мазера обосновывалось колонизацией пустующих земель с гарантией безопасности, предоставленной королевским доменом [11].

Суверен являлся источником привилегий для поселения, гарантом порядка и высшей судебной инстанцией. Король, граф или виконт именовались в хартиях как rex, comes, vicecomes, dominus. Его редкое присутствие в бастиде подразумевало право на запасы жителей, которые могли предоставить им на продажу доступные товары, а также место для размещения коней на период его присутствия, если на то было место [1]. В пареажах власть суверена ограничивалась совладельцем (лат. condominium), которым мог быть аббат или рыцарь, как в Монтегю, где рыцарь Арно де Монбардон выступал в лице condominius у графа Пардериак [13].

Ниже стояли должностные лица на уровне, между сувереном и городской общиной. Сенешаль (лат. seneschallus), представлявший интересы суверена в территориальном управлении, концентрировал в своих руках исполнительную, законодательную и судебную власть, обладая правом назначать консулов, устанавливать меры и вес, определять размер штрафов. В случае пареажа он лично заключал соглашения, выступая представителем своего сеньора и действуя совместно с другими сеньорами [8].

Центральное место в повседневном управлении занимал бальи (лат. bajulus, ст. фр. bayle), исполнявший судебные решения, собиравший штрафы и налоги, а также контролировавший рыночную площадь и торговлю в поселении. Ключевой его особенностью являлась клятва перед сеньором и, в ряде случаев, перед достойными людьми (лат. probi homines) и консулами (лат. consoles., ст. фр. consuls), демонстрируя баланс между сеньориальной и муниципальной властью [12].

Упомянутые консулы формировали выборный орган городской власти, избрание которых фиксировалось в шесть человек ежегодно, из числа горожан-католиков, включая число достойных людей, через выдвижение старыми консулами и утверждение их сеньором или бальи [12]. В некоторых случаях консулы избирались без участия сеньора, где автономия города была выше, «…si les coseigneurs sont absents… Leur mandat sera entériné par les coseigneurs» [11].

За исключением большинства хартий упоминается существование совета, состоящего из достойных людей, избранных горожанами и выполняющих функцию законодательной власти внутри бастиды, замещающий или подчиняющийся консулам [17]. Последние давали совету, от лица остальных жителей, право голосовать за размер налогов и за строительство перед принятием окончательного решения [12]. Тем самым, включение жителей в механизмы городского планирования расширялось за счет коллективного участия [21]. Существование данного органа указывает на равенство горожан внутри бастид, формируя горизонтальные связи [35]. Совет включал от двенадцати до двадцати четырех избранных горожан, функции которых основывались на контроле налогообложений и казны [18].

Упоминание probi homines в хартиях подчеркивал существование привилегированных и уважаемых горожан, из которых избирали совет и консулов [3] [22]. Их деятельность внутри города пользовалась авторитетом среди остальных жителей. Им доверяли в хранение имущество, предназначавшееся для наследников, которые должны были в течение одного года его принять. А также «добрые люди» участвовали в роли понятых, заверяя слова консулов и бальи [13].

В типологии жителей бастид, происходит интерпретация в написании между языками и диалектами. В латинском написании встречается упоминание проживания в бастиде, как «habitat», чаще остальных терминов ассоциирующего жителя как полноправного члена бастиды, определяя его фискальную и территориальную принадлежность [25]. В старофранцузском и окситанском диалектах термины отражают более близкую связь с местом, обозначая жителя, как «hommes» (со ст. фр. и совр. фр люди) и «besii» (с окс. соседи). В первом варианте термин используется в значении маркера жителя определенного города, «…que les hommes du lieu d'Asson» [1], во втором случае можно толковать данное упоминание как практику соседства или дефиницию жителей, «…emparen e deffenen los besiis e singulars de la diite bastide…» [5].

Среди жителей были чужеземцы (лат. extraneus, alienigenae), ограниченные в правовом статусе и, в то же время, дополнительно отягощенными рыночными пошлинами (лат. leud) [3]. Данное правило ограничивало их вхождение в городскую иерархию, формируя границы «свой/чужой» (Ле Гофф, 2023, с. 220). При этом, наказания за различные преступления чужеземцев распространялись и действовали по общепринятым законам хартии, «alienigenæ autem transeuntes vel baiuli et baiuli dicti monasterii puniatur» [3].

Внутригородская иерархия основывалась на клятвах как, например, в Монфланкене [12], Вьянн [17], Бомон-де-Ломань [3] и Монжар [14], где описывалась трехуровневая присяга, когда консулы клялись бальи и жителям «хорошо и верно» охранять права сеньора, управлять городом и не принимать вознаграждения за свои услуги. Совет, в свою очередь, клялся давать консулам «совет и помощь» и подчиняться им, «…consulibus communitas…jurabit…dare consilium et adjutorium et obedire» [12]. Данная формула, воспроизводившаяся почти с дословной точностью по всему корпусу, создавала коллективную личность, в которой индивидуальная воля каждого горожанина основывалась на воле общины [35].

Принцип «non villæ extra» запрещал вызывать жителей в суд за пределами бастиды [9][10][15][16]. Данное правило дополнялось запретом на любое судебное преследование вне территории города до вынесения приговора местным судом, образуя территориальный судебный суверенитет и формируя политическую субъектность общины [23].

Еженедельный базарный день варьировался в каждом городе, где рынок (лат. mercatum) функционировал как экономический центр, будучи привязанным к центральной площади (лат. platæa, ст. фр. place) и выступавшим семиотическим ядром городского пространства, материализовавшим социальное единство общины [26, 32]. Прописанные нормы от продажи до доставки товара на площадь обеспечивали прозрачность сделок, формируя культуру публичной и честной торговли, «…res comestibilis de foris aportata ad vendendum vel dum aportetur de infra leucam ad vendendum, non vendatur nisi prius ad plateam dicte ville fuerit apportata» [12].

Территориальное разграничение, в виде стандартизации городской застройки, прописанной в хартиях, превращало город в материальную структуру [30]. Установление территориальных границ посредством межевых камней создавало видимое и юридически закрепленное внутригородское пространство, создавая класс равных собственников и отражая характер малого города с аграрно-ремесленными функциями, «…chaque pièce de terre de 4 cannes ou lates de large et 12 de long…» [8, 24]. Помимо городских участков, хартии предусматривали аграрные земли в виде наделов и общих пастбищ, в свою очередь, освобожденные от налогов [5]. Их упоминание, вероятно, свидетельствовало о программном замысле бастид в виде поселений, где каждый житель воспринимался земельным собственником.

Уделенное внимание семье в хартиях формировало автономию частной жизни от сеньориального вмешательства через право на свободный брак и определение клерикальной карьеры. Свобода выбора неразрывно связана с наследственным правом, поскольку привилегии передавались по крови через поколение,

создавая династическую модель принадлежности к городу, где статус свободного горожанина наследовался через кровное родство, превращая семью в юридический субъект городского права, «…et à savoir que lui… et ses successeurs… les affranchit… pour toujours et à perpétuité…» [1].

Предусматривалась также процедура в «год и один день» (лат. per unum annum et diem) для поиска наследников умершего горожанина, что гарантировало сохранение семейного имущества в руках наследников [9]. Только в отсутствие законных преемников имущество распределялось между сеньором и общиной [4].

Социальные нормы поведения, зафиксированные в хартиях, регламентировали повседневные нормы и формировали единый ментальный горизонт, маркировавший переход от аграрного к городскому укладу, образующий образ упорядоченного пространства в противопоставлении деревенской хаотичности [25]. Конкретизируя этот принцип, хартия Монжара возложила на собственников домов обязанность содержать улицы в чистоте, превратив персональную ответственность в общественную функцию [14]. Параллельно, публичные ритуалы позора воплощали механизм визуальной репрезентации правовых норм, трансформируя городское пространство в коллективный суд [25]. Регламентируя наказания за моральные проступки, хартии институционализировали церемонии в системе городского правосудия через обязательное присутствие консулов [3]. Данные церемонии функционировали как акты морального очищения, консолидировавшие городскую идентичность в сознании жителей бастиды.

Выводы

Изложение проведенного анализа по формированию городской идентичности декларируют основы её появления в условиях урбанизации региона в XIII-XIV вв. на примере бастид, появляющихся в данный период. На материале корпуса прослеживается конструирование коллективного сознания в самих хартиях сквозь призму юридического оформления общины, её прав и обязанностей, превращающих горожан в субъект права и символических механизмов, формировавших ландшафт и внутригородское пространство.

Систематизация хартий по типологии документов показала разнообразие юридических форм, в которых прописывались основополагающие нормы, воспроизводимые в разных политических контекстах. Королевские учредительные акты демонстрируют тенденцию к большей детализированности и к тиражированию типовых формул, тогда как пареажи фиксируют договорную природу власти и институализируют компромисс со-сеньоров, а видимусы раскрывают хартию как гарант правовой защиты горожан. Языковое различие в написании актов прослеживается в логике перехода к региональной традиции, образуя пространственную привязку.

При наличии суверена, бастида, как правило, управлялась через подвластные институты и выборные органы, при этом легитимация управления опиралась на систему клятв. Это указывает на построение идентичности через создание горизонтальных связей внутри сообщества. Одновременно нормы, предписываемые чужеземцам, фиксировали механизм включения и исключения, формируя границы как базовый компонент коллективного самосознания.

Анализ правовых элементов показал городскую идентичность как многокомпонентную конструкцию, где политические, экономические, пространственные и моральные регуляторы действовали синхронно, тем самым, закрепляя горожан, как юридическое лицо, действующее в пределах бастиды и имеющее в своем городе привилегированное положение в экономических и правовых нормах.

Демонстрируется образование организованной городской среды, где фиксировалась принадлежность к месту. Моральные нормы работали на основе сложенной городской традиции, прописанной в хартии и закрепляющей институционально связанную практику коллективного контроля, создавая элемент механизма внутренней консолидации и визуального подтверждения социальных границ.

Унификация правового языка через базовые институты дополнялась локальной адаптацией, подпадающей под типологию юридического документа и отраженной в переходе от латыни к диалектным формам. Данная вариативность позволяет рассматривать бастиды в оптике формирования городской идентичности, через дуализм городского пространства и права.

Список источников

1. Charte de coutumes d'Asson [URL: http://eglage.free.fr/charteAsson.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

2. Charte de coutumes de Beauchalot [URL: http://eglage.free.fr/charteBeauchalot.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

3. Charte de coutumes de Beaumont-de-Lomagne [URL: http://eglage.free.fr/charteBeaumontLomagne.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

4. Charte de coutumes de Beaumont-du-Périgord [URL: http://eglage.free.fr/charteBeaumont.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

5. Charte de coutumes de Bruges [URL: http://eglage.free.fr/charteBruges.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

6. Charte de Louis IX autorisant les Carcassonnais à fonder une ville nouvelle [URL: http://mescladis.free.fr/charte-fondation.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

7. Charte de coutumes de Castillonnès [URL: http://eglage.free.fr/chartecastillonnes.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

8. Charte de paréage de Castillonnès [URL: http://eglage.free.fr/pareageCastillonnes.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

9. Charte de coutumes de Francheville-de-Gimont [URL: http://eglage.free.fr/chartegimont.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

10. Charte de coutumes de Libourne [URL: http://eglage.free.fr/charteLibourne.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

11. Charte de coutumes de Mazères [URL: http://eglage.free.fr/charteMazere.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

12. Charte de coutumes de Monflanquin [URL: http://eglage.free.fr/charteMonclar.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

13. Charte de coutumes de Montégut-en-Pardiac [URL: http://sabadie.chez.com/montegutcharte.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

14. Charte de coutumes de Montgeard [URL: http://eglage.free.fr/charteMontgeard.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

15. Charte de coutumes de Rébénacq [URL: http://eglage.free.fr/charteRebenacq.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

16. Charte de franchises de Saint-Aulaye [URL: http://dnst.chez.com/h/lacharte01.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

17. Charte de coutumes de Vianne [URL: http://eglage.free.fr/charteVianne.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

18. Charte de coutumes de Villeneuve-sur-Lot [URL: http://eglage.free.fr/charteVilleneuveLot.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

19. Charte de paréage de Puybrun [URL: http://eglage.free.fr/pareagePuybrun.htm] (дата обращения: 14.03.2026)

20. Гуревич А.Я. Избранное. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 464 с.

21. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2007. 560 с.

22. Уваров П.Ю. Судьбы Лиможа // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М.: Наука, 1999. С. 348 – 353.

23. Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М.: Наука, 2012. 622 с.

24. Ястребицкая А.Л. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной медиевистики // Средние века. Вып. 43. М.: Наука, 1980. С. 248–274.

25. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / ред. Ю. Л. Бессмертный. СПб.: Азбука, 2023. 528 с.

26. Bernard G. Géographie des bastides // Revue géographique des Pyrénées et du Sud-Ouest. 1985. Vol. 56. No 3. P. 353 – 362.

27. Berthe M. Des «bastides» avant l'ère des bastides classiques // Annales du Midi. 2015. Vol. 127. No 291. P. 293–324.

28. Berthe M. Les coutumes de Monflanquin // Conférence donnée à l'occasion de l'Assemblée Générale du C.E.B. L'Isle-sur-Tarn, 2003. P. 26 – 29.

29. Curie-Seimbres A. Essai sur les villes fondées dans le sud-ouest de la France aux XIIIe et XIVe siècles sous le nom générique de bastides. Toulouse: Édouard Privat, 1880. 424 p.

30. Divorne F., Gendre B., Lavergne B., Panerai P. Les bastides: essai sur la régularité. Bruxelles: AAM, 1985. 151 p.

31. Higounet C. Pour une géographie du vignoble aquitain médiéval // Le vin au moyen âge: production et producteurs: Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (2-e congrès, Grenoble, 1971). Grenoble, 1971. P. 103 – 117.

32. Pujol F. L'élaboration de l'image symbolique de la bastide // Annales du Midi. 1991. Vol. 59. No 103. P. 345 – 367.

33. Saint-Blanquat O. de. Comment se sont créées les bastides? // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1949. Vol. 4. No 3. P. 278 – 289.

34. Verneilh F. de. Architecture civile au Moyen Âge: les bastides // Annales archéologiques. Paris, 1847. Vol. 6. P. 72 – 78.

35. Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900-1300. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1997. 410 p.

References

1. Charte de coutumes d'Asson [URL: http://eglage.free.fr/charteAsson.htm] (date of access: 14.03.2026)

2. Charte de coutumes de Beauchalot [URL: http://eglage.free.fr/charteBeauchalot.htm] (date of access: 14.03.2026)

3. Charte de coutumes de Beaumont-de-Lomagne [URL: http://eglage.free.fr/charteBeaumontLomagne.htm] (date of access: 14.03.2026)

4. Charte de coutumes de Beaumont-du-Périgord [URL: http://eglage.free.fr/charteBeaumont.htm] (date of access: 14.03.2026)

5. Charte de coutumes de Bruges [URL: http://eglage.free.fr/charteBruges.htm] (date of access: 14.03.2026)

6. Charte de Louis IX autorisant les Carcassonnais à fonder une ville nouvelle [URL: http://mescladis.free.fr/charte-fondation.htm] (date of access: 14.03.2026)

7. Charte de coutumes de Castillonnès [URL: http://eglage.free.fr/chartecastillonnes.htm] (date of access: 14.03.2026)

8. Charte de paréage de Castillonnès [URL: http://eglage.free.fr/pareageCastillonnes.htm] (date of access: 14.03.2026)

9. Charte de coutumes de Francheville-de-Gimont [URL: http://eglage.free.fr/chartegimont.htm] (date of access: 14.03.2026)

10. Charte de coutumes de Libourne [URL: http://eglage.free.fr/charteLibourne.htm] (date of access: 14.03.2026)

11. Charte de coutumes de Mazères [URL: http://eglage.free.fr/charteMazere.htm] (date of access: 14.03.2026)

12. Charte de coutumes de Monflanquin [URL: http://eglage.free.fr/charteMonclar.htm] (date of access: 14.03.2026)

13. Charte de Montégut-en-Pardiac Franchises [URL: http://sabadie.chez.com/montegutcharte.htm] (date of access: 14.03.2026)

14. Montgeard Franchises Chart [URL: http://eglage.free.fr/charteMontgeard.htm] (date of access: 14.03.2026)

15. Rébénacq Franchises Chart [URL: http://eglage.free.fr/charteRebenacq.htm] (date of access: 14.03.2026)

16. Saint-Aulaye Franchises Chart [URL: http://dnst.chez.com/h/lacharte01.htm] (date of access: 14.03.2026)

17. Vianne [URL: http://eglage.free.fr/charteVianne.htm] (date of access: 14.03.2026)

18. Charte de coutumes de Villeneuve-sur-Lot [URL: http://eglage.free.fr/charteVilleneuveLot.htm] (date of access: 14.03.2026)

19. Charte de paréage de Puybrun [URL: http://eglage.free.fr/pareagePuybrun.htm] (date of access: 14.03.2026)

20. Gurevich A.Ya. Selected Works. Medieval Studies and Scandinavian Studies: Articles from Different Years. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 464 p.

21. Gurevich A.Ya. Selected Works. The Medieval World. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007. 560 p.

22. Uvarov P.Yu. The Fates of Limoges. The City in the Medieval Civilization of Western Europe. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1999. P. 348 – 353.

23. Tsaturova S. K. Formation of the Institute of Civil Service in France in the 13th–15th Centuries. Moscow: Nauka, 2012. 622 p.

24. Yastrebitskaia A.L. The Main Problems of the Early History of the Medieval City as Viewed by Modern Western Medieval Studies. The Middle Ages. Issue 43. Moscow: Nauka, 1980. P. 248 – 274.

25. Le Goff J. Civilization of the Medieval West. ed. Yu.L. Bessmertny. St. Petersburg: Azbuka, 2023. 528 p.

26. Bernard G. Géographie des bastides. Revue géographique des Pyrénées et du Sud-Ouest. 1985. Vol. 56. No. 3. P. 353 – 362.

27. Berthe M. Des “bastides” avant l'ère des bastides classiques. Annales du Midi. 2015. Vol. 127. No. 291. P. 293 – 324.

28. Berthe M. Les coutumes de Monflanquin. Conférence donnée à l'occasion de l'Assemblée Générale du C.E.B. L'Isle-sur-Tarn, 2003. P. 26 – 29.
29. Curie-Seimbres A. Essai sur les villes fondées dans le sud-ouest de la France aux XIIIe et XIVe siè-cles sous le nom générique de bastides. Toulouse: Édouard Privat, 1880. 424 p.
30. Divorne F., Gendre B., Lavergne B., Panerai P. Les bastides: essai sur la régularité. Bruxelles: AAM, 1985. 151 p.
31. Higounet C. Pour une géographie du vignoble aquitain medieval. Le vin au moyen âge: production et producteurs: Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (2nd congrès, Grenoble, 1971). Grenoble, 1971. P. 103 – 117.
32. Pujol F. L'élaboration de l'image symbolique de la bastide. Annales du Midi. 1991. Vol. 59. No. 103. P. 345 – 367.
33. Saint-Blanquat O. de. Comment se sont créées les bastides? Annales. Economies, Sociétés, Civilizations. 1949. Vol. 4. No. 3. P. 278 – 289.
34. Verneilh F. de. Architecture civile au Moyen Âge: les bastides. Annales archéologiques. Paris, 1847. Vol. 6. P. 72 – 78.
35. Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900-1300. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1997. 410 p.

Информация об авторе

Зарюта Д.А., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-2215-335X, Тюменский государственный университет, d.a.zariuta@utmn.ru

© Зарюта Д.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94.4
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-166-174

Апрельская Конституция 1935 г. и трансформация правовой системы второй Речи Посполитой в 1926-1935 годах

[1] Зубарев Н.С.,
[1] Московский финансово-юридический университет, Калининградский филиал

Аннотация: в статье рассматривается Апрельская Конституция 1935 года как кульминация трансформации правовой системы Второй Речи Посполитой, происходившей в период с 1926 по 1935 год. Прослеживается путь от парламентской модели Мартовской конституции 1921 года через Майский переворот 1926 года и режим «санации» к установлению суперпрезидентской республики. На основе анализа конституционных актов, декретов президента, избирательных регламентов и работ польских правоведов межвоенного периода исследуются ключевые правовые новеллы: концепция «общего блага» как высшей ценности, отказ от концепции естественных прав человека, упразднение принципа разделения властей и сосредоточение государственной власти в фигуре президента, подотчётного лишь «Богу и истории». Особое внимание уделяется ограничению полномочий Сейма и Сената, реформе избирательного законодательства, устранившей посредничество политических партий и поставившей оппозицию в невыгодное положение. Показано, как новая правовая модель обеспечила монополизацию власти правящим лагерем и привела к рекордно низкой явке на выборах 1935 года. В заключении демонстрируется, что после смерти Юзефа Пилсудского прочного президентского режима не сложилось, а начавшаяся Вторая мировая война привела к краху режима «санации» и Апрельской конституции, продолжавшей использоваться польским правительством в изгнании вплоть до 1990 года.

Ключевые слова: Апрельская Конституция 1935 г., Санация, Вторая Речь Посполита, Пилсудский, Польша

Для цитирования: *Зубарев Н.С. Апрельская Конституция 1935 г. и трансформация правовой системы второй Речи Посполитой в 1926-1935 годах // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 166 – 174. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-166-174*

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The April Constitution of 1935 and the transformation of the legal system of the Second Polish Republic in 1926-1935

[1] Zubarev N.S.,
[1] Moscow University of Finance and Law, Kaliningrad Branch

Abstract: the article examines the April Constitution of 1935 as the culmination of the transformation of the legal system of the Second Polish Republic that took place between 1926 and 1935. It traces the path from the parliamentary model of the March Constitution of 1921, through the May Coup of 1926 and the Sanation regime, to the establishment of a super-presidential republic. Based on an analysis of constitutional acts, presidential decrees, electoral regulations and the works of Polish jurists of the interwar period, the study explores the key legal innovations: the concept of the common good as the supreme value, the rejection of the concept of natural human rights, .the abolition of the separation of powers, and the concentration of state power in the figure of the president, ac-

countable only to God and history. Particular attention is paid to the limitation of the powers of the Sejm and the Senate, and to the reform of electoral legislation, which removed the mediation of political parties and placed the opposition at a disadvantage. It is shown how the new legal model ensured the monopolization of power by the ruling camp and led to a record-low turnout in the 1935 elections. In conclusion, it is demonstrated that after the death of Józef Piłsudski no durable presidential regime emerged, and the outbreak of the Second World War brought about the collapse of the Sanation regime and the April Constitution, which continued to be used by the Polish government in exile until 1990.

Keywords: April Constitution of 1935, Sanation, Second Polish Republic, Piłsudski, Poland

For citation: *Zubarev N.S. The April Constitution of 1935 and the transformation of the legal system of the Second Polish Republic in 1926-1935. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 166 – 174. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-166-174*

The article was submitted:May 14, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Получившая независимость после первой мировой войны Польша, с первых дней своего существования столкнулась с серьезными вызовами. Построение государства происходило в условиях социально-экономической нестабильности, военных конфликтов с соседями.

В 1921 году была принята конституция, более известная как Мартовская Конституция, установившая систему парламентской республики [1]. Новая конституция гарантировала Сейму – нижней палате парламента, доминирующую роль в системе государственного управления, ставя правительство в полную зависимость от парламента.

Однако на практике парламентская модель не оправдывала чаяний народа, ожидаемого экономического благополучия и социальной стабильности не произошло. На политической арене, развернулась ожесточенная борьба партий. Политические партии, преследуя собственные идеологические цели и интересы, зачастую ставили их выше государственных приоритетов [2; с. 139-145]. Частая смена кабинетов делала невозможной проведение последовательного политического курса и решения первостепенных задач - борьбы с безработицей и инфляцией.

Кульминацией кризиса стал Майский переворот 1926 года, осуществлённый под руководством маршала Юзефа Пилсудского. В результате переворота к власти пришли не запятнанные парламентской борьбой сторонники маршала.

Не желая быть ограниченным статусом конституционного главы государства, Пилсудский от должности президента отказался. Заняв пост военного министра в правительстве К. Бартеля, маршал фактически обеспечил себе главенствующую роль в новом режиме – своего рода в качестве «серого кардинала». Под его управлением оказались армия и внешняя политика, все важнейшие для режима политические решения принимал Пилсудский единолично.

На должность президента был избран профессор И. Мостицкий, позиционировавшийся как аполитичный человек. В установленном режиме его фигура выполняла лишь церемониальную роль.

Материалы и методы исследований

В качестве одной из первостепенных задач после переворота для правящего лагеря стало изменение действующей правовой системы. Уже 5 июля Сейм приступил к обсуждению проектов поправок к конституции и 2 августа закон о внесении изменений в конституцию (так называемая «августовская новелла») был принят большинством голосов.

Августовская новелла, в качестве главного, расширила полномочия президента, наделив его правом по представлению правительства распускать палаты парламента (ранее для этого нужно было согласие сената) и издавать декреты, имеющие силу закона, одновременно лишив сейм возможности самороспуска [3].

Вводился особый порядок принятия государственного бюджета. В случае если сейм не успевал утвердить бюджет до начала бюджетного года, президент получал право утвердить его в варианте, предложенном правительством.

В тот же день был принят закон о полномочиях президента, определивший области государственного управления, которые глава государства мог регулировать своими декретами: приведение действовавшего законодательства в соответствие с конституцией, реорганизация системы государственного управления; экономики и валютного законодательства [4].

Декретом президента изменялась система высшего военного командования. Учреждение неподконтрольной каким-либо органам должности генерального инспектора вооружённых сил и назначение на неё маршала обеспечили ему полный контроль над вооруженными силами [5].

Таким образом, за относительно небольшой срок, с 15 мая до 6 августа 1926 г. в Польше «зачаточном виде» была создана модель режима «санации». Она сочетала в себе симбиоз: вместе с личной диктатурой Пилсудского продолжали существовать неподконтрольные режиму представительные органы и политические партии.

Декретное нормотворчество позволило режиму, минуя парламент, реформировать в своих интересах правовую систему и решать текущие вопросы [6, p. 11-14] .

Однако, новая политическая система, очень быстро показала свою низкую эффективность. Политические партии, изначально поддержавшие режим либо занявшие нейтральную позицию, осознав, что лишились доступа к власти (главная цель любой политической партии – завоевание и удержание политической власти), начали переходить в оппозицию [2, с. 174-177]. Уже в сентябре 1926 г. бюджетная комиссия сейма существенно урезала государственные расходы, также законодатели выразили вотум недоверия министрам правительства.

Это стало прямым вызовом маршалу и режиму. Период 1926-1935 гг. охарактеризовался активным противостоянием режима и политических партий. Кроме прочего, лидеры правящего лагеря серьезно опасались смерти маршала (в 1928 – инсульт). Без обеспеченных конституцией гарантий, возможность утраты власти была реальной [7, с. 263].

К декабрю 1933 года конституционные тезисы были рассмотрены конституционной комиссией сейма и 26 января 1934, приняты на заседании. Конечно не без проблем для режима. Так, оппозиционные депутаты на заседании отсутствовали – именно благодаря этому сторонники «Санации» получили квалифицированное большинство голосов участников заседания [8, с. 6-7].

Окончательно Сейм принял законопроект 23 марта 1935 г, а уже через месяц (23 апреля 1935 г.) их подписал президент. На следующий день Конституция, получившая название Апрельской, была опубликована и вступила в действие.

Результаты и обсуждения

Во главу угла Апрельской Конституции польские законодатели определили «Общее благо» (dobro wspólne), как высшую ценность. Статья 1: «Польское государство – общее благо всех граждан». Причем, правящий лагерь трактовал его с позиций приоритета государственного над общественным и коллективного над частными [9, p. 167-170].

«Общее благо» рассматривалось здесь в качестве исторического наследия, передаваемого из поколения в поколение, сама цель существования государства [10, p. 7-9]. На граждан возлагались обязанности верности государству и добросовестного исполнения возложенных на них обязанностей.

Как писал один из авторов Апрельской конституции, Вацлав Маковский: «Реализация благ и пользы общества сегодня может быть достигнута только коллективно, посредством взаимопомощи. Индивид бессилен в любой области; целью государства является организация сотрудничества граждан для удовлетворения потребностей коллективной жизни» [11, p. 20-23].

Конституция закрепляла обязанность каждого гражданина укреплять силу и авторитет государства посредством целенаправленной деятельности, за результаты которой он нес моральную ответственность перед будущими поколениями [12, p. 14-16].

Комментируя статью 1 Апрельской Конституции, В. Комарницкий писал: «Государство рассматривается здесь не как объединение индивидов, созданное для заботы о благополучии этих индивидов, а как целое, которое само по себе представляет собой благо и, следовательно, имеет независимую, надиндивидуальную ценность. В фундаментальном вопросе о взаимоотношениях индивида и коллектива тезисы отстаивают первенство коллектива. Это приводит к подчинению индивида коллективу, воплощенному в государстве. Индивид понимается как член целого, а не как отдельная сущность» [13, p. 184].

Апрельская Конституция отвергала концепцию естественных прав человека. Права и свободы рассматривались не как неотъемлемые элементы правового статуса личности, вытекающие из самой ценности жизни, а лишь в силу принадлежности к государству. Границы реализации этих прав определялись государством исходя из соображений «общего блага» и общественных интересов.

В. Маковский: «Государство не является политическим союзом для сохранения врожденных прав человека». Впоследствии он развивает эту мысль: «В основе определения отношений гражданина с государством лежит не концепция субъективных общественных прав, а понятие социальной функции и, следова-

тельно, обязанности… Права граждан имеют несамостоятельный характер, а вытекают из выполнения ими социальной функции, т.е. основаны на обязанностях» [14, p. 52].

Структура Апрельской Конституции демонстрирует «второстепенный» характер прав и свобод граждан. Раздела, посвященного правам и свободам граждан, она не предусматривала (был в Мартовской Конституции). Нормы, затрагивающие права и свободы, были расположены фрагментарно по всему тексту конституции, в то время как их общий объём заметно сократился.

Так, в Апрельской конституции не упоминались (но были предусмотрены в Мартовской): свобода печати, право на охрану жизни и имущества, право на подачу петиций, право на возмещение ущерба от неправомерных действий государственных органов, свобода передвижения и эмиграции, право на сохранение национальной идентичности, социальные гарантии (охрана труда детей и женщин, право на обеспечение в случае болезни, право детей оставшихся без попечения родителей на опеку) и др. [15].

Как можно видеть, «общее благо» в Апрельской Конституции служит для определения обязанностей граждан перед государством, исключительно в одностороннем порядке, вертикально.

Ключевые изменения коснулись системы высших органов власти. Прежде всего, законодатели отказались от принципа разделения властей. Народ более не превозносился в качестве «главного источника власти». На первый план выдвинулась фигура Президента.

Президент являлся главой государства, будучи подотчетным лишь «Богу и истории» (он не был подотчетен парламенту). В его лице была заключена единая и неделимая государственная власть. Все высшие государственные органы: Правительство, Сейм, Сенат и суды – действовали под его общим руководством (ст. 3).

Станислав Цар: «Третий тезис представляет собой не что иное, как организационную схему государства, которая основана уже не на трехстороннем разделении властей, а на единой власти, поскольку государственная власть по своей природе неделима и едина, так же как и понятие суверенитета неделимо и едино» [16, p. 164].

Президент обладал обширными полномочиями, включавшими: утверждение состава правительства; созыв и роспуск парламента, а также открытие, закрытие и приостановление его сессий.

Он являлся Верховным главнокомандующим; решал вопросы войны и мира, заключал и ратифицировал международные договоры; назначал и отзывал председателя правительства, руководителей Верховного суда и Верховной контрольной палаты, главнокомандующего и генерального инспектора, государственных судей. Глава государства имел право издания распоряжений, имеющие силу закона (при условии контрассигнования).

Кроме прочего, Апрельская Конституция наделала президента иммунитетом - никто не мог привлечь его к ответственности за действия, связанные с исполнением должности, а за другие нарушения права – только после истечения срока полномочий (ст. 15).

Утратил свое главенствующее положение Сейм. Статья 31 Конституции прямо устанавливала что, функции управления государством не входят в компетенцию Сейма. Парламент сохранил за собой законодательные и надзорные функции, но в ограниченном виде [17, p. 3-8].

Монопольная законотворческая власть Сейма была отменена. Во-первых, право законодательной инициативы помимо Сейма принадлежало и Правительству, которое обладало исключительными полномочиями в определенных вопросах (бюджет, призыв на военную службу, ратификация международных соглашений). Сейм не мог без согласия Правительства принимать законы, которые влекли бы за собой расходы из государственной казны, при отсутствии на то обеспечения из бюджета.

Во-вторых, Президент имел право издания распоряжений, имеющих силу закона. Они могли издаваться в любое время, и их принятие происходило единолично главой государства - без участия палат. Вопросы организации правительства, командования вооружёнными силами и организации государственного управления регулировались исключительно посредством президентских распоряжений.

Апрельская Конституция сократила срок работы сессии Сейма до четырех месяцев, с возможностью дальнейшего сокращения, в случае, если закон о бюджете принимался ранее установленного срока. Существенно изменились и условия созыва внеочередных сессий. Если ранее созыв внеочередной сессии парламента был возможен по запросу одной трети депутатов, то теперь требовалось не менее половины.

Депутатский иммунитет также был ограничен – депутаты «пользовались только такими гарантиями иммунитета, которые требовались их участием в работе Сейма». Они несли ответственность за содержание выступлений, произнесенных в Сейме, внесенных предложений и представленных возражений.

За заявления, противоречащие обязанности верности польскому государству, депутат мог быть привлечен к ответственности перед Государственным трибуналом и по его решению лишен мандата. Для привле-

чения достаточно было запроса маршала Сейма или министра юстиции, согласия самой палаты не требовалось.

Парламент утратил реальную возможность влиять на структуру и деятельность правительства. Хотя палаты сохраняли право вынести вотум недоверия, как отдельному министру, так и правительству в целом, его конечная реализация полностью зависела от воли Президента: он мог либо удовлетворить требование депутатов и инициировать отставку Правительства, либо не согласиться и распустить парламент.

Правительство окончательно трансформировалось в орудие в руках Президента. Оно было подотчетно главе государства, который мог распустить его в любое время.

Кроме прочего, Апрельская Конституция «законсервировала» установленную ей систему. Внесение поправок в конституцию без одобрения со стороны Президента было невозможно: принятый палатами законопроект о поправках должен был быть подписан Президентом, в случае ветировнаия Президент распускал палаты Парламента.

Новый основной закон оформил реформу избирательного законодательства. Относительно выборов Президента, Апрельская Конституция отказалась от избрания главы государства палатам парламента в пользу коллегии выборщиков.

В состав коллегии входили 80 человек: 5 – по должности (Маршалы Сейма и Сената, председатель правительства, председатель Верховного суда и генеральный инспектор вооруженных сил), остальные 75 избирались Сеймом и Сенатом из числа «наиболее достойных граждан». Вводилось ограничение только 2 возможных кандидата: одного выдвигала коллегия, второго вправе выдвинуть уходящий Президент.

Если уходящий Президент выдвигал своего кандидата, то назначались всеобщие выборы. Если уходящий президент не назначал своего кандидата и не объявлял всеобщих выборов, его приемником автоматически, без голосования становился кандидат коллегии выборщиков.

Порядок проведения парламентских выборов не был урегулирован в Апрельской конституции и определялся избирательными регламентами Сейма и Сената, принятыми 8 июля 1935 года [18, 19].

Новое избирательное законодательство должно было быть «формой сотрудничества граждан в создании определенных государственных органов (Сейма и Сената), а не формой ведения организованной политической борьбы за власть» [20, p. 3].

Общее число депутатов и сенаторов сокращалось: в Сейме с 444 до 208 (место 64 многомандатных округов вводились 104 двухмандатных) в Сенате со 111 до 96 человек (при этом 32 не избирались, а назначались Президентом). Возрастной ценз для активного избирательного права был повышен: с 21 до 24 лет для выборов в Сейм, с 25 до 30 лет – в Сенат. Избирательные права не предоставлялись 10 категориям граждан: гражданам, которые были лишены родительских прав, уволены с государственной службы по решению дисциплинарного суда, получали доход за счёт занятия проституцией и др.

Новеллой законодательства стало устранение посредничества политических партий в выдвижении кандидатов в депутаты. Органами, обладающими исключительной властью в этой области, были окружные собрания. В их состав входили делегаты территориальных и хозяйственных органов самоуправления, а также профессиональных организаций. Кроме того, в округах с населением свыше 75 тысяч человек в состав включались также делегаты профессионального самоуправления, технических объединений и женских организаций, а также академических учебных заведений. Помимо этого, в состав окружного собрания входили делегаты, выдвинутые не менее чем 500 избирателями. Председателем собрания являлся окружной комиссар.

По замыслу сторонников маршала, вместо прежнего процесса составления списков кандидатов в депутаты небольшими партийными штабами, начиная с 1935 года, эта задача будет выполняться примерно 14 000 делегатами (окружных собраний), занимающих ответственные общественные должности и пользующихся доверием среди граждан [21, p. 37].

Новая избирательная система ставила оппозицию в невыгодное положение [22, p. 7-10]. Вследствие численного превосходства делегатов, связанных с правящим лагерем, в окружных собраниях возможность избираться кандидатам от оппозиционных партий стало практически невозможным.

Вацлав Комарницкий: «Создание органов, монополизирующих отбор кандидатов в депутаты, таких как окружные собрания, представляет собой ограничение избирательных прав и противоречит принципам избирательного права, принятым в конституции, – универсальности, прямоте и равенству» [23, p. 289].

Не обошли реформаторы и верхнюю палату парламента – Сенат. Этот государственный орган теперь должен был представлять граждан, отличившихся своими заслугами в работе на благо общества. Избирать сенаторов стало привилегией, доступной лишь ограниченному кругу лиц – тем, кто имел государственные награды, образование или занимал определённые должности, требующие доверия граждан.

Новый ценз значительно ограничили число имеющих право голоса избирателей. Так, если в 1930 году правом избирать сенаторов обладало приблизительно 11 миллионов, то по новому регламенту право голоса было предоставлено лишь 267 000 человек.

Выборы в Сенат не были прямыми и проходили в два этапа. Сначала граждане избирали делегатов в провинциальные избирательные коллегии, которые, в свою очередь, выдвигали кандидатов в сенаторы. Голосование проводилось только в том случае, если количество кандидатов превышало количество мест, выделенных для данного воеводства. В противном случае, выдвинутые кандидаты считались избранными автоматически.

Выводы

Суммируя изложенное, Апрельская Конституция 1935 года закрепила в Польше модель суперпрезидентской (квазипрезидентской) республики. Новый основной закон полностью отказывался от системы сдержек и противовесов, помещая Президента в центр вертикали власти, и подчиняя ему все высшие государственные органы.

Изменение избирательного закона привело к окончательной монополизации власти в руках ограниченного круга лиц – правящего лагеря «Санации», обеспечив его политическим организациям абсолютное большинство в палатах парламента. На выборах 1935 г. ББСП получил 181 из 208 мандатов в Сейм и 96 из 96 в Сенат. В 1938 г. ЛНО завоевал 164 мандатов в Сейм и 66 в Сенат.

«Триумфальную победу» омрачила лишь низкая явка: значительная часть населения, в частности городского, избирательную реформу не приняли, в том числе оппозиционные партии, лишенные возможности выдвигать кандидатов, призвали бойкотировать выборы. В результате на выборах 1935 г. явка составила рекордно низкие 46,6% (при этом 7% бюллетеней было признано недействительным).

Однако построения прочного президентского режима в итоге не произошло. Со смертью маршала Пилсудского у власти остался лагерь, сплоченный лишь своей приверженностью маршалу, а не какой-либо политической доктрине [2, с. 222-228]. Это был блок различных лиц и групп от сторонников социалистических идей до крайне консервативных взглядов.

В результате близкое окружение маршала распалось не несколько групп, раздираемых борьбой за власть. Представители Группа «полковников» рассчитывали занять доминирующие позиции, сместив Мосцицкого с поста президента, и назначив на его место В. Славека. Однако, неожиданно для них самих, до этого аполитичный президент решил не уходить в отставку до окончания срока и начал вести свою собственную политику.

В результате начавшейся борьбы за власть, на авансцену вышла главная опора режима – армия [24, с. 9-10].

К 1936 году в стране установилось шаткое равновесие Президента и генерального инспектора вооруженных сил [25, p. 266-27]. Назначенное в мае 1936 года правительство Ф. Славой-Складковскоого стало их совместным компромиссом: ряд министров был назначен президентом (экономический блок, образование), другие – генеральным инспектором Рыдз-Смиглы.

В нарушение Апрельской Конституции 13 июля 1936 года председатель правительства Складковский издал циркуляр, в котором установил рассматривать Рыдза как первого человека в государстве после президента. В стране установился культ личности генерального инспектора.

Через ЛНО (новой политической организации) генеральный инспектор контролировал палаты парламента, через верных ему монстров – деятельность подконтрольных министерств.

Начавшаяся в сентября 1936 года Вторая Мировая война и последующая оккупация Польши привели к краху режима «Санации» и тем самым Апрельской Конституции.

Пришедшие к власти после войны коммунисты к режиму «Санации» в целом к режиму «Санации» и к Апрельской Конституции, в частности, относились крайне негативно. В коммунистическая печать характеризована ее как конституцию «фашистского типа», способствующая дальнейшей «гитлеризации сраны» [26, p. 3-10].

Напротив, польское правительство в изгнании продолжало использовать Апрельскую конституцию в качестве своей нормативной основы вплоть до упразднения в 1990 году [27].

Список источников

1. Ustawa z dnia 17 marca 1921 roku – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. Nr 44. Poz. 267. P. 633 – 658.

2. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Российская академия наук, Институт славяноведения; ред. кол.: Г.Ф. Матвеев, А.Ф. Носкова, Л.С. Лыкошина; отв. ред. А.Ф. Носкова. Москва: Индрик, 2012. 952 с. ISBN 978-5-91674-213-8.

3. Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 roku zmieniająca i uzupełniająca Konstytucję Rzeczypospolitej z dnia 17 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926. Nr 78. Poz. 442. P. 877 – 879.

4. Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 roku o upoważnieniu Prezydenta Rzeczypospolitej do wydawania rozporządzeń z mocą ustawy // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926. Nr 78. Poz. 443. P. 880.

5. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 6 sierpnia 1926 roku o sprawowaniu dowództwa nad siłami zbrojnemi w czasie pokoju i o ustanowieniu Generalnego Inspektora Sił Zbrojnych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926. Nr 79. Poz. 445. P. 882.

6. Matlak Paweł Dekrety w historii państwa polskiego // Historia ustroju państwa polskiego. Wybrane zagadnienia / redakcja Marek Krzymkowski, Marcin Gronowski, Emil Plewa. Łódź: Wydawnictwo Naukowe ArchaeGraph Diana Łukomiak, 2023. P. 25 – 51.

7. Дыбковская А., Жарын Малгожата, Жарын Ян История Польши с древнейших времён до наших дней / под редакцией Анны Сухени-Грабовской, Эугениуша Цезары Круля; перевод с польского Рафаэля Амиряна и других; редакция русского текста Мирославы Белевич. Варшава: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995. XIV, 380, [1] с., [11] л. карт.

8. Ким И.К. Борьба лагеря санации за принятие апрельской конституции 1935 года в Польше // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 75 – 83.

9. Piechowiak Marek Dobro wspólne jako fundament polskiego porządku konstytucyjnego. Warszawa: Biuro Trybunału Konstytucyjnego, 2012. 494 p. ISBN 978-83-87515-61-4.

10. Słup Paweł Dobro wspólne w Konstytucji III Rzeczypospolitej Polskiej // Zeszyt Studencki Kół Naukowych Wydziału Prawa i Administracji Uniwersytetu imienia Adama Mickiewicza. 2017. Nr 7. P. 213 – 229.

11. Makowski Wacław Rewizja umowy społecznej. Warszawa: nakładem Księgarni Ferdynanda Hoesicka, 1933. 83 p.

12. Granat, Mirosław. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej na tle rozwoju i osiągnięć konstytucjonalizmu polskiego // Przegląd Sejmowy. 2007. Nr 4 (81). P. 11 – 33.

13. Komarnicki Wacław Ustrój państwowy Polski współczesnej: geneza i system. Wilno: [wydawca nie wskazany]; Polska Drukarnia „Świt”, 1937. VIII, 443 p.

14. Makowski Wacław Nauka o państwie. Część pierwsza: Teoria państwa. Warszawa: Komitet Wydawniczy Podręczników Akademickich, 1939. VIII, 232 p.

15. Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 roku – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 30. Poz. 227. P. 497 – 508.

16. Car Stanisław Polska koncepcja autorytaryzmu / wstęp, wybór i opracowanie Jacek Maria Majchrowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1996. 212 p. ISBN 83-7059-235-X.

17. Kozik Dariusz Funkcjonowanie Sejmu w latach 1935–1939 // Zeszyty Naukowe Instytutu Administracji Akademii imienia Jana Długosza w Częstochowie. 2016. Nr 2(14). P. 71 – 90.

18. Ustawa z dnia 8 lipca 1935 roku Ordynacja wyborcza do Sejmu // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 47. Poz. 319. P. 795 – 810.

19. Ustawa z dnia 8 lipca 1935 roku – Ordynacja wyborcza do Senatu // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 47. Poz. 320. P. 810 – 815.

20. Deryng, Antoni. Zasady nowej ordynacji wyborczej do Sejmu i Senatu // Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny. 1936. R. 16, z. 1. P. 23* – 32*.

21. Car Stanisław, Podoski Bohdan Ordynacje wyborcze do Sejmu i Senatu / wstępem i wyjaśnieniami opatrzyli Stanisław Car i Bohdan Podoski. Warszawa: Księgarnia Powszechna, 1935. 160 p., 1 mapa składana.

22. Górecki Dariusz Wybory parlamentarne w Polsce w 1935 i 1938 roku // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Iuridica. 2023. Nr 104. P. 39 – 52. DOI: 10.18778/0208-6069.104.04

23. Komarnicki Wacław Ustrój państwowy Polski współczesnej: geneza i system. Wilno: [wydawca nie wskazany]; Polska Drukarnia „Świt”, 1937. VIII, 443 p.

24. Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 42 – 51.

25. Czubiński Antoni Ewolucja stosunków politycznych w Polsce po śmierci Józefa Piłsudskiego // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914-1998. Tom 1. Odbudowanie niepodległego państwa i jego rozwój do 1945 roku. Część 1. Zbiór studiów. Poznań: [wydawca nie wskazany], 1999. P. 262 – 276.

26. Sadłowski, Michał Patryk. Konstytucja kwietniowa z 1935 roku w politycznych narracjach i nauce w pierwszych latach Polski Ludowej. Miscellanea Historico-Iuridica. 2025. Vol. 24, z. 2. P. 125 – 160. DOI: 10.15290/mhi.2025.24.02.06

27. Szumiło Mirosław Konstytucja kwietniowa a ciągłość państwa polskiego na uchodźstwie [Электронный ресурс] // Przystanek Historia. 2025. 1 października. Bez paginacji. URL: https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/polska-na-uchodzstwie/119706,Konstytucja-kwietniowa-a-ciaglosc-panstwa-polskiego-na-uchodzstwie.html (дата обращения: 07.05.2026)

References

1. The Polish Constitution of March 17, 1921. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. Nr 44. Pos. 267. P. 633 – 658.

2. Poland in the 20th Century. Essays on Political History. Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies; ed. board: G.F. Matveyev, A.F. Noskova, L.S. Lykoshina; ed. responsible A.F. Noskova. Moscow: Indrik, 2012. 952 p. ISBN 978-5-91674-213-8. 3. Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 roku zmieniająca i uzupełniająca Konstytucję Rzeczypospolitej z dnia 17 marca 1921 roku. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926. Nr 78. Pos. 442. P. 877 – 879.

4. Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 roku o upoważnieniu Prezydenta Rzeczypospolitej do wydawania rozporządzeń z mocą ustawy. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926. Nr 78. Pos. 443. P. 880.

5. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 6 sierpnia 1926 roku o sprawowaniu dowództwa nad siłami zbrojnemi w czasie pokoju i o ustanowieniu Generalnego Inspektora Sił Zbrojnych. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1926. Nr 79. Pos. 445. P. 882.

6. Matlak Paweł Dekrety w historii państwa polskiego. Historia ustroju państwa polskiego. Wybrane zagadnienia. Redakcja Marek Krzymkowski, Marcin Gronowski, Emil Plewa. Łódź: Wydawnictwo Naukowe ArchaeGraph Diana Łukomiak, 2023. P. 25 – 51.

7. Dybkowska A., Zaryn Małgorzata, Zaryn Jan History of Poland from Ancient Times to the Present Day. edited by Anna Suchenia-Grabowska, Eugeniusz Cezary Król; translated from Polish by Rafael Amiryan and others; editor of the Russian text by Miroslava Belevich. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995. XIV, 380, [1] p., [11] sheets of maps.

8. Kim I.K. The Struggle of the Sanation Camp for the Adoption of the April 1935 Constitution in Poland. Humanitarian and Legal Studies. 2018. No. 2. P. 75 – 83.

9. Piechowiak Marek Dobro wspólne jako fundament polskiego porządku konstytucyjnego. Warszawa: Biuro Trybunału Konstytucyjnego, 2012. 494 p. ISBN 978-83-87515-61-4.

10. Słup Paweł Dobro wspólne w Konstytucji III Rzeczypospolitej Polskiej. Zeszyt Studencki Kół Naukowych Wydziału Prawa i Administracji Uniwersytetu imienia Adama Mickiewicza. 2017. Nr 7. P. 213 – 229.

11. Makowski Wacław Revizja umowy społecznej. Warszawa: nakładem Księgarni Ferdynanda Hoesicka, 1933. 83 p.

12. Granat, Mirosław. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej na tle rozwoju i osiągnięć konstytucjonalizmu polskiego. Przegląd Sejmowy. 2007. Nr 4 (81). P. 11 – 33.

13. Komarnicki Wacław Ustrój państwowy Polski współczesnej: geneza i system. Wilno: [wydawca nie wskazany]; Polska Drukarnia „Świt", 1937. VIII, 443 p.

14. Makowski Wacław Nauka o państwie. Część pierwsza: Teoria państwa. Warszawa: Komitet Wydawniczy Podręczników Akademickich, 1939. VIII, 232 p.

15. Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 roku – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 30. Pos. 227. P. 497 – 508.

16. Car Stanisław Polska koncepcja autorytaryzmu / wstęp, wybór i opracowanie Jacek Maria Majchrowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1996. 212 p. ISBN 83-7059-235-X.

17. Kozik Dariusz Funkcjonowanie Sejmu w latach 1935-1939. Zeszyty Naukowe Instytutu Administracji Akademii imienia Jana Długosza w Częstochowie. 2016. Nr 2(14). P. 71 – 90.

18. Ustawa z dnia 8 lipca 1935 roku Ordynacja wyborcza do Sejmu. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 47. Poz. 319. P. 795 – 810.

19. Ustawa z dnia 8 lipca 1935 roku – Ordynacja wyborcza do Senatu. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 47. Poz. 320. P. 810 – 815.

20. Deryng, Antoni. Zasady nowej ordynacji wyborczej do Sejmu i Senatu. Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny. 1936. R. 16, z. 1. P. 23* – 32*.

21. Car Stanisław, Podoski Bohdan Ordynacje wyborcze do Sejmu i Senatu. wstępem i wyjaśnieniami opatrzyli Stanisław Car i Bohdan Podoski. Warszawa: Księgarnia Powszechna, 1935. 160 p., 1 mapa składana.

22. Górecki Dariusz Wybory parlamentarne w Polsce w 1935 i 1938 roku. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Iuridica. 2023. Nr 104. P. 39 – 52. DOI: 10.18778/0208-6069.104.04

23. Komarnicki Wacław Ustrój państwowy Polski współczesnej: geneza i system. Wilno: [wydawca nie wskazany]; Polska Drukarnia „Świt", 1937. VIII, 443 p.

24. Matveyev G.F. On the Typology of the "Sanation" Regime in Poland. Bereginya. 777. Sova: Society. Politics. Economy. 2015. No. 3 (26). P. 42 – 51.

25. Czubiński Antoni Ewolucja stosunków politycznych w Polsce po śmierci Józefa Piłsudskiego. Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914-1998. Tom 1. Odbudowanie niepodległego państwa i jego rozwój do 1945 roku. Część 1. Zbiór studio. Poznań: [wydawca nie wskazany], 1999. P. 262 – 276.

26. Sadłowski, Michael Patryk. Konstytucja kwietniowa z 1935 roku w politycznych narracjach i nauce w pierwszych latach Polski Ludowej. Miscellanea Historico-Iuridica. 2025. Vol. 24, z. 2. P. 125 – 160. DOI: 10.15290/mhi.2025.24.02.06

27. Szumiło Mirosław Konstytucja kwietniowa a ciągłość państwa polskiego na uchodźstwie [Electronic resource]. Przystanek Historia. 2025. 1 października. Bez paginacji. URL: https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/polska-na-uchodzstwie/119706,Konstytucja-kwietniowa-a-ciaglosc-panstwa-polskiego-na-uchodzstwie.html (date of access: 07.05.2026)

Информация об авторе

Зубарев Н.С., Московский финансово-юридический университет, Калининградский филиал, Nikvasel@yandex.ru

© Зубарев Н.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(479.24)"12/13"
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-175-183

Азербайджан: геополитическое «яблоко раздора» между Золотой Ордой и Ильханами

[1] Вурал Мюжган,
[1] Государственный академический университет гуманитарных наук

Аннотация: в данной статье рассматривается, как неопределённость границ, возникшая в результате раздела империи, основанной Чингис-ханом, привела к более чем столетней жесткой геополитической конкуренции между Золотой Ордой (Улусом Джучи) и Ильханатом (Улусом Хулагу) за территории Азербайджана и Кавказа. Борьба за власть в этом регионе, который называют «яблоком раздора» евразийской геополитики тех лет, не сводилась лишь к юридическому спору о праве собственности на эти земли по «Закону Чингис-хана» или к междинастической вражде. В работе показано, что в основе этого конфликта лежит экологический фактор: привлекательность зимних пастбищ Мугана и Аррана, имевших жизненно важное значение для кочевых монгольских войск, а также экономическая необходимость контроля над глобальными торговыми путями между Востоком и Западом, центром которых был Тебриз. В то время как Золотая Орда рассматривала этот регион как объект для утверждения своих юридических прав и динамичную зону экспансии, Ильханы отстаивали Азербайджан как административный и политический центр, от которого зависело само существование государства. Это структурное и жизненно важное противоречие сделало даже такие дипломатические инициативы, как Всеобщий монгольский мир (Pax Mongolica) 1304 г., поверхностными и неэффективными. Кроме того, в статье рассматривается вакуум власти, образовавшийся в результате фактического распада Ильханата в 1335 г., попытка хана Джанибека на короткое время объединить два улуса посредством Тебризского похода 1357 г., а также период «Великой замятни», в который вошла Золотая Орда после смерти его сына Бердибека,. В работе отстаивается тезис о том, что эти хронические войны на Южном Кавказе, взаимно истощавшие институциональные, военные и финансовые ресурсы обоих монгольских улусов на пограничных территориях, ослабили оба государства и в дальнейшем способствовали их распаду; в конечном итоге они создали геополитический вакуум, в котором смогли подняться новые игроки, такие разрушительные как Тимур.

Ключевые слова: Золотая Орда, Ильханат, Азербайджан, Кавказ, монгольские улусы, Яса Чингис-хана, Тебриз, геополитика.

Для цитирования: *Вурал Мюжган Азербайджан: геополитическое «яблоко раздора» между Золотой Ордой и Ильханами // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 175 – 183. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-175-183*

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Azerbaijan: a geopolitical "apple of discord" between the Golden Horde and the Ilkhanate

[1] *Vural Myuzhgan,*
[1] *State Academic University for the Humanities*

Abstract: this article examines how the indeterminacy of borders that arose from the division of the empire founded by Genghis Khan led to more than a century of fierce geopolitical rivalry between the Golden Horde (the Ulus of Jochi) and the Ilkhanate (the Ulus of Hulagu) over the territories of Azerbaijan and the Caucasus. The struggle for power in this region, called the "apple of discord" of the Eurasian geopolitics of those years, was not limited to a legal dispute over ownership of these lands under the "Law of Genghis Khan" or to inter-dynastic enmity. The study shows that this conflict rested upon an ecological factor – the attractiveness of the winter pastures of Mughan and Arran, which were vital for the nomadic Mongol armies – and on the economic necessity of controlling the global trade routes between East and West, the centre of which was Tabriz. While the Golden Horde regarded this region as an object for asserting its legal rights and as a dynamic zone of expansion, the Ilkhans defended Azerbaijan as the administrative and political centre on which the very existence of their state depended. This structural and vital contradiction rendered even such diplomatic initiatives as the Pax Mongolica of 1304 superficial and ineffective. The article further considers the power vacuum that followed the actual disintegration of the Ilkhanate in 1335, the short-lived attempt of Khan Janibek to unite the two uluses through the Tabriz campaign of 1357, and the period of the "Great Troubles" into which the Golden Horde fell after the death of his son Berdibek. The author argues that these chronic wars in the South Caucasus, which mutually exhausted the institutional, military and financial resources of both Mongol uluses, weakened both states, contributed to their collapse, and ultimately created a geopolitical vacuum in which destructive new players such as Timur were able to rise.

Keywords: Golden Horde, Ilkhanate, Azerbaijan, Caucasus, Mongol uluses, Yasa of Genghis Khan, Tabriz, geopolitics

For citation: *Vural Myuzhgan Azerbaijan: a geopolitical "apple of discord" between the Golden Horde and the Ilkhanate. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 175 – 183. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-175-183*

The article was submitted:May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Чингис-хан еще при жизни разделил основанную им огромную империю между своими сыновьями в рамках «системы улусов»; однако тот факт, что границы улусов не были четко определены во время этого раздела, заложил основу для глубоких политических и военных конфликтов между членами его династии, которые продлились более века [12]. В центре этой неопределенности находились регионы Азербайджана и Кавказа, которые привлекали внимание как Золотой Орды (Улуса Джучи), так и Ильханов (Улус Хулагу) благодаря своему стратегическому положению, богатым зимним и летним пастбищам (особенно Муган и Арран) и торговому потенциалу. При анализе первоисточников того времени, таких как Джувейни и Вассаф, а также разработок современных историков, становится очевидным, что превращение этой территории в «яблоко раздора» было обусловлено не только военными амбициями Чингисидов, но и толкованием ими Ясы Чингиса, т.е. апелляцией к праву [2].

В центре правового спора между Золотой Ордой и Ильханами лежали принципы Закона Чингисхана (Ясы) в отношении собственности и наследования. Основным аргументом хана Золотой Орды Берке, как отмечает в своих штудиях Питер Джексон, было убеждение в том, что Чингис-хан своим указом (ярлыком) закрепил эти территории за Джучи и его потомками. Более того, воинские отряды, принадлежавшие к Улусу Джучи, активно участвовали в походах Хулагу на Кавказ, Иран и Ближний Восток (включая завоевание Багдада). Согласно толкованию Ясы Берке-ханом, из земель, завоеванных совместными военными силами, и из добычи, полученной в результате похода, всем участвовавшим в походе, в том числе его людям, должна была отдаваться доля в размере одной пятой. Действительно, хотя некоторые историки утверждают, что это требование было основано скорее на путанице, возникшей вследствие присутствия их войск в тех местах, чем на юридическом праве, ханы Золотой Орды превратили этот аргумент «Закона» в государственную политику, чтобы узаконить свои притязания на Кавказ и Азербайджан [13].

Хулагу, однако, явно не желал подчиняться этому требованию «Закона Чингиса» о разделе собственности и присвоил себе большую часть завоеванных богатых земель, сделав их центральными владениями основанного им государства. Он ограничился предоставлением некоторых подарков в обмен на службу солдат Золотой Орды и, как отражено в записях Рашид ад-Дина, фактически аннулировал претензии потомков Джучи на владение этими землями, передав управление Арраном и Азербайджаном своему сыну Йошмуту [33]. Как справедливо отметил Джордж Лейн, «Закон Чингиса» в этом споре использовался как гибкий текст, «позволяющий каждому в любой момент сказать что угодно», и обе стороны толковали Закон в соответствии со своими экспансионистскими устремлениями [16]. «Система улусов» и «Закон», являющиеся наследием Чингис-хана, вместо того чтобы обеспечить правовое согласие между Джучидами и Хулагуидами, превратили Азербайджан и Кавказ в постоянный центр геополитического кризиса.

Более того, геополитическая конкуренция не ограничивалась территориальным спором. Поскольку Берке стал первым мусульманским правителем из рода Чингиса, она еще более разгорелась после того, как Хулагу в 1258 г. разрушил Багдад и убил аббасидского халифа [5].

Материалы и методы исследований

Пограничные споры между наследниками Чингис-хана, возникшие в результате раздела основанной им огромной империи, вылились в длительную разрушительную войну между Золотой Ордой и Ильханатом. Земли Азербайджана и Кавказа, оказавшиеся в центре этой борьбы, были не просто предметом внутридинастического спора о собственности или юридической дискуссии о Ясе. Как показали ведущие современные исследователи Виргил Чокилтан, Чарльз Мелвилл и Патрик Уинг, в основе этого конфликта лежали экологические (потребность в летних и зимних пастбищах) и экономические (контроль над мировой торговлей) факторы, которые были неотъемлемой и жизненно важной частью монгольской военной машины [18]. Поэтому Азербайджан оказался в положении идеального «яблока раздора» в геополитике Евразии [8].

Результаты и обсуждения

Экологические предпосылки конфликта. Боевая мобильность и ударная мощь кочевых монгольских войск напрямую зависели от наличия плодородных пастбищ, способных прокормить как верховых лошадей, так и огромные стада вьючных животных. В этом отношении Азербайджан, в особенности равнины Мугана и Аррана, представлял для монгольской кавалерии жизненно важную экологическую базу. Расположенные между оседлыми землями Кавказа и Ираном, богатые пастбища Азербайджана, питаемые реками и остающиеся зелеными круглый год, были для кочевого населения настоящем «оазисом». Тот факт, что Хулагуиды, в отличие от Джучидов или Чагатаидов, не владели обширными азиатскими степями, заставил их тесно привязаться к этим плодородным землям на юге Кавказа [17].

Причина огромного интереса Золотой Орды к землям между Дербендом и Арраном заключалась не только в высоких налогах, которые могли приносить эти регионы; главным фактором было то, что местные пастбища обладали уникальным изобилием для зимнего выпаса огромных стад скота. По мнению Патрика Уинга, Азербайджан обладал «двойным преимуществом»: с одной стороны, он идеально вписывался в кочевую экономику монгольской и тюркской элиты, с другой – находился в самом центре торговых путей. Насколько кавказские пастбища были необходимы для монгольских лошадей, настолько же Тебриз, расположенный в центре этих пастбищ, был важен для казны Ильханов [26].

Экономический конфликт. В самом сердце Ильханата, простиравшегося от берегов Амударьи до границ Египта, возвышался Тебриз. Согласно отчетам западных путешественников, таких как Марко Поло и Одорик из Порденоне, с тех пор как Ильханы сделали его столицей, город представлял собой глобальный рынок, на который стекались роскошные товары из Индии, Багдада, Мосула и Хормуза, а европейские купцы, в первую очередь генуэзцы, устремлялись сюда, чтобы приобрести драгоценные камни, золото и шелк [21].

Ханы из рода Джучи не могли смириться с тем, что Золотая Орда оставалась в стороне от столь огромного центра денежного оборота и потребления роскоши. Суть конфликта за пределами Кавказа заключалась непосредственно в проблеме «контроля над восточной торговлей» [22]. Захват Ильханами Азербайджана и повышение статуса Тебриза поставило торговые потоки под их контроль, что вынудило Золотую Орду разработать альтернативные стратегии [23].

Золотая Орда, стремящаяся преодолеть блокаду Ильханов, начиная с периода правления хана Берке заключила стратегический союз с египетскими мамлюками, которые были главными соперниками Ильханов. Важнейшим компонентом этой оси была торговля рабами (мамлюками), которых доставляли из Дешт-и-Кипчака в черноморские порты (особенно в Кафу и Тану, находившиеся под контролем Генуи и Венеции) и отправляли в Египет морским путем. Эта торговля, составлявшая кадровую основу мамлюкской армии, бы-

ла большим источником дохода для Золотой Орды и жизненной необходимостью для Египта. Хулагуиды стремились помешать поставкам мамлюкских войск, воевавших против них, из кипчакских степей через Черное море и проливы; в то же время ханы Золотой Орды вступили в тесное сотрудничество с итальянскими морскими республиками, чтобы защитить эту северную торговую сеть (Сарай-Кафа/Тана-Каир) [3].

В ответ на контроль Золотой Орды, установленный ею через Кафу и Тану на севере Черного моря, Ильханы также обновили свои торговые стратегии. В связи с постоянной угрозой со стороны мамлюков и закрытием традиционного маршрута Багдад-Сирия-Восточное Средиземноморье (Айяс), они сделали своим основным торговым маршрутом линию «Тебриз-Трабзон», связывающую торговлю через Анатолию с Черным морем [9].

После того как Трапезундская империя подчинилась Ильханам, генуэзские и венецианские купцы начали доставлять иранский шелк и индийские пряности, купленные в Тебризе, непосредственно в порт Трапезунда и оттуда через Черное море в Европу. Находившаяся под управлением Ильханов Анатолия стала ключевым регионом новой международной транзитной торговли. Это превратило Черное море из чисто внутреннего моря в крупный перекресток евразийской торговли, где соперничали как северный маршрут Золотой Орды (Тана/Кафа), так и южный маршрут Ильханов (Трапезунд) [15].

Неугасаемый конфликт между Золотой Ордой и Ильханатом за Кавказ и Азербайджан не был просто военной или идеологической борьбой за наследие Чингис-хана. Эта война представляла собой безупречный синтез борьбы за пастбища (яйлак-кишлак), необходимые для поддержания монгольской конницы, и за золото, рабов и шелк (тебризская торговля и черноморские порты), которые приносили государству доход. Поэтому Азербайджан и Кавказ вошли в историю как бесценное «яблоко раздора» в геополитике Евразии того времени, благодаря, с одной стороны, своим природным ресурсам, способным обеспечить десятки тысяч всадников, а с другой, экономическим центрам, таким как Тебриз, диктующим условия международной торговли и определяющим маршруты итальянских мореплавателей по Черному морю [27].

Конкуренция за Азербайджан, являвшийся центром экологической и экономической притягательности, в конечном итоге переросла в горячий военный конфликт, сопровождавшийся идеологическим расколом. Захват Багдада Хулагу и ликвидация Аббасидского халифата стали ключевым событием, запалившим фитиль первой крупной войны между потомками Чингис-хана. Первый мусульманский монгольский правитель, хан Золотой Орды Берке, использовал разрушение Багдада и убийство халифа в качестве самого весомого средства идеологической легитимации войны, которую он начал против Хулагу. Как ясно следует из труда Рашид ад-Дина Фазлуллаха «Джами’у’т-Таварих» и из анализа таких современных историков, как Реувен Амитай-Прейсс, споры о границах и владениях на Кавказе и в Азербайджане были узаконены под этим идеологическим предлогом и в 1262 г. переросли в кровавую войну на берегах реки Кура [4].

В условиях этого конфликта Берке-хан заключил дипломатический и военный союз с мамлюкским султаном Египта Бейбарсом, чтобы зажать Хулагу в клещи. Этот союз преследовал цель не только укрепления исламского братства, но и обеспечения непрерывного потока рабов (мамлюков) через Черное море, а также сдерживания экспансии Ильханата с обоих фронтов. Оказавшись зажатыми с севера войсками Улуса Джучи, а с юго-запада – мамлюками, Ильханы были вынуждены выстраивать свою военную стратегию с учетом трудностей войны на два фронта и держать основные военные силы преимущественно на границе Азербайджана и Кавказа [24].

После смерти Хулагу (1265 г.) и Берке (1266 г.) соперничество на Кавказе продолжалась с той же силой и в эпоху их преемников Абака-хана и Менгу-Тимура [1]. В этот период Кура утвердилась в качестве фактической границы между двумя государствами Чингисидов и главного поля сражений [30]. Согласно информации из первоисточников, после восшествия Менгу Тимура на трон Золотой Орды султан Ильханидов Абака-хан во главе своей армии лично двинулся к реке Кура, переправился через реку, построив мосты с кораблей, и вступил в ожесточенные бои. Однако эти военные действия не всегда заканчивались в пользу Ильханов. Как сообщает Вассаф, в одном из этих пограничных столкновений между Менгу-Тимуром и Абакой многочисленный отряд тяжелой кавалерии, пытавшийся переправиться через Куру, погиб, погрузившись в ледяную воду в результате пролома льда [25].

После долгой кровопролитной борьбы в 1304 г. в монгольском мире были предприняты попытки установить всеобщий мир и согласие (Pax Mongolica). В этом мирном процессе, начатом по инициативе Чагатаидского хана Дувы, приняли участие все члены династии Чингисидов, включая Великого хана Тимура в Пекине, хана Золотой Орды Токты и правителя Ильханата Олджайту. В письмах, отправленных своим союзникам – европейским правителям, хан Олджайту извещал о том, что многолетняя вражда между потомками Чингис-хана закончилась и все монгольские народы вновь объединились под единой властью Великого хана [7].

Однако этот «Всеобщий могольский мир» 1304 г. не принес ожидаемых результатов, поскольку он представлял собой лишь поверхностное дипломатическое перемирие, не способное решить структурные проблемы Кавказа и Азербайджана, в то время как каждый улус продолжал преследовать свою собственную независимую политическую повестку. Хан Золотой Орды Токта, несмотря на подписание мирного договора, никогда не отказывался от притязаний на пастбища Азербайджана и на черноморскую торговлю, центром которой был Тебриз. Поскольку экологические и экономические причины, лежавшие в основе конфликта между двумя улусами, не были устранены, идеологические или символические мирные соглашения не могли искоренить причины конфликта. Более того, в последующие годы напряженность вновь начала нарастать из-за похода Олджайту на Гилян и непрекращающихся нарушений границ, а территория Азербайджана продолжала настраивать друг против друга Золотую Орду и Ильханат вплоть до падения последнего [6].

Распад Ильханата. Соперничество между Золотой Ордой и Ильханатом за Азербайджан и Кавказ приобрело новый размах в первой половине XIV в. в связи с глубоким политическим кризисом, в который погрузилось государство ильханов. Крушение Улуса Хулагу ускорилось в результате «кризиса эмира Чобана» [11]. Эмир Чобан из рода Сулдус, самый могущественный бейлербей государства, достигший вершины власти благодаря брачным узам с ханской династией, вступил в конфликт с ханом после того, как Абу Саид Бахадур-хан захотел жениться на его дочери Багдад-хатун, уже выданной замуж, и был убит в 1327 г. Хотя его устранение на короткое время укрепило авторитет хана, оно создало для государства новые проблемы в военном и административном плане, в когда в 1335 г. Абу Саид умер, не оставив наследника, Ильханат вступил в процесс распада. В условиях вакуума власти племена монгольского происхождения, такие как Чобаноглу и Джелайри, прикрываясь марионеточными ханами, вступили в кровавую борьбу за власть над Азербайджаном и Тебризом [19].

В условиях хаоса, наступившего после смерти Абу Саида, Мелик-Ашраф из рода Чобаноглу (1343-1358), захвативший власть в Тебризе и Азербайджане, ввел крайне репрессивный и жестокий режим управления. Население и улемы, спасаясь от его тирании, нашли убежище в соседних государствах, а кади Тебриза Мухиддин Бердаи отправился в Сарай, столицу Золотой Орды, и укрылся у хана Джанибека. Влиятельная проповедь Бердаи, в которой он рассказал в дворце Золотой Орды о жестокости Мелик-Ашрафа и заявил, что «если он не спасет народ, являющийся залогом Бога, от этого гнета, то в Судный день с него будут спрашивать за это», дала хану Джанибеку искомый повод для вмешательства. Он собрал войско, в 1356-1357 гг. перешел Куру и вторгся в Азербайджан [14].

Тебризский поход 1356–1357 гг. Этот поход Джанибека стал кульминацией в реализации исторических целей, которые Золотая Орда преследовала на Кавказе и в Азербайджане на протяжении почти столетия. Нанеся армии Мелик-Ашрафа сокрушительное поражение в окрестностях Уджана и Тебриза, Джанибек вошел в город, положив конец правлению Чобани, а отрубленную голову Мелик-Ашрафа приказал доставить в Тебриз и повесить на площади над воротами Совета Мерагали. Эта победа Джанибека, хотя бы формально, вновь объединила две крупнейшие части Монгольской империи – улусы Джучи и Хулагу и вошла в историю как величайший военный успех Золотой Орды. Обеспечив порядок в регионе, Джанибек оставил своего сына Бердибека в Тебризе в качестве наместника Азербайджана с армией в пятьдесят тысяч человек и вернулся в свою столицу [31].

Однако этот грандиозный успех Джанибека оказался крайне недолговечным. В связи с тем, что Джанибек тяжело заболел (или был убит) на обратном пути или сразу после него, Бердибек, оставшийся в Тебризе, из страха потерять трон был вынужден в спешке вернуться в Сарай, взяв с собой огромную армию, находившуюся под его командованием. Внезапный уход Бердибека из Азербайджана привел к повторной потере этого стратегического региона, завоеванного столетней борьбой. К тому же, в результате убийства Бердибека в 1359 г., вскоре после его вступления на престол, Золотая Орда вступила в период «Великой замятни», длившейся двадцать лет и ознаменовавшейся сменой более двадцати ханов. Кризис центральной власти и разделение государства на восточное (Сарайское) и западное (Мамаево) крылья привели к тому, что Золотая Орда больше не смогла вмешиваться в дела Кавказа и Азербайджана [32].

Хотя хан Джанибек, завоевавший Тебриз и заполнивший геополитический вакуум, который образовался после распада Ильханата, и осуществил давнюю мечту о контроле над Азербайджаном, разразившаяся во внутренней политике Золотой Орды смута помешал этому историческому успеху стать долговечным. Атмосфера хаоса привела к тому, что Кавказ и Азербайджан сначала оказались под властью местных эмиров и джелаиридов, а вскоре после этого – под влиянием Тимура, ставшего новым, разрушительным фактором в истории региона [20].

Выводы

Если оценивать в совокупности конфликты и кризисы, описанные в настоящей статье, то становится очевидным, что вековая борьба между Золотой Ордой и Ильханатом, развернувшаяся на территории Азербайджана, стала одной из важнейших причин утраты целостности Монгольской империи, наряду с противостоянием Хубилая и Ариг-Буки и его последствиями. Этот конфликт вышел далеко за рамки простого нарушения границ или временной борьбы за трон между членами династии; он превратился в хронический хаос, подрывавший институциональные, военные и финансовые ресурсы двух улусов.

В основе столь длительного и непримиримого конфликта лежало принципиальное несовпадение оценки территории Азербайджана со стороны Золотой Орды и Ильханата. Если абстрагироваться от упомянутых выше деталей, касающихся торговли и пастбищ, то для Золотой Орды, расположившейся на степях Дешт-и-Кипчак, Азербайджан представлял собой стратегическую внешнюю цель, контроль над которой должен был разрешить правовую коллизию, вытекающее из нарушения Хулагу и его потомками Ясы Чингис-хана. Иными словами, Север рассматривал этот регион как динамичную зону экспансии и объект обретения своих законных прав.

В то же время для Ильханов, установивших господство над Ближним Востоком и Ираном, Азербайджан не был территорией, которую надо было завоевать или обсуждать в ходе переговоров на границах; он являлся административным, экономическим и политическим центром государства. Защита этой территории Ильханами являлась вопросом существования их государства [10].

Это коренное различие, когда одна сторона претендовала на внешнее право, а другая защищала центр своего существования, хорошо объясняет причину неудачи такой дипломатической инициативы, как Мир 1304 г.

Крах Ильханата государства и Монгольской империи, в целом, нельзя свести только к случаям смерти без наследников или дворцовым интригам (например, кризису эмира Чобана), о которых говорилось выше. Согласно распространенному среди историков мнению, основной причиной краха стал разрыв жизненно важных экономических связей между улусами Джучи и Хулагу из-за непрекращающихся войн на кавказской границе. Концентрация военного и финансового потенциала государства на границе с Азербайджаном (в долине реки Кура) нарушила внутреннее социально-экономическое равновесие, со временем ослабила оба улуса и в конечном итоге способствовала их распаду.

Несмотря на разрушительные вторжения, Ильханы сумели создать институциональный государственный механизм, синтезировав иранско-исламскую бюрократию с монгольской военной элитой [28]. Однако этот успех так и не смог перерасти в период стабильного процветания из-за постоянной угрозы со стороны Золотой Орды. Азербайджан, являвшийся сердцем государства, оставался постоянным местом военного сосредоточения и полем сражений, и это привело к чрезмерной милитаризации административной системы Ильханата, истощению казны и ослаблению центральной власти [29].

Таким образом, анализ исторических данных приводит нас к следующему выводу: Азербайджан стал смертоносным «яблоком раздора» в геополитике Евразии, от которого не мог отказаться ни один из двух великих улусов, возвысившихся на наследии Чингис-хана, и чьи границы ни один из них не смог полностью определить. Азербайджан не был просто пастбищем или торговым путем; он оказался узлом противоречий, определяющим интерпретацию Ясы Чингиса, поиск легитимности и средневековую дипломатию. Геополитическая «одержимость» обрекла как Золотую Орду, так и Ильханат на изнурительную войну, в результате которой обе империи в середине XIV в. погрузились в собственные внутренние кризисы (падение Ильханата в 1335 г. и междоусобица в Золотой Орде в 1359 г.). Это ускорило процесс их ухода со сцены истории и создало геополитический вакуум, в котором смогли подняться такие новые игроки, как Тимур.

Список источников

1. مجلد؛ ۱ در جلد ۵ — .۱۳۴۶ ایران، فرهنگ بنیاد انتشارات : تهران — .و صاف تاریخ تحریر .ع بدالمحمد آیتی، ص ۴۳۴.

2. Cüveynî Alaaddin Ata Melik Tarih-i Cihan Güşa / çeviren Mürsel Öztürk. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2013. XIII, 653 s., [3] s. harita.

3. Amitai-Preiss Reuven Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260-1281. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 292 p.

4. Amitai Reuven Mamluks, Franks and Mongols: A Necessary but Impossible Triangle // Ferdowsi, the Mongols and the History of Iran: Art, Literature and Culture from Early Islam to Qajar Persia / edited by Robert Hillenbrand, Firuza Abdullaeva, Andrew Peacock. London: I.B. Tauris, 2013. P. 137 – 146.

5. Biran Michal Baghdad under Mongol Rule // Baghdad: From Its Beginnings to the 14th Century / edited by Jens Scheiner, Isabel Toral-Niehoff. Leiden : Brill, 2022. P. 285 – 315.

6. Boyle John Andrew Dynastic and Political History of the Il-Khans // The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / edited by John Andrew Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 303 – 421.

7. Boyle John Andrew The Il-Khans of Persia and the Princes of Europe // Central Asiatic Journal. 1976. Vol. 20. No 1/2. P. 25 – 40.

8. Ciocîltan Virgil The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries / translated by Samuel Willcocks. Leiden; Boston: Brill, 2012. VI, 321 p. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450 – 1450; vol. 20.

9. Doğan Us Demet Zeynüddîn b. Hamdullâh Müstevfî-yi Kazvînî'nin Zeyl-i Târîh-i Güzîde İsimli Eserinin Tercüme ve Değerlendirmesi: yüksek lisans tezi / tez danışmanı Mualla Uydu Yücel. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2019. 121 p.

10. Fragner Bert Georg Ilkhanid Rule and Its Contributions to Iranian Political Culture // Beyond the Legacy of Genghis Khan / edited by Linda Komaroff. Leiden ; Boston : Brill, 2006. P. 68 – 80.

11. Hope Michael Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Īlkhānate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. X, 238 p.

12. Howorth Henry Hoyle History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part III. The Mongols of Persia. London: Longmans, Green, and Co., 1888. 776 p.

13. Jackson Peter The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London: Yale University Press, 2017. XX, 614 p.

14. Jamal Nadia Eboo Surviving the Mongols: Nizārī Quhistānī and the Continuity of Ismaili Tradition in Persia. London; New York: I.B. Tauris, 2002. XVI, 190 p.

15. Korobeinikov Dimitri The Ilkhans in the Byzantine Sources // New Approaches to Ilkhanid History / edited by Timothy May, Bayarsaikhan Dashdondog, Christopher Pratt Atwood. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 385 – 424.

16. Lane, George E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. London; New York: RoutledgeCurzon, 2003. XIV, 330 p.

17. Manz Beatrice Forbes Nomads in the Middle East. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 294 p.

18. Melville Charles Anatolia under the Mongols // The Cambridge History of Turkey. Vol. 1. Byzantium to Turkey, 1071-1453 / edited by Kate Fleet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 51 – 101.

19. Morgan David Medieval Persia, 1040-1797. Second edition. New York ; London : Routledge, 2016. 216 p.

20. Morton Nicholas The Mongol Storm: Making and Breaking Empires in the Medieval Near East. New York: Basic Books, 2022. 432 p.

21. Polo Marco The Travels of Marco Polo / translated and with an introduction by Ronald Latham. London: Penguin Books, 1958. 351 p.

22. Prazniak Roxann Sudden Appearances: The Mongol Turn in Commerce, Belief, and Art. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2019. XII, 292 p.

23. Preiser-Kapeller Johannes Civitas Thauris: The Significance of Tabriz in the Spatial Frameworks of Christian Merchants and Ecclesiastics in the 13th and 14th Centuries // Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz / edited by Judith Pfeiffer. Leiden ; Boston : Brill, 2014. P. 251 – 299.

24. Smith, John Masson, Jr. Ayn Jalut: Mamluk Success or Mongol Failure? // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1984. Vol. 44. No 2. P. 307 – 345.

25. Waṣṣāf al-Ḥaḍrat, Sharaf al-Dīn ʿAbd Allāh ibn Faḍl Allāh. Geschichte Wassaf's. I. Band. persisch herausgegeben und deutsch übersetzt von Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1856. 594 p.

26. Wing Patrick Rich in Goods and Abounding in Wealth: The Ilkhanid and Post-Ilkhanid Ruling Elite and the Politics of Commercial Life at Tabriz, 1250-1400 // Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz / edited by Judith Pfeiffer. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 301 – 320.

27. Qiu Yihao Background and Aftermath of Fakhr al-Dīn al-Ṭībī's Voyage: A Reexamination of the Interaction between the Ilkhanate and the Yuan at the Beginning of the Fourteenth Century // New Approaches to Ilkhanid History / edited by Timothy May, Bayarsaikhan Dashdondog, Christopher Pratt Atwood. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 147 – 175.

28. Zakrzewski Daniel Malik Ṣadr al-Dīn Tabrīzī and the Establishment of Mongol Rule in Iran // Asiatische Studien / Études Asiatiques. 2017. Vol. 71. No 4. P. 1059 – 1073.

29. Zakrzewski Daniel Lords of Tabriz: Local Interests, Political Agency and Dynastic Change (Seventh/Thirteenth to Ninth/Fifteenth Centuries) // Aus den Tiefenschichten der Texte: Beiträge zur turkoiranischen Welt von der Islamisierung bis zur Gegenwart / herausgegeben von Nader Purnaqcheband, Florian Saalfeld. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2019. P. 117 – 138.

30. Арсланова А.А. Из истории изучения «Тарих-и Вассаф» в отечественной и зарубежной историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2017. № 9. С. 7 – 14.

31. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагуидами: пер. с турец. языка и науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2007. 108 с.

32. Костюков В.П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация.: сборник статей. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. Вып. 2. С. 69 – 89.

33. Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани. Жамиғ ат-тауарих: Тарихтар жинағы, XIV ғасыр. 4-том / жалпы редакциясын басқарған Дархан Қуандықұлы Қыдырәлі; түпнұсқадан аударып, түсініктерін жазғандар Зәріпбай Жұманұлы Оразбай, Мұхаммедзафар Зәріпбайұлы Оразбаев; редакциялап, сілтемелердің бір бөлігін жазған Қазыбек Тоғызбайұлы Тәжиев. Астана: Фолиант; Халықаралық Түркі академиясы, 2018. 596 бет.

References

1. آ.تی بدالمحمد یر .ع .حر رتخ ار یر رتس .و صاف یر خت ار یر رتس — .۱۳۴۶ یر ران،ا ف رهنگ یر ادب ن اند تشارات : تهران — مج لد؛ ۱ در ج لد ۵ — ص ۴۳۴.

2. Cüveynî Alaaddin Ata Melik Tarih-i Cihan Güşa. çeviren Mursel Öztürk. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2013. XIII, 653 s., [3] s. harita

3. Amitai-Preiss Reuven Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260-1281. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 292 p.

4. Amitai Reuven Mamluks, Franks and Mongols: A Necessary but Impossible Triangle. Ferdowsi, the Mongols and the History of Iran: Art, Literature and Culture from Early Islam to Qajar Persia. edited by Robert Hillenbrand, Firuza Abdullaeva, Andrew Peacock. London: I.B. Tauris, 2013. P. 137 – 146.

5. Biran Michal Baghdad under Mongol Rule. Baghdad: From Its Beginnings to the 14th Century. edited by Jens Scheiner, Isabel Toral-Niehoff. Leiden: Brill, 2022. P. 285 – 315.

6. Boyle John Andrew Dynastic and Political History of the Il-Khans. The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Period. edited by John Andrew Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 303 – 421.

7. Boyle John Andrew The Il-Khans of Persia and the Princes of Europe. Central Asian Journal. 1976. Vol. 20. No 1/2. P. 25 – 40.

8. Ciocîltan Virgil The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. translated by Samuel Willcocks. Leiden; Boston: Brill, 2012. VI, 321 p. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450 – 1450; vol. 20.

9. Doğan Us Demet Zeynüddîn b. Hamdullâh Müstevfî-yi Kazvînî'nin Zeyl-i Târîh-i Güzîde İsimli Eserinin Tercüme ve Değerlendirmesi: yüksek lisans tezi. tez danışmanı Mualla Uydu Yücel. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2019. 121 p.

10. Fragner Bert Georg Ilkhanid Rule and Its Contributions to Iranian Political Culture. Beyond the Legacy of Genghis Khan. edited by Linda Komaroff. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 68 – 80.

11. Hope Michael Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Īlkhānate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. X, 238 p.

12. Howorth Henry Hoyle History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part III. The Mongols of Persia. London: Longmans, Green, and Co., 1888. 776 p.

13. Jackson Peter The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London: Yale University Press, 2017. XX, 614 p.

14. Jamal Nadia Eboo Surviving the Mongols: Nizārī Quhistānī and the Continuity of Ismaili Tradition in Persia. London; New York: I.B. Tauris, 2002. XVI, 190 p.

15. Korobeinikov Dimitri The Ilkhans in the Byzantine Sources. New Approaches to Ilkhanid History. edited by Timothy May, Bayarsaikhan Dashdondog, Christopher Pratt Atwood. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 385 – 424.

16. Lane, George E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. London; New York: Routledge Curzon, 2003. XIV, 330 p.

17. Manz Beatrice Forbes Nomads in the Middle East. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 294 p.

18. Melville Charles Anatolia under the Mongols. The Cambridge History of Turkey. Vol. 1. Byzantium to Turkey, 1071-1453. edited by Kate Fleet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 51 – 101.

19. Morgan David Medieval Persia, 1040-1797. Second edition. New York; London: Routledge, 2016. 216 p.

20. Morton Nicholas The Mongol Storm: Making and Breaking Empires in the Medieval Near East. New York: Basic Books, 2022. 432 p.

21. Polo Marco The Travels of Marco Polo. translated and with an introduction by Ronald Latham. London: Penguin Books, 1958. 351 p.

22. Prazniak Roxann Sudden Appearances: The Mongol Turn in Commerce, Belief, and Art. Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2019. XII, 292 p.

23. Preiser-Kapeller Johannes Civitas Thauris: The Significance of Tabriz in the Spatial Frameworks of Christian Merchants and Ecclesiastics in the 13th and 14th Centuries. Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz. edited by Judith Pfeiffer. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 251 – 299.

24. Smith, John Masson, Jr. Ayn Jalut: Mamluk Success or Mongol Failure? Harvard Journal of Asian Studies. 1984. Vol. 44. No. 2. P. 307 – 345.

25. Waṣṣāf al-Ḥaḍrat, Sharaf al-Dīn ʿAbd Allāh ibn Faḍl Allāh. Geschichte Wassaf's. I. Band. persisch herausgegeben und deutsch übersetzt von Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1856. 594 p.

26. Wing Patrick Rich in Goods and Abounding in Wealth: The Ilkhanid and Post-Ilkhanid Ruling Elite and the Politics of Commercial Life at Tabriz, 1250-1400. Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz. edited by Judith Pfeiffer. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 301 – 320.

27. Qiu Yihao Background and Aftermath of Fakhr al-Dīn al-Ṭībī's Voyage: A Reexamination of the Interaction between the Ilkhanate and the Yuan at the Beginning of the Fourteenth Century. New Approaches to Ilkhanid History. edited by Timothy May, Bayarsaikhan Dashdondog, Christopher Pratt Atwood. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 147 – 175.

28. Zakrzewski Daniel Malik Ṣadr al-Dīn Tabrīzī and the Establishment of Mongol Rule in Iran. Asiatische Studien. Études Asiatiques. 2017. Vol. 71. No. 4. P. 1059 – 1073.

29. Zakrzewski Daniel. Lords of Tabriz: Local Interests, Political Agency, and Dynastic Change (Seventh/Thirteenth to Ninth/Fifteenth Centuries). From the Text: Beiträge zur turkoiranischen Welt von der Islamisierung bis zur Gegenwart. Herausgegeben von Nader Purnaqcheband, Florian Saalfeld. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2019. P. 117 – 138.

30. Arslanova A.A. From the History of the Study of “Tarikh-i Vassaf” in Domestic and Foreign Historiography. Medieval Turkic-Tatar States. Kazan: Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. No. 9. P. 7 – 14.

31. Kamalov I.Kh. Relations of the Golden Horde with the Hulaguids: trans. from Turkish language and scientific ed. I.M. Mirgaleev. Kazan: Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2007. 108 p.

32. Kostyukov V.P. Iranian campaign of Hulagu: background. Golden Horde civilization: collection of articles. Kazan: Publishing House “Fen” of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009. Vol. 2. P. 69 – 89.

33. Rashid ad-Din Fazlullah Hamadani. Zhamig at-tauarikh: Tarikhtar zhinaga, XIV Gasyr. 4th volume. edited son baskargan Darkhan kuandykuly kydyrali; түпнұсқади удирп, ТүсінікТЕРін зазғағander Зәріпбай Жуванулы Orazbay, Muhammedzafar Zəripbayuly Orazbayev; editing of the lap, syltemelerdin bir boligin zhazgan Kazybek Togyzbayuly Tazhiev. Astana: Folio; Halykaralyk Turkish Academy, 2018. 596 bet.

Информация об авторе

Вурал Мюжган, аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Mujgan.oktay@hotmail.com

© Вурал Мюжган, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 94(571.5)(093)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-184-191

Журнал «Русский архив» о жизни каторжных в Восточной Сибири

[1] Колосова С.В.,
[1] Сибирский государственный индустриальный университет

Аннотация: в статье рассматривается вопрос освещения каторги в Восточной Сибири в российском дореволюционном журнале «Русский Архив». Анализируется вопрос положения сибирских каторжных, раскрываемый в статьях И.В. Ефимова – управляющего (начальника) казенных Илгинского и Александровского винокуренных заводов в Иркутской губернии, который занимал эту должность с 1848 по 1853 год. Производится сравнение его мнения и предложений по поводу изменений в системе ссылки и каторги России в рассматриваемый промежуток времени с мнением его современников и более поздних авторов, занимающихся изучением данного вопроса или, так или иначе, связанных с системой ссылки и каторги. Также частично освещается вопрос историографии по теме каторга в Восточной Сибири, проводится анализ мнений и отношения к вопросу о ссылке и каторге, делается выводы о том, что подавляющее число современников считало каторгу явлением тормозящим развитие региона; систему ссылки и каторги необходимо существенно изменить, в виду ее неэффективности; положение ссыльнокаторжных требует серьезного пересмотра в сторону улучшений и в большей степени зависит от лица, которое осуществляет управление ими.

Ключевые слова: журнал «Русский Архив», ссыльнокаторжный, каторга, ссылка, Восточная Сибирь

Для цитирования: *Колосова С.В. Журнал «Русский архив» о жизни каторжных в Восточной Сибири // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 184 – 191. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-184-191*

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The journal «Russian archive» on the lives of convicts in Eastern Siberia

[1] Kolosova S.V.,
[1] Siberian State Industrial University

Abstract: this article examines how the system of penal servitude in Eastern Siberia was portrayed in the pre-revolutionary Russian journal «Russkiy Arkhiv» (Russian Archive). It analyzes the living conditions of Siberian convicts as described in articles by I.V. Efimov, the manager (superintendent) of the state-owned Ilga and Aleksandrovskoye distilleries in Irkutsk Province from 1848 to 1853. The article compares Efimov's views and proposals regarding reforms to Russia's system of exile and penal servitude during that period with the perspectives of his contemporaries and later scholars who studied the subject or were otherwise connected to the exile and penal servitude system. The study also touches upon the historiography of the katorga (penal servitude) system in Eastern Siberia and analyzes contemporary views and attitudes regarding exile and penal servitude. It concludes that the vast majority of contemporaries regarded penal servitude as a hindrance to the region's development; that the system required significant reform due to its ineffectiveness; and that the treatment of exiles and convicts needed substantial improvement, depending largely on the specific official in charge of their administration.

Keywords: «Russkiy Arkhiv» journal, penal servitude convict, penal servitude, exile, Eastern Siberia

For citation: *Kolosova S.V. The journal «Russian archive» on the lives of convicts in Eastern Siberia*. *Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 184 – 191. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-184-191*

The article was submitted:May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Появление русской каторги связано с появлением такого вида наказания как ссылка с конца XVII века. На самом деле в Российском Государстве были известны различные формы изгнания и до XVII века, но до времени освоения Сибири они были не так распространены. С этого времени ссылка начинает приобретать более важное значение, так как теперь ее основной целью становится колонизация вновь присоединенных к государству земель. Так удаляя государственных и уголовных преступников из европейской части страны, царское правительство преследовало главную цель – расширить и укрепить границы России в завоёванных территориях путём так называемой «штрафной колонизации» [7, с. 56].

По Уложению 1649 года ссылке подвергались довольно многие категории преступников, в частности: «Бесчинники» и участники мятежей (Глава I, ст. 2), служилые люди за нарушение порядка службы (Глава VII), Челобитчики, подавшие ложный донос (клевету) (Глава X), люди, замешанные в государственных преступлениях (заговоры, измена), лица, укрывавшие беглых крестьян (в некоторых случаях) (Глава XI) и др. [13].

Изначально, несмотря на то, что государство старалось сделать ссылку экономически выгодной для себя, все же труд ссыльных по большей части был делом свободным, и только к концу XVII века появляется ссылка с обязательным подневольным трудом каторжан на пользу государства. Так, например, Ф. Кудрявцев, в своем труде «Александровский централ. История сибирской каторги» называет 1691 год датой возникновения каторги как особого вида наказания в России [8, ст. 3]. Это напрямую с официальным учреждением каторги Петром I в 1691 году указом, который заменил смертную казнь за некоторые виды преступлений ссылкой на тяжелые каторжные работы [6, с. 46].

Именно при Петре I каторга становится более широкой по своему применению, появляются некоторые ее «разновидности». В частности появляется каторга на весельных судах (галерах), о которой впервые имеются упоминания в указе от 24 ноября 1699 года [14, ст. 671].

Изначально такой подневольный труд использовался в Азове на гребных судах. Затем с 1703 года труд каторжных начал использоваться и в Петербурге, в частности для работ по строительству порта. Позднее царь подтвердил свое намерение активно использовать каторжный труд и его «удельный вес» становится еще более заметным. Выходит Указ от 5 февраля 1705 г Петра I, предписывающий вместо смертной казни ссылать на каторгу в вечную работу или каторгу «на урочные годы», то есть на определённые сроки. Хотя, конечно о полной отмене смертной казни пока еще речь не шла [8, ст. 97].

Ну и собственно с этого времени начинается условно обозначаемая «эпоха Сибири» в истории русской каторги. В дальнейшем применение принудительного труда каторжных становится все более разнообразным и широко заметным, особенный «размах» его применение получает после отмены смертной казни указом Елизаветы Петровны. Но вплоть до 1822 года, когда был принят Устав о ссыльных, в организации каторжных работ наблюдался беспорядок, а положение ссыльных на каторгу было «крайне неудовлетворительным». Данный устав упорядочил подразделение каторги на срочную и бессрочную (с установленным максимальным сроком в 20 лет), а также он определял положение каторжных после отбытия ими своего наказания, но он по-прежнему не давал информации о конкретном разграничении каторжных работ и видов ссылки [19, с. 367-412].

Относительный порядок в этом вопросе был наведен только после принятия 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которое и определило различия в видах каторжных работ, их сроков и положения каторжных после прекращения работ [18].

К концу XIX века роль каторги начинает постепенно падать, но вот для Сибири, каторга по-прежнему остается важным звеном в организации подземных работ, добывании руд и других видов работ на заводах и иных казенных предприятиях.

В частности после реформы наказаний в 1879 году именно Восточная Сибирь становится одним из основных мест сосредоточения каторги [7, с. 58-61].

О жизни каторжных в Сибири, в том числе Восточной известно немало, в частности ее описанию посвящен фундаментальный труд в трех частях С.В. Максимова «Сибирь и каторга», это важнейшее исследование, содержащее уникальные данные о быте ссыльнопоселенцев, в том числе каторжных [9].

Так же о жизни каторжных писали: Ф.А. Кудрявцев «Александровский централ. История сибирской каторги», Н.М. Ядринцев «Русская община в тюрьме и ссылке», именно ему, по мнению Иванова А.А. принадлежит первенство и в подлинно научном анализе современной ему историографии ссылки и каторги в Сибирь и др. [4, с. 520].

И в целом историография данной темы весьма обширна ей посвящали свои труды различные авторы: А. А. Иванов «Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников», С.В. Шостакович, Н.Н. Щербаков, Л.М. Дамешек, в том числе и зарубежные такие как: Джордж Кеннан: Американский «Сибирь и система ссылки» (1891), Ф.Я. Кон и другие [5, с. 153].

Помимо прочего, сибирской каторге посвящены целые сборники исследований и материалов такие как: «Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.)» под ред. Л.М. Горюшкина и др. [17, с. 302].

Но мы не ставим перед собой задачу подробного анализа историографии о каторжных Восточной Сибири, нас интересует материал по теме, содержащийся в дореволюционных журналах, а именно в журнале «Русский Архив». Данное издание является одним из ведущих исторических изданий второй половины XIX – начала XX века. Оно может позволить увидеть информацию, в том числе о жизни каторжных «от первых лиц».

Материалы и методы исследований

Основными материалами, позволившими нам глубже рассмотреть изучаемый вопрос, в первую очередь, являются две статьи «Русского Архива», описывающие (затрагивающие вопросы) быт каторжных Восточной Сибири. Первая статья расположена в выпуске журнала №1 за 1900 год и носит название «Из жизни каторжных Илгинскаго и Александровскаго, тогда казенных, винокуренных заводов» И.В. Ефимова, описывающая события 1848-1853 годов. Вторая статья расположена в выпуске №2 1900 года «Из жизни каторжных Илгинскаго и Александровскаго винокуренных заводов» этого же автора. Также, выше уже отмечалось, мы обращались к исследованиям С.В. Максимова «Сибирь и каторга», Ф. Кудрявцева «Александровский централ. История сибирской каторги» и др.

В своем исследовании мы, прежде всего, воспользовались сравнительно-историческим методом, который позволил выявить общее и особенное в положении каторжных в различных видах источников, освещающих данный вопрос; и методом анализа, который позволил выделить из рассматриваемых статей журнала информацию о положении каторжных в изучаемый исторический промежуток времени, ведь, по мнению самого автора статей, они не носят научно-исследовательского характера и для того, чтобы получить из них интересующую информацию – их нужно было подвергнуть тщательному анализу.

Результаты и обсуждения

В результате анализа дореволюционного журнала «Русский Архив» было выявлено, что в рамках освещения данной тематики (жизнь каторжных), журнал содержит две статьи, посвящённые этому вопросу. С точки зрения количества, можно отметить тот факт, что это достаточно немного и в принципе тема жизни каторжных в Сибири не является достаточно раскрытой в рамках данного издания. И это вполне оправдано, не смотря на то, что «Русский Архив» является историческим изданием, он все-таки, журнал, и «правила» публицистических изданий накладывали на него определенный отпечаток. Но, с позиции содержательного аспекта, эти две статьи все же позволяют нам увидеть многие аспекты жизни каторжных.

Автором обеих статей, которые представлены в «Русском Архиве» является И.В. Ефимов – управляющий (начальник) казенных Илгинского и Александровского винокуренных заводов в Иркутской губернии, который занимал эту должность с 1848 по 1853 год. В деятельности этих заводов, расположенных в Восточной части Сибири (Иркутская губерния) активно использовался труд ссыльнокаторжных. По словам самого автора, все работники обоих заводов были каторжными, и он в статье приводит следующие цифры: на Илгинском заводе около 600 человек, а на Александровском – 1000 человек [2, с. 259]. В других источниках фигурирует цифра 1228 человек ссыльнокаторжных, работавших на Александровском заводе [12, с. 221].

Заводы, по мнению ряда авторов, представляли собой отдельное поселение, в котором большая часть каторжников жила свободно. Многие из них обзаводились семьями, домами, домашним хозяйством. Семьи и нажитое имущество удерживали каторжников на месте прочнее кандалов. После окончания сроков бывшие каторжники часто оставались на заводах в качестве вольнонаемных [3, с. 15].

В этот период времени роль ссылки и каторги, в том числе политической была уже очень высока. Отмечается, что на рубеже XVIII-XIX вв. ссылка и каторга в Сибири становятся более массовыми, а с первой четверти XIX в. значительно повышается роль политической ссылки и каторги. В связи с ростом освободи-

тельного движения в стране, ссылка и каторга пополняются революционными демократам – борцами с царским самодержавием [7, с. 57]. Но, по мнению Малыгиной во второй половине XIX в. ссылка как колонизационный ресурс в основном уже исчерпывает свой потенциал и, судя по отчетам военных губернаторов, становится обременительным фактором для края [10, с. 84]. И соответственно, по мнению многих авторов, ссылка к этому времени реализует уже в основном карательную цель, нежели колонизационную.

Ефимов же в своих статьях очень подробно рассказывает об устройстве заводов и их управлении (касательно каторжных), о распределении работ между ними; о селениях, которые в большей степени были образованы из бывших каторжных и их детей, в частности в статье упоминаются такие поселения как: Александровское, Никольское и Илгингское [2, с. 261-272].

Но важнейшим аспектом его работ является, то, что он описывает «обыденную реальность» жизни ссыльных каторжан, без предоставления какой-либо официальной информации, отчетности и пр. При этом сам автор говорит о том, что и при всем желании не смог бы дать точной информации в цифрах по большинству вопросов, поскольку все документы, касающиеся управления заводами сгорели при пожаре в его доме в Томске.

Сам о себе Ефимов говорит, как об урождённом сибиряке, который каторжных знает с детства (упоминается и то, что его учителем также был каторжный), что собственно, и дает ему право писать на эту тему. Целью своей статьи он ставит привлечение внимания к вопросу об изменении системы наказаний и отмене ссылки. Так же очень важным в его работах является и то, что в своих статьях он прямо демонстрирует свое отношение к данной категории лиц, при чем его отношение к ним значительно отличалось от общепринятого.

Выражалось это отношение, прежде всего, в том, что он сам относился к каторжным, в первую очередь, как к простым людям, со своими проблемами, потребностями и т.д. Цитируя автора, хотелось бы заострить внимание на фразе, принадлежащей ему: «пусть бояться меня, но вместе с тем пусть видят, что я поступаю с ними справедливо, не позволяю никому их обидеть, вхожу в их нужды и обращаюсь с ними как с людьми» [1, с. 82]. Другие же управляющие, по мнению автора, считали, что с каторжными нужно быть крайне осторожными и беречься их. Показательным является тот факт, что Ефимов настоял на том, чтобы каторжные в случае возникновения вопросов, обращались непосредственно к нему напрямую. Так же на гуманность автора указывает и то, что за все время службы на двух заводах только одному каторжному он единожды приказал дать три розги (со слов самого Ефимова).

Отношение автора к каторжным проявлялось и в том, что он доверял им настолько, что мог позволить охранять казенные деньги, расковывал кандалы во время похода на длинные расстояния и тд.

В период управления заводами Ефимовым положение ссыльнокаторжных было несколько улучшено, во-первых была произведена замена военных караулов на караульных из числа каторжных (что, кстати, по мнению самого автора, снизило процент побегов), во-вторых, была прекращена повторная заковка в кандалы после их снятия для работ каторжных, которым необходимо было их носить, если те себя хорошо вели; в-третьих, при нем каторжным не брили головы, так как автор считал это нецелесообразным и унижающим достоинство занятием, в-четвертых, было разрешено петь и играть на музыкальных инструментах (в летнее время) после ужина перед сном. И это далеко не весь список «улучшений», которые были произведены в период его управления на заводах.

Ефимов был внимателен к жалобам каторжных, среди которых, прежде всего, выделял: плохую еду, изорванную одежду, отсутствие денег на табак и нитки, натирающие или очень тяжелые кандалы. Эти жалобы являются только «верхушкой» характеристики незавидного положения данной категории лиц. Очень показательным является высказывание автора статьи о том, что боясь наказания, каторжные могли совершать попытки самоубийства.

Так же следует обратить внимание на мысль автора о том, что были реальные основания полагать, что некоторые каторжные оказались здесь несправедливо и на самом деле преступлений, за которые они могли бы оказаться на каторге, не совершали.

По окончании своих размышлений в статьях Ефимов приходит к выводам о том, что устав 1845 года является хорошим в теории, но неудобным для применения на практике и считает, что систему наказаний нужно изменить. Он утверждает, что ссылка, в принципе, изжила себя как вид наказания, прежде всего, это связано с тем, что она более не выполняет своей главной цели – колонизации Сибири.

Так же он считает, что необходимо принять меры по изменению положения каторжных и управления ими (в случае если эту категории ссыльных все же правительство решит сохранить). В частности, он говорит о необходимости поддерживать стремление семьи следовать за ссыльным каторжным, а так же о надобности поощрять желание ссыльнокаторжных обзаводиться семьей, видеться с детьми и тп. Доказывая

свою мысль, он упоминает книгу А.П. Чехова «Остров Сахалин», приводя оттуда многочисленные примеры подтверждения важности семьи для каторжных [2, с. 272]. Автор статьи утверждает, что делать ставку нужно на цель наказания не карательную а исправительную, и управляющие ссыльными должны, прежде всего, руководствоваться нормами справедливости и человеколюбия.

Это же мнение прослеживается в многочисленных трудах и высказываниях современников описываемой эпохи. Так например, И.К. Педашенко писал в 1874 году: «Положение ссыльнокаторжных и само устройство каторжных работ требуют коренного изменения, в настоящее время каторжные работы не достигают ни карательной, ни исправительной цели, причина тому – неудовлетворительность обстановки» [10, с. 84]. В его же отчете за 1878 г. высказывается мнение о негативном влиянии ссылки и на социально-экономическое положение региона: «Положение ссыльнопоселенцев крайне не обеспечено, и от такого положения страдает во многом и коренное население области. Все усилия к нормальному устройству быта ссыльнопоселенцев не могут достигнуть желаемой цели, т.к. нет средств к устранению противодействующих причин: безсемейности преступников, нравственной их испорченности, и непривычки к тяжелому земледельческому труду» [10, с. 84].

Н.М. Ядринцев же «неисчислимое зло ссылки» считал основным тормозом распространения в Сибири общих гражданских прав. По его мнению, и сибирская администрация, и сибирское общество одинаково осознали неудобства ссылки и необходимость ее отмены [22, ст. 222]. Серошевский и вовсе высказывался о ссылке в Сибирь как о «болотном ручье», который отравляет и разрушает местную жизнь [15, с. 209]. Все это, в результате, приведет к тому, что с конца XIX века институт каторги войдет в полосу системного кризиса [20, с. 235].

Выводы

Таким образом, в журнале «Русский архив» тема сибирских ссыльнокаторжных освещается довольно «скудно» в более чем ста пятидесяти томов помещено лишь две статьи, при чем, одного автора. Хотя интерес к данной теме в изучаемый промежуток времени был достаточно большим, историография этой темы в середине XIX- начале XX весьма обширна и разнообразна, и в большинстве своем, сводится к довольно однозначным выводам, которые можно определить следующим образом.

Положение каторжных было весьма тяжелым, с чем согласно абсолютное большинство авторов, освещающих данную тему, но, это положение довольно существенно отличалось в зависимости от того, кто управлял заводом или являлся вышестоящим его начальником. Это отмечает и сам Ефимов (автор обоих статей в «Русском архиве») и ряд других авторов, так например Серошевский в своей статье говорит, что русский преступник (каторжный) «никогда не знает, что будет завтра, что с ним сделает начальство…» «Оно всесильно и все на его усмотрении… » [15, с. 209].

Более поздние авторы так же поддерживают данную точку зрения, так, по мнению Малыгиной, усиленная деятельность и труд генерал-губернатора в отношении к каторжным «могут быть только делом их личной заботливости или склонности, не вызванные требованием закона» [11, с. 47].

Также большинство авторов сходится во мнении, что ссылка со второй половины XIX века меняет свою роль, превращаясь только в инструмент наказания, а не развития государства, как это было ранее, когда ссылка преследовала в большей степени цели колонизации просторов Сибири.

Ну и все авторы, так или иначе затрагивающие этот вопрос, сходятся во мнении о том, что положение ссыльнокаторжных требует серьезных изменений. И довольно часто встречается вывод о том, что ссылка, как таковая, желательно вообще должна быть отменена, и эту мысль транслируют не только историки, занимавшиеся исследованием этого вопроса, но и ряд высокопоставленных чиновников, таких как адмирал К.Н. Посьет, граф Д.Н. Блудов, И.К. Педашенко, А.В. Дашков и другие [12, с. 21]

Список источников

1. Ефимов И.В. Из жизни каторжных Илгинскаго и Александровскаго, тогда казенных, винокуренных заводов // Русский Архив. 1900. № 1. С. 79 – 107.

2. Ефимов И.В. Из жизни каторжных Илгинскаго и Александровскаго винокуренных заводов // Русский Архив. 1900. № 2. С. 246 – 272.

3. Зиновьев В.П. Традиции сибирского винокурения в XVIII-XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1 (2). С. 13 – 23.

4. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX вв.: дис. … докт. историч. наук. Иркутск, 2002. 520 с.

5. Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников: учебное пособие / М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Иркутский гос. ун-т». Иркутск: Издательство ИГУ, 2013. 153 с.

6. Кораблин К.К. Каторга в дореволюционной России // Государство, общество, личность: история и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции / Под общей ред. Н.А. Володиной. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2016. С. 46 – 52.

7. Кораблин К.К. К вопросу об использовании труда ссыльнокаторжных при освоении и заселении Сибири и Дальнего Востока в XVI – начале XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 1. С. 54 – 68.

8. Кудрявцев Ф.А. Александровский централ (Из истории сибирской каторги). Иркутск: Восточно-Сибирское краевое издательство, 1936. 97 с.

9. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. Санкт-Петербург: Типография А. Траншеля, 1871 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3215-maksimov-s-v-sibir-i-katorga-v-3-h-ch-spb-1871 (дата обращения: 10.05.2026)

10. Малыгина О.А. Забайкальская ссылка и каторга в отчетах военных губернаторов (2-аяполовина XIX – начало XX в.) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 2. С. 81 – 87.

11. Малыгина О.А. Заведование каторгой как одна из прямых губернаторских обязанностей // Вестник бурятского университета. Гуманитарные исследования внутренней Азии. 2016. № 2. С. 43 – 47.

12. Обсуждение вопроса о ссылке. Записка адмирала Посьета // Сибирь. 1875. № 15. С. 21.

13. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: в 45-ти т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том I: 1649-1675 гг. 1072 с.

14. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое: в 45-ти т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. III: 1689-1699 гг. 694 с.

15. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь и её современное состояние и её нужды: Сб. стат / под ред. И.С. Мельникова. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1908. С. 201 – 233.

16. Сметнева Н. В. Александровский винокуренный завод Иркутской губернии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27-28 апреля 2007 г. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 1. С. 219 – 223.

17. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии; отв. ред. Л.М. Горюшкин и др. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. 302 с.

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., августа 15. (Извлечение) [Электронный ресурс] // История государства и права России (электронная библиотека). URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845 (дата обращения: 10.05.2026)

19. Устав о ссыльных: Закон № 29124: [утв. 22 июля 1822 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649-1825. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 38: 1822. С. 367 – 412.

20. Шиловский М.В. Состояние и проекты реформирования сибирской каторги в начале XX века // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: ООО "Издательство Оттиск", 2025. № 10 (22). С. 233 – 244.

21. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения … / [соч.]. Санкт-Петербург: Типография А. Моригеровского, 1872. 719 с.

22. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. XI, 471 с.

References

1. Efimov I.V. From the life of convicts of the Ilginsky and Aleksandrovsky, then state-owned, distilleries. Russian Archive. 1900. No. 1. P. 79 – 107.

2. Efimov I.V. From the life of convicts of the Ilginsky and Aleksandrovsky distilleries. Russian Archive. 1900. No. 2. P. 246 – 272.

3. Zinoviev V.P. Traditions of Siberian distilling in the 18th – 19th centuries. Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 1 (2). P. 13 – 23.

4. Ivanov A.A. Historiography of political exile to Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: diss. … Doctor of History. Irkutsk, 2002. 520 p.

5. Ivanov A.A. Siberian Political Exile of the 17th – Early 20th Centuries in the Research of Contemporaries: A Textbook. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Irkutsk State University. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2013. 153 p.

6. Korablin K.K. Penal Servitude in Prerevolutionary Russia. State, Society, Individual: History and Modernity: A Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference. Ed. by N. A. Volodina. Penza: Penza State Agrarian University, 2016. P. 46 – 52.

7. Korablin K.K. On the Use of Convict Labor in the Development and Settlement of Siberia and the Far East in the 16th – Early 20th Centuries. Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2017. No. 1. P. 54 – 68.

8. Kudryavtsev F.A. Aleksandrovsky Central (From the History of Siberian Penal Colonies). Irkutsk: East Siberian Regional Publishing House, 1936. 97 p.

9. Maksimov S.V. Siberia and Penal Colonies: in 3 Parts. St. Petersburg: A. Transhelya Printing House, 1871 [Electronic resource]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3215-maksimov-s-v-sibir-i-katorga-v-3-h-ch-spb-1871 (accessed: 10.05.2026)

10. Malygina O.A. Transbaikal exile and penal servitude in the reports of military governors (second half of the 19th – early 20th centuries). Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia. 2014. No. 2. P. 81 – 87.

11. Malygina O.A. Managing penal servitude as one of the direct gubernatorial responsibilities. Bulletin of the Buryat University. Humanitarian Studies of Inner Asia. 2016. No. 2. P. 43 – 47.

12. Discussion of the issue of exile. Note by Admiral Posyet. Siberia. 1875. No. 15. P. 21.

13. Russia. Laws and Regulations. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection: in 45 volumes. St. Petersburg: Type. II Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Volume I: 1649-1675. 1072 p.

14. Russia. Laws and Regulations. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection: in 45 volumes. St. Petersburg: Print. II Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Volume III: 1689-1699. 694 p.

15. Seroshevsky V. Exile and penal servitude in Siberia. Siberia and its current state and its needs: Collection of statistics. ed. by I.S. Melnikov. St. Petersburg: A.F. Devrien's Publishing House, 1908. P. 201 – 233.

16. Smetneva N.V., Aleksandrovsky Distillery of Irkutsk Province. Ural Industrial. Bakunin Readings: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, April 27-28, 2007. Yekaterinburg: AMB, 2007, Vol. 1. P. 219 – 223.

17. Exile and Penal Servitude in Siberia (18th – Early 20th Centuries). USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History, Philology, and Philosophy; eds. L. M. Goryushkin et al. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1975, 302 p.

18. Code of Criminal and Correctional Punishments, 1845, August 15. (Extract) [Electronic resource]. History of the State and Law of Russia (electronic library). URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845 (date of acces: 10.05.2026)

19. Charter on Exiles: Law No. 29124: [approved July 22, 1822]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. 1649-1825. St. Petersburg: Type. 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Vol. 38: 1822. P. 367 – 412.

20. Shilovsky M.V. The State of and Projects for Reforming Siberian Penal Labor in the Early Twentieth Century. Siberian Link: A Collection of Scientific Articles. Irkutsk: OOO Izdatelstvo Ottisk, 2025. No. 10 (22). P. 233 – 244.

21. Yadrintsev N.M. The Russian Community in Prison and Exile: Research and Observations … [comp.]. St. Petersburg: A. Morigerovsky Printing House, 1872. 719 p.

22. Yadrintsev N.M. Siberia as a Colony: On the Occasion of its Tercentenary: The Current Situation in Siberia, Its Needs and Requirements, Its Past and Future. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1882. XI, 471 p.

Информация об авторе

Колосова С.В., старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-0699-6788, Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Кемеровская область – Кузбасс, г. Новокузнецк, ул. Кирова, д. 42, histsvete@list.ru

© Колосова С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-192-204

Кампания 1705 года на Рейне. Война за испанское наследство (1701-1714 гг.)

[1] Кутищев А.В.,
[1] Уральский государственный университет путей сообщения

Аннотация: статья освещает военные действия между французской и имперской армиями на Рейне в 1705 году в ходе войны за испанское наследство 1701-1714 гг. Цель статьи – выявить характерные черты западноевропейского военного искусства начала XVIII века. Научная новизна заключается в том, что в работе на основании до сих пор не отражённого в отечественной историографии материала выявлены сильные и слабые стороны западноевропейского военного искусства. На примере отдельной военной кампании показана ограниченность оперативных замыслов, трудности управления коалиционными силами, пассивность и сковывающий методизм военных действий, увлечение позиционной борьбой и маневрированием. В результате исследования установлено, что в военной кампании 1705 года на Рейне проявились типичные стороны европейской военной стратегии: нерешительность, неумение использовать превосходство над противником, предпочтение оборонительных методов полевому бою, что было характерно, в первую очередь, для имперской армии. Вместе с тем, командующий французской армией, маршал Вильяр выходил за рамки устоявшихся догм, проводил активную оборону, постоянно контратаковал превосходящего врага, настойчиво пытался навязать противнику полевой бой. В ходе кампании 1705 года все отчетливее проявляются признаки военных действий на истощение противника. Опустошение вражеской территории, содержание армии за счет ресурсов врага становятся типичной чертой военного дела данной эпохи.

Ключевые слова: Война за испанское наследство 1701-1714 гг., Людовик XIV, маршал Вильяр, маркграф Людвиг Баденский, Штольхоффенская укрепленная линия

Для цитирования: *Кутищев А.В. Кампания 1705 года на Рейне. Война за испанское наследство (1701-1714 гг.). Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 192 – 204. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-192-204*

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Military 1705 campaign on the Rhine. The Spanish Succession War (1701-1714)

[1] Kutischev A.V.,
[1] Ural State Transport University

Abstract: this article covers the military actions between the French and imperial armies on the Rhine in 1705 during the Spanish Succession War (1701-1714). The article aims to identify the characteristic features of Western European military art of the early 18th century. Its scientific novelty lies in the fact that the work, based on material previously unrecognized in Russian historiography, reveals the strengths and weaknesses of Western European military art. Using a single military campaign as an example, it demonstrates the limitations of operational plans, the difficulties of managing multinational coalition forces, the passivity and constraining method of military operations, and a preoccupation with positional warfare and maneuvering. The study establishes that in the 1705 military campaign on the Rhine, the imperial army was characterized by indecisiveness, an inability to exploit its superiority

over the enemy, and a preference for defensive methods over field combat as a method of influencing the enemy. Conversely, the commander of the French army, Marshal Villard, waged an active defense, constantly counterattacking the more numerous enemy, and attempting to reduce military operations to a field battle. During the 1705 campaign, signs of attrition became increasingly evident. The devastation of enemy territory and the maintenance of the army at the enemy's expense became a typical feature of military affairs of the era.

Keywords: the Spanish Succession War 1701-1714, Louis XIV, Marshal Villar, Margrave of Baden, Stolhoffen Fortified Line

For citation: *Kutischev A.V. Military 1705 campaign on the Rhine. The Spanish Succession War (1701-1714). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 192 – 204. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-192-204*

The article was submitted:May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Сосуществование русской и западноевропейской цивилизаций, к сожалению, во многом представляет собой уходящую в историческое небытие бесконечную череду конфликтов и войн. Современный кризис в российско-европейских отношениях подогревает интерес общества к европейской военной истории, особое место в которой занимает война за испанское наследство (1701-1714 гг.). В отечественной историографии она долгое время находилась в информационной тени Великой Северной войны (1700-1721 гг.), источником нашей национальной гордости, мерилом культурно-исторической самоидентификации и потому более близкой и понятной россиянам. Естественное желание исследователя сравнить эти проходившие параллельно и даже порой пересекавшиеся войны сегодня приобретает особую актуальность. Проникновение в суть военных культур Петра Великого и Людовика XIV, выявление в них общего и особенного, самобытного и заимствованного, временно преходящего и фундаментального – неизменно будет способствовать культурно – исторической самоидентификации россиян и укреплению наших позиций в современной информационной войне.

Настоящая работа продолжает серию статей, посвящённых войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) [См. 1; 2; 3; 4]. На этот раз в центре исследования – военная кампания на Рейне, на которую хотя и не возлагались основные стратегические цели противников в 1705 году, но которая по методам и формам борьбы является наиболее типичной для западноевропейского военного искусства рубежа XVII-XVIII вв.

Задачи статьи:

- исследовать военную кампанию 1705 года на Рейне, замысел и цели противодействующих сторон, содержание и результаты военных действий;
- выявить слабые и сильные стороны тактики и стратегии, условия и причины достижения успехов и допущенных ошибок.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили академическое издание Ж. Пеле и Ф. Воля [17; 18], посвященное действиям армии Людовика XIV в войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) и многотомное исследование австрийского генерального штаба XIX в. [7], в котором подробно описывается боевой путь австро – имперской армии в ходе этой войны. Особый интерес эти труды представляют благодаря скрупулезно подобранному фактологическому и документально-справочному материалу, а также обширной военной корреспонденцией монархов, министров, военачальников, дипломатов и других очевидцев событий. В работе также использованы мемуары участников кампании: фельдмаршала Тюнгена, генералов Сент-Илера, Нацмера, придворных короля – солнца маркизов Сюрша, Данжо, военная переписка Людовика XIV, Людвига Баденского, маршала Вильяра и герцога Мальборо [7; 8; 9; 10; 13; 14; 17; 20; 22].

Теоретическую базу статьи составили труды видных европейских военных историков. Не смотря на некоторую претенциозность и односторонность в освещении военных событий, они представляют собой ценность в качестве и обширной фактологической базы, и оригинальной компетентной интерпретации войны за испанское наследство (1701-1714 гг.). [11; 12; 18; 19; 21].

Методологической основой работы являются историко-системный и компаративно-аналитический методы научного исследования Историко-системный метод позволяет рассматривать военное дело, как неотъемлемую часть европейской цивилизации, в неразрывной связи с её экономикой, культурой, социально-нравственным кодом. Компаративно-аналитический подход предполагает сравнение стратегии и тактики

воюющих сторон, а также анализ методов ведения военных действий на предмет выявления характерных черт, общего и особенного в их военной практике.

Результаты и обсуждения

К 1705 году в войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) все заметнее проявляются признаки усталости участников конфликта. В Голландии и Франции усиливаются попытки зондирования путей примирения. В Англии все громче звучат голоса в пользу перенесения военных действий из Европы в заморские колонии. Военные действия стагнируют и ведутся все более с целью истощения противника, нежели – его поражения. Тенденция к обоюдному затягиванию процесса, к экономии средств и сил в большей степени проявилась в военной кампании на Рейне 1705 года [7, p. 328].

После бурной кампании 1704 года линия фронта на Рейне стабилизировалась на рубежах рек Модер и Лаутер. Французы закрепились за Модером, создав вдоль русла линию земляных укреплений, упирающуюся правом флангом в форт Луи у самого Рейна, а левым флангом – в лесистое предгорье Вогезов. Главным опорным пунктом линии стал г. Агно. Французская армия базировалась на Страсбург, сильно укреплённый и хорошо снабжённый всеми видами довольствия, где в случае поражения могла укрыться целая армия. На правом берегу Рейна французы удерживали крепость Кель, важный опорный пункт, позволяющий в случае необходимости переносить боевые действия на германский берег. Французской армией командовал маршал Марсень.

Французам противостояла имперская армия под командованием генерал-лейтенанта маркграфа Людвига Баденского. После наступления 1704 года имперцы закрепились на рубеже реки Лаутер. Они также возвели фортификационную линию, включающую в себя укреплённые города Визембург и Лаутербург. В тылу располагалась крепость Ландау, выполнявшая такую же роль для имперцев, как и Страсбург – для французов. Этот плацдарм был тесно связан мостами с правым берегом Рейна, где главной позицией служила укрепленная линия Штольхоффен-Бюль, успешно сдерживающая французов на протяжении 3 лет войны.

В таком положении, друг напротив друга, противники с нетерпением выжидали финала событий на главном театре 1705 года, на Мозеле, где сошлись армии под командованием герцога Мальбора и маршала Вильяра [См. 4].

Большая часть имперских сил во главе с маркграфом Баденским выступила в поход на Мозель на помощь Мальборо. В Эльзасе оставался корпус под командованием фельдмаршала Тюнгена, располагавшийся в районе Лаутербурга.

После того, как ситуация на Мозеле разрешилась в пользу французов, воодушевленный Вильяр был готов развить тактический успех в решительную победу. Волей короля он должен был возглавить рейнскую армию. 20 июня Людовик писал маршалу: «Хотя я убежден, что главные усилия противник сосредоточит во Фландрии, я Вас приберег для Рейна, где Вам будет служить спокойнее и полезнее для королевства, так как Вам не придется сталкиваться с курфюрстом, учитывая Ваши непростые отношения в прошлом» [17, p. 462]. Король настаивал на тесном взаимодействии своих маршалов и видел в этом залог успеха: «…Я не сомневаюсь, что войска…во Фландрии, на Мозеле и на Рейне, не уступают в численности противнику и в состоянии сорвать любую их операцию, если мои генералы будут действовать согласованно и если они будут вовремя предупреждать все происки и как они распределят свои ресурсы, чтобы оказывать друг другу необходимую помощь пропорционально силам, которыми они способны атаковать…» [17, p. 462].

Действительно, многое зависело от того, куда направит свои усилия с Мозеля Мальборо. Король приказывал Вильяру распределить силы соответственно эти планам. Вскоре стало ясно, что Мальборо с англо-голландскими войсками возвращается на Маас, а маркграф Баденский с имперцами – на Рейн. Соответственно французская мозельская армия, насчитывающая 70 батальонов и 100 эскадронов [16, p. 463], была разделена. Большая часть была направлена на усиление фландрской армии Вильруа. В распоряжении Вильяра оставалось 43 батальона и 63 эскадрона [17, p. 463]. Соединившись с рейнской армией, он рассчитывал иметь 80 батальонов и 120 эскадронов, приличные силы для активных действий [14, p. 279; 17, p. 464]. Пока имперцы также медленно, с остановками и задержками, как с Рейна на Мозель, будут возвращаться обратно, Вильяр рассчитывал опередить их и воспользоваться своим превосходством. Маршал ставил перед собой целью овладеть линией Лаутера, оборонительным рубежом имперцев в Эльзасе, осадить и взять Ландау, важнейший опорный пункт, контролирующий обширные вражеские территории Эльзаса и Пфальца по среднему течению Рейна. Это был вполне осуществимый план, так как имперцы до возвращения главных сил с Мозеля располагали всего лишь 36 батальонами и 33 эскадронами [19, p. 530].

24 июня Вильяр выступил с Мозеля в направлении Бузонвиля, где была сделана остановка. 25 – армия маршировала от Бузонвиля до Саар-Луи, где был получен приказ короля отправить во Фландрию дополни-

тельно 35 батальонов и 40 эскадронов [14, p. 278-279; 17, 1838, p. 465]. 26 июня Вильяр достиг Саарбрюкена, 27 – Сааргумина. Все его мысли были уже в Эльзасе – опередить Баденского и выбить имперцев с Лаутера. Нужно было торопиться – Марсень информировал его о том, что первые отряды немецких князей уже прибывают, и он вынужден отойти за Модер. Вильяр спешил. 3 июля его войска [7, s. 33; 15, p. 119]. достигли Верта, где обе армии соединились, составив 59 батальонов и 95 эскадронов [17, p. 471].

В Верте прошло совещание с участием Вильяра и Марсеня, на котором обсуждались детали предстоящей операции. Неожиданно в планы вмешался сам Людовик. Он приказал отложить осаду Ландау до сентября, предоставив крестьянам время на сбор урожая. [17, p. 469]. Пока же, главной целью определялся сбор всех средств пропитания и фуража на территории противника. В случае невозможности предписывалось все разорить или сжечь, тем самым лишив возможность противника вести активные военные действия в этом районе.

Прорыв французами укрепленного рубежа на р. Лаутер

Марсень и раньше рассматривал возможность захвата Визембурга, в чисто логистических целях, так как обладание этим пунктом давало возможность пользоваться богатыми пастбищами между Лаутером и Модером [17, p. 470-471]. Предвидя это, маркграф Баденский ещё раньше указывал Тюнгену закрепиться в Визембурге и оборудовать там укрепленный лагерь. Однако, Тюнген не торопился с исполнением приказа, а появление на театре Вильяра с 30 000 человек окончательно заставили его отказаться от этого плана и возвратиться в старый лагерь в предместье Лаутербурга.

4 июля французские войска, всего около 40 000, 4 колоннами двинулись к Визембургу. Линия обороны здесь была занята пехотой, 4 кавалерийскими полками, а также отрядом гусар. Они встретили французов мощным огнем, от которого последние понесли ощутимые потери. На штурм были брошены гренадеры и драгуны под командованием генералов Куаньи и Дезеде. Военный историк Строужил так описывает эти события: «Верный своему методу ведения войны, Вильяр вошел в район боевых действий в боевом порядке, и как только батальоны заняли позиции, они были немедленно брошены в яростную штыковую атаку» [22, p. 66]. Людвиг Баденский докладывал императору о том, что Тюнген «оставил позицию в Кронвайзенбурге и отступил в тыловой лагерь в Лаутербурге, …чтобы на новом месте, хорошо оборонять все высоты и удерживать эту позицию на всех дорогах» [10, s. 131]. Отступление имперцев происходило хаотично, некоторые части были полностью рассеяны, а среди гусарских отрядов возникли беспорядки [10, p. 132]. В городе было взято 100 пленных, вооружение и много материальных средств. После успешного штурма армия Вильяра расположилась около Визембурга на правом берегу Лаутера [17, p. 475].

Нужно было спешить, так как каждый день силы имперцев возрастали за счет подходивших подкреплений, поэтому уже 5 июля французы двинулись на Лаутербург. Главные силы следовали правым берегом Лаутера, часть войск во главе с генералом Шамараном двигалась левым берегом. Подойдя к Лаутербургу, Вильяр с Марсенем провели рекогносцировку. Укрепленный лагерь имперцев простирался от Берга до Лаутербурга и был окружен болотистой местностью и топкими ручьями, а также земляными фортификациями с подготовленными артиллерийскими батареями. Вильяр немедленно доложил королю: «После внимательной рекогносцировки укреплений Лаутербурга, я отказался от штурма» [14, p. 293], решив ограничиться артиллерийским обстрелом.

В течение нескольких дней французы и имперцы обменивались артиллерийским огнем. На отдельных участках происходили стычки отрядов передового охранения [19, p. 534-536]. Людвиг Баденкий докладывал в Вену: «Вильяр обстрелял наш лагерь из пушек и заложил траншею. Его грандиозный план завершился атакой редута, который удерживался всей нашей армией…» [10, p. 134]. Отчаянный штурм редута бригадой гренадеров был отбит дружным пушечно-ружейным огнем, в результате чего французы потеряли около 100 человек убитыми и раненными [7, p. 337; 17, p. 474]. «С тех пор он (Вильяр – А.К.) счел целесообразным отступить к Визембургу, откуда решил возвратиться к Агно» [10, p. 134].

Не добившись разгрома имперцев, Вильяр сосредоточился на не менее важной задаче, о чем он писал королю: «Я обещаю Вашему Величеству, что впредь Ваша армия будет полностью содержаться за счет ресурсов противника» [7, p. 336]. 10 июля армия в 3 колоннах приблизилась к Визембургу и расположилась правым флангом к городу, левым флангом вплотную к Рейну, со штаб-квартирой Вильяра расположилась в Лаутербахе [17, p. 475].

Маршал планировал задержаться на территории врага как минимум месяц. Французы на время забыли о противнике, по-хозяйски обустраиваясь на оккупированных землях. По всей территории шёл активный сбор урожая с пашен, одновременно шла заготовка сена и овса, с населения собиралось продовольствие и контрибуции [7, p. 335]. 13 июля под командованием генерал-лейтенанта Д'Имекура была проведена фуражировка, для которой привлекалось 1000 кавалеристов и 100 пехотинцев. 19 июля была проведена вторая

фуражировка под Барберо с участием 2000 кавалеристов и 4000 пехотинцев [19, p. 536]. Между тем, заготовки не оправдали ожиданий. Даже в Версале придворные были осведомлены о неутешительных перспективах: «Враг съел всю траву в окрестностях, и вскоре, когда фураж станет очень скудным, придется искать его в своем тылу, и, следовательно, оставить Визембург». [14, p. 298-299].

Французская атака на Хомбург

Узнав, что все немецкие войска, размещавшиеся на Мозеле, покинули этот район и выступили к Рейну, Вильяр решил этим воспользоваться. Французские части, остававшиеся для прикрытия границ на Мозеле, состояли из 10 батальонов и 12 эскадронов. Они получили задачу овладеть крепостями Трир и Саарбрюккен, что и было сделано. Не имея возможности их удерживать, французы вывезли имеющиеся там вооружение, материальные средства и полностью разрушили укрепления. Генерал Конфлан, возглавлявший эту экспедицию, получил новую задачу – овладеть важным пунктом Нижнего Пфальца-Хомбургом. На это генералу выделялось не более 2 суток, после чего он должен был поспешить в Эльзас на усиление Вильяра.

Конфлан, собрав 15 батальонов и 22 эскадрона с 8 пушками и 2 небольшими мортирами, 22 июля появился у Хомбурга [7, p. 362]. В ночь с 24 на 25 июля начался обстрел замка, и уже 26 – комендант города предложил капитуляцию. Гарнизон, состоявший из 700 человек был отпущен в Мангейм, а 6 пушек с боеприпасами попали в руки французов [7, p. 362; 13, p. 191]. Город так быстро пал, что имперцы не успели даже собрать силы для его деблокады.

Потеряв Хомбург, союзники утратили возможность контролировать герцогство Цвайбрюккен, важный плацдарм для размещения и совершения набегов на французскую территорию и богатую материальную и кормовую базу для армии. Союзники не скрывали своего возмущения пассивностью рейнской армии в лице её командующего Людвига Баденского. 29 июля маркграфу нанесли официальный визит имперский и голландский послы, Вельтц и Д'Альмело, которые от имени своих правительств прямо потребовали «прекратить бездействие значительного числа войск», «что такое большое количество войск, насчитывающее почти 60 000 бойцов, не должно оставаться бездействующим или в обороне…, наоборот, их следует перевести в наступательное движение… на благо общего дела» [11, p. 501-502]. Герцог Мальборо, окончательно разочаровавшийся в способностях Баденского, который «несмотря ни на что, не собирается действовать наступательно», начал переговоры о переходе прусских войск из состава рейнской армии в его распоряжение во Фландрию [22, p. 218-219]. Оскорбленный этими обвинениями Людвиг Баденский пытался оправдаться перед Императором, в многословных витиеватых посланиях заверяя его в своей преданности.

Овладев Хомбургом, Вильяр перенес внимание на Ландау, крупнейшую крепость, контролирующую среднее течение Рейна. Однако, трезвый расчет подсказывал, что недостаток войск не позволит предпринять серьезную осаду. Деятельный и энергичный маршал не мог праздно отсиживаться за валами укрепленных лагерей. В письмах королю он поочередно рассматривает возможности захвата не только Ландау, но и Филиппсбурга и Фрейбурга, но все его рассуждения заканчивались неблагоприятным прогнозом. В создавшейся ситуации маршал не видел ничего лучшего, чем как можно дольше содержать войска за счет ресурсов оккупированных территорий и прикрытия Эльзаса [17, p. 491].

Переправа Вильяра на правый берег Рейна

Между тем, надежды Вильяра на неприятельские ресурсы не оправдывались. Между Лаутером и Квейхом их оказалось весьма ограниченное количество. 1 августа в поисках свежих пастбищ и местных запасов армии пришлось сменить район расположения и перейти в район Сюрбурга. В это время Вильяр получил очередной приказ короля выделить во Фландрию ещё 8 батальонов и 10 эскадронов [17, p. 495].

Несмотря на ослабление армии, было принято решение переправиться на вражескую сторону Рейна. Цель операции оставалась прежней – содержание армии за счет прирейнских ресурсов, а также отвлечение внимания противника угрозой линиям Штольхоффена [17, p. 495]. 5 августа французы двумя колоннами переправились через Рейн: Вильяр со всей кавалерией, частью пехоты и полковой артиллерией – в Келе, а остальная пехота – по наведенному понтонному мосту в Гамбсхейме (См. карту №1) [7, p. 365; 9, p. 391-392; 14, p. 327]. У Фрайштетта, обе колонны объединились и двинулись вниз по Рейну [17, p. 498; 15, p. 122]. Противник в беспорядке отступал перед французами, найдя укрытие за линиями Штольхоффена [14, p. 330-331]. «Конные отряды огнем и мечом прошлись от Рейна до Шварцвальда, сжигая и разрушая всё, что нельзя было увезти с собой» [21, p. 66-67]. Обеспокоенный фельдмаршал Тюнген докладывал Евгению Савойскому: «Противник построил мост … близ Фрайштетта (на правом берегу Рейна), а это значит, что французы могут через два часа оказаться или за своей линией или на нашем берегу, … чтобы создать для нас отвлекающий маневр, чтобы мы не смогли ничего предпринять против их линии» [7, p. 366].

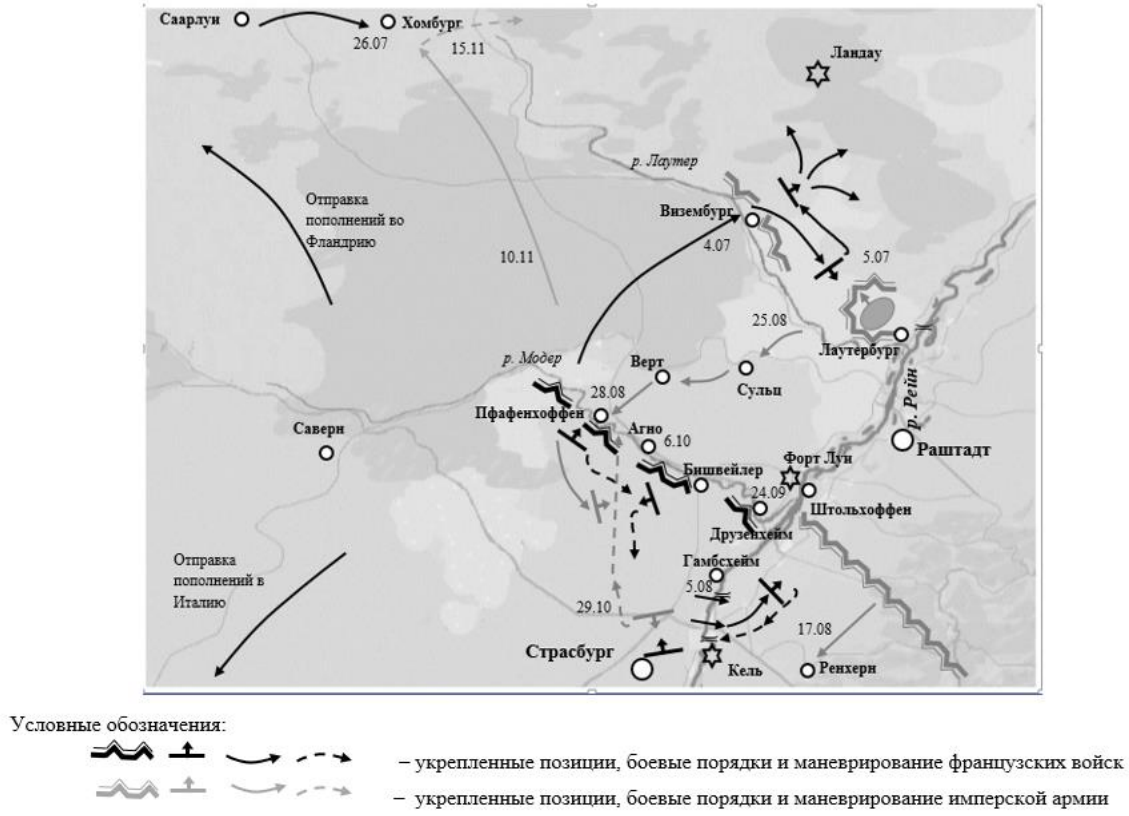


Рис. 1. Военная кампания на Рейне 1705 года [7, p. 529-553; 17, p. 119-120; 19, p. 529-553].
Fig. 1. Military campaign on the Rhine in 1705 [7, p. 529-553; 17, p. 119-120; 19, p. 529-553].

1 августа Людвиг Баденский, наконец, вернулся в Раштадт, где немедленно собрался военный совет. На нём было решено: «лучше попытаться атаковать в наиболее выгодном для этого месте, каким бы сложным он ни был, чем позволять таким … силам бездействовать» [7, p. 365]. Действительно, к этому времени у Лаутербурга сосредоточилось около 50 тыс. войск, в составе бранденбургских, вюртембергских, вестфальских, пфальцских и других немецких отрядов. Армия Вильяра, наоборот, с начала кампании сократилась на 43 батальона и 63 эскадрона, которые были переброшены на Маас и в Италию [17, p. 497].

Имперцы не торопились развертывать наступление. Только 13 августа Людвиг Баденский прибыл в лагерь у Лаутербурга. Его план предусматривал прорыв линии Модера и овладение нижним Эльзасом, о чем 12 августа он информировал императора: «Я начал подготовку к наступательным действиям против врага…, так что 10-го числа этого месяца армия соберется в Лаутербурге, и отныне, насколько это возможно, будет востребована на вашей службе» [10, p. 149]. Но узнав, что противник его опередил и нанес удар за Рейном «со всей своей кавалерией и большей частью пехоты», маркграф Баденский возвратился на правый берег Рейна [7, p. 367].

В этот момент Вильяр вынужден был отправить еще 4 батальона в Италию [9, p. 389]. Тем не менее, он не терял уверенности в себе, хорошо зная нрав и полководческий почерк маркграфа. Он был уверен, что тот ограничится обороной и не воспользуется своим превосходством. Французы по-хозяйски осваивались на обширной территории от Ренхена до Лихтенау. Их передовые части вышли к реке Шварцах, где спокойно собирали фураж, хлеб и другие ресурсы [17, p. 501; 19, p. 541). Главные силы Вильяра заняли хорошую позицию: правый фланг был защищён болотом и лесистыми окрестностями Ренхена, а левый – упирался в Рейн [17, p. 500].

В ночь на 17 августа имперская армия выступила из Штольхофена и двинулась в обход французских позиций. Это наступление стало полной неожиданностью для Вильяра. Он только что приказал пехоте возвратиться на французский берег из-за недостатка продовольствия. Вести о наступлении имперцев заставили его срочно отменить это распоряжение, но мост через Рейн оказался уже разобранным. Французов ожидала катастрофа, когда Баденский вышел к Ренхену и готовился обрушиться на их фланг. Численное превосходство противника было подавляющим: 62 батальона и 86 эскадронов, не считая 18 батальонов и 12

полков кавалерии на правом берегу под Лаутером [17, p. 502]. 19 августа Людвиг Баденский доложил императору: «Мой план состоял в том, чтобы попытаться приблизиться к врагу ... Мой подход к Ренхену был скрытым и хорошо организованным, так что враг узнал о моем фланговом наступлении только к 15:00. Он немедленно отправил отряд пехоты через Рейнский мост со своим обозом, в то время как остальная часть его армии двинулась вверх по Рейну к Келю» [10, p. 154]. В батальонах Вильяра к этому времени оставалось всего по 200 боеспособных солдат [17, p. 502]. Маршал спешно выстроил ослабленную армию у Келя и около часа ожидал атаки, как вдруг пришло известие, что имперцы прекратили движение. К торжеству французов и открытому возмущению немцев маркграф остановился, а затем отвел войска назад к Штольхоффену и дальше – возвратился на левый берег Рейна [9, p. 398; 17, p. 514]. Венский двор и генералитет не скрывали своего недоумения таким исходом многообещающей операции: «В очередной раз благоприятный момент не был использован с достаточной энергией, чтобы нанести удар по врагу. Эта нехватка энергии резко контрастирует с теми достижениями, которые в предыдущие годы закрепили за маркграфом высокую репутацию военачальника» [7, p. 369]. Что касается маркграфа, то он объяснял свое странное решение разразившейся бурей и сильной позицией Вильяра. Все его помыслы были посвящены первоначальному плану: «Вместе с остальными (войсками – А.К.) двинуться к вражеским позициям за Рейном и попытаться прорвать их, если Всемогущий Бог даст свое благословение» [10, p. 155]. Вильяр докладывал королю, «что принц Баденский попытался быстро переправиться обратно на эту сторону Рейна, чтобы опередить маршала и атаковать наши позиции на Модере» [9, p. 405]. В действительности маркграф предпочитал основательность и методичность. 22 августа он переправился через Лаутер и разбил лагерь на её правом берегу, расположив правое крыло в Шляйтале, а левое – недалеко от Лаутербурга, где находился его штаб [7, s. 370; 14, p. 349]. У Вильяра было с избытком времени, чтобы организовать оборону, но положение его было серьезным. Французская армия значительно уступала в численности, о чем Вильяр жаловался военному министру Шамильяру: «Мы располагаем всего 8-9 тыс. кавалерии и около 18 тыс. пехоты…Я полагаю, что не на много ошибусь в расчетах, но думаю, что противник превосходит нас на 15 тыс.» [17, p. 525]. Но помощи Версаль не обещал, поэтому приходилось рассчитывать на свои силы. Он собрал все возможные войска на Модере, разместив левое крыло и штаб в Бешвейлере, а правое – недалеко от Дрюзенхайма. Уязвимым местом этой позиции являлась её огромная протяженность, без малого 50 км. Внезапный удар по одному из флангов мог привести к краху всего боевого порядка. Только 26 августа имперская армия пришла в движение. Из Лаутербурга через Сульц и Вёрт она вышла к Пфаффенхофену, где планировался прорыв французских позиций. Темп марша был чрезвычайно медленным, и только 28 августа войска, наконец, вышли на рубеж атаки. После нескольких жарких стычек и непродолжительной перестрелки штурмующие овладели Пфаффенхофеном и окружающими его высотами. Было организовано преследование отступающего врага и взято в плен около 150 французов [7, p. 371; 14, p. 335]. Вильяр отвел войска и занял сильные позиции между Агно и Бишвейлером, перед фронтом которой раскинулись сплошные болота и лесные рощи, изрезанные ручьями и мелкими речками. Его энергичная натура подсказывала ему искать выход или в сражении, или в «…форсировании Рейна для диверсии против линий Штольхоффена» [9, p. 408], но без разрешения короля он не смел рисковать армией. Вскоре пришло послание Людовика: «Все, что я от Вас требую, так это – разумных и решительных действий, я полагаюсь на Вас полностью, так что Вы можете действовать так, как считаете наиболее целесообразно» [17, p. 514]. Вильяру было известно, что армия маркграфа была ослаблена убытием прусского контингента, около 10-12 тыс. [17, p. 518-519]. Уже 7 сентября Версаль был в курсе, что «4 сентября гессенцы, пруссаки и палатинцы, служившие голландцам, отплыли по Рейну, чтобы быстрее добраться до Маастрихта и оттуда присоединиться к герцогу Мальборо [14, p. 356]. С другой стороны, со дня на день ожидалось прибытие 4-тыс. саксонского корпуса. Другой возможности переломить ситуацию в свою пользу могло и не быть, и Вильяр двинул армию вперед. Но приблизившись к Пфаффенхофену и оценив по достоинству позицию противника, он отказался от боя и отступил на прежний рубеж [9, p. 417; 13 p. 193; 14, p. 355]. На театре войны установилась пауза, чем Вильяр немедленно воспользовался, восстановив мост через Рейн в Гамбсхайме, постоянный источник беспокойства для маркграфа за линии Штольхофена.

Маркграф решил двинуть имперскую армию к Брюмту в обход правого фланга французов, перейти там р. Цорн и закрепиться на берегу Рейна. Это грозило отрезать Вильяра от Страсбурга, его главной базы в Эльзасе, и 14 сентября французы оставили позицию у Агно, переправились через Цорн и заняли позицию перед Страсбургом, между Офендорфом и Мундельсхаймом, тылом к Рейну.

На передний план войны властно выходит проблема обеспечения войск продовольствием и фуражом. За 3 года непрекращающихся боевых действий территория Эльзаса была сильно разорена и обескровлена. Жители оставляли свои хозяйства и бежали частично в Агно, частично в Страсбург. Поля зарастали бурья-

ном, пашни не возделывались. Достать средства пропитания на месте было все труднее и труднее. Заготовка хлеба, овса и сена сковывал и без того вялый темп военных действий. Фельдмаршал Гронсфельд докладывал принцу Евгению: «Здесь по-прежнему сохраняется острая нехватка овса и других кормов, и нам приходится довольствоваться измельченной соломой или даже просто соломой» [7, p. 348]. Имперцам пришлось ожидать конвоя с хлебом из Лаутербурга, без которого наступление не могло продолжаться. Французская армия, со своей стороны, также страдала от недостатка продовольствия [7, p. 345].

Обе армии к этому времени были весьма измотаны бесконечными маршами и контрмаршами. Генерал Нацмер вспоминал: «Мы тратили драгоценное время в совершенно необъяснимых бесполезных маршах туда-сюда, не совершив за всю кампанию ничего решительного» [20, p. 263]. Только в июле прусский пехотный полк Дёнхофа трижды менял направление движения с Мааса на Рейн и обратно, получая взаимоисключающие приказы из Берлина. 22 августа он убыл с Рейна в распоряжение Мальборо во Фландрию, но во Франкфурте-на Майне получил распоряжение вернуться обратно и 15 сентября уже нес службу в Пфафенхоффене [6, p. 988; 8, p. 295].

Единственной вспышкой активности на этом этапе стала попытка перехвата имперского хлебного обоза. Узнав о большом груженом продовольствием конвое, следовавшем из Лаутебурга в Мишвейлер, Вильяр выслал наперехват отряд в составе 2500 пехотинцев и 2500 кавалеристов. Засаду планировали устроить между Сульцем и Лаутербургом, где лесистая местность более всего благоприятствовала этому. Но командир отряда, Де Розель, узнав, что конвой сопровождения превосходит его отряд, счел более благоразумным вернуться в лагерь. Обоз без потерь прибыл по адресу назначения [7, p. 346; 14, p. 361]. Маршал был крайне недоволен малодушием Розеля и объяснял неудачу поразившим его приступом подагры, «которая в тот момент помешала маршалу Виллару сесть на коня и спасла этот конвой». [13, p. 193].

Баденский занял позицию у Вейерсхайма. Имперская армия к этому времени ещё усилилась – «10-го числа в Визембург вернулись 8 тыс. бранденбуржцев и 3 тыс. саксонцев» [14, p. 363]. Обеспокоенный Вильяр оценивал численность врага в более чем 50 тыс., «в то время как королевская армия вряд ли насчитывала более 26 тыс. солдат» [17, p. 531]. Численный перевес противника маршал пытался нейтрализовать улучшением оборонительной позиции. Его правое крыло так и оставалось у Оффендорфа, защищенное рекой Цорн, а левое - было продлено до предместий Страсбурга, прикрытое лугами и болотами. Центр располагался напротив Мундельсхайма и Вейерсхайма.

Теперь между имперцами и французами было не более 2-ух часов пути. Казалось, столкновение неминуемо. Однако вступать в сражение маркграф Баденский по своему обыкновению не спешил. Фельдмаршал Тюнген 20 августа докладывал президенту Придворного военного совета Евгению Савойскому: «…Мы здесь довольно выгодно расположены для встречи с противником, особенно если войска, расположенные в тылу, присоединятся к нам. Противник же, наоборот, слаб, что он продемонстрировал своим отступлением. Учитывая эти обстоятельства, даже не знаю, что лучше для генерал-лейтенанта: атаковать врага или сесть в глухую оборону?» [7, p. 348].

На этот раз поводом для очередной паузы стало наличие в тылу имперцев Агно и Дрюзенхайма, всё ещё находившихся в руках противника. По мнению Людвига Баденского, они представляли серьезную опасность, не смотря на их слабые укрепления и довольно малочисленные гарнизоны.

Осада и взятие Друзенхайма и Агно

Осада Друзенхейма была поручена фельдмаршалу Фризену, в распоряжение которого был выделен отряд в 10 батальонов и несколько эскадронов кавалерии. Город был довольно слабо защищен, и французы предоставили его своей судьбе. Несмотря на это, Фризен столкнулся с большими трудностями, представлявшими собой искусственное наводнение, окружавшее Друзенхейм со всех сторон. Плотина со шлюзами в устье реки Модер создала вокруг сплошную зону затопления, не позволявшую артиллерии доставать огнем до крепостных верков. Только благодаря нечеловеческим усилиям солдат и рабочих удалось переправить через воду и установить на огневые позиции пушки. На рассвете 22 сентября имперцы открыли массированный огонь по шлюзам и бастионам крепости. Под прикрытием артиллерии, которая стреляла «непрерывно и с хорошим эффектом», удалось добиться прогресса в земляных работах – траншеи были «продвинуты на 120 шагов» [7, p. 349]. Гарнизон не стал упорствовать и в ночь с 23 на 24 сентября сдался на милость победителя [13 p. 194; 14, p. 371].

В отличие от Друзенхайма Агно располагал современными серьезными укреплениями со рвом, наполненным водой, бастионами и люнетами. Город оборонял 2-тыс гарнизон под командованием опытного решительного генерала Пэри. Подготовка к осаде проводилась под руководством самого Людвига Баденского, необходимые припасы и оборудование «были доставлены частично из Ландау, частично из Филиппсбурга» [7, p. 349], для связи с линией Штольхоффена через Рейн был перекинут дополнительный мост.

«Осада началась 29 сентября. Город был небольшим, имел бастионные фронты и был обеспечен всем необходимым, а также гарнизоном в 1800 человек. Фельдмаршал Тюнген руководил короткой осадой» [8, p. 296]. Обе стороны проявили упорство и ожесточенность. Осажденные решительно атаковали укрепления, осаждающие отбивали штурм за штурмом, нанося имперцам большие потери. Не смолкала осадная артиллерия, которой уделялась основная роль во взятии крепости.

К 5 октября в главном валу зияли широкие бреши, и на следующий день комендант гарнизона предложил капитуляцию на почетных условиях. Однако маркграф Баденский потребовал сдачи гарнизона в плен, что французы гордо отвергли. В этих обстоятельствах генерал Пэри пошел на беспрецедентный шаг – было решено прорываться на соединение с главной армией. Для отвлечения внимания с восточной стороны была имитирована вылазка, и одновременно с западной стороной оставшийся гарнизон устремился на прорыв в сторону Саверна. Только через 3-4 часа Тюнген осознал, что происходит и организовал преследование, но было поздно. Лесами и болотами большая часть гарнизона благополучно вышла к своим и присоединилась к армии Вильяра [7, p. 355; 14, p. 385; 20, p. 262].

Попытка отвоевать Хомбург и завершение кампании

В начале октября погода окончательно испортилась и противники стали подумывать о завершении кампании. 15 октября в резиденцию маркграфа прибыли представители германских округов для организации зимних квартир для своих контингентов. Стало известно о готовящемся возвращении домой пруссаков.

Простояв перед Страсбургом почти месяц в бездействии, в конце октября имперская армия внезапно начала отступление к Модеру [13 p. 196; 14, p. 406]. Тюнген докладывал принцу Евгению: «Наша армия вчера, 29 октября, вышла из Вайерсхайма, в полном порядке пересекла линию противника на Нижнем Модере и заняла позиции недалеко от Пфаффенхофена и Ингвейлера, где останется еще несколько дней и будет наблюдать за передвижениями противника» [7, p. 357].

Вильяр, внимательно следивший за противником, немедленно выступил следом и занял позицию правым флангом перед Агно, левым – на высотах Бишвейлера, с фронта подходы прегражадал Модер [7, p. 540].

Людвиг Баденский, осознавая всю безрезультатность кампании, попытался реабилитироваться, чтобы хоть как-то восстановить свой увядший имидж перед Европой. По просьбе курфюрста Пфальца он решил вернуть Хомбург и Треве, захваченные французами в самом начале кампании. Операция была поручена графу Нассау – Вейльбург, которому были подчинены «прусские войска вместе с пфальцскими отрядами» [7, p. 358].

Операция не увенчалась успехом, так как высшее командование имперскими силами было фактически парализовано внутригерманскими разногласиями и взаимными претензиями [18, p. 520-540]. 22 августа прусский корпус Арнима вопреки воли Людвига Баденского покинул позиции на Рейне и двинулся на Маас, но после напряженных переговоров с Мальборо и Генеральными Штатами получил распоряжение вернуться [8, p. 297; 10, p. 157; 20, p. 262]. Такие же проблемы периодически возникали с войсками Пфальца и Вюртемберга. Перед походом на Хомбург взаимные претензии вновь обострились. Генерал Арним требовал от командования четкого разграничения своих обязанностей, а также гарантий обеспечения продовольствием и фуражом. Людвиг Баденский, в свою очередь, не скрывал возмущения, что пруссаки «отказывались зимовать на этой стороне Рейна, поскольку непременно хотели разместиться в Баварии, что это сорвало все его планы» [14, p. 402]. О своем бессилии в управлении германскими контингентами он жаловался императору: «На них нельзя полагаться, так как каждый действует по своей воле, и особенно потому, что я не могу ни принудить их (пруссаков – А.К.) силой, ни имею на это право, и они вряд ли будут внимательно прислушиваться к моим распоряжениям» [7, p. 362].

Как бы там ни было передовые отряды отправились в путь 9 ноября. В то же время фельдмаршал Тюнген занял позицию между Агно и Бишвейлером, прикрывая действия осадного корпуса. Однако, вскоре прусский генерал заявил о своем намерении покинуть армию и следовать в Пруссию. За пруссаками неповиновение проявили вюртембержцы, выдвинув «невероятные требования», о чем возмущенный маркграф немедленно доложил императору: «...Признаюсь, что выдержать все это и нести такое командование требует почти сверхчеловеческого терпения…» [7, p. 362]. Единственно, что удалось маркграфу, так это уговорить Арнима задержаться под Хомбургом до прибытия корпуса Нассау-Вейльбурга.

11 ноября Нассау-Вейльбург сам выступил к Хомбургу с 10-тыс. отрядом, 20 тяжелыми пушками и 4 мортирами. Вслед ему Вильяр направил отряд Дю Бурга для противодействия осады. Но на этот раз все обошлось. 14 ноября авангард имперцев прибыл под Хомбург, а уже 15 – пришел приказ о возвращении. На обратном пути колонна подверглась нападению французов и лишилась большей части обоза с продовольствием [17, p. 542].

Осенняя распутица и зарядившие дожди окончательно остановили военные действия и вынудили обе стороны заняться организацией зимних квартир. Армия Вильяра во второй половине ноября «была распределена по всей округе, кавалерия – по деревням вокруг Страсбурга, а несколько тысяч пехотинцев и кавалеристов были откомандированы в Саверн в Эльзасе».

Маркграф до 22 ноября держал армию в поле. Он расположил войска на зимовку на линии Модера, чтобы удержать её при любых обстоятельствах. Тюнген установил свою штаб-квартиру в Агно, распределив войска в Друзенхайме, Бишвиллере, Пфаффенхоффене и Ингвайлере [19, p. 562; 15, p. 138]. Главной трудностью, которую предстояло разрешить главнокомандующему, это – «заготовить на зиму запас фуража, овса и хлеба», чтобы «в случае чрезвычайной ситуации могли быть снабжены не только войска, дислоцированные в этом районе, но и собранные полки» [7, p. 364]. Сам Людвиг Баденский, которого не переставала мучить старая рана, полученная при Шенграбене в 1704 г., уехал в свою столицу, Раштадт.

Выводы

Военная кампания 1705 года на Рейне носила периферийный характер. В мае-июне 1705 года основным фронтом борьбы являлся Мозель [см. 4, 2025], а затем – Нидерланды [см. 5, 2026], где Мальборо упорно пытался прорвать оборону французов. Все силы и средства Людовик XIV сосредоточил на этих направлениях, в том числе и за счет рейнской группировки. Несмотря на то, что командующий войсками, маршал Вильяр, был убежденным сторонником наступательной войны, оставленных в его распоряжении сил было явно недостаточно для активных боевых действий. Вильяр ограничивался активной обороной Эльзаса, нанося упреждающие удары, проводя глубокие рейды вглубь территории врага.

Его противник, маркграф Людвиг Баденский, являлся его полной противоположностью в оперативно-тактическом отношении. Он вел войну осторожно, с постоянной оглядкой назад. Риск и авантюра им высокомерно отвергались. Быстрота и решительность уступали место методичности и осмотрительности. Людвиг Баденский снискал имя одного из лучших военачальников в войнах с турками, но к рассматриваемой эпохе он окончательно утратил свои некогда высокие полководческие качества. Его имя стало олицетворением пассивности и нерешительности, высоких издержек с минимальными результатами. «Уязвлённые амбиции, возраст и, возможно, даже немощь маркграфа помешали ему следовать здравому смыслу. Его звезда явно угасала, хотя плачевное состояние Священной Римской империи и качество предоставленных ею войск, возможно, препятствовали всем его начинаниям» [7, p. 369].

Кампания на Рейне в очередной раз подтвердила важность единоначалия как принципа оперативного управления войсками. Управление войсками у французов и имперцев значительно отличалось друг от друга. Жесткой централизацией и беспрекословным повиновением среди высшего командования армия Людовика XIV выгодно отличалась от безвластия и дезорганизации, царящих в имперской армии. Её коалиционный состав, представленный множеством немецких земель и суверенов, серьезно усложнял оперативное управление. Слабая командная дисциплина, неисполнительность часто граничили с открытым неповиновением и приводили к срыву боевых задач [18, p. 524-436].

Организационно – управленческая слабость стала одной из главных причин неудач имперцев. Имея подавляющее численное превосходство, маркграф Баденский не смог его реализовать. Находясь в выгодном положении, он упорно уклонялся от решительного сражения. Он наступал медленно, вытесняя противника шаг за шагом к Страсбургу. Когда обстановка явно благоволила ему, и все ожидали решительного успеха, он внезапно останавливался и отступал под различными предлогами. Маркграф Баденский ставил перед собой весьма амбиционную задачу – овладеть нижним Эльзасом со Страсбургом, главной базой французов на Рейне. Итогом же стало овладение рубежом р. Модер, весьма скромный результат, если принять во внимание подавляющее превосходство имперцев в силах и средствах.

Главным тактическим методом обоих противников являлось маневрирование. В августе Людвиг Баденский пытался отрезать Вильяра от Рейна и тем самым вынудить его вернуться в Эльзас. В октябре имперцы угрожали вклинением между Страсбургом и армией Вильяра, чем заставили его отступить к Страсбургу. Маневрирование окончательно вытеснило полевой бой из арсенала тактических средств. Вильяр ставил на карту все и открыто вызывал противника на бой, но маркграф Баденский отказывался, заняв неприступные позиции. В августе на правом берегу Рейна маркграф застал французов врасплох, фактически вышел им во фланг, но вместо завершающего удара неожиданно отошел за линии Штольхоффена. Он стремился не к разгрому противника, а лишь к освобождению от него правобережья Рейна, чего и добился.

В кампании 1705 года на Рейне все более отчетливо проявляется роль логистического фактора. В условиях истощения государственной казны, поиск средств на содержание многотысячных армий приобретает стратегическое значение. В замыслах Людовика XIV задача обеспечения армии за счет ресурсов противни-

ка фактически вытесняет оперативные вопросы на второстепенное место. Одна из главных целей – продержаться до завершения кампании на территории врага, потребляя урожай, фураж, скот, собирая контрибуцию с населения. Вильяр за Лаутером целый месяц организованно опустошает территорию вплоть до Ландау. Та же задача им преследуется во время вторжения на правобережье Рейна. Война явно приобретает направленность на опустошение и истощение противника.

Военная кампания 1705 года на Рейне являлась типичной для военного искусства рубежа XVII-XVIII веков. Она стала олицетворением узости планирования, ограниченности стратегии, медлительности и пассивности тактических действий, несоразмерности гигантских издержек и смехотворных результатов. Замысел имперцев ограничивался незначительной глубиной и не выходил за пределы приграничных районов. Цель сводилась к овладению районом между Лаутером и Модером.

Типичной чертой военного дела, проявившейся в кампании 1705 года на Рейне, стала позиционная борьба, развернувшаяся вокруг укрепленных фортификационных линий. Французы обороняли линию вдоль р. Модер, имперцы – по рубежу р. Лаутер, а на правом берегу Рейна – линию Штольхоффен-Бюль. Важную роль в боевых действиях играли опорные пункты: Агно, Лаутербург, Визембург, Друзенхайм, форт Луи.

Исследование войны за испанское наследство, которая длилась почти 13 лет и велась на многочисленных театрах и направлениях, с этой статьей не завершается и, безусловно, будет продолжено. Вместе с тем, эта работа рассматривается не как самоцель, а лишь как подготовка документально-фактологической базы для многогранной и глубокой научной деятельности по компаративному анализу военного искусства русской и западноевропейских армий в Великой Северной войне (1700-1721 гг.) и в войне за испанское наследство (1701-1714 гг.). Безусловно, это не только поспособствует углублению военно-исторических знаний, но и придаст новый импульс развитию культурно-исторической самоидентификации российского общества.

Список источников

1. Кутищев А.В. Компаративный анализ Северной войны (1700 721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.): культурно-цивилизационный и военно-профессиональный аспекты. Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 81 – 90.

2. Кутищев А.В. Итальянская кампания 1703 года. Борьба за контроль над бассейном р. По. Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 1360 – 1366.

3. Кутищев А.В. Покорение Пьемонта. Война за Испанское наследство 1701-1714 гг. Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 182 – 195.

4. Кутищев А.В. Герцог Мальборо на Мозеле: масштабность замысла и неспособность его реализации. Военная кампания 1705 года. Манускрипт. 2025. Вып. 18. № 3. С. 952 – 962.

5. Кутищев А.В. Военная кампания 1705 года в Нидерландах. Война за испанское наследство (1701-1714 гг.) Манускрипт. 2026. Выпуск 19. № 1. С. 172 – 182.

6. Churchill W.S. Marlborough, his Life and Times. London: in 2 vol. 1958. Vol. I.

7. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen: in 22 bandes. Wien: Verlag des K.K.K. Generalstabes. 1881. I Serie. VII Band. 1137 p.

8. Geschichte des Königlich Preußischen Ersten Infanterie-Regiments seit seiner Stiftung im Jahre 1619 bis zur Gegenwart. Berlin , Druck und Verlag von E. S. Mittler & Sohn. 1855. 1058 p.

9. Journal du marquis de Dangeau: en 19 vol. Paris: Firmin-Didot, 1857. Vol. X. 504 p.

10. Kriegs- und Staatsschriften des Markgrafen Ludvig Wilhelm von Baden uber Den Spanischen Erbfolgekrieg. Diersburg F.-R. herausgegeben von: in 2 bands. Karlsruhe: Chr. Fr. Müller'sche Hofbuchhandlung, 1850. Band 2. 352 s.

11. Lamberty. Memoires pour server a l'Histoire du XVIII siècle: en 4 vol. Haye: Henri Scheurleer. Vol. 3. 1726. 790 p.

12. Linn A. J. The Wars of Louis XIV. London & New York: Longman. 1999. 421 p.

13. Mémoires du marechal de Villars. De Vogué éd. par. Paris: en 4 vol. Librairie de la Société de l'histoire de France, Paris: Librairie Renouard, 1887. Vol. 2. 393 p.

14. Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV, édités par G.- J. Cosnac et É. Pontal: a 12 vol. Paris, Librairie Hachette et cie. 1889. T. IX.

15. Mémoires de Saint-Hilaire / L. Lecestre éd. par. Paris: La Société de l'Histoire de France, 1911. Vol. IV. 438 p.

16. Plassmann M. Krieg und Defension am Oberrhein. Die Vorderen Reichkreise und Markgraf Ludvig Wilhelm von Baden (1693-1706). Duncker & Humblot. Berlin. 2000. 706 p.

17. Pelet J.J.G., Atlas des mèmoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. P.: Imprimerie Royale, 1836. 161 p.

18. Pelet J.J.G., Vault F. E. de le. Mèmoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne: en 13 vol. Paris: Imprimerie Royale, Vol. 5. 1838. 900 p.

19. Quincy Sh.S. Histoire de Militaire du Regne de Luis le Grand, Roi de France: en 7 vol. Paris: Rue Saint Jacques, 1726. Vol. IV. 742 p.

20. Schoning K.W. General – Feldmarschalls Dubislaw Gneomar von Natzmer. Berlin, 1838. 622 p.

21. Sturgill C.C. Marshal Villars and the War of me Spanish Succession. University of Kentucky Press. 1965. 200 p.

22. The Letters and Dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712. Murray G. edit. London: John Murrey, Albemarl Street, 1845. Vol. 1. 615 p.

References

1. Kutishchev A.V. Comparative Analysis of the Great Northern War (1700-721) and the War of the Spanish Succession (1701-1714): Cultural-Civilizational and Military-Professional Aspects. Manuscript. 2019. Vol. 12. Issue 11. P. 81 – 90.

2. Kutishchev A.V. Italian Campaign of 1703. The Struggle for Control over the Po River Basin. Manuscript. 2021. Vol. 14. Issue 7. P. 1360 – 1366.

3. Kutishchev A.V. Conquest of Piedmont. War of the Spanish Succession 1701-1714. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. General History Series. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 182 – 195.

4. Kutishchev A.V. The Duke of Marlborough on the Moselle: the Scale of the Plan and the Failure to Implement it. The Military Campaign of 1705. Manuscript. 2025. Issue 18. No. 3. P. 952 – 962.

5. Kutishchev A.V. The Military Campaign of 1705 in the Netherlands. The War of the Spanish Succession (1701-1714). Manuscript. 2026. Issue 19. No. 1. P. 172 – 182.

6. Churchill W.S. Marlborough, his Life and Times. London: in 2 vol. 1958. Vol. I.

7. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen: in 22 bands. Wien: Verlag des K.K.K. Generalstabes. 1881. I Serie. VII Band. 1137 p.

8. Geschichte des Königlich Preußischen Ersten Infanterie-Regiments seit seiner Stiftung im Jahre 1619 bis zur Gegenwart. Berlin, Druck und Verlag von E. S. Mittler & Sohn. 1855. 1058 p.

9. Journal du marquis de Dangeau: en 19 vol. Paris: Firmin-Didot, 1857. Vol. X. 504 p.

10. Kriegs- und Staatsschriften des Markgrafen Ludvig Wilhelm von Baden uber Den Spanischen Erbfolgekrieg. Diersburg F.-R. herausgegeben von: in 2 bands. Karlsruhe: Chr. Fr. Müller'sche Hofbuchhandlung, 1850. Band 2. 352 s.

11. Lamberty. Memoires pour server a l'Histoire du XVIII siècle: en 4 vol. Haye: Henri Scheurleer. Vol. 3. 1726. 790 p.

12. Linn A.J. The Wars of Louis XIV. London & New York: Longman. 1999. 421 rub.

13. Mémoires du marechal de Villars. De Vogue ed. par. Paris: en 4 vol. Librairie de la Société de l'histoire de France, Paris: Librairie Renouard, 1887. Vol. 2. 393 RUR

14. Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV, édités par G.- J. Cosnac et É. Pontal: a 12 vol. Paris, Librairie Hachette et cie. 1889. T. IX.

15. Mémoires de Saint-Hilaire. L. Lecestre éd. par. Paris: La Société de l'Histoire de France, 1911. Vol. IV. 438 p.

16. Plassmann M. Krieg und Defension am Oberrhein. Die Vorderen Reichkreise und Markgraf Ludvig Wilhelm von Baden (1693-1706). Duncker & Humblot. Berlin. 2000. 706 p.

17. Pelet J.J.G., Atlas des mèmoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. P.: Imprimerie Royale, 1836. 161 p.

18. Pelet J.J.G., Vault F.E. de le. Mèmoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne: en 13 vol. Paris: Imprimerie Royale, Vol. 5. 1838. 900 p.

19. Quincy Sh.S. Histoire de Militaire du Regne de Luis le Grand, Roi de France: en 7 vol. Paris: Rue Saint Jacques, 1726. Vol. IV. 742 p.

20. Schoning K.W. General – Feldmarschalls Dubislaw Gneomar von Natzmer. Berlin, 1838. 622 p.

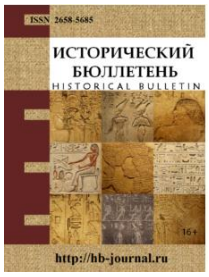
21. Sturgill C.C. Marshal Villars and the War of me Spanish Succession. University of Kentucky Press. 1965. 200 p.

22. The Letters and Dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712. Murray G. edit. London: John Murray, Albemarl Street, 1845. Vol. 1. 615 p.

Информация об авторе

Кутищев А.В., Уральский государственный университет путей сообщения, akutishev@usurt.ru

© Кутищев А.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(560+55:470.6)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-205-211

Политика Османской империи и османо-иранское соперничество за Восточный Кавказ в конце XVII – в первой половине XVIII века

[1] Муртазаев А.О.,
[2] Омаров Х.С.,
[1] Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
[2] Дагестанский государственный университет

Аннотация: целью статьи является анализ политики Османской империи на Восточном Кавказе в конце XVII – первой половине XVIII века в контексте её соперничества с Сефевидским Ираном. В данной статье на основе использования историко-генетического, сравнительного и системного методов отражены основные этапы османо-иранского противостояния, инструменты османского влияния (военные экспедиции, дипломатия, подкуп местных правителей) и пределы его эффективности. Определяется роль военно-политических и географических факторов, ограничивавших османскую экспансию – горный рельеф, сопротивление местных элит и постоянная конкуренция с Ираном. Автор отмечает, что одной из важнейших особенностей османо-иранского соперничества на Восточном Кавказе была его незавершённость: ни одной из сторон не удалось установить полный контроль над регионом. В статье конкретизировано, что местные политические элиты (шамхалы, уцмии, кабардинские князья) выступали не пассивным объектом, а самостоятельным фактором, во многом определявшим динамику соперничества. Это положение является научной новизной исследования.

Ключевые слова: Османская империя, Сефевидский Иран, Восточный Кавказ, османо-иранское соперничество, внешняя политика, Дербент, Дагестан, местные элиты

Для цитирования: *Муртазаев А.О., Омаров Х.С. Политика Османской империи и османо-иранское соперничество за Восточный Кавказ в конце XVII – в первой половине XVIII века // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 205 – 211. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-205-211*

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Politics of the Ottoman Empire and Ottoman-Iranian rivalry for the Eastern Caucasus in the late 17th – first half of the 18th century

[1] Murtazaev A.O.,
[2] Omarov Kh.S.,
[1] Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS,
[2] Dagestan State University

Abstract: the purpose of the article is to analyze the policy of the Ottoman Empire in the Eastern Caucasus in the late 17th – first half of the 18th century in the context of its rivalry with Safavid Iran. In this article, based on the use of historical-genetic, comparative and systematic methods, the main stages of the Ottoman-Iranian confrontation, the instruments of Ottoman influence (military expeditions, diplomacy, bribery of local rulers) and the limits of its effectiveness are reflected. The role of military-political and geographical factors that limited Ottoman expansion – mountainous terrain, resistance of local elites and constant competition with Iran – is determined. The author notes that one of the most important features of the Ottoman-Iranian rivalry in the Eastern Caucasus was its incompleteness: neither side was able to establish full control over the region. The article specifies that local political elites (shamkhals, utsmiys, Kabardian princes) acted not as a passive object, but as an independent factor that largely determined the dynamics of rivalry. This position is the scientific novelty of the study.

Keywords: the Ottoman Empire, Safavid Iran, Eastern Caucasus, Ottoman-Iranian rivalry, foreign policy, Derbent, Dagestan, local elites

For citation: *Murtazaev A.O., Omarov Kh.S. Politics of the Ottoman Empire and Ottoman-Iranian rivalry for the Eastern Caucasus in the late 17th – first half of the 18th century. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 205 – 211. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-205-211*

The article was submitted:May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В конце XVII – первой половине XVIII века Восточный Кавказ оставался ареной острого противостояния Османской империи и Сефевидского Ирана (а затем Ирана при Надир-шахе). Контроль над Дербентским проходом и прикаспийскими территориями давал стратегические и торговые преимущества. Для Порты регион был важным плацдармом в борьбе с Ираном; для Сефевидов – зоной жизненно важных коммуникаций.

Степень изученности проблемы. В историографии османо-иранское соперничество на Кавказе традиционно рассматривается в контексте двусторонних войн. Работы Г.А. Некрасова, Д.С. Кидирниязова, Т.М. Айтберова затрагивают отдельные аспекты, но комплексного исследования, фокусирующегося именно на Восточном Кавказе в конце XVII – первой половине XVIII века, недостаточно.

Хронологические рамки охватывают период от Карловицкого мира (1699 г.), когда Османская империя начала восстанавливать восточные позиции, до распада державы Надир-шаха (1747 г.) и последующего временного равновесия.

Цель статьи – проанализировать основные этапы, методы и результаты османо-иранского соперничества на Восточном Кавказе в указанный период.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу статьи составили: опубликованные сборники документов по истории Османской империи и Сефевидского Ирана («Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» – АКАК; «Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.» – где отражены контакты горских элит с Портой и Ираном); труды П.Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа» (XVIII в.), содержащие сведения об османских и иранских походах в регион; нарративные источники – записки османского путешественника Эвлия Челеби (описание Дербента, Дагестана, крепостей), а также европейских авторов (А. Олеарий, Я. Стрейс), фиксировавших политическую ситуацию на Кавказе с точки зрения внешнего наблюдателя.

В работе использованы историко-генетический (эволюция османской политики), историко-сравнительный (сопоставление этапов османо-иранского противостояния) и системный (анализ Восточного Кавказа как целостной арены взаимодействия) методы. Критический анализ источников позволил отделить реальные военно-политические шаги Порты от декларативной риторики.

Результаты и обсуждения

В первой половине XVII века война между Сефевидским Ираном и Османской империей серьёзно повлияла на обстановку на Северном Кавказе. Шах Аббас I (1587-1629) провёл военные и административные реформы: укрепил центральную власть, наладил финансы и создал регулярную армию с огнестрельным оружием – не без помощи английских советников. Воспользовавшись войной Османской империи с Австрией (1603 г.), шах возобновил боевые действия на Кавказе. Сефевидские войска вытеснили османов из Азербайджана, Дербента и Восточной Грузии. На смену турецкому господству пришло иранское. В Шемахе поставили правителем Зульфигар-шаха Караманлы, а на юго-востоке Северного Кавказа образовали Дербентское наместничество [1].

В 1607-1608 гг. произошло первое крупное столкновение между сефевидскими войсками и табасаранцами, вызванное попыткой иранской администрации установить контроль над спорной территорией в районе Шабрана. Несмотря на значительные потери, сопротивление местного населения продолжилось. В 1610-1611 гг. последовало новое сражение, в котором лучше вооружённые шахские войска одержали верх, однако их жёсткие действия усилили антииранские настроения в регионе [2]. Добившись успехов в войне с Османской империей, шах Аббас I предпринял попытку перейти к прямому подчинению Дагестана.

В 1611-1612 гг. сефевидские войска вторглись в регион и направили основные усилия против объединений сельских обществ Акуша-Дарго. Однако они столкнулись с упорным сопротивлением: продвижение сопровождалось тяжёлыми боями, в том числе в районах Урахии Усиша. В результате поставленные задачине были достигнуты, и сефевидские войска были вынуждены временно отказаться от дальнейшего наступления. В тоже время на южном направлении Иран добился значительных успехов.

В 1612 г. был заключён мирный договор с Османской империей, подтвердивший условия прежних соглашений и закрепивший позиции Сефевидов в Закавказье. Укрепив свои позиции, шах в 1613-1614 гг. возобновил попытки расширения влияния на Кавказе, организовав новые военные кампании, в том числе в Грузии и Дагестане. Однако и в этот период значительных успехов в Северо-Восточном Кавказе достигнуто не было, несмотря на жёсткие карательные меры, применявшиеся в ряде регионов. Таким образом, политика шаха Аббаса I на Кавказе характеризовалась сочетанием военного давления, демографических и административных мер. Несмотря на значительные ресурсы, задействованные в этих кампаниях, попытки установления устойчивого контроля над Северо-Восточным Кавказом сталкивались с серьёзным сопротивлением местных обществ и не привели к окончательному подчинению региона [3].

В 1616 г. военные действия между Сефевидским Ираном и Османской империей в Закавказье возобновились и с перерывами продолжались до 1639 г. Османская Порта, как и ранее, стремилась использовать Северный Кавказ для обходного удара в тыл сефевидским войскам, планируя провести через него силы крымского хана. С этой целью султан предпринимал попытки привлечь на свою сторону северокавказских владетелей, направляя им грамоты и щедрые дары, в частности правителям Шолоховой и Казиевой Кабарды.

Однако эти усилия не принесли ожидаемых результатов. Так, в 1616 г. крымское войско численностью около 3 тыс. человек достигло Казиевой Кабарды, но не смогло продвинуться далее. Аналогичные попытки в 1619, 1629 и 1635 гг. также оказались безуспешными. Российская политика на Тереке, где были построены укрепления, контролировавшие ключевые коммуникации, сыграла здесь заметную роль. Не менее важной оказалась и последовательная линия Москвы, направленная на сдерживание османского и крымского продвижения. Османской империи в этих условиях пришлось перебрасывать военные силы в Закавказье не сушей, а по Чёрному морю.

Вместе с тем Порта и крымские ханы не оставляли попыток сохранить своё влияние на Северном Кавказе. Они активно использовали междоусобные противоречия и периодически вмешивались в дела Кабарды и соседних владений. Под предлогом поддержки тех или иных группировок крымские войска совершали походы в регион в 1616, 1629 и 1631 годах. В 1638 году к правителям Кабарды, ногайским мурзам и кумыкским владетелям были направлены посланцы султана и хана – с дарами и деньгами. Однако и эти дипломатические усилия не принесли желаемых результатов.

Тем временем шах Аббас I, воспользовавшись временной разрядкой в отношениях с Османской империей после соглашения 1618 года, активизировал свои действия на Кавказе. В 1619 году по его приказу дер-

бентский наместник вступил с войсками в приморские районы Дагестана. В результате ряд местных правителей, в том числе Султан-Махмуд Эндереевский, признали верховную власть шаха.

В 1620-1621 годах дербентский наместник Бархудар-султан вместе с правителем Шемахи Юсуп-ханом организовали поход в Самурскую долину Южного Дагестана. В ходе этой кампании было захвачено и разрушено селение Ахты.

Политику Аббаса I продолжил его преемник, шах Сефи I (1629-1642). Он также стремился расширить иранское присутствие на Кавказе. В его планы входило, в частности, строительство крепостей в стратегически важных пунктах – на реке Сунже, в районе Елецкого городища и на Татартупе, неподалёку от верховьев Терека. Предполагалось, что в этих работах примут участие не только шахские войска, но и силы, находившиеся под властью местных правителей, включая шамхала и уцмия, а также отряды ногайцев Малой Орды в количестве 15 тысяч 45 человек. Для обеспечения безопасности планировалось разместить в регионе значительные военные контингенты. Однако данные проекты не получили поддержки со стороны северокавказских владетелей. Шамхал Ильдар открыто отверг притязания шаха на строительство укреплений, заявив, что данная территория не находится под его властью. Уцмий Кайтага также отказался участвовать в строительстве, равно как и другие правители региона – Эндереевский владетель, аварский хан и кабардинские князья [3].

Занятый продолжавшейся войной с Османской империей, шах Сефи I не смог реализовать свои планы силовым путём, хотя сефевидские войска добились определённых успехов в борьбе с Портой.

Стремление Сефевидского Ирана к установлению контроля над Дагестаном усилилось после успешного завершения войны с Османской империей, что открыло новые возможности для реализации экспансионистской политики. Шах Сефи I приступил к осуществлению планов по подчинению региона, рассчитывая закрепиться в стратегически важных пунктах и разместить там военные гарнизоны. В этих условиях над народами Дагестана вновь возникла угроза внешнего подчинения. Осознавая сложность ситуации, значительная часть местных феодальных владетелей стала искать поддержку у России, стремясь заручиться её покровительством. Расширение влияния Ирана на Северо-Восточном Кавказе противоречило интересам Русского государства. В 1642 г. российское правительство в ответ на дипломатические инициативы Ирана заявило о своих притязаниях на стратегически важные территории в районе Терека и Кумыкской равнины, подчёркивая их принадлежность сфере собственного влияния. Это в определённой степени сдерживало дальнейшее продвижение сефевидской политики [4].

Преемник Сефи I, шах Аббас II (1642-1667 гг.), продолжил курс на усиление позиций Ирана в регионе, активно вмешиваясь во внутренние дела местных владетелей. Его политика была направлена на замену нелояльных правителей сторонниками шахской власти. Так, в 1645 г. была предпринята попытка сместить уцмия Кайтага, ориентировавшегося на Османскую империю. Первоначально направленный отряд потерпел поражение от войск Рустам-хана, однако последующая экспедиция оказалась более успешной: Кайтаг был занят, прежний правитель смещён, а на его место назначен Амир-хан Султан. Для закрепления достигнутых результатов и дальнейшего продвижения в регионе шахская администрация планировала строительство укреплений, в частности в районе села Башлы. Эти действия вызвали серьёзную обеспокоенность среди местных правителей, которые, осознавая ограниченность собственных ресурсов, вновь обратились за поддержкой к России. В обращениях к русскому правительству подчёркивалась их готовность к союзу и просьбы о военной помощи в случае усиления давления со стороны Ирана [5].

Во второй половине XVII столетия действия Османской империи и Крымского ханства на Северном Кавказе приобрели явно выраженную экспансионистскую направленность. Порта, не оставляя намерений подчинить себе кавказский регион, в 1650–1660-х годах активизировала территориальные претензии на Центральный и Северный Кавказ, прежде всего на Кабарду. Причём в Стамбуле открыто заявляли, что Кабарда и адыгские земли якобы уже находятся под властью Османской империи. Такие претензии становились особенно опасными в тот момент, когда Россия была занята затяжной войной с Речью Посполитой (1654-1667). Учитывая риск втягивания в конфликт на стороне Польши со стороны Крымского ханства (с которым у неё были союзнические отношения), Москва решила укрепить собственные позиции на Северном Кавказе.

Что конкретно планировалось? Формирование вооружённых отрядов из местного населения – кабардинцев, представителей других горских народов, а также калмыков, кочевавших тогда в Нижнем Поволжье. С этой целью на Кавказ были направлены царские грамоты: владетелей призывали оказать поддержку в случае военных действий против Крымского ханства. Однако не все откликнулись. Кабардинские князья Казиевой Кабарды – Хотождуко и Алегуко – заявили, что не смогут выставить крупные военные силы. Они ограничились обещанием содействовать русской стороне, в частности – передавать информацию о пере-

движениях османских и крымских войск. Подобная осторожная позиция объяснялась сложной внутриполитической обстановкой. В 1653 г. в Кабарде находилась жена крымского хана, приходившаяся родственницей местной знати, в сопровождении военного отряда, выполнявшего также функции сбора дани. В этих условиях местные правители не решались открыто противодействовать крымским представителям. Так, Алегуко Шегануков не препятствовал действиям ханских посланников, которые собрали ясак и увели с собой людей и имущество, включая лошадей и вооружение.

Таким образом, политика Османской империи и Крымского ханства на Северном Кавказе в рассматриваемый период опиралась не только на военную силу, но и на использование сложных внутриполитических связей региона, что существенно затрудняло формирование устойчивых союзов местных владетелей с Россией [6].

Русское правительство предпринимало попытки убедить кабардинских князей воспрепятствовать сбору ясака представителями Крымского ханства на подвластных им территориях. Однако добиться этого оказалось затруднительно. Объясняя свою осторожную позицию, кабардинские правители подчёркивали, что не признают себя подданными крымского хана, указывая, что ни они, ни их предки не состояли в зависимости от него. Вместе с тем они признавали, что вынуждены ежегодно выплачивать ясак в ограниченном объёме, опасаясь разорительных набегов на свои владения [6].

Занятость Русского государства военными действиями на западном направлении ограничивала его возможности активного вмешательства в дела Северного Кавказа. Это создавало благоприятные условия для усиления активности Крымского ханства, которое активно вмешивалось во внутренние дела Кабарды, осуществляло разорительные набеги и стремилось укрепить своё влияние в регионе.

В 1671 г. крымский хан во главе значительных сил вторгся в Кабарду и в течение длительного времени контролировал её территорию. Лишь вспышка эпидемии вынудила его покинуть регион, оставив часть войск для сбора ясака. В этих условиях кабардинцы, не имея возможности оказать открытое сопротивление, были вынуждены покинуть свои поселения и укрыться в горных и труднодоступных районах, уводя с собой имущество. В конечном итоге ханские войска, ограничившись получением заложников и добившись частичных политических уступок, покинули Кабарду. В этот период отношения между двумя державами — Османской империей и Россией – заметно обострились. Султан выдвинул ультимативные требования: речь шла об отказе Москвы от Украины. Однако в Кремле их отклонили. Ожидая неизбежного военного столкновения, Османская империя активизировала свою политику на Северном Кавказе. Главная цель была очевидна – укрепить там собственные позиции. Россия, в свою очередь, тоже не осталась в стороне. Она также предприняла шаги по усилению своего влияния в регионе. Итог предсказуем: Кабарда вновь превратилась в поле борьбы. Теперь уже – между Россией, Османской империей и Крымским ханством.

Ситуацию усугубляли и внутренние распри среди кабардинской знати. Часть князей, опасаясь османо-крымской агрессии, сохраняла определённые связи с ханством. Другие же, наоборот, искали у него поддержки в условиях междоусобной борьбы. Так раскол внутри местной элиты только подогревал внешнее соперничество. Так, в 1674 г. один из кабардинских владетелей предпринял попытку перейти под покровительство Крымского ханства, однако она была предотвращена вмешательством других представителей знати, после чего он признал зависимость от России. В то же время значительная часть северокавказских владетелей ориентировалась на союз с Русским государством. Как отмечается в книге «история народов северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в»: «это проявилось, в частности, в их участии в военных действиях против Крымского ханства. В 1670-е гг. кабардинские и калмыцкие отряды активно взаимодействовали с русскими войсками, принимая участие в походах против Крыма и Азова, а также в освобождении пленных. В 1676-1681 гг. развернулась русско-турецкая война за Правобережную Украину, завершившаяся заключением Бахчисарайского мирного договора. В соответствии с его условиями устанавливались границы по Днестру и признавалось воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией. Представители кабардинской знати принимали участие как в военных действиях, так и в обеспечении коммуникаций и охране стратегически важных направлений. Таким образом, во второй половине XVII в. Османской империи и Крымскому ханству не удалось реализовать планы по установлению устойчивого контроля над Северным Кавказом. Напротив, их политика способствовала сближению значительной части местных обществ с Россией, что усиливало позиции последней в регионе» [7].

Выводы

Резюмируя, мы можем отметить, что в течение XVIII века Иран переживал глубокий экономический спад, последствия которого лишь частично были преодолены в период правления Керим-хана Зенда. Уже к этому времени отчётливо проявлялись признаки отсталости и кризиса феодального строя, сохранявшего

патриархально-феодальные черты в сельской местности. Становилось очевидным, что в рамках устаревших производственных отношений и системы военно-феодального деспотизма дальнейшее поступательное развитие страны невозможно. Иран, который в IX-XII вв. находился на высоком уровне экономического и культурного развития, к концу XVIII века превратился в отсталое государство, значительно уступавшее европейским странам. В то время как в Европе уже утвердились или активно формировались капиталистические отношения (в Англии, Голландии, Франции) либо шёл процесс их становления (в России), Иран оказался неспособен конкурировать с ними ни в экономическом, ни в политическом отношении. Данная слабость обусловила усиление внешнего воздействия со стороны европейских держав, прежде всего Англии как ведущей промышленной страны. В результате конец XVIII века можно рассматривать как рубежный этап, открывший новый период в истории Ирана. В XIX веке страна постепенно оказалась в зависимости от европейских государств, а затем фактически превратилась в полуколонию [8].

Османо-иранское соперничество на Восточном Кавказе в конце XVII – первой половине XVIII века прошло несколько этапов: ослабление Ирана (1720-е) и османская активизация, контрнаступление Надир-шаха (1730-е) и распад его державы (1747).

Основными инструментами Османской империи были военные экспедиции (часто совместно с крымскими ханами), дипломатическое давление и подкуп местных правителей. Иран использовал военную силу и административные меры.

Ни одна из империй не смогла установить устойчивый контроль над Восточным Кавказом. Главными препятствиями стали горный рельеф, сопротивление местных элит, а также присутствие России, которое ограничивало свободу манёвра османов и иранцев.

Местные политические элиты выступали самостоятельным фактором, лавируя между Османской империей, Ираном и Россией

Список источников

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М.: унив-я биогр, 1889. 715 с.

2. Нарочницкий А.Л. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 320 с.

3. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3-х т. СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. Т. 2. 445 с.

4. РГАДА. (Российский государственный архив древних актов). Ф. 77. Оп. 1. Д. 10.

5. Ихилов М.М. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала.: Дагкнигиздат, 1958. 336 с.

6. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: документы и материалы. Т. 2: XVIII в. / сост. В.М. Букалова; под ред. Н.А. Смирнова и У.А. Улигова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 424 с.

7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.

8. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. 386 с.

9. Кидирниязов Д.С. Дагестан в геополитике Сефевидского Ирана // Вестник института ИАЭ. Махачкала, 2015. № 4. С. 22 – 29.

10. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. 240 с

11. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975. 240 с.

12. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов в 2 т. Нальчик: Эльбрус, 1957.

13. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература РАН, 2002. 368 с.

References

1. Belokurov S.A. Relations of Russia with the Caucasus. Moscow: University Biogr., 1889. 715 p.

2. Narochnitsky A.L. History of the Peoples of the North Caucasus from Ancient Times to the End of the 18th Century. Moscow: Nauka, 1988. 320 p.

3. Veselovsky N.I. Monuments of Diplomatic and Trade Relations of Muscovite Rus' with Persia: in 3 volumes. St. Petersburg: Leshtukovskaya Steam Printing House of P.O. Yablonsky, 1895. Vol. 2. 445 p.

4. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). Fund 77, Op. 1, D. 10.

5. Ichilov M.M. Russian-Dagestani Relations of the 17th – First Quarter of the 18th Centuries. Makhachkala: Dag-knigisdat, 1958. 336 p.

6. Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries: documents and materials. Vol. 2: 18th century. compiled by V. M. Bukalov; edited by N. A. Smirnov and U. A. Uligov. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 424 p.

7. History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century. Moscow: Nauka, 1988. 544 p.

8. Pigulevskaya N.V., Yakubovsky A.Yu., Petrushevsky I.P., Stroeva L.V., Belenitsky A.M. History of Iran from ancient times to the end of the 18th century. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1958. 386 p.

9. Kidirniyazov D.S. Dagestan in the Geopolitics of Safavid Iran. Bulletin of the Institute of African Studies. Makhachkala, 2015. No. 4. P. 22 – 29.

10. The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern, and Southeastern Europe in the 17th Century. Ed. G.G. Litavrin. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2001. Part 2. 240 p.

11. Shikhsaidov A.R. Dagestan in the 10th–14th Centuries. Makhachkala, 1975. 240 p.

12. Kabardino-Russian Relations in the 16th–18th Centuries. Collection of Documents in 2 Volumes. Nalchik: Elbrus, 1957.

13. Bobrovnikov V.O. Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence. M.: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2002. 368 p.

Информация об авторах

Муртазаев А.О., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом древней и средневековой истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, arslist777@mail.ru

Омаров Х.С., Дагестанский государственный университет

© Муртазаев А.О., Омаров Х.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 623.681.7
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-212-217

Номенклатура отечественных оптических приборов в 1930-1940 гг. Исторический анализ

[1] Костылева В.Р.,
[1] Хаяров Д.Г.,
[1] Гашенко В.А.,
[1] Сотникова Е.В.,
[1] Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Аннотация: в статье рассматривается процесс становления и развития оптической промышленности в СССР, начиная с острой нехватки оптических приборов в период Первой мировой войны и заканчивая 1940-ми годами. Описываются усилия по организации производства оптического стекла, созданию научно-исследовательских институтов (ГОИ) и освоению выпуска широкого спектра оптических приборов для военных, научных и промышленных нужд. Отдельное внимание уделено периоду индустриализации, когда были разработаны и запущены в серийное производство аэрологические теодолиты, нивелиры, фотоаппараты, телескопы, а также сложные оптические системы для флота и армии. К началу Второй мировой войны СССР смог обеспечить себя необходимым отечественным оптическим материалом, не уступающим зарубежным аналогам.

Ключевые слова: прицелы, микроинтерферометры, перископы, диапроекторы, оптическое приборостроение

Для цитирования: *Костылева В.Р., Хаяров Д.Г., Гашенко В.А., Сотникова Е.В. Номенклатура отечественных оптических приборов в 1930-1940 гг. Исторический анализ // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 212 – 217. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-212-217*

Поступила в редакцию: 16 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Nomenclature of domestic optical instruments in the 1930-1940 s. Historical analysis.

[1] Kostyleva V.R.,
[1] Khayarov D.G.,
[1] Gashenko V.A.,
[1] Sotnikova E.V.,
[1] Siberian State University of Geosystems and Technologies

Abstract: this article examines the formation and development of the optical industry in the USSR, beginning with the acute shortage of optical instruments during World War I and ending in the 1940s. It describes the efforts to organize optical glass production, establish research institutes (GOI), and master the production of a wide range of optical instruments for military, scientific, and industrial needs. Particular attention is given to the period of industrialization, when aerological theodolites, levels, cameras, telescopes, and complex optical systems for the navy

and army were developed and launched into mass production. By the beginning of World War II, the USSR was able to provide itself with the necessary domestic optical materials, comparable to foreign counterparts.

Keywords: sights, microinterferometers, periscopes, slide projectors, optical instrument making

For citation: *Kostyleva V.R., Khyarov D.G.,Gashenko V.A., Sotnikova E.V. Nomenclature of domestic optical instruments in the 1930-1940 s. Historical analysis. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 212 – 217. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-212-217*

The article was submitted: May 16, 2026; Approved after reviewing: June 13, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В первые десятилетия XX века оптические приборы и оптика в целом играли ключевую роль в ведении боевых действий. Эти инструменты получили широкое применение в различных сферах военной деятельности, охватывая все рода войск. Артиллерия и танковые подразделения полагались на оптические прицелы для наведения, а подводные лодки использовали перископы для наблюдения. Боевые самолеты оснащались высокоточными оптическими прицельными системами.

Воздушная оперативная и тактическая разведка, наряду с оценкой эффективности бомбометания, реализовывалась с использованием фотооборудования [10].

В период Первой мировой войны снайперы стали применять усовершенствованные прицельные приспособления. В рядах Рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота использовались оптические визиры, высокоточные прицельные приспособления и стереоскопические дальномеры для обеспечения скоординированного огня военно-морской артиллерии, береговых артиллерийских подразделений и зенитных артиллерийских комплексов.

Начало Первой мировой войны выявило катастрофическую нехватку оптических приборов в русской армии и флоте. В поисках выхода из сложившейся ситуации на Государственном фарфоровом заводе, расположенном в Петрограде начались попытки варки оптического стекла. К работам были привлечены ведущие ученые: Н.Н. Качалов, В.Е. Тищенко, Н.С. Курнаков, И.В. Гребенщиков, В.К. Грум-Гржимайло, Д.С. Рождественский [2, с. 322].

На Обуховском заводе было начато расширение производственных мощностей, связанных с оптическими мастерскими, привлекали больше специалистов: С.И. Фрейберга, А.А. Шалашова, Е.Г. Яхонтова. Под руководством А.И. Тудоровского появилось вычислительное бюро.

В 1918 году был достроин Государственный оптический институт (ГОИ) – уникальное предприятие, сочетающее науку и производство. Был подписан декрет Ленина о развитии отечественного производства геодезических инструментов. К 1927 году СССР полностью отказался от импорта оптического стекла, освоив его производство и устранив ключевое препятствие для прогресса отрасли, занимающейся производством оптических и механических устройств. Ведущую роль сыграли ученые: Д.С. Рождественский, И.В. Гребенщиков, А.А. Лебедев, И.В. Обреимов [11].

Материалы и методы исследований

Научный специальный инструментарий статьи опирается на методологическом принципе историко-сравнительного изучения проблем развития военного оптического приборостроения в СССР в 1930-1940 гг. в контексте мировых оборонных инноваций и политических катаклизмов эпохи. Изучение данной проблематики предполагает сложный междисплинарный подход в использовании традиционных исторических методов исследований в комплексе со специализированными знаниями в области военной оптического приборостроения.

Результаты и обсуждения

В период с 1925 по 1930 годы были учреждены Государственный трест оптико-механического производства (ТОМП) и Всесоюзное объединение оптико-механической промышленности (ВОМП). С целью проектирования и создания военной техники, были организованы Конструкторско-исследовательское бюро (КИБ), Бюро оптических приборов (БОП). В 1931 году в Ленинграде был учрежден институт, специализирующийся на подготовке инженерных кадров для киноиндустрии. Его организация была осуществлена на базе Ленинградского фотокинотехникума [8, 4].

С 1928 по 1930 была проведена модернизации оборудования и выпущена техническая документация, по которой осуществлен серийный промышленный выпуск панорам Герца и большой стереотрубы.

30 января 1930 года состоялся запуск первого в истории радиозонда. Данное устройство, предназначенное для метеорологических исследований верхних слоев атмосферы, является результатом работы советского ученого-метеоролога П.А. Молчанова.

Аэрологический шаропилотный теодолит, разработанный для измерения скорости и направления ветра в верхних слоях атмосферы с помощью шаров-пилотов (воздушных шаров, наполненных водородом или гелием). В начале 1930-х годов такие приборы были критически важны для развития метеорологии, авиации и артиллерийской разведки [9].

В СССР в этот период активно развивалась аэрологическая служба, и создание отечественных шаропилотных теодолитов. Приборы изготавливались в Механической мастерской Главной Геофизической Обсерватории (ГГО) в Ленинграде.

В 1930-е годы в СССР выпускались нивелиры, которые можно условно разделить на несколько типов: нивелиры НГ, НВ-1 разработаны на базе европейских аналогов, но адаптированы для советских условий; нивелиры Н-3, НС-2 более простые и надёжные модели, предназначенные для полевых условий. Приборы использовались при строительстве дорог, каналов, промышленных объектов и жилых зданий.

В 1930-е годы появились фотоаппараты с пластинами, отличавшиеся простой конструкцией и корпусом в форме ящика. Среди них можно выделить такие модели, как «Рекорд», «Пионер», «Ученик» и «Юный фотокор».

советская промышленность освоила выпуск диапроекторов, известных также как фильмоскопы. Эти устройства предназначались для проекции диафильмов. Первыми моделями были «Фильмоскоп», за которым последовал усовершенствованный «Алоскоп», получивший широкое распространение в школах и домах [7].

К концу 1929 было произведено 29 фотоаппаратов из намеченных к выпуску 300-500. Данная модель широко известна под обозначением «ЭФТЭ-1». В СССР разработка первого фотоэлектрического экспонометра, оснащенного селеновым фотоэлементом и получившего обозначение «НКАП-149», была осуществлена ГОИ в начале 1940 года.

В Пулковской обсерватории в 1927 году был установлен зональный астрограф. С его помощью российские астрономы получили возможность составить подробный каталог звёзд околополярной области неба. В 1930-е годы были созданы первые отечественные рефракторы (линзовые телескопы) с объективами диаметром до 15-20 см, что позволило вести систематические астрономические наблюдения. В 1936 году Н.Г. Пономарев спроектировал горизонтальный солнечный телескоп для Пулковской обсерватории, а Д.Д. Максутов выполнил расчеты и изготовил оптические компоненты для этого инструмента [5].

В Советском Союзе были созданы высокоточные гониометры, способные измерять углы с погрешностью всего в несколько угловых секунд. Это достижение существенно повысило характеристики производимой оптической техники. Например, выпускались гониометры типов ГС-30, ГС-10, ГС-5 и другие, где цифра в обозначении характеризует погрешность измерений угла в секундах [6].

В 1930-х годах был выпущен интерферометр Физо. Данное оборудование использовались преимущественно для проверки качества обработки поверхностей оптических элементов и систем. Микроинтерферометр Линника был разработан академиком В.П. Линником в 1933 году. Этот прибор используется для визуального анализа, точного измерения и фоторегистрации величины отклонений от плоскостности обработанных материалов. Диапазон измерений высоты неровностей составляет от 1 до 30 мкм [3].

В 1930-е годы был сконструирован электромедицинский аппарат «Эндоскопия-каустика». Разработкой и выпуском данного прибора занималось Главное аптечное управление (ГАПУ), являвшееся структурным подразделением Московского городского отделения Народного комиссариата здравоохранения (НКЗДР).

КИБ разработало и запустило в серийное производство разные оптико-механические устройства, в частности: прицелы (пулеметные, танковые, авиационные), дальномеры, бинокли, перископы, аэрофотоаппаратуру.

БОП и КИБ были выпущены нормали на систему чертежно-конструкторской, технологической документации и элементы конструкций. Был осуществлен перевод измерений с дюймовой системы на метрическую, сформирован каталог нормализованных деталей (уровни, наглазники, ограничители). Значительный вклад в прогресс концепций, лежащих в основе разработки нового оборудования и отраслевой структуры, был внесен Я. Н. Перепелкиным.

К 1932 году предприятия ВООМПа увеличили объём производства в 10 раз по сравнению с показателями 1928 года.

В 1936 году была принята программа оптического обеспечения для морского флота. В рамках программы планировалось изготовление высокотехнологичных оптико-механических устройств, включая разра-

ботку и запуск в серийное производство стереоскопических дальномеров с различными базами, визиров центральной наводки, устройств указания целей для стабилизации навигационных систем, торпедных индикаторов, перископических систем для подводных аппаратов, визиров горизонтальной и вертикальной наводки, визиров для управления схемой МПУАЗО, устройств наведения для крейсеров, прицельных приспособлений для торпедных установок, прицелов для торпедных аппаратов и прицелов для 76- и 100-мм зенитных пушек и других оптических приборов. Помимо приборов наведения, предназначенных для использования на военных кораблях, значительную долю составляли оптические приборы, относящиеся к группе визиров. К ним относились визиры, определяющие угол наклона оси цапф, визиры для целеуказания, пеленгаторы и прочие приборы подобного назначения.

К 1938 году в ГОИ возглавляемом С.И. Вавиловым были начаты работы по исследованию инфракрасного диапазона, разработаны первые полупроводниковые приемники, дальномеры, объективы, перископы. Сформированы теории расчета оптических систем, сборки и юстировки приборов.

В 1938 году был разработан бинокулярный спектральный аномалоскоп – прибор для исследования цветового зрения, разработанный врачом-офтальмологом Ефимом Борисовичем Рабкиным.

В 1939 году началось изготовление фотокамеры «Смена» на Государственном оптико-механическом заводе имени ОГПУ (ГОМЗ). Изначально, до второй мировой войны, «Смена» представляла собой фотоаппарат шкального типа, оснащенный рамочным видоискателем. В конструкции не были предусмотрены кассеты, поэтому 35-мм пленка сматывалась в рулон. После завершения войны, модель «Смена» стала более функциональной.

В 1939 году оптическая промышленность приступила к изготовлению прямых металлографических микроскопов. К 1940 году ассортимент выпускаемой продукции расширился до десяти различных моделей микроскопов. Приобретенный опыт способствовал в освоении в производстве нескольких моделей поляризационных микроскопов и большого горизонтального металлографического микроскопа МИМ-3 [1].

1940-х годов, ГОМЗ разработал первый монохроматор, получивший обозначение УМ-1. Впоследствии, предприятие наладило производство целого ряда аналогичных приборов для удовлетворения потребностей различных отраслей страны. В конце 1940-х годов была разработана техническая документация для спектра визуальных фотометрических устройств, включая универсальный фотометр Пульфриха модели ФМ (в дальнейшем ФМ-58), нефелометр НФМ, созданный на его основе, и колориметр Дюбоска КОЛ-1 (КОЛ-1М).

Выводы

В период Второй мировой войны снайперская оптика, произведенная в Советском Союзе, сыграла существенную роль в поддержании боевой готовности советской армии. Реализация задач, намеченных в первых пятилетних планах, продемонстрировала возможность отрасли обеспечивать в полном объеме нужды государства в оснащении оборудования, необходимом для укрепления обороноспособности вооруженных сил. К моменту начала военных действий, каталог оптических приборов включал в себя спецификации, предназначенных для всех видов вооруженных сил.

Для оснащения стрелкового вооружения, используемого в сухопутных войсках, были спроектированы оптические прицелы моделей ПЕ, ПУ и ПП-45. В качестве оборудования для артиллерийских систем наземного базирования применялся панорамный угломерный прибор ПГ, наряду с артиллерийскими буссолями моделей БМТ и ПАБ. Для осуществления задач инструментальной разведки применялся обширный перечень приборов, включая бинокль Б-6, предназначенный для визуального наблюдения, стереотрубы, обеспечивавшие объемное изображение местности, и разнообразные дальномеры для определения расстояний. Миномётные расчёты оснащались прицельными приспособлениями МП-1 и МП-82. В танковых системах вооружения использовались прицельные комплексы телескопического и панорамного типов. В зенитной артиллерии применялись визирные устройства, интегрированные в системы контроля за противовоздушной обороной посредством управления огнём специальных орудий, а также бинокулярные искатели. Авиация применяла коллиматорные прицелы, наряду с прицельными устройствами, предназначенными для воздушных и торпедных атак.

Прогресс в создании оптических приборов в значительной степени связан с достижениями в области производства оптического стекла, без которого оптические приборы невозможно изготовить. К 1940 году сортамент отечественного стекла, насчитывавший 73 марки, соответствовала зарубежным компаниям. Каталог цветного стекла, производимого Изюмским заводом оптического стекла, содержал 71 марку, по многим параметрам опережая зарубежные аналоги.

Список источников

1. Арсентьев Н. М., Слудных А. В. Становление оптической отрасли в России и главного отечественного центра оптики // Журнал «Экономическая история», 2025.

2. Бах И.В., Вернидуб И.И., Демкина Л.И., Кошкин Л.Н., Непобедимый С.П., Новиков В.Н., Нудельман А.Э., Олевский М.З., Сабельников В.М., Тюрин В.А., Царевский Е.Н., Шевалдин П.В. Оружие победы. М: Машиностроение, 1985. 305 с.

3. Губайдуллин К.Р., Кирилловский В.К. Повышение точности микроинтерферометра Линника // Журнал «Известия высших учебных заведений. Приборостроение», 2017.

4. Двухсотлетие Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. М.: МИИГАиК, 1979. 107 с.

5. Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. Астрономы: Биографический справочник. 2-е изд. 1986. 512 с.

6. Кочин Л.Б., Лебедев В.Ф., Погода А.П. Угловые и спектральные измерения с помощью гониометра. Балт. гос. техн. ун-т: СПб., 2012. 81 с.

7. Осипова Л.Б. Фильмоскоп Ф-1. Оптико-механическая промышленность. 1969. 4 с.

8. Петровский Г.Т. Николай Николаевич Качалов, жизнь и деятельность // Оптико-механическая промышленность. 1984. № 6. 56 с.

9. Саенко А.Г. Шаропилотные наблюдения. Пособие для учебной практики: СПб. 2017. С. 83.

10. Устинов Д.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1979. 519 с.

11. Царевский Е.Н. Оптика в Великой Отечественной войне // Оптико-механическая промышленность. 1975. № 5. С. 3 – 4.

References

1. Arsenyev N. M., Sludnykh A. V. Formation of the optical industry in Russia and the main domestic optics center. Journal of Economic History, 2025.

2. Bakh I.V., Vernidub I.I., Demkina L.I., Koshkin L.N., Nepobedimy S.P., Novikov V.N., Nudelman A.E., Olevsky M.Z., Sabelnikov V.M., Tyurin V.A., Tsarevsky E.N., Shevaldin P.V. Weapons of Victory. Moscow: Mashinostroenie, 1985. 305 p.

3. Gubaydullin K.R., Kirillovsky V.K. Improving the accuracy of the Linnik microinterferometer. Journal of Higher Educational Institutions. Instrument-making", 2017.

4. Bicentennial of the Moscow Institute of Geodesy, Aerial Photography, and Cartography Engineers. Moscow: MIIGAiK, 1979. 107 p.

5. Kolchinsky I.G., Korsun' A.A., Rodriguez M.G. Astronomers: Biographical Handbook. 2nd ed. 1986. 512 p.

6. Kochin L.B., Lebedev V.F., Pogoda A.P. Angular and Spectral Measurements Using a Goniometer. Baltic State Tech. University: St. Petersburg, 2012. 81 p.

7. Osipova L.B. Filmoscope F-1. Optical-Mechanical Industry. 1969. 4 p.

8. Petrovsky G.T. Nikolai Nikolaevich Kachalov, Life and Work. Optical-Mechanical Industry. 1984. No. 6. 56 p.

9. Saenko A.G. Pilot Balloon Observations. Handbook for Academic Practice: St. Petersburg. 2017. P. 83.

10. Ustinov D.V. Selected Speeches and Articles. Moscow: Politizdat, 1979. 519 p.

11. Tsarevsky E.N. Optics in the Great Patriotic War. Optical-Mechanical Industry. 1975. No. 5. P. 3 – 4.

Информация об авторах

Костылева В.Р., Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Хаяров Д.Г., кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Гашенко В.А., кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Сотникова Е.В., кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

© Костылева В.Р., Хаяров Д.Г., Гашенко В.А., Сотникова Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 9(94)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-218-224

Исторические формы и эволюция английской коронационной церемонии X-XIV вв.

[1] Меднис С.С.,
[1] Государственный Эрмитаж

Аннотация: в средние века коронация была необходимой частью признания власти и полномочий монарха. В дальнейшем, как часть королевского церемониала, церемония становится частью придворной культуры. Коронация легитимировала статус правителя и одновременно была сложным спектаклем, который обладал богатым визуальным и театральным наполнением. В статье рассматривается историческая эволюция коронационных церемоний английских монархов X-XIV вв. Цель исследования заключается в том, чтобы просмотреть процесс трансформации от первоначальных ритуалов, основанных на франкских и римских обычаях, в сложный государственный церемониал. При изучении коронационных обычаев и их форм анализируются символическая система, специфика взаимодействия светских и церковных институтов, а также вопросы публичной репрезентации монарха и его диалога с разными сословиями королевства. Коронационные чины X-XIV вв. выступают основным источником, анализ которых позволяет проследить процесс эволюции и развития церемонии. Ранние регламенты X-XII вв. преимущественно закрепляли этап избрания правителя. В XII в. на основе Третьего чина церковная служба усложнилась, и помазание стало ключевым таинством, объединяющим остальные коронационные обряды. В XIV в. в Четвёртом коронационном чине сформировался окончательный сценарий, в котором светские традиции и церковные обряды соединились в единую неразрывную церемонию.

Ключевые слова: Англия, коронационные чины, легитимация власти, средневековые ритуалы, придворная культура, исторический источник

Для цитирования: *Меднис С.С. Исторические формы и эволюция английской коронационной церемонии X-XIV вв. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 218 – 224. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-218-224*

Поступила в редакцию: 16 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The historical forms and evolution of the English coronation ceremony of the X-XIV centuries

[1] Mednis S.S.,
[1] State Hermitage Museum

Abstract: the coronation ceremony legitimized the royal status and presented a complex spectacle with the different visual and theatrical components. This article touches on historical evolution of the coronation ceremonies of English monarchs from the X to the XIV centuries. The study aims to demonstrate the evolution from the first Frankish and Roman coronation rituals to the largest state ceremonial. Additionally, this article includes the information about the symbolic system, aspects of the social interaction between secular and ecclesiastical institutions,

the monarch's public representation and his dialogue with the different estates of the kingdom. The coronation ordines of the X-XIVth centuries serve as the primary source, the analysis of which allows to emphasize the evolution and development of the ceremony. Early regulations of the X-XII centuries include the descriptions of the stage of the ruler's election. At the XIIth century, based on the Third Ordo, the liturgy became more complex. The anointing is the key sacrament uniting the different coronation rites. At the XIVth century, the Fourth Coronation Ordo established the final structure of ceremony, in which secular traditions and ecclesiastical rites integrated into a single, inseparable ceremony.

Keywords: England, coronation orders, royal power, medieval rituals, court culture, historical source

For citation: *Mednis S.S. The historical forms and evolution of the English coronation ceremony of the X-XIV centuries. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 218 – 224. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-218-224*

The article was submitted: May 16, 2026; Approved after reviewing: June 13, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Коронация – это торжественная церемония инаугурации монарха, которая основана на византийских и римских обрядах. На протяжении X-XIV вв. из первоначальных ритуалов избрания английского короля она превратилась в сложную церемонию. Церемония подчеркивала взаимодействие короля и общины, подданных и публики, которые становились свидетелями и участниками государственного события. Коронация была частью придворной культуры [5]. Она не только легитимировала статус правителя, но и была важным инструментом репрезентации, которой сопутствовали геральдические и театральные элементы [6]. На протяжении X-XIV вв. церемония становится сложным спектаклем, который обладает определенной сценографией и демонстрирует диалог представителей разных сословий общества.

Проблема исследования заключается не только в том, чтобы реконструировать и проследить эволюцию коронационной церемонии, но и рассмотреть ее как пример репрезентации власти в средневековой культуре, которая отличалась от современной. Ритуалы были способом коммуникации и при изучении коронации рассматривается идея королевской власти.

Английские коронации были строго регламентированы. На протяжении X-XIV вв. были созданы четыре чина, которые включали определенную последовательность ритуалов.

Первый – чинопоследование Эгберта IX-X вв., основанное на коронационных традициях франков [9, p. 230-232]. В тексте документа преобладают два ключевых элемента – помазание и возложении короны.

Регламент св. Дунстана (Dunstan ordo) – второй английский коронационный чин, который был создан в середине X – первой четверти XI вв. [7, p. 14-28]. По сравнению с первым регламентом чин дополнен процессией монарха и прелатов в церковь, принесением клятвы, а также помазанием, вручением регалий – кольца и меча, возведением на трон и возложением короны.

Третий коронационный регламент составлен после нормандского завоевания 1066 г. [8, p. 30-42]. Предполагается, что чин использовался при коронации Генриха I – сына Вильгельма Завоевателя. В этом коронационном регламенте совмещаются английские и континентальные традиции. Его структура включает основные элементы – от помазания до заключительной мессы.

Четвертый коронационный чин из Liber Regalis или Королевской Книги представляет собой расширенный текст, основанный на второй и третьей версиях регламентов [11, p. 81-130]. Он включает процессию монарха в окружении прелатов в церковь св. Петра, признание (аккламация), принесение клятвы королем, помазание, возложение короны, присягу духовными и светскими лицами.

Материалы и методы исследований

Коронационная церемония основана как на светской природе происхождения ритуала, так и церковной составляющей. Историческим ядром коронаций английских правителей являются два ключевых ритуала – избрание *(electio)* и помазание.

В историографии основные этапы церемонии были освещены П. Шраммом [14, p. 143-145]. Избрание было ключевым ритуалом светского этапа коронации. Впервые оно было зафиксировано во франкских племенах. Англосаксы заимствовали франкский обычай церемонии избрания, однако выбирали правителя из членов королевской семьи или знати [15, p. 13]. В дальнейшем ритуал избрания расширяется и дополняется такими этапами, как аккламация, интронизация и оммаж, а также включает религиозные обряды, ключевым из которых является помазание.

Религиозная и литургическая часть является одним из важных моментов коронационной церемонии. В работах Э. Канторовича помазание – это важный этап церемонии, в котором осуществлялось обретение даров Св. Духа [1, с. 100-105]. Помазание упоминается в текстах Ветхого Завета, которые включают сюжеты о помазании на царство Саула и Соломона. Помазание англосаксонских королей начинается с христианизацией варварских племен в VII-VIII вв. Таинство помазания расширяет структуру избрания [13, p. 147]. С X в. коронационная церемония включает группу ритуалов, подчеркивающих избранность правителя, а также церковных обрядов и молитв, отражающих божественное происхождение власти монарха.

Использование историко-генетического метода позволит проследить происхождение ритуалов и выделить ключевые обряды, которые повлияли на формирование всего коронационного цикла. Обращение к историко-сравнительному анализу подчеркнёт различия между коронационными чинами, особенностями проведения ритуалов, символами и их репрезентацией.

Результаты и обсуждения

Развитие английской коронации начинается с X в. На основе чинопоследования Эгберта (ordo Egbert/Leofric), основанного на франкских коронациях, и Второго коронационного чина, в соответствии с которым короновался англосаксонский король Этельред II (978-1013), четыре ключевых этапа избрания правителя – помазание, инвеституру или вручение регалий, принесение присяги королю подданными, клятву короля перед Богом (tria praecepta) [13, p. 111-202]. Помазание, с которого начиналась коронационная церемония, включает молитвы и обряд, при котором голову монарха помазывают специальным маслом (oleum) из сосуда или рога (cornu) [12, p. 12]. В англосаксонском чине заимствована форма помазания короля, которая совершалась при посвящении епископов в сан. Использование елея вместо миро указывает на то, что королевское помазание занимает ступень ниже в литургическом отношении, чем помазание епископов. Однако его применение подчеркивает момент, что король становится посредником между Богом и подданными [1, с. 161]. Заимствование элементов посвящения епископов в королевских помазаниях указывает на божественную власть монарха, и елей подчеркивает его избранность среди других людей.

После помазания следовала инвеститура. Епископы и представители знати вручают королю скипетр (sceptrum) или знамя (vexillum), посох (baculus) и шлем (galea). Предметы символизируют короля-война и его лидерство в бою [15, p. 20]. В англосаксонских коронациях первоначальный смысл королевских инсигний как военных атрибутов дополняется христианским значением. Регалии преподносятся королю как символ его власти после помазания, которое совершалось священником.

Согласно тексту Эгберта, после помазания и преподнесения инсигний «все подданные, епископы и священники желали королю долгой жизни» [7, p. 14]. Следует предположить, что англосаксонские коронации включают элементы «смешанного» статуса правителя, который одновременно обладает духовными и светским прерогативами (persona mixta). Принесение присяги прелатами и знатью королю указывает на закрепление вассально-сеньориальных отношений. В коронациях X-XI вв., как и франкских церемониях, не всегда использовалась полная форма избрания правителя, которая включала совет магнатов и их свиты, оглашение решения (consensus), благословение (collaudatio), а заимствовались отдельные обряды. Принесение присяги связана с заключительным благословением монарха.

В конце англосаксонской коронационной церемонии король приносил обет или клятву (tria praecepta), которая включала три пункта – о сохранении мира, справедливом суде и милосердии [7, p. 15]. Епископы приносили клятвы при вступлении в сан, что фиксировало «обязательства, относящиеся к делам веры и преданности папе как главе церкви» [1, с. 465]. В англосаксонских коронациях заимствованы пункты, связанные с сохранением мира Церковью. Кроме этого, римское законодательство влияет на параграфы, связанные с судом и милосердием. В англосаксонских коронациях королевская клятва закрепляет как статус помазанника, так и светские полномочия короля.

Второй регламент, коронационный чин Этельреда II, содержит расширенную форму церемонии коронации. Текст включает избрание монарха и его процессию в церковь в сопровождении епископов, простацию короля перед алтарем, клятву, помазание, инвеституру и интронизацию. Этот регламент отличается от первого чина и включает начальный этап, во время которого «король предстает перед советом высшей знати, а затем два епископа сопровождают монарха в церковь» [7, p. 23]. Фрагмент указывает на формирование двух ритуалов, которые предшествовали коронационной церемонии – принятие единогласного решения о кандидатуре коронуемого правителя (consensus) и процессии короля в окружении прелатов. Обычаи указывают на сохранение франкских обычаев в англосаксонских коронационных церемониях. Кроме этого, в англосаксонский период ритуал дополняется процессией в церковь, что указывает на процесс передачи короля священникам, которые совершают коронационный обряд и помазание.

Второй коронационный чин, в отличие от ordo Эгберта и Леофрика, дополнен простацией короля перед алтарём (prostratio). Ритуал связан с ветхозаветными традициями, аккламациями, исполнением псалмов или преподнесением даров. В понтификалах VII-VIII вв. простация совершается священниками и епископами во время богослужений – литаний или молитвы всем святым [10. p. 115-116]. В коронациях ритуал связан не только с покаянием монарха, но и его символической смертью и перерождением [16, p. 134]. Во Втором коронационном чине простация предшествует королевской клятве (tria praecepta). Трехчастная клятва, которая в чинопоследовании Эгберта завершала коронационную церемонию, во Втором коронационном чине зафиксирована перед помазанием и интронизацией. Изменения в структуре коронации связаны с тем, что франкские короли, в отличие от епископов, приносили клятвы перед помазанием [14, p. 182]. Этот пример заимствован в англосаксонских коронациях и указывает на то, что монарх клянется править в соответствии с законом и справедливым судом (promissio). Следовательно, если в ordo Эгберта клятва закрепляла коронованный и помазанный статус правителя, то, начиная со Второго коронационного чина, она приравнивалась присяге и подчеркивала, что король наделен законодательной властью.

Третий коронационный чин составлен в XII в. после завоевания Англии нормандцами. Третья версия коронационного чина расширена по сравнению с англосаксонскими текстами Эгберта и Вторым коронационным чином. Первоначальные обряды в коронационном чине XII в. совпадают с англосаксонскими последованиями и включают избрание монарха на ассамблее знати, процессию в церковь, простация и клятву. Однако, после этих ритуалов и до помазания, в текст включен дополнительный фрагмент с обращением епископа к верующим [17]. Епископ спрашивает подданных «о признании нового короля, готовности подчиняться правителю и исполнять его приказы». Подданные отвечали приветственным или согласным восклицанием (acclamatio). Ритуал признания (recognitio), который сопровождается восклицанием или аккламацией (acclamatio), связан с франкским обычаем избрания короля. Он соответствует заключительному этапу одобрения и благословения правителя (collaudatio).

В англосаксонских коронациях ритуал признания связан с помазанием и становится частью церковной службы, подчеркивая тот момент, что епископ совершает помазание правителя, который был избран подданными. В коронационном чине XII в. признание и аккламация окончательно закрепляются в начале церемонии и, тем самым, завершают подготовительный этап избрания короля. Из этого можно сделать вывод, что на протяжении XI-XII вв. в английских коронациях не заимствовались отдельные элементы избрания правителя, а был включен и зафиксирован полный франкский ритуал признания и провозглашения короля. Первые три этапа английской коронации XII в. такие, как совет знати, вступление монарха в церковь в окружении прелатов и принесение им клятвы, вопрос епископа подданным, соответствует трехчастной модели франкского избрания короля, которая включала вопрос магнатам и их свите, вынесение решения и заключительное благословение.

В коронационном чине XII в. таинство помазания следует после избрания и признания короля. В отличие от англосаксонских чинов церемония включает этап, когда епископ помазывает елеем не только голову короля, но и его «ладони, голову, грудь, плечи и запястья» [Legg, 1901. p. 40]. Таинство помазания в XII в., как и в англосаксонских коронациях, по-прежнему связано с ветхозаветными традициями и содержит идею о ниспослании даров Св. Духа коронующемуся правителю. Несмотря на сохранение прежних значений, в этот период усиливаются аллегории в церковных церемониях. В XII в. Томас Беккет развивает идею о том, что помазание головы, плеч и ладоней коронующегося короля вкладывает в него «славу, силу и мудрость Божию…» [4, с. 115]. В работах Роберта Гроссетеста закреплена идея об аллегориях и чудесах (miracles) в церковных церемониях и зафиксировано, что королевское помазание дает преимущество и возвышает над теми, кто был помазан при крещении [3, с. 196]. Посвящение обладает важным значением как таинство, а также наделяет привилегиями, в соответствии с которыми монарх правит на законных основаниях (ordinabiliter).

Интерпретации и аллегории королевского помазания, зафиксированные в XII в., влияют на набор инсигний, которые использовались при инвеституре после посвящения. В отличие от англосаксонских регламентов Третий коронационный чин включает расширенный комплект предметов – меч, браслеты, мантия, корона, кольцо, скипетр, держава [8, p. 40-41]. Количество предметов изменялось, а по мере их закрепления могли «модифицироваться форма короны или державы, уточняться происхождение кольца или мироносного священного сосуда, варьироваться количество церемониальных мечей и т.д.» [4, с. 106]. Начиная с XII в., коронационная инвеститура короля подчеркивала не только его властные полномочия и статус, а также содержала параллели с ритуалами посвящения в рыцари.

Четвертый коронационный чин или Liber Regalis, составленный в XIVв. обладает наиболее полным содержанием и описанием коронационных ритуалов. Текст дополнен описаниями событий и обрядов, пред-

шествующих церемонии коронации – оформление Вестминстерского аббатства перед коронационной церемонией, ночное бдение короля, прибытие аббата Вестминстера, который наставлял монарха перед коронацией [11, p. 112]. Четвертый коронационный чин, как и в предыдущих текстах, включает начальные ритуалы избрания монарха на ассамблее, процессию в церковь, прострация короля, коронационную клятву и аккламацию. Однако, в отличие от предыдущих чинов, изменена последовательность этих ритуалов.

Согласно Четвертому коронационному чину, после избрания монарха на ассамблее и его процессии в Вестминстерское аббатство в окружении прелатов, аккламация открывала коронационную церемонию. Обряд перенесен в начало, когда в предыдущих чинопоследованиях следовал после коронационной клятвы и предшествовал помазанию. Аккламация, во время которой архиепископ спрашивал у подданных согласие о коронации правителя, становится заключительной частью процессии прелатов и открывает коронационную церемонию. Еще одним отличием является тот момент, что король приносил клятву между двумя пространциями и чтением молитв.

Можно предположить, что изменения в последовательности обрядов избрания монарха связаны с закреплением парламентской системы и усиления роли Совета, «который формально принимает решение о провозглашении короля» [14, p. 178]. На влияние парламента в вопросах наследования и избрания монарха также указывают пункты коронационной клятвы, которую приносил король. Трехчастная клятва приобретает новую форму в Четвертом коронационном чине и дополняется тезисом о том, что монарх «должен уважать и защищать привилегии Палаты общин» [7, p. 28). В XIV в. ритуалы избрания короля основаны на англосаксонской традиции признания и провозглашения короля (collaudatio), а также дополнены значениями о династической преемственности и наследования королями английского престола.

В Четвертом чине, в отличие от предыдущих текстов, архиепископ помазывает елеем (holy oil) грудь, плечи и запястья короля, но при помазании его головы использует миро (chrism). В предыдущих коронационных чинах использовался только елей, что подчеркивает разницу между королем и духовными лицами. Включение миро в таинство помазания в XIV в. указывает на ветхозаветные традиции и объединяет в одном лице статус царя и священника. Усиление теократической идеи выражено в инвеституре и изменении комплекса регалий, «который просуществовал практически в неизмененном виде с коронации Эдуарда II в 1308 г. вплоть до 1649 г.» [4, с. 106]. Согласно регламенту, архиепископ после помазания освящал королевские регалии и при помощи епископов передавал монарху «далматику, калиги, сандалии, шпоры, меч, армиллы, мантию, корону, перчатки, скипетр с крестом, золотую державу с голубкой» [11, p. 118-120]. Комплекс регалий, в отличие от предыдущих коронационных чинов, объединяет и закрепляет королевские, духовные и рыцарские элементы в коронации английских монархов.

Выводы

Коронационные чины X-XIV веков демонстрировали эволюцию статуса монарха, расширение символического комплекса и постепенное формирование светской и религиозной частей ритуала.

Регламенты IX-XII вв. фиксировали не столько полный порядок церемонии, сколько изменение статуса правителя. Англосаксонские тексты указывали на процесс, при котором будущий правитель избирался окружением и подданными в качестве главы страны и общины. В этот период коронация приобрела более чёткую светскую форму церемонии, однако религиозная составляющая продолжала формироваться. Предметы инвеституры подчеркивали статус монарха и носили репрезентативный характер, свидетельствуя о совершенном обряде. Ситуация изменилась с появлением Третьего коронационного чина XII в. В этот период усложнился литургический порядок. Изменение статуса монарха прослеживался не только на основе обрядов светской части, но и подчеркивался при помощи аллегорий, раскрывающих передачу даров Св. Духа, и чудес, характеризующих королевское помазание как ключевое таинство коронации. Расширенная версия чина повлияла на комплекс предметов, которые соответствовали как светским, так и церковным обрядам. Наконец, Четвертый коронационный чин демонстрировал окончательно выработанный сценарий коронации монарха. В тексте светские и религиозные компоненты взаимосвязаны, приобрели окончательную форму и демонстрировали неразрывную последовательную церемонию.

Список источников

1. Канторович Э.Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 744 с.

2. Князев П.Ю., Макарова Е.А. Образы власти в публичном пространстве Англии при реставрации монархии Стюартов (начало 1660-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 1 (111). С. 1 – 23.

3. Королевская семья и церемониальное пространство Раннестюартовской монархии / под ред. С.Е. Федорова. СПб.: «Алетейя», 2018. 311 с.

4. Крылова Ю.П. Исследование французских средневековых дворов в новейшей историографии Франции, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии / Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. № 14. № 3(125). С. 87 – 102.

5. Паламарчук А.А. Геральдические трактаты в тюдоровской и раннестюартовской Англии. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. № 69 (1). С. 89 – 99.

6. A Coronation Order written before the Conquest // English Coronation Record / Ed. by W. Legg. Westminster: Whitehall, Gardens, S.W., 1901. P. 14 – 28.

7. An English Coronation Order of the Twelfth Century // English Coronation Record / Ed. by W. Legg. Westminster: Whitehall, Gardens, S.W., 1901. P. 30 – 42.

8. Benedictiones super regem nouiter electum // The Leofric Missal // Ed. by F. Warren. Oxford: The Clarendon Press, 1883. P. 230 – 232.

9. Kleing J. The Lord's Song: The Basis, Function and Significance of Choral Music in Chronicles. L.: Bloomsbery. 236 p.

10. Liber Regalis // English Coronation Record. / Ed. by W. Legg. Westminster: Whitehall, Gardens, S.W., 1901. P. 81 – 130.

11. Pratt D. English Coronation Ordines in the Ninth and Early Tenth Centuries. L.: Bilingual edition, 2023. 245 p.

12. Richardson H. The Coronation in Medieval England: the Evolution of the Office and the Oath // Traditio. № 16. 1960. P. 111 – 202.

13. Schramm P-E. A history of the English Coronation. Oxford: Clarendon Press, 1937. 283 p.

14. Strong R. Coronation from the 8th to the 21st century. L.: Harper Press, 2005. 592 p.

15. Strong R. Coronation: A History of the British Monarchy. L.: Harper Collins Publisher, 2022. 448 p.

16. Wyglera H. “Pretended Queen”: English Catholics and Elizabethan Treason Legislation, 1569-1572. Anglican and Episcopal History. № 94 (1). 2025. P. 121 – 146.

References

1. Kantorovich E.Kh. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology, translated from English by M.A. Boytsov and A.Yu. Seregina. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 744 p.

2. Knyazev P.Yu., Makarova E.A. Images of Power in the Public Space of England during the Restoration of the Stuart Monarchy (Early 1660s). Electronic Scientific and Educational Journal "History". 2022. Vol. 13. No. 1 (111). P. 1 – 23.

3. The Royal Family and the Ceremonial Space of the Early Stuart Monarchy. ed. by S.E. Fedorov. St. Petersburg: "Aletheia", 2018. 311 p.

4. Krylova Yu.P. A Study of French Medieval Courts in the Recent Historiography of France, Belgium, the Netherlands, and Switzerland. Electronic Scientific and Educational Journal "History". 2023. Vol. No. 14. No. 3(125). P. 87 – 102.

5. Palamarchuk A.A. Heraldic Treatises in Tudor and Early Stuart England. Bulletin of St. Petersburg University. History. 2024. No. 69 (1). P. 89 – 99.

6. A Coronation Order Written Before the Conquest. English Coronation Record. Ed. by W. Legg. Westminster: Whitehall, Gardens, S.W., 1901. P. 14 – 28.

7. An English Coronation Order of the Twelfth Century. English Coronation Record. Ed. by W. Legg. Westminster: Whitehall, Gardens, S.W., 1901. P. 30 – 42.

8. Benedictiones super regem nouiter electrum. The Leofric Missal. Ed. by F. Warren. Oxford: The Clarendon Press, 1883. P. 230 – 232.

9. Kleing J. The Lord's Song: The Basis, Function and Significance of Choral Music in Chronicles. L.: Bloomsbury. 236 p.

10. Liber Regalis. English Coronation Record. Ed. by W. Legg. Westminster: Whitehall, Gardens, S.W., 1901. P. 81 – 130.

11. Pratt D. English Coronation Ordines in the Ninth and Early Tenth Centuries. L.: Bilingual edition, 2023. 245 p.

12. Richardson H. The Coronation in Medieval England: the Evolution of the Office and the Oath. Traditio. No. 16. 1960. P. 111 – 202.

13. Schramm P-E. A history of the English Coronation. Oxford: Clarendon Press, 1937. 283 p.

14. Strong R. Coronation from the 8th to the 21st century. L.: Harper Press, 2005. 592 p.
15. Strong R. Coronation: A History of the British Monarchy. L.: Harper Collins Publisher, 2022. 448 p.
16. Wyglera H. “Pretended Queen”: English Catholics and Elizabethan Treason Legislation, 1569-1572. Anglican and Episcopal History. No. 94 (1). 2025. P. 121 – 146.

Информация об авторе

Меднис С.С., научный сотрудник Отдела нумизматики, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7575-9607, Государственный Эрмитаж, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, svet-lanamednis@gmail.com

© Меднис С.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 39:397
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-225-231

К вопросу об этнической истории алдано-майских и аяно-охотских тунгусов: некоторые результаты Тунгусской этнографической экспедиции Комиссии Якутской республики 1926-1928 гг.

[1] Алексеева С.А.,
[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

Аннотация: данная статья посвящена исследованию некоторых аспектов этнической истории тунгусов (эвенов и эвенков) по результатам Тунгусского этнографического подотряда Комиссии по изучению производительных сил Якутии 1926-1928 гг. В работе сделана попытка проследить историю заселения тунгусами Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов Якутской области и Дальневосточного края на основе привлечения архивных материалов В.Н. Васильева (1877-1931) – этнографа, фольклориста, выдающегося исследователя Якутии, Сибири и Дальнего Востока, действительного члена Императорского Русского Географического общества, яркого представителя ранней волны русской и якутской советской интеллигенции Якутии. Исследование восполняет существующую лакуну в изучении этнической истории тунгусов данного региона через анализ сохранившихся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН черновиков авторской рукописи В.Н. Васильева. Автором подчеркивается крайняя скудость сведений о времени заселения данного региона тунгусами, отсутствие достоверных исторических свидетельств о путях появления их в местах нынешнего обитания. Практическая значимость данного исследования определяется острой потребностью эвенского и эвенкийского народов в осмыслении своего недавнего исторического прошлого и необходимостью дальнейшего осмысления традиционной культуры. Научное наследие В.Н. Васильева служит основополагающей базой, позволяющей заглянуть в историю формирования тунгусов, и проследить процессы их исторического развития на протяжении всего XX в. Исследование отвечает на современный общественный запрос коренных малочисленных народов Севера на возвращение и популяризацию их подлинной истории и культуры.

Ключевые слова: этническая история, тунгусы, эвены и эвенки, Комиссия якутской республики, Тунгусский этнографический подотряд экспедиции

Для цитирования: *Алексеева С.А. К вопросу об этнической истории алдано-майских и аяно-охотских тунгусов: некоторые результаты Тунгусской этнографической экспедиции Комиссии Якутской республики 1926-1928 гг. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 225 – 231. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-225-231*

Поступила в редакцию: 17 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

On the ethnic history of the Aldan-May and Ayan-Okhotsk Tungus: some results of the Tung Ethnographic Expedition of the Commission of the Yakut Republic in 1926-1928

[1] Alekseeva S.A.,
[1] Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: this article is devoted to the study of certain aspects of the ethnic history of the Tungus (Evens and Evenks) based on the results of the Tungus Ethnographic Sub-Unit of the Commission for the Study of the Productive Forces of Yakutia in 1926-1928. The paper attempts to trace the history of the Tungus settlement of the Aldano-Maya and Ayano-Okhotsk districts of the Yakut Autonomous Region and the Far Eastern Territory, based on the archival materials of V.N. Vasilyev (1877-1931), an ethnographer, folklorist, and prominent researcher of Yakutia, Siberia, and the Far East. Vasilyev was a full member of the Imperial Russian Geographical Society and a prominent representative of the early Russian and Yakut Soviet intelligentsia in Yakutia. The study fills in the existing lacuna in the study of the ethnic history of the Tunguses of this region by analyzing the drafts of V.N. Vasilyev's manuscript that have been preserved in the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences archive. The author emphasizes the extreme scarcity of information about the time of the Tungus' settlement of this region, and the lack of reliable historical evidence about their origins in their current habitats. The practical significance of this research is determined by the urgent need of the Even and Evenki peoples to understand their recent historical past and to further explore their traditional culture. V.N. Vasilyev's scientific legacy serves as a fundamental basis for understanding the history of the Tungus' formation and tracing their historical development throughout the 20th century. The study responds to the current public demand for the return and popularization of the indigenous peoples of the North's true history and culture.

Keywords: ethnic history, Tungus, Evens and Evenks, Commission of the Yakut Republic, Tungus Ethnographic Subunit of the Expedition

For citation: *Alekseeva S.A. On the ethnic history of the Aldan-May and Ayan-Okhotsk Tungus: some results of the Tung Ethnographic Expedition of the Commission of the Yakut Republic in 1926-1928. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 225 – 231. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-225-231*

The article was submitted: May 17, 2026; Approved after reviewing: June 14, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В 1925-1930 гг. Комиссией по изучению производительных сил Якутской АССР (КЯР) была организована работа масштабной Якутской комплексной экспедиции АН СССР по изучению производительных сил, экономики, истории и культуры республики. В обращении председателя Совета народных комиссаров АЯССР М.К. Аммосова в Академию наук СССР с просьбой организовать научно-исследовательскую экспедицию для изучения естественно-производительных сил Якутии, подчеркивалось, что «только опираясь на научные выводы, мы можем решительно и смело двигать развитие производительных сил Якутии».

Основные направления исследований были связаны с изучением природных, биологических и человеческих ресурсов, поиском и добычей полезных ископаемых, описанием антропологии, этнографии и истории народов, населяющих Якутию. «Всего было организовано четыре специальных этнографических отряда, перед которыми были поставлены задачи: провести систематическое обследование населения; во всех местах обитания народов собрать историко-этнографический материал, всесторонне характеризующий его традиционную культуру и быт; выявить этнографический облик населения, сложившийся в данных исторических условиях, кроме того, провести исследование современного быта, происходящих в нем преобразовательных процессов» [5]. Действительно, можно говорить о том, что это был «грандиозный инновационный проект в области науки по меркам того времени. По широте охвата, по количеству и качеству участников ей нет равных в истории экспедиционных исследований страны» [15].

В этом плане особый интерес вызывают материалы Тунгусского этнографического подотряда Комиссии якутской республики (1926-1928) – самого первого этнографического отряда, организованного экспедицией

АН СССР, руководителем которой был Виктор Николаевич Васильев (1877-1931), уроженец Амгинской слободы (ныне Амгинского улуса Республики Саха (Якутия)).

В рамках Тунгусского этнографического подотряда Комиссии якутской республики 1926-1928 гг. он впервые исследовал обширный район проживания алдано-майских и аяно-охотских тунгусов Якутской республики и Дальневосточного края.

«Название «тунгусы», как известно, было введено в официальное употребление и научный оборот в первой половине XVII века и обозначало все этнографические группы тунгусоязычного населения Сибири и Дальнего Востока. В историко-этнографической литературе вплоть до 1931 г., когда официально был установлен этноним эвенки, русские называли их тунгусы (включая и эвенов) [12]. Известный тунгусовед Г.М. Василевич высказала предположение, что первоначален общий этноним эвен, а суффикс -ки добавлен после расселения из Центральной Азии к северо-востоку и этнического обособления от тунгусской общности [3]. В документах VII века был этноним увань. Другие названия этого народа илэ, килэ, орочен, отдельных групп их – солон, бирак, самагир, манягир, кумарчен, мурчен [14].

В течение данной Тунгусской экспедиции 1926-1928 гг. была проведена огромная работа, собран колоссальный полевой этнографический материал, так, В.Н. Васильевым была подготовлена к печати авторская рукопись «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» объемом около 1500 стр. [12].

Впервые на основе черновиков рукописи В.Н. Васильева, обнаруженных еще в 2009 г. в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, и недавно расшифрованных мною, реконструирована структура и содержание третьего раздела фундаментального труда В.Н. Васильева, считавшейся утерянным с 1930-х годов. Это позволяет восстановить целостную картину расселения и численности этнолокальных групп тунгусов данного региона в первой трети XX века.

Материалы и методы исследований

При написании статьи мы основывались на материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, где хранится оригинал рукописи научного отчета В.Н. Васильева к алдано-майским и аяно-охотским тунгусам 1926-1928 гг. [12].

Исследование выполнено в Центре интеллектуальной истории и культуры ИГИиПМНС СО РАН (г. Якутск) в рамках методологии новой интеллектуально-культурной истории, успешно разрабатываемой под руководством чл.-корр. РАН Л.П. Репиной (Институт всеобщей истории РАН, Москва). В частности, ею было отмечено, что «историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной памяти) - как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память - не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [11].

В целом, актуальность обращения к интеллектуальному наследию В.Н. Васильева связана с так называемым «антропологическим поворотом» в мировой и российской интеллектуальной традиции, историческом знании, персонализацией предмета истории и оформлением таких ее проблемных полей, как историческая антропология, новая локальная история и новая биографика.

Результаты и обсуждения

В рукописи «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» В.Н. Васильев пишет, что никаких достоверных исторических свидетельств о тунгусах, точно также как и о времени и путях появления их в местах современного их обитания, в литературе не имеется.

Известно по китайским источникам, что уже в VII веке нашей эры обитали в пределах нынешней Маньчжурии воинственные племена родственных тунгусам народностей, игравшие видную роль в истории северного Китая. Одно из этих племен – Кидане, признаваемое, почти с несомненностью, за тунгусов, еще в VII образовали сильное владение из восьми областей, вассальное в то время Китаю [10]. Затем на сцену истории выступило новое родственное киданям, воинственное племя чжурчженей или нюйчженей, сбросившие власть киданей и воцарившиеся на их месте.

Необходимо отметить, что в историко-этнографической литературе крайне скудны сведения о тунгусах рассматриваемого им обширного региона. «Здесь, к моменту прихода первых русских на Лену и дальше на восток, тунгусы оказываются рассеянными чуть не по всей территории нынешней Якутии, на местах оттесненных ими остатков палеоазиатов» [1]. «Казаки-завоеватели находили их по системам всей верхней Лены,

рр. Вилюя, Витима, Олекмы, Алдана и низовья Лены, а также по всему побережью Охотского моря и за Верхоянским хребтом» [9; 6]. Якуты к этому времени уже были осевшими довольно компактной массой только по долине среднего течения Лены, между устьями рек Синей и Вилюя, по левому берегу и по долине рч. Солы, впадающей в Лену справа, недалеко от Якутска, и рч. Татты и среднего течения р. Амги, впадающих слева в Алдан» [8].

Начавшееся движение за р. Лену вслед за основанием в 1632 г. Якутского острожка, до самого Охотского моря, идет уже местами, занятыми исключительно тунгусами, которых и приводят «под высокую государеву руку» казачьи отряды, идущие в поисках новых землиц. Первыми пунктами сообщения между Ленским бассейном и Охотским побережьем являлись тогда Алдан, Учур, Мая и Юдома. Таким образом, как показывают материалы, уже тогда весь рассматриваемый край был заселен тунгусами.

Вопрос о времени прихода их в эти места совершенно открытый, пишет В.Н. Васильев, нигде в существующей литературе, ни в хранящихся в архивах, ставших теперь достоянием истории, актах нет указаний ни в какие даты этого прихода. Некоторые, очень слабые, намеки дают не забытые еще предания самих тунгусов. Однако, из всех этих преданий можно лишь заключить, что тунгусы не были тут исконными насельниками края, а пришельцами из других мест, не встретившими только здесь никаких жителей. Автору не удалось, по крайней мере, сделать ни одной записи о борьбе их с прежними собирателями края, в то время как ходит много преданий о внутренней борьбе между собою тунгусских родов и сохранилась еще кое-какая память о борьбе с якутами. В одном из преданий прямо указывается, что район Алдана в ту пору не был заселен.

Далее в работе автор приводит сохранившиеся несколько исторических преданий тунгусов: «Борьба тунгусов с якутами», в котором повествуется, что в недавнем прошлом тунгусы жили на Лене, занимая район нынешнего Якутска, носивший тогда название Саисар Хонута /поле Саисара/, откуда их вытеснили потом на правый берег Лены пришедшие сверху якуты. Предание это рисует и картину дальнейшего вытеснения, сначала на рр. Амгу и Татту, а затем и на Алдан. В другом предании «Бырпай Оросин» /Бырпаі Оруосун – рассказывается о приходе небольшого рода тунгусов с юга, сплавом по Алдану, причем весь род, введенный в заблуждение повернувшейся от ветра метой, – знаком, поставленным плывшим впереди отдельно родоначальником, проплыл выбранное последним место и спустился ниже до Охотского перевоза на Алдане, где образовал кочевой род тунгусов – кӧс тоӈуса.

По первому варианту тунгусы эти шли с Амура, из местности «Юп», а по-второму – было просто переселение из ближнего района того же Алдана.

Третье предание «Гилякя и Юкябиль» – рисует приход двух родов тунгусов, под этим именем, с Амура. Испугавшись готовившейся войны с русских с китайцами, два года эти выселились со своих мест и двинулись на север. Юкябильцы вышли к верховьям Лены, а оттуда переселились на Алдан и Маю, обитавшиеся уже тунгусами, не знавшими еще употребления железа, где положили начало Майским бродячим родам. Гиляки же, откочевав на север, горами, между Алданом и морем, вышли к верхней Мае, где и остались, образовав Килярский род, разбившийся впоследствии на несколько Килярских наслегов, обитающих и ныне по верховью Маи и Охотскому побережью. Эти два рода, говорят, принесли с собой на Алдан и Маю знакомство с железом.

Имеется еще предание «Манчикан», – в котором рассказывается о приходе тунгусского рода Ламынха с берега Охотского моря, который, сплыв по Мае на Алдан, здесь разбился на две части: родоначальник Манчикан остался тут и осел, а сородичи его, за неимением поставленного знака, проплыли дальше, не заметив своих, и ушли дальше вниз, неизвестно куда. Осевший на Алдане, Манчикан обжился тут, народил сыновей и вместе с приставшими к нему, образовал новый род. Вскоре, по приглашению родоначальника, кангаласских якутов Дыгына, Манчыкан отправляется со своими людьми на р. Лену, на собрание по поводу прихода русских. Здесь начинается война с последними. Но Дыгын не поладил и с тунгусами, в результате чего Манчыкан, по перестрелке и с русскими, и с якутами, уплыл со своими, на плотах вниз по Лене. У устья Алдана повторилась старая история. Поставив здесь знак, Манчыкан повернул вверх по Алдану, в свои места. Следовавшие же за ним сородичи, за изменением ветром направления знака, пошли дальше вниз по Лене, где около Булуна, из них образовался впоследствии Жиганский /Эдьигээн/ род тунгусов. Кстати, этот мотив – изменение ветром поставленного знака и уплывание следующих позади людей дальше намеченного места, фигурирует в тунгусских преданиях довольно часто.

По другой версии этого предания, Манчикан, со своими родичами пришел не с Охотского берега, а сплыл с верховьев Алдана, став в новых местах, после всех перипетий, родоначальником тунгусов I-го Эжанского рода – теперь наслега /род его на старых местах назывался «Эджигян». Есть, наконец, еще одно предание «*Эгеличин*», по которому когда-то сплыли четыре человека с верховьев Алдана, из них один

остался где-то у устья Учура, двое спустились ниже по Алдану, а четвертый – Эгиличин – поднялся вверх по Мае и обосновался где-то выше Нелькана.

Нет сомнения, что во всех этих повествованиях должна крыться какая-то историческая правда, – отмечает В.Н. Васильев, – думается, вполне допустимо, что в Якутию и Охотский край тунгусы могли двигаться и с Прибайкалья – по Лене, и с Амура – по Витиму, Олекме, Алдану и Уде. Не исключается этим ничуть и вероятность движения на Алдан тех, что спустились сначала по Лене, а потом были оттеснены оттуда на восток якутами.

Таким образом, темно прошлое тунгусов до прихода русских, – пишет он, – то немногим оно становится для нас яснее и с момента завоевания края казаками. Имеющиеся с этого времени исторические данные и опубликованные архивные материалы чрезвычайно скудны сведениями о тунгусах этого края. Первых завоевателей – казаков и разных служилых, торговых и промышленных людей тунгусы интересовали лишь как поставщики ценной пушнины и как объект эксплуатации, с которыми нужно или воевать, или как-то ладить в целях собственного благополучия [4]. С этого времени, хотя и крайне отрывочно и скудно, начинают проникать первые известия об обитающих в тех или иных местах тунгусах, их численности, образе жизни, одежде, вооружении и пр. собственно и начинается документальная история тунгусской народности.

«Целенаправленное изучение тунгусов, систематические сборы этнографических данных и их публикация в общих описаниях состава аборигенов Сибири начинаются лишь со второй половины XVII- начала XVIII веков. Собирание сведений об «инородцах Сибири» представляло собой одну из общих задач краеведческого изучения «восточных провинций России и, очевидно, преследовало сугубо утилитарные цели, а именно, составление более или менее точных сведений о размещении и численности потенциальных поставщиков товарной пушнины» [13].

Выводы

Итак, в данной статье на основе использования архивных этнографических материалов В.Н. Васильева мы попытались проследить историю заселения тунгусами обширного алдано-майского и аяно-охотского регионов Якутской области и Дальневосточного края. Автором подчеркивается крайняя скудость сведений о времени заселения данного региона тунгусами, отсутствие достоверных исторических свидетельств о путях появления их в местах обитания.

Основной массой населения данных регионов являлись тунгусы, разбросанные по всей обширной территории края и представляющие собой маленькую часть племени, рассеянного по всей Восточной Сибири, Забайкалью и Дальневосточному краю. «Вне сомнений, миграционные пути древних тунгусов прочно связывали территории Прибайкалья-Забайкалья с территориями Дальнего Востока» [2].

В.Н. Васильев выдвигает предположение о том, что в Якутию и Охотский край тунгусы могли двигаться как с Прибайкалья - по реке Лене, так и с Амура – по рекам Витим, Олекма, Алдан и Уда. Он также приводит несколько сюжетов сохранившихся исторических преданий о картине вытеснения тунгусов якутами, сначала на р. Амгу и Татту, а затем и на Алдан.

В целом, интеллектуальное наследие В.Н. Васильева служит фундаментальной основой, позволяющей заглянуть в историю формирования этнолокальной группы алдано-майских и аяно-охотских тунгусов. И как подчеркнула Н.В. Ермолова, «результаты его титанической деятельности, «его большой работы в составе Комиссии АН СССР по изучению Якутской АССР представляют собой внушительную картину, которая, к сожалению, подобна айсбергу, так как большая часть этих материалов еще не введена в научный оборот и остается пока неизвестной большинству исследователей» [7].

Таким образом, обращение к «историческим корням» этноса определяется возрастающим интересом народов к своему прошлому, общественной значимостью данных исторических знаний в социальной, этнокультурной сферах и для подрастающего поколения коренных малочисленных народов Севера. А результаты Тунгусской этнографической экспедиции 1926-1928 гг. под руководством В.Н. Васильева можно считать интеллектуальным прорывом в истории освоения Северо-Востока России первой трети XX века.

Финансирование

Статья выполнена в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124022600326-4 FWRS-2024-0073 «Новая культурно-интеллектуальная история северной провинции России: культурное наследие, интеллектуальные традиции и региональная биографика в XIX-XX в. (междисциплинарный дискурс)».

Исследование выполнено с использованием научного оборудования Центра коллективного пользования Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН»

Список источников

1. Бахрушин Г.М. Исторические судьбы Якутии // Якутия. Л. 1927. С. 279.

2. Варламов А.Н. Ранние стадии этногенеза и миграции тунгусов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2020. № 3 (19). С. 34.

3. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. 1946. № 4. С. 34 – 49.

4. Васильев В.Н. Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов / Отв. ред. и сост. С.А. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2024. С. 143.

5. Виттенбург П.В. Якутская экспедиция Академии наук. Ленинград: 1925. XI. С. 60.

6. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб. 1799.

7. Ермолова Н.В. Эвенкийские материалы в трудах В.Н. Васильева // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция: материалы Всерос. науч.-полевого семинара «Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция», посвящ. 100-летию А.А. Попова и 125-летию В.Н. Васильева (2003 г.) и Всерос. науч. конф. «И.В. Попов - основоположник изобразительного искусства Якутии: исследователь, просветитель, гуманист», посвящ. 130-летию И.В. Попова (2004 г.). Новосибирск: Наука, 2010. С. 59.

8. Майнов И.И. Население Якутии // Якутия: Сборник статей / под ред. П.В. Виттенбурга. Л.: Изд-во Акад. Наук. 1927. С. 326 – 328.

9. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб. 1788.

10. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 2: Прочие тунгусские племена. Санкт-Петербург: типография СПб.: АО «Слово», 1906. С. 25.

11. Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. С. 10.

12. СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Ед. хр. 39.

13. Туров М.Г. Эвенки: основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Изд-во «Амтера». 2008. С. 4.

14. Этническая ономастика. Отв. ред.: Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. Москва: Наука, 1984. С. 64.

15. Якуты. Саха: коллективная монография. Серия: «Народы и культуры» / Отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова и др. М.: Изд-во «Наука», 2012. 598 с.

References

1. Bakhrushin G.M. Historical destinies of Yakutia. Yakutia. L. 1927. P. 279.

2. Varlamov A.N. Early stages of ethnogenesis and migration of the Tungus. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova. Series: Epic Studies. 2020. No. 3 (19). P. 34.

3. Vasilevich G.M. The most ancient ethnonyms of Asia and the names of Evenki clans. Soviet ethnography. 1946. No. 4. P. 34 – 49.

4. Vasiliev V.N. Tungus of the Aldan-May and Ayano-Okhotsk regions. Responsible ed. and comp. S.A. Alekseeva. Novosibirsk: Nauka, 2024. P. 143.

5. Vittenburg P.V. Yakut Expedition of the Academy of Sciences. Leningrad: 1925. XI. P. 60.

6. Georgi I.G. Description of all the peoples inhabiting the Russian state: their everyday rituals, customs, clothing, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorable things. St. Petersburg. 1799.

7. Ermolova N.V. Evenki materials in the works of V.N. Vasiliev. In the name of the revival, preservation and development of the culture of the peoples of Siberia: Russian ethnographic tradition: materials of the All-Russian scientific field seminar "In the name of the revival, preservation and development of the culture of the peoples of Siberia: Russian ethnographic tradition", dedicated to the 100th anniversary of A.A. Popov and the 125th anniversary of V.N. Vasilyeva (2003) and Vseros. scientific conf. “I.V. Popov – the founder of the fine arts of Yakutia: researcher, educator, humanist,” dedicated. 130th anniversary of I.V. Popova (2004). Novosibirsk: Nauka, 2010. P. 59.

8. Mainov I.I. Population of Yakutia. Yakutia: Collection of articles. ed. P.V. Wittenburg. L.: Publishing house Acad. Sci. 1927. P. 326 – 328.

9. Pallas P.S. Traveling through different provinces of the Russian state. SPb. 1788.

10. Patkanov S.K. An Experience of Geography and Statistics of the Tungus Tribes of Siberia Based on the 1897 Census and Other Sources. Part 2: Other Tungus Tribes. St. Petersburg: SPb Printing House: AO Slovo, 1906. P. 25.

11. Repina, L.P. Historical Memory and National Identity. Images of the Past and Collective Identity in Europe before the Beginning of the Modern Age. edited by L.P. Repina. Moscow, 2003. P. 10.

12. St. Petersburg Branch of the Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences. Fund 47. Op. 2. Item 39.

13. Turov M.G. Evenki: Basic Problems of Ethnogenesis and Ethnic History. Irkutsk: Amtera Publishing House. 2008. P. 4.

14. Ethnic Onomastics. Responsible for ed.: R.Sh. Dzharylgasinova, V.A. Nikonov. Moscow: Nauka, 1984. P. 64.

15. Yakuts. Sakha: collective monograph. Series: “Peoples and Cultures”. Rep. ed. N.A. Alekseev, E.N. Romanova, Z.P. Sokolova et al. M.: Publishing house “Nauka”, 2012. 598 p.

Информация об авторе

Алексеева С.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4184-8086, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, д. 1, alexeeva_sar@mail.ru

© Алексеева С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 903.5
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-232-240

Браслеты как индикаторы социального статуса, пола и идентичности в ряде курганов скифского периода на Северном Кавказе

[1, 2] *Вурал Чагатай,*
[1] *Государственный академический университет гуманитарных наук,*
[2] *Университет Ардахана, Турция*

Аннотация: в данной работе на основе археологических данных рассматриваются браслеты, найденные в курганах эпохи скифов на Северном Кавказе (VIII-IV вв. до н.э.). В ходе исследования рассматривается то, что браслеты не были просто украшениями; напротив, они служили индикаторами, отражающими социальный класс, пол, воинское звание и культурную принадлежность человека. Выборку исследования составляют находки из 11 курганов, обнаруженных в некрополях Нартан I, Разменный, Новозаведенное-III, Дыш IV и Эльхотовский. В методологическом плане были использованы методы структурной классификации, а также методы контекстуальной оценки, ориентированные на исходное положение предметов на скелете (in situ) и сопутствующие находки (оружие, грузик и т.д.). Полученные данные свидетельствуют о том, что использование браслетов демонстрирует явные различия в зависимости от пола и социального статуса. Нахождение множественных железных и бронзовых браслетов в могилах воинов-мужчин (например, группа из девяти браслетов в кургане 6 Нартан I) интерпретируется как своего рода защитное снаряжение для лучников и воинов, а также как признак военного статуса. В женских могилах и захоронениях, отражающих местную кубанскую традицию, преобладают единичные бронзовые пластины или изделия с медными бусинами. В аристократических могилах, занимающих высшую ступень социальной иерархии, было установлено, что на смену бронзе и железу пришли биметаллические изделия, в которых совместно использовались драгоценные металлы (золото и серебро). Кроме того, моток проволоки диаметром 0,5–0,7 см, найденный в кургане Дыш IV, был оценен как элемент статуса, демонстрирующий богатство непосредственно в виде сырья. В результате было установлено, что в погребальных ритуалах скифов браслеты подбирались сознательно и являлись постоянными предметами, отражающими положение человека в социальной иерархии.

Ключевые слова: курганы скифов, браслеты, погребальные украшения, Северный Кавказ, социальный статус, гендерная идентичность

Для цитирования: *Вурал Чагатай Браслеты как индикаторы социального статуса, пола и идентичности в ряде курганов скифского периода на Северном Кавказе // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 232 – 240. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-232-240*

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Bracelets as indicators of social status, gender and identity in a series of Scythian-period kurgans in the North Caucasus

[1, 2] *Vural Chagatay,*
[1] *State Academic University for the Humanities,*
[2] *Ardahan University, Türkiye*

Abstract: this study examines, on the basis of archaeological data, the bracelets found in the kurgans of the Scythian era in the North Caucasus (8th–4th centuries BC). The research argues that bracelets were not merely ornaments; rather, they served as indicators reflecting a person's social class, gender, military rank and cultural affiliation. The sample comprises finds from eleven kurgans discovered in the necropoleis of Nartan I, Razmenny, Novozavedennoe-III, Dysh IV and Elkhotovsky. Methodologically, the work applies structural classification together with contextual assessment focused on the original position of the objects on the skeleton (in situ) and on the accompanying finds (weapons, spindle whorls, and so on). The results demonstrate clear differences in the use of bracelets depending on gender and social status. The presence of multiple iron and bronze bracelets in the graves of male warriors (for example, a group of nine bracelets in kurgan 6 of Nartan I) is interpreted as a kind of protective equipment for archers and warriors and as a marker of military status. In female graves and burials reflecting the local Kuban tradition, single bronze plates or items with copper beads predominate. In aristocratic graves at the top of the social hierarchy, bronze and iron were replaced by bimetallic items combining precious metals (gold and silver). Moreover, a coil of wire 0.5–0.7 cm in diameter found in the Dysh IV kurgan is assessed as a status element displaying wealth directly in the form of raw material. As a result, it is established that in Scythian burial rites bracelets were selected deliberately and were permanent objects reflecting a person's position in the social hierarchy.

Keywords: scythian kurgans, bracelets, burial adornments, North Caucasus, social status, gender identity

For citation: *Vural Chagatay Bracelets as indicators of social status, gender and identity in a series of Scythian-period kurgans in the North Caucasus. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 232 – 240. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-232-240*

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

У скифов не только на Северном Кавказе, но и на всей территории их расселения для умерших всегда старались устроить могилу – большую или маленькую. Иногда эти могилы имели форму кургана, а иногда представляли собой просто яму, выкопанную в земле. При этом особенности могилы зависели от того, кем был умерший. То же самое относится и к предметам, которые помещались в могилу вместе с телом: как к тем, что клались на тело, так и к тем, что клались рядом с ним. Скифы выбирали украшения, которые они помещали на тело (браслеты, ожерелья, серьги, нашивные блящки и т.д.), отнюдь не случайно, а в рамках определенной системы мыслей и верований, и оставляли их в могиле. Они не просто оставляли какие-то украшения: материал, из которого они были изготовлены, их форма, композиция или символика, изображенные на них, тщательно обдумывались, прорабатывались и размещались в могиле [22].

Исследователи скифской культуры занимаются изучением этой темы уже около 250 лет, начиная с открытия кургана Литой в 1763 году и продолжая более систематическими исследованиями, проводившимися после открытия кургана Куль-Оба в 1830 году [11]. Они провели весьма значимые раскопки и наземные исследования в области скифской археологии, а также подготовили ряд научных трудов. В частности, на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX веков чрезвычайно важную роль сыграли исследования таких ученых, как Веселовский и Крупнов [14]. Продолжающиеся до сих пор исследования на многих различных курганах наполнили музеи и обеспечили значительный объем материала [18]. Однако найденные за эти долгие годы материалы зачастую были занесены в списки как обычные находки, и их социологическое значение (в контексте количества, материала и пола) не было достаточно тщательно изучено.

Материалы и методы исследований

Основной материал данной работы составляют браслеты, изготовленные из различных материалов и найденные в 11 отдельных могилах/курганах на территории пяти различных некрополей, расположенных в разных регионах Северного Кавказа и охватывающих обширный временной диапазон с VIII по IV века до нашей эры [10]. Эти курганы и их археологический контекст представлены следующим образом: семь курганов (курганы 3, 5, 6, 7, 8, 10, 17) из некрополя Нартан I в Республике Кабардино-Балкария; курган 3 из разменного поля раннего скифского периода в Ставропольском крае, раскопанного в 1897 году Н. И. Веселовским в 1897 году на могильнике Разменный, относящемся к раннему скифскому периоду; курган № 3; курган № 1 из элитного комплекса Новозаведенное-III в Ставропольском крае, раскопанного Московским государственным университетом; Курган № 1 из могильника Дыш IV в Республике Адыгея, а также могила № 82 из наземного могильника Эльхотовский в Республике Северная Осетия-Алания, отражающая традиции кубанской культуры позднего бронзового века доскитского и раннего скифского периодов [17].

В качестве первого метода при анализе браслетов была использована структурная и морфологическая классификация. Классификация браслетов скифского периода построена на основе трёх основных морфологических признаков. Было изучено, имеют ли браслеты форму замкнутого кольца, кольца с открытыми концами, спирали, скрученного (завитого) кольца, пластинчатого кольца, проволочного кольца или кольца из нанизанных бусин. Определялось, имеют ли их сечения круглую, овальную или плоскую форму. Исследовалось, являются ли концы браслетов заостренными, утолщенными, сплющенными или загнутыми наружу. Кроме того, были классифицированы гравировки и украшения на поверхности браслетов из кургана 6 в Нартане I, в частности, параллельные линии, сетчатые узоры и крестообразные мотивы, выгравированные на уплощенных концах. Предметы классифицированы по сырью, из которого они изготовлены (медь, бронза, железо, серебро, золото), а также по особенностям совместного использования различных металлов. То, с помощью каких технологий изготовления (литье, ковка, гибка или позолота) были получены эти украшения, рассматривалось в качестве одного из основных критериев при определении социальной иерархии [3].

На втором этапе металлические браслеты анализировались не просто как музейные экспонаты, а с учетом их контекста в погребальной камере (их положения in situ) и непосредственной связи с человеческим скелетом. Место нахождения браслета на скелете предоставляет важную информацию. Такие положения находки, как многократное использование, охватывающее обе запястья, размещение на уровне груди, положение непосредственно перед лицом или единичное использование непосредственно на левой/правой руке, были использованы для различения функций украшения как «доспеха», «эстетического украшения» или «ритуального предмета». Кроме того, как в случае с Дыш IV, оставление мотка толстой проволоки в качестве запаса сырья для будущего производства огромного браслета, а не готового изделия, также было оценено как пространственный и экономический индикатор. Определение пола было подкреплено не только строением костей, но и сопутствующими инвентарными предметами, служащими индикаторами пола. Например, остатки глиняного грузила и костяная игла, найденные в кургане 5 Нартан I, были использованы для подтверждения женской идентичности. Короткий железный нож из кургана 3 и наборы стрел из кургана 6, в свою очередь, позволили соотнести скелет с идентичностью воина-мужчины [12].

Числовая плотность и асимметрия в использовании браслетов были рассмотрены в контексте социального статуса. В отличие от использования единичных браслетов в провинциальных захоронениях (например, одного пластинчатого браслета на левой руке), скопление девяти тяжелых металлических браслетов (из железа и бронзы) на скелете воина было включено в анализ в качестве количественного и математического доказательства милитаризованной силы. В привилегированных двойных захоронениях разрыв в распределении браслетов и предметов между главным господином и принесенным в жертву слугой также является одним из основных методов определения социальной иерархии [16].

Результаты и обсуждения

Количество браслетов у воинов-мужчин весьма значительно. Эти тяжёлые украшения выполняют скорее функцию военного снаряжения или доспехов, чем эстетическую. Наиболее ярким примером является курган 6 в Нартане I (рис. 4). На руках мужчины, погребённого в этом захоронении, было обнаружено в общей сложности девять браслетов: один железный и восемь бронзовых. Концы этих браслетов были сплющены, и на них были выгравированы параллельные линии и кресты. В кургане Нартан I № 7 на запястьях мужского скелета обнаружен бронзовый браслет, состоящий из перекрещивающихся тонких проволок. Кроме того, непосредственно перед его лицом были обнаружены еще три бронзовых браслета, один из которых имел изогнутую форму. В кургане 8 Нартана I (рис. 3) на уровне груди основного скелета находится толстый бронзовый браслет со сплющенными концами. На левой руке мужчины из кургана 3 в Нартане I же был

обнаружен бронзовый браслет, изготовленный из тонкой овальной проволоки (рис. 6) . Все эти данные свидетельствуют о том, что мужчины-воины украшали свои руки множеством тяжелых металлических украшений [9].

В отличие от массивных наборов тяжелых металлов, найденных в погребениях воинов, браслеты в захоронениях женщин и местного населения отличаются своей единичностью и скромностью. На левом запястье женщины, погребенной в кургане Нартан I № 5, был обнаружен простой браслет из бронзовой проволоки (рис. 5). В захоронении № 82 в Эльхотовском могильнике, сохранившем традиции доскифской кубанской культуры, покоится молодая женщина [20]. На руке этой женщины вместо проволочного браслета находится браслет из бронзовой пластины с загнутыми концами. У покойного низкого социального статуса, погребенного в кургане № 3 в Разменном Могильнике, относящемся к раннему периоду (VIII–VII вв. до н. э.), на левой руке нет тяжелых металлических украшений [19]. Использовался лишь браслет, нанизанный из простых медных бусин. Единственный бронзовый браслет из проволоки, найденный среди разбросанных костей в кургане 17 в Нартане I, также является примером такого стандартного консервативного использования (рис. 1).

На верхней ступени социальной иерархии место обычной бронзы и железа заняли серебро и золото. В кургане № 10 в Нартане I у лежащего на спине человека в руках обнаружены два проволочных браслета: один из серебра, другой из бронзы (рис. 2). Совместное использование двух драгоценных металлов (биметаллизм) является явным признаком знатности [6]. Вершина богатства в металлическом плане прослеживается в мужском захоронении кургана 1 в Новозаведенном-III. На руке этого представителя элиты в возрасте 20-40 лет был обнаружен спиральный браслет из серебряной проволоки с позолотой [13]. Еще одним ярким проявлением аристократической власти является курган № 1 в Дыше IV. В этой могиле, предположительно принадлежавшей женщине высокого статуса, вместо готового браслета был обнаружен огромный моток металлической проволоки, отложенный в качестве сырья для изготовления массивного браслета [7]. Прямое демонстрирование экономического богатства в виде сырья представляет собой чрезвычайно примечательный факт.

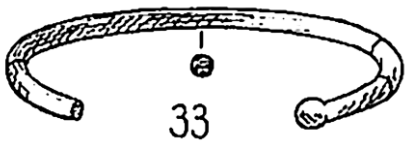


Рис. 1. Браслет из бронзовой проволоки из кургана 17 некрополя Нартан I (по: Батчаев В.М., 1985, с. 99).
Fig. 1. Bracelet made of bronze wire from burial mound 17 of the Nartan I necropolis (according to: Batchaev V.M., 1985, p. 99).

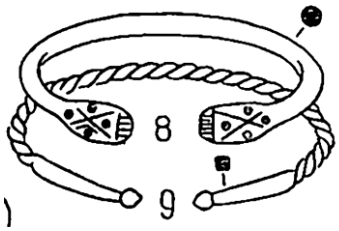


Рис. 2. Серебряный и бронзовый проволочные браслеты из кургана 10 некрополя Нартан I (по: Батчаев В.М., 1985, с. 82).
Fig. 2. Silver and bronze wire bracelets from burial mound 10 of the Nartan I necropolis (after: Batchaev V.M., 1985, p. 82).

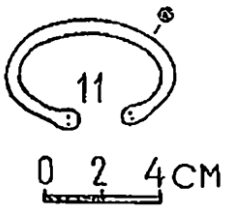


Рис. 3. Бронзовый браслет со сплющенными концами из кургана 8 некрополя Нартан I (по: Батчаев В.М., 1985, с. 76).
Fig. 3. Bronze bracelet with flattened ends from burial mound 8 of the Nartan I necropolis (after: Batchaev V.M., 1985, p. 76).

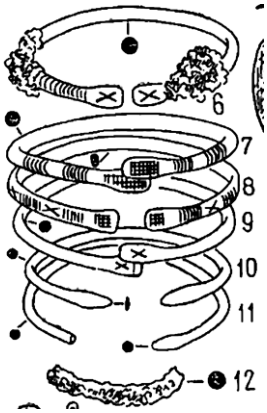


Рис. 4. Набор браслетов из кургана 6 некрополя Нартан I (по: Батчаев В.М., 1985, с. 74).
Fig. 4. Set of bracelets from burial mound 6 of the Nartan I necropolis (after: Batchaev V.M., 1985, p. 74).

Рис. 5. Браслет из бронзовой проволоки из кургана 5 некрополя Нартан I (по: Батчаев В.М., 1985, с. 72).
Fig. 5. Bracelet made of bronze wire from burial mound 5 of the Nartan I necropolis (after: Batchaev V.M., 1985, p. 72).

Рис. 6. Браслет из тонкой овальной проволоки из кургана 3 некрополя Нартан I (по: Батчаев В.М., 1985, с. 67).
Fig. 6. Bracelet made of thin oval wire from burial mound 3 of the Nartan I necropolis (after: Batchaev V.M., 1985, p. 67).

Результаты, полученные на основе анализа данных по 11 конкретным курганам, свидетельствуют о том, что браслеты, обнаруженные в погребальных инвентарях скифского периода на Северном Кавказе, не были лишь декоративными украшениями. В археологических исследованиях костюма хорошо сохранившиеся металлические аксессуары и украшения считаются не просто украшениями, но и политическими символами, наследием элиты и ярким отражением социальной иерархии [4]. Материал, из которого изготовлены браслеты, форма изготовления, их расположение на теле и количественная концентрация в погребении составляют строгую систему индикаторов, определяющих пол погребенного, его местную культуру, воинское звание и место в социальной иерархии [21]. Результаты исследования можно обобщить в рамках следующих трех основных тем дискуссии, демонстрирующих, что эти предметы, являющиеся частью костюма, следует рассматривать не изолированно, а как часть единого целого:

Анализ противопоставления мужской милитаризации и женской/местной эстетики показывает, что ношение браслетов характеризуется явной асимметрией в контексте гендерных и социальных ролей. В погребениях скифского периода браслеты, как правило, обнаруживаются на обеих руках, на запястьях и редко на плечах или предплечьях, при этом драгоценные металлы, такие как золото, были характерны исключительно для самых богатых погребений, в остальных случаях преимущественно использовались железо и бронза. В погребениях воинов-мужчин эти железные и бронзовые браслеты выступают скорее не как эстетическое украшение, а как милитаризованная «броня для тела» или физическая демонстрация силы [24]. Девять тяжелых браслетов, из которых один железный и восемь бронзовых, покрывавшие руки мужчины, погребенного в кургане 6 Нартан I, а также четыре тяжелых бронзовых браслета из кургана 7 Нартан I доказывают, что мужское снаряжение основывалось на использовании массивных металлических изделий. Эта мужская массивность подтверждается также данными из других регионов скифского мира; так, в элитных курганах, таких как Чертомлик, было установлено, что браслеты, принадлежавшие мужчинам-воинам, изготавливались в форме, которая была в полтора-два раза шире и тяжелее по сравнению с другими браслетами [2].

В то же время в женских могилах и в погребениях местного консервативного типа избегали использования массивных изделий и тяжелых металлов. Единичный браслет из бронзовой проволоки на руке женского погребения в кургане 5 в Нартане I, браслет из бронзовой пластинки с загнутыми концами в могиле 82 в Эльхотовском, отражающий местную кубанскую традицию, или ряд медных бусин в кургане 3 в Разменном представляют собой более наивные эстетические предпочтения [23]. Это создает впечатление, что тяжелые металлы символизировали мужскую военную мощь, а скромные и единичные предметы – «местную/женскую идентичность», закрытую от внешних влияний.

Браслеты как показатель классовой иерархии и родовой власти в двойных захоронениях позволяют нам четко проследить классовый разрыв между господином и слугой (или жертвой) в скифском обществе. В двойных захоронениях курганов 7 и 8 в Нартане I скелеты главных (элитных) погребенных были украшены тяжелыми бронзовыми браслетами и металлическими кольцами, тогда как на второстепенных погребенных, принесенных в жертву, браслетов не было или были оставлены лишь разбросанные бусины. Видно, что эта металлическая показность, являющаяся символом классовых привилегий, была не только заслуженным воинским званием, но и врожденным (основанным на родословной) правом. Например, в детском погребении в Толстой Могиле – одном из богатейших курганов скифского мира – обнаружение на руке ребёнка браслета, изготовленного непосредственно из золота 958-й пробы (высочайшей чистоты) , доказывает, что право носить драгоценные металлы на теле было наследственной привилегией, присущей аристократическим семьям [5]. Вместе с тем современные исследования обращают внимание на вопрос о том, были ли эти украшения предметами, которые человек носил в повседневной жизни при жизни, или же они были изготовлены специально для погребального ритуала; точный ответ на этот вопрос возможен лишь с помощью детального металлографического и спектрального анализа.

Диахроническая (временная) эволюция, биметаллизм и сырьевой потенциал – эволюция формы и материалов браслетов отражает экономическое развитие скифской элиты на протяжении времени. Процесс, начавшийся с простых нанизок медных бусин VIII-VII веков до н.э. (ранний период), со временем перерос в биметаллизм (совместное использование серебра и бронзы в кургане 10 Нартана I). К V и, особенно, IV векам до н. э. (Поздний период) обычные изделия из бронзы и железа полностью уступили место роскошным украшениям и требующему высокого мастерства золотому делу. Серебряный спиральный браслет с позолотой, найденный в кургане № 1 в Новозаведенном-III, является наиболее ярким свидетельством этого перехода [15]. Некоторые исследователи отмечают, что обогатившаяся в этот период скифская аристократия зачастую заказывала подобные престижные украшения специально у греческих/боспорских мастеров из Северного Причерноморья и его окрестностей [1].

Одним из наиболее ярких проявлений этой экономической мощи является курган № 1 на кургане Дыш IV. В этом кургане вместо готового браслета был оставлен огромный моток металлической проволоки толщиной от 0,5 до 0,7 см, предназначенный в качестве запаса сырья для изготовления гигантского браслета; это является уникальной демонстрацией могущества, в которой богатство представлено непосредственно в виде «потенциального сырья» [8].

Выводы

Курганы эпохи скифов на Северном Кавказе демонстрируют, что одежда и украшения не являются просто подарками умершим (ювелирными изделиями); напротив, они представляют собой идеологические инструменты, с помощью которых скифская аристократия строила свою власть, гендерную иерархию и культурную легитимность на теле. Находки браслетов в 11 проанализированных могилах ясно показывают, что: девятислойные железо-бронзовые наборы на мужских руках представляют собой доспех, прославляющий войну и мужское господство; одиночные бронзовые пластины или медные формы в женских и местных кубанских погребениях являются консервативным знаком идентичности провинции; а серебряные, золотые и биметаллические спирали – это печать классовой власти высшего слоя. В результате браслет, носимый на руке в скифский период, выполнял функцию строгого «социального паспорта», который мгновенно выдавал классовую принадлежность, пол и социальный статус человека и не терял своей актуальности даже после смерти.

Список источников

1. Alexeyev A.Yu., Korolkova E.F., Rjabkova T.V., Stepanova E.V. The Scythians and their cultural contacts // The BP exhibition Scythians: warriors of ancient Siberia / edited by St John Simpson, Svetlana Pankova. London : British Museum; Thames and Hudson, 2017. P. 276 – 321.

2. Bokovenko N.A. Tuva during the Scythian period // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age / edited by Jeannine Davis-Kimball, Vladimir A. Bashilov, Leonid T. Yablonsky. Berkeley: Zinat Press, 1995. P. 265 – 281.

3. Лысенко С.С. Скифские браслеты и кольца с выступами из могильника у села Глиное // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 1. С. 69 – 81. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2021.1.5

4. Закордонец О.А. Костюм и украшения населения Дунайско-Днестровских степей по материалам скифских памятников: дис. ... канд. наук / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2024. 357 с.

5. Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа / Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 272 с.

6. Алексеев А.Ю. «Старшие» келермесские курганы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. Москва: Гриф и К, 2008. С. 9 – 10.

7. Андреева М.В., Гей А.Н. Дыш IV – новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье // Археологические открытия 2010-2013 годов / отв. ред. Н.В. Лопатин. Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2015. С. 316 – 318.

8. Андреева М.В., Гей А.Н., Очиров Д.В., Успенский П.С. Дыш IV – новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье (раскопки 2011 года в Республике Адыгея) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Международной научной конференции, Махачкала, 23-28 апреля 2012 года / под ред. М.С. Гаджиева. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 154 – 155.

9. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 годах. Т. 2 / ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7 – 115.

10. Северо-Кавказская II экспедиция // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1939. Выпуск I / отв. ред. С.Н. Бибиков. С. 29.

11. Власова Е.В. Куль-Оба // Боспорские исследования. 2006. Выпуск XIII. С. 47 – 53.

12. Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // Российская археология. 1993. № 1. С. 76 – 77.

13. Канторович А.Р., Маслов В.Е., Ениосова Н.В., Орфинская О.В. и др. Загадочный предмет из кургана № 1 скифского могильника Новозаведенное-III (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. 2023. Вып. 270. С. 235 – 249. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.270.235-249

14. Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды. История и культура племён Кабардино-Пятигорья и Северо-Западного Кавказа в I тысячелетии до н.э. // Учёные записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик : Кабардинское государственное издательство, 1952. Т. VII. С. 3 – 62.

15. Маслов В.Е., Канторович А.Р. Исследования могильника Новозаведенное III // Археологические открытия. 2018 год / отв. ред. Н.В. Лопатин. Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2020. С. 314 – 316.

16. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 8 5 –98.

17. Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 год: с 7 таблицами и 288 рисунками в тексте. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1901. 221 с.

18. Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 год: с 6 таблицами и 258 рисунками в тексте. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1912. [4], 226 с., 6 л. табл.

19. Отчет Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1913. [1], 289 с., 3 л. ил.

20. Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 год: с 321 политипажем в тексте. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1900. 191 с.

21. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III веков до н.э. Москва: Наука, 1978. 144 с., 52 л. табл. (Свод археологических источников; выпуск Д4-5).

22. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. Москва: Наука, 1989. С. 216 – 223. (Археология СССР).

23. Полідович Ю.Б. Скіфські пластинчасті браслети IV ст. до н.е. // Археологія і давня історія України. 2024. Вип. 2 (51). С. 109 – 126.

24. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. Москва: Восточная литература РАН, 2006. 661, [3] с. (Культура народов Востока).

References

1. Alexeyev A.Yu., Korolkova E.F., Rjabkova T.V., Stepanova E.V. The Scythians and their cultural contacts. The BP exhibition Scythians: warriors of ancient Siberia. edited by St John Simpson, Svetlana Pankova. London: British Museum; Thames and Hudson, 2017. P. 276 – 321.

2. Bokovenko N.A. Tuva during the Scythian period. Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. edited by Jeannine Davis-Kimball, Vladimir A. Bashilov, Leonid T. Yablonsky. Berkeley: Zinat Press, 1995. P. 265 – 281.

3. Lysenko S.S. Scythian bracelets and rings with protrusions from a burial ground near the village of Glinoye. Lower Volga Archaeological Bulletin. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 69 – 81. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2021.1.5

4. Zakordonets O.A. Costume and jewelry of the population of the Danube-Dniester steppes based on materials from Scythian sites: Cand. Sci. Dissertation. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2024. 357 p.

5. Alekseev A.Yu. Gold of the Scythian kings in the Hermitage collection. State Hermitage Museum. St. Petersburg: State Hermitage Museum Publishing House, 2012. 272 p.

6. Alekseev A.Yu. “Older” Kelermes mounds. Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal. T. II. resp. ed.: A.P. Derevianko, N.A. Makarov. Moscow: Grif i K, 2008. P. 9 – 10.

7. Andreeva M.V., Gey A.N. Dysh IV – a new cult-funerary monument of the early Iron Age in Ciscaucasia. Archaeological discoveries of 2010-2013. resp. ed. N.V. Lopatin. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 316 – 318.

8. Andreeva M.V., Gey A.N., Ochirov D.V., Uspensky P.S. Dysh IV – a new cult and burial monument of the Early Iron Age in the Ciscaucasia (excavations of 2011 in the Republic of Adygea). The latest discoveries in the archaeology of the North Caucasus: research and interpretation. XXVII Krupnov readings: proceedings of the International scientific conference, Makhachkala, April 23-28, 2012. Edited by M.S. Gadzhiev. Makhachkala: Mavraev, 2012. P. 154 – 155.

9. Batchaev V.M. Antiquities of the Pre-Scythian and Scythian periods. Archaeological research at new construction sites in Kabardino-Balkaria in 1972-1979. Vol. 2. Edited by M.P. Abramov, V.I. Kozenkov. Nalchik: Elbrus, 1985. P. 7 – 115.

10. North Caucasian II Expedition. Brief Communications on the Reports and Field Research of the Institute for the History of Material Culture. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. Issue 1. ed. S.N. Bibikov. p. 29.

11. Vlasova E.V. Kul-Oba. Bosporan Studies. 2006. Issue XIII. P. 47 – 53.

12. Gulyaev V.I. Funeral Rituals: Structure, Semantics, and Social Interpretation (Introduction to the Discussion). Rossiyskaya Archeologiya. 1993. No. 1. P. 76 – 77.

13. Kantorovich A.R., Maslov V.E., Eniosova N.V., Orfinskaya O.V. and others. A Mysterious Item from Mound No. 1 of the Scythian Burial Ground Novozavedennye-III (Preliminary Report). Brief Communications of the Institute of Archaeology. 2023. Issue 270. P. 235 – 249. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.270.235-249

14. Krupnov E.I. Ancient History of Kabarda. History and Culture of the Tribes of Kabardino-Pyatigory and the Northwestern Caucasus in the 1st Millennium BC. Scientific Notes of the Kabardin Research Institute. Nalchik: Kabardin State Publishing House, 1952. Vol. VII. P. 3 – 62.

15. Maslov V.E., Kantorovich A.R. Research of the Novozavedennoe III Burial Ground. Archaeological Discoveries. 2018. Ed. N.V. Lopatin. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 314 – 316.

16. Olkhovsky V.S. Funeral Rituals and Sociological Reconstructions. Rossiyskaya Archeologiya. 1995. No. 2. P. 85 – 98.

17. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898: with 7 tables and 288 figures in the text. St. Petersburg: Printing House of the Main Administration of Appanages, 1901. 221 p.

18. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908: with 6 tables and 258 figures in the text. Saint Petersburg: Printing House of the Main Administration of Appanages, 1912. [4], 226 p., 6 sheets of plates.

19. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909 and 1910. Saint Petersburg: Printing House of the Main Administration of Appanages, 1913. [1], 289 p., 3 sheets of plates.

20. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1897: with 321 polytypes in the text. Saint Petersburg: Printing House of the Main Administration of Appanages, 1900. 191 p.

21. Petrenko V.G. Jewelry of Scythia in the 7th-3rd centuries BC. Moscow: Nauka, 1978. 144 p., 52 sheets of plates. (Collection of archaeological sources; issue D4-5).

22. Petrenko V.G. Scythians in the North Caucasus. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. ed. A.I. Melyukov. Moscow: Nauka, 1989. P. 216 – 223. (Archaeology of the USSR).

23. Polidovich Yu.B. Skifsky plastin-shaped bracelets of the 4th century BC. Archaeology and ancient history of Ukraine. 2024. Issue 2 (51). P. 109 – 126.

24. Yatsenko S.A. Costume of ancient Eurasia: Iranian-speaking peoples. Moscow: Vostochnaya Literature of the Russian Academy of Sciences, 2006. 661, [3] pp. (Culture of the peoples of the East).

Информация об авторе

Вурал Чагатай, аспирант, младший научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук; Университет Ардахана, Турция, aavural93@gmail.com

© Вурал Чагатай, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.2:08+930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-241-248

Сетевой подход как методология исследования истории присоединения и освоения окраин Российской Империи

[1] Герман Р.Э.,
[1] Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация: статья посвящена обоснованию эвристических возможностей сетевого подхода как методологии изучения процессов присоединения, интеграции и хозяйственного освоения окраинных территорий Российской империи в XVI – начале XX в. Целью исследования является определение познавательного потенциала и границ применимости сетевой методологии в имперской историографии, где до настоящего времени доминируют модели «центр – периферия» и фронтирная парадигма. В работе решаются следующие задачи: раскрывается содержание сетевого подхода как общенаучной методологии; прослеживается его адаптация к задачам исторической науки в рамках исторического сетевого анализа и акторно-сетевой теории; выявляются аналитические категории (узел, связь, центральность, посредничество, слабые связи), пригодные для реконструкции механизмов имперской экспансии; анализируются конкретные исследовательские кейсы – сибирская колонизация, инкорпорация степной периферии и Северного Кавказа, трансграничные торговые сети. Показано, что сетевой подход позволяет преодолеть жесткий дуализм «центра» и «окраины», представив империю как многоуровневую конфигурацию персональных, административных, конфессиональных и экономических связей, а фигуру посредника (брокера) – как ключевого агента интеграции. Практическое значение исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке программ конкретно-исторических исследований региональной и имперской истории, в преподавании курсов методологии истории и исторической информатики, а также при проектировании баз данных и цифровых инструментов анализа исторических источников.

Ключевые слова: сетевой подход, исторический сетевой анализ, акторно-сетевая теория, методология истории, Российская империя, имперские окраины, фронтир, культурные посредники, историческая информатика

Для цитирования: *Герман Р.Э. Сетевой подход как методология исследования истории присоединения и освоения окраин Российской Империи // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 241 – 248. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-241-248*

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The network approach as a methodology for researching the history of the annexation and development of the outskirts of the Russian Empire

[1] German R.E.,
[1] Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article is devoted to substantiating the heuristic possibilities of the network approach as a methodology for studying the processes of accession, integration and economic development of the marginal territories of the Russian Empire in the XVI – early XX century. The purpose of the study is to determine the cognitive potential and the limits of applicability of network methodology in imperial historiography, which is still dominated by the models «center – periphery» and the frontier paradigm. The paper solves the following tasks: the content of the network approach as a general scientific methodology is revealed; its adaptation to the tasks of historical science within the framework of historical network analysis and actor-network theory is traced; analytical categories (node, link, centrality, mediation, weak links) are identified that are suitable for reconstructing the mechanisms of imperial expansion; specific research cases are analyzed – Siberian colonization, incorporation of the steppe periphery and the North Caucasus, cross-border trade networks. It is shown that the network approach makes it possible to overcome the rigid dualism of the «center» and the «outskirts» by presenting the empire as a multilevel configuration of personal, administrative, confessional and economic ties, and the figure of an intermediary (broker) as a key agent of integration. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in the development of programs for specific historical research of regional and imperial history, in teaching courses in the methodology of history and historical informatics, as well as in designing databases and digital tools for analyzing historical sources.

Keywords: network approach, historical network analysis, actor-network theory, methodology of history, Russian Empire, imperial outskirts, frontier, cultural intermediaries, historical informatics

For citation: *German R.E. The network approach as a methodology for researching the history of the annexation and development of the outskirts of the Russian Empire. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 241 – 248. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-241-248*

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

История территориального расширения Российского государства и последующей интеграции присоединенных земель принадлежит к числу наиболее разработанных сюжетов отечественной и зарубежной историографии. В месте с тем методологический инструментарий, при помощи которого этот процесс осмысляется, обновляется заметно медленнее, чем накапливается эмпирический материал. На протяжении длительного времени исследовательское поле было структурировано двумя объяснительными моделями. Первая – модель «центр – периферия», в рамках которой окраина рассматривается преимущественно как объект управленческих, фискальных и культурных воздействий имперского центра. Вторая – фронтирная парадигма, акцентирующая внимание на подвижной контактной зоне, где взаимодействуют государственные институты, колонисты и автохтонное население. Обе модели доказали свою продуктивность, однако обе же обладают известными ограничениями: первая склонна недооценивать субъектность локальных акторов и горизонтальные взаимодействия, вторая – растворять институциональное измерение экспансии в описании культурного пограничья.

Так называемый «имперский поворот» рубежа XX-XXI вв. существенно усложнил картину, представив Российскую империю как гетерогенное, композитное политическое образование, управлявшееся через «политику различия» и ситуативные соглашения с региональными элитами [3; 2]. Логическим продолжением этой историографической тенденции представляется обращение к сетевому подходу – методологии, описывающей социальную реальность не через совокупность иерархически упорядоченных структур, а через конфигурации связей между акторами. Именно связи – родственные, служебные, клиентельные, торговые, конфессиональные – во многом определяли реальные механизмы присоединения и удержания окраин, зачастую расходившиеся с нормативной картиной, зафиксированной в законодательстве.

Цель настоящей статьи – определить исследовательский потенциал сетевого подхода как методологии изучения истории присоединения и освоения окраин Российской империи. Достижение цели предполагает решение трех задач: во-первых, характеристику сетевого подхода как общенаучной методологии; во-вторых, анализ опыта его адаптации в исторической науке; в-третьих, оценку его применимости к имперской проблематике, включая разбор конкретных исследовательских кейсов. Научная новизна работы состоит в систематизации разрозненного опыта применения сетевых категорий к истории российской имперской экспансии и в формулировании принципов построения соответствующей исследовательской программы.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил комплекс научных текстов трех типов. Первый тип – теоретико-методологические работы, заложившие основания сетевого анализа в социальных науках: классические статьи о силе слабых связей и о сетевых основаниях политического возвышения Медичи [10; 12], обобщающие руководства по анализу социальных сетей [15], а также труды по акторно-сетевой теории [4]. Второй тип – работы, посвященные рецепции сетевой методологии исторической наукой: программные статьи об историческом сетевом анализе [9; 16; 11], исследования поисторической информатике и математическому моделированию исторических процессов [2; 1], а также новейшие обобщения «сетевого поворота» в гуманитарных науках [6]. Третий тип – конкретно-исторические исследования имперской проблематики, в которых сетевые категории применяются эксплицитно или имплицитно: труды по сравнительной истории империй [8; 7], по истории степной периферии и колонизации южных и восточных окраин России [14; 5], по истории евразийских пограничий [13], а также обобщающие работы по истории России как многонационального государства [3].

Методологическую основу работы составляет историографический анализ в сочетании со сравнительно-методологическим подходом: сетевая методология сопоставляется с конкурирующими объяснительными моделями (структурно-функциональной, миросистемной, фронтирной) по критериям объяснительной силы, верифицируемости и совместимости с источниковой базой имперской истории. Использован также метод концептуального анализа, позволяющий проследить трансформацию базовых категорий сетевого анализа (узел, ребро, центральность, плотность, структурная дыра, брокер) при их переносе из социологии и математической теории графов в историческую науку. При разборе кейсов применяется метод вторичного анализа: результаты конкретно-исторических исследований переописываются в сетевых терминах, что даетвозможность оценить, какие содержательные приращения обеспечивает подобное переописание и какие искажения оно потенциально порождает.

Результаты и обсуждения

Сетевой подход как общенаучная методология. Сетевой подход сформировался на пересечении математической теории графов, структурной социологии и антропологии середины XX в. Его исходная посылка состоит в том, что свойства социального актора определяются не столько его атрибутами (сословной принадлежностью, богатством, должностью), сколько его положением в структуре отношений с другими акторами. Формально сеть описывается как множество узлов (вершин) и связей (ребер) между ними; содержательно – как относительно устойчивая конфигурация взаимодействий, через которую циркулируют ресурсы, информация, обязательства и лояльности. Аналитический аппарат подхода включает показатели центральности (по степени, по посредничеству, по близости), плотности и связности сети, понятия клики, структурной эквивалентности и структурной дыры [15].

Принципиальное значение для последующего исторического применения имели два теоретических результата. Первый – концепция «силы слабых связей» М. Грановеттера, показавшего, что редкие и неинтенсивные контакты между представителями разных плотных групп играют решающую роль в распространении информации и инноваций, поскольку связывают иначе изолированные сегменты общества [10]. Второй – исследование Дж. Паджетта и К. Энселла о возвышении рода Медичи, продемонстрировавшее, что политическое доминирование может строиться не на формальных институтах, а на уникальной позиции семьи в пересечении брачных, экономических и патронажных сетей Флоренции [12]. Оба результата задали образец объяснения макрополитических исходов через микроструктуру связей – образец, непосредственно значимый для истории империй.

Особую версию сетевой методологии представляет акторно-сетевая теория Б. Латура, в которой сеть понимается не как формализуемый граф, а как гетерогенное объединение людей и «нечеловеческих» акторов – вещей, документов, технологий, природных объектов [4]. Для историка империи это означает возможность включить в анализ материальную инфраструктуру экспансии: остроги и крепостные линии, тракты и телеграф, ясачные книги и межевые планы, которые не просто «отражали» имперскую власть, но сами производили и стабилизировали ее на удаленных территориях.

Сетевой подход в методологии исторических исследований. Рецепция сетевого анализа исторической наукой началась в 1990-е гг. и была осмыслена в программных публикациях Б. Эриксон и Ч. Уэзерелла, обозначивших как перспективы, так и специфические трудности «исторического сетевого анализа»: фрагментарность источников, невозможность опросить акторов, необходимость реконструировать связи по косвенным данным – актовым материалам, переписям, метрическим книгам, спискам поручителей и восприемников [9; 16]. К. Лемерсье в обобщающей работе сформулировала методические правила применения формальных сетевых методов в истории, подчеркнув, что ценность подхода состоит не в изготовлении эффектных визуализаций, а в проверяемой операционализации понятий «связь» и «отношение» применительно к конкретному источниковому комплексу [11].

В отечественной науке развитие исторического сетевого анализа шло преимущественно в русле исторической информатики и квантитативной истории. И.М. Гарскова показала, что сетевые методы стали закономерным этапом эволюции этого междисциплинарного направления, связанным с распространением просопографических баз данных и программных средств анализа графов [2]. Л.И. Бородкин рассматривает сетевые модели в контексте более широкой проблематики математического моделирования исторических процессов, обращая внимание на необходимость содержательной интерпретации формальных показателей [1]. Наконец, коллективная работа о «сетевом повороте» в гуманитарных науках зафиксировала переход от использования сетей как техники к использованию сети как способа мышления, при котором сетевые категории организуют сам постановку исследовательских вопросов [6].

Таким образом, к настоящему времени в исторической науке сложились три режима работы с сетевой методологией: метафорический (сеть как образ, организующий нарратив), качественно-аналитический (систематическая реконструкция связей без формальных вычислений) и формально-квантитативный (построение графов и расчет сетевых метрик на основе баз данных). Для имперской проблематики, как будет показано ниже, продуктивны все три режима, однако наибольшее приращение знания дает их сочетание.

Империя как сеть: общий аналитический потенциал подхода. Применимость сетевой методологии к истории империй была убедительно продемонстрирована на османском материале К. Барки, интерпретировавшей империю как структуру типа «втулка и спицы» (hub-and-spoke): центр поддерживает вертикальные связи с каждым сегментом периферии, одновременно ограничивая горизонтальные связи между самими сегментами и извлекая выгоду из положения обязательного посредника [7]. Дж. Бурбанк и Ф. Купер распространили сходную логику на сравнительную историю империй, показав, что долговечность имперских образований обеспечивалась гибкими «репертуарами власти» и персональными связями государей с разнородными элитами [8]. Российская империя, управлявшая окраинами через дифференцированные правовые режимы, кооптацию местной знати и институты подданства, представляет собой едва ли не идеальный объект для подобного анализа [3].

Переописание российской экспансии в сетевых терминах позволяет сформулировать ряд исследовательских вопросов, плохо различимых в оптике традиционных подходов. Во-первых, вопрос о структуре имперской сети: какова была реальная плотность и конфигурация связей между центром и конкретной окраиной, между соседними окраинами, внутри региональных сообществ? Во-вторых, вопрос о посредниках: какие акторы занимали позиции брокеров, заполнявших «структурные дыры» между имперской администрацией и локальными обществами, и какие ресурсы им это давало? В-третьих, вопрос о динамике: как менялась топология сети на разных стадиях инкорпорации – от первых договорных отношений и шертных присяг до административной унификации? В-четвертых, вопрос о материальных носителях связей: как инфраструктура (укрепленные линии, почтовые тракты, ярмарки, миссионерские станы) создавала и закрепляла каналы циркуляции ресурсов и лояльностей?

Существенно, что сетевой подход снимает жесткое противопоставление «завоевания» и «мирного вхождения», вокруг которого десятилетиями строились историографические дискуссии. С сетевой точки зрения присоединение окраины – это процесс переключения существующих локальных сетей (родовых,

торговых, конфессиональных) на имперский центр и встраивания в них новых узлов – крепостей, воеводских канцелярий, таможен. Военное насилие и договорные практики предстают не взаимоисключающими характеристиками процесса, а различными инструментами реконфигурации связей.

Кейс 1. Присоединение и освоение Сибири: сеть острогов и служилых людей. Сибирская колонизация XVI-XVII вв. дает показательный материал для сетевого анализа сразу на нескольких уровнях. На инфраструктурном уровне продвижение русских отрядов «встречь солнцу» может быть описано как последовательное построение сети узлов – острогов и зимовий, соединенных речными путями и волоками. Каждый новый острог (Тюмень, Тобольск, Томск, Енисейск, Якутск) выполнял функцию узла с высокой центральностью по посредничеству: через него проходили потоки ясака, хлебного снабжения, служилых людей и распоряжений. Показательна историографически зафиксированная роль Тобольска как «столицы Сибири»: его административное первенство было производным именно от позиции в коммуникационной сети, а не от размеров или экономического потенциала.

На социальном уровне продуктивен просопографический сетевой анализ служилого сообщества. Отряды землепроходцев формировались на основе перекрестных связей родства, землячества, складнических и кабальных отношений; поручные записи, челобитные и ясачные книги позволяют документально реконструировать эти связи. Ясачный режим, в свою очередь, представлял собой институционализированную сеть обменов между воеводской администрацией и родовыми структурами автохтонного населения, в которой аманатство (заложничество) служило механизмом принудительной стабилизации связи, а раздача «государева жалованья» родовой знати – механизмом ее конвертации в лояльность. В. Сандерленд показал на материале степной колонизации, как освоение «дикого поля» осуществлялось через наложение друг на друга правительственных, помещичьих, крестьянских и церковных сетей заселения, каждая из которых имела собственную логику [14].

Кейс 2. Степная периферия и Кавказ: посредники, аманаты, присяги. Исследование М. Ходарковского о степных рубежах России демонстрирует, что на протяжении трех столетий отношения Москвы и Петербурга с ногайскими, калмыцкими, казахскими и кавказскими элитами строились как сеть персональных договорных связей – шертей, присяг, аманатских обменов, пожалований и посольских контактов, которые стороны к тому же интерпретировали асимметрично: империя рассматривала присягу как акт вечного подданства, степные правители – как ситуативный союз [5]. Сетевое переописание этого материала позволяет увидеть в имперской политике целенаправленное управление конфигурацией связей: поддержание раздробленности степных сетей, поощрение конкуренции между чингизидскими линиями, привязывание отдельных узлов (ханов, тайшей, мурз) к центру каналами жалованья и почестей.

Ключевой аналитической фигурой здесь выступает посредник-брокер: толмач и переводчик посольской канцелярии, крещеный представитель знати, казачий старшина, армянский или бухарский купец, позднее – офицер из горской аристократии. В терминах Р. Барта такие акторы заполняли «структурные дыры» между слабо связанными сегментами и извлекали из этого положения статусную и материальную ренту; в терминах Грановеттера их контакты с обеими сторонами представляли собой те самые слабые связи, по которым циркулировала критически важная информация [10]. А. Рибер показал, что борьба империй за евразийские пограничья была во многом борьбой за лояльность именно таких посреднических групп и за контроль над узлами трансграничных коммуникаций [13]. Кавказский материал добавляет к этому институт куначества и практику воспитания аманатов в кадетских корпусах, превращавшую заложничество в механизм производства новых посредников – носителей двойной культурной компетенции.

Кейс 3. Торговые сети и экономическая интеграция окраин. Третий кластер сюжетов связан с экономическим измерением освоения окраин. Кяхтинская торговля с Китаем, оренбургский и астраханский меновые дворы, Ирбитская и Нижегородская ярмарки образовывали каркас торговой сети, связывавшей окраины с центром и между собой. Купеческие капиталы двигались по каналам родственных и конфессиональных связей: старообрядческие, армянские, татарские купеческие сети выполняли функцию экономических интеграторов там, куда государственная инфраструктура приходила с опозданием. Формально-квантитативный сетевой анализ здесь особенно перспективен, поскольку таможенные книги, гильдейские списки и ярмарочная статистика поддаются превращению в базы данных: узлами выступают купцы и торговые пункты, ребрами – зафиксированные сделки и товарные потоки, а расчет метрик центральности позволяет верифицировать традиционные историографические суждения о значимости тех или иных цен-

тров [6; 4]. Подобная операционализация уже апробирована в исторической информатике на материалах отечественной экономической истории [1].

Ограничения подхода и условия корректного применения. Обсуждение результатов было бы неполным без анализа ограничений. Первое из них – источниковое: имперская документация фиксирует связи избирательно, и построенный по ней граф отражает не столько историческую сеть, сколько сеть документирования; игнорирование этого обстоятельства ведет к артефактным выводам [16; 11]. Второе ограничение – интерпретационное: формальные метрики центральности не имеют самостоятельного исторического смысла и требуют содержательной калибровки; высокая степень узла в графе переписки может означать и власть, и, напротив, подотчетность. Третье ограничение – риск сетевого редукционизма, при котором институты, право и идеология растворяются в отношениях, хотя именно нормативные рамки самодержавия задавали «правила соединения» узлов имперской сети. Отсюда следует, что сетевой подход должен применяться не вместо, а вместе с институциональным и сравнительно-имперским анализом, выступая связующим звеном между микроуровнем персональных взаимодействий и макроуровнем имперской политики [8; 7].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, сетевой подход представляет собой зрелую общенаучную методологию с разработанным категориальным аппаратом и доказанной объяснительной силой, а его историческая версия – исторический сетевой анализ – располагает отрефлексированными методическими правилами работы с фрагментарными источниками. Во-вторых, применительно к истории окраин Российской империи сетевая методология обеспечивает три содержательных приращения: она преодолевает дуализм «центра» и «периферии», представляя империю как многоуровневую конфигурацию связей; выводит на первый план фигуру посредника как ключевого агента инкорпорации окраин; позволяет описывать присоединение территорий как процесс реконфигурации существующих локальных сетей, снимая непродуктивное противопоставление «завоевания» и «добровольного вхождения». В-третьих, разбор кейсов (сибирская острожная и служилая сеть, договорно-аманатные связи степной периферии и Кавказа, трансграничные торговые сети) показывает, что подход работоспособен во всех трех режимах – метафорическом, качественно-аналитическом и формально-квантитативном, причем наибольший эффект дает их комбинирование на основе просопографических баз данных. В-четвертых, корректное применение методологии требует критики источниковой репрезентативности сети, содержательной интерпретации формальных метрик и сочетания сетевого анализа с институциональным. Перспективным направлением дальнейшей работы представляется создание сводной базы данных акторов и связей имперской экспансии XVI–XIX вв. как инфраструктуры коллективных исследований.

Список источников

1. Бородкин Л.И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 304 с.

2. Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.

3. Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию: пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

5. Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800: пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

6. Ahnert R., Ahnert S.E., Coleman N., Weingart S.B. The Network Turn: Changing Perspectives in the Humanities. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 122 p.

7. Barkey K. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 360 p.

8. Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 528 p.

9. Erickson B. H. Social Networks and History: A Review Essay. Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 1997. Vol. 30. № 3. P. 149 – 157.
10. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360 – 1380.
11. Lemercier C. Formal network methods in history: why and how? // Social Networks, Political Institutions, and Rural Societies. Brepols, 2015. P. 281 – 310.
12. Padgett J.F., Ansell C.K. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400-1434 // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. № 6. P. 1259 – 1319.
13. Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 650 p.
14. Sunderland W. Taming the wild field: colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. 239 p.
15. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 868 p.
16. Wetherell C. Historical Social Network Analysis // International Review of Social History. 1998. Vol. 43. Supplement 6. P. 125 – 144.

References

1. Borodkin L.I. Modeling Historical Processes: From Reconstruction of Reality to Analysis of Alternatives. St. Petersburg: Aletheia, 2016. 304 p.
2. Garskova I.M. Historical Informatics: Evolution of an Interdisciplinary Direction. St. Petersburg: Aletheia, 2018. 408 p.
3. Kapeller A. Russia – a Multinational Empire. Emergence, History, Collapse. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 344 p.
4. Latour B. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory: Translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p.
5. Khodarkovsky M. The Steppe Borders of Russia. How the Colonial Empire Was Created. 1500-1800: Translated from English by A. Tereshchenko. Moscow: New Literary Review, 2019. 352 p.
6. Ahnert R., Ahnert S.E., Coleman N., Weingart S.B. The Network Turn: Changing Perspectives in the Humanities. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 122 p.
7. Barkey, K. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 360 p.
8. Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 528 p.
9. Erickson B.H. Social Networks and History: A Review Essay. Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 1997. Vol. 30. No. 3. P. 149 – 157.
10. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360 – 1380.
11. Lemercier C. Formal network methods in history: why and how? Social Networks, Political Institutions, and Rural Societies. Brepols, 2015. P. 281 – 310.
12. Padgett J.F., Ansell C.K. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400-1434. American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. No. 6. P. 1259 – 1319.
13. Rieber A.J. The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 650 p.
14. Sunderland W. Taming the wild field: colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. 239 p.
15. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 868 p.
16. Wetherell C. Historical Social Network Analysis. International Review of Social History. 1998. Vol. 43. Supplement 6. P. 125 – 144.

Информация об авторе

Герман Р.Э., кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

© Герман Р.Э., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 351.746.2(470.318)"1909/1917"; 908
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-249-255

«Не имеющие ни исторического, ни современного значения»: практика уничтожения секретных дел в Калужском губернском жандармском управлении (1900-1915 гг.)

[1] Власов А.Е.,
[1] Штепа А.В.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье на основе комплекса неопубликованных архивных документов анализируется процедура экспертизы ценности и уничтожения секретных дел в канцелярии Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ) в 1900-1915 гг. Вводятся в научный оборот описи дел за 1900-1904 гг., а также рапорты ротмистра (затем подполковника) А.А. Кравцова с просьбами об уничтожении документов «путём сожжения». Выявляются критерии отбора: отсутствие «исторического, современного, местного и бытового значения», а также истечение 10-летнего срока хранения. Прослеживается эволюция номенклатуры дел: от общей секретной переписки к специализированным рубрикам («политический обзор», «о лицах, состоящих под негласным надзором», «запросы о благонадёжности», «производство дознаний по государственным преступлениям»). Особое внимание уделено делам 1904 г., связанным с распространением прокламаций («Ко всему русскому крестьянству», «К московским рабочим» в деревне Пятовской, в механической мастерской села Людиново, на станции «Калуга»), а также делам по обвинению семинаристов Муравьёва и Виноградова. Впервые публикуется расширенный сводный список лиц, состоявших под негласным, гласным или особым надзором полиции в Калужской губернии в 1882-1904 гг. (свыше 180 имён). Делается вывод, что массовое уничтожение документов, проводившееся регулярно каждые 10-11 лет, привело к невосполнимой утрате значительного пласта источников по истории политического сыска и революционного движения начала XX века.

Ключевые слова: акт комиссии, архивные описи, гласный надзор, делопроизводство, Калужское губернское жандармское управление, А.А. Кравцов, наблюдательная часть, негласный надзор, опись дел, политический сыск, уничтожение дел

Для цитирования: *Власов А.Е., Штепа А.В. «Не имеющие ни исторического, ни современного значения»: практика уничтожения секретных дел в Калужском губернском жандармском управлении (1900-1915 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 249 – 255. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-249-255*

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

"Having neither historical nor contemporary significance": the practice of destroying secret files in the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (1900-1915)

[1] Vlasov A.E.,
[1] Shtepa A.V.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: based on unpublished archival documents, this article analyzes the procedure for evaluating and destroying secret records in the chancellery of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (KPGD) between 1900 and 1915. It introduces into scholarly circulation inventories of cases from 1900 to 1904, as well as reports by Captain (later Lieutenant Colonel) A.A. Kravtsov requesting the destruction of documents «by burning». The criteria for selection are identified: the absence of «historical, contemporary, local, or everyday significance» as well as the expiration of the 10 year retention period. The evolution of the case classification system is traced, from general secret correspondence to specialized rubrics («political review», «persons under secret surveillance», «inquiries about political reliability», «investigations into state crimes»). Particular attention is paid to cases from 1904 related to the dissemination of proclamations (including «To All the Russian Peasantry», «To the Moscow Workers», in the village of Pyatovskaya, in the mechanical workshop of the village of Lyudinovo, and at Kaluga station), as well as to cases against seminarians Muravyov and Vinogradov. For the first time, an extensive consolidated list of persons placed under secret, open, or special police surveillance in Kaluga province between 1882 and 1904 (more than 180 names) is published. It is concluded that the mass destruction of documents, carried out regularly every 10-11 years, led to the irreplaceable loss of a significant body of sources on the history of political surveillance and the revolutionary movement at the beginning of the twentieth century.

Keywords: Commission Act, archival inventories, public supervision, office management, Kaluga Provincial Gendarmerie Department, A.A. Kravtsov, observation department, secret supervision, inventory of cases, political investigation, destruction of cases

For citation: *Vlasov A.E., Shtepa A.V. "Having neither historical nor contemporary significance": the practice of destroying secret files in the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (1900-1915). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 249 – 255. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-249-255*

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

История политического сыска в Российской империи традиционно изучается через призму содержания самих дел – дознаний, обвинительных заключений, приговоров [8; 9; 11; 12]. И практически отсутствуют исследования, в которых основным предметом изучения выступает «внешняя», организационная сторона работы жандармских управлений: порядок делопроизводства, систематизация и хранение документов, их отбор на уничтожение [10]. Между тем именно эти, на первый взгляд, «технические» аспекты позволяют понять внутреннюю логику функционирования карательного аппарата, его бюрократическую культуру и отношение к собственному документальному наследию.

Настоящая статья вводит в научный оборот комплекс архивных документов Калужского ГЖУ за 1882-1904 гг., извлечённых из фондов Государственного архива Калужской области (далее – ГАКО). Основу источниковой базы составляют описи дел, подлежащих уничтожению «за истечением срока хранения», а также рапорты помощника начальника управления ротмистра (затем подполковника) А.А. Кравцова начальнику Калужского ГЖУ (в разное время – полковнику Виноградову, генерал-майору Тархову) с просьбой разрешить уничтожение «путём сожжения». Всего проанализированы семь архивных дел (ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1009; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 286, 302, 339, 371, 417; Ф. 784. Оп. 1. Д. 1098), содержащих описи за 1882-1904 гг. и отдельные документы за 1868-1899 гг.

Цель исследования – реконструировать процедуру отбора и уничтожения секретных дел, выявить номенклатурную структуру и тематическую группировку документов, определить критерии оценки «исторического и современного значения» и проанализировать эволюцию делопроизводственной культуры жан-

дармерии во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется делам 1904 г., которые отражают нарастание революционного движения в канун Первой русской революции.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1882 по 1904 г. (основные описи), а также отдельные документы за 1868-1899 гг. и 1910-1915 гг. (рапорты и разрешения на уничтожение). Нижняя граница определяется началом систематического делопроизводства наблюдательной части в Калужском ГЖУ, верхняя – последним годом, по которому сохранилась развёрнутая опись в начальный период Первой мировой войны.

Материалы и методы исследований

Основу исследования составили документы семи архивных дел, которые можно разделить на три группы.

Первая группа – это описи дел, подлежащих уничтожению за истечением срока хранения, составленные в канцелярии помощника начальника Калужского ГЖУ А.А. Кравцова. Они охватывают следующие годы:

- 1882-1902 гг. – опись в составе акта комиссии от 14 декабря 1913 г. [1, лл. 4-19об.]. Это самая подробная опись, содержащая персональные дела десятков лиц.
- 1900 г. – опись, представленная А.А. Кравцовым 16 февраля 1911 г. [4, лл. 2-2об.].
- 1901 г. – опись, представленная А.А. Кравцовым в 1911-1912 гг. [1, лл. 46-47].
- 1902 г. – опись, представленная А.А. Кравцовым 16 февраля 1913 г. [5, лл. 2-3об.].
- 1903 г. – опись, представленная А.А. Кравцовым 31 мая 1914 г. [6, лл. 2-6].
- 1904 г. – опись, представленная А.А. Кравцовым 9 июля 1915 г. [7, лл. 2-4об.].

Все описи имеют единую структуру: порядковый номер, номер по годовой описи, наименование дела, число листов, отметка об окончании дела и срок хранения (во всех случаях указано «10 лет»).

Вторая группа – это рапорты (донесения) А.А. Кравцова начальнику управления с просьбой разрешить уничтожение с формулировкой: *«Препровождая опись делам по секретной части моей канцелярии, не имеющим ни исторического, ни современного значения, прошу распоряжения об уничтожении этих дел путём сожжения»* [4, л. 1; 5, л. 1; 6, л. 1; 7, л. 1; 1, л. 1]. Ключевая фраза **«не имеющие ни исторического, ни современного значения»** (выделено нами – Авт.) является устойчивым маркером процедуры.

Третья группа – это резолюции начальников управления, разрешающие уничтожение. В 1910-1913 гг. их подписывал полковник А.С. Виноградов, в 1915 г. – генерал-майор В.З. Тархов. Типовая формулировка: *«Дела, поименованные в описи... уничтожить путём сожжения, разрешаю»* [3, л. 7; 4, л. 3; 5, л. 4; 7, л. 5]. В одном случае [5] резолюция подписана самим А.А. Кравцовым как «временно исправляющим должность начальника» – парадоксальная ситуация, когда начальник разрешает уничтожение дел сам себе.

В настоящей статье в качестве исследовательского инструментария привлечены историко-типологический, историко-сравнительный, статистический методы.

Результаты и обсуждения

Осуществленный авторами статьи архивный поиск и проведённый анализ документов, позволяют констатировать, что процесс подготовки к уничтожению секретных документов был строго регламентирован. Как следует из рапортов А.А. Кравцова, инициатива исходила от него самого как от лица, ответственного за делопроизводство канцелярии. Поводом для ревизии служило истечение установленного срока хранения. Кравцов отбирал дела, «не имеющие ни исторического, ни современного значения» [4, л. 1], составлял их опись и представлял на утверждение начальнику управления.

Начальник управления рассматривал опись и в резолюции разрешал уничтожение. Обращает на себя внимание формальный характер резолюции: начальник не проводил повторной экспертизы, а просто санкционировал предложение подчинённого. Это свидетельствует о высоком уровне доверия к Кравцову и о рутинизации самой процедуры уничтожения – она была частью регулярной архивной работы.

В 1913 г. процедура была усложнена: для осмотра дел 1882-1902 гг. была создана комиссия из двух человек – подполковника А.А. Кравцова и ротмистра В.В. Добромыслова. Комиссия составила акт от 14 декабря 1913 г., в котором указала, что дела «не имеют общего местного или исторического и бытового значения» и подлежат уничтожению согласно циркуляру Департамента полиции от 26 ноября 1912 г. за № 85070 [2, л. 2]. Это важное дополнение: в 1912 г. появился централизованный циркуляр, регламентировавший экспертизу ценности документов. Комиссия использовала расширенный критерий – не только «историческое» и «современное», но и **«местное»** и **«бытовое»** значение [2, л. 2]. Тем не менее, даже дела, которые могли представлять интерес для локальной истории, уничтожались.

Важно отметить, что уничтожению подлежали дела за период 1882-1904 гг., то есть завершённые не менее чем за 11–33 года до момента ревизии (в 1913-1915 гг.). Такой разрыв указывает на отсутствие жёстких нормативных сроков хранения в XIX в. и на эпизодический характер экспертизы. Однако к 1911 г. в Калужском ГЖУ сложилась унифицированная практика: все дела, независимо от содержания, уничтожались через 10 лет после окончания (в описях 1900-1904 гг. прямо указано «Сколько лет хранить – 10 лет»).

Анализ описей за 1882-1904 гг. (всего около 150 позиций) позволяет выделить устойчивые рубрики, которые к концу XIX – началу XX века стали стандартными для делопроизводства наблюдательной части.

1. «Политический обзор и совершенно секретная переписка о происшествиях чрезвычайной важности»

Эта рубрика присутствует во всех описях начиная с 1895 г. [4, л. 2; 5, л. 2; 6, л. 2; 7, л. 2]. Объём дел варьируется от 69 до 211 листов. «Политический обзор» представлял собой ежегодную сводку о политическом состоянии губернии, содержавшую оценки и выводы жандармерии. Уничтожение этих обзоров – огромная потеря для историков, так как они являлись концентрированным выражением официального взгляда на ситуацию в регионе.

2. «О лицах, состоящих под негласным, гласным или особым надзором полиции»

Это самая объёмная и регулярная рубрика. В описи за 1900 г. она достигает астрономической цифры «79184» – вероятно, описка, но отражающая колоссальный объём документации [4, л. 2]. В 1902 г. – 79 листов, в 1903 г. – 49 листов, в 1904 г. – 426 листов [5, л. 2; 6, л. 2; 7, л. 2]. Внутри этой рубрики выделяются персональные дела (Никольский – 129 л., Тихомиров – 76 л., Шпинбмре – 18 л., Нестерова – 63 л., Кокарева – 166 л., Соколовы – 125 л., и др.). Персональный учёт свидетельствует о высоком уровне индивидуализации надзора.

3. «Запросы о политической благонадёжности разных лиц»

Эта рубрика фиксирует межведомственную переписку по проверке конкретных лиц при приёме на службу, выдаче паспортов, поступлении в учебные заведения. В 1900 г. объём дела составил 894 листа, в 1901 г. – 506 листов, в 1902 г. – 108 листов [4, л. 2; 1, л. 46; 5, л. 2]. Резкое снижение объёма к 1902 г., возможно, связано с изменением порядка учёта или с временным спадом активности.

4. «Донесения унтер-офицеров и чинов полиции о происшествиях»

Эта рубрика присутствует практически за каждый год. Объём дел – от 28 до 70 листов [4, л. 2; 5, л. 2; 6, л. 2; 7, л. 2]. Донесения унтер-офицеров были основным источником первичной информации о «происшествиях» – от крестьянских волнений до семейных скандалов.

5. «Производство дознаний по государственным преступлениям (по 1035 статье Устава Уголовного Судопроизводства)»

Эта рубрика появляется в 1895 г. и затем фигурирует ежегодно. В 1901 г. – 82 листа, в 1902 г. – 66 листов, в 1903 г. – несколько дел разного объёма [1, л. 46; 5, л. 2; 6, л. 2]. Дознания по 1035 статье касались наиболее серьёзных политических преступлений (антиправительственная агитация, принадлежность к сообществу, хранение прокламаций).

6. «Переписка о политических арестованных, содержащихся под стражей» (1904 г., 106 листов)

Уникальная рубрика, свидетельствующая о масштабах репрессий в 1904 г. [7, л. 2]. Дело включало переписку о содержании арестованных в жиздринской уездной тюрьме – списки, медицинские осмотры, жалобы, прошения.

7. «Устройство агентуры для наблюдения за заводами Мальцовского товарищества» (1896 г., 64 листа)

Это уникальный заголовок [4, л. 2об.], свидетельствующий о внимании жандармерии к крупным промышленным предприятиям (Людиново, Дятьково). Создание специальной агентуры для наблюдения за рабочими – важное свидетельство эволюции сыска в сторону промышленного шпионажа.

8. «О семейных несогласиях»

Эта рубрика появляется в 1895-1900 гг. [4, л. 2об.; 6, л. 2]. На первый взгляд неожиданная, она свидетельствует о том, что жандармерия вмешивалась даже в частную жизнь, если усматривала в семейных конфликтах потенциальную угрозу политической стабильности или если участники конфликта сами обращались за помощью.

Дела о распространении прокламаций как отражение революционной ситуации 1904 г.

Опись дел за 1904 г. [7, л. 2-4об.] содержит значительный массив материалов, связанных с распространением нелегальной литературы в канун Первой русской революции. Анализ заголовков и объёмов дел позволяет выделить несколько типов такой агитации.

Распространение в сельской местности. Зафиксировано дознание о распространении преступных изданий в деревне Пятовской Калужского уезда (44 листа), а также дело о раскидке прокламаций в деревне До-

мановой (38 листов) [7, л. 3, 4]. Тот факт, что агитация проникала в удалённые деревенские районы, свидетельствует о растущей политизации крестьянства.

Промышленная агитация. Крупный промышленный центр – село Людиново (Мальцовские заводы) – фигурирует в двух делах. Одно из них (дело № 20) касалось распространения воззваний в механической мастерской (27 листов), другое (дело № 26) – распространения прокламаций на станции «Калуга» (12 листов), что указывает на активность среди железнодорожников [7, л. 3об. – 4]. Объёмы этих дел (до 44 листов) говорят о масштабности проведённых расследований.

Связь с революционными центрами. Особый интерес представляет дело № 28 о посылке прокламаций из Калуги в Ярославль в аптеку Фишер (42 листа) [7, л. 4]. Этот эпизод демонстрирует наличие межгубернских связей у местных революционеров, а также использование легальных учреждений (аптек) в качестве пересылочных пунктов.

Конкретные издания. В описи напрямую названы две прокламации – «Ко всему русскому крестьянству» (дело № 17, 64 листа) и «К московским рабочим» (дело № 19, 32 листа), а также «преступная брошюра», распространением которой был занят крестьянин Медынского уезда Алексей Аристархов Гусев (Л. 3 об.). Эти дела, несомненно, являлись приоритетными для жандармерии – их объём значительно превышает средний (в 2-3 раза).

Таким образом, опись 1904 г. Фиксирует *качественный скачок* (выделено нами – Авт.) в революционной агитации: системный характер, охват деревни и промышленных центров, связи с другими губерниями. Жандармерия реагировала на это заведением многочисленных дознаний, однако все эти материалы были уничтожены в 1915 г. как «не имеющие исторического значения».

Дела об учащейся молодёжи и интеллигенции

Не менее показательной категорией являются дела, связанные с так называемым «студенческим» и «семинарским» вопросом. В описях 1902-1904 гг. встречаются несколько дел, где фигурантами выступают учащиеся и выпускники учебных заведений.

Дело о братьях Соколовых (1902 г., 125 листов). Это одно из самых объёмных персональных дел в описи. Бывшие студенты Московского и Юрьевского (ныне Тартусского, Эстония) университетов Василий и Леонид Соколовы обвинялись по 4 части 25 статьи Уложения о наказаниях («участие в противоправном сообществе») [5, л. 2об.]. Объём дела (125 листов) свидетельствует о длительном и тщательном расследовании. Этот случай показывает, что жандармерия одинаково пристально следила как за крестьянами, так и за студенческой молодежью, среди которой были и выходцы из привилегированных сословий.

Дело о семинаристах (1904 г., 32 листа). Дознание по обвинению семинаристов Муравьёва, Виноградова и других [7, л. 4]. Калужская духовная семинария была известна как очаг «беспорядков» (волнения 1901-1902 гг.), и это дело, вероятно, стало продолжением более ранних расследований. Объём дела (32 листа) указывает на то, что расследование было достаточно масштабным, но не долгим (дело окончено в 1904 г. и уничтожено в 1915 г.).

Дело Бессоновой, Чистякова, Белецкого, Кошевича (1904 г., 22 листа). Дознание по обвинению группы из четырёх человек, включавшей женщину (Ольгу Бессонову) [7, л. 3об.]. Присутствие женщины в группе характерно для молодёжных революционных кружков того времени. Небольшой объём дела (22 листа) позволяет предположить, что расследование было завершено достаточно быстро.

Таким образом, жандармерия уделяла серьёзное внимание контролю за учебными заведениями, прежде всего за семинарией как традиционным источником «вольнодумства». Дела об учащейся молодёжи, как и дела о распространении прокламаций, были уничтожены в 1913-1915 гг., что составило невосполнимую утрату для истории образования и общественного движения в регионе.

Важнейший вывод, который можно сделать исходя из анализа описей – установление чёткого 10-летнего срока хранения для всех категорий дел. В описях 1900-1904 гг. прямо указано: «Сколько лет хранить – 10 лет» [4, л. 2; 5, л. 2; 6, л. 2; 7, л. 2; 1, л. 46]. Это означает, что дела 1900 г. уничтожались в 1911 г., дела 1901 г. – в 1912 г., дела 1902 г. – в 1913 г., дела 1903 г. – в 1914 г., дела 1904 г. – в 1915 г. (что и подтверждается датами рапортов).

Объём уничтоженных документов (подсчитанный по описям) впечатляет:

- 1900 г.: 12 позиций, минимум 1000+ листов.
- 1901 г.: 17 позиций, не менее 1300 листов.
- 1902 г.: 19 позиций, не менее 1000 листов.
- 1903 г.: 32 позиции, не менее 1500 листов.
- 1904 г.: 30 позиций, не менее 1500 листов (с учётом дела об особом надзоре на 426 л., дела о разведках на 123 л. и дела о политзаключённых на 106 л.).

Итого за 1900-1904 гг. уничтожено не менее 6300-7000 листов секретных документов.

Добавляя описи 1910 г. (дела 1868-1899) и 1913 г. (дела 1882-1902), получаем, что общий объём уничтоженных дел в канцелярии А.А. Кравцова за всё время его службы (1909-1915) составляет не менее 15-20 тысяч листов. Это колоссальный документальный комплекс, безвозвратно утраченный для историков.

Выводы

Проведённый анализ описей за 1882-1904 гг. и рапортов помощника начальника Калужского ГЖУ А.А. Кравцова 1910-1915 гг. позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

А.А. Кравцов ежегодно (или раз в 1-2 года) представлял начальнику управления описи дел, подлежащих уничтожению, и получал разрешение. В 1913 г. процедура была усложнена созданием комиссии из двух человек (Кравцов и Добромыслов), что, вероятно, было вызвано циркуляром Департамента полиции 1912 г. К 1911 г. в Калужском ГЖУ сложился единый стандарт – все дела, независимо от их содержания и объёма, уничтожались через 10 лет после окончания. Исключений не делалось.

Формулировка «не имеющие ни исторического, ни современного значения» (в 1913 г. дополненная «местного и бытового значения») была устойчивым маркером. На практике под неё подпадали все дела, кроме, возможно, самых громких (об убийстве императоров, о крупных заговорах). Уничтожение носило тотальный характер.

В номенклатуре дел в 1880-1890-х гг. преобладали общие рубрики («секретная переписка», «донесения унтер-офицеров»). С середины 1890-х гг. появляются специализированные рубрики: «политический обзор», «о лицах, состоящих под негласным надзором», «запросы о благонадёжности», «производство дознаний по государственным преступлениям». В 1904 г. добавляются дела о распространении прокламаций, о рабочих волнениях, о студентах и семинаристах.

Сводный список лиц, упомянутых в уничтоженных делах, насчитывает более 180 имён – крестьян, мещан, рабочих, студентов, семинаристов, священнослужителей, женщин, врачей, дворян. Это ценный материал для коллективной биографии «неблагонадёжных» элементов в Калужской губернии.

В тоже время общий объём уничтоженных документов (15-20 тыс. листов) означает, что мы навсегда потеряли огромный пласт источников по истории политического сыска, революционного движения и повседневной жизни в калужском регионе.

Список источников

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 1009. «Опись дел канцелярии помощника начальника Калужского губернского управления, подлежащих уничтожению. Ведомость дел, находящихся в производстве с 08.01.1912–04.01.1913 гг.».

2. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1098. «Переписка по наблюдательной части с помощником начальника Калужского губернского жандармского управления с приложением акта комиссии и списка дел, подлежащих уничтожению».

3. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 286. «Дело № 10 по описи помощника начальника Калужского губернского жандармского управления... Об уничтожении дел из архивной описи и уничтожении таковых путём сожжения с 1868 по 1899 год включительно».

4. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 302. «Опись дел по наблюдательной части, подлежащих уничтожению. 16.02.–18.02.1911 г.».

5. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 339. «Опись дел, подлежащих уничтожению за истечением срока хранения. 17.02.–23.02.1913 г.».

6. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 371. «Опись дел помощника начальника Калужского губернского управления, подлежащих уничтожению. 17.02.–31.05. – 03.06.1914 г.».

7. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 417. «Опись дел, подлежащих уничтожению за истечением срока хранения. 09.07.–13.07.1915 г.».

8. Колпаков П. А. О проведении дознания унтер-офицером жандармской железнодорожной полиции Польшиковым по делу о незаконной отправке оружия из Тулы в пределы Кавказа // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 2-3. С. 94 – 102.

9. Колпаков П.А., Махновская М.В. Об отдельных аспектах организации дознания чинами железнодорожной жандармерии Российской империи // Исторический журнал правоохранительных органов. 2025. № 3 (3). С. 52 – 61.

10. Резанов А. Д. Политический сыск Российской империи, 1827-1917 гг.: к историографии проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2023. № 1 (49). С. 23 – 37.

11. Филонов А.В., Заброда Д.Г. Деятельность жандармерии и охранных отделений по борьбе с терроризмом в Российской империи на рубеже второй половины XIX – начала XX столетия // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 52 – 59. doi: 10.24412/2073-3305-2022-2-52-59

12. Чурсина М.В. Методы политического сыска, применяемые офицерами Отдельного корпуса жандармов по защите государственного строя Российской империи в XIX веке // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13. № 4 (45). С. 35 – 35. https://doi.org/10.24412/2311-1763-2025-4-35-35

References

1. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). F. 784. Op. 1. D. 1009. "Inventory of files of the office of the assistant to the head of the Kaluga Provincial Gendarme Administration subject to destruction. List of files in progress from 08.01.1912 to 04.01.1913."

2. GAKO. F. 784. Op. 1. D. 1098. "Correspondence on the supervisory department with the assistant to the head of the Kaluga Provincial Gendarme Administration, with an attached commission report and a list of files subject to destruction."

3. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 286. "Case No. 10 according to the inventory of the assistant to the chief of the Kaluga Provincial Gendarme Directorate... On the destruction of files from the archival inventory and the destruction of such by burning from 1868 to 1899 inclusive."

4. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 302. "Inventory of files for the observation unit subject to destruction. 16.02.–18.02.1911."

5. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 339. "Inventory of files subject to destruction due to expiration of the storage period. 17.02.–23.02.1913."

6. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 371. "Inventory of files of the assistant to the head of the Kaluga Provincial Administration subject to destruction. 17.02.–31.05.–03.06.1914."

7. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 417. "Inventory of files subject to destruction due to expiration of the storage period. 09.07.–13.07.1915."

8. Kolpakov P. A. On the investigation by non-commissioned officer of the gendarme railway police Polshikov in the case of the illegal shipment of weapons from Tula to the Caucasus. Modern studies of social problems. 2023. Vol. 15. Nos. 2-3. P. 94 – 102.

9. Kolpakov P.A., Makhnovskaya M.V. On Certain Aspects of Investigation Organization by Members of the Railway Gendarmerie of the Russian Empire. Historical Journal of Law Enforcement Agencies. 2025. No. 3 (3). P. 52 – 61.

10. Rezanov A.D. Political Investigation of the Russian Empire, 1827-1917: Toward a Historiography of the Problem. Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2023. No. 1 (49). P. 23–37.

11. Filonov A.V., Zabroda D.G. Anti-Terrorism Activities of the Gendarmerie and Security Departments in the Russian Empire at the Turn of the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Education. Science. Scientific Personnel. 2022. No. 2. P. 52 – 59. doi: 10.24412/2073-3305-2022-2-52-59

12. Chursina M.V. Political Investigation Methods Used by Officers of the Separate Gendarme Corps for the Protection of the State System of the Russian Empire in the 19th Century. Science. Society. Defense. 2025. Vol. 13. No. 4 (45). P. 35 – 35. https://doi.org/10.24412/2311-1763-2025-4-35-35

Информация об авторах

Власов А.Е., старший преподаватель, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Власов А.Е., Штепа А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.24
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-256-261

Эволюция теологического образования в России

[1] Грязнова Е.В.,
[1] Гончарук А.Г.,
[1] Чепурнова Н.А.,
[1] Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация: в связи с тем, что сегодня в России теология официально признана научной специальностью, возникает необходимость обращения к истории ее становления и развития. Специфика пути эволюции высшего теологического образования в нашей стране определяет и ее современные отличительные особенности не только относительно мирового опыта, но и других направлений научного знания в России.

В ходе проведенного исследования этапов развития высшего теологического образования и его специфики было выявлено, что историю высшего теологического образования в России целесообразно делить на этапы на основе периодов проводимых духовно-учебных реформ в стране. Основные тенденции развития высшего теологического образования можно сформулировать следующим образом: ярко выраженное противостояние светского и религиозного компонентов, развивающееся на основе роли государства и церкви в системе университетского образования в целом на каждом из этапов развития; традиции и новации в системе светского теологического образования, связанные с реформами 19 века, забвением 20-го века, возрождением в 21 веке формируют его новые специфические черты, требующие специального изучения.

Ключевые слова: теология, теологическое образование, церковь, государство, история, духовное образование

Для цитирования: *Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Чепурнова Н.А. Эволюция теологического образования в России // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 256 – 261. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-256-261*

Поступила в редакцию: 19 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The evolution of theological education in Russia

[1] Gryaznova E.V.,
[1] Goncharuk A.G.,
[1] Chepurnova N.A.,
[1] Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract: due to the fact that theology is officially recognized as a scientific specialty in Russia today, there is a need to turn to the history of its formation and development. The specifics of the evolution of higher theological education in our country determine its modern distinctive features not only in relation to the world experience, but also other areas of scientific knowledge in Russia.

In the course of the study of the stages of development of higher theological education and its specifics, it was revealed that it is advisable to divide the history of higher theological education in Russia into stages based on the periods of ongoing spiritual and educational reforms in the country. The main trends in the development of higher

theological education can be formulated as follows: a pronounced confrontation between secular and religious components, developing on the basis of the role of the state and the church in the university education system as a whole at each stage of development; traditions and innovations in the system of secular theological education related to the reforms of the 19th century, the oblivion of the 20th century, and the renaissance in the 21st century form its new specific features that require special study.

Keywords: theology, theological education, church, state, history, spiritual education

For citation: *Gryaznova E.V., Goncharuk A.G., Chepurnova N.A. The evolution of theological education in Russia. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 256 – 261. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-256-261*

The article was submitted: May 19, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Изучение вопроса об эволюции теологического образования в России, показывает, что исторические науки проявляли особый интерес к проблемам не столько теологического, сколько духовного образования и просвещения в России [10, 11, 13]. В данном направлении этапы его развития связываются с периодами реформ духовного образования в нашей стране [5]. Согласно результатам проведенных исследований, авторы делают выводы о том, что академическое духовное образование в России берет начало с развитием отечественных университетов.

Целью давнной статьи является изучение специфики становления и развития теологического образования в России.

Материалы и методы исследований

Данная работа продолжает исследование проблем и перспектив развития теологического образования в России [2,3,8]. Основными методами исследования стали анализ, сравнение, обобщение, аналитический обзор публикаций по истории развития теологического образования.

Результаты и обсуждения

Особый этап в эволюции православного духовного образования историки связывают с послереволюционным периодом, когда происходит его институализация, определяемая введением нескольких уровней данного вида образования в Российской федерации [9]. Церковное образование в этом направлении изучается как вид профессионального образования и делится на этапы: с девятнадцатого века до 1917 года, после 1917 года и до 80-х годов двадцатого века, и современный этап. Специфика данного вида образования определяется тем, что изначально церковное образование в России унаследовало схоластические черты, которые были характерны для западного средневековья. Проводимые реформы в образовании на протяжении с семнадцатого до двадцатого века несколько изменили данный подход, но все же сохранились до настоящего времени. Эта специфика отмечается во многих исторических работах, посвященных вопросам развития духовного образования.

В рамках истории педагогических наук генезис высшего теологического образования рассматривается реже, чем в исторических науках, что определяет специфику самой педагогики. Обращение к работам данного профиля показывает, что периодизация истории теологического образования в России берется из работ по философии, истории, религиоведению. Чаще всего здесь исследуются проблемы религиоведческого и духовного образования с позиций диалектики светского и религиозного компонентов. Интересные исследования были проведены в сфере истории развития православной педагогической культуры в России. Здесь история теологического образования раскрывается в рамках развития данного вида культуры. В соответствии с этим подходом авторы выделяют и этапы, связанные с этапами взаимодействия государства и церкви в вопросах высшего православного образования и воспитания – дореволюционный, советский и постсоветский [1, 4, 12].

Как свидетельствуют исторические факты, до революции тысяча девятьсот семнадцатого года Русская Православная Церковь на территории Российской империи управляла четырьмя духовными академиями, около шестидесяти семинариями и более ста восьмидесяти духовных училищ.

Новая система духовного образования сложилась уже к началу двадцатого века. Высшей ее уровень был представлен духовными академиями. Им отводилась роль систематического развития богословия как науки. При это было выработано ряд важных принципов. Во-первых, теология обязана была проводить свои исследования строго в рамках своего предмета, который задавался проблемами церковной жизни. Во-

вторых, богословие развивалось в тесном взаимодействии с естественными науками в поисках ответов на общие вопросы. В-третьих, теология развивалась как социально-гуманитарная наука, т.к. ее интересы пересекались с историей, археологией, филологией, антропологией, психологией, социологией и др. В-четвертых, теология обязана была проводить оценку достижений, полученных в богословских науках за рубежом.

Данный принципы внесли не только специфические черты богословской науки в России, но и вывели ее на новый уровень развития. Главная особенность заключалась в том, что духовные академии отвечали всем основным положениям и законом классического университетского образования. В них была введена специализация, направленная на повышение научной квалификации как студентов, так и преподавателей. Такой подход открывал возможность для создания научных сообществ, развития научной коммуникации не только внутри страны, но и на международном уровне, активному развитию научных школ. Именно эти позиции определяют теологию как научную специальность, которая имеет основные признаки науки: наличие предмета исследования, методологической базы, категориального аппарата и законов, выход на практику.

В первые годы советской власти принимается решение о закрытии практически всех духовных учебных заведений. При этом характерным для страны стали репрессии над преподавателями этих учебных заведений. И только после окончания Великой Отечественной войны советское государство взяло курс на сближение с Русской Православной Церковью. Впоследствии в начале 60-х годов XX столетия снова начинают действовать две духовные академии, а также три духовные семинарии. Постепенно в стране начинает возрождаться религиозное образования. Вслед за Поместным Собором 1988 года, связанным с 1000-летием Крещения Руси большое количество людей начинают снова возвращаться в Церковь, соответственно снова приобретает актуальность развитие религиозно-образовательной системы и преподавания теологии, в частности.

В начале девяностых годов двадцатого столетия встал вопрос о разработке новой эффективной системы богословского образования, которая должна была быть выстроена на основе синтеза дореволюционной системы религиозно-богословского образования и современного опыта. Примечательно, что в своих положениях Архиерейский Собор 1994 года выделил несколько пунктов с учетом которых должно проходить развитие современного религиозного и богословского образования в Российской Федерации:

- она должна опираться на принцип взаимодействия Церкви (религиозного образования) и государственной образовательной системы (светского гуманитарного образования);
- ключевым аспектом новой образовательной системы должна стать реализация высшего богословского образования для духовенства Церкви;
- речь также шла о последовательной трансформации духовных семинарий и академий в высшие учебные заведения.

Вслед за этим было учреждено специальное отделение по теологии Учебно-методического объединению классических университетов, во главе которого был поставлен известный ученый и исследователь, проф. Московского государственного университета - проф. М.С. Карпов [7].

Если до этого теология как научная специальность была лишена конфессиональных критериев, то в 2002 году были одобрены и приняты новые поликонфессиональные программы по направлению «магистратура», уже не только в христианском направлении, но и в исламском, а также иудейском.

Тот факт, что в общеобразовательный государственный перечень научных дисциплин было включено новое направление под названием «теология» дало возможность формально утвердить за данным понятием оттенки, имеющиеся в богатом различными значениями термином «богословие». Соответственно, речь здесь идет о научно-образовательной составляющей. Поэтому понятия богословие и теология стали восприниматься как взаимозаменяемые, как синонимичные. С другой стороны, понятийно-категориальная дифференциация по-прежнему закрепляла за «богословием» наиболее обширный перечень традиционных аспектов и значений, связанных с духовно-практической составляющей религиозного учения.

Важной датой в истории процесса включения теологии в светскую систему образования является 2008 год. Тогда властями был принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)» [6]. В соответствии с его содержанием утверждалась возможность осуществления образовательными религиозными организациями и структурами специальной государственной аккредитации. Подобный факт утверждает степень осуществляемых образовательных программ и планов, а также соответствие формы, методики и сущности подготовки выпускников специальным критериям светских норм образования. Помимо этого, выпускники получают право получить диплом государственного образца. Более того, утверждение закона 2008 года позволило сформировать пра-

вовую основу для реализации процесса государственной аккредитации различными религиозными образовательными учреждениям.

Выводы

В ходе проведенного исследования этапов развития высшего теологического образования и его специфики было выявлено:

- Историю высшего теологического образования в России целесообразно делить на этапы на основе периодов проводимых духовно-учебных реформ. Свое начало оно берет в результате реформ 1808-1814, когда формируется многоуровневая система духовного образования. Затем выделяется период реформ 1860-1884 гг. Особое место занимает период до 1917 года, затем период советской эпохи, и последний этап – современный, постсоветский с 90-х годов двадцатого века и по сей день.

Основные тенденции развития высшего теологического образования можно сформулировать следующим образом:

- ярко выраженное противостояние светского и религиозного компонентов, развивающаяся на основе роли государства и церкви в системе университетского образования в целом на каждом из этапов развития;

- формирование структуры, принципов организации высшее теологическое образование в России заимствует из опыта европейских университетов, но адаптирует его к условиям православной культуры, что выражается в специфике подготовки научных кадров, развития научных школ и концепций образовательных программ;

- теология (богословие) в российских светских университетах до начала двадцавтого века не получила должного развития и использовалась в большей степени как инструмент идеологической работы;

- традиции и новации в системе светского теологического высшего образования, связанные с реформами 19 века, забвением 20-го века, возрождением в 21 веке формируют его новые специфические черты, требующие специального изучения.

Список источников

1. Ворохобов А.В. Глобализация как вызов современности: критерии оценки в парадигме православной социальной этики // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14. № 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

2. Грязнова Е.В., Девонина В.А. Историческое развитие вятских духовных школ. Поиск решений для возрождения утраченных традиций // Народное образование. 2025. № 6 (1517). С. 137 – 145.

3. Грязнова Е.В., Журавлева К.Э. Православная теология и ее роль в исследовании механизмов сохранения института семьи в условиях современной культуры // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13. № 4 (53). DOI 10.26795/2307-1281-2025-13-4-14

4. Дивногорцева С.Ю. Церковная школа в России во второй половине XIX – начале XX веков: краткий очерк кризиса, расцвета и уничтожения // Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXV сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования, Вологда, 13-15 октября 2022 года. Вологда: Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования «Волгоградская государственная академия последипломного образования», 2022. С. 295 – 299.

5. Лушников Д.Ю. Методология преподавания основного богословия в Санкт-Петербургской Духовной Академии синодального периода // Богословље. 2025. Vol. 84. No. 1. P. 25 – 52. DOI 10.18485/bogoslovlje.2025.84.1.2

6. Никольский В.С. О признании теологии в качестве отрасли научного знания // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 112 – 119.

7. Полевой Б.Ю. Теология и религиозное образование // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 2. С. 94 – 101.

8. Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Пронина С.В., Лобастов Д.К. Проблемы разработки курса истории православной теологии в рамках высшего светского теологического образования // Глобальный научный потенциал. 2022. № 12 (141). С. 75 – 77.

9. Резепина А.А. Подготовка учителей духовных учебных заведений в Александро-Невской духовной академии (1797-1808 годы) // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2025. № 2 (29). С. 107 – 125. DOI 10.56621/27825884_2025_29_107

10. Соколов Р.А. "Теология: история и современность" – книжная серия кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии // Aspiratio. Журнал церковно-гуманитарных исследований. 2023. № 1. С. 147 – 157.

11. Сороколетов Н.В. История и методологические принципы конструктивной теологии // Теология: теория и практика. 2025. Т. 4. № 5. С. 123 – 135. DOI 10.65324/ttp016

12. Сухова Н.Ю. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России (1808-1918 гг.): автореф. дис. … доктора историч. наук. Москва, 2011. 36 с.

13. Теология: история, проблемы, перспективы: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием в рамках XVI Международного форума "Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения", Липецк, 20 ноября 2020 года / Под ред. Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. 182 с.

References

1. Vorokhobov A.V. Globalization as a Challenge of Modernity: Evaluation Criteria in the Paradigm of Orthodox Social Ethics. Bulletin of Minin University. 2026. Vol. 14. No. 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

2. Gryaznova E.V., Devonina V.A. Historical Development of Vyatka Theological Schools. Search for Solutions for the Revival of Lost Traditions. Public Education. 2025. No. 6 (1517). P. 137 – 145.

3. Gryaznova E.V., Zhuravleva K.E. Orthodox Theology and Its Role in the Study of the Mechanisms for Preserving the Institution of the Family in the Context of Modern Culture. Bulletin of Minin University. 2025. Vol. 13. No. 4 (53). DOI 10.26795/2307-1281-2025-13-4-14

4. Divnogortseva S.Yu. Church School in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Brief Essay on Crisis, Rise, and Destruction. Educational Systems and Environments: Historical and Pedagogical Discourse at the Beginning of the 21st Century: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference – XXV Session of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education, Vologda, October 13-15, 2022. Vologda: State Autonomous Institution of Continuing Professional Education “Volgograd State Academy of Postgraduate Education”, 2022. P. 295 – 299.

5. Lushnikov D.Yu. Methodology of Teaching Basic Theology at the St. Petersburg Theological Academy of the Synodal Period. Bogoslovље. 2025. Vol. 84. No. 1. P. 25 – 52. DOI 10.18485/bogoslovlje.2025.84.1.2

6. Nikolsky V.S. On the Recognition of Theology as a Branch of Scientific Knowledge. Higher Education in Russia. 2010. No. 5. P. 112 – 119.

7. Polevoy B.Yu. Theology and Religious Education. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 94 – 101.

8. Gryaznova E.V., Goncharuk A.G., Pronina S.V., Lobastov D.K. Problems of Developing a Course in the History of Orthodox Theology within the Framework of Higher Secular Theological Education. Global Scientific Potential. 2022. No. 12 (141). P. 75 – 77.

9. Rezepina A.A. Training Teachers of Theological Educational Institutions at the Alexander Nevsky Theological Academy (1797-1808). Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary. 2025. No. 2 (29). P. 107 – 125. DOI 10.56621/27825884_2025_29_107

10. Sokolov R.A. "Theology: History and Modernity" – Book Series of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. Aspiratio. Journal of Church and Humanitarian Studies. 2023. No. 1. P. 147 – 157.

11. Sorokoletov N.V. History and Methodological Principles of Constructive Theology. Theology: Theory and Practice. 2025. Vol. 4. No. 5. P. 123 – 135. DOI 10.65324/ttp016

12. Sukhova N.Yu. Training and Certification of Academic Staff in Orthodox Theological Academies in the Context of Higher Education in Russia (1808-1918): Abstract of a Doctor of Historical Sciences Dissertation. Moscow, 2011. 36 p.

13. Theology: history, problems, prospects: Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists with international participation within the framework of the XVI International Forum "Zadonsk St. Tikhon's Educational Readings", Lipetsk, November 20, 2020. Ed. N.Ya. Bezborodova, N.V. Styuflyaeva. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2021. 182 p.

Информация об авторах

Грязнова Е.В., доктор философских наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3093-2602, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, egik37@yandex.ru

Гончарук А.Г., кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, aleksgon75@gmail.com

Чепурнова Н.А., кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, natalya.chepurnova@yandex.ru

© Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Чепурнова Н.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-262-266

Общественная деятельность студентов Ульяновского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной Войны

[1] Жила Ю.В.,
[1] Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова

Аннотация: статья посвящена общественной деятельности студентов УГПИ(Ульяновского государственного института в годы Великой Отечественной Войны). Особое внимание уделено программе военно-патриотической подготовки студентов, политико-воспитательной работе в процессе обучения в институте. Показана большая общественно-политическую работа студентов вне института в ходе которой они работали в качестве агитаторов среди населения на бывших избирательных участках и др. Развертывалась работа добровольных обществ Осоавиахим, РОКК, МОПР и др. Особенно на высоком уровне вела работу ячейка Осоавиахим: в 1937 г. Хорошо в институте работали кружки ПВХО, стрелкового дела, Ворошиловских стрелков, курсы медсестер, школы инструкторов ПВХО и парашютистов. Работа по патриотическому воспитанию, не ограничивалась рамками университета, так институт принимал активное участие в пропагандистской и культурно-массовой работе города, а именно студенты и преподаватели выступали с докладами и лекциями, на темы по истории, литературе, экономике, педагогике, философии; проводили беседы, устраивали творческие вечера и конкурсы, принимали участие в создании библиотек и т.д.

Важнейшей задачей институт считал осуществление идейно-политического воспитания студентов в процессе учебы. Педагогическая практика проходила в 3-х средних и 2-х неполных средних школах города с отрывом от учебных занятий в институте в течении 5-ти недель. Ко времени педагогической практики студенты педагогического института были вполне подготовлены к даче уроков в школе, как со стороны научно-технической, так и с методической.

Ключевые слова: Ульяновский государственный педагогический институт, Великая Отечественная война, студенчество, патриотическое воспитание, общественная работа

Для цитирования: *Жила Ю.В. Общественная деятельность студентов Ульяновского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной Войны // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 262 – 266. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-262-266*

Поступила в редакцию: 19 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Student community activities at Ulyanovsk State Pedagogical Institute during the Great Patriotic War

[1] Zhila Yu.V.,
[1] Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

Abstract: the article is devoted to the social activities of students at UGPI (Ulyanovsk State Pedagogical Institute) during the years of the Great Patriotic War. Special attention is given to the program of military-patriotic training for students and the political-educational work carried out during their studies at the institute. It shows the extensive socio-political work of students outside the institute, during which they acted as agitators among the pop-

ulation at former polling stations, among other places. Volunteer organizations such as OSOAVIAKHIM, ROKK, MOPR, and others were very active. The OSOAVIAKHIM unit, in particular, operated at a very high level. In 1937, clubs for civil defense, shooting, Voroshilov shooters, nursing courses, instructor schools for civil defense, and parachuting were actively functioning at the institute. Patriotic education efforts were not limited to the university itself, as the institute actively participated in propaganda and cultural-mass work in the city, with students and teachers giving reports and lectures on history and literature topics.

The institute considered the most important task to be carrying out the ideological and political education of students during their studies. Teaching practice took place in three secondary and two incomplete secondary schools in the city, with students taking a five-week break from their classes at the institute. By the time of their teaching practice, students of the pedagogical institute were fully prepared to give lessons at school, both in terms of scientific-technical knowledge and methodology.

Keywords: Ulyanovsk State Pedagogical Institute, the Great Patriotic War, student life, patriotic education, community work

For citation: *Zhila Yu.V. Student community activities at Ulyanovsk State Pedagogical Institute during the Great Patriotic War. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 262 – 266. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-262-266*

The article was submitted: May 19, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В годы Великой Отечественной войны общественная деятельность имела важное значение и была подчинена помощи фронту. Студенты (УГПИ)Ульяновского государственного педагогического института принимали активную работу для обеспечения помощи фронту тем самым приближая победу над немецко-фашистским захватчиком.

Открытый в 1932 г. Ульяновский педагогический институт включился в систему патриотического воспитания. Непосредственное руководство военным обучением осуществлял военный руководитель, полковник А.Э. Кривчиков с 1932 по 1937 гг. Им была создана и работала под его руководством военная кафедра, преобразованная в 1937 г. в военно-физкультурную кафедру, которую возглавил А.Д. Лавров. В институте имелся хорошо оборудованный кабинет и спортивный зал, лодочная станция, стрелковой тир (открыт в 1939 г.). Программа военно-спортивной подготовки, включала в том числе военно-учебную практику в краевом лагере Осоавиахима, где они получали ряд практических навыков, необходимых для будущего командира РККА.

Материалы и методы исследований

Основным источником исследования является материалы Государственного архива Ульяновской области, в особенности отчеты работы УГПИ в годы Великой Отечественной войны, в которых непосредственно представлена обширная информация об общественной и политико-воспитаттельной работе студентов. В качестве основных методов исследования использованы историко-генетический, историко-сравнительный и др.

Результаты и обсуждения

Под руководством партийных организаций развертывалась работа добровольных обществ Осоавиахим, РОКК, МОПР и др. Особенно на высоком уровне вела работу ячейка Осоавиахим: в 1937 г. в ней состояло 750 членов, в том числе 220 комсомольцев. Хорошо в институте работали кружки ПВХО, стрелкового дела, Ворошиловских стрелков, курсы медсестер, школы инструкторов ПВХО и парашютистов. Одним из показателей результативности военно-патриотической работы являлось количество подготовленных значкистов. Так, в 1936/37 учебном году было подготовлено значкистов Ворошиловский стрелок I степени – 122, II степени – 17, ПВХО I степени – 340, II степени – 50, ГСО – 14, Ворошиловских всадников – 20, инструкторов ПВХО – 25, стрелков дела – 10, парашютистов – 15 [1; с. 117].

Политико-воспитательная работа среди студентов проводилась в процессе изучения ими основ марксизма-ленинизма, политической экономии, исторического и диалектического материализма, литературы и других предметов [2; с. 86]. Политико-воспитательная работа среди студентов, кроме учебных дисциплин,

проводилась специально созданным агитколлективом, разъяснявшим студентам все важнейшие общественно политические события в жизни страны, решения партии и правительства. Широкий размах в 1930–е гг. приобрела шефская работа. Ее объектами были артполк, летняя школа, дом колхозника, завод им. Володарского, колхоз им. Шубрикова в селе Вырыпаевка. Содержание и формы работы предварительно обсуждались на совещании институтской шефской секции, которая направляла всю деятельность шефских бригад, подробно изучала запросы подшефных организаций и совместно с их преподавателями составляла план мероприятий. Студенты и преподаватели выступали с докладами и лекциями, на темы по истории, литературе, экономике, педагогике, философии; проводили беседы, устраивали творческие вечера и конкурсы, принимали участие в создании библиотек [3; с. 95].

Одним из каналов доведения информации до студентов, была стенная печать. Два раза в месяц выходила общеинститутская стенная газета. Регулярно выпускались факультетские стенгазеты, а в группах и общежитиях – боевые листки и молнии. Большой популярностью пользовалась светогазета, дававшая ряд фотоснимков из студенческой жизни, а также живая газета–инсценировки на злободневные темы.

Работа по патриотическому воспитанию, не ограничивалась рамками университета, так институт принимал активное участие в пропагандистской и культурно-массовой работе города. Основные объекты работы института: Дом пропаганды и агитации Горкома, Университет выходного дня, бывшие избирательные округа, Родительский университет, методические объединения при Гороно, 16-я средняя школа и в последнее время завод им. Володарского. Университет выходного дня полностью обеспечивался лекторскими силами института. Родительский университет и методические объединения обслуживались работниками кафедр педагогики и методистами различных кафедр института [4; л. 18].

Важнейшей задачей институт считал осуществление идейно-политического воспитания студентов в процессе учебы. Педагогическая практика проходила в 3-х средних и 2-х неполных средних школах города с отрывом от учебных занятий в институте в течении 5-ти недель. Ко времени педагогической практики студенты педагогического института были вполне подготовлены к даче уроков в школе, как со стороны научно–технической, так и с методической. В институте был разработан подробный план проведения педагогической практики в школе. Этот план был обсужден на специальном совещании при учебной части. Для руководства педагогической практикой кроме методистов-руководителей, были выделены преподаватели кафедры педагогики, которые руководили воспитательной работой студентов-практикантов, посещали вместе с методистами контрольные уроки и участвовали в обсуждении уроков [5; л. 27].

Начало Великой Отечественной войны требовало усиление идеологической работы. Кроме прохождения специального раздела «Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков» преподавание основ марксизма-ленинизма, политэкономии и исторического материализма и др. дисциплин связывалось с современностью [7; л. 13]. В 1942/43 учебном году для научных работников и студентов института были организованы две научные конференции на темы «Великая Отечественная война советского народа», и 125-летие со дня рождения К. Маркса. На этих конференциях было заслушано большое количество докладов и выступлений кафедр. Кафедра марксизма-ленинизма систематически организовывала для студентов и преподавателей лекции о текущем моменте Отечественной войны, о международном положении и на темы годовщин Октябрьской революции, Первого мая, дня Красной армии и т.д. В институте были проведены пять вечеров с докладами и три из них с концертами, шесть митингов. Студенты и научные работники института выполнили большую общественно–политическую работу вне института. 70 студентов вовлечены в активную общественную работу, 25 студентов работают в качестве агитаторов среди населения на бывших избирательных участках. Зимой 1942/43 учебного года студенты участвовали в работах по расчистке железнодорожных путей от заносов – всего было сделано 198 человеко-дней. Весной и летом 1943 г. студенты и преподаватели института принимали участие в сельскохозяйственных работах в колхозах и совхозах и на подсобном хозяйстве института. В Бирючевском совхозе, с которым у института был договор помощи рабочей силы, работали 54 чел. в течении 2 недель. В совхозе Чердаклинского района был организован трехдневный выезд на работу студентов во главе с доцентом Кимен П.М.

Силами профессорско-преподавательского состава института проводилась большая популяризационная и культурно-просветительная работа среди населения города и области. Профессорами и преподавателями института прочитано более 167 лекций и докладов на политические, литературные, педагогические и др. темы. Особенно много лекций и докладов провели преподаватели кафедры марксизма-ленинизма – 72 доклада и лекций, литературы – 60 докладов и лекций, географии и геологии – 28, педагогики – 16 и т.д. Институт организовал ряд открытых заседаний кафедр и научных сессий с привлечением интеллигенции города. Особенно успешно прошла объединенная сессия кафедр марксизма-ленинизма, педагогики и литера-

туры, посвященная 125-летию со дня рождения К.М. Маркса, удачно были организованы открытые юбилейные заседания кафедры литературы, посвященные творчеству А.М. Горького, В. Маяковского и т.д.

Рассматривая образовательные организации как источник формирования исторической памяти молодежи, можно отметить ряд мероприятий, которые были направлены на установление связи с историческими событиями прошлого. Так в 1943 г. членами кафедры истории СССР была подготовлена студенческая конференция на тему «Отечественная война 1812 г.». В частности, были подготовлены следующие доклады:

1. Причины войны 1812 г.
2. Начало войны 1812 г.
3. Бородинское сражение
4. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.
5. Разгром Наполеоновской армии в России 1812 г. и другие.

Стоит отметить, что студенческая научная работа была направлена на изучение исторических сюжетов прошлого тесным образом, связанных с нашим регионом, таким образом, студенты, не только узнавали события в масштабах страны, но и прикасаясь к краеведческой истории, связывали себя с регионом, хотя для многих он не был родным [11; л. 16].

Научно-исследовательская работа преподавателей тоже была обращена на изучение неизвестных страниц из истории Симбирско-Ульяновского края. Так доцент Гриценко Н.П. редактировал работу Д. Коржанина «Степан Разин в Симбирске», являлся составителем вместе с Афанасьевым путеводителя «Город Ульяновск – родина Владимира Ильича Ленина». Упомянутый доцент Гриценко опубликовал статью в областной газете «Ульяновская правда» «Декабрист Ивашев» и прочел лекцию на тему «История города Симбирска-Ульяновска» в областной партийной школе в Обкоме ВКП(б) [10; л. 16].

Стоит отметить, что в вопросе сохранения исторической памяти студентов работали не только преподаватели кафедры истории, но и сотрудники других факультетов. Так через литературное творчество прослеживается связь времен, национальные особенности и героическое прошлое. В качестве примера, можно рассмотреть несколько конференций проведенных, уже после окончания Великой Отечественной войны силами кафедры литературы. 15 декабря 1945 г. [12; л. 16]. была организована конференция «Образ товарища Сталина в народном творчестве советской литературе и драматургии», приуроченная к 66-летию со дня его рождения. 6-8 мая 1946 г. на конференции были представлены студенческие доклады на следующие темы: «Несокрушимая сила советского народа по роману Б. Горбатова «Непокоренные», «Герои нашего времени по роману А. Фадеева «Молодая Гвардия», «Язык и стиль романа М. Шолохова «Они сражались за Родину», «Историческое прошлое в творчестве А.С. Пушкина» и другие. Тематика докладов показывает, как в литературном творчестве отражает исторические темы.

Выступали члены кафедры на методических объединениях учителей города, а также учительских совещаниях. Ст. преподаватель Сможевский Н.И. прочитал доклады для преподавателей – историков города на методических объединениях на следующие темы: «О постановке преподавания истории и конституции в СССР в условиях послевоенного времени», «О методике показа исторических деятелей и масс в преподавании истории» [9; л. 16].

Одним из мест, где студенты могли получить информацию на исторические темы, была институтская библиотека. Так в 1947/48 учебном году для большего охвата студенческих масс лучшими произведениями советской литературы библиотекой по плану было проведено ряд массовых мероприятий: при участии комитета комсомола, преподавателей литературы, студенчества библиотеки был проведен «Вечер книги», с докладами студентов и выступлениями читателей [10; л. 37]. Библиотекой проделана большая подготовительная работа по снабжению студентов литературным материалом, собран был и доведен до студенческих масс большой библиографический материал по произведениям Сталинских лауреатов, оформлена большая выставка с красочными акварельными портретами писателей и другим иллюстративно-текстовым материалом [6; л. 26]. Были организованы библиотекой ряд громких читок романа Полевого «Повесть о настоящем человеке» на 1 курсе естфака и на 1 и 2 курсах истфака. После была проведена читательская конференция, на которую библиотека оформила выставку и нарисовала большой портрет писателя. За 9 мес. по плану библиотекой к знаменательным датам было сделано 63 выставки. На них особо широко велась подготовка выставки на тему: «30 лет советской литературы и искусства», 100-летие со дня опубликования Манифеста коммунистической партии и 125–летие со дня рождения А.И. Островского, великого драматурга, и 100 лет со дня смерти Белинского, великого критика, публициста. Выставки устраивались в библиотеке, на абонементе в актовом зале, в читальне и некоторых аудиториях [8; л. 17].

Выводы

Решение поставленной в исследовании задачи через призму обучения и воспитания студентов в 1930-1940-е гг. показало, что на первый план выдвигалась идея воспитания советского патриотизма, чувства долга и ответственности. Анализ агитационно-массовой работы, военно-спортивной работы со студентами на примере Ульяновского государственного педагогического института показал, что она была направлена на формирование патриотического сознания молодежи в 1930-1940-е гг.

Список источников

1. Бакаев А.А. Ульяновский государственный педагогический университет. Ульяновск. 2012. 117 с.
2. История Ульяновского государственного ордена «Знак почета» педагогического института им. И.Н. Ульянова 1932-1982. М.: Министерство просвещения РСФСР. 1982. 86 с.
3. Жила Ю. В. Отражение темы высшего образования в России в современных энциклопедиях: сборник трудов конференции // Региональная энциклопедистика в контексте современных инновационных вызовов: Материалы междунар. науч. форума. (Казань, 4-6 дек. 2024 г.) / редкол.: Галимова Э.М. и др. Казань: АН РТ, 2024. 95 с.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 226. Л.18.
5. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2 Д. 186.
6. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2 Д. 186.
7 ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 226.
8. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 226.
9. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 226.
10. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. № 5.
11. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. № 5.
12. Грушевский Ю.А. Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова Ульяновск, 2008. 37 с.

References

1. Bakaev A.A. Ulyanovsk State Pedagogical University. Ulyanovsk 2012. 117 p.
2. History of the Ulyanovsk State Order “Badge of Honor” Pedagogical Institute named after. I.N. Ulyanova 1932-1982. M.: Ministry of Education of the RSFSR. 1982. 86 p.
3. Zhila Yu.V. Reflection of the topic of higher education in Russia in modern encyclopedias: collection of conference proceedings. Regional encyclopedics in the context of modern innovative challenges: Materials of the international. scientific forum. (Kazan, December 4-6, 2024). editorial board: Galimova E.M. and others. Kazan: AN RT, 2024. 95 p.
4. State Archives of the Ulyanovsk Region (GAUO). F. R-73. Op. 2. D. 226. L.18.
5. GAUO. F. R-73. Op. 2. D. 186.
6. GAUO. F. R-73. Op. 2. D. 186.
7 GAUO. F. R-73. Op. 2. D. 226.
8. GAUO. F. R-73. Op. 2. D. 226.
9. GAUO. F. R-73. Op. 2. D. 226.
10. GAUO. F. R-73. Op. 1. D. No. 5.
11. GAUO. F. R-73. Op. 1. D. No. 5.
12. Grushevsky Yu.A. Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova Ulyanovsk, 2008. 37 p.

Информация об авторе

Жила Ю.В., аспирант, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, juliya060220@gmail.com

© Жила Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 327.45
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-267-273

Операция «Шторм-333» в оценках ее участников и современных исследователей: к вопросу об использовании мемуарных источников в изучении афганской войны СССР

[1] Курков В.В.,
[1] Трошин А.С.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена исследованию образовательного потенциала мемуарных источников при изучении начальной стадии афганской войны СССР – операции «Шторм-333»: штурма в декабре 1979 г. элитными подразделениями советского спецназа резиденции лидера НДПА Хафизуллы Амина – дворца Тадж-Бек. Данная операция не только оказала судьбоносное влияние на историю Афганистана, но и стала важной вехой в развитии военной тактики и стратегии, наглядно продемонстрировав боевые возможности небольшого, но профессионально подготовленного и высоко мотивированного подразделения. Исторические уроки этой операции приобретают особую актуальность в свете современных военных конфликтов – например, в связи с захватом лидера Венесуэлы Николаса Мадуро силами специальных подразделений США. Авторами проанализированы возможности практического использования на занятиях со старшеклассниками и студентами опубликованных воспоминаний ключевых участников операции «Шторм-333» и параллельного включения в учебный процесс работы учащихся с публикациями современных отечественных и зарубежных исследователей по данной теме. В заключении статьи авторами сделан обоснованный вывод о воспитательном значении использования в учебном процессе мемуарных источников при изучении афганской войны СССР и насущной задаче коммеморации военных подвигов наших соотечественников.

Ключевые слова: Операция «Шторм-333», ликвидация Амина, мемуарные источники, историография, сравнительно-исторический анализ, коммеморация

Для цитирования: *Курков В.В., Трошин А.С. Операция «Шторм-333» в оценках ее участников и современных исследователей: к вопросу об использовании мемуарных источников в изучении афганской войны СССР // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 267 – 273. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-267-273*

Поступила в редакцию: 19 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Operation "Storm-333" in the assessments of its participants and modern researchers: to the question of using memoir sources in the study of the USSR's Afghan War

[1] Kurkov V.V.,
[1] Troshin A.S.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article explores the educational potential of memoir sources in studying the initial stage of the Soviet-Afghan War – Operation Storm 333: the December 1979 assault by elite Soviet special forces units on the Taj Beg Palace, the residence of PDPA leader Hafizullah Amin. This operation not only had a decisive impact on the history of Afghanistan but also became a milestone in the development of military tactics and strategy, clearly demonstrating the combat capabilities of a small, yet professionally trained and highly motivated unit. The historical lessons of this operation are particularly relevant in light of modern military conflicts – for example, the capture of Venezuelan leader Nicolás Maduro by US special forces. The authors analyze the potential for practical use of published memoirs of key participants in Operation Storm 333 in classrooms with high school and university students, as well as the parallel inclusion of students' work with publications by contemporary Russian and international researchers on this topic. In conclusion of the article, the authors made a well-founded conclusion about the educational significance of using memoir sources in the educational process when studying the Soviet Union's Afghan War and the urgent task of commemorating the military exploits of our compatriots.

Keywords: Operation "Storm-333", liquidation of Amin, memoir sources, historiography, comparative historical analysis, commemoration

For citation: *Kurkov V.V., Troshin A.S. Operation "Storm-333" in the assessments of its participants and modern researchers: to the question of using memoir sources in the study of the USSR's Afghan War. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 267 – 273. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-267-273*

The article was submitted: May 19, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Историю войн на территории Афганистана для великих держав, стремившихся установить свой контроль над этой страной, в самые разные исторические периоды можно характеризовать прежде всего неожиданными уроками, которые преподносила горькая афганская реальность для любых сил вторжения – будь это англо-афганские войны [12, с. 147-148], или затяжные военные кампании СССР и США [10, с. 193; 11, с. 85-86]. Парадоксально, но печальный опыт предшествующего вторжения в Афганистан, достаточно быстро забывался теми, кто осуществлял последующую военную кампанию в горах Гиндукуша, превращая афганское государство в страну невыученных уроков истории. Между тем, опыт афганских войн крайне важен для оценки современных военных конфликтов – и в этом плане воспоминания советских участников военных действий в 1979-1989 гг. сохраняют свое непреходящее значение. Тем более, что в современном учебном процессе, на фоне усложняющихся экзаменационных требований и необходимости активизации научно-исследовательской работы старшеклассников и студентов, изучение мемуарных источников представляется более чем актуальным.

Операция «Шторм-333» занимает отдельное место в истории отечественных вооружённых сил и спецслужб. Эта операция стала стартом для более чем девятилетнего пребывания ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Безусловно, вопрос о целесообразности этого пребывания остается открытым до сих пор, однако, уже можно точно сказать, что история проведения операции «Шторм-333» стала неотъемлемой частью подготовки специальных военных подразделений. Данная операция наглядно показала, на что способно пусть небольшое, но очень мотивированное и высокопрофессиональное подразделение.

Для учебной аудитории сравнительно недавние события связанные с захватом лидера Венесуэлы Николаса Мадуро силами специальных подразделений США [17] служат логичным подтверждением актуальности изучения того, что произошло в Кабуле в декабре 1979 г.: операция «Шторм-333», стала одной из первых, если вообще не первой операций подобного рода. Многие детали этой операции длительное время бы-

ли скрыты за завесой секретности и опубликованные воспоминания участников событий несомненно вызовут живой интерес как старшеклассников (особенно в профильных классах), так и студентов гуманитарных специальностей – интерес, позволяющий преподавателю органично вписать в учебный процесс работу с историческими источниками.

Материалы и методы исследований

Раскрывая методологические основы представленного в настоящей статье исследования образовательного потенциала использования в учебном процессе при изучении афганской войны СССР опубликованных воспоминаний активных участников операции «Шторм-333», прежде всего, необходимо указать на принцип историзма, как важнейшую детерминанту, определяющую формирование навыков критического анализа источников и историографии у старшеклассников и студентов. Основные положения статьи и выводы авторов подкрепляются методом педагогического эксперимента, предполагающего практическую апробацию в ходе преподавательской деятельности как на школьном, так и на вузовском уровне. Использование сравнительно-исторического метода позволяет планировать в рамках современного учебного процесса творческий перекрестный анализ опубликованных воспоминаний таких участников операции «Шторм-333» как С.Г. Бахтурин, Л.П. Богданов, Ю.И. Дроздов, Л.П. Костромин, В.Н. Курилов, проливающих свет на множество ранее засекреченных деталей данной операции [1; 5; 19], равно как предоставляет преподавателю возможность для критического анализа современной отечественной и зарубежной историографии по данной теме.

Результаты и обсуждения

Использование исторических источников при изучении сложного процесса вступления СССР в афганскую войну, представляется логичным начинать с анализа опубликованных воспоминаний Л.П. Богданова – в 1979 г. полковника и кадрового разведчика, ранее работавшего в Индии, Индонезии и Иране, а затем в течении полтора лет бывшего активным участником всего комплекса событий связанных с подготовкой и осуществлением операции «Шторм-333» [19, с. 9]. Мемуары Богданова позволяют наглядно представить перед учебной аудиторией драматическую и противоречивую ситуацию в Афганистане после «Апрельской революции» (образно охарактеризованную автором воспоминаний, как «затишье перед Штормом»), когда руководство НДПА неуклонно теряло контроль над страной, а советское политбюро, точно также утрачивало контроль над своими ставленниками в Кабуле – при этом советский разведчик достаточно подробно представляет процесс захвата власти со стороны Хафизуллы Амина, приведший к убийству прежнего просоветского лидера НДПА – Нур Мухаммада Тараки [19, с. 48-49]. Воспоминания Л. Богданова логично дополняются мемуарами Ф. Яковлева – в 1979 г. сотрудника ГСН «Зенит 1», детально представляющими историю появления первого подразделения советского спецназа в Кабуле, включаю непростые отношения бойцов ГСН «Зенит» с «посольским контингентом» [19, с. 58, 70].

В качестве основного мемуарного источника по ходу изучения начала афганской кампании СССР для учебной аудитории можно рекомендовать воспоминания Ю.И. Дроздова (генерал-майор, руководитель советской нелегальной разведки в 1979-1991 гг., создатель подразделения специального назначения «Вымпел», один из непосредственных организаторов операции «Шторм-333») и В.Н. Курилова (офицер спецподразделения и активный участник данной операции): приуроченный к двадцатой годовщине ввода советских войск в Афганистан и соответственно вышедший в 1999 году их мемуарный труд (в соавторстве с А.И. Андагским) приоткрыл для всего мира множество ранее неизвестных деталей данной операции [5]. Спустя три года Ю.И. Дроздов и В.Н. Курилов в соавторстве с С.Г. Бахтуриным (бывшим старшим офицером резидентуры КГБ в Кабуле, выполнявшим важные координационные функции в ходе штурма дворца Амина) подготовили и опубликовали еще один сборник воспоминаний участников событий, в который был включен и военно-географический обзор Афганистана 1908 г., автором которого являлся последний начальник Николаевской военной академии Генерального штаба генерал А.И. Андогский, чьи геополитические оценки сохраняют актуальность до наших дней [1].

По ходу использования мемуарных источников в учебном процессе, воспоминания Ю.И. Дроздова и В.Н. Курилова могут быть органично дополнены опубликованными автобиографическими материалами и других участников штурма дворца Тадж-Бек: уже упомянутого выше полковника Л.П. Богданова, Я.Ф. Семенова (полковник госбезопасности, возглавлял группу «Зенит» в ходе атаки на дворец Амина) и Л.П. Костромина (советский разведчик, генерал-майор, работавший в резидентуре КГБ в Афганистане еще в 1962-1966 гг., а в 1978-1979 гг. занимавший важный пост резидента КГБ в Кабуле и сыгравший ключевую роль в подготовке операции «Шторм-333») [19, с. 90, 147, 171]. Таким образов использование в учебном процессе

воспоминаний сразу нескольких участников исследуемых событий позволит как старшеклассникам, так и студентам, под руководством преподавателя, используя сравнительно-исторический метод, по ходу практической работы понять, что такое внешняя критика источника и верификация.

В качестве ключевых исторических аспектов при работе с воспоминаниями участников операции «Шторм-333», для преподавателя представляется логичным акцентировать внимание учебной аудитории на критическом анализе следующих вопросов:

– прежде всего – это планирование и подготовка операции – начиная с принятия политического решения о вводе советских войск в Афганистан и ликвидации Хафизуллы Амина до переброски элитных подразделений советского спецназа в Кабул и детальной разработки плана штурма дворца Тадж-Бек: отдельно следует отметить атмосферу секретности, в которой готовилась операция [1; 5; 19, с. 92-93, 122-123, 154-155];

– проблема соотношения сил в предстоящей кровавой драме вокруг дворца Тадж-Бек – численный состав, подготовка и оснащение советских подразделений, которым предстояло штурмовать дворец Амина (группы «Зенит» и «Гром», «Мусульманский батальон», подразделения ВДВ) и аналогичный анализ противостоящих им афганских сил: при этом для учащихся важно выделить ряд советских генералов и офицеров, на плечи которых ляжет тяжкий груз руководства операцией «Шторм-333» [5; 19, с.122-123, 181-182, 187-188];

– наконец, это детальное описание самого штурма дворца Тадж-Бек: действия конкретных подразделений спецназа и офицеров, информация о ликвидации Хавизуллы Амина: при этом важно обратить внимание учебной аудитории на предшествующую штурму попытку отравления афганского диктатора и противоречивые действия советской стороны – в то время как наши врачи героически пытались спасти жизнь лидера НДПА, наши же спецназовцы героически прорвались через превосходящие силы аминовской охраны чтобы его ликвидировать [1; 5; 19, с. 138-139, 141-142, 193-196];

– в продолжении этого вопроса необходимо выделить для учебной аудитории факторы, по воспоминаниям ее активных участников осложнявшие проведение операции «Шторм-333»: прежде всего межведомственные противоречия и несогласованность в действиях КГБ и армии – отсюда и потери от «огня по своим» [5; 19, с. 167-168, 178-180];

– очень важно обратить внимание аудитории на содержащиеся в воспоминаниях участников событий описания тех чувств и эмоций, которые сопровождали спецназовцев перед боем, во время штурма и после него: на фоне экстремальных нагрузок человеческая психика была на грани срыва – Ю.И. Дроздов описывает два случая впоследствии перекочевавшие в ряд книг как отечественных так и зарубежных исследователей: когда спецназовцы нервы которых после штурма были на пределе, услышав шорох из шахты лифта, открыли огонь, полагая что из дворцового подземного хода началась контратака сил верных Амину, а оттуда выскочил лишь перепуганный кот и ситуация едва не стоявшая жизни всему руководству операции «Шторм-333», когда при возвращении в свое расположение их машина была расстреляна своим же бойцом ВДВ [1; 3, с. 134-135; 13, с. 151];

– в заключении, на основе анализа мемуарных источников перед аудиторией необходимо поставить вопрос об исторических итогах операции «Шторм-333»: по мнению всех участников событий поставленная Родиной боевая задача была успешно выполнена, хотя сами перспективы советского военного вторжения в Афганистан уже тогда у многих авторов воспоминаний вызвали сомнения, не менее важно оценить потери советских подразделений и рассмотреть ситуацию с награждением погибших и выживших героев [1; 5; 19, с. 144-145, 193-194, 200, 210-211].

Залогом успешной работы в учебной аудитории с мемуарными источниками является обязательный параллельный анализ современной историографии по изучаемой теме. Анализу источников по рассматриваемой проблеме несомненно должно предшествовать ознакомление с обобщающими трудами отечественных ориенталистов по новейшей истории Афганистана [7]. В то же время следует учитывать и специфику рассматриваемой нами темы – неизбежная для работы спецслужб и соответствующих подразделений атмосфера секретности логично порождает ситуацию, когда в качестве исследователей их деятельности выступают сами ветераны этой закрытой сферы.

Поэтому среди публикаций отечественных исследователей посвященных истории операции «Шторм-333» на наш взгляд прежде всего следует выделить работы авторов, которые сами являлись участниками афганской войны – В.М. Кошелева, А.А. Ляховского и Е.Г. Никитенко. Так монография Е.Г. Никитенко (ученый-историк и политолог, прошедший офицером войну в Афганистане) предоставит учащимся вдумчивый военно-исторический анализ военных действий ОКСВА в Афганистане [14]. В.М. Кошелев (полковник, в разгар афганской войны один из ключевых офицеров, возглавлявших уникальное подразделение – 411-й отдельный отряд специального назначения ГРУ) опубликовал на сегодняшний день возможно наибо-

лее подробное исследование, посвященное истории операции «Шторм-333», в котором оценки профессионального военного разведчика сочетается с аналитическим подходом историка и талантом яркого публициста [6]. Для старшеклассников и студентов работа В.М. Кошелева на наш взгляд значима, прежде всего, как показательная попытка критического осмысления всего, накопившегося к 2007 г., немалого объема источников и публикаций, связанных с историей штурма дворца Амина.

Фундаментальный труд А.А. Ляховского (генерал-майор – участник афганской войны как на ее начальном этапе, так и на завершающем – вплоть до вывода ОКСВА) отличает уникальное сочетание аналитических оценок военного профессионала и историка-исследователя – подготовке операции по свержению Амина и штурму дворца Тадж-Бек в его монографии посвящены отдельные разделы [13, с. 131, 144]. Я.Ф. Семенов – активный участник штурма, в своих воспоминаниях подчеркивал, что Ляховским была проделана действительно титаническая работа, без которой многие события афганской войны трактовались бы исключительно субъективно [19, с. 197].

Несомненно, что при изучение истории операции «Шторм-333», преподавателю необходимо обратить внимание аудитории и на публикации освещающие малоизвестные аспекты боевой деятельности в ходе данной операции конкретных подразделений специального назначения (в том числе и «мусульманского батальона»): это прежде всего – работы С.В. Баленко (кадровый офицер, служивший в подразделениях специального назначения ГРУ) [2], Г.Н. Зайцева (генерал-майор, герой Советского Союза, длительное время возглавлял специальное подразделение группа «А») [6] и военного историка А.Р. Кунстманна [9].

Важным инструментом в учебных курсах освещающих историю афганской войны СССР (включая и комплекс проблемных вопросов о штурме дворца Амина) может послужить и цикл видеолекций доктора исторических наук В.Н. Прямицына (в рамках авторского проекта Егора Яковлева «Цифровая история») [16]. Данный цикл лекций затрагивает всю историю афганской войны СССР, уделяя особое внимание операции «Шторм-333». В.Н. Прямицын в первую очередь отмечает, что операция «Шторм-333» была частью более крупной операции «Байкал-79», имевшей целью установление полного советского контроля над столицей Афганистана и смену руководства страны. Успешное осуществление операции «Байкал-79» во многом позволило добиться решительных успехов и в операции «Шторм-333», что часто уходит на второй план на фоне драматичного и полного событий штурма дворца Амина. Прямицын объективно и высоко оценивает роль всех подразделений участвующих в операции, подчеркивая роль советских врачей, которые спасали Амина, что, конечно, сорвало план с его отравлением, но присутствие врачей внутри дворца помогло штурмовавшим Тадж-Бек: раненые спецназовцы не истекли кровью и получили своевременную помощь, несмотря даже на гибель одного из медиков.

Необходимо затронуть и освещение данной темы в западной историографии. Если в работе известного американского политолога Сет Дж. Джонса, лишь кратко, упоминается об атаке переодетого в афганскую форму спецназа КГБ на дворец Амина [4, с. 50], то в книгах Родерика Брейтвейта (британский разведчик, дипломат и писатель, в 1988-1992 гг. был послом Великобритании в Москве) и Грегори Фейфера (американский журналист и публицист, признанный эксперт по истории России) представлен уже подробный анализ операции «Шторм 333», которому посвящены целые главы [3, с. 111; 18, с. 72]. И Брейтвейт и Фейфер акцентируют внимание на неудачной попытке отравления Амина [3, с. 126-127; 18, с. 76-77] и активно используют в свои работах материал опубликованных воспоминаний непосредственных участников штурма дворца Тадж-Бек: Ю.И. Дроздова, В.Н. Курилова, Л.П. Богданова. При этом Брейтвейт часто ссылается на упоминавшиеся выше работы А.А. Ляховского и С.В. Баленко [3, с. 431-432]. В этой связи представляется плодотворной работа с учебной аудиторией, нацеленная на анализ источниковой и историографической базы книг английского и американского исследователей, предполагающая вопросы и задания для старшеклассников и студентов основанные на сравнительно-историческом методе.

Также вполне уместным представляется и сравнительный анализ учащимися воспоминаний советских участников операции «Шторм 333» и опубликованных мемуаров офицера американского спецназа Марка Оуэна – участника военной операции США по ликвидации в Пакистане Усама бен Ладена [15] – несмотря на целый ряд принципиальных различий этих двух военных операций, уже Я.Ф. Семенов на заключительных страницах своих воспоминаний приходит к необходимости такого сравнения [19, с. 202-203].

Выводы

Операция «Шторм-333» несомненно оставила большой след как в истории Афганистана, так и в развитии военной тактики и стратегии. Несмотря на противоречивость исторических оценок самого факта ввода советских войск в Афганистан, втянувшего страну в тяжелую и затяжную войну, оценки непосредственно операции «Шторм-333» (прежде всего – со стороны военных профессионалов – и проведенный анализ вос-

поминаний активных участников событий это подтверждает) традиционно соответствуют высшему уровню. Критические аспекты возникают, когда речь заходит о целесообразности операции как таковой – но это уже проблема, связанная с вопросом об исторической необходимости втягивания СССР в Афганскую войну в целом. Другое дело, что, когда уже было принято решение о проведении этой рискованной операции, солдаты и офицеры выполнили свой долг. В этом нет никаких сомнений. Операция «Шторм-333» была определённой пиковой точкой, вершиной карьеры для многих профессионалов КГБ и вооруженных сил СССР. Их во многом уникальные воспоминания дают возможность взглянуть на драматические события декабря 1979 г. со стороны человека, который испытал спектр таких эмоций, которые не отпускали его ещё долгие годы. В этом плане сложно переоценить воспитательное значение использования в учебном процессе мемуарных источников при изучении афганской войны СССР. Очень показательно горькое сравнение прозвучавшее в заключении воспоминаний Я.Ф. Семенова: президент США Барак Обама лично благодарил каждого из своих спецназовцев, пожимая ему руку после успешной операции по ликвидации Усамы бен Ладена, а в СССР, когда в первые годы афганской войны погибших хоронили «по-тихому», фраза «Я вас в Афган не посылал» стала символом бездушного бюрократизма. Поэтому следует помнить о насущной задаче коммеморации через учебный процесс военных подвигов наших соотечественников.

Список источников

1. Андогский А.И., Дроздов Ю.И., Курилов В.Н., Бахтурин С.Г. Афган, снова Афган... . М.: Воениздат, 2002. 320 с. URL: https://litlife.club/books/240599/read
2. Баленко С.В. Спецназ ГРУ в Афганистане. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 256 с.
3. Брейтвейт Р. Афган: русские на войне. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 496 с.
4. Джонс С. Война США в Афганистане. На кладбище империй. М.: Эксмо, 2013. 480 с
5. Дроздов Ю.И., Курилов В.Н., Андагский А.И. Операция Шторм-333 // Альманах «Вымпел». 1999. № 3. С. 5 – 240.
6. Зайцев Г.Н. Спецназ «Альфа»: дела и люди. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2017. 704 с.
7. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения, 2004. 528 с.
8. Кошелев В.М. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. Люберцы: Союз писателей Подмосковья, 2007. 262 с.
9. Кунстманн А.Р. Операция «Шторм-333»: мусульманский батальон и штурм дворца Амина в документах и воспоминаниях очевидцев с обеих сторон. М.: Русская панорама, 2021. 368 с.
10. Курков В.В. «Прежде чем войти, подумай, как будешь выходить»: общность негативного опыта афганских войн СССР и США // 30 лет окончания войны в Афганистане. Материалы научно-практической конференции «Пермские военно-исторические чтения». Пермь: ГАСПИ, 2019. С. 188 – 196.
11. Курков В.В., Климанова В.Н. Исторические уроки войны в Афганистане: «Ограниченный контингент» как общий просчет военной стратегии СССР и США // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 6. С. 85 – 89.
12. Курков В.В., Сильченко Д.И. Исторические уроки англо-афганских войн в контексте военных операций СССР и США в Афганистане // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 6. С. 147 – 152.
13. Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. 800 с.
14. Никитенко Е.Г. Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. 362 с.
15. Оуэн М., Морер К. Нелегкий день. Из первых уст об операции «морских котиков» по ликвидации Усамы бен Ладена. М.: Эксмо, 2013. 316 с.
16. Прямицын В., Яковлев Е. Часть 7. Первый бой афганской войны // Цифровая история: [видео]. URL: https://dzen.ru/video/watch/644fdcd21bfaef108fb2e2a7.
17. ТАСС. Удары США по Венесуэле, «вывоз» Мадуро из страны. Хроника событий // ТАСС: сайт. 2026. 3 января. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26079859
18. Фейфер Г. Большая игра: война СССР в Афганистане. М.: Эксмо, 2013. 336 с.
19. Шторм-333. Взятие дворца Амина / сост. В. Мзареулов. М.: Родина, 2024. 256 с.

References

1. Andogskiy A.I., Drozdov Yu.I., Kurilov V.N., Bakhturin S.G. Afghanistan, Again Afghanistan... Moscow: Voenizdat, 2002. 320 p. URL: https://litlife.club/books/240599/read
2. Balenko S.V. GRU Spetsnaz in Afghanistan Moscow: Yauza: Eksmo, 2010. 256 p.

3. Braithwaite R. Afghanistan: Russians at War Moscow: AST: CORPUS, 2013. 496 p.
4. Jones S. The US War in Afghanistan. At the Graveyard of Empires Moscow: Eksmo, 2013. 480 p.
5. Drozdov Yu.I., Kurilov V.N., Andagskiy A.I. Operation Storm-333. Almanac "Vympel". 1999. No. 3. pp. 5–240.
6. Zaitsev G.N. Spetsnaz "Alpha": Deeds and People. Moscow: OLMA Media Group, 2017. 704 p.
7. Korgun V.G. History of Afghanistan. 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Kraft+, Academician of Sciences. Institute of Oriental Studies, 2004. 528 p.
8. Koshelev V.M. Storming of Amin's Palace: A Military Intelligence Officer's Version. Lyubertsy: Union of Writers of the Moscow Region, 2007. 262 p.
9. Kunstmann A.R. Operation "Storm-333": The Muslim Battalion and the Storming of Amin's Palace in Documents and Eyewitness Accounts from Both Sides. Moscow: Russkaya Panorama, 2021. 368 p.
10. Kurkov V.V. "Before You Enter, Think About How You'll Exit": Common Negative Experiences of the Soviet and US Afghan Wars. 30 Years since the End of the War in Afghanistan. Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Perm Military-Historical Readings". Perm: GASPI, 2019. P. 188 – 196.
11. Kurkov V.V., Klimanova V.N. Historical Lessons of the War in Afghanistan: "Limited Contingent" as a Common Miscalculation of the Military Strategy of the USSR and the USA. Historical Bulletin. 2023. Vol. 6. No. 6. P. 85 – 89.
12. Kurkov V.V., Silchenko D.I. Historical Lessons of the Anglo-Afghan Wars in the Context of Soviet and US Military Operations in Afghanistan. Historical Bulletin. 2023. Vol. 6. No. 6. P. 147 – 152.
13. Lyakhovsky A.A. The Tragedy and Valor of Afghanistan. Yaroslavl: OOO TF NORD, 2004. 800 p.
14. Nikitenko, E.G. Afghanistan: From the War of the 1980s to the Forecast of New Wars. Moscow: OOO Izdatelstvo Astrel: OOO Izdatelstvo AST, 2004. 362 p.
15. Owen M., Maurer K.A Hard Day: Firsthand Accounts of the Navy SEALs' Operation to Eliminate Osama Bin Laden. Moscow: Eksmo, 2013. 316 p.
16. Pryamitsyn V., Yakovlev E. Part 7. The First Battle of the Afghan War. Digital History: [video]. URL: https://dzen.ru/video/watch/644fdcd21bfaef108fb2e2a7.
17. TASS. US Strikes on Venezuela, Maduro's "Removal" from the Country. Chronicle of Events. TASS: website. 2026. January 3. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26079859
18. Feifer G. The Great Game: The USSR's War in Afghanistan. Moscow: Eksmo, 2013. 336 p.
19. Storm-333. The Capture of Amin's Palace. compiled by V. Mzareulov. Moscow: Rodina, 2024. 256 p.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Трошин А.С., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Трошин А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 902
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-274-288

О достижениях и проблемах археологии в восточном Крыму с момента воссоединения

[1] Супренков А.А.,
[1] Институт археологии Крыма Российской академии наук

Аннотация: статья посвящена проблемам сохранения археологического наследия в восточном Крыму – уникальном регионе с точки зрения насыщенности и разнообразия памятников археологии, известных здесь от эпохи каменного века до позднего средневековья. Особенность этого региона в контексте заявленной темы заключается в том, что в новейшее время на территории полуострова изменилось законодательство, регулирующее обозначенный вопрос, что связано с известными событиями 2014 г. Многолетний опыт автора, работающего на территории Керченского полуострова в том числе задолго до указанных событий, позволяет на практических примерах провести краткий сравнительный анализ последствий изменения законодательной базы. Цели и задачи настоящей статьи – попытка подведения общих итогов и освящения некоторых проблемных вопросов, имеющих место в настоящее время. В работе в основном используются результаты исследований автора либо при непосредственном участии автора, что с одной стороны несколько противоречит историографическому принципу, но позволяет пользоваться достоверными данными без применения всякого рода заимствований. С точки зрения практического применения статья будет интересна как историкам и археологам, так и информативна для представителей организаций, ответственных за сохранение археологического наследия.

Ключевые слова: Восточный Крым, объекты археологического наследия, законодательство, новейшие исследования

Для цитирования: *Супренков А.А. О достижениях и проблемах археологии в восточном Крыму с момента воссоединения // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 274 – 288. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-274-288*

Поступила в редакцию: 19 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

About the achievements and problems of archeology in the Eastern Crimea since reunification

[1] Suprenkov A.A.,
[1] Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences

Abstract: the article is devoted to the problems of preserving the archaeological heritage in eastern Crimea, a unique region in terms of the richness and diversity of archaeological sites known here from the Stone Age to the Late Middle Ages. The peculiarity of this region in the context of the stated topic is that in modern times, the legislation regulating the designated issue has changed on the territory of the peninsula, which is related to the well-known events of 2014. The author's long-term experience working on the territory of the Kerch Peninsula and long before these events allows us to conduct a brief comparative analysis of the consequences of changes in the legisla-

tive framework using practical examples. The aims and objectives of this article are an attempt to summarize and highlight some of the current problematic issues. The work mainly uses the results of the author's research or with the direct participation of the author, which on the one hand somewhat contradicts the historiographical principle, but allows the use of reliable data without the use of any kind of borrowings. From the point of view of practical application, the article will be of interest to both historians and archaeologists, as well as informative for representatives of organizations responsible for the preservation of archaeological heritage.

Keywords: Eastern Crimea, archaeological heritage sites, legislation, latest research

For citation: *Suprenkov A.A. About the achievements and problems of archeology in the Eastern Crimea since reunification. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 274 – 288. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-274-288*

The article was submitted: May 19, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

В данной работе нами обсуждаются проблемы сохранения культурного, если точнее, археологического наследия. Этот вопрос достаточно успешно регулируется на законодательном уровне, и за последние десятилетия можно привести ряд примеров успешного решения соответствующих задач. Тем не менее, в этой области существует ряд проблем, как правило, на местном уровне. В течение последних лет, в связи с известными событиями, частью нашей страны стал ряд новых регионов, где, соответственно, начали распространятся и соответствующие юридические нормы. Мы бы хотели подробнее рассмотреть один из таких – восточный Крым. Прежде всего – это уникальный район с точки зрения количества и разнообразия археологических объектов от эпохи камня до позднего Средневековья. И, далее, с работой здесь автора связывает тридцатилетний опыт. Представленные ниже сведения являются определённой антологией наших исследований в определённом месте в переходный исторический период.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов для нашего исследования используются результаты археологических работ автора в период с 2014 по 2022 гг. на территории восточного Крыма. Методы традиционные, включающие анализ, синтез, сопоставление и системный подход к источникам.

Результаты и обсуждения

В момент воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. восточная часть полуострова стала играть особенную социально-политическую роль. Изолированная проливом от остальной территории страны республика остро нуждалась в инфраструктурном строительстве, которое так или иначе проводилось по территории Керченского полуострова. В сочетании с особым историко-культурным значением этой области, перед специалистами возник ряд задач, отвечающих необходимости сохранения уникального археологического наследия. Согласно Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ памятники археологии, расположенные на земельных участках, должны быть обследованы в случае вывода этих участков из сельскохозяйственного оборота. Организацией этих исследований занимается инициирующая осуществление землеотводов сторона. Важнейшим условием для изменения статуса земельного участка является наличие обязательной историко-культурной экспертизы. В украинском же законодательстве, по сведениям автора, в 2008 г. был отменён обязательный характер этой процедуры, что делало и обследование археологических памятников на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению легко обходимым юридически. Начиная с 2014 г. на территории Крыма стало действовать российское законодательство в области охраны культурного наследия, однако органы, ответственные за осуществление соответствующих мероприятий, зачастую не имели необходимого практического опыта его применения. В связи с этим на несколько лет был установлен «переходный период», допускающий в ряде случаев использование практик, применяемых ранее. Так или иначе, необходимость указанных действий в этом регионе кратно возросла и решать соответствующие задачи приходилось в очень короткий срок.

Приведём ряд успешного решения этих задач

Одним из первых масштабных проектов, необходимых для региона, безусловно было строительство моста через пролив. Изначально рассматривалось четыре варианта его сооружения, среди которых самым логичным выглядело возведение постройки через самое узкое место пролива в районе действующей переправы. Но обстоятельства осложнялись тем, что согласно «Жуковскому варианту» подъездная трасса к мосту

должна была пройти по территории многочисленных археологических объектов, в том числе и федерального значения. В задачу, поставленную перед автором, входило обследование указанной территории, что стало первыми работами такого рода в рамках российского законодательства и методики проведения археологических исследований. За короткий срок нами было обследовано около 30 памятников археологии, часть среди которых была выявлена впервые.

Среди ярких обследованных объектов выделим четыре. Поселение *Жуковка 3* было обнаружено к северу от северо-восточной границы городища Порфмий. Здесь был собран подъёмный материал, представленный фрагментами эллинистических амфор Менды, Синопа, Родоса и Книда, фрагменты лепной и красноглиняной посуды. Границы памятника были определены на основании пяти шурфов, которые позволили выявить культурные напластования мощностью до 0,6 м, а также эллинистический материал – фрагменты родосских и синопских амфор, фрагменты посуды синопской глины, чернолаковой и простой красноглиняной посуды. Отдельно отметим ручку синопской амфоры с клеймом 275-270 гг. до н.э. Площадь выявленной усадьбы составляла около 3500 кв.м., датировка – IV-III вв. до н.э. Следующее поселение *Опасное 3* было выявлено в 1 км к северо-западу от городища Парфений. В результате сбора подъёмного материала и шурфовки на нём были найдены фрагменты амфор типа Синопа IVb, типа «с поднятыми ручками», столовой посудой, в том числе краснолаковой и лепной, а также боспорский обол. Судя по всему, обследованный объект был небольшим поселением II-III вв. н.э., площадью около 500 кв.м. На следующем участке нами была обследована усадьба Опасное 8, расположенная в окрестностях Парфения и ранее выявленная В.В, Веселовым. В качестве подъёмного материала и в результате шурфовки были найдены фрагменты черепиц синопского и боспорского производства, фрагменты родосских амфор, лепная посуда, фрагмент северо-ионийского килика первой половины VI в. до н.э. с росписью, бусина и монета, посуда синопской глины, красноглиняная посуда. Площадь обследованного объекта – около 3500 кв.м., датировка большей части находок – III-II вв. до н.э. при наличии как более раннего, так и более позднего материала. Другое поселение *Стройгородок 1* было выявлено в 2 км к западу от городища Парфений. Находки среди подъёмного материала были представлены фрагментами синопских амфор, амфор типа 73 по Зеест II-III вв. н.э., фрагментами средневековых амфор «причерноморского» типа, фрагментом ножки пепаретской амфоры IV в. до н.э. Шурфовка выявила наличие культурного слоя мощностью до 0,9 м и фрагмент каменной кладки в одном из шурфов. В шурфах также было найдено два клейма на ручках синопских амфор III в. до н.э., пирамидальное керамическое грузило с отверстием и массовый материал – фрагменты средневековых амфор, родосских и синопских амфор, амфор Менды и Книда, фрагмент ножа, ручки чернолаковых канфаров, фрагменты красноглиняных сосудов. Предварительно поселение Стройгородок 1 можно датировать эллинистической эпохой, его площадь около 6 500 кв.м.

Научные результаты наших исследований были опубликованы [11], а также какое-то время спустя, нашли свою оценку и на государственном уровне (рис. 1).

Вышеописанные работы стали первым примером подобных мероприятий в новых геополитических условиях. В итоге для постройки моста был выбран Тузлинский вариант, впоследствии успешно реализованный.

Следующим крупным инфраструктурным проектом в республике было строительство газопровода Краснодарский край – Крым. В 2015 г. за короткие сроки нами было обследовано около 100 км. трассы его проекта и в процессе изучено около 30 памятников археологии, ряд из которых также стали вновь выявленными. По техническим соображений трасса газопровода не подлежала переносу, и год спустя с целью сохранения выявленных объектов археологического наследия на части из них были проведены охранные археологические раскопки. В сфере ответственности автора оказался раскоп на кургане Горностаевка 1, примыкающий к линии Узунларского вала.

Узунларский вал в Восточном Крыму является одним из самых древних и наилучшим образом сохранившихся оборонительных сооружений на юге России. Среди нескольких объектов этого типа он является наиболее протяжённым на Керченском полуострове. Он простирается от Азовского моря до Чёрного и его длина около 35 км. Такой масштабный объект не мог не попасть в поле внимания историков и путешественников и его описание мы находим начиная с XVIII в. Часть учёных склонялось к тому, чтобы идентифицировать Узунларский вал как «ров, выкопанный потомками слепых рабов», описанный Геродотом [Herod., IV, 3]. Что касается текста Страбона в котором упоминаются масштабные фортификационные работы, осуществлённые боспорским царём Асандром [Strabo., IV, 6], то в начале 2000-ых гг., удалось археологически доказать, что упомянутые в тексте «башни» действительно расположены именно на нём. Согласно общепринятой точке зрения, считалось, что вал был сооружён в античную эпоху, однако вопрос о точной датировке объекта оставался дискуссионным.

Раскоп 2016 г. включил в себя большой курган, расположенный напротив видимого проезда в линии вала, саму насыпь и ров, а также всё окружающее пространство. В первый же месяц работ на вершине кургана была раскопана античная каменная «башня» неплохой в целом сохранности, хотя часть стен были деформированы. Размеры постройки изначально составляли, предположительно 10 х 10 м, она состояла из двух помещений с фундаментальной стеной посередине и могла иметь не менее двух этажей. Сохранившиеся фундаменты позволили установить идентичность башни по планировке с аналогичными сооружениями, исследованными в линии вала ранее. Археологический материал, обнаруженный в процессе работ по большей части, датировался второй половиной I в до н.э., что позволяет отнести это строение, как и другие схожие сооружения ко времени правления боспорского царя Асандра. Любопытно, что стены башни стояли на культурном слое, датировка которого согласно археологическим находкам – IV-III вв. до н.э. Очевидно, что она возникла на месте какого-то более раннего сооружения, впоследствии достроенного или перестроенного.

К востоку от «башни», за восточной полой кургана в материке было выявлено множество хозяйственных ям. Было раскопано более двух десятков объектов этого типа. Они были довольно похожи, имели около 1 м в диаметре и достигали глубины также до метра. Инвентарь из заполнения ям имел широкую датировку от V в. до н.э. до III в. н.э., охватывая, по-видимому, весь хронологический период функционирования построек античного времени.

Среди объектов другого типа нами был исследован масштабный, хотя и трудно интерпретируем «П-образный ров». Его вершина, длиной около 7 м, была расположена в 20 м к западу от центра башни, а два параллельных рукава протяжённостью до 60 м упирались в горловину Узунларского рва. Ранее этот ров был нами интерпретирован как огораживающий проезд через линию вала-рва, сейчас мы склонны считать его более древним сооружением, относящимся, по-видимому, ко времени сооружения курганной насыпи скорее всего эпохи бронзы.

Разрез самого вала показал интересные особенности его формирования, в частности было установлено, что он, по крайней мере, не один раз досыпался с восточной стороны. Ширина насыпи в основании составила 18 м при её высоте до 3,5 м.

Возвращаясь к кургану, отметим, что его насыпь была доследована целиком после того, как полностью были исследованы расположенные наверху археологические слои и каменные постройки. Стратиграфия была несложной, в верхних слоях содержался археологический материал, связанный, по всей видимости с функционированием вышеуказанной башни. Насыпь перекрывала погребение с двойной каменной обкладкой. Верхняя конструкция была диаметром до 6,5 м при высоте до 2,5. Это каменное кольце лежало на основании внутренней части насыпи. Могильная же яма находилась в ещё одном каменном кольце диаметром около 2,5 м. Погребение, оказалось ограбленным и содержало только разрозненные кости человека и лошади, а также несколько фрагментов лепной керамики.

Собственно, Узунларский ров находился в западной части нашего раскопа. Исследования показали, что ширина его горловины достигала 13 м. Глубина рва была до 6 м, разрез сооружения зафиксировал наличие двух основных строительных периодов его возведения. Самая же яркая же находка ожидала нас в центральной части раскопа на участке к северу от места соединения П-образного рва с большим рвом. Выявленное здесь архитектурное сооружение, получившее в средствах массовой информации наименование *«Боспорские ворота»* (рис. 1) не имело аналогов в археологии Северного Причерноморья.

Рис. 1. Боспорские ворота. Общий вид с северо-востока.
Fig. 1. Bosporus Gate. General view from the northeast.

Речь о каменном мосте через Узунларский ров, состоящим из двух опор. Эта конструкция многократно описывалась нами ранее, укажем сейчас на то обстоятельство, что она была двухчастной. Юго-западная часть ворот была сконструирована из крупных (1 х 0,5 х 0,5 м) обработанных рустованных блоков, а северо-восточная из необработанных. В настоящий момент мы полагаем, что эта особенность конструкции моста соответствует двум строительным периодам его возведения, что прямо соотносится и с двумя основными строительными периодами, прослеженными в структуре рва, насыпи, а также постройки на вершине кургана [18].

При выборке грунта между опорами моста нами было обнаружено женское погребение с инвентарём. Оно было интерпретировано как сарматское и является наиболее ранним для данной культуры на столь удалённым на восток от их общего ареала районе [1]. Его предположительная датировка – вторая половина I в. до н.э., которая маркирует с наибольшей вероятностью и время реконструкции моста, захоронение под проезд могло быть осуществлено в это единственное хронологическое окно. В историческом контексте эту соответствует периоду правления боспорского царя Асандра, что соотносится и с вышеуказанными письменными источниками.

В ходе раскопок было собрано значительная коллекция артефактов, большая часть из которых датировалась относилась к античному периоду. Их датировка V в. до н.э. – рубеж II-III вв. н.э., что предположительно приблизительно соответствует времени жизнедеятельности всей исследованной структуры в античный период. В заполнении рва встречались вещи, относящиеся и к позднеантичному времени, к салтово-маяцкому периоду, к эпохе ханского владычества и позднесредневековые находки. Наиболее позднее захоронение, обнаруженное в насыпи вала, датировалось 1820 г. Анализ распределения археологического материала привёл нас к ряду выводов. 1. Находки IV-III вв. до н.э, обнаруженные в слое на верхушке кургана под башней, в заполнении П-образного рва и частично в заполнении Узунларского рва свидетельствуют, хотя и косвенно, о времени возведения данного фортификационного сооружения и сопутствующих построек. 2. Находки, датирующиеся второй половиной I в. до н.э. – II-III вв. н.э. соответствуют в своей нижней хронологии времени реконструкции башни на кургане, а также перестройке вала – расширения рва и увеличения насыпи и конструкции моста. 3. На рубеже II-III вв. н.э., во время правления Савромата II, когда на близлежащей высоте появляется укреплённое городище Савроматий, вся система построек античного времени приходит в запустение. 4. Встречающийся поздний материал говорит о том, что этот проезд функционировал плоть до XIX в. [6, 13].

Таким образом, помимо широкого общественного резонанса, открытие *Боспорских ворот* позволило добавить новую актуальную информацию о возможном времени возникновения Узунларского вала, или как минимум его реконструкции. А также стало примером того, как осуществление строительства необходимой для полуострова инфраструктуры может сочетаться с сохранением археологического наследия и его всесторонним исследованиям.

Следующий масштабный проект на территории республики был связан с сооружением трассы «Таврида». Ему предшествовали масштабные археологические исследования затем раскопки, беспрецедентные на территории республики. В 2017 г. здесь более года функционировала комплексная археологическая экспедиция под общим руководством Института археологии РАН. В ней принимали участие несколько профильных организаций, десятки специалистов-археологов и до тысячи сотрудников. В рамках работы над научной плановой темой автором были исследованы четыре основных земляных-пограничных сооружения восточного Крыма. Это Акмонайский, Узунларский валы, вал Безкровного и Тиритакский вал.

Излагая ход наших работ по традиционному правилу периплов – с запада на восток, осветим результаты исследования Акмонайского вала. Он расположен на одноимённом перешейке и отделяет Керченский полуостров от остальной части Крыма. Насыпь вала начинается в районе озера Сиваш и тянется к юго-юго-востоку до окраин посёлка Береговое. Раскоп 2017 г. находился в 4 км к северу от указанного населённого пункта. Было исследовано 80 м протяжённости вала. Насыпь было представлена здесь слоем плотного тёмно-коричневого суглинка мощностью до 0,25 м., то есть была практически полностью разрушена антропогенным воздействием. Выкопанный в материке ров достигал глубины 3,5 м. Ширина горловина составляла в среднем 9 м. На дне рва была обнаружена прослойка горелой органики, радиоуглеродный анализ которой дал относительно позднюю датировку – рубеж II-III вв. Обнаруженный археологический материал был невыразительным. Он находился в верхнем горизонте заполнения рва и не дал нам возможности для предположений о датировке сооружения. Географическое положение вала, а также общая логика исторического развития дают нам основание присоединиться к мнению тех исследователей, что Акмонайский вал тождественен «рву слепых рабов», упоминаемый Геродотом [8]. Следовательно, существует вероятность, что со-

оружение является до-боспорским и наиболее древним среди валов Восточного Крыма, послужившим затем тенденцией для этой оборонительной строительной традиции на территории полуострова.

В ходе работ на уже знакомом читателю *Узунларском валу* в были заложены два раскопа общей площадью 2500 кв.м. на участке сооружения к югу от раскопа 2016 г. Выявленная ширина насыпи от основания до погребённой почвы составила 3 м, при её ширине до 20. Как и в ходе работ предыдущего года характер структуры насыпи свидетельствовал о двух основных строительная периодах этапов её возведения. Новым объектом, выявленным в ходе текущего сезона, были две каменные конструкции. Это вымостка из плоских камней, залегающая на погребённой почве к востоку от насыпи первого периода её конструкции. К востоку же от второго была выявлена каменная крепида протяжённостью более 20 м и шириной до 2 м из необработанных средних и крупных известковых камней. Эти две параллельные каменные конструкции послужили подтверждением нашему тезису о наличии двух основных строительных этапов. Что касается разрезов рва, то их полный профиль удалось получить только на втором раскопе из-за высокого уровня грунтовых вод на первом. Его глубина достигала 3 м. Среди археологических находок, найденных в заполнении, как и ранее имел место материал IV–III вв. до н.э., но преобладал I в. до н.э. – начала II в. н.э.

Следующий объект нашего исследования – вал *Безкровного*, он же Чокракский расположен восточнее Узунларского. Его трасса прослеживается от южного берега Чокракского озера до западной оконечности Тобечикского озера. Вал был открыт в 1875 году И. С. Безкровным, по имени которого и назван. Участок работ 2017 г. располагался к западу от п. Горностаевка. Из-за сложного рельефа на этом участке конфигурация рва не была прямолинейной и нам пришлось заложить несколько раскопов, чтобы выявить его направление в пределах земельного отвода. Было установлено, что почти нигде насыпь вала не сохранилась, она была представлена полоской супеси светло-серого цвета, с большим количеством мелких камней и щебня мощностью не более 0,5 м. Ров имел разные параметры на разных раскопах. Наиболее выразительные разрезы показали, что он был выкопан в материковой скальной породе и достигал глубины 2,1 м, при ширине около 2,5 м. Верхняя часть заполнения рва, мощностью 0,76 м, состояла из гуммированного суглинка темно-серого цвета, светлеющего к нижней части. В средней и нижней части рва заполнение представлено однородным слоем светло-коричневой супеси. В центре заполнения обнаружен плотный завал мелких и средних камней. В ходе работ было установлено, что на обследуемом участке ров дважды прерывается. Эти промежутки в линии рва, были оставлены при его строительстве, возможно для проезда. Либо же здесь ров был вписан в естественные углубления в материковой скале, и прерывистость его линии имеет естественное происхождение. К сожалению, датирующий археологический материал в заполнении рва практически отсутствовал [3, 12].

Наиболее объёмные работы в сезоне 2017 г. проводились нами на *Тиритакском валу*. Это самый восточный среди аналогичных сооружений и в какой-то степени наиболее исследованный. Тем не менее множество вопросов касательно хронологии и географии памятника археологии остались открытыми. Наши раскопы были заложены на южном участке Тиритакского вала непосредственно к северу от второго змеиного кургана Юзобинской гряды. Они проводились на двух раскопах общей площадью 7500 кв. м. На раскопе 1 ров был вытянут по линии север-юг. Глубина его горловины от современной дневной поверхности колебалась от 1,2 м до 3 м, его ширина была от 3,5 м до 5,5 м. В сооружении рва можно выделить два строительных периода. От первого сохранилось углубление до 1,5 м глубиной в восточной части рва, заполненное тёмно-серым суглинком. Второй период, представлен траншеей чуть большей глубины, прорезавшей значительную часть первого углубления. Она была заполнена тёмно-серым суглинком с примесью известнякового щебня и отдельных камней. Насыпь вала сохранилась частично, в основном в виде слоя погребённой почвы. Среди других вывленных здесь конструкций была каменная крепида, расположенная непосредственно к востоку от рва, залегающая частично на погребённой почве, частично на тонкой прослойке насыпи. Она была исследована в длину более чем на 60 метров, её ширина составляла 2,5 м. Кладка крепиды была выполнена из необработанных известняковых средних и мелких камней.

Ориентировка рва в раскопе 2 была такой же, но в центральной части имел место его поворот к югу. Его глубина составляла 0,8-1,5 м. В заполнении рва в его придонной части были обнаружены плотные каменные завалы, состоящие из «дикого» известняка и ракушечника, встречались и обработанные или частично обработанные известняковые блоки. Насыпь не превышала 1,2 м над поверхностью погребенной почвы. Она состояла преимущественно из переотложенного материкового грунта, перемешанного с серым гуммированным суглинком. Остатки крепиды на этом раскопе были выявлены только в его южной части.

Многочисленный археологический материал, выявленный в процессе раскопок, был представлен двумя основными хронологическими периодами – IV-III вв. до н.э., а также I в. до н.э. – II в. н.э. [15].

Не можем не выделить синхронность времени этих находок с материалом, полученном нами на Узунларском валу годом ранее. Как мы говорили вышк, преобладание находок второй половины I в. до н.э., вероятнее всего, связано с деятельностью Асандра по укреплению обороны Боспора. Что же касается ранней группы материала, то он, хотя и косвенно, свидетельствует о времени возведения обоих оборонительных сооружений. По всей видимости, это произошло в эпоху царствования выдающихся Спартокидов, когда имело место расширения территории крымского Боспора на запад. У нас есть очень пространное указание Демосфена о войне Перисада со скифами [Dem., XXXIV, 8]. Если сооружение валов соотносится с этим текстом, то это могло произойти в период правления Перисада I в момент наибольшего расширения территории Боспорского государства [4].

Раскопки 2017 г. дали возможность не только получить множество новых данных относительно хронологии отдельно взятых земляных сооружений, но и попытаться связать период их сооружения с отдельными эпизодами истории Европейского Боспора [7].

В следующим 2018 г. автор и его сотрудники участвовали в работах при строительстве железной дороги на подходах к Крымскому мосту. Были продолжены исследования на Тиритакском валу, и проведены небольшие раскопки на участке вала Безкровного, которые позволили получить новые разрезы рвов и насыпей и уточнить хронологию сооружений, в целом подтвердив выводы, предложенные нами годом ранее.

В 2019 г. в ходе этого же проекта нами были исследованы участки двух сельских поселений – Аджиэль II и III, расположенных вблизи п. Белинское Ленинского района. Общая площадь проведённых раскопок составила 3200 кв.м. Датировка обоих поселений - IV-III вв. до н.э. В ходе раскопок были выявлены распаханный культурный слой мощностью до 1 м и несколько углублённых в материк археологических объектов. В центральной части южного раскопа на поселении Аджиэль III был также выявлен в нижнем горизонте стратиграфических напластований культурный слой мощностью до 0,3 м, содержащий лепную керамику и кремневые отщепы, предположительно относящийся к эпохе бронзы. Схожесть хронологии находок античного времени позволяет предположить, что эти два расположенные неподалёку друг от друга поселения, возможно, являлись периферийными участками какого-то одного более крупного. Представим краткую характеристику археологического материала, обнаруженного в процессе работ.

Индивидуальные находки были представлены крышкой, изготовленной из фрагмента стенки красноглиняной амфоры, медной монетой, двумя трехгранными бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел, бронзовой накладкой, двумя фрагментами железных ножей, железным гвоздём, двумя кремневыми наконечниками, каменными тёрочником и оселком, костяной проколкой.

Массовый материал был представлен в основном фрагментами амфор традиционных центров импорта в эллинистический период, некоторые их них с клеймами. Среди них Хиос, Фасос, Синопа, Гераклея, Менда и Кос. Отдельно отметим фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом. Среди более поздних находок – ножка гераклейской амфоры типа CIII, 20-15 гг. I в. до н.э. – первой трети I в. н.э. и ручка красноглиняной амфоры второй четверти VI-VII вв. н.э. Столовая посуда была представлена фрагментами красноглиняных сосудов, более редко встречались сероглиняные и коричневоглиняные. Лепная керамика преимущественно представлена венчиками и донцами сосудов [14].

Помимо обозначенных раскопок нами были проведены разведки на валах Восточного Крыма, что позволило получить новые сведения относительно географического положения некоторых участков Тиритакского вала [5].

В 2020 г. мы принимали участие в мероприятиях по сохранению археологического наследия при городском строительстве в г. Керчь. В ходе работ по постройке ул. им. Исмаила Гаспринского нами был частично исследован некрополь Капканы Северный 1. Этот памятник расположен, к северу от микрорайона Капканы и был обнаружен в 2018 г. А.М. Михайловым.

Был раскопан его периферийный участок площадью 2275 кв.м. В ходе раскопок было обнаружено 12 ингумационных погребений. 10 среди них датируются античным периодом, ещё два трудно-датируемы. Античные могилы располагались на исследованном участке неравномерно, в один уровень залегания, но неупорядоченно, наибольшая их концентрация находилась на площадке площадью около 200 кв.м. Ещё два античных погребения находились на некотором удалении. Погребённые были захоронены чаще всего вытянуто на спине, что касается их ориентировки по сторонам света, то она была разной.

Исследованные комплексы делились на простые погребения в грунтовых ямах и на могилы с каменной архитектурой. Их общая датировка – вторая половина IV-II вв. до н.э.

Больше всего захоронений относились к типу простых грунтовых. Ориентация их различная: одно погребение №6 было ориентировано головой на север, два погребения №№7-8 с южной ориентацией, ещё два №№10-11 ориентированы на восток. Во всех случаях погребённые лежат вытянуто на спине, за исключени-

ем погребения №10, где, по всей видимости, в изначальном положении ноги у погребённого были согнуты в коленях в поднятом положении. Все захоронения были совершены в узких неглубоких ямах подпрямоугольной в плане формы.

Ко второму типу захоронений в грунтовых ямах с каменным закладом относятся погребения с номерами 4 и 9. Погребение №4 ориентировано головой на восток, погребение №9 – на юг. В обоих случаях погребённые лежали вытянуто на спине, у индивида в могиле №9 ноги были согнуты в коленях и предположительно находились на момент совершения обряда в поднятом положении. Могильные ямы в обоих случаях были неширокие, подпрямоугольной в плане формы. Заклад погребения №4 представлял собой два очень крупных уплощенных обломка скальной материковой плиты, которые по общему периметру были обложены в 1-2 ряда в 1 слой камнями рваного известняка среднего размера. В случае с погребением №9 это обломки рваного известняка среднего и крупного размера, сохранившиеся in situ только в южной части захоронения.

Третий встреченный тип захоронений – погребения с каменной обкладкой – характеризуется единственным погребением №2. Захоронение совершено в достаточно широкой – 3,7×1,6 м, неглубокой – до 0,5 м могильной яме, периметр которой был оформлен невысокой обкладкой, состоящей из мелкого бутового камня, уложенного в 2-3 слоя иррегулярно. Ширина сформированных таким образом «стен» составила 0,2-0,4 м, общая ориентация ямы северо-восточная. Комплекс, по всей видимости, был частично повреждён, что связано с неглубоким его залеганием относительно уровня современной дневной поверхности.

Четвёртый представленный на некрополе тип захоронений – погребения в каменных склепах многократного использования представлен погребениями №№1, 3. Конструкция обоих склепов схожая, оба они устроены в материковых грунтовых ямах прямоугольной в плане формы, стены которых с трёх сторон – северной, восточной и южной, облицованы необработанными поставленными «на ребро» очень крупными каменными плитами или грубо подтёсанными камнями. Щели и углы между ними забутованы средним и мелким камнем. Обе ямы имеют восточную ориентацию. Размеры наиболее крупных каменных плит достигали в длину 1-1,25 м, их высота составила 0,6-0,8 м. В обоих случаях западный фас как таковой отсутствовал. Это был небольшой по высоте вертикальный земляной порожек с пологим подъёмом – вероятно, оформленное место входа в склеп – дромос. Отметим, что в погребении №3 сохранился каменный заклад в виде четырёх крупных известняковых камней, трёх продолговатых в восточной части и плитового камня, уложенного плашмя в западной. Заклад в погребении №1 обнаружен не был. Вероятно, в первоначальном виде комплекс имел черепичное перекрытие, несколько крупных обломков черепицы было найдено в самом погребении при его расчистке. В случае погребения №1 следует отметить небольшую каменную площадку, сформированную из уложенных необработанных камней различного размера с трёх сторон от склепа.

В пространстве между захоронениями некрополя было зафиксировано несколько комплексов обряда тризны в виде скоплений керамических фрагментов различного типа посуды, среди которых встречены унгвентарий и рельефная чаша, III-II вв. до н.э. и III-I вв. до н.э. соответственно.

Наиболее же ярким из исследованных здесь объектов стал курган с каменной архитектурой, расположенный в северо-восточной части раскопа. При работах на этом сооружении обнаружены частично сохранившиеся конструкция каменного панциря на грунтовой насыпи - кромлех, а также погребальная камера (склеп) с дромосом и заклад в ней, сложенные из крупных необработанных каменных плит. Под закладом было выявлено погребение, совершенное по обряду кремации. Диаметр погребального сооружения составил около 16 м, а общая высота сохранившейся насыпи – до 1,27 м, первоначально, вероятно, до 2 м.

Итак, курган представлял собой земляную насыпь, плотно обложенную камнями маленького и среднего размера, формирующими достаточно плотный панцирь. В центре под насыпью на горизонтально выровненной, слегка заглубленной в материк площадке была устроена погребальная камера в виде каменного склепа, окруженная на некотором расстоянии кольцом кромлеха. Склеп, сложенный в иррегулярной кладке из крупных и средних необработанных камней, с южного торца имел оформленный невысокими стенками короткий неширокий дромос. В центре зафиксировано крупное зольное пятно подпрямоугольной в плане формы – следы совершенного обряда кремации. Под ним обнаружена глубокая яма, заполненная грунтом, сильно насыщенным золой с большим количеством керамических обломков. Нижний горизонт ямы был забутован несколькими крупными известняковыми камнями.

Каменный панцирь с кромлехом наиболее хорошо сохранился в восточной части. Общий размер крупного восточного участка панциря составил 6,5 × 3,6 м (по осям сторон света). Еще один участок зафиксирован на юго-западе насыпи, его общие размеры составили около 7 × 6 м, однако плотность камней здесь го-

раздо меньшая – целостность панциря, очевидно, была нарушена. Несколько отдельных участков панцирной обкладки меньшего размера выявлено на юге, юго-западе, севере и северо-западе.

Непосредственно над погребальной камерой этот панцирь, очевидно, был разрушен, возможно, при совершении повторного обряда захоронения.

Конструкция кромлеха, окружающая камеру, располагалась на расстоянии 2,0–2,2 м от внешнего края стен камеры и предположительно имела диаметр около 9 м. Кромлех сохранился лишь в некоторых местах – к северу и востоку от камеры. С южной стороны, где он должен был иметь логическое продолжение, фиксируется развал крупных известняковых камней – очевидно, разрушенный участок кромлеха. С запада он не сохранился.

Погребальная камера с закладом, окружённая кромлехом и панцирем располагалась в центральной части кургана. Она имела под-прямоугольную в плане форму с нечетко оформленными внутренними углами. Размеры внутреннего пространства камеры, образованного стенами, составили 3,8–4,0 × 3,3 м, при максимально сохранившейся высоте её стен до 1 м. Склеп был обустроен на выровненной грунтовой площадке, расположенной по уровню ниже материковых скальных плит.

В середине южной торцевой стены оформлен вход в камеру в виде короткого дромоса. Он облицован с двух сторон двумя уплощенными подтесанными плитами, поставленными «на ребро». Его длина составила 0,85 м, ширина – 0,85 м, размеры плит – 0,80 × 0,45 × 0,20 м, 0,30 × 0,65 × 0,30 м. У левой стенки дромоса, ближе к внутренней части камеры, находилась каменная приступка из подработанного под-прямоугольного каменного блока размером 0,65 × 0,30 × 0,20 м.

В центре погребальной камеры был расчищен заклад в виде навала из нижних – уложенных плашмя, и верхних – установленных под углом 30-50°, крупных и очень крупных известняковых уплощенных камней различной формы. Углы у некоторых из них были подтёсаны. Общий размер навала составил 3,4 × 3,5 м, размеры наиболее крупных камней составили 1,50 × 1,00 × 0,12 м, 1,30 × 1,10 × 0,10 м, 1,10 × 0,65 × 0,10 м. Высота навала превышала 0,8 м.

Под каменным закладом выявлено кремационное погребение. Захоронение представляло собой довольно мощное, около 0,4 м, пятно золистого грунта, перемешанного с пеплом и ссыпанного в центре склепа на поверхность. Количество пепла позволяет предположить, что обряд кремации мог быть массовым(?). Образовавшееся таким образом золистое скопление имело подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, его размеры составили 2,05 × 1,25 м. В золе были обнаружены отдельные мелкие фрагменты обгоревших костей. В качестве погребального инвентаря найдены бронзовый наконечник пояса и бронзовая гарда предположительно от ножа. Под золистым скоплением фиксировалось небольшое пятно прокаленного материкового грунта мощностью 0,01-0,02 м.

В целом же археологический инвентарь, обнаруженный при исследовании кургана, был разновременным и представлен двумя бронзовыми монетами, фибулой II – первой половиной III в. н.э., фрагментом терракотовой статуэтки, ременной бронзовой пряжкой I-II вв. н. э., бронзовой иглой, ножкой буролакового сосуда с граффито III-II вв. до н.э., верхней частью керамического светильника, амфорной стенкой с графите и другими находками. Хронологическая разрозненность инвентаря не даёт нам возможности предположить точное время сооружения кургана, отметим только, что встретившийся здесь материал несколько позднее находок из погребений некрополя. Наиболее «необычным» в данном погребальном комплексе было наличие круглой в плане ямы непосредственно под кремацией, диаметром около 0,7 м и глубиной до 1,4 м, заполненной золой, но по форме типично «поселенческой» хозяйственной. Либо мы имеем дело с периферийным участком какой-либо усадьбы более раннего времени, впоследствии ставшей частью погребального комплекса, либо с обрядом захоронения, ранее не встречавшимся авторам.

Ещё одним «необычным» объектом, исследованным на некрополе, была каменная стена, ориентированная меридионально. В пределах раскопа она имела протяжённость в несколько десятков метров, при ширине 1,1 м. Кладка двухлицевая, трёхслойная из обработанных и грубо отесанных камней разного размера. Предположительно, она могла иметь отношение к могильнику. На раскопанном нами участке все взрослые погребения располагались к западу от неё, а к востоку, возможно, были выявленные детские – несколько ямок, расположенных в ряд, похожих по внешним признакам на погребения, но без наличия костей и находок. Северный край вышеуказанной стены вплотную подходил к западной стенке курганного склепа. Возможно, что склеп был к ней пристроен, а впоследствии часть стены была перекрыта каменно-земляной насыпью. Если это предположение верно, ты мы столкнулись с сочетанием округлой в плане и удлинённой прямолинейной структур при погребальном обряде, хотя, возможно, и разновременных [2, 19].

В 2021 г. небольшие по площади археологические работы при строительстве водопровода в Крым на Узунларском валу и валу Безкровного позволили автору подвести определённые итоги в проблеме изучения валов Восточного Крыма касательно их хронологии [10].

В 2022 г. в рамках этого же проекта исследовался небольшой периферийный участок поселения Городище 11 км – крупного укреплённого пункта римского времени. Раскоп площадью 725 кв. м был заложен на его западной окраине. Дневная поверхность была задернована, местами на ней прослеживались следы разновременного антропогенного воздействия. Почвенный слой подвергался распашке. Стратиграфия была простая, представленная распаханным тёмно-коричневым суглинков мощностью до 1 м, залегающим непосредственно на материке. Из немногочисленных археологических объектов, выявленных в процессе работ, укажем на погребение без инвентаря и небольшую вымостку времён крымского ханства, а также маловыразительные хозяйственные ямы.

Коллекционные находки состояли из нескольких предметов, среди которых медная монета Генуэзской Республики XII-XIV вв., четыре серебряных монеты XV-XVI вв., металлические предметы, графите на амфорной стенке II-III вв. Массовый материал был представлен фрагментами амфор эллинистического и римского времени, позднеантичной керамикой, средневековыми находками. В ходе работ, по всей видимости, был исследован периферийный участок памятника, связанный с существованием небольших посёлков, возникших на руинах римского поселения в позднеантичное и средневековые периоды. [16].

Небольшие по площади работы, но давшие яркий археологический материал были проведены в этом же году на юго-западном пригороде Нимфея. Здесь были исследованы культурные напластования, мощностью до 1,5 м, несколько десятков археологических объектов, а также многочисленный археологический материал, датирующийся второй половиной VI-III вв. до н.э. [9, 17].

Таким образом, мы привели ряд примеров работ по сохранению археологического наследия имевших место в первое десятилетия с момента воссоединения. Не можем не указать и на ряд проблемных случаев, на которые следует обратить внимание.

В 2019 г. авторами были зафиксированы следы разрушения части насыпи Узунларского вала к северу от построенной трассы «Таврида» в непосредственной близости от неё. Инцидент был актирован сотрудниками Восточно-крымского музея-заповедника и представителем Комитета по охране культурного наследия по Ленинскому району. Тем не менее, компенсационные археологические работы, предпочтительные, по мнению авторов в данной ситуации, не были осуществлены. Хоть это в целом не потребовало бы больших организационных усилий от строителей. Вероятно, нарушителями был выплачен штраф.

В следующем 2020 г. подобная ситуация повторилась на двух параллельных насыпях в районе посёлка Войково, находящихся в зоне строительства инфраструктуры для железной дороги. Незадолго до этого одна из них была идентифицирована авторами как участок Тиритакского вала. Все необходимые мероприятия по организации охранно-спасательных раскопок были проведены, а их результаты опубликованы. Тем не менее, опоры столбов были установлены без осуществления раскопок.

Также, ранее по участку вала Безкровного в районе п. Багерово автомобильная дорога была проложена без каких-либо археологических мероприятий.

Наиболее ярким отрицательным примером в 2020 г. стал случай при проведении строительства на ул. Ленина в центре города Керчь. Сопутствующие охранно-спасательные работы здесь проводились, однако по каким-то причинам произошло разрушение культурного слоя значительной мощности, при этом отвалы были вывезены за указанную территорию. Авторы принимали участие в работах Восточно-крымского музея-заповедника по ликвидации последствий инцидента. В процессе переборки грунта одного из отвалов слоя, которых было в сумме более 30-ти, было обнаружено более 80-ти предметов музейной ценности (рис. 2), что даёт представление о масштабе вреда, нанесённого историко-культурному наследию Керчи в результате строительной халатности.

Рис. 2. Находки из строительных отвалов на территории г. Керчь в 2020 г.
Fig. 2. Finds from construction waste dumps in the city of Kerch in 2020.

Вышеуказанные случаи являются примерами нарушений в области сохранения археологического наследия, которым в целом противостоят соответствующие органы. Хотелось бы указать и на некоторые общие проблемы в области защиты культурного наследия. Археологических объектов в Восточном Крыму огромное количество. Так на археологической карте С.Л. Смекалова http://www.archmap.ru/, в той её части, которая составлена по архивным и исследовательским данным, мы находим на территории Керченского полуострова около 1000 объектов. При ознакомлении же с тем разделом, где указаны памятники, стоящие на государственном учёте, мы видим, что их в разы меньше. По опыту нам известно, что зачастую даже поставленные на учёт памятники имеют нечёткую номенклатуру (пример - группа из трёх курганов), а также неточное географическое положение, либо оно отсутствует как таковое.

Описанная ситуация приводит к определенным последствиям. Так, для археологов возникает масса формальных затруднений в случае застройки участка, где расположен объект, хорошо известный в профессиональной среде, но не стоящий на учёте. Доказать его существование за забором и при уже выкопанном котловане – задача не из простых. Кроме того, для постановки на учёт памятника необходимо представить результаты новых исследований, в том числе земляных работ, а не только архивных. А согласно не так давно принятому установлению, Открытые листы на объекты археологического наследия, не стоящие на учёте, не выдаются. Мы оказываемся в замкнутом круге, который существенно замедляет всю цепочку мероприятий, необходимых для определения официального статуса того или иного памятника. Такие действия как постановка на учёт известнейших не один век объектов культурного наследия как Пантикапей, Нимфей, Порфмий и Парфений стали нормой в сегодняшних исследовательских реалиях. В ревизии исторической информации, в общем-то, нет ничего плохого, за исключением того, что, во-первых, в условиях городской застройки специалисты просто не успевают за строителями. Как результат, исследователь, вынужденно взявший на себя обязательства установить, например, границы Пантикапея в короткий срок, неминуемо ошибётся, так как это задача, как минимум, серьёзной научно-исследовательской работы. При этом, определённые на «скорую руку» границы города так и войдут в официальную документацию.

В течение последних лет на законодательном уровне не раз поднимался вопрос об отмене обязательной историко-культурной экспертизы земельных участков. В случае если эта законодательная «инициатива» осуществится бóльшая часть памятников археологии Восточного Крыма останется не защищенной в случае изменении статуса земельных участков, на которых они расположены. И в перспективе это культурное наследие будет безвозвратно утрачено.

Все эти проблемы, в общем-то, очевидны для большинства исследователей. Тем не менее, возьмём на себя смелость внести несколько предложений для улучшения ситуации. Очевидно, что всем исследователям необходимо максимально активно способствовать постановке памятников археологии на учёт. В связи с этим, прежде всего, обращаемся к исследователям с просьбой не пренебрегать не всегда интересной, но необходимой работой по подаче сведений в государственные органы на объекты, выявляемые в процессе исследований. Далее, как нам кажется, необходимо обратиться с инициативой в соответствующие организации для того, чтобы уже известные даже по архивным данным памятники, стали считаться памятниками и до их постановки на учёт, согласно новым установлениям. Так, если руководствоваться простым правилом прецедента, то в случае, если на тот или иной объект в Крыму ранее выдавались Открытые листы в период СССР или СНГ, то он им и является, если в ходе исследований не было доказано обратного. Что касается крупных известных и многократно исследуемых теперь и ранее поселений и городов, то в случае, если информация об их границах устарела, то должна быть установлена исчерпывающая охранная зона, делающая невозможным земельные работы на её территории без археологического участия. В случае с Керчью рекомендуется придать статус такой «охранной зоны» всей административной границе города, как это и было ранее.

Наконец, выскажем, может быть спорную точку зрения о том, что факт наличия объектов археологического наследия следует делать достоянием гласности. Прежде всего, часто случается, что сами исследователи, проводящие обследование земельных участков, не могут получить подробную информацию о наличии на них археологических объектов. В случае охранно-спасательного характера этих исследований не всегда возможна всесторонняя архивная подготовка, требующая длительного времени. В итоге зачастую разными археологами обследуются одни и те же памятники, а после описываются под разными названиями. Наличие общедоступных и проверенных источников облегчит работу в целом. Да и застройщики с пользователями земельных участков будут осведомлены о наличии археологических объектов в границах их деятельности. Представляется, что немногие пойдут на их сознательное повреждение, что возможно по «незнанию». Что до практической реализации такого предложения, то она в целом не так уж и сложна. Возможно создать как новую «археологическую базу», так и использовать существующие. В качестве примера укажем на геопортал, созданный на базе Белгородского государственного университета при участии сотрудников Государственного комитета Крыма по охране археологического наследия: https://crimgeoarch.bsu.edu.ru/Map.

Предвидя возражения, что подобная деятельность даст простор для «чёрной» археологии, ответим – да, такой риск существует. Тем не менее, уместно отметить, что профессиональные «черные копатели» и так хорошо осведомлены обо всех интересующих их объектах. Что касается любителей т.н. металлопоиска, хочется верить, что это незаконное увлечение в целом уходит в прошлое. Да и вряд ли вред, нанесённый объекту археологического наследия одиночкой с металлоискателем, сопоставим со строительным бульдозером при каком-либо масштабном строительстве.

Выводы

Таким образом, нами была изложена определенная точка зрения на проблемы сохранения археологического наследия в Восточном Крыму с позиции практикующих археологов-исследователей. Хочется думать, что наши предложения могли бы найти отклик, как в профессиональной среде, так и среди компетентных лиц.

Завершить нашу заметку хотелось бы на позитивной ноте, и выделить роль и значение академических археологических экспедиций, работающих на территории Восточного Крыма. Бóльшая их часть возникла ещё в советский период, существовала в период существования Крыма в автономном статусе в составе Украины и продолжила работу после 2014 г. Это экспедиции Государственного Эрмитажа, проводящие раскопки городов Нимфей, Мирмекий и Феодосия, экспедиция музея Изобразительных искусств им. Пушкина, работающая в Пантикапее, Московского и Петербургского академических институтов, занимающиеся исследованиями Порфмия, Акры и сельских поселений Крымского Приазовья, педагогических институтов Москвы и Тулы, работающих на городищах Белинское и Артезиан и многие другие. Укажем и наш скромный вклад – работы на городище Сююртащ в Крымском Приазовье, которые ведутся совместно с Белгородским государственным университетом под руководством автора начиная с 2010 г. Результаты раскопа этого эталонного городища III-II вв. в. до н.э. активно вводятся в научный оборот и, хочется надеяться, что помогут значительно расширить наши представления об одном из наименее известных периодов истории Боспора.

Обобщая же всё вышеизложенное, отметим, что с вхождением Крыма в российское правовое объём охранно-спасательных мероприятий по сохранению наследия увеличен кратно, а их результаты публикуются в научных изданиях и излагаются на конференциях, в том числе и с международным участием. Что-же касается археологических артефактов, обнаруживаемых в процессе работ, то все в соответствии с существующим законодательством и методикой проведения археологических исследований оказываются в фондах крымских музеев. В свете вышесказанного возможные обвинения в адрес российских учёных, работающих в Крыму, выглядят, как минимум, несостоятельными.

Список источников

1. Кропотов В.В., Супренков А.А. Погребение I в. до н.э. на Узунларском валу // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения. Керчь, 2017. С. 281 – 287.

2. Столяренко П.Г., Супренков А.А., М.А. Топоривская. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в первом полугодии 2020 г. // Таврические студии. 2020. № 22. С. 133 – 141.

3. Столяренко П.Г., Супренков А.А., Прокопенко С.Н. Валы Безкровного (Чокракский) и Акмонайский (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017: Материалы спасательных археологических исследований. 2018. № 25. С. 354 – 362.

4. Супренков А.А. Валы Восточного Крыма как показатель этапов развития Боспорского государства (по результатам раскопок 2016-2017 гг.) // Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы международной научной конференции. Ч. 1. Спб., 2018. С. 75 – 81.

5. Супренков А.А. Предварительные результаты разведок на валах Восточного Крыма в 2019 г. // Древности Боспора. 2020. Т. 25. С. 360 – 376.

6. Супренков А.А. Узунларский вал: к хронологии сооружения по результатам работ 2015-2017 гг. // Таврические студии. 2020. № 19. С. 103 – 111.

7. Супренков А.А. К хронологии валов Восточного Крыма (по результатам работ 2015-2018 гг.) // КСИА 264. 2021. С. 148 – 165.

8. Супренков А.А. Акмонайский вал в свете историографии и новых археологических исследований // Боспорские исследования. Вып. XLVII Керчь, 2023. С. 103 – 117.

9. Супренков А.А. Исследования юго-западного пригорода Нимфея в 2022 г. // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. М., 2023. С. 159 – 161, 248.

10. Супренков А.А. Валы Европейского Боспора. Краткие результаты работ 2016-2021 гг. XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований юга России Симферополь-Керчь, 2024. С. 343 – 352.

11. Супренков А.А., Столяренко П.Г. Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 66 – 77.

12. Супренков А.А., Столяренко П.Г., Требухина Н.Ю. Исследования вала Безкровного в 2017-2018 гг. и сопутствующий археологический материал // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы международной научной конференции. Симферополь-Керчь, 2019. С. 564 – 573.

13. Супренков А.А., Михайлов А.М., Столяренко П.Г., Топоривская М.А., Требухина Н.Ю. Боспорские ворота в Восточном Крыму. Обзор археологического материала // Российская археология. 2020. № 3. С. 138 – 158.

14. Супренков А.А., Топоривская М.А. Археологические работы в Восточном Крыму // Археологические открытия. 2019 год. М., 2021. С. 286 – 288.

15. Супренков А.А, Топоривская М.А., Требухина Н.Ю., Фролов В.В. Тиритакский вал в Восточном Крыму. Новые данные о хронологии // Древности Боспора. 2021. Т. 26. С. 358 – 371.

16. Супренков А.А., Топоривская М.А., Кононов В.Ю. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА Крыма в 2022 г. // Археологические открытия 2022 г. М., 2024. С. 273 – 277.

17. Супренков А.А., Соколова О.Ю., Прокопенко С.Н. Общие результаты исследований на территории юго-западного пригорода Нимфея в 2022 г. // Археологические вести. 2025. Вып. 46. С. 95 – 108.

18. Супренков А.А., Смекалов С.Л. Боспорские ворота в восточном Крыму. К 10-летию открытия. Ревизия некоторых положений. 2026.

19. Топоривская М.А., Супренков А.А., Столяренко П.Г. Некрополь Капканы Северный 1: краткие результаты работ 2020 г. // Археология и история Боспора. Вып. IV. Симферополь, 2022. С. 110 – 119.

References

1. Kropotov V.V., Suprenkov A.A. Burial from the 1st century BC on the Uzunlar Rampart. XVIII Bosporan Readings. The Cimmerian and Barbarian Bosporus World in Antiquity and the Middle Ages. Trade: Routes-Goods-Relationships. Kerch, 2017. P. 281 – 287.

2. Stolyarenko P.G., Suprenkov A.A., M.A. Toporivskaya. Works of the East Crimean Archaeological Expedition in the First Half of 2020. Tavricheskie Studii. 2020. P. No. 22 (2020). 133 – 141.

3. Stolyarenko P.G., Suprenkov A.A., Prokopenko S.N. Ramparts of Bezkrovny (Chokrak) and Akmonaysky (Republic of Crimea, Leninsky District). Cities, Settlements, Burial Grounds. Excavations 2017: Materials of Rescue Archaeological Research. 2018. № 25. P. 354 – 362.

4. Suprenkov A.A. Ramparts of Eastern Crimea as an Indicator of the Stages of Development of the Bosporan State (Based on the Results of Excavations in 2016-2017). Bosporan Phenomenon. General and Specific Features in the Historical and Cultural Space of the Ancient World: Proceedings of the International Scientific Conference. Part 1. St. Petersburg, 2018. P. 75 – 81.

5. Suprenkov A.A. Preliminary Results of Exploration on the Ramparts of Eastern Crimea in 2019. Antiquities of the Bosporus. 2020. Vol. 25. P. 360 – 376.

6. Suprenkov A.A. Uzunlar rampart: towards the chronology of its construction based on the results of work in 2015-2017. Tauride Studii. 2020. No. 19. P. 103 – 111.

7. Suprenkov A.A. Towards the chronology of the ramparts of Eastern Crimea (based on the results of work in 2015-2018). KSIA 264. 2021. P. 148 – 165.

8. Suprenkov A.A. Akmonay rampart in light of historiography and new archaeological research. Bosporan studies. Issue XLVII Kerch, 2023. P. 103 – 117.

9. Suprenkov A. A. Research of the southwestern suburb of Nymphaeum in 2022. Ancient relics of Chersonesos: discoveries, finds, theories. Moscow, 2023. P. 159 – 161, 248.

10. Suprenkov A.A. Ramparts of the European Bosporus. Brief results of work 2016-2021. XXV Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and the barbarian world in antiquity and the Middle Ages. Problems of research in the south of Russia. Simferopol-Kerch, 2024. P. 343 – 352.

11. Suprenkov A.A., Stolyarenko P.G. Ancient Rural Settlements in the East of Kerch (Based on the Results of Exploration Work in 2014). KSIA. 2016. Issue 243. P. 66 – 77.

12. Suprenkov A.A., Stolyarenko P.G., Trebukhina N.Yu. Research of the Bezkrovny Rampart in 2017-2018 and Accompanying Archaeological Material. XX Bosporan Readings. The Cimmerian and Barbarian Bosporus in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Research Prospects: Proceedings of the International Scientific Conference. Simferopol-Kerch, 2019. P. 564 – 573.

13. Suprenkov A.A., Mikhailov A.M., Stolyarenko P.G., Toporivskaya M.A., Trebukhina N.Yu. Bosporan Gates in Eastern Crimea. Review of Archaeological Material. Russian Archaeology. 2020. No. 3. P. 138 – 158.

14. Suprenkov A.A., Toporivskaya M.A. Archaeological Work in Eastern Crimea. Archaeological Discoveries. 2019. Moscow, 2021. P. 286 – 288.

15. Suprenkov A.A., Toporivskaya M.A., Trebukhina N.Yu., Frolov V.V. Tiritaksky Rampart in Eastern Crimea. New Data on Chronology. Antiquities of the Bosporus. 2021. Vol. 26. P. 358 – 371.

16. Suprenkov A.A., Toporivskaya M.A., Kononov V.Yu. Work of the East Crimean Archaeological Expedition of the Crimean Archaeological Institute in 2022. Archaeological Discoveries of 2022. Moscow, 2024. P. 273 – 277.

17. Suprenkov A.A., Sokolova O.Yu., Prokopenko S.N. General Results of Research in the Southwestern Suburb of Nymphaeum in 2022. Archaeological News. 2025. Issue 46. P. 95 – 108.

18. Suprenkov A.A., Smekalov S.L. Bosporus Gates in Eastern Crimea. On the 10th Anniversary of their Discovery. Revision of Some Provisions. 2026.

19. Toporivskaya M.A., Suprenkov A.A., Stolyarenko P.G. Necropolis Kapkany Severny 1: brief results of the 2020 work. Archaeology and History of the Bosporus. Issue IV. Simferopol, 2022. P. 110 – 119.

Информация об авторе

Супренков А.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии Крыма Российской академии наук

© Супренков А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(438).04
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-289-296

Образ Турции в переводе-адаптации эпистолярного сборника «Wielkiego Turka listy» Шимона Старовольского

[1] Юдин И.А.,
[1] Новосибирский государственный университет

Аннотация: настоящая статья посвящена выявлению образа Турции в переводе-адаптации эпистолярного сборника «Wielkiego Turka listy» (1618 г.), автором которой является один из наиболее выдающихся польских мыслителей XVII века Шимон Старовольский. Основной вывод исследования сводится к неоднозначности и многоаспектности образа в настоящем источнике: несмотря на явственно прослеживающиеся сугубо антитурецкие и «ориентализированные» черты (жестокость, вероломство, хитрость, религиозная нетолерантность, чрезмерная экспансия), которые должны были наглядно продемонстрировать читателям работы, что Османская империя – серьёзный противник, против которого необходимо мобилизовать все необходимые ресурсы Речи Посполитой, настоящий образ обладал также и неявными положительными качествами (например, эффективное подавление внутренних беспорядков). Особое внимание уделяется способу конструирования образа посредством гиперболизации численности османского войска и его жертв, мотивов мученичества и обширной географии власти Османской империи. Методология исследования основывается на адаптированной концепции ориентализма Э. Саида, антропологическом подходе Р. Дарнтона, структуралистском подходе М. Ю. Лотмана и концептуальных положениях П. Тафиловского. Результаты данного исследования благоприятствуют, с одной стороны, дальнейшему изучению образа Турции и его развития в последующих работах Шимона Старовольского, а с другой – более корректному определению имагологического пространства Речи Посполитой XVII в по отношению к «чужим».

Ключевые слова: имагология, образ Турции, Шимон Старовольский, польская литература, ориентализм, Османская империя, культура Речи Посполитой XVII в., сарматизм

Для цитирования: *Юдин И.А. Образ Турции в переводе-адаптации эпистолярного сборника «Wielkiego Turka listy» Шимона Старовольского // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 289 – 296. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-289-296*

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Image of Turkey in the adapted translation of epistolary collection «Wielkiego Turka listy» of Szymon Starowolski

[1] Yudin I.A.,
[1] Novosibirsk State University

Abstract: this article examines the image of Turkey in the adapted translation of the epistolary collection «Wielkiego Turka listy» (1618) by Szymon Starowolski, one of the most prominent Polish thinkers of the 17th century. The main conclusion of the study is the ambiguity and multifaceted nature of the image in this source: despite the clearly discernible strictly anti-Turkish and «orientalized» features (cruelty, treachery, cunning, religious intol-

erance, excessive expansion) – which were intended to demonstrate to the readers that the Ottoman Empire was a serious adversary requiring the mobilisation of all available resources of the Polish-Lithuanian Commonwealth – the image also possessed implicit positive qualities (e.g., the effective suppression of internal unrest). Special attention is paid to the techniques of image construction through hyperbolisation of the size of the Ottoman army and its casualties, martyrdom motifs, and the vast geography of Ottoman power. The research methodology is based on an adapted concept of Edward Said's Orientalism, Robert Darnton's anthropological approach, Yuri Lotman's structuralist approach, and Piotr Tafiłowski's conceptual framework. The results of this study contribute, on the one hand, to the further examination of the image of Turkey and its evolution in Starowolski's later works, and, on the other hand, to a more precise definition of the imagological space of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century in relation to the «alien».

Keywords: imagology, image of Turkey, Szymon Starowolski, polish literature, orientalism, the Ottoman Empire, the culture of the Polish-Lithuanian Commonwealth of 17th century, Sarmatism

For citation: *Yudin I.A. Image of Turkey in the adapted translation of epistolary collection «Wielkiego Turka listy» of Szymon Starowolski. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 289 – 296. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-289-296*

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 17, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

XVII век в истории взаимоотношений Речи Посполитой и Османской империи характеризуется как период наиболее тесного и, в то же время, комплексного взаимодействия. Безусловно, наиболее ярким процессом подобного взаимодействия являлось геополитическое противостояние, нашедшее своё полное выражение в череде войн. В свою очередь, ввиду столь интенсивных контактов, в польско-литовской федерации получил качественное развитие образ Турции, в рамках которого происходила репрезентация Порты в военном, экономическом, культурологическом, политическом и религиозном отношениях. В этом ключе, одним из наиболее выдающихся польских писателей, сконструировавших настоящий образ, являлся Шимон Старовольский (1588-1656 гг.). Так, одной из первых «турецких» работ автора является созданная в 1618 г. переводческая адаптация (с латинского языка на польский) под названием «Wielkiego Turka listy» [14] (Письма великого турка), которая представляет собой сборник корреспонденции Мехмеда II (1444-1481 гг.) с жителями и правителями государств, входящих в зону политических интересов Османской империи (оригинальная работа «Epistolae Magni Turci», с которой была осуществлена переводческая адаптация, была издана в 1473 г. в Венеции итальянским гуманистом Лаудивио Заккиа). С этой точки зрения, «Письма великого турка» так же, как и политическая орация «Pobudka albo rada na zniesienie tatarów perekopskich» [13] (Побуждение или совет по уничтожению перекопских татаров) (1618 г.) заложили, в сущности, имагологический фундамент отображения Турции в дальнейших работах Старовольского, которые посвящены турецкой проблематике. Стоит, тем не менее, указать, что тема Турции в политической орации рассматривается скорее косвенно, так как основное авторское внимание уделено, как следует из названия, именно проблеме взаимоотношений с перекопскими татарами. Так, справедливо замечание, согласно которому именно «Письма великого турка» являются первой полноценной работой Шимона Старовольского, которая всецело посвящена именно «турецкому» вопросу. Ввиду этого, **целью** настоящей статьи является выявление образа Турции в переводе-адаптации «Wielkiego Turka listy», что является принципиально важным для дальнейшего изучения как развития образа Турции в последующих работах польского писателя, так и образа чужого в имагологическом пространстве польско-литовской федерации XVII века.

Стоит отметить, что историография темы не получила своего полноценного раскрытия: в сущности, на данном этапе не представлено работ, в которых представлялась бы попытка выявить и каким-либо способом проанализировать образ Турции в «Письмах великого турка» Шимона Старовольского. Так, настоящий источник лишь упоминается в ряде работ [7; 3], однако до сих пор в исторической науке он находится вне зоны исследовательского внимания. Помимо этого, в историографии даже тема образа Турции в других трудах польского автора остаётся слаборазвитой. В основном, в ней доминирует точка зрения, согласно которой образ Турции Старовольского характеризуется практически исключительно как антитурецкий и антагонистический. Так, наиболее репрезентативным исследованием, которое предлагает подобную позицию, является статья Анны Купишевской «Obraz Stambułu w dziele «Dwór cesarza tureckiego i rezydencja jego w Konstantynopolu» autorstwa Szymona Starowolskiego i jego wpływ na kształtowanie postaw szlachty polskiej

wobec Turcji i Turków» [9] (Образ Стамбула в работе «Двор императора турецкого и резиденция его в Константинополе» авторства Шимона Старовольского и его влияние на формирование отношения польской шляхты против Турции и турков), в которой исследовательница раскрыла способ конструирования образа Стамбула, отметив важные детали риторической стратегии Старовольского (в частности, адаптацию некоторых примеров под польские реалии для придания им большей убедительности [9, p. 219]). Однако иллюстрируя исторический контекст взаимодействия Речи Посполитой и Османской империи в XVII в. практически исключительно в конфликтной плоскости, Купишевская, с одной стороны, сконцентрировала своё внимание на антагонистическом, антитурецком аспекте образа Турции, а с другой – продемонстрировала невозможность или неактуальность рассмотрения иных аспектах образа Турции. Принципиально важно также заметить, что данный исторический контекст включал в себя не только набеги крымских татар на польско-литовскую федерацию и войны 1620-1621 гг. и 1633-1634 гг., но ещё ряд взаимовыгодных договоров. Например, в ходе мирных переговоров 1634 г. стороны обязывались урегулировать набеги казаков и крымских татар [5, p. 54], а материальная культура сарматизма активно перенимала элементы одежды, вооружения и украшения из Порты [10, p. 314]. С этой точки зрения, сам подход к раскрытию исторического контекста взаимодействия Речи Посполитой и Османской империи также должен быть подвергнут пересмотру. Намёк на некоторую ревизию устоявшегося в историографии восприятия образа Турции прослеживается в монографии «Двор цезаря турецкого Шимона Старовольского в переводе кн. Михаила Кропоткина (исследование и издание текста)» [3] Элизы Малек, но не получает должного развития. Так, краткий историографический обзор явственно демонстрирует наличие лакун в обозначенной теме, дополнительно подтверждает как **актуальность**, так и **научную новизну** настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

Основным источником, задействованным в исследовании, является перевод-адаптация эпистолярного сборника «Wielkiego Turka listy» (1618 г.), которая в композиционном отношении может быть подразделена на два основных блока: перевод писем и подстрочные комментарии Старовольского. При этом, стоит отметить, что благодаря комментариям переводчика объём произведения увеличился приблизительно в три раза. В этом отношении, наибольшей ценностью для настоящего исследования, безусловно, обладает именно последний блок.

Методология настоящего исследования основывается, главным образом, на концепции ориентализма Эдварда Саида [4, с. 34-35], которая является конфликтогенной в своей сущности. Ввиду этого, в рамках настоящего исследования она становится базовой, но подвергается адаптации, поскольку исторический материал хорошо демонстрирует, что во взаимодействии «нас» и «их» не всегда лежит стремление овладеть или ориентализировать Восток. Так, взаимодействие Речи Посполитой и Порты не рассматривается исключительно через призму конфликта, поскольку, в противном случае, это бы существенно утрировало комплексную систему взаимосвязей, которая существовала между странами, и сам многоаспектный образ Турции. Соответственно, и образ Турции в «Письмах великого турка» Старовольского следует рассматривать не как сугубо негативный или антитурецкий, а как сложносоставной (хотя в данном отношении не ставится попытка доказать, что образ Турции не был ориентализированным и не служил с целью определённой дискредитации Османской империи). Так, Шимон Старовольский, согласно антропологическому подходу Роберта Дарнтона, предстаёт как принципиально инаковый познающий субъект с собственной системой оценивания [1, с. 6] (иначе говоря, для того, чтобы характеризовать образ Турции как сугубо негативный, необходимо понимать, что именно автор считает негативным и за счёт каких конкретно средств передаёт этот оттенок, что в рамках настоящего исследования раскрыто не будет). Помимо этого, следует особое внимание уделить также и выявлению символов и знаков, сочетающихся в культурных кодах и требующих интерпретации в отношении включения их в образ Турции. В этом отношении частично перенимается метод структуралистского анализа текстов Ю.М. Лотмана, который выражен в определении символов и знаков, с одной стороны, как инвариантных (то есть, вневременных в рамках единого культурного пространства), а с другой – как получающих новое смысловое «приращение» в каждом новом авторском прочтении [2, с. 17]. С этой точки зрения, каждый символ и знак требуют расшифровки, поскольку они содержат в себе нераскрытый смысловой и коммуникативный потенциал [2, с. 149-150], раскрыв который в большей степени становится возможным выяснить информационные послания Шимона Старовольского. Наконец, в работе используется концептуальное положение Петра Тафиловского, согласно которому наиболее корректной формулировкой является «образ Турции», а не «образ Османской империи». Данное уточнение также является существенным ввиду того, что элиты Османской империи, которые этнически не всегда являлись турками, осмысляли себя вне этнической категории. В свою очередь, «турок» – это уничижитель-

ный термин, обозначающий необразованного крестьянина, живущего на периферии империи [15, p. 13-14]. Соответственно, если осман воспринимать как правящую элиту, то не представляется возможным утверждать, что термин «Османская империя» является достаточно объемлющим для описания всех сложных политических, социальных культурных и религиозных структур, существовавших в Порте. Особенно с учётом того, что османы, таким образом, противопоставляли себя туркам, не ассоциируясь с низовым культурным пластом. Более того, с точки зрения источниковедческого анализа в исследовании корректнее использовать термин «Турция», «турок», поскольку в самих источниках не встречается (или почти не встречается) термин «Османская империя» или «осман», что было характерно для среднепольского языка XVII в.

Результаты и обсуждения

Прежде, чем приступать к выявлению образа Турции в «Письмах великого турка» необходимо внести ремарку, что, согласно немецкому исследователю, Францу Бабингеру, письма Мехмеда II, представленные Заккиа в сборнике «Epistolae Magni Turci», являются подделкой, написанной в контексте возникновения не совсем достоверных (и, иногда, совсем недостоверных), но востребованных работ, посвящённых османским завоеваниям [8, p. 437=438]. Об этом также свидетельствуют, по сообщению Бабингера, стилистическое несоответствие языка официальному эпистолярному жанру [6, p. 26] и включение в письма наставлений из трудов Сенеки, Плутарха и Цицерона [6, p. 27]. Так, с одной стороны, возникновение подделки Заккиа можно рассматривать с точки зрения интенции к обогащению автора за счёт широкого распространения сборника, а с другой – как репрезентацию общеевропейского страха перед турецкой угрозой, ввиду чего, с точки зрения имагологического анализа, данный труд представляет собой, несмотря на своё искусственное происхождение, ценный источник по выявлению образа Турции. Не представляется точным определить, понимал ли поддельную сущность «Писем великого турка» 1473 года Шимон Старовольский, но, независимо от этого, польского историка, в первую очередь, интересовала эта работа как идеологический инструмент, при помощи которого возможно придать образу Турции необходимые ориентализированные оттенки в контексте антитурецкого дискурса Речи Посполитой.

Как упоминалось ранее, перевод сборника был осуществлён в 1618 году параллельно с написанием «Побуждения или совета по уничтожению перекопских татар», что указывает на последовательную и систематическую подготовку к эскалации конфликта между польско-литовской федерацией и Османской империей, который нашёл своё выражение в Хотинской войне 1620–1621 гг.. Так, Турция, согласно эпиграфу перевода-адаптации, воспринималась как нанёсший оскорбление своими бесчисленными захватами высокомерный враг [14, p. 2], из чего также следует, что соседствующие с Портой народы имеют право на, по выражению автора, месть.

Перечисляя многочисленные завоевания Мехмеда II, Старовольский характеризует турок во введении как «горделивых басурман», «жестоких и свирепых варваров», которые обладают внушительной военной мощью, но с которыми ни в коем случае нельзя заключать союз из-за их вероломства и язычества [14, p. 4–6]. При этом же, описывая процесс восшествия Мехмеда II на престол Османской империи, автор отмечает, что султан подавил восстание янычар и внутренние беспорядки [14, p. 5], что, в свою очередь, возможно отнести к неявным примерам для подражания, учитывая нелюбовь Старовольского к внутренней политической несогласованности [12, p. 270-271].

Необходимо подчеркнуть, что одной из наиболее часто встречающейся характеристик, раскрывающих военную мощность Турции выступает очевидное преувеличение численности войска Османской империи и жертв их экспансии. В качестве такого примера следует привести кампанию по объединению Анатолии, в ходе которой было предпринято два похода, в которых приняли участие в совокупности 560.000 солдат Мехмеда II, а при взятии Синопа было отрублено 80.000 голов горожан [14, p. 7-8]. В настоящем ключе такая оценка численности жертв и войск султана приводится с целью демонстрации всей полноты и жестокости угрозы османской экспансии, в том числе, и для мирного населения. Более того, такая жестокость проявляется равным образом и к единоверцам, в чём Тамерлан обвинял Баязида I [14, p. 10] в ходе их противостояния в конце XIV и начале XV веков. Отдельно также следует отметить и то, что Старовольский, описывая османскую экспансию, достаточно часто упоминает, что турки предпочитали казнить своих жертв через отрубание головы, что возможно расценивать не только как акт жестокости Турции, но ещё и как акт мученической смерти в раннехристианском духе [16, p. 446], что должно было вызывать большее сочувствие у читателей. Соответственно, настоящая деталь могла быть отдельно подчёркнута или Заккиа, или Старовольским.

Раскрывая тему проживания нетурецких народов в составе лоскутной империи, Старовольский приводит в пример Египет, который изначально признавался в качестве центра мировой науки. Затем, однако, как отмечает автор, после арабского и турецкого завоеваний, а также после распространения ислама, Египет утратил своё передовое положение как научный центр и стал терпеть «невыносимые мучения» под турецкой властью [14, p. 15-16, 72]. Данный комментарий ценен с точки зрения отражения ранее не упомянутого, но также распространённого оттенка образа Турции в сочинениях Старовольского. Речь идёт об абсолютном непринятии автором ислама как религии, который приводит к закономерному упадку науки и культуры с его позиции. Более того, автор усиливает религиозный антагонизм, описывая разграбление церквей и дворцов Хиоса османскими войсками в дни празднования Пасхи [14, p. 69] (хотя в этот период (1595 г.) остров находился под полным контролем Османской империи). Так, противостояние османской угрозе должно было восприниматься читателями как личная борьба и защита христианства от исламской агрессии.

В дополнение к описанию военной стратегии Османской империи, Старовольский упоминает, что, захватывая балканские страны, османские военачальники часто пользовались хитростью и подкупом при завоевании городов, что сопровождалось их разрушением и разорением [14, p. 21]. Настоящая деталь усиливает оттенок жестокости образа османской экспансии, однако является не совсем очевидным отношение автора к применению военной хитрости, поскольку остаётся невыясненным вопрос, считает ли он допустимым для достижения целей войны задействовать абсолютно все доступные средства. Но, как отмечает далее Старовольский, данная военная стратегия является эффективной, поскольку покорённые народы из-за страха предпочитают платить дань Порте, включаясь в систему миллетов, а не сопротивляться ей. В свою очередь, Османская империя, «проявляя свою жадность, забирает у них всё, что можно забрать» [14, p. 35]. Помимо прочего, к военной стратегии польский историк причисляет также практику совершения грабительских рейдов перед выдвижением основных частей [14, p. 41] и вероломство, выраженное в предательстве и убийстве коллаборантов или сдавшихся в плен (в частности, к таковым автор относит судьбу Николая Кателузиуса, который должен был получить провинцию в Анатолии за содействие османской стороне, но был разрублен на части в конечном счёте, [14, p. 43] и рыцарей и монахов ордена Тамплиеров на Родосе [14, p. 48]).

Тем не менее, несмотря на то, что «Письма Великого турка» практически полностью состоят из примеров успешной османской экспансии, что подкрепляет своими историческими комментариями Старовольский, в сборнике встречаются и примеры поражений или даже отступлений турецких войск, которые автор характеризует как «позорные» или «печальные» [14, p. 65]. Настоящее замечание напрямую подтверждает суждение о том, что в начале XVII века войска Османской империи воспринимались как существенная угроза, но более не непобедимая после их поражения при Лепанто в 1571 г..

Также необходимо отметить, что центральная идея произведения заключается в репрезентации колоссальной географии власти Турции, что находит своё выражение не только в обширном описании Старовольским её завоевательных походов или внушительных в количественном отношении войсках, но ещё и в системе территориальных наместников (пашей) в пределах империи [14, p. 83]. При этом, как уточняет сам автор, настоящая география постоянно стремится к расширению, а те количественные данные, которые он приводит, могут быть увеличены посредством мобилизации, что, с наибольшей вероятностью, должно было как вызывать ужас у читателей, так и побудить их на объединение против турецкой угрозы.

Завершает эпистолярный сборник Старовольский прямым обращением к читателям, в котором, с одной стороны, подчёркивает, что турецкие завоевания – это божественное наказание за грехи и испытание (в этом ключе, автор наследует распространённую в европейском культурном пространстве концепцию рецепции Османской империи как бича божьего [11, p. 65]), а с другой – что Османская империя не может быть надёжным союзником, поскольку всегда нарушает свои обязательства [14, p. 80-90]. В данном ключе обратить внимание следует именно на второй вывод автора, поскольку, согласно его позиции, турецкая экспансия в Европе получила такое развитие не только благодаря геополитической борьбе королевств, республик и городов между собой, но ещё и благодаря попытке заключения союза и дипломатических интриг с Османской империей. Таким образом, польский писатель настаивает на принципиальном незаключении с Турцией каких-либо договоров.

Выводы

Анализ образа Турции в «Письмах Великого турка» позволяет прийти к выводу, что в эпистолярном сборнике представлен в достаточной степени комплексный образ, Так, Старовольским при описании Турции используются такие характеристики, как описание внушительного количества солдат Османской империи, городов, стран и народов, покорённых ими (что сводится к колоссальной географии власти Турции),

обозначение внушительного количества жертв, казнённых через обезглавливание (что относится к жестокости Турции). Турецкие завоевания также сопровождаются хитростью, разрушительностью, опустошением, устрашением примыкающих или подчинённых народов, хвастовством и гордыней. Помимо этого, Порта также характеризуется как ненадёжный союзник, вероломство которого проявляется не только в нарушении данных обещаний, но ещё и в особой жестокости по отношению к своим союзникам, пленникам и даже подданным иноверцам. Необходимо также отметить, наряду с османской экспансией имеет место быть и экспансия ислама, что автор напрямую связывает с упадком науки и культуры. Так, согласно иллюстрации Старовольского, Турция предстаёт в качестве серьёзного противника, в борьбе против которой необходима мобилизация всех доступных сил Речи Посполитой. Вероятнее всего, именно с этой целью и издавался настоящий перевод. Но даже несмотря на все вышеуказанные явно негативные характеристики, в «Письмах Великого турка» находит своё выражение также и, по меньшей мере, один неявный пример для подражания в виде описания эффективного подавления внутренних беспорядков Мехмедом II в ходе восшествия на престол, что могло восприниматься автором как пример должного политического поведения. Сообразно этому, даже столь утилитарный в своей сущности образ уже на данном этапе обладал неоднозначностью и определённой комплексностью.

Отдельно стоит уточнить, что в отношении использования средств художественной выразительности язык, при помощи которого был составлен сборник, является скудным и излишне описательным. В данном ключе, возможно прийти к выводу, согласно которому «Письма Великого турка» как ориенталистская работа скорее должна была беспристрастно продемонстрировать убедительные исторические примеры читателям о пагубности османской экспансии, а не продвигать эту идею через литературные тропы. В некоторой степени, возможно, по этой причине перевод Старовольского и не возымел такого успеха среди читателей, как это сделает «Двор императора турецкого» в середине XVII века (возможно, однако, что это обстоятельство может объясняться сравнительной непопулярностью Шимона Старовольского в ранний период его творческой карьеры).

Тем не менее, совокупность оттенков образа Турции, выявленная в данной работе, позволяет определить его основополагающие рамки, которые будут дополняться новыми деталями и претерпевать изменения в дальнейших работах автора. В конечном счёте, необходимо отметить, что и «Письма Великого турка», и «Побуждение или совет по уничтожению перекопских татар» представляли собой на момент 1618 г. единую систему текстов, направленную на ориентализацию образа Турции перед Хотинской войной. В соответствие с этим, они, вероятно, должны были выполнять разные функции по созданию образа Турции, что является предметом последующих исследований.

Список источников

1. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры: пер. с англ. Т. Доброницкой (Введение, гл. 1-4), С. Кулланды (гл. 5-6, Заключение). М.: Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.

2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

3. Małek E. Двор цезаря турецкого Шимона Старовольского в переводе кн. Михаила Кропоткина (исследование и издание текста). Warszawa, 2018. 291 с.

4. Саид Э. Ориентализм / науч. ред. А.Р. Ихсанов: пер. с англ. К. Лопаткиной. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.

5. Туранли Ф. Військові походи та «козацьке питання» в турецько-польських мирних договорах (XVII–XVIII ст.) // Чорноморська минувшина. 2015. Вип. 10. P. 48 – 56.

6. Babinger F. Laudivius Zacchia, Erdichter der “Epistolae Magni Turci” (Neapel 1473 u. ö.) // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1960. Heft 13. P. 3 – 44.

7. Czerenkiewicz M. Kwestia turecka w twórczości Szymona Starowolskiego // Wilanow Palace Museum. URL: https://wilanow-palac.pl/pasaz-wiedzy/kwestia-turecka-w-tworczosci-szymona-starowolskiego (дата обращения: 30.04.2026)

8. Gürkan E.S. Hîle ü Hud ’a: Deception, Dissimulation and Manipulation of Information in 16th-Century Ottoman Empire // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2019. Vol. 72. No. 4. P. 437 – 454.

9. Kupiszewska A. Obraz Stambułu w dziele «Dwór cesarza tureckiego i rezydencja jego w Konstantynopolu» autorstwa Szymona Starowolskiego i jego wpływ na kształtowanie postaw szlachty polskiej wobec Turcji i Turków // Sarmatismus versus Orientalismus in Mitteleuropa / Sarmatyzm versus orientalizm w Europie Środkowej. Berlin. 2012. P. 215 – 232.

10. Osipian A. Chapter 15. Ottoman and Persian Luxury between Fashion and Politics: The Armenian Merchant Network and the Making of Sarmatian Culture in Early Modern Poland-Lithuania // The Land between Two Seas: Art on the Move in the Mediterranean and the Black Sea 1300-1700. Leiden : Brill, 2022. P. 311 – 333.

11. Poluliakh O. The Image of the Turk in the Orthodox Polemical Literature of the Late Sixteenth – Early Seventeenth Century // NaUKMA Research Papers. History. 2020. Vol. 3. P. 65 – 76.

12. Potoniec P. Obrazowanie w kazaniach politycznych (od Skargi do Starowolskiego). Napis, Seria XII, 2006. P. 265 – 273.

13. Starowolski S. Pobvdka abo Rada na zniesienie Tatarow Perekopskich. W Krakowie: w Drukarniey Macieia Iędrzeiowczyka, 1618. 22 p.

14. Starowolski S. Wielkiego Turka listy / z łacińskiego na polski przełożył Szymon Starowolski. Kraków: Drukarnia Macieja Jędrzejowczyka, 1618. 92 p.

15. Tafiłowski P. Imago Turci. Studium z dzijów komunikacji społecznej w dawnej Polsce (1453-1572). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013. 378 p.

16. Vasiljević M. Revival of Early Christian Model of Martyrdom in the Ottoman Central Balkans // Byzantine Heritages in South-Eastern Europe in the Middle Ages and Early Modern Period / eds. A. Timotin, S. Pirivatrić, O. Iacubovschi. Heidelberg: Herlo Verlag UG; Bucarest: Académie roumaine. Institut d'études sud-est européennes. Société roumaine d'études byzantines, 2022. P. 437 – 451.

References

1. Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes from the History of French Culture: trans. from English by T. Dobronitskaya (Introduction, chs. 1-4), S. Kullandy (chs. 5-6, Conclusion). Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2002. 384 p.

2. Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.

3. Małek E. The Court of the Turkish Caesar Shimon Starovolski translated by Prince Mikhail Kropotkin (research and publication of the text). Warsaw, 2018. 291 p.

4. Said E. Orientalism. scientific ed. A.R. Ikhsanov: translation from English. K. Lopatkina. M.: Garage Museum of Contemporary Art, 2021. 560 p.

5. Turanli F. Viysk campaigns and “Cossack food” in the Turkish-Polish peace treaties (XVII-XVIII centuries). Black Sea Minushina. 2015. VIP. 10. P. 48 – 56.

6. Babinger F. Laudivius Zacchia, Erdichter der “Epistolae Magni Turci” (Neapel 1473 u. ö.). Sitzungs-berichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1960. Heft 13. P. 3 – 44.

7. Czerenkiewicz M. Kwestia turecka w twórczości Szymona Starowolskiego. Wilanow Palace Museum. URL: https://wilanow-palac.pl/pasaz-wiedzy/kwestia-turecka-w-tworczosci-szymona-starowolskiego (date access: 30.04.2026)

8. Gürkan E.S. Hîle ü Hud'a: Deception, Dissimulation and Manipulation of Information in the 16th Century Ottoman Empire. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2019. Vol. 72. No.4. P. 437 – 454.

9. Kupiszewska A. Obraz Stambułu w dziele “Dwór cesarza tureckiego i rezydencja jego w Konstantynopolu” autorstwa Szymona Starowolskiego i jego wpływ na kształtowanie postaw szlachty polskiej wobec Turcji i Turków. Sarmatismus versus Orientalismus in Mitteleuropa. Sarmatyzm versus orientalizm w Europie Środkowej. Berlin. 2012. P. 215 – 232.

10. Osipian A. Chapter 15. Ottoman and Persian Luxury between Fashion and Politics: The Armenian Merchant Network and the Making of Sarmatian Culture in Early Modern Poland Lithuania. The Land be-tween Two Seas: Art on the Move in the Mediterranean and the Black Sea 1300-1700. Leiden: Brill, 2022. P. 311 – 333.

11. Poluliakh O. The Image of the Turk in the Orthodox Polemical Literature of the Late Sixteenth – Early Seventeenth Century. NaUKMA Research Papers. History. 2020. Vol. 3. P. 65 – 76.

12. Potoniec P. Obrazowanie w kazaniach politycznych (od Skargi do Starowolskiego). Napis, Seria XII, 2006. P. 265 – 273.

13. Starowolski S. Pobvdka abo Rada na zniesienie Tatarow Perekopskich. W Krakowie: w Drukarniey Macieia Iędrzeiowczyka, 1618. 22 p.

14. Starowolski S. Wielkiego Turka listy. z łacińskiego na polski przełożył Szymon Starowolski. Kraków: Drukarnia Macieja Jędrzejowczyka, 1618. 92 p.

15. Tafiłowski P. Imago Turci. Studium z dzijów komunikacji społecznej w dawnej Polsce (1453-1572). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013. 378 p.

16. Vasiljević M. Revival of Early Christian Model of Martyrdom in the Ottoman Central Balkans. Byzantine Heritages in South-Eastern Europe in the Middle Ages and Early Modern Period. eds. A. Timotin, S. Pirivatrić, O. Iacubovschi. Heidelberg: Herlo Verlag UG; Bucarest: Académie roumaine. Institut d'études sud-est européennes. Société roumaine d'études byzantines, 2022. P. 437 – 451.

Информация об авторе

Юдин И.А., Новосибирский государственный университет

© Юдин И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 908+93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-297-302

СМИ в Бахрейне как зеркало политической системы

[1] Ястржембский П.Н.,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумб

Аннотация: в настоящей статье средства массовой информации Бахрейна рассмотрены не только как инструмент пропаганды, но и как сложный многоуровневый механизм, обеспечивающий устойчивость гибридного авторитарного режима. Хронологические рамки охватывают период с 1920-х годов до наших дней. Цель исследования – выявить ключевые этапы и модели взаимодействия государства с медиасредой в условиях внешней зависимости и внутренней конфессиональной фрагментации. В задачи входит: анализ трансформации британского колониального контроля над прессой в постколониальную модель саудовско-американского патронажа; реконструкция циклов «либерализации – закрытия», сопровождавших политические кризисы; а также характеристика современного этапа, на котором передовые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) парадоксально сочетаются с арсеналом цифрового авторитаризма. Особое внимание уделено двойственному статусу Бахрейна – как регионального технологического хаба и одновременно пространства жесточайших репрессий в отношении независимой журналистики. Методология базируется на историко-генетическом, институциональном и дискурсивном подходах. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её положений для анализа медиастратегий малых монархий Залива, а также для совершенствования экспертизы в области информационной безопасности. Статья адресована востоковедам, историкам, политологам и специалистам по международным коммуникациям.

Ключевые слова: Бахрейн, Аль Халифа, средства массовой информации, авторитаризм, цифровой контроль, Великобритания, Саудовская Аравия, шиитская оппозиция, интернет-цензура, гибридный режим

Для цитирования: *Ястржембский П.Н. СМИ в Бахрейне как зеркало политической системы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 297 – 302. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-297-302*

Поступила в редакцию: 21 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

The media in Bahrain as a mirror of the political system

[1] Yastrzhembskiy P.N.,
[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this article examines Bahraini mass media not only as a propaganda tool, but as a complex, multi-level mechanism ensuring the stability of a hybrid authoritarian regime. The chronological framework spans from the 1920s to the present day. The study aims to identify key stages and models of state interaction with the media environment under conditions of external dependence and internal confessional fragmentation. Objectives include analyzing the transformation of British colonial press control into a post-colonial model of Saudi-American patronage; reconstructing the cycles of "liberalization-closure" that accompanied political crises; and characterizing the current stage, in which advanced information and communication technologies (ICTs) are paradoxically combined with an arsenal of digital authoritarianism. Particular attention is paid to Bahrain's dual status – as a regional tech-

nology hub and, simultaneously, a space of severe repression against independent journalism. The methodology is based on historical-genetic, institutional, and discourse approaches. The practical significance of the work lies in the potential use of its provisions for analyzing media strategies of small Gulf monarchies, as well as for improving expertise in the field of information security. The article is addressed to orientalists, historians, political scientists, and international communication specialists.

Keywords: Bahrain, Al Khalifa, mass media, authoritarianism, digital control, United Kingdom, Saudi Arabia, Shia opposition, internet censorship, hybrid regime

For citation: *Yastrzhembskiy P.N. The media in Bahrain as a mirror of the political system. Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 297 – 302. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-297-302*

The article was submitted: May 21, 2026; Approved after reviewing: June 18, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

Королевство Бахрейн занимает особое место в политическом ландшафте Персидского залива. Обладая незначительными запасами углеводородов по сравнению с соседями, страна с середины XX века делала ставку на диверсификацию экономики и раннее внедрение технологических инноваций. Одновременно политическая система Бахрейна демонстрирует устойчивость, основанную на клановой монополии семьи Аль Халифа, институционализированном конфессиональном неравенстве и многовекторной внешней опоре. В этой конструкции средства массовой информации никогда не являлись нейтральной сферой, а последовательно встраивались в архитектуру безопасности режима.

Актуальность исследования определяется тем, что в эпоху цифровых платформ информационная политика Бахрейна приобрела гибридные черты: внешняя открытость телекоммуникационного рынка маскирует развитую систему надзора и репрессий. Цель настоящей работы – проанализировать, каким образом эволюция медиаинститутов Бахрейна обеспечивала выживание авторитарного правления на разных исторических этапах. Задачи включают: 1) определение колониальных основ контроля над информационным пространством; 2) выявление механизмов адаптации медиаполитики к меняющимся внешнеполитическим ориентациям (от Великобритании к Саудовской Аравии и США); 3) характеристику феномена «цифрового авторитаризма» как новейшей фазы развития бахрейнской медиамодели.

Методологический инструментарий опирается на принципы историзма, институциональный анализ и критический дискурс-анализ. Фактологическую базу составили академические труды, доклады международных правозащитных организаций и материалы дипломатической переписки.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу статьи формирует корпус источников, включающий первую докторскую диссертацию по истории СМИ Бахрейна [1], публикации исследователей, специализирующихся на политических репрессиях и цифровом контроле [5; 6; 7; 8], а также данные открытых правительственных порталов [4]. Важное значение имеют документы Независимой комиссии Бахрейна по расследованию событий 2011 года [3] и утёкшие дипломатические депеши [11], позволяющие реконструировать непубличные мотивы принятия решений в сфере медиарегулирования.

Сочетание исторического подхода с элементами case-study дало возможность проследить цикличность политики «либерализация – закручивание гаек» в отношении прессы. Дискурс-анализ применялся для выявления того, как государственные и лоялистские издания конструировали образ «внешней угрозы» – сначала со стороны арабского национализма, а впоследствии иранского шиитского экспансионизма – для легитимации рестриктивных мер.

Монархия Аль Халифа, как отмечается в научной литературе, может классифицироваться как гибридный авторитарный режим, или «либеральная автократия» [6]. Его ядром выступает конфессиональный дисбаланс: суннитское меньшинство, к которому принадлежит правящая семья, доминирует над шиитским большинством, систематически отстраняя его от рычагов политического влияния, армии и медиасферы. Эта структурная характеристика напрямую определяет логику функционирования всех информационных институтов.

Результаты и обсуждения

История бахрейнских СМИ начинается в условиях британского протектората, при котором концепция «независимой прессы» даже не рассматривалась. Советник эмира Чарльз Белгрейв, направлявший политику в 1926-1956 годах, лично выполнял функции фильтра международной информации и стремился не допустить проникновения антибританских настроений из арабских столиц. Первая газета «Jaridat Al-Bahrain» (1939) и Бахрейнская радиовещательная станция (1940) создавались как инструменты военной пропаганды союзников и были закрыты сразу после Второй мировой войны [1]. Кратковременный расцвет оппозиционных еженедельников в 1953-1956 годах («Al-Qafila», «Al-Watan», «Al-Shula», «Al-Mizan»), тиражировавших идеи арабского национализма, был жёстко пресечён: к 1956 году все издания закрыты, а редактор Абдулрахман Аль-Бакир депортирован на остров Святой Елены [7]. Данный эпизод заложил базовый алгоритм реагирования режима на медиаактивность: любое расширение дискуссионного поля во время политического кризиса сменяется полным «завинчиванием гаек», а физическое устранение или изгнание журналистов становится нормой.

После подавления восстания 1950-х британская администрация, осознав вакуум, инициировала создание подконтрольного Департамента по связям с общественностью, который возглавил британский офицер. Теперь СМИ должны были не замалчивать реальность, а продвигать версию модернизации, выгодную династии [7]. Именно в этой логике была возобновлена в 1955 году работа Bahrain Radio, чей эфир на десятилетия заполнился развлекательными программами и официозными новостями, исключавшими политическую полемику.

После обретения независимости в 1971 году Бахрейн не стал формировать суверенную информационную политику, а заменил британского патрона на саудовского и американского. Символично, что телевидение Bahrain TV (1973) почти синхронно с созданием первой Национальной ассамблеи было быстро переведено под прямой контроль Министерства информации, как только парламентский эксперимент свернули в 1975 году [1]. Государство оставалось технологически передовым: полное цветное вещание с 1977 года, многочасовая сетка, спутниковые каналы, – но содержательно контент оставался стерильным и далёким от интересов этнически пёстрого населения. Как метко выразился один бахрейнский коммерсант в интервью The Washington Post, «если включить телевизор, вы не увидите ни одной программы, рассказывающей о нас, нашей истории, нашем фольклоре, нашей географии. Мы – ничто» [9]. Эта реплика отражает государственную политику культурной унификации, стирающей идентичность шиитского большинства («аль-бахарина») и персоязычных бахрейнцев.

К началу 1990-х годов бахрейнский медиарынок формально выглядел плюралистичным: появились ежедневные газеты «Al-Ayam», «Akhbar Al-Khaleej» и англоязычная «Gulf Daily News», в 1991 году радио перешло на круглосуточное вещание [1]. Однако нараставшие протесты 1990-х годов, подавленные с помощью саудовских сил, показали реальную цену этого плюрализма. Телевидение превращалось в инструмент публичного унижения: оппозиционеров принуждали к покаянным выступлениям под камеры государственных каналов.

Несмотря на жесткий контроль над аудиовизуальными СМИ, сектор печатной периодики в Бахрейне с середины 1970-х годов демонстрировал внешние признаки оживления. С 1976 по 1989 год в стране было основано 12 новых газет и журналов различной периодичности [12]. Среди них преобладали узкоспециализированные издания, обслуживавшие корпоративные интересы – например, журналы Bahrain Petroleum Company (BAPCO) и Медицинской ассоциации Бахрейна, – что позволяло властям создавать иллюзию медийного разнообразия без угрозы для политической монополии. Вместе с тем именно в этот период возникли ежедневные газеты, которым суждено было на десятилетия стать лицом бахрейнской прессы: арабоязычные «Al-Ayam» и «Akhbar Al-Khaleej», а также англоязычная «Gulf Daily News». К 2002 году их тиражи достигли 21 565, 22 000 и 9 812 экземпляров соответственно, что для небольшого королевства являлось значительным показателем [1]. Все три издания неизменно придерживались лоялистской редакционной линии, избегая критики правящей семьи и системных проблем, что служило обязательным условием их выживания.

Качественный сдвиг произошел после реформ, инициированных королем Хамадом. Сентябрь 2002 года ознаменовался запуском ежедневной газеты «Al-Wasat», которую основал Мансур Аль-Джамри – сын известного шиитского религиозного деятеля и сам в прошлом политзаключённый. «Al-Wasat» стала уникальным для Бахрейна явлением: легальным печатным органом, систематически предоставлявшим площадку представителям политической оппозиции, в том числе шиитской. На её страницах публиковались материалы, расследовавшие факты дискриминационной избирательной геометрии (джерримендеринга), ущемлявшие

шей шиитское большинство, и иные чувствительные сюжеты. К 2009 году тираж «Al-Wasat» оценивался примерно в 30 000 экземпляров [1].

Другим знаковым проектом стала «Al-Waqt» – лево-националистическая газета, выходившая с 2006 по 2010 год. Её главным редактором впервые в истории страны стала женщина – Хавла Маттар [10]. «Al-Waqt» отличалась готовностью публиковать авторов, находившихся в оппозиции или изгнании, в частности, Абдулхади Халафа, депутата распущенной Национальной ассамблеи 1973 года, лишённого гражданства за политическую активность. Несмотря на относительно скромный тираж (около 20 000 экземпляров), газета расширяла границы допустимого дискурса, пока в 2010 году не была закрыта по официальной версии из-за финансовых трудностей, хотя многие наблюдатели связывали её уход с усилившимся давлением со стороны консервативных кругов [10].

Непродолжительное существование этих изданий не должно вводить в заблуждение относительно реального состояния свободы слова. Весь период так называемого плюрализма проходил под плотным неформальным надзором. Показательно, что ещё в 2006 году влиятельный член правящей семьи шейх Ахмед Атаяталла Аль Халифа инициировал создание двух комитетов по наблюдению за СМИ, главной задачей которых было запугивание редакторов и недопущение публикаций, способных бросить тень на режим [11]. Таким образом, даже те немногие площадки, которые отваживались на сдержанную критику, действовали в крайне узком коридоре, постоянно балансируя между просветительской миссией и угрозой немедленного закрытия. Опыт «Al-Waqt» и последовавшая в 2017 году окончательная расправа над «Al-Wasat» подтвердили, что терпимость власти к инакомыслию всегда оставалась тактической уступкой, а не стратегическим выбором.

Смерть шейха Исы в 1999 году и воцарение Хамада ибн Салмана Аль Халифы породили короткий период надежд. Принятие Хартии национальных действий (2001) сопровождалось созданием газет «Al-Wasat» (2002) и «Al-Waqt» (2006), которые допускали осторожную критику властей, включая темы политического джеррименгеринга и дискриминации шиитов [10]. Главным редактором «Al-Waqt» впервые стала женщина – Хавла Маттар, что само по себе было знаковым шагом. Тиражи этих газет достигали 20-30 тыс. экземпляров.

Однако латентное недовольство «ястребов» из правящего клана никуда не исчезало. Уже в 2006 году, согласно депеше посла США Уильяма Монро, консервативные члены семьи инициировали травлю Национального демократического института и посольства США через близкую ко двору газету «Al-Watan» [11]. Закулисным координатором давления выступал шейх Ахмед Атаяталла Аль Халифа, создавший два комитета по надзору за прессой. Этот эпизод иллюстрирует, что даже в периоды номинальной свободы реальные рычаги влияния оставались в руках узкого круга членов династии, способных в обход формальных институтов запугивать редакторов.

Арабская весна 2011 года стала катализатором, уничтожившим даже видимость либерализации. Реакция режима на уличные протесты была молниеносной и беспрецедентной по жестокости. Типография «Al-Wasat» подверглась погрому, газета приостанавливалась, а затем окончательно закрыта в 2017 году [3]. Бахрейн попал в список десяти самых опасных стран для журналистов по версии «Репортеров без границ»: журналистов убивали, задерживали, пытали [3]. Любопытно, что при этом саудовско-бахрейнская цензура стала действовать превентивно даже в отношении союзников: в 2015 году телеканал «Al-Arab» саудовского принца Аль-Валида ибн Таляля был отключён через сутки после старта, поскольку допустил в эфир интервью с представителем шиитской оппозиционной группы «Al-Wefaq». Это подтвердило, что режим не допустит легитимации шиитского голоса ни в каком формате.

Парадокс бахрейнской модели состоит в том, что страна одновременно является региональным лидером по внедрению новых технологий и образцом репрессивного использования цифровой инфраструктуры. Бахрейн первым на Ближнем Востоке установил мэйнфрейм (1962), спутниковую станцию (1969) и запустил интернет (1995), а ныне через Четвёртый национальный план по телекоммуникациям (NTP4) продвигает себя как самый либеральный рынок ИКТ в регионе со 100% иностранным владением, неограниченной VoIP-телефонией и соглашением о свободной торговле с США [4]. Этот внешний фасад привлекает прямые иностранные инвестиции и обслуживает стратегию «Видение 2030».

Однако одновременно власти создали одну из наиболее совершенных на Ближнем Востоке систем интернет-слежки. Управление по регулированию телекоммуникаций, в совет директоров которого входят член семьи Аль Халифа и генерал-майор МВД, централизованно фильтрует веб-трафик и по запросу силовиков блокирует сайты, в том числе мессенджер Telegram [5]. Во время восстания 2011 года и последующих волнений спецслужбы активно мониторили социальные сети, а факт ретвита оппозиционного сообщения становился поводом для тюремного заключения [2]. В 2016 году правительство применило технологию

точечного отключения вышек 3G/4G в шиитской деревне ад-Дираз, вводя ежевечерний «цифровой комендантский час» на протяжении более ста дней. Такой дифференцированный подход позволяет избегать общенациональных шоков для бизнеса, но эффективно душить локальные очаги протеста.

Несмотря на это, цифровое пространство породило и новый тип сопротивления – гражданскую журналистику, распространявшуюся через YouTube, Twitter и Facebook. В период 2011-2013 годов наблюдался всплеск революционной сатиры и контрпропаганды [8]. Режим ответил на это не только блокировками, но и кооптацией социальных сетей: лояльные аккаунты и боты начали массированно продвигать провластную повестку, разжигая межконфессиональную рознь, что превратило онлайн-пространство в гибридное поле пропаганды и надзора.

Выводы

Анализ эволюции СМИ Бахрейна подтверждает, что информационная политика королевства служит точным индикатором природы его политической системы. Власть семьи Аль Халифа, лишённая широкой внутренней легитимности, исторически компенсировала этот дефицит двумя способами: опорой на внешних гарантов и жёстким контролем над публичной сферой. Медиа никогда не были самостоятельным институтом, а всегда функционировали как составная часть аппарата безопасности – сначала в рамках британской колониальной пропаганды, затем саудовско-американского патронажа, а ныне в форме цифрового авторитаризма.

Выявлена устойчивая цикличность: кризисы легитимности (1950-е, 1990-е, 2011 год) провоцируют кратковременные либерализационные жесты, которые неизменно откатываются после силового подавления оппозиции. Технологическое лидерство Бахрейна при этом не противоречит репрессиям, а, напротив, предоставляет новые инструменты для тотальной слежки и селективных отключений. Роль Саудовской Аравии остаётся ключевой: блокировка «Al-Jazeera», закрытие «Al-Arab» и гармонизация антишиитского дискурса показывают, что Медиа-суверенитет Манамы глубоко ограничен Эр-Риядом. До тех пор, пока правящая семья будет монополизировать политические и экономические ресурсы, а конфессиональное неравенство – воспроизводиться на институциональном уровне, средства массовой информации Бахрейна будут оставаться не зеркалом общества, а зеркалом авторитарного режима, отражающим его глубинные страхи.

Список источников

1. Al Rumaihi E.M.H. Media Development in the Kingdom of Bahrain: PhD Thesis. Exeter: University of Exeter, 2002. 312 p.

2. Amnesty International. Bahraini Activist Risks 7 Years in Jail for Retweets: Yaser Mawali [Electronic resource] / Amnesty International. 2017. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/mde11/6825/2017/en/ (date of access: 14.03.2026)

3. Bassiouni M.C., Rodley N., Al Awadhi B. et al. Report of the Bahrain Independent Commission of Inquiry [Electronic resource]. Bahrain Independent Commission of Inquiry. 2011. URL: http://www.bici.org.bh/BICIreportEN.pdf (date of access: 14.03.2026)

4. Information and eGovernment Authority. Bahrain open data portal [Electronic resource] / Information and eGovernment Authority. 2020. URL: https://www.data.gov.bh/ (date of access: 14.03.2026)

5. Jones M.O. Social media, surveillance and social control in the Bahrain Uprising // Westminister Papers of Communication and Culture. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 71 – 91.

6. Jones M.O. Saudi intervention, sectarianism, and de democratization in Bahrain's uprising // Protest, social movements and global democracy since 2011: New perspectives / ed. T. Davies, H.E. Ryan, A. Milcíades Peña. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2016. Vol. 39. P. 251 – 279.

7. Jones M.O. Political repression in Bahrain [Electronic resource]. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/342775379_Political_Repression_in_Bahrain (date of access: 14.03.2026)

8. Jones M.O. Satire, social media and revolutionary cultural production in the Bahrain uprising: From utopian fiction to political satire // Communication and the Public. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 136 – 153.

9. Lawson F.H. Repertoires of contention in contemporary Bahrain // Islamic activism: A social movement theory approach / ed. Q. Wiktorowicz. Bloomington: Indiana University Press, 2004. P. 89 – 111.

10. Mattar K.M., Seikaly M. The Arab Spring: Impacts and consequences on the GCC [Electronic resource]. 2012. URL: https://www.grc.net/documents/158460635524_WorkshopTheArabSpring-SeikalyandMattar.pdf (date of access: 14.03.2026)

11. Monroe W.T. Bahraini political scene part II: Royal family conservatives tighten reins on politics [Electronic resource] // WikiLeaks. 2006. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06MANAMA907_a.html (date of access: 14.03.2026)

12. Nakhleh E. Bahrain: Political Development in a Modernizing Society. New York: Lexington Books, 2011. 260 p.

References

1. Al Rumaihi E.M.H. Media Development in the Kingdom of Bahrain: PhD Thesis. Exeter: University of Exeter, 2002. 312 p.

2. Amnesty International. Bahraini Activist Risks 7 Years in Jail for Retweets: Yaser Mawali [Electronic resource]. Amnesty International. 2017. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/mde11/6825/2017/en/ (date of access: 14.03.2026)

3. Bassiouni M.C., Rodley N., Al Awadhi B. et al. Report of the Bahrain Independent Commission of Inquiry [Electronic resource]. Bahrain Independent Commission of Inquiry. 2011. URL: http://www.bici.org.bh/BICIreportEN.pdf (date of access: 14.03.2026)

4. Information and eGovernment Authority. Bahrain open data portal [Electronic resource]. Information and eGovernment Authority. 2020. URL: https://www.data.gov.bh/ (date of access: 14.03.2026)

5. Jones M.O. Social media, surveillance and social control in the Bahrain Uprising. Westminister Papers of Communication and Culture. 2013. Vol. 9.No. 2. P. 71 – 91.

6. Jones M.O. Saudi intervention, sectarianism, and de democratization in Bahrain's uprising. Protest, social movements and global democracy since 2011: New perspectives. ed. T. Davies, H.E. Ryan, A. Milcíades Peña. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2016. Vol. 39. P. 251 – 279.

7. Jones M.O. Political repression in Bahrain [Electronic resource]. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/342775379_Political_Repression_in_Bahrain (date of access: 14.03.2026)

8. Jones M.O. Satire, social media and revolutionary cultural production in the Bahrain uprising: From utopian fiction to political satire. Communication and the Public. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 136 – 153.

9. Lawson F.H. Repertoires of contention in contemporary Bahrain. Islamic activism: A social movement theory approach. ed. Q. Wiktorowicz. Bloomington: Indiana University Press, 2004. P. 89 – 111.

10. Mattar K.M., Seikaly M. The Arab Spring: Impacts and consequences on the GCC [Electronic resource]. 2012. URL: https://www.grc.net/documents/158460635524_WorkshopTheArabSpring-SeikalyandMattar.pdf (date of access: 14.03.2026)

11. Monroe W.T. Bahraini political scene part II: Royal family conservatives tighten reins on politics [Electronic resource]. WikiLeaks. 2006. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06MANAMA907_a.html (date of access: 14.03.2026)

12. Nakhleh E. Bahrain: Political Development in a Modernizing Society. New York: Lexington Books, 2011. 260 p.

Информация об авторе

Ястржембский П.Н., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

© Ястржембский П.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 5 / 2026, Vol. 9, Iss. 5 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 351.746.2(470.318)"1909/1917"; 908
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-303-312

Деятельность Калужского губернского жандармского управления по производству политических дознаний (1909-1917 гг.)

[1] Власов А.Е.,
[1] Штепа А.В.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье на основе неопубликованных архивных документов Государственного архива Калужской области (далее – ГАКО) анализируется деятельность Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ) по производству политических дознаний в 1909-1917 гг. В научный оборот вводятся годовые и помесячные цифровые ведомости, а также квартальные списки дел, содержащие поимённые перечни обвиняемых. Исследуются динамика возбуждения и завершения формальных дознаний и охранных переписок, социальный и географический состав фигурантов, процессуальные особенности и причины затягивания производства, влияние Первой мировой войны на деятельность жандармерии. Выявлены хронологические этапы (спад в 1913 г., резкий подъём в 1915-1916 гг.), установлен приоритет административной высылки над судебным преследованием, реконструирован социальный портрет обвиняемых (преобладание крестьян и мещан, рост доли военнослужащих в годы войны), показан широкий географический охват запросов управления (от Прибалтики до Сибири и Средней Азии). Зафиксированы случаи экстремально длительного производства (до 4,5 лет) и факторы задержек (межгубернская переписка, розыск свидетелей). Сделан вывод, что, несмотря на краткосрочную активизацию в военный период, к началу 1917 г. управление не имело в производстве ни одного дела, а после Февральской революции 1917 г. система политического сыска в регионе прекратила существование. Введение в оборот материалов Калужского ГЖУ восполняет лакуну в изучении регионального уровня политической полиции Российской империи.

Ключевые слова: архивные источники, делопроизводство, Калужское губернское жандармское управление, Первая мировая война, Положение об усиленной охране 1881 г., политический сыск, социальный состав обвиняемых, Уголовное Уложение 1903 г., формальные дознания, охранные переписки

Для цитирования: *Власов А.Е., Штепа А.В. Деятельность Калужского губернского жандармского управления по производству политических дознаний (1909-1917 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 5. С. 303 – 312. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-303-312*

Поступила в редакцию: 22 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня, 2026 г.; Принята к публикации: 21 июля 2026 г.

Activities of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department in conducting political investigations (1909-1917)

[1] Vlasov A.E.,
[1] Shtepa A.V.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: based on unpublished archival documents from the State Archive of the Kaluga Region (GAKO), the article analyzes the activities of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (hereinafter referred to as the KGD) in conducting political inquiries from 1909 to 1917. The study introduces into scientific circulation annual and monthly statistical statements, as well as quarterly lists of cases containing names of the accused. It examines the dynamics of formal investigations and secret surveillance files, the social and geographical composition of the accused, procedural features and reasons for delays, and the impact of World War I on the gendarmerie's work. The research identifies chronological stages (a decline in 1913, a sharp rise in 1915-1916), establishes the priority of administrative exile over judicial prosecution, reconstructs the social profile of the accused (predominance of peasants and townspeople, an increase in the proportion of military personnel during the war), and demonstrates the wide geographical scope of the department's inquiries (from the Baltic region to Siberia and Central Asia). Cases of extremely prolonged investigations (up to 4.5 years) and delays (inter-provincial correspondence, witness searches) are documented. It is concluded that, despite a short-term increase in activity during the war, by the beginning of 1917 the department had no cases pending, and after the February Revolution of 1917, the political surveillance system in the region ceased to exist. The introduction of materials from the Kaluga Gendarmerie Department fills a gap in the study of the regional level of the Russian Empire's political police.

Keywords: Archival sources; office work; Kaluga Provincial Gendarmerie Department; First World War; Regulation on Strengthened Security of 1881; political surveillance; social composition of the accused; Case Investigation of 1903; formal inquiries; security correspondence

For citation: *Vlasov A.E., Shtepa A.V. Activities of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department in conducting political investigations (1909-1917). Historical Bulletin. 2026. 9 (5). P. 303 – 312. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-5-303-312*

The article was submitted: May 22, 2026; Approved after reviewing: June 19, 2026; Accepted for publication: July 21, 2026.

Введение

История политического сыска в Российской империи традиционно привлекает внимание исследователей, однако в фокусе научных работ чаще всего оказываются центральные органы – Департамент полиции, Особый отдел, Штаб Корпуса жандармов [10; 11; 12]. Реже объектом изучения становятся губернские и уездные жандармские управления, на которые, по сути, и ложилась основная повседневная нагрузка по производству дознаний, сбору агентурной информации, взаимодействию с местной администрацией и населением [8; 9]. Без понимания работы низового звена невозможно составить целостную картину функционирования всей системы политической полиции.

Настоящее исследование вводит в научный оборот комплекс архивных документов Калужского губернского жандармского управления за 1909-1917 гг., извлечённых из фондов Государственного архива Калужской области. Основу источниковой базы составляют годовые и помесячные «Цифровые ведомости» о производстве политических дознаний, а также квартальные списки дел, содержащие поимённые перечни обвиняемых, указания на статьи Уголовного Уложения, меры пресечения, детальный перечень произведённых следственных действий и причины, задерживавшие направление дел.

Цель исследования – реконструировать динамику, структуру и эволюцию политического сыска в провинции за почти десятилетний период, охватывающий как относительно спокойные постреволюционные годы (1909-1913), так и годы Первой мировой войны (1914-1916) и начало революционного 1917 года. В задачи работы входит количественный анализ возбуждения и завершения дел, выявление социального и географического профиля фигурантов, изучение процессуальных особенностей и причин затягивания производства, а также оценка влияния внешних факторов (война, смена руководства) на эффективность работы управления.

Нижняя граница (1909 г.) хронологических рамок исследования определяется наличием первой годовой ведомости. Верхняя граница (февраль 1917 г.) обусловлена отсутствием более поздних документов в проанализированных делах, что, вероятно, связано с ликвидацией жандармских управлений после Февральской революции.

Материалы и методы исследований

Основу исследования составили документы шести архивных дел из фондов ГАКО (Ф. 784 и Ф. 1328), объединённых общим предметом – статистической отчётностью о производстве политических дознаний. Дела содержат три типа источников, которые можно охарактеризовать следующим образом.

Первый тип – годовые ведомости о деятельности чинов помощника начальника Калужского ГЖУ по Калужскому, Жиздринскому, Мещовскому и Мосальскому уездам. Эти документы охватывают 1909, 1912, 1913, 1914, 1915 и 1916 годы. Они содержат стандартизированный набор показателей: число сообщений прокурорскому надзору по общим преступлениям (ст. 261 Устава уголовного судопроизводства), число дознаний по предложениям прокурорского надзора, число дел в порядке Положения о Государственной охране 1881 г., число исполненных отдельных следственных действий, количество донесений и поездок унтер-офицеров, объём входящей и исходящей корреспонденции. Все эти показатели разбивались по уездам, однако на практике абсолютное большинство показателей было сосредоточено в канцелярии помощника (то есть у ротмистра, а с 5 октября 1913 г. – подполковника А.А. Кравцова), а по уездам, как правило, стояли нули.

Второй тип – помесячные цифровые ведомости о расследованиях политического характера. Они сохранились за 1910-1916 годы в виде полных комплектов за 12 месяцев, а за 1917 год только за январь-февраль.

Эти ведомости фиксировали движение дел с точностью до одного месяца: остаток формальных дознаний и охранных переписок на начало месяца, количество возбуждённых за месяц дел каждого типа, количество возвращённых на доследование, количество направленных прокурору по ст. 1035[23], в губернское совещание по ст. 1035[25], с административным взысканием или по ст. 1035[10] (предварительное следствие), а также количество прекращённых дел. Кроме того, ведомости содержали сведения об отдельных требованиях (поручениях о производстве следственных действий от других жандармских чинов и прокуратуры) и остатке неисполненных требований на конец месяца. Следует обратить внимание, что верхние индексы ([23], [25], [10]) – это номера частей (пунктов) внутри статьи 1035, присутствовавшей в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (в редакции, действовавшей в 1909-1917 гг.). Эти обозначения являются отсылками к конкретным статьям, которые регламентировали процедуру жандармского дознания. В делопроизводстве жандармского управления их употребляли как краткие юридические ссылки на определённые процессуальные действия. Статья 1035[23] «Порядок окончания дознания» определяла действия жандармского офицера по завершении расследования. Оконченное дознание со всеми материалами направлялось прокурору Окружного суда. Прокурор, проверив полноту, мог вернуть дело для доследования (процессуального дополнения), если находил его недостаточно полным.

Статья 1035[25] «Порядок окончания дознания» устанавливала, что решение о прекращении дознания (например, при отсутствии в деянии состава преступления) находилось в исключительной компетенции прокурора Окружного суда. Жандармский офицер не мог самостоятельно закрыть дело такого рода.

Статья 1035[10] «Начало дознания и роль прокурора» закрепляла важнейший принцип: если начальник жандармского управления не находил достаточных оснований для начала дознания, он был обязан немедленно сообщить об этом прокурору Окружного суда. Именно прокурор принимал окончательное решение: прекратить дело или дать указание начать дознание.

В рамках исследования деятельности Калужского ГЖУ по производству политических дознаний эти ссылки показывают ключевые точки взаимодействия жандармского ведомства и прокурорского надзора. Закон 19 мая 1871 г., введший статью 1035 и последующие, наделил жандармов полномочиями производить негласное расследование, осмотры, обыски, выемки и предварительные допросы по делам о государственных преступлениях. Однако, как видно из содержания ст. 1035[23], [25] и [10], вся процедура, от начала (ст. 1035[10]) до окончания (ст. 1035[23], [25]), находилась под контролем прокуратуры.

Третий тип – квартальные списки дел, находившихся в производстве (к 1 апреля, 1 июля, 1 октября, 1 января). Эти источники являются наиболее информативными для качественного анализа, так как содержали поимённый перечень обвиняемых и фигурантов, их социальное происхождение, инкриминируемые статьи Уголовного Уложения, меру пресечения (арестован или на свободе), детальное описание произведённых следственных действий с указанием дат, а также подробное перечисление причин, задерживающих направ-

ление дела (чаще всего – ожидание ответов на запросы о допросе свидетелей, проживавших в других губерниях).

Таким образом, совокупность этих трёх типов источников создаёт уникальную возможность для реконструкции не только итоговых годовых показателей, но и внутригодовой динамики, а также для качественного анализа дел и личностей фигурантов. В настоящей статье в качестве исследовательского инструментария привлечены историко-типологический, историко-сравнительный, статистический методы.

Результаты и обсуждения

Анализ годовых и помесячных ведомостей позволяет выявить несколько этапов в деятельности Калужского ГЖУ, различающихся по интенсивности и характеру работы.

Первый этап (1909-1910 гг.) характеризуется относительно высокой активностью по делам, возбуждённым в порядке Положения об усиленной охране, и полным отсутствием регистрации «общих» преступлений. Согласно годовому отчёту за 1909 год [1, л. 11], на территории четырёх уездов не было ни одного сообщения прокурорскому надзору по общим преступлениям (ст. 261 УУС), ни одного дознания по предложению прокуратуры, ни одного случая участия в охране порядка. Однако по делам политического характера было произведено 11 дознаний, по которым привлечено 12 обвиняемых. Эти дела возбуждались как по предписанию начальника управления (4 дела), так и по собственному усмотрению жандармских чинов (4 дела), что свидетельствует об определённой инициативе низового звена. В 1910 г. динамика несколько изменилась: при сохранении нулевых показателей по «общим» преступлениям было возбуждено 6 формальных дознаний и 6 охранных переписок [2, лл. 1-2]. Отправлено прокурору (ст. 1035[23]) 7 дел (с учётом остатков предыдущего года), а с административным взысканием – 5 дел. Таким образом, 1910 год стал годом максимальной активности по использованию судебного механизма (отправки прокурору).

Второй этап (1911-1913 гг.) можно охарактеризовать как период снижения активности и смены приоритетов. В 1911 году возбуждено всего 3 формальных дознания и 3 охранные переписки, но при этом отправлено с административным взысканием 6 дел – больше, чем в 1910 году [2, лл. 33-70]. В 1912 г. формальных дознаний стало 4, охранных – 5, но впервые появились отправки в губернское совещание (ст. 1035[25]) – 3 дела, а также отправки по ст. 1035[10] – 2 дела [3, лл. 1-2]. Это указывает на то, что всё больше дел завершалось административными или промежуточными процессуальными решениями, минуя полноценный суд. Абсолютный минимум пришёлся на 1913 год, когда не было возбуждено ни одного формального дознания, только 3 охранные переписки, а из завершённых дел было лишь 2 отправки с административным взысканием, 1 отправка в губернское совещание и 1 отправка по ст. 1035[10] [4, л. 1-2]. Кроме того, в 1913 году впервые за весь наблюдаемый период было прекращено 1 дело. Причины такого спада могут быть связаны как с общей стабилизацией обстановки в стране после революции 1905-1907 гг., так и с кадровыми перестановками в самом управлении (смена начальника).

Третий этап (1914-1916) – годы Первой мировой войны – ознаменовался резкой активизацией формальных дознаний. 1914 год был ещё переходным: возбуждено только 1 формальное дознание и 5 охранных переписок, но отправлено с административным взысканием 6 дел (пик) [4, л. 33–70]. Однако уже в 1915 г. число возбуждённых формальных дознаний подскочило до 10, а охранных переписок – до 6 [5, л. 1-2]. Пик пришёлся на 1916 год: 11 формальных дознаний (абсолютный максимум за весь период), 6 охранных переписок, 7 отправок прокурору (ст. 1035[23]) – также абсолютный рекорд [6, л. 1-2]. Основные показатели деятельности Калужского ГЖУ (1909-1916 гг.) по производству дознаний представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели деятельности Калужского губернского жандармского управления (1909-1916 гг.).

Table 1

Key Performance Indicators of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (1909-1916).

Год	Формальные дознания (возбуждено)	Охранные переписки (возбуждено)	Отправлено прокурору (ст.1035[23])	Отправлено в губ. совещание (ст.1035[25])	Отправлено с адм. взысканием	Отправлено по ст.1035[10]	Прекращено
1909	н/д	11	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1910	6	6	7	0	5	0	0
1911	3	3	2	0	6	0	0
1912	4	5	2	3	3	2	0
1913	0	3	0	1	2	1	1
1914	1	5	1	0	6	0	0

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

1915	10	6	2	2	3	3	1
1916	11	6	7	2	6	2	2
Итого	35	45	21	8	31	8	4

Примечание: за 1909 г. данные по формальным дознаниям отсутствуют, указано общее число дел по Положению 1881 г.
Note: there are no data on formal inquiries for 1909; the total number of cases under the Regulation of 1881 is indicated.

Таким образом, война привела не только к росту числа дел, но и к изменению их характера: преобладающими стали обвинения по ст. 103 (антиправительственная агитация) среди военнослужащих и мобилизованных крестьян.

Квартальные списки дел [2, лл. 33-34; 3, лл. 9-10, 17-18, 25-26; 4, лл. 9-10; 5, лл. 9-10, 17-18, 27-29; 6, лл. 9-11, 19-21, 30-32, 40-41] содержат уникальный материал для реконструкции социального облика лиц, попадавших в орбиту политического сыска. За 1911-1916 гг. в документах упоминается не менее 90 человек (точное число установить сложно из-за многократных упоминаний одних и тех же лиц в разных делах и незавершённых переписках). Анализ этих упоминаний позволяет сделать несколько обобщений.

Прежде всего, абсолютное большинство фигурантов (около 70%) принадлежало к податным сословиям – крестьянам и мещанам. Крестьяне составляли примерно половину от общего числа, мещане – около четверти. Это вполне закономерно, поскольку именно эти социальные группы были основным объектом наблюдения и репрессий со стороны жандармерии. Крестьянская среда традиционно считалась «благоприятной почвой» для революционной агитации, а мещанство – для распространения нелегальной литературы и создания кружков.

Однако в годы войны социальный состав фигурантов претерпел значительные изменения. Во-первых, резко выросла доля военнослужащих (ратников ополчения, прапорщиков, военных врачей, фельдшеров). Они составили около 11% от общего числа фигурантов. Это прямое следствие мобилизации миллионов крестьян и мещан в армию. Военная служба, с одной стороны, отрывала человека от привычной среды и снижала социальный контроль, с другой – создавала новые возможности для антиправительственной агитации (распространение листовок среди солдат, пораженческие высказывания). Дела таких военнослужащих, как Борис Гришин (ратник ополчения, 1915-1916 гг.) [5, лл. 17-18] или Гавриил Селинов (нижний чин санитарного поезда, 1915 г.) [5, лл. 27-29], типичны для этого периода.

Во-вторых, появились дела против иностранцев и «инородцев». Самым ярким примером является дело германского подданного Генриха Менде (ветеринарный фельдшер, 1915), обвинённого по ст. 103 [5, лл. 9-10]. Похожий случай – дело турецкоподданного Каша-Тума-Иоганова (1915-1916 гг.). Это отражает общий контекст войны, когда любой иностранец, особенно из враждебного государства, автоматически становился объектом подозрений в шпионаже или неблагонадёжности.

В-третьих, в 1915-1916 гг. встречаются дела против потомственных дворян и почётных граждан. Такие дела, как правило, были громкими и сложными. Например, дело потомственного почётного гражданина Василия Кулыгина (1916 г.) по ст. 103 и 129 велось несколько месяцев, жандармы безуспешно пытались допросить ключевого свидетеля, который «путешествовал» по городам (Нижний Новгород, Одесса, Псков, Москва), а его местонахождение постоянно менялось [6, лл. 19-21]. Это показывает, что жандармерия могла быть беспристрастной и к представителям привилегированных сословий, если они попадали в их поле зрения.

Наконец, следует отметить дела против представителей духовенства (протопоп Песоченский; священник Панютин, 1911 г.) [6, лл. 9-11] и учащейся молодёжи (студенты Степанов и Кружков, 1912 г.) [3, лл. 17-18]. Хотя эти группы были малочисленны, их появление в отчётности свидетельствует о широте охвата жандармского наблюдения. Социальный состав фигурантов по политическим дознаниям Калужского губернского жандармского управления (1911-1916 гг.) представлен в табл. 2.

Таблица 2

Социальный состав фигурантов по политическим дознаниям Калужского губернского жандармского управления (1911-1916 гг.).

Table 2

Social composition of the subjects of political investigations conducted by the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (1911-1916).

Социальная группа	Количество	Доля (приблизительная)
Крестьяне	45	50%
Мещане	20	22%
Военнослужащие (ратники, прапорщики, врачи, фельдшеры)	10	11%
Потомственные почётные граждане / дворяне	5	6%
Духовенство (протопоп, священник, сын дьякона)	4	4%
Инородцы и иностранцы (германские подданные, турки)	3	3%
Прочие (студенты, личные почётные граждане)	3	3%
Всего	90	100%

Следует подчеркнуть, что зона ответственности помощника начальника управления формально ограничивалась четырьмя уездами Калужской губернии – Калужским, Жиздринским, Мещовским и Мосальским. Однако анализ запросов, содержащихся в квартальных списках дел, показывает, что оперативное пространство управления было неизмеримо шире. А.А. Кравцов и его подчинённые регулярно направляли требования о производстве допросов, обысков и выяснении личностей в самые разные регионы империи.

Хронологически географический охват расширялся со временем. В 1910-1911 гг. запросы в основном ограничивались соседними губерниями: Тульской, Орловской, Московской, Рязанской, Владимирской. Например, по делу Фролова (1910 г.) запрашивали копию приговора из Севастопольского военно-морского суда и организовывали допрос свидетелей в Екатеринославской и Московской губерниях [2, лл. 33-34]. По делу Петухова (1911 г.) потребовалось направлять запрос в далёкий Томск [6, лл. 70-71].

В 1912-1913 гг. география расширилась до Сибири и Средней Азии. По делу Трофимова (1910-1914) обвиняемый был арестован в Костанае Тургайской области (север современного Казахстана), и Кравцов направлял телеграммы в Оренбургское ГЖУ [6, лл. 33-34]. По делу Фирсова и других (1913 г.) запросы ушли в Иркутское ГЖУ – это уже Восточная Сибирь [3, лл. 25-26].

В 1915-1916 гг., в годы войны, запросы покрыли практически всю европейскую часть России, Кавказ и Среднюю Азию. Дело Гришина (1915-1916) «путешествовало» за обвиняемым: запросы направлялись в Тамбовское, Тифлисское, Эриванское ГЖУ и в Александровское отделение Закавказских железных дорог [5, лл. 27-29; 6, лл. 9-11]. Дело врача Рулле (1915 г.) требовало запроса в Ташкент и Самарканд (Среднеазиатская железная дорога) [5, лл. 27-29]. Дело Шутова (1916) «задело» Нижний Новгород и Псков [6, лл. 30-32]. Дело Раяк (1916 г.) – Витебск [6, л. 19-21]. Дело Акимова (1916 г.) – Москву и Саратов [6, лл. 30-32]. (табл. 3).

Таблица 3

География запросов Калужского губернского жандармского управления (1911-1916 гг.).

Table 3

Geography of requests from the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (1911-1916).

Регион/город	Орган, в который направлялся запрос	Дело / год
Санкт-Петербург	Охранное отделение	Забавников (1912), Фирсов (1913)
Москва	Губернское ЖУ, Охранное отделение	Трофимов (1912), Акимов (1916)
Тула	Губернское ЖУ	Цопов (1912)
Рязань	Губернское ЖУ	Забавников (1912), Судаков (1913)
Владимир	Губернское ЖУ	Степанов, Кружков (1912)
Томск	Губернское ЖУ	Петухов (1911)
Иркутск	Губернское ЖУ	Фирсов и др. (1913)
Оренбург	Губернское ЖУ	Трофимов (1910–1911)
Екатеринослав	Губернское ЖУ	Фролов (1910)
Севастополь	Военно-морской суд	Фролов (1910)

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Одесса	Губернское ЖУ	Триденский (1916)
Нижний Новгород	Губернское ЖУ	Шутов (1916), Триденский (1916)
Псков	Губернское ЖУ	Триденский (1916)
Тверь	Губернское ЖУ	Морозов и др. (1916)
Витебск	Губернское ЖУ	Раяк (1916)
Уфа	Губернское ЖУ	Фишер (1915-1916), Козиандер (1916)
Волынь	Губернское ЖУ	Жомиро (1916)
Ташкент, Самарканд	Жандармские управления жел. дорог	Рулле (1915-1916)

Таким образом, из данных табл. 3 видно, что жандармское управление небольшой внутренней губернии было вписано в общеимперскую систему политического сыска. Его сотрудники могли получить поручение допросить свидетеля или обвиняемого практически в любой точке страны, от Прибалтики до Приморья, и должны были, в свою очередь, выполнять аналогичные поручения из других регионов. Это требовало хорошо отлаженной системы коммуникации (телеграф, почта) и взаимодействия между разными жандармскими подразделениями.

Одной из центральных проблем, выявленных при анализе квартальных списков дел, является чрезвычайная длительность производства многих дознаний. При том, что встречались дела, завершённые за 3-4 недели (дело Суконкина, 1910 г.) [2, лл. 17-18]; (дело Герасимова, 1913 г.) [4, лл. 9-10]; серия дел августа–сентября 1914 [4, лл. 23-24], но имелись и случаи, когда дознание растягивалось на годы.

Абсолютный «рекорд» принадлежит делу крестьян Медынского уезда Алексея Дунайского и Ивана Соболева, обвинявшихся по статьям 129, 130 и 132 Уголовного Уложения. Дело было возбуждено 19 января 1906 г., а окончено только 22 мая 1910 г. – через 4 года и 4 месяца [2, лл. 17-18]. Даже с учётом возможных приостановлений, такой срок является вопиющим нарушением процессуальных норм. «Второе место» – дело мещанина Ивана Воинова и потомственного почётного гражданина Сергея Коковкина (ст. 102 УУ), возбуждённое 10 февраля 1908 г. и оконченное 16 февраля 1912 г. – 4 года [3, лл. 9-10]. «Третье место» – дело мещанина Василия Трофимова, арестованного в Костанае, возбуждённое 3 декабря 1910 г. и оконченное 11 января 1914 г. – 3 года и 1 месяц [2, лл. 33-34].

Анализ «причин, останавливающих направление», позволяет выделить несколько типов задержек. Самый распространённый – ожидание ответов на межгубернские запросы. Например, в деле Фролова (1910 г.) требовалось получить копию приговора из Севастопольского военно-морского суда, а также организовать допросы свидетелей в Екатеринославской и Московской губерниях [2, лл. 33-34]. В деле Степанова и Кружкова (1912 г.) дважды посылали запрос во Владимирское ГЖУ (второй – с пометкой «повторение») [3, лл. 17-18]. В деле Судакова (1913) ждали сведений из Рязанского ГЖУ, отправив повторный запрос и даже телеграмму [4, лл. 9-10].

Второй тип задержек – установление местонахождения свидетелей. В военное время эта проблема обострилась, так как многие мужчины были мобилизованы и находились в действующей армии. В деле Гришина (1915-1916 гг.) обвиняемый сам был военнослужащим, и его место дислокации постоянно менялось (Смоленск, Алексин, Тифлис, Александровск, линия Закавказских железных дорог) [5, лл. 27-29; 6, лл. 9-11]. В деле Кулыгина (1916 г.) ключевой свидетель «перемещался» по городам: о нём запрашивали в Одессе, Москве, Нижнем Новгороде, Пскове – и везде отвечали, что он не обнаружен [6, лл. 19-21].

Третий тип задержек – необходимость проведения экспертиз (почерковедческая экспертиза в деле Захарова (1912 г.) [3, лл. 17-18] или запросы в военные суды (дело Фролова) [2, лл. 33-34]. Наконец, иногда задержки были связаны с банальным нерадивостью чиновников на местах (на что поступали жалобы от начальства, подтверждением чему служит соответствующий циркуляр генерал-майора В.З. Тархова от 12 июля 1916 года) [6, л. 23], требующий более оперативно выполнять поручения.

В годы войны, однако, производство дел заметно ускорилось. Большинство дел 1915-1916 гг. завершалось за 1-3 месяца. Это связано как с общей ужесточением политического курса (вплоть до военно-полевых судов), так и с тем, что многие обвиняемые были военнослужащими, подсудными военным судам, которые работали быстрее.

Первая мировая война стала переломным моментом в деятельности Калужского ГЖУ. Не только количественно, о чем говорилось выше, но и качественно изменился характер дел по дознаниям. В 1915-1916 гг. появляются дела, связанные непосредственно с войной:

- *Антивоенная агитация.* В июне 1915 г. в г. Жиздре неизвестные распространяли гектографированные листовки под заголовком «Товарищи рабочие и солдаты» с грифом «Издания РСДРП» [5, лл. 18 об. – 19]. Это дело расследовалось по линии охранной переписки, были допрошены десятки свидетелей.
- *Дела против германских подданных.* В марте 1915 г. было возбуждено дознание в отношении ветеринарного фельдшера Генриха Менде, германского подданного, обвинённого по ст. 103 [5, лл. 93-10]. Против него были собраны свидетельские показания, проведён обыск. Аналогичное дело – в отношении турецкоподданного Каша-Тума-Иоганова (1915-1916 гг.) [5, лл. 27-29].
- *Дела о пораженческих настроениях и антиправительственных высказываниях среди военнослужащих.* Серия дознаний в отношении ратников ополчения, призванных из крестьян, таких как Борис Гришин [5, лл. 27-29; 6, лл. 9-11] или Гавриил Селинов [5, лл. 27-29], проходила по ст. 103. Они обвинялись в распространении слухов, панических настроений, призывах к неповиновению.
- *Слежка за «ненадёжными» служащими на транспорте.* В мае-июне 1916 г. велась переписка в отношении группы служащих станции «Калуга»: писаря коменданта, конторщика, заведующего железнодорожной больницей и проводника вагонов [6, лл. 19-21]. Их подозревали в неблагонадёжности и связях с революционерами.

Война также привела к огромному росту объёма делопроизводства. Если в 1912 г. управление получило и отправило по 700-800 бумаг, то в 1915 г. входящих бумаг было уже 1444, а исходящих – 2030 [5, лл. 1-2]. В 1916 г. – 1608 входящих и 1701 исходящих [6, лл. 1-2]. Это свидетельствует о резком увеличении нагрузки на аппарат, связанной с потоком доносов, запросов из других ведомств и необходимостью координации с многочисленными контрагентами.

Согласно документам дела № 473, к 1 января 1917 г. у подполковника Кравцова не осталось ни одного формального дознания или охранной переписки в производстве. Квартальный список к 1 января 1917 г.: «К производству на 1917 год дознаний и переписок по Охране не осталось» [6, лл. 40-41]. Это удивительный факт: после нескольких лет интенсивной работы, с десятками дел одновременно в производстве (в июле 1916 г. остаток составлял 2 формальных и 1 охранное [6, лл. 24-25], в августе – 3 и 3 [6, лл. 26-27], в сентябре – 4 и 2 [6, лл. 28-29]), А.А. Кравцов сумел к концу года «разгрузить» портфель полностью.

В январе-феврале 1917 года, судя по помесячным ведомостям, не было возбуждено ни одного нового дела (ни формального, ни охранного) [7, лл. 3-6]. В феврале состоялась одна отправка по ст. 1035[10] (предварительное следствие), вероятно, по одному из «хвостов» предыдущего года, но новых производств не открывалось.

Таким образом, Калужское ГЖУ встретило февральские события 1917 г. в состоянии полного бездействия. Документы за март и последующие месяцы в деле отсутствуют. После революции жандармские управления по всей империи были ликвидированы, офицеры арестованы или бежали. Подполковник А.А. Кравцов, прослуживший в Калужском ГЖУ не менее восьми лет (с 1909 по 1917), исчезает из архивных документов. Эпоха политического сыска Российской империи закончилась.

Выводы

Проведённый анализ архивных ведомостей Калужского ГЖУ за 1909-1917 гг. позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

Об объёмах и динамике. За 1911-1916 гг. (полные годы) было возбуждено 35 формальных дознаний и 45 охранных переписок (подсчёт за 1910 и 1909 гг. дал бы ещё бóльшие цифры). Активность была крайне неравномерной: минимум пришёлся на 1913 г. (0 формальных), максимум – на 1915-1916 гг. (10-11 формальных), что напрямую связано с началом и ходом Первой мировой войны.

О судебной перспективе. Только 21 формальное дознание (около 60%) было направлено прокурору для предания суду. Остальные завершались административной высылкой (31 случай), направлялись в губернское совещание, либо передавались для предварительного следствия (по 8 случаев). Прекращались дела крайне редко (4 случая). Это свидетельствует о том, что жандармерия в основном не стремилась к судебному преследованию, а предпочитала более простую и быструю административную высылку.

О социальном составе. Основными «клиентами» политического сыска были крестьяне (около 50% фигурантов) и мещане (около 20%). Однако война привела к росту доли военнослужащих (11%), появлению дел против иностранцев и представителей высших сословий. Жандармерия реагировала на новые вызовы, расширяя круг наблюдения.

О географии. Работа управления выходила далеко за пределы Калужской губернии. Запросы направлялись в десятки регионов от Прибалтики до Сибири и Средней Азии. Калужское ГЖУ было частью общеимперской сети политического сыска.

О процессуальных проблемах. Имели место случаи экстремально долгого производства (до 4,5 лет). Основными причинами задержек были межгубернская и межведомственная переписка, а также сложности с установлением местонахождения свидетелей. В военные годы производство ускорилось, и дела стали завершаться за 1-3 месяца.

К началу 1917 г. у Калужского ГЖУ не осталось ни одного дела в производстве. Февральская революция смела старую систему, и жандармские ведомости обрываются на феврале 1917 года.

Таким образом, введение в научный оборот материалов Калужского ГЖУ восполняет лакуну в изучении регионального уровня политической полиции Российской империи. Исследованные документы позволяют увидеть, как работало провинциальное звено жандармского аппарата, с какими проблемами сталкивалось, как менялись его приоритеты под влиянием внешних обстоятельств (война, революция). Полученные данные могут служить основой для сравнительного анализа с другими губерниями и для дальнейшего изучения истории политического сыска в России.

Список источников

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 1058. «Ведомость о деятельности чинов помощника начальника Калужского губернского жандармского управления в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах 4.01.1913 – 28.01.1914 гг.». 457 л.

2. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 301. «Статистические сведения о производстве дознаний по делам политического характера. 22.01.1910 – 4.01.1911 гг.». 78 л.

3. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 337. «Статистические сведения о производстве дознаний по делам политического характера. 16.01.1913 – 2.01.1914 гг.». 70 л.

4. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 367. «Ведомости о деятельности чинов и делам, находящихся в производстве. 20.01.1914 – 2.01.1915 гг.». 90 л.

5. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 413. «Статистические сведения о производстве дознаний по делам политического характера. 28.02.1915 – 4.01.1916 гг.». 45 л.

6. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 469. «Ведомости произведённых расследований по уездам Калужской губернии. 20.01.1916 – 4.01.1917 гг.». 47 л.

7. ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 473. «Статистические сведения о производстве дознаний по делам политического характера. 20.01. – 28.02.1917 г.». 6 л.

8. Матвеев А.В. Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 149 – 154.

9. Резанов А.Д. Политический сыск Российской империи, 1827-1917 гг.: к историографии проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2023. № 1 (49). С. 23 – 37.

10. Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913-1917 гг. М.: Изд-во института Гайдара, 2020. 648 с.

11. Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880-1905. СПб.: Алетейя, 2021. 358 с.

12. Урушадзе Амиран. Департамент полиции, жандармы, либералы: особенности политического и публичного в российской империи // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. №1. С. 298 – 307.

References

1. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). F. 784. Op. 1. D. 1058. "Report on the activities of the ranks of the assistant to the chief of the Kaluga Provincial Gendarme Directorate in the Kaluga, Zhizdrinsky, Meshchovsky, and Mosalsky districts from January 4, 1913 to January 28, 1914." 457 p.

2. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 301. "Statistical information on the conduct of inquiries in political cases. January 22, 1910 to January 4, 1911." 78 p.

3. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 337. "Statistical information on the conduct of inquiries in cases of a political nature. January 16, 1913 – January 2, 1914". 70 p.

4. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 367. "Information on the activities of officials and cases in progress. January 20, 1914 – January 2, 1915". 90 p.

5. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 413. "Statistical information on the conduct of inquiries in cases of a political nature. February 28, 1915 – January 4, 1916". 45 p.

6. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 469. "Reports of Investigations Conducted in the Districts of Kaluga Province. January 20, 1916 – January 4, 1917." 47 p.

7. GAKO. F. 1328. Op. 1. D. 473. "Statistical Information on the Conduct of Investigations in Political Cases. January 20 – February 28, 1917." 6 p.

8. Matveyev A.V. "Staffing Features of the Surveillance Service in the Units of the Separate Gendarme Corps of the Russian Empire". Society and Law. 2020. No. 2 (72). P. 149 – 154.

9. Rezanov A.D. Political Investigation of the Russian Empire, 1827-1917: Toward a Historiography of the Problem. Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2023. No. 1 (49). P. 23 – 37.

10. Khutarev-Garnishevsky V.V. Confrontation. Intelligence Services, Army, and Power on the Eve of the Fall of the Russian Empire, 1913-1917. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. 648 p.

11. Ulyanova L.V. Political Police and the Liberal Movement in the Russian Empire: The Power of the Game, the Game of Power. 1880-1905. St. Petersburg: Aleteya, 2021. 358 p.

12. Urushadze Amiran. Police Department, Gendarmes, Liberals: Features of the Political and Public in the Russian Empire. Sociological Review. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 298 – 307.

Информация об авторах

Власов А.Е., старший преподаватель, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Власов А.Е., Штепа А.В., 2026